Р. Силверберг

Валентайн Понтифик

Валентайн Понтифик. Том 2

Роберт Силверберг

Аннотация
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА. 13/2. Р. Силверберг. Валентайн. Понтифик
ХРОНИКА МАДЖИПУРЫ. (Продолжение)
ПЯТЬ. Пустыня украденных снов
ШЕСТЬ. Художник и Меняющий Форму
СЕМЬ. Преступление и наказание
ВОСЕМЬ. Среди толкователей снов
ДЕВЯТЬ. Воровка В Ни-Мое
ДЕСЯТЬ. Вориакс и Валентайн
ОДИННАДЦАТЬ
ВАЛЕНТАЙН ПОНТИФИК
Коронованный
Книга водяных королей
Расколотое небо
Понтифик
Примирение

Аннотация

Выпуск 13/2. Завершающая часть второго и третий роман цикла о Лорде Валентайне.

Роман «Валентайн Понтифик» продолжает повествование о жизни лорда Валентайна, обретшего вновь трон и память. Но на него обрушились еще более тяжкие испытания. Некогда мирная процветающая планета Маджипура, Властелином которой он является, ввергнута в хаос, ей грозит голод. Как Маджипура вновь обрела покой и мир, чем закончились все испытания Валентайна, вы узнаете, прочитав роман.

Оглавление:

• Роберт Силверберг. Хроники Маджипура (завершение) (роман), стр. 3-135

• Роберт Силверберг. Понтифекс Валентин (роман), стр. 136-430

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА
13/2
Р. Силверберг
Валентайн
Понтифик

ХРОНИКА МАДЖИПУРЫ
(Продолжение)

ПЯТЬ
Пустыня украденных снов

Любое плавание кончается, даже бесконечное. Жаркий ветер с юга усиливался день ото дня, пока палуба не раскалилась до такой степени, что по ней невозможно стало пройтись босиком, и скандары чуть ли не ежечасно терли ее швабрами и поливали морской водой. А потом вдруг пышущая жаром масса затемнила горизонт и распалась на береговую линию и пасть гавани… Они, наконец, добрались до Толигая.

Сувраель лежал в тропиках. Большая его внутренняя часть — пустыня, угнетающая колоссальной тяжестью сухого мертвого воздуха, опаленная бешеными циклонами. Но периферия континента более-менее населена, пять основных городов находятся на побережье, из них самый большой — Толигай — главное звено в торговле с остальной Маджипурой.

Когда судно входило в широкую гавань, Деккерета поразила необычность окружающего. За свою недолгую жизнь он видел множество огромных городов: десяток из пятидесяти на склонах Горы, взметнувшийся, подверженный ветрам

Алэйсор, изумляющую белыми стенами Ни-мою, пышный Пилиплок и многие, многие другие, но никогда он не встречал города столь голубого, таинственного, отталкивающего.

Толигай крабом цеплялся к низкому горному гребню вдоль моря. Здания плоские и квадратные, из обожженного солнцем оранжевого кирпича, с простыми щелями вместо окон и редкими деревцами вокруг, среди которых преобладали жутковатого вида пальмы с голыми стволами и крошечными кронами высоко над головой.

Сейчас, в полдень, улицы почти пусты. Морской ветер разбивал водяные брызги и песок о потрескавшиеся камни мостовой. Деккерету Толигай показался чем-то вроде открытой тюрьмы, грубой и безобразной, или, возможно, поселением вне времени, принадлежащим некоему доисторическому народу авторитарной расы. Почему избрали столь удручающее место? Ответ, несомненно, заключался в обычной выгоде; и все-таки, невзирая на отталкивающую архитектуру, город, наверное, можно было назвать вызовом жаре и засухе.

По наивности Деккерет считал, что сможет сразу сойти на берег, но оказалось не так-то просто.

Судно стояло на якоре больше часа в ожидании портовых чиновников — трех мрачных хьертов, которые должны были прибыть на борт. Затем последовали долгий санитарный осмотр, проверка грузовой декларации и бесконечное препирательство по поводу оплаты стоянки в доке; и, наконец, пассажир сошел на берег.

Носильщик-чаурог подхватил багаж Деккерета и осведомился о названии гостиницы. Деккерет объяснил, что нигде не заказывал места и поинтересовался, где можно остановиться.

Змееподобное существо с высовывающимся языком и черными мясистыми волосами, извивающимися, как клубок змей, ответило холодно-насмешливым взглядом.

— Все зависит от платы. Деньги у вас есть?

— Немного. Могу предложить три кроны за ночлег.

— Маловато. На это купишь только соломенный тюфяк да паразитов на стенах.

— Как раз по мне,— кивнул Деккерет.

Чаурог, казалось, оторопел, насколько мог выглядеть оторопевшим чаурог.

— Вам не понравится, господин. Я же вижу, что вы господин.

— Возможно, но у меня тощий кошелек, так что

рискну поспать с клопами.

В действительности гостиница оказалась не столь скверной, как он опасался; древняя, убогая, грязная и унылая — да, но таким же было все вокруг, а отведенная комната показалась Деккерету чуть ли не дворцом после корабельной каморки, к тому же в ней не было вони от туш морских драконов — только резкий сухой привкус воздуха Суврaеля, похожий на затхлость давно опорожненной фляги из-под вина. Деккерет дал чаурогу полкроны, за что не получил обычной благодарности, и распаковал свои нехитрые пожитки.

День клонился к вечеру, когда он вышел из гостиницы.

Одуряющий зной почти не спал, но хлесткий ветер дул уже не столь яростно, на улицах было больше народу. И все тот же мрачный город. Подходящее место для искупления. Он чувствовал отвращение к пустым, без украшений, фасадам кирпичных зданий, с ненавистью глядел на окружающее и скучал по мягкой свежести родного Норморка, раскинувшегося на нижнем склоне Замка Горы.

Почему, удивлялся, кто-то решил поселиться именно здесь, когда столько более приятных мест на континенте? Что за очерствение души

заставляет несколько миллионов маджипурцев бичевать себя ежедневной суровостью жизни в Суврaеле?

Представительство Первосвященного располагалось на огромной пустой площади, выходящей к гавани. Полученные указания призывали Деккерета побывать там и, несмотря на поздний уже час, он нашел представительство открытым: как оказалось, жители Толигая пережидали день в домах, избегая жары и перенеся все дела на поздний вечер.

Пришлось немного обождать в передней, украшенной большими белыми портретами царствующих Властителей: Понтифика Конфалума, нарисованного в фас, взирающего великодушно, но подавляющего своим величием, и молодого Венценосца Властителя Престимиона — в профиль,— в чьих глазах светились ум и энергия. Маджипура расцвела под его правлением, подумал Деккерет. Еще мальчишкой он видел Конфалума, тогда Венценосца, чей двор находился в красивейшем городе Бомбифэйле на вершине Горы. Деккерет помнил, как ему хотелось кричать от радости при виде спокойного, излучающего силу Венценосца. Несколько лет спустя Конфалум стал Понтификом и переселился

в подземные тайники Лабиринта, а Престимион был избран Венценосцем. Он совершенно не похож на прежнего Властителя: в равной степени внушительный, он отличался более стремительной, энергичной силой. Во время грандиозного шествия по Пятидесяти Городам Горы он углядел в Норморке юного Деккерета, приблизил к себе. В той поездке к нему присоединилось много рыцарей, обучавшихся в Верхних Городах. Прекрасными, значительными казались Деккерету великие перемены в его жизни, наступившие с той поры. В восемнадцать лет юноше выпал фантастический шанс за один день подняться к трону Венценосца; а затем… затем был и несчастный отдых в горах Зимроеля, и теперь, когда ему едва исполнилось двадцать, нервничал в пыльном вестибюле представительства Первосвященного в скучном городе мрачного Суврaеля, и было такое ощущение, что у него вообще нет будущего, только череда бессмысленно прожитых лет.

Невысокий и пухлый, раздраженный хьерт появился в дверях и объявил:

— Старший управляющий Колатор Ласгия примет вас.

Титул был звучный, владельцем его оказалась стройная темнокожая женщина не старше Дек-

керета, она внимательно оглядела посетителя большими ласковыми глазами. Небрежно совершила знак Первосвященности, отвечая на приветствие, и приняла верительные грамоты.

— Инитэйт Деккерет,— прочитала вслух. — Поручено расследовать и навести справки… подразумевает… провинция Кантора… так. Я не понимаю, Инитэйт Деккерет, вы в службе Венценосца или Понтифика?

— Я в службе Властителя Престимиона, в самой низшей ступени; но когда я был в Канторской провинции, у Службы Первосвященного возникла нужда в человеке для расследования кое-чего в Суврaеле, местные официалы узнали, что я все равно собираюсь сюда, и сделали мне предложение, хоть я и не отношусь к службе Понтифика…

С легким шлепком бросив бумаги Деккерета на крышку стола, Колатор Ласгия перебила его путаные объяснения вопросом:

— Вы все равно собирались сюда? Могу я узнать, зачем?

Деккерет вспыхнул:

— Это мое личное дело, если позволите.

— А какие дела,— продолжала она,— вызвали к Суврaелю столь вынужденный интерес моих братьев Первосвященности из Кантора, или мое

любопытство и в данном случае неуместно?

Деккерет почувствовал себя неуютно.

— Это связано с дисбалансом в торговле,— ответил он, с трудом выдерживая ее пронзительный взгляд. — Кантор является производственным центром и поставляет свою продукцию в Суврaель в обмен на скот; последние два года поставки блейсов и маунтов из Суврaеля неуклонно снижались, и сейчас экономику Кантора трясет. Производственникам трудно оказывать Суврaелю такой большой кредит.

— Для нас это не ново.

— Намерен осмотреть здешние пастбища, — сказал Деккерет.— Необходимо также сделать всё возможное, чтобы поставки скота увеличились как можно скорее.

— Хотите вина?— внезапно предложила Колатор Ласгия.

Деккерет по традиции считался с гостеприимством; пока он что-то невнятно бормотал, женщина достала две фляжки золотистого вина, ловко сорвала, пробки и протянула одну Деккерету. Вино было холодным и ароматным.

— Вино из Кантора,— заметила женщина.— А насчет дисбаланса в торговле Суврaеля, Инитэйт, ответ в том, что в последний год Понтифика При-

никипина Сувраель поразила страшная засуха. Спросите, какая разница между засушливым годом и обычным? Но разница есть, Инитэйт, и значительная — от засухи пострадали округа, где выращивают скот, так что у нас не было возможности его прокормить, и пришлось забить столько, сколько смог принять рынок, а большую часть оставшегося продать фермерам в восточном Зимроеле. Немного времени спустя — как раз, когда Властитель Конфалум перебрался в Лабиринт — снова пошли дожди, и в саваннах начали расти травы, но на восстановление поголовья потребуется несколько лет. Потому-то торговый дисбаланс и продолжался так долго, но теперь, смею вас уверить, все входит в норму.— Она холодно улыбнулась.— Что ж, я рада, что могу уберечь вас от неудобств неинтересной поездки во внутренние округа.

Деккерет почувствовал, что весь покрылся потом.

— Как бы там ни было, Старший управляющий, я обязан побывать на пастбищах.

— Вы не узнаете ничего больше того, что я вам сейчас сказала.

— Я бы не хотел показаться непочтительным, но в моем поручении особо подчеркнуто: лично

проверить все.

— Поездка на пастбища,— заметила Колатор Ласгия,— доставит много хлопот, не говоря уже о физических неудобствах и опасностях. На вашем месте я осталась бы в Толигае, пользовалась удовольствиями, которые тут имеются, и занималась личными делами, что привели вас на Сувраель, а по прошествии времени проконсультировалась бы в нашем представительстве и написала отчет об инспекции, после чего вернулась в Кантор.

В голове Деккерета мгновенно расцвели подозрения. Филиал представительства, в котором служила Колатор Ласгия, не всегда сотрудничал со службой Венценосца; к тому же она довольно прозрачно намекнула на что-то, происходящее в Сувраеле. И хотя поручение было всего лишь предлогом для поездки Деккерета, он все-таки хотел в дальнейшем продвигаться по службе, а если позволить Старшему управляющему Понтифика легко себя надуть, это могло испортить ему репутацию. Теперь он пожалел, что согласился испить вина, но, скрывая смущение, сделал несколько учтивых глотков и сказал:

— Честь не позволяет мне воспользоваться вашим советом.

— Сколько вам лет, Инитэйт?

— Я родился на двадцатый год царствования Властителя Конфалума.

— Тогда понятно, что ваше чувство чести все еще обострено. Пойдемте, взгляните на карты.— Она резко встала и оказалась выше, чем он ожидал, почти его роста. Черные и густые завитки волос источали тонкий аромат, пробивавшийся даже сквозь сильный запах вина. Коснулась стены, и карта Суврaеля в бриллиантовой оправе появилась перед глазами.

— Вот Толигай,— она постучала по северо-западному углу континента.— Выпас скота здесь.— Указала на ленту, которая начиналась в шести-семи милях от берега и грубым кольцом огибала пустыню в сердце Суврaеля.— Из Толигая к пастбищам ведут три дороги. Вот одна из них. В данное время разрушена песчаными бурями и безопасно двигаться по ней невозможно. Вот это — вторая. Здесь у нас кое-какие затруднения с Меняющими Форму бандитами, и она так же закрыта для путников. Третья здесь, у Кавагского Прохода, но этой дорогой не пользуются давно, и рука пустыни начинает вторгаться сюда, Ну вот, теперь вы видите сами.

Деккерет произнес как можно мягче:

— Но если все дороги между выпасами и основ-

ным портом Суврaеля разрушены, действительно ли недостаток пастбищ — подлинная причина прекращения поставок скота?

Женщина засмеялась:

— Есть ведь и другие порты, откуда корабли вывозят продукцию в подобных ситуациях.

— Следовательно, если я попаду в такой порт, то оттуда смогу добраться до пастбищ?

Она вновь постучала по карте.

— В прошлом году центром экспорта скота стал порт Нати-Корвин. Но он расположен на востоке, Альханроельское побережье, в шести тысячах миль отсюда.

— Шесть тысяч…

— И торговых связей между Нати-Корвином и Толигаем почти нет. В среднем раз в год корабль ходит из одного города в другой. А с наземными путями дела обстоят еще хуже, чем с дорогами до выпасов: от Толигая пришлось бы добираться до Кэгиза,— она показала городок, отстоящий от Толигая на пару тысяч миль,— а дальше кто знает? Континент наш негусто заселен.

— Получается, что возможности добраться до Нати-Корвина нет? — заключил Деккерет с удивлением.

— Почему же? Одна есть. Нужно лишь сесть на

корабль до Стойона в Альханроеле, а уж оттуда плыть до Нати-Корвина. Это займет не больше года. К тому времени, когда вы снова доберетесь до Суврaеля, неувязки, которые вы прибыли расследовать, скорее всего прекратятся. Еще вина, Инитэйт?

Он с трудом заставил себя взять фляжку. Услышанное поразило его. Еще один страшный вояж через Внутреннее Море?! Вновь проделать все это? Весь этот обратный путь до родного Альханроеля только за тем, чтобы в третий раз перебраться через воду уже к противоположной оконечности Суврaеля, и после, возможно, узнать, что дороги в глубь страны тем временем и там закрылись… нет, нет! Искупление не заходило так далеко. Лучше уж вообще не заниматься этим делом, чем подвергать себя такой нелепости.

Пока он колебался, Колатор Ласгия сказала:

— Час поздний, а ваши дела необходимо подробно обсудить. Отобедайте со мной, Инитэйт?

И ее поразительно темные глаза внезапно заблестели.

В компании Старшего управляющего Колатор Ласгии Деккерет открыл, что жизнь в Толигае не так уж мрачна и уныла, как показалось ему на первый взгляд. Она на флотере отлезла его в

гостиницу — он заметил ее отвращение к этому «отелю»— и предложила отдохнуть, выкупаться и быть готовым через час.

Сгущались медные сумерки, и за какой-то час небо стало совершенно черным, разрываемое лишь изредка немногочисленными чужими созвездиями да светлым полумесяцем у нижнего края горизонта — слабым намеком на одну из лун.

Колатор Ласгия заехала за ним в точно назначенное время.

Взамен официальной туники она надела нечто вроде прицепленной к плечам сети и выглядела очень соблазнительно.

Деккерет немного удивился: он пользовался успехом у женщин, но, насколько помнил, ничем не дал понять, будто интересуется ею — ничего, кроме обычного уважения,— и тем не менее, ее одежда явно предполагала ночную близость. Почему? Очевидно, не из-за его неотразимых умственных и физических данных, да и никаких политических выгод не могла она от него получить. Оставалось одно — здесь мрачный к скучный аванпост на чужом континенте, жизнь местных обитателей уныла и мрачна, а он был молодым путешественником, который мог своей

юностью развлечь молодую женщину. Он понимал, что его используют, но не находил в этом ничего дурного. После стольких месяцев, проведенных в море, он и сам был непрочь отведать удовольствия.

Они обедали в саду какого-то частного ресторана на окраине города, красиво и столь обильно украшенном знаменитыми живыми растениями Стейензара и прочими цветущими чудесами, что Деккерет невольно начал прикидывать, какая часть скромных водных запасов Толигая используется для поддержания этой струи расцвета. За остальными, довольно удаленными друг от друга столиками сидели суврaельцы в красивых нарядах, и Колатор Ласгия кивала то одному, то другому, но к ним никто не подошел, хотя многие с любопытством разглядывали

Деккерета. Здесь же стояло небольшое одноэтажное здание, изнутри которого тянул освежающий ветерок, словно там работала некая удивительная и непонятная машина древних, сестра тех, что создавали восхитительную атмосферу Замка Горы.

Деккерет наслаждался прохладой впервые за много недель. Превосходный обед состоял из чуть ферментированных фруктов и нежных, сочных

спинок бледно-зеленых рыб с отличным сухим вином из Амблеморна, способным украсить стол и в покоях Венценосца.

Женщина много и непринужденно пила, и Деккерет следовал ее примеру. Глаза их оживились, заблестели, холодность официального разговора, сковывавшая в представительстве, исчезла. Он узнал, что Колатор Ласгия уже десять лет возглавляет здешнее отделение, а сама она уроженка влажного и буйного Нарабала на западном континенте, что в службу Понтифика вступила еще девочкой.

— Вам здесь нравится?— спросил Деккерет.

Она пожала плечами:

— Привыкла. Можно привыкнуть ко всему.

— Сомневаюсь, чтобы я смог. Для меня Сувраель просто мучительное место, нечто вроде чистилища.

Колатор Ласгия кивнула:

— Точно.

Глаза ее на мгновение вспыхнули. Деккерет не решился спросить, но что-то подсказывало ему, что у них много общего. Он вновь наполнил чаши и позволил себе дразняще-холодную понимающую улыбку.

— Вы ищете здесь очищения?— спросила она.

— Да.

Колатор Ласгия обвела рукой щедрый сад, фляжки с вином, блюда с недоеденными деликатесами.

— Не скажу, что выбор удачен.

— Обед с вами не входил в мои планы.

— В мои тоже, но по провидению Дивине все вышло так, а не иначе.— Она наклонилась поближе.— Что вы будете делать? Отправитесь в Нати-Корвин?

— Не знаю. Честно говоря, меня не прельщает столь тяжелая поездка.

— Тогда послушайтесь моего совета: останьтесь до поры до времени в Толигае, а после напишите отчет. По-моему, это самое разумное.

— Нет. Я должен ехать.

На ее губах заиграла усмешка.

— Какое трудолюбие! Только как это сделать? Дороги закрыты.

— Вы упоминали о Кавагском Проходе. По-моему, это лучше, чем бандиты и песчаные бури. Попробую нанять караван, вернее, проводника.

— В пустыню?

— Если придется.

— Что ж, пустыню посещают довольно часто,— усмехнулась Колатор Ласгия.— Только лучше

выбросьте эту затею из головы.

— Спасибо, но нет.

— Хорошо. Мы пойдем куда-нибудь?

Выходя из прохладного сада на душную улицу, Деккерет ощутил что-то вроде шока — настолько резким оказался контраст между жарой и прохладой.

Но быстро усевшись во флотер, они скоро очутились в другом саду. Здесь не было погодной установки, но был бассейн, и, сбросив одежду, женщина устремилась в его прохладу.

Потом они лежали в объятиях на постели травы, и он падал куда-то в глубину, а когда снова выбрался наружу, солнце уже висело в небе.

Он повернулся к женщине и, вспомнив ее вчерашние слова, спросил:

— Расскажи мне об этой посещаемой пустыне. Там что являются духи?

— Не смейся.

— Хорошо. Но все-таки?

— Там в сны вторгаются призраки и похищают их. Похищают душу радости, оставляя только страх. Днем они поют, завлекая, и уводят с пути своей музыкой.

— И в это верят?

— За столько лет многие, кто вошел в пустыню,

погибли.

— Хм… Крадущие сны призраки!

— Не смейся, повторила она.

— Будет о чем рассказать, когда вернусь в Замок Горы.

— Если вернешься.

— Но ты же говоришь, погибают не все?

— Да. Но только когда идут большие караваны.

— Ну, я-то пойду один.

— Ты погибнешь. — Она прижалась к нему, поцеловала в плечо. — Забудь о пустыне. Останься здесь.

— Нет.

Деккерету не верилось в рассказы о призраках. Он уже принял решение.

Бедра Колатор Ласгии прижались к его бедрам, и он забыл обо всем.

Потом они наскоро окунулись в бассейн, и она повезла его в свой дом, где угостила завтраком из фруктов и вяленой рыбы.

Внезапно, когда время уже близилось к полудню, она спросила:

— Ты должен ехать? Но почему?

— Я не могу объяснить, но это нужно мне самому.

— Хорошо. В Толигае есть один негодяй, ко-

торый частенько рискует забираться в глубь Кавагского Прохода и остается в живых. То есть это он так заявляет, что углубляется в пустыню… Если набить его карманы роалами, он несомненно согласится стать проводником. Его зовут Баржазид, и если не передумаешь, я свяжусь с ним и попрошу помочь.

«Негодяй» подходило к Баржазиду в самый раз. Тщедушный коротышка в старом коричневом плаще, оборванной одежде и поношенных кожаных сандалиях. На шее болталось старинное, неудачно подобранное ожерелье из костей морского дракона. Губы тонкие, в глазах лихорадочный блеск, под солнцем пустыни кожа загорела до черноты. На Деккерета он смотрел с таким видом, будто прикидывал размер его кошелька.

— Если я соглашусь взять вас с собой, — проговорил он абсолютно невыразительным голосом, — то первым делом вы дадите мне обязательство, освобождающее меня от всякой ответственности перед вашими наследниками, даже за вашу гибель.

— У меня нет наследников, — заметил Деккерет.

— Значит перед родственниками. Я не желаю,

чтобы меня тянули к ответу служба Понтифика, ваш отец или старшая сестра только потому, что вы сгинули в пустыне.

— Разве сами вы сгинули в пустыне?

Баржазид, казалось, был сбит с толку.

— Нелепый вопрос.

— Вы несколько раз ходили в пустыню,— упорствовал Деккерет, — и возвращались живым. Так? Стало быть, если вы знаете свое дело, то выберетесь живым и на этот раз. Так же и я: если я погибну, вы погибнете тоже, и у моей семьи претензий к вам не возникнет.

— Да, но я могу противостоять похитителям снов, — сказал Баржазид.— Все это я уже проверил и испытал. Вам же необходимо осознать, с чем придется столкнуться.

Деккерет нанимал на службу Баржазида, попивая круто заваренный напиток из какого-то сильнодействующего кустарника барханов. Они сидели на корточках на выдубленных шкурах чаусов в заплесневелой задней комнатушке лавки, принадлежащей племяннику Баржазида. Очевидно, семья — или клан Баржазидов — велика. Деккерет машинально отхлебывал напиток крошечными глотками. Чуть погодя он сказал:

— А кто они — похитители снов?

— Не могу сказать.

— Случаем, не Меняющие Форму?

Баржазид пожал плечами.

— Они не лезли ко мне со своей родословной. Меняющие Форму, чауроги, уруны, люди — откуда я знаю? Очень похоже на голоса во сне. Да, в пустыне определенно есть племена Меняющих Форму, которые живут свободно и кое-кто из этого рассерженного народа наверняка таит злые умыслы, и вполне возможно, что они владеют искусством проникновения в сознание…Ну, вроде как изменяют свои тела. А может быть и нет…

— Хм, если две из трех дорог Толигая перекрыли Меняющие Форму, то у войск Венценосца здесь есть работа.

— Это не мое дело.

— Меняющие Форму — племя покоренных, и нельзя позволить им нарушать ежедневную нормальную жизнь Маджипуры.

— Но вы только предполагаете, что похитители снов — Меняющие Форму, — кисло заметил Баржазид.— Сам я в этом далеко не уверен. Да мне и не важно, кто такие похитители снов. Важно лишь то, что благодаря им земля за Кавагским Проходом опасна для путников.

— Тогда почему вы идете?

— Вряд ли я когда-нибудь сумею ответить на такой вопрос,— пробормотал Баржазид.— Иду потому, что есть причины. Но я не похож на других и вернусь живым.

— А кто-нибудь еще сумел выйти из пустыни живым?

— Сомневаюсь. Вернее, не знаю. Как сомневаюсь и в том, сколько погибло с тех пор, как впервые услышали о похитителях снов. Даже в лучшие времена пустыня была опасна.— Баржазид помешал напиток.— Раз вы идете со мной, я защищу вас, как сумею. Но гарантировать вашу безопасность я не могу. Вот почему я прошу вас дать мне законную подписку освобождения от ответственности.

— Если я оформлю такую бумагу, она будет чем-то вроде разрешения на мою смерть. Что тогда помешает прикончить меня через десять минут после выхода из города, ограбить мой труп и свалить все на похитителей снов?

— Клянусь Властительницей, я не убийца! Я даже не вор!

— Вполне возможно, но бумагой, гласящей что в моей гибели нельзя никого винить, можно искусить и совершенно честного человека и заставить его перешагнуть через все моральные

препоны.

Глаза Баржазида вспыхнули от ярости. Он сделал такой жест, словно намеревался оборвать разговор.

— Эта дерзость переходит уже всякие границы,— буркнул он, вставая и отодвигая чашку. — Ищите себе другого проводника, коли так боитесь меня.

Деккерет, продолжая сидеть, спокойно ответил:

— Сожалею о своих предположениях и прошу видеть в моей позиции только точку зрения путешественника в дальней и совершенно чужой стране, который настойчиво ищет помощи от абсолютно незнакомого человека, имеющего возможность проводить в места, где происходят непостижимые вещи. Приходится быть осторожным.

— Если сильно осторожничаешь, лучше нанять корабль до Стойона и вернуться к легкой жизни Замка Горы.

— Я снова прошу вас быть моим проводником. За хорошую плату, но без этого дурацкого похоронного свидетельства. Во сколько вы оцениваете свои услуги?

— Тридцать роалов, — осклабился Баржазид.

Деккерет громко хмыкнул, словно получил удар под дых. Цена оказалась чуть меньше стоимости проезда от Пилиплока до Толигая. Тридцать роалов — годовой заработок для таких как Баржазид. Чтобы расплатиться, Деккерету потребуется подписать долговое обязательство. Первым его порывом было отказаться с рыцарским презрением и предложить десять роалов, но он тут же понял, что тогда лишится преимущества в торговле за расписку, освобождающую проводника от всякой ответственности. Если же начать скаредничать насчет цены, Баржазид просто закончит разговор. И он немедленно произнес:

— Так и быть. Но без письменного обязательства.

— Хорошо, без обязательства, раз вы настаиваете.

— Как будем расплачиваться?

— Половину сейчас, половину утром во время отъезда.

— Десять роалов сейчас,— бросил Деккерет, — и десять при отъезде. Последние десять по возвращении в Толигай.

— Тогда треть моего заработка будет только условной, раз станет зависеть от того, выживете

ли вы в поездке. Помните, что я не могу вам этого гарантировать.

— Что ж, возможно, мое выживание будет более вероятным, если я придержу треть платы до конца поездки.

— Да, от рыцаря Венценосца стоило ожидать надменности. Мы почему-то слишком доверяем друг другу. Вряд ли совместное путешествие доставит нам удовольствие.

— Я не имел в виду ничего непочтительного, — заметил Деккерет.

— Зато вы хотите оставить меня, на милость вашей семьи, если вы погибнете, а сами смотрите на меня, как на обычного головореза, или, в лучшем случае, как на разбойника, и прямо ощущаете потребность расплачиваться так, чтобы у меня возникло как можно меньше соблазнов вас прикончить! — выпалил со злобой Баржазид.— К тому же, пусть ваша надменность и зависит от возраста, юный рыцарь, даже скандары, охотники на морских драконов, по-моему, гораздо вежливее. А ведь я вовсе не стремлюсь наниматься к вам на службу и не собираюсь унижаться помогая вам, и…

— Подождите.

— У меня есть еще дела.

— Пятнадцать роалов сейчас, — предложил Деккерет,— и пятнадцать, когда выступим.

— Вы действительно думаете, что я убью вас в пустыне?

— Я излишне подозрителен только потому, что не хочу показаться слишком наивным,— усмехнулся Деккерет, — разумеется, все сказанное мною нетактично. Приношу свои извинения и прошу вас поступить ко мне на службу.

Баржазид молчал.

Деккерет вытащил из кошелька три пятироаловые монеты. Две были старой чеканки с портретами Понтифика Принкипина и Властителя Конфалума. На третьей, блестящей и новенькой, были выгравированы профили Конфалума, теперь уже Понтифика, и нового Венценосца Властителя Престимиона на обратной стороне. Деккерет протянул деньги Баржазиду. Тот выбрал блестящую монету и с огромным любопытством осмотрел ее.

— Таких я еще не видел,— произнес он.— Звать племянника, чтобы он определил, настоящая она или нет?

Это было слишком.

— Вы считаете меня заезжим фальшивомонетчиком!— взревел Деккерет, вскакивая на ноги и

нависая над тщедушным человечком. Ярость клокотала в нем, он шагнул вперед и замахнулся.

И только тут до него дошло, что лицо Баржазида осталось совершенно спокойным и бесстрастным. Он улыбнулся и взял две оставшиеся монеты из трясущейся от гнева руки Деккерета.

— Выходит, вам тоже не по нутру беспочвенные обвинения, юный рыцарь?— засмеялся Баржазид.— Итак, договорились. Вы больше не ждете, что я убью вас за Кавагским Проходом, а я не буду отправлять ваши деньги на проверку.

Деккерет устало кивнул.

— Но как бы там ни было, путешествие действительно рискованное,— продолжал Баржазид,— и уповать на безопасное возвращение не стоит.

— Пусть так. Когда выезжаем?

— На закате Пятого дня. Из города выйдем через Врата Пинитева. Вы знаете, где это?

— Найду,— кивнул Деккерет.— Значит, Пятый день, на закате.— И он протянул коротышке руку.

Пятый день наступал через три дня. Деккерет не жалел о задержке — она дарила ему четыре ночи с Колатор Ласгией, вернее, так он думал, но вышло по-иному. В представительстве, куда зашел Деккерет после разговора с Баржазидом,

не оказалось ни ее, ни записки, и долго еще он, расстроенный, бродил по городу после прихода ночи. В конце концов вернулся к себе, перекусил пресной и абсолютно безвкусной едой в гостинице, все еще надеясь, что Колатор Ласгия вдруг чудом возникнет в дверях и унесет его отсюда. Но она не появилась. Спал неспокойно и тяжело, сознание преследовали воспоминания о ее гладкой коже, небольших твердых грудях, жадных чувствительных губах. На рассвете пришел сон, неясный и непонятный, в котором она, Баржазид и какие-то хьерты с урунами исполняли сложный танец в непокрытых крышей, занесенных песком каменных развалинах, а затем он погрузился в здоровый сон и проспал до полудня, до Дня Моря, когда весь город уже укрылся от палящего зноя.

Позднее, в более прохладные часы, он вновь прогулялся до представительства и, снова не найдя ее, скоротал вечер так же бесцельно, как и предыдущий. Ложась спать, он возбужденно просил Властительницу Острова Снов послать ему образ Колатор Ласгии. Но Властительница далека от подобных вещей, и в эту ночь он получил только обычный успокаивающий и ободряющий сон — возможно, дар благословенной Властительницы, а возможно, и нет, — в котором он

пребывал под соломенной крышей хижины на берегу Великого Моря под Тил-омоном и откусывал маленькие кусочки от сладкого багряного фрукта, а брызжущая струя сока окрашивала его щеки.

А когда проснулся, то нашел поджидавшего за дверью хьерта из службы представительства, пригласившего его навестить Колатор Ласгию.

Вечером они пообедали вместе и снова отправились к ней на виллу, где провели ночь любви, накинувшись друг на друга, словно не виделись несколько месяцев.

Деккерет пока не спрашивал, почему она не встречалась с ним две минувшие ночи, но когда энергичные и свежие, несмотря на бессонную ночь, они завтракали, запивая блюда золотистым вином и сидя на мягкой шкуре гихорна, она сказала:

— Как бы я хотела быть с тобой всю неделю, но по крайней мере хоть последнюю ночь мы смогли провести вместе. Теперь ты отправишься в Пустыню Украденных Снов с моими поцелуями на губах. Заставила я тебя забыть остальных женщин?

— Ты знаешь ответ.

— Это хорошо. Ведь ты, может быть, уже нико-

гда не познаешь женщину, зато твоя последняя женщина была самой лучшей, а это посчастливилось немногим.

— Ты так убеждена, что я погибну?

— Оттуда возвращались немногие. Шансов снова увидеть тебя очень мало.

Деккерет чуть вздрогнул — не от страха, просто понял, что двигало Колатор Ласгией: две ночи она избегала его, а третью наполнила ненасытными ласками, потому что верила в скорую его гибель и испытывала особое удовольствие быть его последней женщиной. Хотя, если он скоро умрет, ей следовало провести с ним и две предыдущие ночи, но, очевидно, подобные тонкости лежали за пределами ее понимания. Он учтиво простился, не зная, встретятся ли они снова, даже если он захочет: слишком много загадочного и опасного непостоянства таилось в ней.

Незадолго до заката Деккерет был у Врат Пинитева в юго-восточной части города. Он бы не удивился, если бы Баржазид расторг их соглашение, но нет, флотер уже ждал за изрытым оспинами песчаником старых ворот, и маленький человечек стоял, облокотившись о корпус у места водителя. Его сопровождали трое: урун, скандар и худощавый жесткоглавый юноша,

очевидно, сын.

Повинуясь жесту Баржазида, четырехрукий гигант скандар забрал у Деккерета два прочных мешка, пробил их ярлыком и поставил в багажник флотера. До Деккерета внезапно дошло, что это не скандар, а скандарша.

— Ее зовут Кэймак Грэп,— представил Баржазид.— Говорить она не может, но далеко не глупа. Служит меня много лет, с тех лор, как я подобрал ее полумертвую, с отрезанным языком в пустыне. Уруна зовут Серифэм Рэйнэйлион, и он частенько много болтает, зато знает тропки в пустыне лучше всех горожан.

Деккерет обменялся кратким приветствием с маленьким существом, сплетавшим и расплетавшим свои щупальца.

— И мой сын — Динитак, он также будет сопровождать нас,— закончил Баржазид.— Хорошо отдохнули, Инитэйт?

— Вполне,— ответил Деккерет. Он проспал большую часть дня после бессонной ночи.

— Движемся мы в основном по ночам,— продолжал Баржазид,— а днем, в самое пекло, устраиваем бивак. Итак, я должен провести вас через Кавагский Проход и Пустыню Украденных Снов до начала пастбищ вокруг Кэзин Кора, где

вам нужно навести какие-то справки у пастухов, и вернуться с вами в Толигай, так?

— Да,— кивнул Деккерет.

Однако Баржазид не сделал никакого движения, чтобы сесть во флотер. Деккерет нахмурился, но затем понял. Он вынул из кошелька три большие пятироаловые монеты — две старой, Прикилинской чеканки, а третью — блестящую монету Властителя Престимиона — он подал Баржазиду, который отделил новую монету и протянул сыну.

— Новый Венценосец,— сказал Баржазид.— Знакомься. Теперь будешь часто видеть его лицо.

— И царствование его будет славным,— заметил Деккерет.— Он превзойдет величием даже властителя Конфалума. Грядет волна нового процветания северного континента; Властитель Престимион — человек энергичный и решительный, с честолюбивыми планами.

Баржазид сказал, пожав плечами:

— Происходящее на северном материке значит здесь очень мало, и едва ли процветание Альханроеля или Зимроеля будет иметь значение для Суврaеля. Но мы рады, что Дивине благословила нас новым добрым Венценосцем. Может быть, он будет иногда вспоминать, что есть земля на юге,

где живут его подданные. Ладно, отправляемся, время настало.

Врата Пинитева четко разделяли город и пустыню: с одной стороны район безликих невысоких вилл, окруженных стенами, с другой — только бесплодная пустошь за городским периметром. Ничто не нарушало пустоту пустыни, кроме дороги,— широкого, вымощенного булыжником тракта, который неторопливо вился вверх к гребню горной цепи, окружавшей Толигай.

Жара была нестерпимой. Правда, к ночи в пустыне стало заметно прохладней, чем днем, но все равно палило до изнеможения. Хотя огромное пылающее око солнца скрылось, оранжевые пески, излучая накопленный за день жар, мерцали и шипели с напряженностью раскаленной печки. Был сильный ветер. С наступлением темноты Деккерет заметил, что направление ветра изменилось — он дул теперь из сердца континента, но разница между морским и береговом оказалась невелика: оба являли собой потоки сухого раскаленного воздуха, не приносящие облегчения.

В чистой сухой атмосфере свет звезд и лун был необычайно ярок. Так же хорошо различался жар от земли — странное призрачно-зеленоватое сияние, поднимавшееся беспорядочными лоску-

тами с откосов по сторонам дороги, и Деккерет заинтересовался им.

— Это от растений,— объяснил урун.— В темноте они светятся внутренним светом. Между прочим, прикосновение к такому кустику всегда болезненно, зачастую и смертельно.

— А как их отличить при дневном свете?

— Похожи на изношенные куски старой веревки, измочаленные непогодой, и растут связками в расселинах скал. Правда, не все растения такой формы опасны, но уже лучше сторонитесь всех.

— Да, заодно всех остальных тоже,— поддержал Баржазид.— Растения в пустыне хорошо защищены, иной раз самым неожиданным образом. Каждый год наш сад преподносит какую-нибудь пакостную неожиданность.

Деккерет кивнул. Он не собирался тут прогуливаться, но если придется, возьмет за правило не дотрагиваться ни до чего.

Флотер был старым и тихоходным, что особенно проявилось на крутой дороге, он не спеша катил через светлую ночь. Спутники почти не разговаривали. Скандарша вела машину, урун устроился подле нее и время от времени делал замечания о состоянии дороги. В заднем отделении молча сидели оба Баржазида, предоставив Декке-

рету в одиночестве рассматривать нарастающую мрачность адского пейзажа. Под немилосердными ударами солнца земля казалась взломанной. Влага всосалась в нее давным-давно, оставив после себя угловатые трещины. Поверхность, как морская рябь в местах, где непрерывные ветры перегоняют песок. Низкие и разбросанные растения самой разнообразной формы. Все было исковерканным, скрученным и шишковатым. К жаре Деккерет постепенно привыкал, но омертвелое безобразие всего увиденного, грубая сухая заостренность всеобщей бесплодности заставляла цепенеть душу. Ненавистный пейзаж был для него внове как понятие, почти непостижим. Где бы ни бывал на Маджипуре, видел только красоту. Вспомнил родной город Норморк, распростертый на скалах Горы, с изгибающимися бульварами, удивительно красивыми стенами и мягкими полуночными дождями, украшавшими его. Он подумал о гигантском городе Сти, расположенном выше, где однажды гулял на рассвете в саду с деревьями по колено и листьями ярко-зеленого Цвета, которые слепили глаза. А Верхний Морпин, мерцающее чудо, целиком отданный удовольствиям, раскинувшийся почти в тени внушающего благоговение Замка Венценосца

на вершине Горы. Вспомнил о суровой лесной дикости Кантора и ослепительно-белых башнях Ни-мои, о душистых лугах долины Клайга — как прекрасен мир, сколько таит он чудес, и как ужасно место, в котором теперь очутился.

Но тут Деккерет сказал себе, что должен пересмотреть свои критерии и оценить красоту пустыни, пока она не парализовала все его чувства. Отыскать гармонию в угрожающей угловатости окружающего, в истрепанных растениях, сияющих бледно-зеленым светом по ночам, в острой грубой бесплодности. Что такое красота, спросил себя Деккерет, если не познание увиденного? Почему луг гораздо приятнее голой пустыни? Говорят, красота зависит от взгляда смотрящего, поэтому перевоспитывай свои глаза, Деккерет чтобы безобразие этой земли не убило тебя.

Он попытался заставить себя полюбить пустыню. Выбросил из головы такие слова, как «бесплодность», «мрачность», «отталкивающий», словно выдирал когти дикого зверя, и приказал себе смотреть на окружающий пейзаж, как на мягкий и утешительный, принуждая себя восхищаться четкими пластами незащищенных каменных граней, огромными выемками высохших водоемов, вызывая в себе восторг от

истрепанного, избитого ветрами кустарника. С уважением поглядывал на небольших зубастых тварей, время от времени перебегавших дорогу. И чем дальше флотер продвигался в ночь, тем менее ненавистной становилась пустыня. И вот он стал равнодушен к ней, и, наконец, поверил, что действительно видит красоту; а за час до рассвета вообще перестал об этом думать.

Утро пришло внезапно: копье оранжевого света пробило стену гор с запада, и ярко-красная огненная ветвь поднялась над противоположным краем горной цепи, а следом солнце, чей желтый лик оказался чуть более окрашенным бронзово-зеленым, чем в северных широтах, вспыхнуло в небе, как взлетевший шар. И в тот же миг Деккерета пронзила острая боль воспоминаний о Колатор Ласгии: ему очень захотелось узнать, где встречает она рассвет, с кем, и, отгоняя эту мысль, он повернулся к Баржазиду.

— Нынче ночь прошла без призраков. Или в этой части пустыни они не появляются?

— Они появляются за Кавагским Проходом,— отозвался маленький человечек,— там, где начинаются настоящие трудности.

Первые ранние часы нарождающегося дня продолжали ехать. Динитак наспех соорудил

грубое подобие завтрака из сухарей и кислого вина. Закусив, Деккерет оглянулся назад и увидел величественное зрелище: земля заворачивалась под ними гигантским рыжевато-коричневым фартуком, на котором четко отпечатались поля, трещины и Толигай, еле видимый беспорядочной кучей далеко внизу, на самом дне, с примыкающей к нему обширностью моря. Небо было безоблачным, синеву его усиливал терракотовый оттенок почвы, так что само небо казалось вторым морем над головой. Уже навалилась жара. К середине утра она охватила все, но была еще терпимой, и скандарша бесстрастно продолжала вести флотер дальше, к вершинам гор. Деккерет задремывал время от времени, но в судорожно дергавшемся флотере уснуть было невозможно. Неужели они будут ехать весь день? Он не спрашивал. Но как только усталость сделалась невыносимой, Кэймак Грэп развернула машину влево, к небольшому тупичку дороги, и остановила машину.

— Первая дневка,— объяснил Баржазид.

Там, где кончался тупичок, высокий бок скалы возвышался над дорогой, образуя нечто вроде ниши, перед которой, защищенное тенью в это время дня, находилось довольно обшир-

ное песчаное пространство, очевидно, не раз использовавшееся для стоянок. У основания скалы Деккерет заметил небольшое темное пятно — вода в этом месте загадочным образом просачивалась из-под земли. Для ручейка ее было недостаточно, но усталые путники с радостью приветствовали любую воду в этой страшной пустыне. Место было превосходным.

Скандарша и юный Баржазид вытащили соломенные тюфяки из багажного отделения флотера, расстелили на песке. Наступал полдень. Они поели сушеного мяса, кисловатых фруктов и теплых лепешек, после чего, не говоря ни слова, оба Баржазида, урун и скандарша растянулись на тюфяках и мгновенно уснули.

Деккерет остался один; он сидел, очищая зубы зубочисткой от застрявших кусочков мяса. Теперь, когда можно и нужно отдыхать, уснуть не мог. Поднялся и прошел к краю лагеря. Посмотрел на пораженную солнцем пустошь за краем тени. Ни одного зверька не видно, даже растения, бедные и оборванные, казалось, старались вжаться в почву. Горы круто вздымались с юга, до Каваг-ского Прохода, видимо, оставалось недалеко. А что потом?

Он попробовал уснуть, но досаждали неже-

лательные образы: Колатор Ласгия парила над его тюфяком так близко, что мог бы схватить ее и прижать к себе, но она вдруг отскочила и растворилась в жарком тумане; в тысячный раз видел себя в лесных болотах Кантора, преследующим добычу, прицеливающимся. Он отогнал и это видение, и обнаружил, что карабкается по громадной стене Норморка, прохладный ветерок наполнял легкие.

Но это были не послания, а болезненные фантасмагорические и просто беглые воспоминания. Сон не шел долго, зато когда пришел, был глубоким, кратким, без сновидений.

Разбудили его странные звуки — напевная звенящая музыка в отдалении, неясные, но отчетливые, шумы каравана со множеством путников. Слышался звон колокольчиков, гул барабанов. Какое-то время он еще лежал, вслушиваясь и стараясь понять. Потом сел, проморгался, огляделся вокруг. Подступали сумерки. Он проспал самую жаркую часть дня, и тени теперь тянулись с противоположной стороны. Четверо его спутников уже поднялись и складывали свои матрацы.

Деккерет напряг слух, пытаясь определить направление, откуда доносились звуки. Но казалось, они исходят отовсюду и ниоткуда. Ему

вспомнились слова Колатор Ласгии о поющих призраках пустыни, сбивающих с толку путников и уводящих с дороги музыкой и пением.

— Что это за звуки?— обратился он к Баржазиду.

— Звуки?

— Вы разве не слышите? Голоса, колокольцы, барабаны, шаги…

Баржазид казался удивленным.

— Вы имеете в виду песни пустыни?

— Песни призраков?

— Можно сказать и так. Или просто звуки, идущие с гор. Грохотание цепей, удары гонгов? Похоже?

— Не знаю,— мрачно отозвался Деккерет.— У меня на родине нет никаких призраков. Но это не звуки гор.

— Вы уверены, Инитэйт?

— Что это не звуки гор и не призраки?

— Хм…

Динитак Баржазид, стоивший рядом, вмешался в разговор, обратившись к Деккерету:

— Неведомое всегда тревожит. Но вы, по-моему, чувствуете больше любопытство, чем страх. И могу удовлетворить ваше любопытство. Дневной жар спал. Скальные утесы и пески отдают тепло,

порождая шумы,— те колокольцы и барабаны, что вы слышите. Здесь нет призраков.

Старший Баржазид сделал резкий жест. Парень тут же отошел.

— Не хотите, чтоб он объяснил мне?— осведомился Деккерет.— Предпочитаете, чтобы я думал, будто это призраки?

Баржазид ответил с улыбкой:

— А мне все равно. Верьте во что хотите; вы еще встретите предостаточно призраков по ту сторону Прохода, уверяю вас.

Весь вечер Дня Звезды они поднимались по серпантину дороги и к полуночи добрались до Кавагского Прохода. Воздух здесь оказался прохладнее; они находились в нескольких тысячах футов над уровнем моря, и воинственные ветры приносили некое облегчение от зноя и духоты. Проход был широкой и поразительно глубокой выемкой в склоне горы. Приближалось утро Дня Солнца, когда они миновали его и начали спуск к великой пустыне.

Деккерет был поражен открывающимся видом. В ярком лунном свете он увидел картину беспримерного бесплодия, по сравнению с которой земли, лежавшие по другую сторону Прохода, казались роскошным садом. Настолько та пустыня

была скалистой, настолько эта — песчаной, настоящий океан барханов, нарушаемый то тут, то там пятнами твердой, усыпанной гравием земли. Едва ли здесь возможны какие-либо растения и животные. По крайней мере на барханах не было ни малейших признаков жизни. И зной! Из этой колоссальной открывшейся впереди чаши вверх неслись потоки раскаленного воздуха, который, казалось, сдирал кожу, опаляя до смерти. Деккерет усомнился, чтобы где-то среди этой топки могли находиться пастбища. Он напряг память, стараясь вспомнить карту, виденную в представительстве. Земли выпасов поясом охватывали наибольшую зону внутриконтинентальной пустыни, но под Кавагским Проходом рукав центральной пустыни каким-то образом вторгался сюда, а на противоположной стороне этого бесплодия раскинулась зеленая область трав и ручьев.

Все утренние часы они спускались к огромному центральному плато, и в первых проблесках дневного света Деккерет заметил нечто странное далеко, внизу: скальный клочок чернильной тьмы резко выделялся на груди пустыни. По мере их приближения пятно превращалось в оазис, распадаясь на рощицу тонкоствольных деревьев

с длинными ветвями и листьями фиолетового цвета.

Оазис стал местом второй дневки. Следы на песке неопровержимо указывали, что здесь неоднократно отдыхали путники. Более того, под деревьями валялось множество осколков, а в чистом сердце рощи стояло что-то вроде грубого подобия навеса из наваленных кучами камней, увенчанных старыми высохшими сучьями. Чуть дальше между деревьями кружил маленький солоноватый ручеек, и обрывался в небольшой стоячий водоем, зеленый от водорослей. А тропка, начинавшаяся от него, вела ко второму водоему, видимо, питаемому ручьем, полностью бегущим под землей, чьи воды были абсолютно чистыми, без примесей. Между двух бассейнов Деккерет увидел любопытное сооружение: семь каменных столбиков высотой по пояс образовывали двойную арку. Он осмотрел их.

— Работа Меняющих Форму,— пояснил Баржазид.

— Капище метаморфов?

— Скорее, алтарь. Мы знаем, что Меняющие Форму часто бывают в оазисе, находили тут маленькие подарки пьюриверов своему богу: молитвенные палочки, обрывки перьев, неболь-

шие, искусно сплетенные чаши.

Деккерет беспомощно уставился на деревья, словно ожидая, что они тут же превратятся в диких аборигенов. Он мало общался с уроженцами Маджипуры, этими побежденными и изгнанными туземцами, и то, что он знал о них, было в основном слухами и выдумками, основанными на страхе, невежестве и чувстве вины.

Некогда они жили в больших городах — Альханроель, например, был усеян их руинами,— и в школе Деккерет видел нарисованные изображения самого большого и самого знаменитого — Веласосиера, расположенного неподалеку от Лабиринта Понтифика; но города эти умерли тысячи лет назад, а с приходом человека и прочих племен местные пьюриверы были силой оттеснены в самый мрачный край планеты, в основном, в огромную лесистую резервацию на Зимроеле, где-то юго-восточнее Кантора. Вдобавок к своим скудным познаниям Деккерет видел настоящих метаморфов всего два раза: хилые люди с зеленоватой кожей и совершенно невыразительными лицами, хоть они и меняли одну форму на другую с поразительной легкостью. И он мог только гадать, не является ли маленький урун или сам Баржазид затаившимся метаморфом.

Он тряхнул головой, отгоняя дикие мысли, и сказал:

— Интересно, как удается Меняющим Форму или кому бы то ни было выживать в пустыне?

— Они народ изобретательный. Приспособились.

— И много их здесь?

— Кто знает! Я натыкался несколько раз на группы человек по пятьдесят, по семьдесят. Вероятно, есть и другие, хотя, возможно, я встречал одних и тех же, только в разных обличиях.

— Странный народ,— пробормотал Деккерет лениво погладив отшлифованный камень, венчающий столбик алтаря. С молниеносной быстротой Баржазид схватил Деккерета за запястье и отвел его руку.

— Не прикасайтесь к ним!

— Почему?— удивился Деккерет.

— Это святыня.

— Для вас?

— Для тех, кто воздвиг,— раздраженно ответил Баржазид.— Мы относимся к ним с уважением и чтим магию, которая может здесь заключаться. В этих местах никто не навлекает на себя месть соседей случайно.

Деккерет удивленно смотрел на человечка,

столбики, два бассейна, стройные остролистые деревья. И, несмотря на зной, его затрясло. Он окинул взглядом местность за маленьким оазисом — волны барханов, пыльную полосу дороги, исчезающей на юго-западе в стране тайн.

Солнце быстро поднималось, источая нарастающий жар, Деккерет оглянулся на горы, через которые путники перевалили — огромные и зловещие, они, как стена, отрезали их от цивилизации в этой знойной земле. И вдруг он ощутил пугающее одиночество, усталость и затерянность.

Подошел Динитак Баржазид, покачиваясь под грузом фляг, которые сбросил чуть ли не на ноги Деккерету. Деккерет помог парнишке наполнить их водой из чистого бассейна. Потом напился сам. Вода оказалась холодной, со странным металлическим привкусом, правда, не неприятным, и Деккерет решил, что в этом повинны минералы.

Чтобы погрузить фляги во флотер, пришлось сходить до водоема и обратно раз десять. Динитак объяснил: больше источников не будет несколько дней.

Подкрепившись такой же грубой пищей, что и в первый день, они, когда зной достиг своего сводящего с ума полуденного пика, растянулись

на соломенных тюфяках.

В третий раз за всю жизнь Деккерет спал днем, и организм начинал привыкать к такой перемене. Он закрыл глаза, вверяя душу возлюбленной Властительнице Острова Снов, святой матери Властителя Престимиона, и почти сразу погрузился в сон.

На этот раз пришло послание.

Он уже не помнил, когда получал послания. Для него, как и всех на Маджипуре, они являлись основной сутью бытия, ночным наслаждением, успокаивающим разум, указаниями, очищением души, руководством, нахлобучкой и многим другим. Каждый с детства обучался восприятию посланий во сне, наблюдению и запоминанию, соотношению их содержания с часами бодрствования. И всегда благосклонная вездесущность Властительницы Острова Снов воспаряла над принимающим послание, помогая ему познать состояние своей души, причем связь она поддерживала со всеми миллиардами жителей огромной Маджипуры одновременно.

Деккерет увидел себя поднимающимся на горный кряж, через который они недавно перевалили. Он был один на один с невероятно огромным солнцем, заполонившим половину

неба, но жара почему-то не тревожила его. Крутой склон прямо за гребнем обрывался вниз, вниз, вниз, растягиваясь, казалось, на сотни миль, а под собой он видел ревущий, дымящийся котел — кратер вулкана, где пузырями лопалась красная магма. Невероятный водоворот подземных сил не пугал. Наоборот, его тянул к себе этот странный шум, он стремился погрузиться в его глубину, расплавленный жар. И стал спускаться бегом, оскальзываясь, часто пролетал несколько метров, а приблизившись, увидел лица в трепещущей лаве: Властитель Престимион, Понтифик, Баржазид, Колатор Ласгия и метаморфы, чьи таинственные полускрытые образы плясали по краям. Могущественные люди изнемогали в центре вулкана, и Деккерет рванулся к ним. Возьмите меня к себе, я здесь, я пришел! — кричал он, пока не осознал, что все фигуры исчезли, оставив один огромный белый лик, в котором узнал возлюбленное лицо Властительницы Острова Снов, чей вид глубоко и сильно внедрил блаженство в его душу, ведь прошло много месяцев с той поры, когда Властительница последний раз являлась ему.

И теперь во сне он видел сон и ждал завершения, соединения сна с посланием Властительни-

цы,— например, принести себя в жертву вулкану, чей образ нес в себе некое откровение, мгновение истины, ведущее к радости. Неожиданная странность пересекла сон, подобно развернувшейся вуали. Цвета поблекли, лица смазались. Он решил бежать вниз, но теперь часто спотыкался, падал, обдирая руки и колени о раскаленные скалы; и вдруг потерял направление, двигаясь в сторону, а не вниз, и не мог поступать иначе. Мгновение был на грани восторга, но как-то не сумел полностью погрузиться в него, и только огорчался, ощущая тяжесть и смятение. Легкость исчезла, яркие цвета затянуло серостью, и всякое движение прекратилось; он стоял, оцепенев, на склоне горы, всматриваясь в метровый кратер, чей вид заставил его вдруг затрепетать и лечь, подтянув колени к груди; и он лежал, рыдая, пока не проснулся.

Проснулся и сел. В голове стучало, глаза слезились, ломило грудь и плечи. Это не послание. Даже самые ужасные послания не оставляли таких горьких осадков смущения и страха. Был еще день, и ослепительное солнце висело над макушками деревьев. Возле него лежали Кэймак Грэп и урун, чуть поодаль —

Динитак Баржазид. Они спали. Старшего Баржа-

зида нигде не было видно.

Деккерет перевернулся, прижался щекой к горячему песку у матраца, пытаясь изгнать из себя напряжение. Произошло во сне что-то дурное, что-то не то, он это понимал. Какая-то темная сила вмешалась в послание, забрав радость и дав взамен боль. Не в этом ли суть похитителей снов пустыни? Но тогда это были, похитители снов.

Он сжался, чувствуя себя грязным, опустошенным, желая знать только одно — неужели все сны будут такими по мере его продвижения в пустыню? Не станет ли еще хуже?

Спустя какое-то время снова уснул. Сны пришли — случайные, смазанные обрывки без ритма и узора, они не досаждали. Когда проснулся, день близился к концу и звуки пустыни — песни призраков — бились в ушах, бормоча и звеня далеким смехом. Чувствовал он себя гораздо более усталым, чем если бы не спал вовсе.

Никто из попутчиков не показывал вида, будто что-то тревожило их сны. Они встретили проснувшегося Деккерета каждый на свой манер: огромная скандарша молча, урун с любезным жужжащим щебетом свернул щупальца, оба Баржазида короткими кивками. Если они и поняли, что их товарища навестили мучительные

сны, то ничем этого не выказали.

После «завтрака» старший Баржазид наскоро посоветовался с уруном относительно маршрута на эту ночь, и они вновь нырнули в пустыню, озаренную лунным светом.

Притворюсь, будто ничего необычного не случилось, решил Деккерет, не дам им понять, что уязвим для призраков.

Но его решимости хватило не надолго. Когда флотер пересекал район высохших озер, где тысячами вздымались странные серо-зеленые каменистые горбы, Баржазид внезапно повернулся к Деккерету и спросил, нарушив долгое молчание:

— Хорошо спали?

Деккерет понял, что ему не удалось скрыть усталость.

— Случалось отдыхать и лучше,— пробормотал.

Блестящие глаза Баржазида безжалостно сверлили.

— Сын говорит, что вы стонали во сне, сильно ворочались и прижимали колени к груди. Почувствовали прикосновение похитителей снов, Инитэйт?

— Я ощутил присутствие тревожащей силы в

своих снах. Было ли это прикосновение похитителей снов, не знаю.

— Опишите мне свои ощущения.

— Вы сами похититель снов, Баржазид!— огрызнулся Деккерет, разозлившись.— С какой стати я должен открывать перед вами душу? Мои сны — это мои сны.

— Тише, тише, добрый рыцарь, я не имел в виду ничего обидного и не хотел бы навязываться…

— Тогда…

— Но я отвечаю за вашу безопасность. И если демоны этой безводной земли проникли в вашу душу, в ваших же интересах рассказать.

— Демоны?

— Демоны, призраки, фантомы, недовольные метаморфы — кто бы ни был,— нетерпеливо произнес Баржазид.— Существа, которые грабят сны путников. Приходили они к вам или нет?

— В моих снах было мало радости.

— Прошу вас, расскажите.

Деккерет тихо вздохнул.

— Я получил послание Властительницы — мирное и радостное. Но постепенно суть его изменилась, понимаете? Послание помрачнело и стало бессвязным, лишенным всякой радости, и закончилось просто отвратительно.

— Да,— кивнул Баржазид,— это призраки. Прикосновение к сознанию, вторжение в сон, разрушение его и выкачивание энергии.

— Вид вампиризма, — усмехнулся Деккерет.— Существа таятся в засаде, поджидая в пустыне путников, а потом высасывают из них все жизненные силы?

Баржазид улыбнулся в ответ:

— Вы основываетесь лишь на догадках. Я бы не делал таких поспешных выводов, Инитэйт.

— А вам самим доводилось чувствовать их присутствие в своих снах?

Коротышка как-то странно посмотрел на Деккерета.

— Нет, никогда.

— Никогда? У вас что, иммунитет?

— По-видимому, так.

— А ваш сын?

— О, несколько раз его охватывало. Как правило — здесь. Один раз в пятьдесят поездок; видимо, невосприимчивость не передается по наследству.

— А скандарша и урун?

— У них бывало,— кивнул Баржазид,— но редко. К тому же они находят это неприятным, но не смертельным.

— Однако, кое-кто умер от прикосновения похитителей снов.

— Предполагается, что именно от этого,— заметил Баржазид.— Большинство путешественников, проходивших этим путем до недавнего времени, рассказывали, что видели необычные сны. Некоторые сбивались с пути и не возвращались. Откуда нам знать, есть ли связь между всем этим и разрушенными снами?

— Вы очень осторожный человек,— усмехнулся Деккерет,— не хотите выносить окончательных решений?

— Я прожил довольно долгую жизнь, в то время, как многие опрометчивые смельчаки уже вернулись в источник Дивине.

— По-вашему, просто выжить — наивысшее достижение?

Баржазид рассмеялся:

— Речь истинного рыцаря Замка! Нет, я считаю, жить — значит не просто уклоняться от смерти. Но выжить — это счастье, Инитэйт, а смерть и гибель — это не достижение.

Деккерету не хотелось продолжать. Кодексы ценностей посвященного рыцаря и такого, как Баржазид, едва ли сравнимы. Кроме того, было что-то хитроватое и скользкое в аргументах

Баржазида. Деккерет помолчал, потом отозвался:

— Меня волнует одно: станут ли сны еще хуже.

Баржазид пожал плечами.

К тому времени, когда ночь поблекла и подошло время подыскивать место для стоянки, Деккерет вдруг понял, что готов и даже с нетерпением ждет встречи с призраками сна.

Дневку устроили на ровной площадке, где основную массу песка сдуло к одной стороне очищающими ветрами, оголив скальное основание; вдобавок к порывистым ветрам сухой воздух пустыни жутко растрескал ее, а солнце словно содрало все остальное. Где-то за час до полудня стали готовиться ко сну.

Деккерет спокойно опустился на соломенный тюфяк и без страха послал свой дух на тонкий краешек того, что могло прийти. Он, рыцарь, с детства обучался быть храбрым и ждал теперь встречи с неведомым без боязни, но все-таки ощущал некое присутствие тревоги. На Маджипуре нужно было хорошо потрудиться, чтобы найти страшное и опасное неведомое; для этого приходилось забираться в самые отдаленные и дикие уголки планеты, поскольку в обитаемых районах жизнь текла размеренно и безопасно. Именно поэтому Деккерет и поднялся на борт корабля,

идущего в Сувраель, и теперь впервые должен был подвергнуться серьезному испытанию, если не считать случая в лесах Кантора. Но здесь было совершенно другое, эти грязные…

Он заставил себя уснуть.

И сразу приснилось, он снова был в Толигае, но теперь город удивительно изменился, став местом богатых вилл и пышных садов, хотя зной по-прежнему остался тропическим. Он шел, переходя с одного бульвара на другой, восхищаясь изяществом архитектуры и пышностью деревьев. Одеяние его было обычной зеленой с золотом мантией Венценосца, и при встречах с горожанами Толигая, прогуливающимися в сумерках, он вежливо отвешивал поклоны в ответ на знак звездного взрыва, которым они приветствовали власть Венценосца. Потом к нему приблизилась стройная фигурка его любовницы Колатор Ласгии. Она улыбалась.

Подхватив его под руку, повлекла к каскадам фонтанов, чьи прохладные струи били в воздух, и там, сбросив одежду, они выкупались и, поднявшись из душистого бассейна, пошли, едва касаясь земли, в сад. Она без слов подтолкнула его в тенистую аллею, отделенную от дорожки кругом близко посаженных деревьев с дугообраз-

ными стволами и широкими листьями. Она шла чуть впереди него мучительно ускользающая фигурка, плывущая в каком-то дюйме от его руки, постепенно увеличивающая расстояние между ними скачала до фута, потом до нескольких ярдов. Поначалу казалось, что он легко догонит ее, но это ему не удавалось, и, двигаясь все быстрее, он старался уже просто не упустить ее из виду. Ее нежная, оливкового цвета кожа блестела в лунном свете, она часто оглядывалась с ослепительной улыбкой, кивками приглашая его поторопиться. Но он не мог догнать. Теперь она опережала его почти на всю длину сада. С нарастающим отчаянием рванулся вперед, но она растворилась, исчезла, и возникла так далеко, что теперь он с трудом различал игру мускулов под ее гладкой нагой кожей; и, помчавшись, пересекая одну садовую дорожку за другой, он вдруг начал осознавать повышение температуры, неожиданную и стойкую перемену в воздухе. Откуда-то здесь, ночью, поднялось солнце и с полной силой обрушилось ему на плечи. Деревья поникли и завяли, листья опали. Сам он с трудом удерживался на ногах. Колатор Ласгия превратилась в пятнышко на горизонте; все еще подзывающая к себе, все еще улыбающаяся, уменьшалась и

уменьшалась. А солнце поднималось, набирало силу, становилось испепеляющим, высушивало вокруг все, до чего могло дотянуться. Сад обернулся местом голых сучьев, потрескивающейся, иссохшей земли. Страшная жажда охватила его. Он заметил фигуры, скрывающиеся в засаде за покрытым волдырями почерневшими деревьями — метаморфы, твари, полные коварства, не придерживающиеся одного облика, плывущие в сводящем с ума потоке разных форм. И он закричал им, моля о глотке воды, но в ответ получил лишь легкий звенящий смех. Он пошатнулся. Свирепый пульсирующий свет в небесах начал сжигать его. Он чувствовал, как кожа твердеет, трескается, хрустит, ломается. Еще один миг и обуглится. Что стало с Колатор Ласгией? Куда девались улыбающиеся, кланяющиеся горожане, приветствовавшие его знаком звездного взрыва? Сейчас он не видел сада. Он был в пустыне и, шатаясь, брел по знойной печке, где даже тени пылали.

Теперь в нем поднялся настоящий ужас. Даже во сне ощущал болезненный жар, какая-то часть его рассудка следила за этим с нарастающей тревогой, опасаясь, как бы сила сновидения не оказалась слишком велика и не смогла повре-

дить физическому состоянию тела наяву. О таких вещах рассказывали: люди погибали во сне, сраженные силой могучих посланий или обычных сновидений. И хотя это шло вразрез с заученной с детства истиной, хотя он знал, что обязан досмотреть даже наиужаснейший из ужасов, чтобы увидеть окончательное откровение, он решил проснуться ради собственной безопасности. Попытался и не сумел. Упал на колени, дергаясь на раскаленном песке, вглядываясь с необычной ясностью в загадочных крошечных насекомых с золотистыми туловищами, шедших к нему колонной по краю бархана. Они добрались до него, муравьи с безобразно раздутыми челюстями, и каждый, чуть поворачиваясь, поднимал туловище и кусал, впиваясь челюстями и не отпуская, так что в одну неуловимую долю секунды насекомые покрыли всю его кожу. Он сметал их с себя и никак не мог стряхнуть: их клещи держали намертво, даже когда отрывал головы от тел. Песок вокруг почернел от обезглавленных насекомых, но их было слишком много, они растекались по телу, как плащ, а он с остервенением стряхивал и стряхивал, пока не воздвиг вокруг себя настоящую гору. И все равно еще больше муравьев вцеплялось в него своими челюстями. Он устал

сметать их. К тому же, в этом живом плаще оказалось прохладнее. Они защищали от солнечного жара, и хотя сами жалили и жгли укусами, но не так свирепо, как солнечные лучи.

Неужели сон никогда не кончится? Он попытался взять его под контроль, обернуть нарастающий поток прибывающих муравьев в струю холодной чистой воды, но не смог, ничего не изменилось, и он вновь соскользнул в кошмар, продолжая устало ползти по песку.

И постепенно начал сознавать, что уже не спит.

Не было границы между сном и пробуждением — только внезапное и полное понимание, что глаза его открыты. И два сознания (спящего наблюдателя и страдающего Деккерета) слились в одно. Но тем не менее, он находился в пустыне под страшным полуденным солнцем. И он был наг. Кожу чувствительно саднили царапины и волдыри. И были муравьи. Крошечные насекомые действительно карабкались по его ногам, поднимаясь до колен, вцеплялись в кожу. Сбитый с толку, подумал, что наверное метался во сне, но сразу отказался от этой мысли: не мог же спящий уйти так далеко в пустыню. Он встал, стряхнул муравьев, посмотрел в сторону лагеря.

И не увидел его. Значит, действительно, бродил во сне голый по обжигающей наковальне пустыни и заблудился. Это все еще сон, подумал он с яростью, и сейчас я проснусь в тени флотера Баржазида! Но пробуждения не произошло. Теперь Деккерет понял, как погибали люди в Пустыне Украденных Снов.

— Баржазид!— закричал он.— Баржазид!

Крик эхом отдался в донах. Он закричал снова, потом второй раз, третий, но слышал лишь дрожащий собственный голос, оставшийся без ответа. Сколько он мог продержаться? Час? Два? Без воды, укрытия от солнца. Даже без одежды. На непокрытую голову изливал свой жар огромный пылающий глаз в небе. Стояла самая жаркая пора дня. Окружающий пейзаж повсюду выглядел одинаково — плоская мелкая чаша, выбитая жаркими ветрами. Он пошел было по своим следам, но следы оборвались через несколько ярдов — дальше начиналась твердая скалистая поверхность. Лагерь мог находиться где угодно, скрытый возвышавшимися барханами. Он еще раз позвал на помощь, и опять не услышал ничего, кроме эха. Возможно, если бы ему удалось подыскать подходящий бархан, он мог бы успеть закопаться по шею и продержаться до тех пор, пока не спадет

жара, а в темноте попытаться отыскать лагерь по костру. Но таких барханов он не видел. Как бы поступил в таком положении Властитель Стиамот, подумал он, или Властитель Тимин, или один из великих воинов прошлого? И что мог сделать он сам? Просто умереть? Глупо. Он все поворачивался, исследуя горизонт. Ни одной путеводной нити, ни единого намека, куда пойти. Передернув плечами, он опустился на землю в месте, где не было муравьев. Не было и слоя песка, зарывшись в который мог бы попытаться спастись. Не было и силы духа, которая, несмотря ни на что, помогла бы выжить. Он утратил себя во сне и умрет, как и предсказывала Колатор Ласгия. Единственное, что у него осталось,— это характер: он умрет без слез, гнева и стенаний. Может быть, на это уйдет час, может быть, меньше. Но это очень важно — умереть с честью.

И он стал ожидать смерти.

Но вместо нее пришел — через десять минут, полчаса, час, он не знал — Серифэм Рэйнэйлион. Урун, как мираж, появился с востока, медленно, с трудом направляясь к Деккерету, нагруженный двумя флягами воды. Подойдя ярдов на сто, он помахал двумя щупальцами и окликнул:

— Вы живы?

— Более или менее. Вы настоящий?

— Самый настоящий. Мы вас полдня ищем.— Резинистое щупальце маленького существа порывисто сунуло в руки Деккерету флягу с водой.— Держите. Глотните-ка, только немного. НЕМНОГО! Вы слишком измождены и захлебнетесь, если пить с жадностью.

Деккерет едва справился с порывом осушить фляжку одним глотком. Урун прав, нужно пить умеренно, не спеша, иначе могло стать плохо. Он капнул чуть-чуть в рот, подержал на языке, прополоскал горло и, наконец, проглотил. Потом сделал еще один осторожный глоток, затем глоток побольше. В голове немного закружилось. Урун кивнул на фляжку. Деккерет встряхнул ее и отпил снова, подержав воду щеками.

— Далеко лагерь?— спросил он наконец.

— Минут десять ходьбы. У вас хватит сил идти самому или сходить за остальными?

— Я сам.

— Тогда идемте.

Деккерет кивнул:

— Сейчас, еще глоток.

— Берите фляжку и пейте, сколько хотите. Если устанете, скажите, отдохнем. Не забывайте, мне вас не унести.

Урун медленно направился к невысокому песчаному гребню в пятистах футах на востоке. Пошатываясь от слабости и головокружения, Деккерет последовал за ним и с удивлением понял, что гребень совсем не так полог и низок, как казалось, что-то произошло с глазами. Он возвышался над головой футов на тридцать, скрывая два более низких бархана дальше. Флотер стоял у подножия дальнего.

В лагере был один Баржазид. Он взглянул на Деккерета с презрительной досадой:

— Решили прогуляться?

— Во сне. Меня все-таки поймали ваши похитители снов. Словно заклятие.— Деккерета начало трясти — солнечные ожоги мучили тело. Он лег у флотера, накрылся легкой рубашкой.— Когда проснулся, то не увидел лагеря. Я был уверен, что погибну.

— Еще полчаса, и так бы и вышло. Уже высохли на две трети. Счастье, что мой мальчишка проснулся я заметил, что вас нет.

Деккерет плотнее закутался в одежду.

— Значит, вот как здесь погибают. Уходят во сне днем.

— И так тоже.

— Я в долгу перед вами. Вы спасли мне жизнь.

— Хм, жизнь вам спасают с тех пор, как мы миновали Кавагский Проход. Вы бы уже погибли раз пятьдесят. Но если хотите кого-то благодарить, благодарите уруна. Он-то по настоящему потрудился, разыскивая вас.

Деккерет кивнул:

— А где ваш сын? И Кэймак Грэп? Тоже ищут?

— Уже возвращаются,— ответил Баржазид, указывая на только что появившихся из-за бархана скандаршу и мальчишку. Ни на кого не глядя, скандарша опустилась на свой тюфяк. Динитак Баржазид лукаво улыбнулся Деккерету и спросил:

— Приятно прогулялись?

— Не очень. Я сожалею о причиненных хлопотах.

— Ничего. Только вот что теперь делать?

— Может быть, привязывать меня, пока я сплю?

— Или придавливать тяжелыми валунами,— предложил Динитак, зевая во все горло.— Лучше постарайтесь оставаться на месте, хотя бы до захода солнца.

— Я попробую,— сказал Деккерет.

Но снова уснуть оказалось невозможно. Кожа зудела от бесчисленных укусов насекомых и

солнечных ожогов, несмотря на успокаивающую мазь, которой снабдил его урун, и чувствовал он себя отвратительно. В горле сухо першило, глаза болезненно слезились. И он вновь и вновь перебирал в памяти случившееся: сон жару, муравьев, жажду, внезапное осознание смерти. Он искал в себе трусость, но не нашел ее. Огорчение? Да. И гнев, и тревога, но никакой паники, никакого страха. Хорошо. Худшее, решил он, было не в зное, жажде и опасности, а в самом сне, безумной расслабляющей тревоге, в сне, который снова начался радостью, а посредине претерпел мрачное изменение. Невозможность получить утешение здорового сна, подумал Деккерет, гораздо хуже гибели в пустыне, потому что умирать приходится только раз, а сны человек видит постоянно. Не связаны ли такие сновидения с бесплодностью Суврaеля? Деккерет знал, что когда послание исходит от Властительницы, его внимательно изучают (если необходимо — с помощью тех, кто поднаторел в искусстве толкования снов), поскольку в них таятся знания, жизненно важные для надлежащего поведения человека. Но эти послания, вернее, просто сны, вряд ли исходили от Властительницы. Казалось, они направлялись какой-то темной силой, зловещей и деспотичной,

более пригодной брать, чем давать. Меняющие Форму? Возможно. Что, если какое-то их племя сумело раздобыть, несмотря на огромные расстояния, отделяющие их от Острова Снов, один из механизмов, благодаря которым Властительница может достичь глубин сознания любого из своей паствы, и, скрываясь в засаде в жарком сердце Сувраеля, грабит путников? Ворует их души? Лишает жизненной силы тех, кто украл их мир?

Когда удлинились полуденные тени, Деккерет почувствовал, что начинает задремливать и соскальзывать в сон. Он боролся, боясь невидимых захватчиков душ, и отчаянно старался держать глаза открытыми, глядя в темнеющее пространство и вслушиваясь в гудящие и бормочущие звуки пустыни, но так и не мот перебороть естественную усталость измученного тела. Он погрузился в сон, не в послание от Властительницы или от неведомой темной силы, а просто в сон. А потом кто-то потряс его за плечо — урун, с трудом узнал Деккерет. Соображал он медленно, в голове шумело, губы потрескались, спина болела. Наступила ночь, и его спутники готовились к отъезду, сворачивая лагерь.

Урун подал Деккерету чашу с каким-то освежающим густым бледно-зеленым напитком, и он

осушил ее одним глотком.

— Вставайте,— сказал урун.— Пора ехать.

Пустыня снова изменилась, сделавшись темно-красной и грубой. Очевидно, здесь случались гигантские землетрясения. Почва была перемешана с колоссальными плитами каменистого ложа, которые громоздились друг на друга под самыми невероятными углами. Через эту зону хаоса вел только один путь — широкое русло давно высохшей реки, чье песчаное ложе петляло долгим и приметным изгибом между разломанных и растрескавшихся скал. В небе повисла полная луна, и свет ее по яркости почти не уступал дневному. Пейзаж не менялся и после того, как флотер одолел несколько миль, казалось, будто машина застыла на одном месте. Деккерет повернулся к Баржазиду:

— Сколько нам еще добираться до пастбищ?

— Пустыню от них отделяет ущелье. Оно вон там.— Баржазид указал на юго-восток, где терялось высохшее речное русло меж двух скалистых пиков, торчавших из земли, словно кинжалы.— За Маннеракским ущельем климат совершенно иной. К дальней стороне горного кряжа по ночам подкатываются морские туманы с запада, и земля там зеленая, вполне пригодная для выпа-

сов. Утром мы доберемся до ущелья, через день пройдем его, а к Дню Моря вы будете отдыхать в Цузун-Каре.

— А вы?— поинтересовался Деккерет.

— У нас с сыном есть еще кое-какие дела. Мы вернемся за вами позже. Сколько вам надо,— три дня, пять?

— Пяти дней вполне достаточно.

— Хорошо. А потом поедем обратно.

— Этим же путем?

— Другого нет,— ответил Баржазид.— Вам, наверное, уже объяснили в Толигае, что остальные дороги к пастбищам закрыты. Боитесь? Из-за снов? Но если вы не станете бродить по пустыне, вам нечего опасаться.

Замечание выглядело разумным. Он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы пережить поездку, но вчерашний сон оказался слишком мучительным, и он без особой радости ждал следующего.

Когда они на другое утро разбили лагерь, Деккерет ждал в тревоге. В первый час отдыха он заставлял себя не спать, вслушиваясь в потрескивание скал, накалявшихся полуденным солнцем, до тех пор, пока усталость не окутала сознание темным облаком.

И едва сон охватил его, он понял, что это только начало, ведущее к чему-то еще более страшному.

Сначала пришла боль — ноющая, острая боль, затем, без какого-либо намека на переход, взрыв ослепительного света в голове заставил его закричать и стиснуть виски. Но похожий на агонию спазм быстро прошел, и он ощутил мягкое присутствие Колатор Ласгии, успокаивающей его и баюкающей на своей груди. Она качала его, что-то бормоча, и утешала до тех пор, пока он не открыл глаза и не сел, оглядываясь по сторонам. И увидел, что он не в пустыне, и вообще не в Суврaеле. Вместе с Колатор Ласгией они находились на какой-то прохладной поляне в лесу, где гигантские, деревья с абсолютно прямыми стволами, покрытыми желтой корой, поднимались на непостижимую высоту, и быстрый поток, усеивая все вокруг брызгами, метался и ревел почти под ногами. За потоком земля резко опускалась, открывая долину, и в дальнем ее конце высилась огромная, серая с белым зубцом снежной вершины гора, в которой Деккерет мгновенно узнал один из девяти больших пиков Канторских Болот.

«Нет,— пробормотал он,— я не хочу!»

Колатор Ласгия засмеялась, и звенящий ее смех показался ему зловещим, похожим на звуки пу-

стыни в сумерках.

«Но это сон, милый друг, и тебе придется принять его».

«Ладно, но я не хочу возвращаться в Болота Кантора. Посмотри, как все изменилось! Мы на Зимре, неподалеку от излучины реки. Видишь? Видишь? Ни-моя сверкает перед нами».

Он действительно видел огромный город, белый на фоне зеленых холмов. Но Колатор Ласгия покачала головой.

«Это не город, любовь моя. Это только северный лес. Чувствуешь ветер? Прислушайся к песне потока. Сюда, стань на колени, зачерпни падающих на землю игл. Ни-моя далеко, и мы здесь на охоте».

«Прошу тебя, давай побудем в Ни-мое».

«В другой раз»,— ответила Колатор Ласгия.

И он не смог переубедить ее. Магические башни Ни-мои задрожали, сделались прозрачными, исчезли, остались деревья с желтой корой, прохладный ветерок, звуки леса. Деккерет вздрогнул. Он был пленником своего сна и не мог сбежать.

И теперь, небрежно приветствуя его, появились пятеро охотников в грубо сшитых куртках из шкур хайгусов, протягивая ему оружие — короткие тупые трубки, энергометов и трехгранные

кинжалы, длинные лезвия которых немного загибались на концах. Он покачал головой, но один охотник подошел ближе, насмешливо усмехаясь, оскалив белые зубы. Деккерет узнал лицо — это была она — и со стыдом отвернулась. Это она погибла тогда в Болотах Кантора тысячу лет назад. Если бы только она была сейчас не здесь, подумал он, сон можно было бы стерпеть. Какая дьявольская пытка — заставлять его пережить все заново!

«Возьми у нее оружие,— сказала Колатор Ласгия.— Стимова уже подняли, и мы должны догнать его».

«Я не хочу… Я…»

«Глупо. Думаешь, во сне желания уважают? Сон — твое собственное желание. Возьми оружие».

Деккерет решился. Похолодевшими пальцами принял кинжал, энергомет и убрал их в надлежащие места на поясе. Охотники одобрительно заулыбались, ворча что-то на хриплом северном наречии, а затем, пригнувшись, помчались долгими скачками, длиной в пять шагов каждый, по берегу; Деккерет поневоле бежал следом, сперва неуклюже, потом все более плавной грацией, сопровождаемый Колатор Ласгией, легко выдерживающей его шаг. Черные волосы развевались

вокруг лица, глаза горели от возбуждения. Они свернули налево, в середине леса, петляя в поисках добычи.

Добыча! Деккерет разглядел трех зверей с белой шерстью сияющих, как фонари, в глубине леса. Животные тревожно крались, взрывая землю. Они учуяли пришельцев, но пока не собирались оставлять свою территорию; огромные твари, наверное, самые опасные из всех диких зверей Маджипуры, быстрые, сильные и хитрые — ужас северных земель. Деккерет вытащил кинжал. Убивать из энергометов — даже не развлечение, просто убийство, к тому же сильно пострадает ценный мех. Почетнее всего подобраться ближе и действовать ножом, предпочтительней кинжалом. Только так охотник заслужит славу.

Загонщики смотрели на него. Выбери себе одного в добычу, просили они. Деккерет кивнул. Средний, указал он. Охотники заулыбались. Они что-то знали, о чем не сообщили ему. Так было и в тот раз: такое же едва скрываемое презрение лесовиков к господам, избалованным и алчущим смертельно опасных развлечений, тем более, что подобные развлечения оканчивались зачастую плохо. Деккерет держал кинжал наготове. Стимовы, что рыскали за деревьями, были неве-

роятно громадными, с огромными тяжелыми ляжками; ни один человек не справился бы с таким в одиночку только холодным оружием. Но поворачивать назад было нельзя — Деккерет сознавал, что намертво прикован к данному судьбой сну. Раздались звуки охотничьих рогов и свист загонщиков. Стимовы, рассерженные и встревоженные необычными звуками, завертелись, обдирая когтями деревья, и, сделав круг, больше из отвращения, чем от страха, пустились бежать.

Теперь наступило время.

Деккерет знал, что сейчас загонщики прогонят дальше двух отвергнутых животных, оставляя одного избранного, но не смотрел ни вправо, ни влево. В сопровождении Колатор Ласгии и охотницы, давшей ему оружие, он ринулся вперед, начиная погоню, так как стимов, бывший в центре, пройдя с ревом и треском, промчался через лес. Плохо. Хоть люди и быстрее, стимовы легче продирались через подлесок, и он мог потерять добычу в этой беспорядочной погоне. Лес немного расступался, но стимов рвался в заросли, и вскоре Деккерет обнаружил, что борется с молодыми деревцами, лианами и мелким кустарником, едва успевая следить за удаляющимся белым призра-

ком лесов. Захваченный одним-единственным чувством, он вырвался из объятий чащи и побежал, прокладывая дорогу мачете. Все было ужасно знакомым, вроде старой избитой шутки, особенно, когда до него дошло, что стимов петляет по зарослям, словно собирается напасть сам…

И спящий Деккерет знал, что такой случай скоро представится, когда обезумевший зверь случайно наткнется на охотницу и отшвырнет ее на дерево, а Деккерет, не ожидавший этого и не сумевший помешать, умчится вперед, продолжая погоню, оставив женщину лежать там, где она лежала, так что когда затаившаяся большеротая пожирательница падали высунется из норы и начнет рвать охотнице живот, рядом не окажется никого, способного защитить ее, и лишь позже, когда будет время вернуться за раненой, он пожалеет о своем бездушии, о том, что позволил себе не обратить внимания на падение человека, для него же выслеживавшего добычу. А после — стыд, вина, бесконечные самообвинения. Да, ему предстояло пережить все это снова, во сне, в цепенящем зное Субраеля… Или нет?

Нет. Это было бы слишком просто для всеобщего языка снов, и в густом тумане, внезапно окутавшем Деккерета, он увидел, как стимов

неожиданно развернулся и хлестнул охотницу, сбив ее с ног, но женщина поднялась, выплюнув несколько окровавленных зубов, и расхохоталась, и погоня продолжалась — точнее, вернулась к своей начальной стадии, а после стимов вырвался вдруг из гущи леса и напал на самого Деккерета, вышибая кинжал из его руки, грозно взревел перед последним ударом, но не нанес его; а сцена вновь и вновь менялась, и теперь уже Колатор Ласгия лежала под опускающейся лапой, пока Деккерет беспомощно дрожал рядом, не способный шевельнуться. Затем жертвой снова стала охотница, потом Деккерет, и — совсем уж неожиданно и невероятно — старший Баржазид, а после него — Колатор Ласгия. Деккерет смотрел, не отводя глаз, и голос под его локтем произнес:

«В чем дело? Все мы — и жизнь наша, и смерть — принадлежим Дивине. Возможно, для тебя тогда было важнее не упустить добычу».

Деккерет огляделся. Голос принадлежал охотнице, и звук его поразил Деккерета. Сон начал сбивать с толку. Он попытался проникнуть в его тайну, напрягая свою волю.

Теперь он видел Баржазида, стоящего неподалеку на темной лесной прогалине. Стимов снова рвал охотницу.

«Такова правда?»— спросил Баржазид.

«Наверное, да. Я не видел».

«Что вы делали?»

«Продолжал погоню. Я не хотел лишиться добычи».

«Вы его убили?»

«Да».

«А потом?»

«Вернулся обратно и нашел ее. Так...»

Деккерет помотал головой. Гнусный пожиратель падали уже оседлал женщину. Колатор Ласгия, улыбаясь, стояла рядом, скрестив руки.

«А после?»

«Подошли остальные. Они похоронили ее, затем мы сняли шкуру зверя и вернулись в лагерь».

«Дальше».

«Кто вы? Почему спрашиваете?»

Деккерет на один краткий миг увидел себя под клыкастым рылом пожирателя падали.

«Вам было стыдно?»— спросил Баржазид.

«Конечно. Я поставил охотничий азарт выше человеческой жизни».

«Вы не могли знать, что она ранена».

«Но я чувствовал. И ведь видел, но просто не позволил себе смотреть, понимаете? Я знал, что

ей плохо, и ушел».

«А кто позаботился о ней потом?»

«Я».

«Даже так?»

«Да».

«Вы чувствуете себя виноватым?»

«Конечно».

«Вы виновны юностью, глупостью, воспитанием».

«Разве вы мой судья?»

«Да,— сказал Баржазид.— Взгляните на мое лицо».— Он дернул шрам на своем лице и надул щеки, и его продубленная пустыней кожа начала трескаться и лицо сморщилось, как маска, и соскользнуло, открыв под собой иное лицо, искаженное отвратительной ухмылкой, дергающееся от конвульсивного хохота.

И Деккерет узнал его — это было его собственное лицо!

В тот же миг Деккерета пронизало такое ощущение, будто игла жесточайшего света пробила ему голову. Подобной боли он еще никогда не испытывал — игла пылала в мозгу с чудовищной силой. И этот мучительный удар высветил глупую мальчишескую романтику — единственную виновницу, сочинительницу трагедии. Он метал-

ся в поисках очищения от греха, который вовсе не был грехом, если исключить, снисходительность к самому себе. В разгар агонии Деккерет услышал вдали удар гонга и сухой, режущий слух, дьявольский хохот Баржазида, потом, напрягшись изо всех сил, вырвался из сна и повернулся на бок, дрожащий и ошеломленный, все еще испытывая боль, хотя она уже таяла вместе с остатками сна.

Он попытался встать и обнаружил, что завернут в густой, чахнущий мускусом мех, словно стимов прижал рыцаря к своей груди. Сжимали его могучие руки. Четыре руки, осознал Деккерет, и окончательно пришел в себя, понял, что лежит в объятиях гигантской скандарши Кэймак Грэп. Вероятно, он бился и кричал во сне, она решила, что кошмар продолжает мучать его, и не дата подняться. Держала с такой силой, что чуть не трещали ребра.

— Все в порядке,— пробормотал Деккерет, с трупом открыв рот, плотно прижатый к серой шерсти.— Я не сплю.

Она продолжала держать.

— Вы… меня… задушите…

Он дышал с трудом. Она могла убить его в заботливых материнских объятиях. Деккерет вырывался, отталкивал, даже колотил. Извиваясь,

он как-то ухитрился сбить ее с ног, и они опять рухнули на землю. Она оказалась под ним, и в последнее мгновение руки ее разжались, позволив пленнику откатиться в сторону. Поднялся на колени, все тело болело. Выпрямляясь, заметил стоящего у флотера Баржазида, который поспешно срывал со лба какой-то аппарат — нечто вроде изящной диадемы и прятал в потайное отделение машины.

— Что это?— выкрикнул Деккерет.

Баржазид казался необычно взволнованным.

— Ничего. Просто игрушка.

— Дайте-ка посмотреть.

Баржазид подал знак. Краем глаза Деккерет заметил, что Кэймак Грэп поднимается на ноги и снова тянется к нему. Но прежде чем тяжеловесная скандарша управилась, Деккерет отскочил в сторону и стрелой помчался вокруг флотера к Баржазиду. Коротышка продолжал возиться со своим аппаратом. Деккерет, нависнув над ним, как над ним самим только что нависла скандарша, быстро схватил его руку и заломил за спину, после чего взял аппарат из флотера и бегло осмотрел.

Теперь проснулись все. Урун уставился на происходящее вытаращенными глазами, а юный

Динитак выставил нож и крикнул.

— Отпусти его!

Деккерет рывком развернул Баржазида, прикрываясь им, как щитом.

— Скажи сыну, чтоб убрал нож,— приказал он.

Баржазид молчал.

— Или он уберет нож, или я сломаю тебе руку!— Он сдавил посильнее.— Выбирай!

Низким голосом Баржазид отдал приказ. Динитак броском воткнул нож в песок почти у самых ног Деккерета. Деккерет шагнул вперед, поднял нож и отбросил его за спину, потом покачал аппарат перед лицом Баржазида. Это была вещица из золота, хрусталя и слоновой кости, тщательно и со вкусом отделанная, с непонятными проводами и завязками.

— Что это?

— Я ведь сказал — игрушка. Пожалуйста, отдайте… отдайте, а то вы ее сломаете.

— И каково назначение этой игрушки?

— Она развлекает меня во сне,— хрипло пробормотал Баржазид.

— Каким образом?

— Усиливает сны, делает их интереснее.

Деккерет поднес механизм поближе к глазам.

— А если я надену его на себя, он и мои сны

усилит?

— Вы только сами себе навредите, Инитэйт.

— Ну-ну, расскажи-ка, что эта штука делает для тебя?

— Это очень трудно объяснить.

— А ты потрудись, подыщи слова. Как ты оказался в моем сне, например? Ты не имел никакого отношения к столь щепетильному посланию.

Коротышка пожал плечами и неловко сказал:

— Я был в вашем сне? Да откуда мне знать, что происходило в вашем сне? Такое вообще невозможно.

— Да? А я думаю, твой аппарат помог тебе туда проникнуть и узнать, что я вижу.

Баржазид ответил угрюмым молчанием.

— Опиши-ка его действие,— продолжал Деккерет,— или я просто сломаю его.

Сильные пальцы Деккерета стиснули одну из самых хрупких на вид частей непонятного приспособления. Баржазид судорожно сглотнул, тело его напряглось.

— Ну?— подстегнул Деккерет.

— Да, вы правильно угадали. Это… это позволяет мне проникать в спящее сознание.

— Вот как? Где же ты достал такую вещь?

— Сам придумал и совершенствовал много лет.

— Значит, эта штука вроде машин Властительницы Острова Снов?

— Не совсем. Моя сильнее. Властительница может лишь говорить с сознанием, я же могу читать сны и управлять как их образованием, так и спящим сознанием.

— И ты придумал его сам, а не украл на Острове Снов?

— Сам, — пробормотал Баржазид.

Деккерета захлестнула волна ярости. Захотелось раздавить механизм и отдубасить Баржазида до крови. Воспоминание о всех полуправдах, недомолвках и прямой лжи, которые скармливал ему коротышка, и как за время поездки вмешивался в его сны, как бесцельно пугал и лишал целительного отдыха, как подмешивал ложные страхи, мучения и неуверенность в послания Властительницы, вызывало почти убийственный гнев. Сердце бешено колотилось, в горле пересохло, глаза застилала красная дымка, рука его на локте Баржазида сжималась до тех пор, пока коротышка не взвыл…

— Нет!

Деккерет достиг некоей внутренней вершины гнева, продержался там мгновение и, перевалив через пик, постепенно спустился к спокойствию.

И вновь обрел хладнокровие. Заметил, что все еще сжимает руку Баржазида. Он отпустил его, отшвырнув к флотеру. Тот зашатавшись, вцепился в изогнутый борт машины. Все краски исчезли с его лица. Нежно потер посиневшую руку и взглянул на Деккерета со смешанным выражением ужаса, боли и негодования.

Деккерет внимательно изучал любопытный инструмент, мягко дотрагиваясь кончиками пальцев до изящных и сложных частей конструкции, затем потянулся водрузить его себе на лоб.

— Не надо! — выдохнул Баржазид

— А что случится? Думаешь, сделаю себе хуже? Я справлюсь.

— Справитесь. И сами же себе навредите.

Деккерет кивнул. Он не сомневался, что Баржазид лжет, но не стал уличать его. Немного помолчав, спросил:

— Выходит, в пустыне нет никаких метаморфов — похитителей снов?

— Да,— прошептал Баржазид.

— Есть только ты. Ты проводил опыты над сознанием спящих путников, так?

— Да.

— И доводил их до смерти.

— Нет!— взвизгнул Баржазид.— Я не хотел

никого убивать. Они сами умирали от испуга, оттого, что ничего не могли понять, оттого, что убегали в пустыню или терялись в своих снах, как вы…

— Но умирали они потому, что ты вмешивался в их сознание.

— Кто может быть в этом уверен? Некоторые умерли, некоторые нет. Я никому не желал смерти. Вспомните, когда вы исчезли, мы вас старательно искали.

— Да, потому что я нанял тебя ради своей же безопасности, и об этом знают в Толигае,— напомнил Деккерет.— А других ни в чем не повинных путников ты издавна грабил, разве не так?

Баржазид промолчал.

— Ты знал, что люди погибают в результате твоих опытов, но продолжал экспериментировать.

Так же молча Баржазид пожал плечами.

— Сколько занимаешься этим?

— Несколько лет.

— Но зачем?

Баржазид отвел взгляд.

— Я уже как-то говорил вам, что никогда не отвечаю на подобные вопросы.

— Даже если я сломаю твою машину?

— Вы все равно не сломаете.

— Нет,— сказал Деккерет.— На, бери.

— ЧТО?

Деккерет протянул руку с аппаратом на ладони:

— Возьми.

— Вы не убьете меня?— вздрогнул Баржазид.

— Разве я судья? Вот если поймаю тебя еще раз, когда будешь испытывать его на мне, то убью, будь уверен. А так — нет. Убийство не по мне. У меня на душе и так уже есть один грех. К тому же ты должен провести меня обратно в Толигай, забыл?

— Конечно, конечно.— Баржазид был явно ошеломлен милосердием Деккерета.

— Хотя убить тебя стоило,— пробормотал Деккерет.

— Но послушайте…— начал Баржазид.— Я вмешивался в ваши сны…

— Ну?

— Я хотел понять вас.

— Хм…

— Я… Вы не хотите отомстить?

Деккерет покачал головой.

— Ты позволил себе слишком вольно обойтись со мной и рассердил меня, но теперь гнев прошел, и я не хочу тебя наказывать.— Он наклонился

поближе к коротышке и сказал низким угрожающим тоном:— Я пришел в Сувраель полный тревоги и вины, в поисках очищающих физических страданий. Глупости! Физические страдания лишь укрепляют тело и силу и совсем немного значат для душевных ран. Ты же дал мне кое-что другое. Ты и твоя игрушка. Хоть ты и мучил меня в снах, но ты держал зеркало моей души и я видел себя и свою сущность. Ты хорошо видел мой последний сон, Баржазид?

— Вы были в лесу… на севере…

— Да.

— Вы охотились. Одного из ваших загонщиков ранил зверь, да?

— Продолжай.

— И вы оставили ее. Вы продолжили погоню за добычей, а потом, когда вернулись, было уже поздно; и вы обвинили себя в ее гибели. Я ощущал огромность вашей вины, и чувствовал исходящую от вас силу.

— Да,— кивнул Деккерет.— Это вина, которую мне предстоит нести всю жизнь.— Поразительное спокойствие вдруг охватило его. Он ни в чем не был уверен, кроме того, что во сне, наконец, встал лицом к лицу с событиями в Канторском лесу и взглянул на то, что он там натворил и чего

не сделал. Но, понимая это, он не мог выразить словами, что глупо мучить себя всю жизнь за один беспечный поступок, наступил момент отбросить самобичевание и заняться делом. И теперь простил себя. Он приехал в Сувраель ради искупления, и каким-то образом получил его, за что должен благодарить Баржазида.

— Возможно, я мог бы спасти ее, а возможно, и нет. Смерть есть смерть, да, Баржазид? И я должен служить не мертвым — живым. Едем. Разворачивай флотер, мы возвращаемся в Толигай.

— Но… а как же с вашим визитом на пастбища?

— Идиотское поручение. Недопоставки мяса! Вопрос уже решен. Так что, в Толигай.

— А там?

— Ты поедешь со мной в Замок Горы, покажешь свою игрушку Венценосцу.

— Нет!— в ужасе выкрикнул Баржазид. Впервые с тех пор, как они познакомились, он по-настоящему перепугался.— Прошу вас…

— Отец?— окликнул его Динитак.

Под палящими лучами солнца парнишка здорово загорел, лицо его казалось совсем черным. И надменным.

— Отец, поезжай в Замок Горы, пусть все уви-

дят, ЧТО ты сделал.

Баржазид облизнул пересохшие губы.

— Я боюсь…

— Нечего бояться, наступает наше время.

Деккерет переводил взгляд с одного Баржазида на другого.

Старик оробел и как-то съежился, зато парень совершенно преобразился. Он чувствовал, что происходит историческое событие, свершается перестановка могущественных сил, которые он едва понимал.

Баржазид сказал хрипло:

— А что будет со мной в Замке Горы?

— Не знаю,— ответил Деккерет,— вполне возможно, что голову твою выставят на всеобщее обозрение на шпиле башни Властителя Симинэйва, а может быть, ты займешь место среди Великих Сил Маджипуры. Случиться может все что угодно, откуда мне знать?— Он понимал, что ведет себя неосмотрительно, потому что ему безразлична была судьба Баржазида и он не испытывал ненависти к коротышке, а только какую-то порочную благодарность за то, что тот помог ему справиться с собой.— Все зависит от Венценосца. Но одно я знаю точно — ты едешь со мной со своей машиной. Все, разворачивай

флотер!

— Но день еще не кончился,— отговаривал Баржазид,— слишком жарко.

— Ничего, выдержим. Едем, и побыстрее! Нужно успеть захватить в Толигае корабль. К тому же в городе есть женщина, с которой я хочу увидаться до отплытия.

Это произошло в юности того, кто стал впоследствии Властителем Деккеретом при Понтифике Престимионе. А юный Динитак Баржазид стал первым повелителем Суврaеля и владыкой душ всех спящих Маджипуры, именуемым отныне королем Снов.

ШЕСТЬ
Художник и Меняющий Форму

Это стало укоренившейся привычкой. Душа Хиссуна была открыта для всего, а Счетчик Душ — ключ к безграничному богатству нового восприятия. Он, один из жителей Лабиринта, получал особое ощущение мира, пусть немного неясное и нереальное, вроде названий на картах. Только мрак и закрытость Лабиринта имели сущности, все прочее — туман. Но в то же время Хиссун уже побывал на всех континентах, Пробовал необычную пищу, видел жуткие пейзажи, испытал холод и жару, и через все это пришел к более всестороннему пониманию сложного окружающего мира, что, как он подозревал, удавалось очень немногим. И вот возвращался и возвращался к Счетчику Душ. Но больше не подделывал пропуск: он настолько часто бывал в архивах, что стражи лишь приветствовали его кивком головы и без слов пропускали внутрь, где в его распоряжении были миллионы «вчера» Маджипуры. Часто задерживался всего на несколько минут, пока определял, что не найдет сегодня ничего нового чтобы, двигаться дальше по дороге знаний.

Иногда с утра в быстрой последовательности вызывал и обрывал по восемь, десять, пятнадцать записей. Разумеется, ему известно, что каждая душа таит в себе целый мир, но не каждый такой мир одинаково интересен. Так он искал и искал душу, способную открыть для него нечто новое, и делал иной раз неожиданные находки. Например, обнаружил человека, полюбившего Меняющего Форму.

Излишества изгнали художника Териона Нисмайла из хрустальных городов Замка Горы в мрачные леса западного континента. Всю жизнь он прожил среди чудес Горы, путешествуя, согласно требованиям своей профессии, по пятидесяти городам, и каждые несколько лет сменяя роскошь одного на чудеса другого. Родился живописец в Дэндилмире, и на первых его полотнах запечатлелись сцены Сверкающей Долины, буйные и страстные от вложенного в них пыла юности. Несколько лет прожил в поразительном Кэнзилэйне, городе говорящих статуй, потом во внушающем благоговение Сти, от одного предместья которого до противоположного не меньше трех дней пути, побывал в Халанксе, расположившемся почти у окраины Замка, и пять лет провел в самом Замке, где создавал

картины придворной жизни Венценосца Трэйма. Его полотна высоко ценились за холодную сдержанность и изящество, отражающие высшую степень совершенства Пятидесяти Городов. Но тем не менее, красота этих мест со временем перестала трогать душу и чувства художника, и когда Нисмайлу исполнилось сорок лет, он начал сравнивать совершенство с застоем и не мог глядеть на самые знаменитые свои работы. Душа требовала непредсказуемости, преобразования.

Высшей критической точки, наибольшей глубины кризиса живописец достиг в садах Толингарского Барьера, удивительном парке, раскинувшемся между Дэндилмиром и Стипулом. Венценосец заказал серию картин о садах, чтобы украсить беседку из ползучих растений, выстроенную у края Замка. И Нисмайл услужливо проделал далекое путешествие вниз по склонам колоссальной Горы прошел миль сорок по парку, выбирая подходящее место для работы, и установил мольберт на Казкаском Мысе, где горизонтальная линия сада тянулась вдаль гигантскими зелеными, симметрично пульсирующими завитками. Он бывал здесь еще мальчишкой. На всей Маджипуре нельзя найти места более безмятежного и чистого. Толингар-

ские сады составляют растения удивительной красоты и опрятности, их не касаются руки садовников. Деревья и кустарники развиваются в грациозной симметрии, регулируя промежутки между собой и подавляя всю близлежащую траву. Когда они роняли листья или считали необходимым избавиться от засохшей ветви, собственные ферменты быстро разлагали сбрасываемый материал, превращая его в полезный компост. Этот сад основал Властитель Ховилбов более ста лет назад. Его преемники Властитель Кэнэтэ и Властитель Сирран продолжили и расширили программу генетически управляемых преобразований, и уже в царствование Властителя Трэйма замысел был завершен, так что творение, казалось, застыло, навечно прекрасное. Это было само совершенство, которое и решил запечатлеть Нисмайл.

Он стоял перед чистым холстом, глубоко и спокойно втягивая воздух, как всегда, когда готовился войти в транс. А потом в одно мгновение дух его, отрешившись от сознания, впитал в себя миг уникальности видимой сцены психофизическим восприятием. Он обвел взглядом нежные холмы в зарослях кустарника с изящными иглами листвы — и волна бунтарской ярости захватила его. Живописец затрепетал, пошат-

нулся и чуть не упал. Этот замерший пейзаж, это место, чистое и прекрасное, этот непогрешимый и бесподобный сад не нуждались в нем. Он и сам по себе был неизменным, как картина, так же безупречно застыв в своем невидимом ритме до конца времен. Как страшно! И как ненавистно! Нисмайл пошатнулся, прижав ладони к вискам, Он услышал удивленный шепот сопровождающих, и когда открыл глаза, то увидел, что все в ужасе смотрят на почерневший, обезображенный пузырями холст.

— Снимите! — закричал художник и отвернулся. Все сразу пришло в движение, люди суетились, а в центре группы замер Нисмайл, похожий на статую. Овладев собой, он сказал спокойно:

— Передайте Властителю Трэйму, что я не смог исполнить его поручение.

За день он купил в Дендилмире все необходимое и отправился в долгое путешествие к обширным и жарким заливным лугам реки Иоайн, там сел на баржу и долго-долго плыл по медлительным водам Алэйсора, порта на западном побережье Альханроеля, откуда после недельного ожидания кораблем добрался до Ниминора — Острова Снов, где прожил месяц. Затем устроился на корабль паломников, шедший

в Пилиплок, город на диком материке Зимроеле. Живописец был убежден, что Зимроелъ не будет угнетать ни изящной красотой, ни совершенством. Здесь насчитывалось восемь-девять городов, скорее всего небольших, да простые пограничные поселения, а все внутренние земли континента оставались дикими и малоисследованными туда Властитель Стиамот переселил метаморфов после их окончательного поражения четыре тысячи лет назад. Человек, уставший от цивилизации, мог бы восстановить душевные силы в таком окружении.

Нисмайл не питал иллюзий и ждал, что Пилиплок окажется грязной дырой, но к его удивлению город оказался древним и большим, выстроен по невообразимо четкому математическому плану. Такого безобразия, никоим образом не освежающего душу, он не потерпел и двинулся на речной барже вверх по Зимру.

Оставил позади огромную Ни-мою, прославленную даже среди обитателей других материков, но в городе под названием Верф, подчинившись порыву, покинул баржу, нанял фургон и отправился в леса на юге. Забравшись настолько глубоко в глушь, что нигде не осталось и следа цивилизации, он поставил хижину возле быстрой речки. К

этому времени прошло три года, как он покинул Замок Горы. Всю поездку художник держался особняком, заговаривая с попутчиками только по необходимости, и не писал совсем.

Здесь он почувствовал, что постепенно начинает излечиваться. Все в окружающем мире казалось незнакомым и удивительным. В Замке Горы с его управляемым климатом царствовала бесконечная весенняя свежесть, ненастоящий воздух был чистым и сухим, дожди шли по расписанию. Но теперь он находился в туманном и дождливом лесу с губчатой плодородной почвой, где деревья росли в такой хаотичной путанице, какой он, живописец, не мог и представить, когда стоял у Толингарского Барьера. Он носил минимум одежды, методом проб и ошибок узнавал, какие плоды, ягоды и коренья пригодны в пищу, придумал плетеную запруду, облегчившую ловлю гибких красных рыб. Часами бродил Нисмайл по густым джунглям, смакуя не только необычную красоту, но и радость самих прогулок. Часто он пел громким срывающимся голосом, чего никогда не делал в Замке Горы. Иногда начинал было готовить холсты, но убирал их, так и не прикоснувшись; сочинял поэму с прочувствованными словами и пел ее стройным высоким

деревьям, опутанным лианами. Правда, время от времени хотелось узнать, что происходит при дворе Властителя Трэйма и не нанял ли Венценосец другого живописца, но такие мысли приходили нечасто.

Нисмайл утратил счет времени. Четыре, пять, возможно, шесть недель миновало — он не мог бы сказать точнее — прежде, чем увидел первого метаморфа.

Встреча произошла на болотистой лужайке в двух милях вверх по речке от его хижины. Нисмайл бродил, собирая сочные алые луковицы земляных лилий, которые, как он недавно узнал, если их размять и запечь, очень вкусны. Росли они глубоко, и он выкапывал их руками, извозившись в земле до плеч. Он поднял грязнее лицо, вытаскивая пригоршню луковиц, и ярдах в десяти заметил спокойно наблюдавшую за ним фигуру.

Он никогда не видел метаморфов. Уроженцы Маджипуры были навечно изгнаны из столичного континента Альханроеля, где провел свои детские годы Нисмайл. Но он представлял, как они выглядели, и узнал это высокое, хрупкое, желтокожее существо, остролицее, с косящими внутрь глазами, еле заметным носом и волокни-

стыми, резинистыми волосами бледно-зеленого оттенка. На метаморфе был лишь кожаный пояс с коротким кинжалом у бедра. Метаморф стоял, балансируя на длинной ноге, обернув вокруг нее другую. Он выглядел зловещим и мягким одновременно, угрожающим и смешным. Подумав, Нисмайл решил не тревожиться.

— Привет,— сказал он непринужденно.— А я луковицы собираю.

Метаморф не ответил.

— Я Терион Нисмайл, был художником в Замке Горы. У меня тут хижина вниз по реке.

Так же молча метаморф продолжал смотреть. На его лице промелькнуло странное выражение. Затем он повернулся и скользнул в джунгли, почти мгновенно растворившись среди листвы.

Пожав плечами, Нисмайл продолжал выкапывать луковицы.

Через неделю-две он встретил второго метаморфа (или, возможно, того же самого), на этот раз, когда сдирал кору с лианы, делая канат для ловушки на билантона. Метаморф безмолвно возник перед Нисмайлом, как призрак, и принялся созерцать его в том же одноногом положении, что и в прошлый раз. Нисмайл опять попытался вовлечь его в разговор, но, как и тогда, ничего не

вышло, и загадочное существо вновь стало исчезать в лесу, действительно подобно призраку.

— Подожди — позвал Нисмайл,— я хочу поговорить с тобой, я…— Но он уже остался один.

Несколько дней спустя, собирая дрова для костра, художник снова почувствовал, что его пристально разглядывают. Он сразу заговорил:

— Я поймал билантона и испек. Мяса больше, чем мне нужно. Может, разделишь со мной обед?

Метаморф улыбнулся, вернее на лице его мелькнуло подобие улыбки, хотя это могло быть и что-то другое — и, словно отвечая, вдруг превратился в зеркальное отражение самого Нисмайла, коренастого и мускулистого, с черными проницательными глазами и темными волосами до плеч. Нисмайл заморгал, задрожав, потом, опознав себя, улыбнулся и решил принять это как некую ферму разговора:

— Поразительно! Ни разу еще не видел. Идем, часа через полтора мясо будет готово, а мы пока поболтаем. Ты понимаешь наш язык? Или нет? — было очень необычно разговаривать со своим двойником.— Скажи что-нибудь! Тут есть неподалеку ваше поселение? Пуиривар,— поправился он, вспомнив, как сами метаморфы называют

себя,— ваш поселок где-то здесь, в джунглях? — повторил Нисмайл, жестикулируя.— Пойдем к хижине, посидим у костра. У тебя нет вина? Единственное, чего мне недостает, так это доброго крепкого вина вроде того, что делают в Майдемаре. Ну, скажи же хоть что-нибудь! — Но метаморф ответил лишь гримасой (возможно, означавшей усмешку), исказившей второе лицо Нисмайла, после чего Меняющий Форму мгновенно вернулся в свой естественный облик и неторопливой плывущей походкой удалился.

Нисмайл надеялся, что он возвратится с фляжкой вина, но в тот день больше его не видел. Любопытные существа, размышлял художник. Возможно, их рассердило, что он поставил хижину на чужой территории; или держат под надзором из боязни, что он является авангардом человеческих переселенцев? Странно, но он совсем за себя не боялся, хотя в большинстве своем метаморфы были недоброжелательными, чужими и чуждыми. Многочисленные истории рассказывали об их набегах на приграничные поселения людей, о том, что народ Меняющих Форму навсегда затаил ненависть к тем, кто захватил их мир, лишил законных прав на планету и загнал в джунгли, Но Нисмайл знал себя как

человека доброй воли, никогда не причинявшего вреда другим, желающего, чтобы его оставили в покое и позволили жить своей жизнью. И он воображал, будто какие-то неуловимые чувства дадут понять метаморфам, что он им не враг. Хотел стать другом. Он истосковался по приятельской беседе после столь долгого одиночества, хотел поделиться своими мыслями с этим необычным народом, мог бы даже написать кого-нибудь из них. Подумал о возвращении к искусству и испытал необычайный душевный подъем. Несомненно, он отличался сейчас от того несчастного человека, каким был в Замке Горы, и отличие это само по себе должно было сказаться на его творчестве. В течение последующих нескольких дней Нисмайл репетировал речь, которую придумал, чтобы завоевать доверие метаморфов. Со временем, рассуждал он, они могли стать друзьями, беседовать…

Но шли дни, а он не видел ни одного метаморфа. Бродил по лесу и не встречал никого. Решил, что слишком торопил события и вспугнул их. Это его расстроило.

Однажды в сырой и теплый день через несколько недель после того, как он в последний раз видел метаморфа, художник купался в холодной

к глубокой запруде, образованной валунами в полумиле ниже хижины, когда заметил бледную стройную фигуру, быстро пробирающуюся сквозь густую заросль синелистого кустарника на берегу. Он выскочил из воды.

— Подожди! — закричал.— Пожалуйста… не бойся!.. не уходи!..

Фигура исчезла, но Нисмайл, бешено продираясь сквозь подлесок, снова увидел ее через несколько минут совершенно случайно у гигантского дерева с красной корой.

Пораженный, Нисмайл замер — это был человек, женщина.

Стройная, юная и нагая. С густыми каштановыми волосами, узенькими плечами, небольшой высокой грудью, яркими глазами, она, казалось, совершенно не боялась его, лесовика, который слишком очевидно наслаждался нежданной радостью встречи. Пока он собирался с мыслями, она неторопливо оглядела его и сказала со смехом:

— Какой исцарапанный! Разве ты не умеешь бегать по лесу?

— Я не хотел, чтоб ты ушла.

— Ну, далеко я бы не ушла… Знаешь, я долго за тобой следила, пока ты меня заметил. Ты из

хижины, правильно?

— Да-а, а ты? Где ты живёшь?

— Здесь и там, повсюду,— прозвучал мелодичный ответ.

Он смотрел на нее в изумлении. Красота ее восхищала, бесстыдство потрясало. Ему подумалось, что она вполне может оказаться галлюцинацией. Откуда взялась? Что делает обнаженная девушка одна в этих дебрях?

Девушка?

Конечно, нет, дошло до него с внезапной краткой горечью ребенка, жаждавшего во сне сокровища, обретшего его, и проснувшегося. Вспомнив, как легко метаморф стал его отражением, Нисмайл понял, что это просто какая-то шалость, маскарад. Он пристально изучал ее, выискивая признаки метаморфа: следы желтоватой кожи, острые выпирающие скулы, косящие глаза. Выискивал эти следы на бесстыдно-веселом лице, но тщетно. Во всех отношениях она выглядела человеком. И тем не менее… поскольку встретить здесь кого-нибудь из соплеменников было просто-напросто невероятно, а кого-нибудь из пуириваров — вполне возможно, то…

Он не хотел верить в это, и решил воспринимать возможный обман сознательно и доверчиво,

в надежде со временем больше поверить в ту, кем она казалась.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Сэрайс. А тебя?

— Нисмайл. Где ты живешь?

— В лесу.

— Значит, тут неподалеку поселок?

Она дернула плечом:

— Я живу одна.— Она подошла к нему. Он почувствовал, как напрягаются его мускулы по мере ее приближения. В животе что-то ёкнуло, кожу словно обожгло — это девушка легонько коснулась порезов от ветвей на его руках и груди.— Больно?

— Начинают болеть. Я их промою.

— Да, пожалуй. Давай вернемся к запруде. Я знаю тропку получше той, по которой ты мчался сломя голову, Иди за мной.

Она отошла в сторону, раздвинула ажурные ветви густой заросли папоротников, открыв узкую, но хорошо утоптанную тропинку. Грациозно рванулась вперед, и он побежал следом, восхищаясь легкостью ее движений, игрой мышц спины и ягодиц. Он нырнул в воду секундой позже нее, взметнув фонтаны брызг. Холодная вода успокоила саднящие царапины. Когда они вышли из

воды, его властно потянуло привлечь девушку к себе и обнять, но он не посмел. Они растянулись на поросшем мхом берегу. В глазах ее сверкало озорство, недоброе озорство.

— Моя хижина недалеко,— сказал он.

— Я знаю.

— Не хочешь заглянуть туда?

— В другой раз, Нисмайл.

— Хорошо, в другой, так в другой.

— Откуда ты? — поинтересовалась она.

— Я родился близ Замка Горы. Знаешь, где это? Я был придворным живописцем Венценосца, но не обычным — я пишу душой. Понимаешь, это… как бы переносишь душой картину на холст… Я могу показать. Я смотрю на что-нибудь внутренним взором, проникаю в его суть и охватываю душу увиденного своим подсознанием, затем впадаю в транс, почти засыпаю, преобразую увиденное в что-то свое и переношу на холст.— Он помолчал.— Это лучше увидеть.

Она, кажется, почти не слушала его.

— Ты хочешь ко мне прикоснуться, Нисмайл?

— Да. Очень.

Густой и мягкий мох напоминал толстый ковер. Она подкатилась к нему, и рука его нависла над ее телом, и тогда он заколебался: он был убежден,

что она метаморф и играет с ним в какую-то извращенную игру Меняющих Форму, и наследие тысячелетнего страха и ненависти поднялось в нем. Он страшился ее прикосновения, боялся найти ее кожу липкой и отвратительной, какой, по его мнению, должна быть кожа метаморфов. А еще он боялся, что она изменится, обернется чуждой тварью, когда будет покоиться в его объятиях. Глаза ее приблизились, губы раскрылись, язычок дразняще мелькнул за белыми зубами, как змеиный,— она ждала. В ужасе он заставил свою руку лечь на ее грудь. Кожа была теплой и упругой, чувственной плотью человеческой женщины — настолько он мог припомнить после стольких лет одиночества. С тихим вскриком она прижалась к нему, На один пугающий миг безобразный образ метаморфа мелькнул в сознании — угловатый, длиннорукий, длинноногий, безносый, но он отмел его прочь и, приподнявшись, лег и вдавился в ее сильное гибкое тело.

Долгое-долгое время спустя они лежали бок о бок, умиротворенные, сцепив руки и ничего не говоря. Даже когда пошел легкий теплый дождь, не шевельнулись, позволяя быстрым острым каплям свежестью омывать разгоряченные тела. Наконец он открыл глаза и обнаружил, что она

смотрит на него с сильным любопытством.

— Я хочу нарисовать тебя,— сказал он.

— Нет.

— Не сейчас. Завтра. Ты придешь ко мне в хижину, и...

— Нет.

— Я уже несколько лет не пробовал писать. Для меня очень важно начать сызнова. И я очень хочу написать тебя.

— А я очень этого не хочу,— ответила она.

— Пожалуйста!

— Нет,— повторила Сэрайс мягко, откатилась от него и встала.— Рисуй джунгли, запруду. Только не меня, Нисмайл, хорошо?

Неторопливым жестом он дал понять, что согласен.

— Теперь я пойду,— сказала она.

— Скажи, где ты живешь?

— Я уже говорила. Здесь и там. В лесу. Почему ты задаешь такие вопросы?

— Я не хочу терять тебя, а если ты исчезнешь, откуда мне знать, где искать?

— Но я ведь знаю, где тебя найти,— засмеялась Сэрайс. — По-моему, этого хватит.

— Ты придешь завтра ко мне в хижину, да?

— Да.

Он взял ее за руку и потянул к себе. Но теперь уже колебалась она. Тайна ее стучала в висках. Она не сказала ничего, кроме своего имени. С трудом верилось, будто она, как и он, в одиночестве живет в джунглях и бродит по ним из прихоти, но он сомневался что сумеет отыскать и указать ей несоответствие между ее— словами и действительностью. И все-таки самое вероятное объяснение — она метаморф, впутавшийся по непонятной причине в связь с человеком. Он всеми силами сопротивлялся этой мысли, но был слишком здравомыслящим, чтобы отвергнуть ее напрочь. С другой стороны, она выглядела, как человек, чувствовала, как человек, вела себя, как человек. Неужели метаморфы столь далеко заходят в своих перевоплощениях? Его подмывало спросить прямо, выложить свои подозрения, но это было бы просто глупо — она и так ничего не сказала, и ясно, что не ответит. И он оставил все вопросы при себе. Она мягко высвободила руку, улыбнулась, послала ему воздушный поцелуй и, шагнув к окаймляющим тропу папоротникам, исчезла из виду.

Весь следующий день Нисмайл прождал ее дома. Она не пришла, и это почти не удивило его. Встреча казалась сном, фантазией, интер-

медией вне времени и пространства. Он даже не надеялся увидеть ее снова. К вечеру достал из привезенного с собой мешка холст, натянул на самодельный подрамник, собираясь запечатлеть открывающийся из окна хижины вид, когда сумерки окрасят воздух. Он долго изучал пейзаж, проверяя вертикаль стройных деревьев относительно тяжелой горизонтальности густых зарослей желтых ягодных кустов, и в конце концов покачал головой и убрал холст. Ничто в окружающем мире не нуждалось в перенесении на картину. Он решил утром подняться вверх по речке за луг к более обещающей сцене, где мясистые красносочные побеги торчали, как резиновые шипы, из глубоких расселин в скалах

Но утром нашелся предлог отложить поход, а днем показалось, что идти уже поздно. Тогда он принялся за работу в своем крошечном садике, куда пересаживал некоторые кусты, чьи ягоды или зелень употреблял в пищу, и провозился несколько часов. После полудня молочная мгла окутала лес. Он вошел в хижину, а через несколько минут в дверь постучали.

— Я надеялся,— сказал он ей.

Лоб и брови Сэрайс покрывали бусинки туманной влаги.

— Я обещала,— тихо сказала она,— и пришла.

— Вчера,— напомнил Нисмайл.

— Вот это — за вчерашний день,— девушка засмеялась и вытащила из-под одежды фляжку.— Любишь вино? Я нашла немного. Пришлось, правда, порядочно пройти, чтобы достать его. Вчера.

Молодое темное вино, искорками щекотавшее язык. Фляжка без ярлыка, но Нисмайл полагал, что это какой-то напиток, неизвестный в Замке Горы. Они прикончили все, причем, он выпил гораздо больше девушки — она наполняла его чашу снова и снова. И когда вино иссякло, нетвердыми шагами вывалились наружу и занялись любовью на холодном и сыром берегу речки, после чего задремали.

В начале ночи она разбудила его и отвела в постель. Они провели на ней ночь, а утром подруга не выказала никакого желания уйти. Сходили к запруде и начали день с купания, снова занимались любовью на толстом ковре из мхов, а после она провела художника к древесному исполину с красной корой, где он впервые ее увидел, и показала гигантский желтый плод, упавший с одной из чудовищных ветвей. Нисмайл с сомнением оглядел его. Плод раскололся показывая алую

мякоть, усеянную большими поблескивающими черными зернами.

— Двикка,— сказала она.— Сейчас мы добудем питье.— Она разделась и сложила в платье большие куски плода, которые они отнесли к хижине, где и позавтракали. Почти до полудня пели и смеялись. На обед нажарили рыбы, наловив ее в плетеной запруде Нисмайла, а позже, когда лежали рука в руке, любуясь приходом ночи, она задавала тысячи вопросов о его прошлой жизни, о картинах, детстве, путешествиях, о Замке Горы, о пятидесяти городах, Шестиречье, о дворе Венценосца Властителя Трэйма, о Замке Венценосцев и его неисчислимых залах. Вопросы лились нескончаемым потоком, новый обгонял предыдущий, пока Нисмайл еще отвечал. Любопытство ее было неистощимым и не давало ему возможности узнать что-нибудь о ней самой, да он и сам сомневался, что она ответит.

— Что мы будем делать завтра? — спросила она.

Так началась их связь. В первые дни они почти ничего не делали, только ели, пили, купались, занимались любовью да жевали опьяняющие кусочки плода двикки. Наконец он перестал бояться, что она исчезнет так же внезапно, как

появилась. Поток ее вопросов постепенно иссяк, но сам он так и не решился расспрашивать.

Он никак не мог избавиться от навязчивой мысли, будто она метаморф и за лживой ее красотой таится чужое и безобразное лицо. Мысль эта особенно часто поражала его, когда он ласкал свежие гладкие бедра или груди. Как он ни отгонял подозрения, они не покидали его. В этой части Зимроеля не было человеческих поселений, и казалось слишком невероятным, чтобы девушка — несмотря на все подозрения, она оставалась для него девушкой — избрала, как и сам он, жизнь отшельника. Гораздо более вероятно, думал Нисмайл, что она родилась здесь, что она одна из Меняющих Форму, которые скользят подобно призракам по этим сырым джунглям. Когда Сэрайс засыпала, он иногда рассматривал ее в тусклом лунном свете, отыскивая места, где терялся человеческий облик, но ничего не находил — она оставалась человеком, и все равно он не мог избавиться от подозрений.

К тому же, не в характере метаморфов было искать общества человека или выказывать к нему дружелюбие. Для большинства людей Маджипуры метаморфы являлись призраками минувшей эпохи, нереальными и легендарными. К чему бы

кому-то из них нарушать его уединение, предлагать себя в убедительной подделке для любви, преданно стараться расцветить ему день и ласкать ночью? Иной раз мерещилось, будто Сэрайс в темноте возвращается в свой естественный облик и, поднимаясь над ним спящим, вонзает сверкающий кинжал в горло, мстит за преступления его предков. Но он понимал, что подобные фантазии — дурость. Захоти метаморфы его прикончить, им бы не потребовалось изобретать столь запутанные шарады.

Нелепо было верить, будто она метаморф и так же нелепо — не верить в это.

В конце концов, отринув все сомнения, он решил вновь вернуться к своему искусству, и в один необычно ясный и солнечный день вытащил Сэрайс на скалу сочного красного цвета, прихватив пустой холст. Она зачарованно смотрела за его приготовлениями.

— Ты рисуешь только сознанием?

— Только. Я фиксирую сцену в душе, преобразую и… увидишь сама.

— А ничего, что я смотрю? Я ничего не испорчу?

— Конечно, нет.

— Но если еще чье-нибудь сознание вмеша-

ется?

— Этого не случится. Холсты настроены на меня.— Он посмотрел сбоку, поправил подрамник, отошел на несколько футов. В горле вдруг пересохло, руки дрожали. Прошло столько лет, сохранился ли у него этот дар? И техника? Он выровнял по прямой линии холст и коснулся его, пока предварительно, сознанием. Сцена была хорошей, живой и необычной, краски сильно контрастировали между собой — превосходная композиция. Массивная скала с жутковатыми мясистыми растениями, на кончиках ветвей которых цвели крошечные желтые чашечки, испещренный солнечным светом лес — да, да, это работается, это поможет перенести на холст суть густо переплетенных джунглей…

Он прикрыл глаза. Вошел в транс. И перенес картину на холст.

Сэрайс тихонько вскрикнула от удивления.

Нисмайл почувствовал, что весь покрылся потом. Он пошатнулся, с трудом сохраняя дыхание. Мгновение спустя вновь обрел над собой контроль и взглянул на холст.

— Как красиво! — прошептала Сэрайс.

Но он был потрясен увиденным. Эти головокружительные линии, смазанные и полосатые

цвета, тяжелое сальное небо, угрюмой петлей приклеенное к горизонту — ничего похожего на сцену, которую он хотел запечатлеть, и, что гораздо тревожнее, ничего похожего на предыдущие работы Териона Нисмайла. Мрачная, болезненная картина, испорченная непреднамеренным диссонансом.

— Тебе не нравится? — удивилась Сэрайс.

— Я совсем не это пытался передать.

— Ну и что? Все равно, удивительно ТАК создавать картины, тем более, такую прекрасную…

— По-твоему, она прекрасна?

— Конечно. А разве нет?

Он посмотрел на Сэрайс. Это? Прелестно? Что это — лесть? Или у нее просто нет вкуса? Невежество? Неужели она искренне восхищается тем, что он сотворил? Этой необычной, мучительной картиной, мрачной и чуждой…

ЧУЖДОЙ!

— Тебе не нравится,— она уже не спрашивала — утверждала.

— Я не писал около четырех лет. Наверное, нужно начинать медленно и постепенно.

— Это я испортила,— перебила Сэрайс.

— Ты? Глупости!

— Мое сознание вмешалось, мое видение ве-

щей.

— Я ведь говорил тебе, что холсты настроены только на меня. Я могу стоять среди многотысячной толпы, и не удастся никому повлиять на мою работу.

— Но, может, я как-то отвлекаю тебя?

— Вздор!

— Я пойду прогуляюсь, рисуй пока один.

— Не стоит. Пойдем-ка лучше домой, искупаемся, перекусим и еще кое-чем займемся, а?

Он снял холст с подставки. Однако слова ее подействовали на него сильнее, чем он сам признал бы. Несомненно, нечто странное вмешалось в создание картины. А вдруг это она каким-то образом испортила работу? Что, если скрытая душа метаморфа наполнила своей сущностью его сознание, заставив воспринять чуждые цвета?

Они молча шли вниз по течению реки, и когда добрались до луга земляных лилий, где Нисмайл встретил первого метаморфа, он сболтнул, не подумав:

— Сэрайс, я хочу тебя кое о чем спросить.

— Да?

Теперь он уже не мог остановиться.

— Ты не человек, да? Ты действительно метаморф?

Она уставилась на него, щеки ее заалели.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— Я — метаморф? — Она не очень убедительно рассмеялась.— Что за дикая мысль!

— Ответь мне, Сэрайс. Посмотри мне в глаза и ответь.

— Какая глупость, Терион.

— Пожалуйста, ответь.

— Ты хочешь, чтобы я доказала, что я человек? Но как?

— Я хочу, чтобы ты сказала мне, человек ты или что-то другое?

— Я человек,— сказала она.

— Я могу этому верить?

— Не знаю. Я тебе ответила.— Глаза ее весело блеснули.— Или я чувствую не как человек? Веду себя не по-человечески? Неужели я похожа на подделку?

— Может, я просто не могу подметить различий.

— Но с чего ты взял, будто я метаморф?

— Только метаморфы живут в здешних джунглях,— ответил он.— И логично… хотя, даже…— Он сбился.— Ладно, я получил ответ. Дурацкий вопрос, и я дурак.

Странный ты! Ты ведь должен рассердиться на меня, Ты ведь думаешь, что я испортила твою картину.

— Нет.

— Ты совершенно не умеешь лгать.

— Ну, хорошо. Что-то испортило мою работу. Я не знаю, что. Я собирался писать не это.

— Тогда напиши другую.

— Да. Позволь мне написать тебя.

— Я тебе уже говорила, я не хочу, чтобы меня рисовал.

— Мне это очень нужно. Мне необходимо увидеть свою душу, а я могу только так…

— Рисуй двикку, Терион, хижину.

— Но почему не тебя?

— Мне не хочется.

— Это не ответ, что тут такого?

— Пожалуйста, Терион.

— Ты боишься, что я увижу тебя на холсте такой, какой ты себе не нравишься? Так? Или, что я получу иной ответ на вопрос, если напишу тебя?

— Пожалуйста.

— Позволь мне написать тебя.

— Нет.

— Но почему? Скажи, почему?

— Не могу.

— Тогда и отказать ты не можешь.— Он вытащил холст из мешка.— Здесь, на лугу, сейчас. Подойди, Сэрайс, встань у реки. Это быстро, всего минута.

— Нет, Терион,

— Если ты меня любишь, ты мне не откажешь.

Столь грубый шантаж потряс его самого и рассердил ее. Он заметил зловещий огонек в глазах девушки, какого никогда не наблюдал раньше. Она сказала холодно и ровно:

— Не здесь, Терион. У хижины. Рисуй меня там, если настаиваешь.

За весь оставшийся путь они не сказали ни слова. Он старался забыться. Ему казалось, что он вырвал согласие слишком грубо, будто изнасиловал, и почти желал отдать назад ее уступку. Но… не спеша подготовил холст.

— Где мне встать? — осведомилась она.

— Где хочешь. У речки, у хижины.

Вялой походкой она подошла к хижине, посмотрела на Нисмайла — тот кивнул и удрученно принялся прохаживаться перед холстом, готовясь войти в транс. Сэрайс сердито смотрела на него полными слез глазами.

— Я люблю тебя! — выкрикнул он вдруг и погрузился в транс; последнее, что он видел, прежде

чем закрыть глаза, была Сэрайс, замершая возле хижины, но теперь она уже не казалась унылой — плечи расправились, зрачки засверкали, вспыхнула улыбка. Когда он вновь открыл глаза, картина была готова, а девушка робко глядела на нею, ожидая.

— Ну, как? — спросила.

— Иди сюда, посмотрим вместе.

Она подошла. Они вместе стали рассматривать картину, а миг спустя рука Нисмайла обняла ее плечи. Она задрожала и крепко прижалась к нему.

На картине, на фоне зубчатых, хаотичных, сталкивающихся красных, оранжевых и розовых оттенков была женщина с человеческими глазами, но ртом и носом метаморфа.

Она спокойно сказала:

— Теперь ты узнал, что хотел.

— Значит, на лугу была ты? И в те два раза тоже?

— Да.

— Почему?

— Ты заинтересовал меня, Терион, и я захотела узнать о тебе побольше. Я никогда не видела таких, как ты.

— Я все равно не верю,— прошептал он.

Она кивнула на картину.

— Но этому ты веришь, Терион?

— Нет! Нет!

— Теперь Ты получил ответ.

— Я знаю, ты человек! Картина *лжет*!

— Нет, Терион.

— Докажи! Изменись, изменись сейчас же! — Он отпустил ее и чуть шагнул назад — Давай! Меняйся!

Она печально взглянула на него. Потом без какого-либо ощутимого перехода превратилась в его копию, как делала уже однажды. Нисмайл получил окончательный ответ. На щеке задергалась жилка. Он смотрел, не мигая, и она изменилась снова, превратившись на этот раз в что-то ужасное и чудовищное: кошмарный, испещренный оспинами серый шар с отвислой кожей, глаза-блюдца, загнутый черный клюв. Потом она стала метаморфом, повыше его, с полной грудной клеткой и невыразительными, почти отсутствующими чертами лица. И мгновение спустя — вновь Сэрайс: водопад каштановых волос, изящные руки, стройные ноги, сильные бедра.

— Нет,— воспротивился он — Нет, и не надо больше подделок.

Она превратилась в метаморфа. Нисмайл кивнул:

— Да, так лучше. Оставайся такой, это гораздо красивее.

— Красивее, Терион?

— Для меня ты красива и такая, настоящая. Обман всегда отвратителен.

Он потянулся к ее руке, на ней оказалось шесть пальцев, очень длинных и узких, без ногтей и суставов, кожа была молочной и чуть глянцевой — и все. Он ожидал большего. Провел рукой по ее стройному, почти бесплотному телу. Она стояла не шевелясь.

— Теперь я уйду, — сказала она наконец.

— Останься. Живи со мной.

— Даже теперь?

— Даже теперь. В своем настоящем облике.

— Ты действительно хочешь?

— Да, да,— кивнул он.— Останься.

— Когда я первый раз пришла к тебе,— вздохнула Сэрайс,— я хотела не только узнать, но и вредить. Ты наш враг, Терион. И род твой навсегда останется нашим врагом. Но, когда мы, стали жить вместе, я больше не могла найти причины, чтобы ненавидеть тебя. ТЕБЯ! Ты особенный, понимаешь?

Этот голос Сэрайс шел из чужих уст. Как странно, мелькнуло у него в голове, как похоже на сон.

— И я захотела остаться с тобой, играть свою роль вечно. Но игра окончилась, и все равно я хочу остаться с тобой.

— Тогда останься, Сэрайс.

— Только если ты действительно этого хочешь.

— Я сказал тебе, да.

— Я не страшу тебя?

— Нет.

— Нарисуй меня еще раз, Терион, покажи мне любовь в своей картине, тогда я останусь.

Он рисовал ее день за днем, пока не кончились холсты, и развешивал картины в хижине: Сэрайс у двикки, Сэрайс на лугу, Сэрайс в молочном вечернем тумане. У него не было возможности готовить новые холсты, хотя он и пытался. Они ходили в дальние походы, и она показывала ему новые деревья и цветы, животных джунглей, зубастых ящериц и зарывающихся в землю золотых червей, зловещих и неуклюжих аморфобсов, спящих днем в грязных мутных озерках. Они мало разговаривали друг с другом — время ответов на вопросы миновало, и слова больше не были

нужны.

День шел за днем, неделя за неделей, здесь в нескончаемом лете трудно было подсчитать время. Может быть, прошел месяц, может быть, шесть. Они никого не встречали. В джунглях было полно метаморфов, по ее словам, но те держались где-то поодаль, и он надеялся, что они оставят их в покое навсегда.

Однажды под мелким моросящим дождем он отправился проверить ловушки, и когда через час вернулся, то понял, что произошло что-то страшное. Едва он приблизился, из хижины выскочили четверо метаморфов. Он чувствовал, что один из них — Сэрайс, но не мог сказать, который.

— Подождите! — закричал Терион, когда они проходили мимо, и побежал следом.— Что вы от нее хотите? Куда вы ее уводите?

На какую-то долю секунды один из метаморфов заколебался, и Нисмайл увидел девушку с каштановыми волосами, но лишь на мгновение, и снова четверо метаморфов скользили призраками в глубину джунглей. Дождь разошелся сильней, нависла тяжелая туманная мгла, отрезав видимость. Нисмайл замер на краю еще чистого пространства, крича сквозь дождь и шум реки. Ему почудилось, что он услышал плач, но

то могли быть и звуки джунглей. Преследовать метаморфов в густом белом тумане было просто невозможно.

Больше он никогда не видел ни Сэрайс, ни кого-либо еще из метаморфов. Одиночество теперь было совсем нестерпимым, и одно время он даже надеялся, что пьюриверы нападут на него в лесу и убьют своими короткими отполированными кинжалами. Не ничего подобного не случилось. И когда стало ясно, что живет он теперь в чем-то вроде карантинной зоны, отрезанный не только от Сэрайс — если она еще была жива,— но вообще от всех метаморфов, он не мог больше оставаться в джунглях. Собрал картины с изображением Сэрайс, заботливо закрыл хижину и пустился в долгое и опасное возвращение к цивилизации.

Оставалась неделя до его пятидесятилетия, когда Нисмайл добрался до Замка Горы. За время его отсутствия, как он узнал, Властитель Трэйм сделался Понтификом, а новым Венценосцем стал Властитель Вилдивар, питавший мало симпатий к искусствам. Нисмайл снял студию на набережной в Сти и снова занялся живописью. Работал он только по памяти, создавая мрачные и тревожные сцены из жизни джунглей, где часто таились в засадах метаморфы. Подобные работы не всем

по душе в бодром и веселом мире Маджипуры, и поначалу у Нисмайла было всего несколько покупателей. Однако со временем работы его попались на глаза герцогу Квирайну, который начал уставать от солнечной безмятежности и совершенства творений местных живописцев. Благодаря покровительству герцога картины Нисмайла вошли в моду, и в последующие годы его жизни всегда был рынок, готовый принять любую его работу.

Ему подражали очень многие, но никогда — удачно, о нем писали многочисленные эссе и биографии.

— Ваши картины такие буйные, непокорные и необычные,— сказал один школяр — Вы придумали какой-то новый способ работы?

— Я работаю только по памяти,— объяснил Нисмайл.

— Наверное, больно вспоминать такое?

— Не совсем,— ответил Нисмайл.— Все мои работы написаны для того, чтоб помочь мне заново испытать радость бытия, время любви, время счастья, самые драгоценные дни в моей жизни.— Он смотрел сквозь школяра в дальние туманы, густые и мягкие, как шерсть, которые окутывали заросли высоких стройных деревьев,

окруженных перепутанной сетью лиан.

СЕМЬ
Преступление и наказание

Эта история заставила Хиссуна вспомнить начало своих поисков в архивах. Снова Тесме и чаурог, правда, роман разворачивается между мужчиной и чужачкой. Тем не менее, сходство было поверхностным: совершенно другие люди, в совершенно непохожей ситуации. Хиссун стал лучше понимать художника Териона Нисмайла, чьи картины, правда, не все, до сих пор висели для всеобщего обозрения в галереях Замка Властителя Валентайна, но метаморф осталась для него загадкой, тайной за семью печатями, как, скорее всего, к для самого Нисмайла. Он поискал индекс с записью души метаморфа и нисколько не удивился, не найдя такого. То ли Меняющие Форму не вели записей, то ли аппараты были неспособны принимать эманации их сознания, то ли им просто не давали пользоваться архивом. Хиссун ничего не нашел. Со временем, говорил он себе, на все найдется ответ. Тем более, что оставалось еще очень и очень много неисследованных возможностей. Воздействие Короля Снов, например, на душу людей — он хотел узнать

об этом побольше. Тысячи лет потомки Баржазида терзают спящее сознание преступников, и Хиссун хотел понять, как это происходит. Он рылся в архивах, и после долгих поисков судьба вручила ему душу человека, унылого торговца города Сти.

Убийство он совершил поразительно легко. Маленький Клейм стоял у открытого окна небольшой комнатки не верхнем этаже таверны в Вигеле, где они с Халигейном договорились встретиться. Халигейн стоял возле кушетки; разговор был не из приятных. В конце концов, Клейм пожал плечами и сказал:

— Вы лишь попусту тратите мое и свое время. Я не понимаю, что вам нужно.

В ту же минуту Халигейну показалось, что Клейм, и только Клейм стоит между ним и спокойной жизнью. Клейм враг.

Халигейн спокойно подошел к нему, настолько спокойно, что Клейм не встревожился до самого последнего мгновения, и одним движением вытолкнул Клейма через подоконник.

На лице Клейма появилось удивление. На один поразительно долгий миг он завис, словно подвешенный, в воздухе, потом с еле слышным всплеском рухнул в быстрые воды реки за окном

таверны, и его тут же унесло к подножью далекого Замка Горы. В одно мгновение он скрылся из виду.

Халигейн посмотрел на свои руки так, будто они росли из запястий; не мог поверить в то, что они сделали. Он вновь видел себя, подходящего к Клейму, видел Клейма, зависшего в воздухе, видел Клейма, исчезающего в темных водах реки. Скорее всего, Клейм уже мертв. Если нет, то через одну-две минуты умрет наверняка. Рано или поздно его выбросит на каменистый берег у Кэнзилэйна и кто-нибудь опознает в нем торговца из Кимканэйла, пропавшего с неделю назад. Только будет ли у кого причина подозревать именно Халигейна? Убийство — совершенно необычное преступление на Маджипуре. Даже если ухитрятся установить (одной Дивине известно, каким чудом), что Клейм погиб насильственной смертью, как доказать, что его вытолкнул из окна таверны в Вигеле Сигмар Халигейн? Это никому не удастся, убеждал себя Халигейн. Слабое утешение, суть остается прежней: Клейм убит, а он — убийца.

Убийца? Это поразило Халигейна. Он шел сюда не убивать Клейма, он хотел договориться с ним, составить торговый контракт. Но разговор закис

в самом начале. Маленький привередливый человечек наотрез отказался взять на себя новое обязательство. Он заявил, что тортовый агент Халигейна ошибся и не только отказался покупать геологические оборудование, но даже не посочувствовал бедственному финансовому положению собеседника. К концу разговора вежливый отказ Клейма так взбесил Халигейна, что душу его заполнило одно необоримое желание — немедленно избавиться от него любой ценой. Отбрось он эту мысль и подумай о последствиях, он бы, разумеется, не стал выталкивать Клейма из окна — как бы там ни было, по природе Халигейн не был убийцей. Но он никак не мог остановиться, и теперь Клейм мертв, а его собственная жизнь претерпела трагические изменения: в один миг он превратился из Халигейна-торговца в Халигейна-убийцу. Внезапно! Страшно! Непонятно!

А теперь?

Трясущимися руками Халигейн закрыл окно и опустился на кушетку, весь мокрый от пота, в горле пересохло. Непонятно, что делать дальше. Отдаться в руки прокторов? Признаться и отправиться в тюрьму или куда там отсылают преступников? Он не был готов ни к тому, ни к другому. Когда-то читал старые книги о пре-

ступлениях, наказаниях, древние легенды и мифы и, если правильно понял, убийство как преступление исчезло давным-давно, а механизм обнаружения и искупления ржавел неизвестно сколько столетий. «Существовала знаменитая история о морском капитане, выбросившем за борт сошедшего с ума члена экипажа во время плавания через Великое Море после того, как тот убил кого-то на корабле. Она всегда казалась Халигейну дикой и невероятной. Но сейчас, обессиленный, утративший способность мыслить, он ощущал себя первобытной тварью, чудовищем, пожирателем человеческих жизней. Знал, что ничего подобного с ним больше не произойдет, но от этого не становилось легче.

Нужно убираться из таверны. Если кто-нибудь видел, как падал Клейм (невероятно, конечно, таверна стоит на фоне искрящейся солнечными бликами набережной, а Клейм вывалился из заднего окна и сразу ушел в глубину), незачем торчать тут, дожидаясь появления любопытных.

Халигейн быстро уложил саквояж, посмотрел, не осталось ли в комнате чего-нибудь, наводящего на след Клейма, и спустился вниз. За стойкой скучал хьерт. Халигейн протянул ему несколько крон со словами:

— Я хотел бы получить счет.

Нервы расходились, он с трудом удерживался от непроизвольной болтовни, боясь, что хьерт запомнит его. Нужно оплатить счет и поскорее убираться, твердил он себе. Его интересовало, знал ли хьерт, что постоялец из Сти принимал у себя гостя. Если да, то он быстро забудет об этом, „как забудет и самого постояльца, поскольку нет никаких причин запоминать. Владелец подвел итог,

Халигейн прибавил еще пару монет, машинально ответил на приглашение хьерта: „Благодарю, приезжайте снова“ — „Спасибо, непременно“, вышел на улицу и быстро пошел прочь от реки. Сильный ветер дул вниз по склону Горы, солнечный свет был ярким и теплым. Последний раз Халигейн посетил Вигель несколько лет назад, и в другой раз он бы с удовольствием заглянул на знаменитую Драгоценную Площадь, полюбовался прославленными картинами и прочими здешними диковинами, но теперь было не до экскурсий. Он спешил на пересадочную станцию, торопясь взять билет в один конец до Сти.

Страх, неуверенность, ощущение вины и стыд следовали за ним по пятам из города в город, пока ехал по склонам Горы.

Знакомые растянутые пригороды гигантского Сти принесли некоторое успокоение. Очутиться дома, в безопасности… С каждым днем, приближающем его к Сти, он чувствовал себя спокойнее. Могучая река, чье имя дало название городу, с поразительной скоростью несла свои воды вниз по склону Горы. Отполированные фасады зданий Речной Стены, взметнувшись ввысь на сорок этажей, тянулись несколько миль. Мост Кинникена, Башня Тимина, Поле Мощей. Дома! Вся живительная сила Сти кипела вокруг, пока он ехал от центральной станции в свой пригородный район, и успокаивала. Да, в величайшем городе Маджипуры, процветающем благодаря тому, что здесь родился нынешний Венценосец Властитель Кинникен, он был в безопасности от мрачных последствий непреднамеренного преступления, совершенного в Вигеле.

Он обнял жену, двух дочерей, крепкого сына, Его усталость заметили и относились с преувеличенной нежностью, словно он стал хрупким и бессильным во время поездки. Принесли вина, трубку, шлепанцы — они суетились вокруг, излучая любовь и доброту ничего не спрашивали о поездке, зато болтали о местных сплетнях. В конце концов он сказал сам:

— Думаю, мы с Клеймом сработаемся. У меня есть причины так считать.

Он сам почти верил в это.

Можно ли связать убийство с его личностью, если он держится спокойно и непринужденно? Он сомневался, что кто-либо видел падение Клейма. Конечно, для властей несложно установить, что они с утонувшим условились встретиться в Вигеле — на нейтральной почве — и обсудить деловые разногласия: но что это доказывает? „Да, я виделся с ним в какой-то таверне у реки,— скажет Халигейн.— Мы закусили, довольно много выпили, потому что пришли к взаимопониманию, а потом я уехал. Он еще стоял на ногах, когда я уходил, должен заметить. Видимо, бедняга Клейм, напившись вина Малдемара, сильно высунулся из окна, любуясь какой-нибудь красавицей проплывавшей мимо на лодке“. Нет, нет, НЕТ! Пусть предполагают они. „Мы встретились, пообедали, заключили соглашение, а потом я ушел“,— ничего больше. Кто может доказать, что все было не так?

На следующий день он вернулся в свою контору и занялся делами, будто ничего необычного в Вигеле не произошло. Такую роскошь, как терзаться угрызениями совести о совершенном преступле-

нии, он не мог себе позволить.

Дела шли неважно, в кредитах ему отказано, он близок к банкротству. Все это сделал Клейм.

Подумать о Клейме было трудно. В последующие дни его имя постоянно всплывало в связи с делами, и Халигейну с трудом удавалось скрыть свою реакцию. В торговом мире все понимали, что Халигейн борется из последних сил, старались выразить сочувствие. Это поддерживало. Зато почти каждый разговор вертелся вокруг Клейма, его скудости, бесчестности в сделках мстительности, постоянно выводя Халигейна из равновесия.

Имя звучало, как выстрел: „Клейм!“ — и он цепенел; „Клейм!“ — и щеки дергались; „Клейм! Клейм!“ — и он прятал руки за спину, словно они несли ауру убийства.

Часто Халигейн ловил себя на мысли, будто говорит какому-нибудь клиенту в минуту усталости: „Знаете, я убил его. Выбросил в окно, когда был в Вигеле“. Как легко эти слова могут сорваться с губ, если только чуть-чуть расслабиться!

Он подумывал о паломничестве на Остров Снов ради очищения души, но позже, не сейчас, а пока отдавал каждую минуту делам, иначе предприятие могло полностью обанкротиться и семья

впала бы в нищету. Иногда думал о признании: интересно, удастся ли договориться с властями, чтобы ему позволили искупить вину, не прерывая коммерческой деятельности? Может быть, штраф? Хотя, какой штраф он в состоянии заплатить теперь? Да и оставят ли его в покое так легко? В конце концов, так ничего и не решив, постарался хоть ненадолго выбросить убийство из головы и полностью отдаться работе.

А затем начались сны, Послания.

Первое пришло в ночь Дня Звезды второй недели лета, мрачное и болезненное. Он видел уже третий сон, после которого сознание обычно начинает постепенно пробуждаться к рассвету, как вдруг обнаружил, что идет по полю светящихся желтых зубов, сминавшихся, корчившихся желтых зубов. В болотном, каком-то сером воздухе висела вонь, и клейкие, тягучие пряди сырого мяса свисали с неба, касаясь щек и рук и оставляя липкие следы, пылающие и пульсирующие. В голове звенело. Грубая тишина враждебного послания заставляла думать, будто мир растянут в невероятное далеко на туго натянутых струнах и где-то за ним слышится глумливый хохот. Небо опалял нестерпимо яркий свет. Он пересекал чашечку гигантского „ртового“, осознал Хали-

гейн, одного из отвратительных плотоядных чудовищ флоры далекого Зимроеля. Несколько таких растений видел однажды на выставке диковин в Палате Кинникена, но те были всего трех-четырех ярдов в диаметре, а это оказалось ветчиной с целый пригород. Он угодил в самый центр дьявольской сердцевины, и бежал так быстро, как только мог, чтобы не свалиться на эти немилосердные скрежещущие зубы.

Значит, так это будет, думал он, скользя над сном и холодно обозревая картину. Это первое послание, и Король Снов будет мучить меня и дальше.

Скрыться было нельзя. На зубах торчали глаза, и глаза эти были глазами Клейма. Халигейн бежал, мокрый от пота, спотыкаясь и оскальзываясь, и он покачнулся и упал на россыпь безжалостных зубов, и они цапнули его за руку, а когда снова сумел подняться на ноги, то увидел, что окровавленная рука не такая, как прежде — она превратилась в бледную маленькую руку Клейма, мало пригодную для его запястья. Он снова упал, и снова зубы ухватили его, и снова произошло изменение, и затем снова все повторилось, и он мчался вперед, рыдая и завывая от ужаса, полу Клейм, полу Халигейн, пока не вы-

рвался из оков сна и не сел на кровати, потный и трясущийся, вцепившись в плечо жены.

— Отпусти,— пробормотала она.— Мне больно. Что случилось?

— Сон… препоганый…

— Послание? — поинтересовалась жена.— Ты весь мокрый.

Он содрогнулся.

— Съел, наверное, что-то. Мясо морского дракона было слишком пересушенным и старым.

Пошатываясь, он поднялся с постели и налил себе половину чаши — вино его успокоило. Потом снова лег. Жена погладила по плечу, вытерла лоб и баюкала, пока он немного не расслабился, но боялся снова заснуть, и лежал, бодрствуя, до рассвета, уставившись в окружающую темень.

Король Снов. Таково его наказание. Он всегда считал Короля Снов только сказкой, которой пугают детей. Да-да, болтали, будто Король Снов живет в Субраеле, и титул его по наследству передается в семье Баржазидов, что по ночам Король Снов с приближенными пристально изучают ауру спящих и, находя недостойные души, мучают их. Но правда ли это?

Халигейн никогда не встречал никого, кто получал послания от Короля Снов. Сам он од-

нажды получил послание Властительницы, да и то не был в этом уверен, но в любом случае нынешнее послание всецело отличалось от того. Властительница посылала нежные видения, Король снов поразил острой болью. Неужели он действительно управляемся с целой планетой, с миллиардами ее обитателей, из которых добродетельны далеко не все?

Возможно, это просто несварение желудка,— успокаивал себя Халигейн.

Когда две следующие ночи прошли спокойно, он позволил себе поверить, что видел обычный кошмар, а Король Снов — только миф. Но на Второй День пришло послание, не вызывающее сомнений.

Такой же звенящий безмолвный звук. То же пронзительное полыхание света, образы Клейма, отдающийся эхом хохот, разбухающее и сжимающееся пространство и головокружение, сминающее дух. Халигейн зарыдал. Он уткнул лицо в подушку и еле дышал. Проснуться не смел — поднимаясь над гранью сна,

он неизбежно выдаст горе своей жене, и она предложит ему обратиться к толкователям снов, чего не может он сделать. Любой толкователь свободно прочтет, ЧТО соединяет его душу с ду-

шой Клейма; и что произойдет с ним тогда? И он терпел кошмар, пока не иссякли силы, и лишь тогда проснулся и лежал, слабый и дрожащий, до прихода утра.

Это был кошмар Второго Дня, но видение Четвертого оказалось еще хуже: он парил в воздухе, упал на шпиль Замка Горы, острый, как копье, и холодный, как лед, пронзивший его насквозь, и висел несколько часов, пока птица гихорн с лицом Клейма терзала его внутренности.

На Пятый День спал довольно спокойно, хотя в ожидании послания напряжение не оставляло его.

День Звезды также не принес посланий. Зато в День Солнца он плыл по океану из сгустков крови, и зубы у него выпали, а пальцы обдирались до костей. Ночи Лунного Дня и Второго Дня принесли слабые ужасы, но все равно ужасы.

Утром Дня Моря жена сказала:

— Сигмар, если послания не, смягчатся, что ты будешь делать?

— Делать? Ничего не буду делать.

— Я чувствую, что послания ты получаешь через день.

Он передернул плечами.

— Великие совершают какую-то ошибку. Долж-

но быть, такое случается иногда. Рано или поздно они поймут и оставят меня в покое.

— А если нет? — Жена проницательно посмотрела на него.— Если послания предназначены тебе?

Он подивился ее чуткости, но не сомневался, что она не знает правды. Ей известно лишь, что он ездил в Вигель на встречу с Клеймом; возможно, хотя и с трудом верилось, она узнала, что Клейм так и не вернулся к себе в Кимканэйл, а муж ее стал получать послания от Короля Снов — из всего этого легко сделать вывод. Может, так и есть. И если да, то что она будет делать? Донесет на собственного мужа? Пусть она его любит, но если будет покрывать убийцу, может навлечь и на себя месть Короля Снов.

— Если послания будут продолжаться,— пообещал он,— попрошу официалов Понтифика походатайствовать от моего имени.

Разумеется, ничего подобного он не сделал. Вместо этого попытался бороться с посланиями и подавлять их так, чтобы не вызывать подозрений спящей рядом жены.

Ложась, он приказывал себе оставаться спокойным, и, воспринимая какие-либо образы, считать их лишь бредом расстроенной души, а не

реальностью. И тем не менее, когда обнаружил себя плывущим над красивым морем огня, куда постепенно опускался, погружаясь до лодыжек, не сумел сдержать крика, а когда иглы проткнули его кожу, прорастая из тела и делая похожим на манкалайна — колючую тварь знойного юга, к которой невозможно притронуться,— зарыдал, моля о милосердии. Когда же прогуливался в безупречных садах Властителя Ховилбова и деревья тянулись к нему руками Клейма, закричал во весь голос.

Жена больше ни о чем не спрашивала. Только глядела с тревогой.

Халигейн с трудом мог заниматься делами. Кредиторы, требующие возврата своих денег, новые неудачи в торговле, жалобы покупателей — все кружилось водоворотом падающих листьев. Тайно от всех он рылся в библиотеке в поисках сведений о Короле Снов и его силах, словно подцепил какую-то необычную болезнь, о которой хотел разузнать побольше. Сведения были скудными и ясными: Король Снов являлся проводником Закона силой, равной силе Понтифика, Венценосца или Властительницы, и сотни лет его обязанностью является наложение наказаний на виновных в преступлениях.

Суда не было, опротестовывать было нечего, и Халигейн молча оборонялся…

Но он не знал, что для этого нужно, и Королю Снов это было известно. И по мере того, как продолжались страшные послания, терзающие душу и оставляющие от нервов тоненькие ниточки, Халигейн все отчетливей понимал, что у него нет ни силы, ни надежды противостоять им. Его жизнь в Сти кончилась. Всего один опрометчивый миг, и он стал изгнанником, вынужденным скитаться по огромному лику Маджипуры в поисках укрытия.

— Мне нужно отдохнуть,— объявил он жене.— Съезжу куда-нибудь на месяц-два, может быть, удастся восстановить душевный покой, подлечу нервы.

Не откладывая, вызвал сына — юноша стал почти мужчиной, мог действовать разумно в делах — и передал ему все свои права торговца. После чего, имея при себе небольшую сумму, которую сумел наскрести с сильно уменьшившихся доходов, выехал из родного города на борту третьеразрядного флотера в выбранный наугад Норморк у подножья Замка Горы.

Не прошло и часа после отъезда, как он решил никогда не называться Сигмаром Халигейном, а

именоваться отныне Макланом Форба. Неужели он надеялся, что этого достаточно, чтобы обмануть Короля Снов?

Возможно.

Флотер плыл над склонами Замка Горы и, пока спустился от Сти к Норморку, миновал Нижний Солнечный Взрыв, Бибирун, Толингарский барьер, и в каждом городе, в каждой ночлежке Халигейн отправлялся в кровать, замирая от страха, с ужасом вцепляясь в подушку; но приходившие образы быт обычными снами усталого и измученного человека, без той призрачной напряженности, которая отличала послания Короля Снов.

С радостью глядя на симметрию и опрятность садов Толингарского Барьера, ничем не напоминающие угрожающее бесплодие земель в его снах, Халигейн начал потихоньку расслабляться. Он сравнивал насаждения с навеянными посланиями образами и с удивлением приметил, что Король Снов уже показал их до мельчайших подробностей, прежде чем обратил в ужас, хотя никогда он не видел их раньше. Это означало, что послания передают целый поток новых данных, не известных воспринимающему ранее, а, следовательно, обычные сны просто накладывались

на послания.

И это частично отвечало на волновавший его вопрос. Он не понимал, то ли Король Снов частично освобождает подсознание, затрагивая темные глубины издали, то ли по-настоящему высвечивает образы. Очевидно, дело в последнем, поскольку некоторые кошмары создавались специально для него, Сигмара Халигейна, чтобы, в свою очередь, опять-таки растормошить подсознание. Он вспомнил, как сомневался, что в Субраеле достаточно служащих, чтобы управиться с такой работой, но если людей хватало, то глупо думать, что удастся от них скрыться. Но он предпочитал верить, что у Короля Снов и его подручных существует расписание страшных посланий (ему, например, сначала послали зубы, потом серые сальные капли, потом огненное море крови), которые в определенной последовательности используют для каждого преступника механическим, безличным действием. Возможно, сейчас они нацеливают новые ужасы на его пустую подушку в Сти.

Миновав Дендилмир и Стипул, Халигейн прибыл в Норморк, темный, наглухо отгороженный стенами город, венчающий грозные зубцы Норморского Гребня.

Ему подсознательно казалось, будто Норморк, закрытый со всех сторон циклопическими черными каменными блоками, лучше всего подходит для укрытия. Но он понимал, что даже стены Норморка не в силах задержать мстительные стрелы Короля Снов.

Врата Деккерета — глаз в пятидесятифутовой стене — были открыты всегда. Единственная брешь в укреплении, окантованная полированным черным деревом. Халигейн предпочел бы, чтобы они стояли закрытыми на тройной замок, но, разумеется, они распахнуты настежь. Властитель Деккерет возвел их в тридцать третий год своего благостного царствования и повелел, чтобы они закрывались лишь в случае, когда миру будет грозить опасность, а в эти дни под счастливым правлением Властителя Кинникена и Понтифика Тимина все расцветало на Маджипуре, кроме мятущейся души бывшего Сигмара Халигейна, называвшегося отныне Макланом Форба. Под именем Форба он и нашел приют в дешевой гостинице, под тем же именем устроился на службу по осмотру стен, которая состояла в том, что ежедневно выдирал цепкую травку из бессмертной каменной кладки. Под именем Форба каждую ночь засыпал, боясь того, что мог-

ло прийти, но катилась неделя за неделей, даря только смазанные и бессмысленные картины обычных снов. Девять месяцев прожил он в Норморке, надеясь, что ускользнул от руки Короля Снов. Но однажды ночью, когда после доброй закуски и фляжки отличного красного вина растянулся на постели, чувствуя себя совершенно счастливым в первый раз за долгое время после встречи с Клеймом, послание Суврaеля настигло его и терзало душу, приковав к чудовищным образам тающей плоти и рек грязи. И когда завершилось и он проснулся в рыданиях, понял, что нет никакой возможности скрыться надолго от мстительных сил Наказания.

И все-таки девять месяцев Маклан Форба прожил в мире и спокойствии. С небольшой накопленной суммой в кармане он купил билет вниз до Амблеморна, где превратился в Диграйла Килайлина и зарабатывал по десять крон в неделю, служа птицеловом при дворе здешнего герцога.

Пять месяцев свободы от мук, пока однажды ночью не перенес его сон в яростное безмолвие безграничного света, где дуга из слезящихся глаз была мостом через вселенную, и все глаза смотрели только на него.

Бывший торговец спустился вниз по Клайгу до Макропулоса, где прожил беззаботно месяц под именем Огворна Брилла, прежде чем получил новое послание: раскаленный металл, клокочущий в горле.

Сушей, через бесплодные внутренние области континента, добрался до городского рынка Сивандэйла. Король Снов настиг его в пути на седьмую неделю, наслав видение, будто он катится в чашу „хлыстовика“, и уже не во сне, а наяву его тело кровоточило и опухло, так что пришлось искать врача в ближнем селении.

К концу путешествия попутчики, поняв, что он — единственный — получает послания Короля Снов, бросили его, но в конце концов он оказался в Сивандэйле, скучном и однообразном местечке, сильно отличающемся от роскошных городов Горы, вспоминая о которых, он плакал каждое утро. Однако, как бы там ни было, он оставался здесь целых шесть месяцев.

Затем послания возобновились, гоня свою жертву на запад через девять городов — месяц здесь, полмесяца там — до тех пор, пока он, наконец, не осел в Алэйсоре на целый спокойный год под именем Вадрила Мегенорна, где работал потрошителем рыбы в доках. Вопреки предчув-

ствию, он позволил себе поверить, будто Король Снов, наконец, оставил его, и начал подумывать о возвращении в Сти, который покинул почти четыре года назад. Неужели четырех лет наказания недостаточно за непредумышленное, случайное преступление?

Очевидно, нет. В самом начале второго года в Алэйсоре, засыпая, ощутил, как знакомый зловещий гул послания запульсировал в затылке, и навеянный сон был таким, что все предыдущие показались детским спектаклем.

Он начался в бесплодной пустыне Суврaеля, где Халигейн стоял, вглядываясь в иссохшую разрушенную долину, поросшую деревьями сигупа, испускающими смертоносные эманации на все живое, неосторожно очутившееся в пределах десяти миль. И он видел в долине жену и детей, спокойно идущих к смертоносным деревьям. Он рванулся к ним по песку, облепляющему, как патока, и деревья шевельнулись и наклонились, и родные его были поглощены их черным сиянием и упали на землю, и исчезли. Но он продолжал бежать до тех пор, пока не очутился внутри зловещего периметра. Он молил о смерти, но эманации деревьев на него не действовали. Он шел среди них, каждое было отделено от остальных

пустым пространством, где не росло ничего — ни кустика, ни лианы, ни травы; только диковинные стрелы безобразных деревьев без листьев стояли посреди этой пустоты. Больше в послании ничего не было, но это было страшнее всех ужасающих образов, которые терзали его раньше. Он бродил в отчаянии, жалкий и одинокий, среди бесплодных деревьев, как в безвоздушной пустоте, а когда проснулся, лицо его покрыли морщины и глаза подрагивали, словно он прожил десятки лет с ночи до рассвета.

Он был побежден, бежать бессмысленно, прятаться — тщетно. Он принадлежал Королю Снов навсегда. Больше не оставалось сил укрываться под чужим именем в каком-нибудь новом временном убежище. И когда дневной свет смыл с души ужасы чудовищного леса, на трясущихся ногах добрел Халигейн до

Храма Властительницы на Алэйсорских Высотах и испросил дозволения совершить паломничество на Остров Снов. Назвался он настоящим именем — Сигмар Халигейн. Что ему было скрывать?

Его приняли, как и любого другого, и на корабле паломников он отправился в Нимирон на северо-восточной стороне острова. Во время

морского плавания послания иногда беспокоили его. Некоторые просто раздражали, некоторые потрясали ужасами, но когда он просыпался, мокрый от пота и дрожащий, остальные паломники дружески утешали его, и вообще, теперь, когда он посвятил свою жизнь Властительнице, даже худшие сны воздействовали на него не так сильно, как раньше. Он знал уже, что основная боль посланий происходит от тех разрывов и расколов, которые они вносят ежедневно в чью-то жизнь, подавляя сознание необычностью. Но теперь у него не было никакой личной жизни, так почему же он с дрожью открывает глаза по утрам? Он не занимался торговлей, не выкапывал сорняки, не ловил птиц, не разделывал рыбу. Он был никем и ничем, не пытался защититься от вторжения в свою душу. Иной раз среди этих будоражащих посланий нисходило странное умиротворение.

В Нимироне его приняли на Террасу Оценки внешнего обода острова, где, он знал, проведет оставшуюся жизнь. Властительница призывала к себе паломников постепенно, согласовывая их продвижение с незримым внутренним подъемом, и он, чья душа запятнана убийством, мог навечно остаться в роли прислужника на краю святой сферы. Все правильно, все хорошо. Он

хотел только одного — избавиться от посланий Короля Снов и надеялся, что под покровительством Властительницы это удастся рано или поздно, и он забудет о Субраеле.

В мягкой мантии паломника Халигейн трудился на Внешней Террасе шесть лет, работая садовником. Ссутулился, волосы поседели, он научился отличать семена трав от семян цветов. Страдал от посланий Короля Снов сначала каждый месяц, потом все реже, и хотя они никогда не оставляли его совсем, однажды обнаружил, что становятся они все менее мучительными, как приступы боли от какой-нибудь давней раны. Иногда вспоминал семью. Там, несомненно, считали его умершим. Думал он и о Клейме, представляя одну и ту же картину — Клейм,

повисший в воздухе, прежде чем рухнуть в реку, откуда не возвращаются. Неужели это произошло на самом деле и он действительно убил его? Это казалось невероятным, ведь зло случилось так давно! Но он отчетливо помнил, мгновение все затмевающей ярости после отказа невысокого человечка… Да, да, все это было, думал Халиген, и мы — я и Клейм — оба лишились жизни в тот миг ослепления и гнева.

Халигейн много размышлял, истово работал,

навещал толкователей снов — здесь это было обязательно, но они не разъясняли и не переводили его сны — и получал святые заветы.

Весной седьмого года он шагнул на следующую ступень — Террасу Начал, и жил там месяц за месяцем в то время, как другие паломники шли мимо к Террасе Зеркал. Он мало с кем разговаривал, ни с кем не дружил и получал послания Короля Снов через огромные промежутки времени.

На третий год пребывания на Террасе Начал замети человека средних лет, пристально глядевшего на него в трапезной, невысокого и хилого, со странно знакомым взглядом. Две недели новичок держал Халигейна под неусыпным надзором, пока наконец любопытство последнего не выросло до небес, и, проведя небольшое расследование, он узнал, что незнакомца зовут Ковирам Клейм.

Разумеется, Халигейн подошел к нему в свободное время и спросил:

— Не согласитесь ли вы ответить на один вопрос?

— Если смогу.

— Вы уроженец города Кимканэйла?

— Да,— кивнул Клейм.— А вы… вы из Сти?

— Да,— подтвердил Халигейн.

Какое-то время оба молчали. Потом Халигейн сказал:

— Значит, вы преследовали меня все эти годы?

— Вовсе нет.

— И то, что мы оба здесь, только совпадение?

— По-моему, совпадение,— согласился Ковирам Клейм,— поскольку я совершенно не собирался приезжать туда, где живете вы.

— Вы знаете, кто я и что сделал?

— Да.

— А что вы хотите от меня?

— Хочу? — Глаза Клейма, маленькие, черные и блестящие, как и у его давно умершего отца, заглянули в глаза Халигейна —— Что я хочу? — повторил он.— Расскажите мне, что произошло в Вигеле.

— Пройдемся,— предложил Халигейн.

Они вышли за плотную сине-зеленую живую изгородь в сад элабендисов, за которыми присматривал Халигейн на Террасе Начал, прореживая бутоны, отчего цветы становились еще больше и красивее. В этом ароматном окружении Халигейн, чего никогда не делал раньше, ровно и спокойно описал случившееся: ссору, встречу, окно, реку — все это казалось теперь почти нереальным.

Во время рассказа лицо Козирама Клейма оставалось бесстрастным, и напрасно Халигейн напряженно вглядывался в его черты, стараясь прочесть сокровенные мысли.

Описав убийство, Халигейн ждал вопросов, не Клейм молчал. Наконец он сказал:

— А что случилось с вами потом? Почему вы исчезли?

— Король Снов истерзал мне душу дьявольскими посланиями и вверг в такие муки, что мне пришлось бежать и укрываться в Норморке, но он нашел меня и там, и я бежал снова и перебирался с места на место, пока, наконец, не стал паломником на Острове Снов.

— А Король Снов все еще преследует вас?

— Время от времени я получаю послания,— подтвердил Халигейн. Он тряхнул головой.— Но они бесполезны. Я страдаю и раскаиваюсь и без посланий. Но я не чувствую вины за преступление. Оно случилось в минуту безумия, и я тысячу раз жалел о нем и желал, чтобы ничего подобного не произошло, но все равно я не могу возложить только на себя ответственность за смерть вашего отца — он сам довел меня до неистовства. Я лишь толкнул его, и он упал. Все произошло случайно, необдуманно.

— Но вы почувствовали, что делаете?

— Да. А потом годы мучительных посланий — что хорошего они мне принесли? Если бы я сумел удержаться от убийства из страха перед Королем Снов, то вся система наказания была бы оправдана, но я не думал о Короле Снов, и потому вижу, что кодекс, по которому я наказан, не нужен. Так и с моим паломничеством: я приехал сюда не только во искупление вины, сколько чтобы укрыться от Короля Снов и его посланий, и, по-моему, в сущности достиг этого. Но, к сожалению, ни мое искупление, ни мои страдания не вернут к жизни вашего отца, так что все бесцельно. Убейте меня, и дело с концом.

— Убить вас? — удивился Клейм.

— Разве вы не хотите отомстить?

— Я был мальчишкой, когда исчез отец. Сейчас я уже не молод, а вы еще старше. Вообще, все это — давняя история. Я хотел только узнать правду о его гибели, и теперь ее знаю. Если бы ваша смерть вернула жизнь моему отцу, я, возможно, и убил бы вас, но, как вы сами говорите, это не изменит ничего. У меня нет к вам никакой ненависти, и мне совсем не хочется испытать на себе руку Короля Снов. Мне, по крайней мере, система наказания служит превосходно.

— Вы не хотите убить меня? — удивился Халигейн.

— Нет.

— Нет-нет, я понимаю. Это только освободило бы меня от жизни, ставшей одним долгим наказанием.

Клейм тоже удивился.

— Вот как? Выходит, и я наказываю вас?

— Да, вы приговариваете меня к жизни.

— Но срок вашего наказания давно миновал. На вас теперь милость Властительницы, через смерть моего отца вы нашли путь к ней!

Халигейн не мог понять, то ли Клейм смеется над ним, то ли искренне верит в свои слова.

— Вы видите ее милость? — переспросил он.

— Да.

Халигейн покачал головой.

— И Остров, и все окружающее остались ничем для меня. Я приехал только для того, чтобы избежать мести Короля Снов, и по крайней мере нашел место, где можно укрыться от него, но не больше.

Клейм смотрел внимательно и безмятежно.

— Вы обманываете себя,— сказал он и отошел, оставив Халигейна ошеломленным и сбитым с толку.

Возможно ли такое? Неужели он очищен от преступления и не понял этого? Он решил, что сегодня ночью придет послание от Короля Снов, обязательно придет, потому что последнее было год назад, и он подойдет тогда к краю Террасы и бросится в Море. И послание пришло. Послание Властительницы, теплое и святое послание, призывающее его на Террасу Зеркал, однако он не поверил ему. Но утром толкователь снов передал Халигейну наказ сразу же идти к сияющей Террасе, и начался следующий этап его паломничества.

ВОСЕМЬ
Среди толкователей снов

Часто теперь Хиссун обнаруживал, что одно его приключение требует немедленного разъяснения другим, и из мрачного, но познавательного рассказа об убийце Халигейна он почерпнул много о действиях Короля Снов. Но сами толкователи снов, эти посредники между мирами бодрствования и сновидений, оставались для него загадкой. Он никогда не советовался ни с одним. Свои сны он считал скорее театральными постановками, нежели посланиями. Где-то там, в Зимроеле, живет или жила знаменитая толковательница снов Тирана, с которой Хиссуна довелось встретиться во время второй коронации Властителя Валентайна. Толстая старуха из Фалконкипа, очевидно, сыгравшая какую-то роль в открытии Властителем Валентайном своей подлинной сущности. Хиссун ничего не знал об этом, но ему что-то неуютно вспоминался проницательный взгляд сильной и энергичной старухи. По какой-то причине она завладела, вниманием мальчишки. Он помнил, как стоял рядом и казался себе карликом, надеясь, что ей не взбредет в голову обнять

его потому что вполне могла бы раздавить о свою могучую грудь. Она сказала тогда: "...и тут маленький потерявшийся князек... "

Что это значило? Толкователи снов могли бы, наверное, объяснить, но он не ходил к толкователям. И теперь вдруг захотелось узнать, не оставила ли Тизана записи в Счетчике Душ. Он проверил хранилище. Да, одна запись есть. Вытащил и быстро определил, что она относится к молодости Тизаны — лет пятьдесят назад, когда она еще только училась своему ремеслу; других ее записей в хранилище не было. Он надел шлем и неистовый дух юной Тизаны ворвался в сознание.

Утром за день до Испытания внезапно пошел дождь, и все выскочили из главного здания полюбоваться им: и новиции, и заступники, и совершенные, и наставники, и даже сама Высшая Толковательница Инельда. Здесь, в пустыне Равнин Беласисиера, дождь был очень редким событием. Тизана выбежала со всеми и стояла, глядя, как большие чистые капли косо падают из единственной тучи с черными краями, которая замерла высоко над гигантским шпилем главного здания, словно привязанная. Капли били в спекшуюся песчаную почву с отчетливо слы-

шимым стуком, и темные грязноватые пятна от них расползались, образуя бледно-красноватую жижицу. Новиции, заступники, совершенные и наставники — все сбросили плащи и резвились под ливнем.

— Первый нормальный дождь за год,— произнес кто-то.

— Предзнаменование,— пробормотала Фрейлис, заступница, самая близкая подруга Тизаны.— У тебя будет легкое испытание.

— Ты действительно в это веришь?

— Не знаю, но лучше верить в добрый знак, чем в дурной,— наставительно заметила Фрейлис.

— Сей полезный девиз стоит усыновить,— согласилась Тизана, и обе рассмеялись.

Фрейлис дернула Тизану за руку:

— Пойдем туда, потанцуем!

Тизана покачала головой, не двинувшись с места из-под навеса, и лишь выглядывала наружу, так что все понукания Фрейлис были бесполезны. Тизана — женщина рослая, ширококостная и сильная. Фрейлис — изящная и легкая, подле нее напоминала птицу. Настроения плясать под дождем сейчас у Тизаны не было: завтрашний день должен стать кульминацией семи лет обучения, а она до сих пор понятия не имела, как происходит

и чего потребует от нее ритуал. Но в одном была уверена — если ее сочтут недостойной, то с позором отошлют в далекий родной город. Страхи и мрачные предчувствия свинцовой тяжестью лежали на душе, и плясать в такое время казалось невероятным легкомыслием

— Гляди! — воскликнула Фрейлис.— Высшая!

Да, даже сама почтенная, высохшая, седая Инельда, пошатываясь, выбралась под дождь и двигалась церемониальными кругами, раскинув худые руки и запрокинув вверх лицо. Тизана улыбнулась. Высшая заметила ее, укрывшуюся на галерее, и, усмехнувшись, подозвала к себе, как подзывают надувшегося ребенка, не принимающего участия и общей игре. Но Высшая прошла свое испытание так давно, что, верно, забыла, каким страшным и благоговейным кажется оно новичкам; несомненно, она не могла понять мрачную озабоченность Тизаны. С жестом извинения Тизана повернулась и вошла внутрь. Из-за спины несся отрывистый стук тяжелых капель, а затем — внезапная тишина: неожиданная маленькая буря улеглась.

Наклонив голову под низкой аркой из, синих каменных плит, Тизана вошла в свою келью и на мгновение прислонилась к шершавой стене,

расслабляясь.

Келья была крохотная, только-только для матраца, умывального таза, шкатулки, рабочего ложа и миниатюрного шкафа, и Тизана, большая и плотная, со здоровым могучим телом девушки с фермы, которой и была раньше, занимала почти все остальное пространство. Но она привыкла к тесноте, и теперь находила ее даже удобной. Удобными также были заведенные порядки главного здания: ежедневный круг дел, физический труд, обучение и (с тех пор, как она достигла положения совершенной) наставничество над новициями. К тому времени, как разразился ливень, Тизана варила сонное зелье — обязательная работа, отнимающая по часу каждое утро уже два года, и сейчас вернулась к своему занятию.

Все сонное зелье, используемое на Маджипуре, делалось здесь заступниками и совершенными в главном здании Беласисиера. Для такой работы требовались пальцы понежнее и половчее, чем у Тизаны, но она давно стала настоящим знатоком и легко справлялась.

Перед ней стоят пузырьки с настоями трав, разложены крохотные серые листья муорны, сочные корни вейджлы, высушенные ягоды ситерил и прочие из двадцати девяти ингредиентов, способ-

ствующих созданию транса, в котором приходит понимание снов и посланий. Тизана принялась толочь и смешивать их — все необходимо было проделать быстро и точно, иначе химические реакции пойдут наперекосяк,— затем разожгла огонь, обжигая немного порошка, обратила его в водку, которую размешивала и разбавляла до тех пор, пока не получилось вино. Лишь после того, как довольно долго напряженно и внимательно работала, немного расслабилась и даже повеселела.

За работой она не сразу уловила тихое дыхание за спиной.

— Фрейлис?

— Не помешаю?

— Конечно, нет. Я почти закончила. Что, они еще танцуют?

— Нет-нет, все опять по-прежнему, разошлись. Солнце снова сияет во всю мочь.

Тизана взболтала темное тягучее вино во фляжке.

— В Фалкинкипе, где я выросла, погода тоже жаркая и сухая, однако мы не впадаем в экстаз и не прыгаем от радости при виде дождя.

— В Фалкинкипе,— откликнулась Фрейлис,— люди считают все само собой разумеющимся.

Даже одиннадцатирукий скандар их не воодушевляет. Если Понтифик заглянет в ваш город и пройдется по площади на руках, и то толпа не соберется.

— Да? Ты там была?

— Один раз, девчонкой. Отец подумывал перебраться на ранчо, но особой склонности к фермерству у него не оказалось, и через год мы вернулись в Тил-омон… Между прочим, он все вспоминал потом жителей Фалкинкипа, какие они неторопливые, флегматичные и осмотрительные.

— И я такая? — осведомилась Тизана с озорством.

— Ты… ну… сверхустойчива.

— Да? Тогда почему я так волнуюсь о завтрашнем дне

Маленькая женщина опустилась на колени перед Тизаной и взяла ее руки в свои.

— Ты вовсе не волнуешься,— заметила она мягко.

— Ну, нет, неизвестное всегда пугает.

— Это всего лишь проверка.

— Последняя проверка. А если я не справлюсь? Вдруг у меня отыщется какой-то ужасный изъян, из-за которого я не смогу стать толковательни-

цей снов?

— И что ты тогда сделаешь? — поинтересовалась Фрейлис.

— Потеряю семь лет, и как дура приползу в Фалкинкип, без ремесла, без профессии, и проведу остаток жизни, вскапывая поля на какой-нибудь ферме.

— Если только Испытание покажет, что ты не годишься в толкователи снов,— заметила Фрейлис.— Да все это риторика, Ты сама прекрасно знаешь, что нельзя позволять неспособному рыться в человеческом сознании, а кроме того, ты подходишь в толкователи, и Испытание для тебя не проблема, и я не понимаю, отчего ты так тревожишься.

— Оттого, что не знаю, на что это похоже.

— Почему не знаешь? Скорее всего, с тобой поговорят, дадут зелье, осмотрят твое сознание и поймут, что ты мудрая, добрая, сильная, и Высшая обнимет тебя и скажет, что ты прошла Испытание.

— Откуда такая уверенность?

— Просто разумное предположение.

Тизана дернула плечом.

— Догадок я много наслушалась. Даже такую, будто с тобой что-то делают, чтобы поставить тебя

лицом к лицу с собственными самыми худшими поступками в жизни, или с тем, что тебя больше всего пугает, или внушают чувство боязни всех остальных людей на свете; таких предположений ты не слышала?

— Слышала,— улыбнулась Фрейлис.

— За день до своего Испытания разве ты не будешь немного волноваться?

— Но ведь это же только сплетни, Тизана. Похоже, никто не знает, что такое Испытание в действительности, кроме тех, кто прошел его.

— И тех, кто не прошел.

— А ты знаешь кого-нибудь из них?

— Ну… я полагаю…

Фрейлис опять улыбнулась.

— По-моему, такие отсеиваются задолго до того, как становятся совершенными. Вернее, даже до того, как становятся заступниками.— Она встала и начала играть пузырьками на рабочем ложе Тизаны.— В Фалкинкип ты вернешься толковательницей снов.

— Я тоже надеюсь на это.

— Тебе там нравится?

— Там мой дом.

— Но ведь мир такой большой. Ты можешь поехать в Ни-мою или Пилиплок, или вообще в

Альханроель, пожить в Замке Горы, и даже…

— А мне по душе Фалкинкип,— перебила ее Тизана.— Я люблю пыльные дороги, иссохшие коричневые холмы. Семь лет не видела. К тому же, в Фалкинкипе нужен толкователь снов а в больших городах их и так хватает, все рвутся в Ни-мою или в Сти, разве нет? А мне не хватает Фалкинкипа.

— Может, тебя там ждет возлюбленный? — лукаво осведомилась Фрейлис.

Тизана фыркнула:

— Еще чего! Через семь-то лет!

— А у меня был в Тил-омоне. Мы собирались пожениться построить лодку и обойти вокруг Зимроеля года за три-четыре, потом подняться по реке до Ни-мои, поселиться там и открыть лавку.

Услышанное поразило Тизану. За все время их знакомства с Фрейлис они никогда не говорили ни о чем подобном.

— Что случилось?

Фрейлис спокойно ответила:

— Я получила послание, гласившее, что стану толковательницей снов, и спросила его, что он об этом думает. Понимаешь я даже не была еще уверена, что соглашусь, но хотела знать, как считает он, и в ту минуту, когда рассказывала,

увидела ответ в его глазах. Он попросил день-два, чтобы переварить новость, и это был последний раз, когда я его видела. Потом его друг передал мне, что ночью он получил послание, повелевшее ему срочно ехать в Пидрайд. Впоследствии, я слышала, он женился там на какой-то старой своей зазнобе, и, полагаю, они до сих пор болтают о постройке лодки и путешествии вокруг Зимроеля. Ну, а я подчинилась посланию, а теперь здесь. В ближайшие месяцы стану совершенной, и, если все пойдет хорошо, на будущий год сделаюсь полноправной толковательницей снов на Большом Базаре.

— Бедная Фрейлис!

— Не стоит меня жалеть, Тизана. То, что произошло,— к лучшему. Правда, чуть-чуть горько. Он ничего не стоящий пустозвон, я поняла бы это рано или поздно, а так — расстались, и я буду толковательницей снов и воздам за это службой Дивине, ведь в противном случае осталась бы никем. Понимаешь?

— Понимаю.

— И мне совсем не хочется быть просто чьей-то женой.

— Мне тоже,— согласилась Тизана. Она понюхала новое зелье, одобрительно кивнула и начала

прибирать рабочее ложе, пряча под покрывало пузырьки. Фрейлис, думала она, такая заботливая, нежная, понимающая — женская добродетель. Ни одной из этих черт Тизана не могла найти в себе. Она считала себя толстой, грубой, сильной, способной противостоять любому унынию, но не очень-то мягкой и определенно бесчувственной в нюансах нежных дел. Тизана понимала, что мужчины не всегда любят только нежность и понимание, но все же в этом что-то было, и Тизана всегда верила, что она слишком груба и толста, чтобы быть по-настоящему женственной. Поэтому Фрейлис, невысокая, хрупкая, с нежной душой, казалась ей почти неземным существом. Фрейлис, думала Тизана, станет Высшей толковательницей снов, интуитивно проницающей сознание тех, кто придет к ней за помощью, советы будет давать точные и ясные. Властительница Острова и Король Снов, когда они по-разному навещают сознание спящих, часто говорят загадками, и труд толкователей заключается в том, чтобы стать собеседником этих внушающих благоговение сил и разъяснять то, что они хотят сказать получившему послание. В этом была страшная ответственность. Своей деятельностью толкователи могли создать или разрушить

личную жизнь любого получающего послания. Фрейлис работала отлично: она точно знала, где быть строгой, где легкомысленной, а где утешить и ободрить. Как она узнавала? Жизнь. Ее опыт в любви, счастье, страданиях. Даже не догадываясь о многом из прошлого Фрейлис, Тизана видела в холодных серых глазах стройной женщины знание, и это знание стоило больше, чем все трюки и ухищрения, необходимые в выбранной профессии, которым она выучилась в главном здании. Тизана имела серьезные сомнения относительно своего призвания как толковательницы снов, тем более, что она ухитрилась пропустить всю страстность шумного мира Фрейлис. Жизнь ее — слишком устойчивая, как сказала бы подруга,— была прикована к одному-единственному месту на свете. Жизнь в Фалкинкипе… Вставать с восходом солнца, убраться, закусить, поработать и лечь спать, хорошо поев. Ни бурь, ни сдвигов, ни волнений, ни честолюбивых устремлений, ни настоящей боли — так откуда ей как следует понять тех, кто страдает? Тизана думала о Фрейлис и об изменившем ей любовнике, изменившем мгновенно, едва ее неоформившиеся планы не совпали с его собственными; потом мысли ее перескочили на свои любовные романы, проис-

ходившие, как правило, на гумне, такие легкие, такие заурядные когда два человека сходились на какое-то время и так же расходились, без боли, без страдания. Даже когда она занималась любовью последний раз перед отправкой сюда, все было просто и заурядно: два борющихся здоровых тела, легко соединяющихся с негромкими вскриками и быстрой дрожью наслаждения; потом они расстались. Ничего больше. Она скользила по жизни без шрамов, без страданий, без отклонений. Как тогда оценивать других? Если их затруднения и противоречия ничего не значат для нее? Возможно, она потому и боялась Испытания, что к ней, наконец-то, заглянут в душу и поймут, что она не годится в толкователи снов,— слишком проста и наивна. Какая ирония, что теперь ей приходится сожалеть о прошлой безмятежной жизни!

Руки задрожали. Она подняла их и внимательно осмотрела. Крестьянские руки, большие и грубые, грубые крестьянские руки с толстыми пальцами тряслись, будто туго натянутые нити. Фрейлис, заметив жест Тизаны, опустила их и взяла в свои, еле сумев охватить тонкими изящными пальчиками.

— Расслабься,— шепнула она с нажимом. — Не о чем тревожиться.

Тизана кивнула.

— Который час?

— Тебе время заниматься с новициями, а мне совершать обряды.

— Да-да, хорошо, идем.

— Я загляну к тебе позже. В обед. А ночью мы покараулим послание, а?

— Да,— кивнула Тизана.— Конечно.

Они покинули келью. Тизана поспешила наружу, пройдя по двору к залу собраний, где ждали ее десять новиций. От прошедшего дождя не осталось и следа — бешеное солнце выпило каждую каплю; в полдень прятались даже ящерицы.

От задней стены главного дома к Тизане направлялась наставница Вандайна, женщина из Пилиплока почти одного возраста с Высшей. Тизана улыбнулась и прошла было мимо, но наставница окликнула ее и жестом подозвала к себе.

— Ваш день завтра?

— Боюсь, что так.

— Вам сообщили, кто проведет Испытание?

— Нет,— пожала плечами Тизана,— оставили гадать.

— Так и должно быть,— кивнула Вандайна.— Неуверенность хороша для души.

— Могла бы и сказать,— проворчала Тизана, когда Вандайна с трудом утащилась прочь.

Интересно, думала Тизана, сама-то она когда-нибудь готовилась к Испытанию? Хотя, конечно, да. Мы просто смотрим на одно и то же по-разному, подумала она, вспоминая, как в детстве клялась всегда с пониманием относиться к делам и заботам детей, без той насмешливой надменности, с которой с ними обращаются взрослые. Она не забыла клятву, но через десять-пятнадцать лет просто не помнила, как это важно в детстве. Очевидно, такое же происходило и сейчас.

Она вошла в зал собраний. Обучение в главном доме велось в основном наставниками, наиболее квалифицированными толкователями снов, добровольно отдававшими по несколько лет жизни практике обучения. Но и совершенные — обучающиеся последней ступени,— которые были толкователями снов во всем, только не прошли еще Испытания, также привлекались для работы с новициями, приобретая необходимый профессиональный опыт общения с людьми. Тизана обучала варке сонного зелья, теории посланий и общей гармонии. Новиции смотрели на нее с благоговейным уважением, когда она заняла свое место за столом. Что они знали о ее

страхах и сомнениях? Для них она была высочайшим примером посвящения в обряд толкования снов, всего на одну-две ступени ниже Высшей Инельды. Она полностью владела искусством, которое они только начинали постигать. Знай они об Испытании, они бы отнеслись к нему, как к смутному темному облаку где-то вдалеке, которое заинтересовало бы их не больше, чем старость или смерть.

— Вчера,— начала Тизана, глубоко вздохнув и стараясь казаться спокойной и хладнокровной провидицей, кладезем мудрости — мы говорили о роли Короля Снов в регулировании поведения всего общества Маджипуры. Вы, Мелиара, подняли вопрос о частых недоброжелательных образах в посланиях Короля, интересовались лежащей в основе нравственности общества системой наказания посланиями. Постараюсь изложить все это сегодня более подробно. Возьмем для гримера гипотетическую личность, скажем, охотника на морских драконов из Пилиплока, который под воздействием сильнейшего нервного напряжения совершил непредумышленный скверный поступок в виде насилия над членом своего экипажа…

Слова катились из нее, как разматывающийся

клубок. Новиции, щурясь и потряхивая гривами волос, торопливо записывали. Тизана помнила, как в бытность свою новицией ее не покидало отчаянное ощущение, будто она стоит перед лицом безграничного обучения не просто техническим приемам толкователей снов, но всевозможным дополнительным нюансам и понятиям. Но сегодня ей было не до этого. Конечно, где-то в глубине души она сознавала, что ее переживания в основном — только поза. Не в ее привычках было надеяться на худшее, разве что теперь ее выбивало из колеи предстоящее Испытание.

Однажды, семь лет назад, к ней пришло послание Властительницы, убеждавшее покинуть ферму и стать толкователем снов; она, не раздумывая, подчинилась, заняла денег и отправилась в долгое паломничество на Остров Снов для подготовительного обучения, а потом, получив разрешение занять место в главном здании Беласисиера, вновь пересекла необъятное море и добралась до этой уединенной и жалкой пустыни, где прожила четыре года, И никаких сомнений, никаких колебаний.

Но столько предстояло узнать! Мириады подробностей, относящихся к работе толкователей снов со своими нанимателями, профессиональ-

ная этика, ответственность, ловушки, способы приготовления сонного зелья и соединения сознаний, сами сны. Типы, значения, скрытый смысл. Семь снов самообмана и девять снов обучения. Призывающие сны и отпускающие сны, три переступающих себя сна, сны отсрочки, наслаждений, сны уничтожения знаний. Одиннадцать снов мучений, пять снов блаженства, сны прерывания поездок, сны борьбы, сны добрых надежд, сны злобных видений, сны ошибочного честолюбия, тринадцать снов благодарности… Тизана изучила их все, потратив огромное количество времени и нервов, изучая каждый тип сна месяц за месяцем. Она заслуженно стала знатоком своего дела. Достигла вершин того, что эти юные с широко открытыми глазами новиции только начинали изучать. И все же… все же завтрашнее испытание могло лишить ее всего, чего ни один из новичков не мог понять.

…Или мог? Урок подошел к концу. Тизана задержалась, складывая бумаги на столе, пока новиции выходили из зала. Одна — невысокая пухленькая светловолосая девушка из Стража Городов Замка Горы, на минуту задержалась около нее. Как и большинство людей, девушка казалась карлицей рядом с Тизаной — и, глядя

вверх, легонько коснулась кончиками пальцев локтя совершенной, словно крыльями мотылька, робко прошептала:

— У вас будет все хорошо завтра, я уверена.— И с улыбкой на заалевших щеках убежала.

Выходит, они знали — во всяком случае, некоторые. Благословение малышки осталось с Тизаной на весь день, как огонек свечи. На долгий-долгий день, полный повседневной работы, от которой нельзя увильнуть, хотя сегодня она предпочла бы выйти и прогуляться по пустыне. Но необходимо исполнять обряды, вскапывать землю на огороде, а после полудня заниматься с группой других новиций. Затем немного самосозерцания перед обедом, и, наконец, сам обед на закате.

К тому времени Тизане стало казаться, будто утренний дождь случился несколько недель назад, а то и вовсе прошел во сне.

Обед тянулся невыносимо долго. У Тизаны — совершенно неслыханное дело! — абсолютно не было аппетита. В трапезной все кипело теплом и жизнью главного здания — смех, болтовня, грубоватые песенки. Тизана в одиночестве и молчании сидела посреди всего этого, словно накрытая хрустальной сферой, и остальные тщательно старались не обращать на нее внимания,

зная, что сегодня канун ее Испытания. Правда, те, что помоложе, хоть и старались изо всех сил, не могли удержаться и время от времени бросали украдкой быстрые взгляды, как на кого-то, внезапно избранного нести особое бремя.

Тизана не знала, что хуже: вежливое притворство совершенных и наставниц, или острое любопытство заступников и новиций. Она ничего не ела, играя кусочком хлеба в пальцах. Подсевшая Фрейлис выбранила ее, как ребенка, убеждая, что ей понадобятся силы на завтрашний день. Тизана коротко рассмеялась, похлопав себя по твердому большему животу.

— У меня тут столько, что хватит и на десять Испытаний.

— Все равно, — отмахнулась Фрейлис,— поешь.

— Не могу. Слишком разнервничалась.

С помоста донесся стук ложки о стекло. Тизана в испуге пробормотала:

— Сохрани меня, Властительница! Неужели она хочет что-то сказать всем о моем Испытании?

— Нет, это о новом Венценосце, — успокоила ее Фрейлис.— В полдень получены известия.

— Как?.. Новый Венценосец?

— Да. Он занял место Властителя Тивераса, тот

теперь Понтифик. Где ты была? Уже пять недель прошло…

— …и в самом деле, утренний дождь был знаком новой весны и новых вестей…— говорила Высшая.

Усилием воли Тизана заставила себя слушать внимательно.

— Сегодня я получила весть, которая вознаградила нас за пять недель ожидания: Понтифик Тиверас избрал новым Венценосцем Молибора из Бомбифэйла, и последний сегодняшней ночью займет свое место на Троне Конфалума в Замке Горы.

Раздались аплодисменты, все приветствовали весть о новом Венценосце знаками звездного взрыва. Тизана, как во сне, сделала то же самое. Новый Венценосец! Да-да, как же она забыла, старый Понтифик умер несколько месяцев назад, и государственное колесо завертелось снова. Властитель Тиверас сам теперь Понтифик, и новый человек взошел сегодня на Вершину Замка Горы. "Молибор! Многая лета Венценосцу!" — кричала она с остальными. Но… все-таки это было чем-то нереальным, да и не важным для нее сейчас. Новый Венценосец? Ну и что? Еще одно имя в длинном-длинном списке. Конечно, да здрав-

ствует Властитель Молибор, кто бы он ни был, но его заботы только начинаются, и Тизане до них пока дела нет. Разумеется, будет празднество начала царствования. Она помнила, как подвыпила огненного вина маленькой девочкой, когда скончался знаменитый Кинникен, Властитель Осиер перебрался в Лабиринт, став Понтификом, и Тиверас поднялся в Замок Горы. А теперь Тиверас сделался Понтификом, и кто-то там стал Венценосцем, и когда-нибудь, несомненно, она услышит, что Молибор удалился в Лабиринт, и пылкий юный Венценосец воссел на троне. И пусть, события очень важны, Тизане в данную минуту было все равно, кто воссел на трон — Молибор, Тиверас, Осиер или Кинникен. Замок Горы был далеко, в тысячах миль. И перед ней стоял сейчас не Замок Горы, а Испытание. Маниакальный страх перед Испытанием подавлял все. Она понимала, что это нелепо, что это вроде того ощущения, которое испытывает больной человек, когда ему кажется, что вся боль вселенной сосредоточилась в нем одном. Властитель Молибор? Его воцарение она отпразднует в другой раз.

— Идем,— сказала Фрейлис.— Пошли к тебе.

Тизана кивнула. Сегодня трапезная была не для нее. Чувствуя, как все взгляды сосредоточились

на ней, она прошла между рядами столиков и вышла наружу, в темноту. Дул сухой и горячий ветер, шершавый, как терка, раздражающий нервы.

Когда они вошли в келью, Фрейлис засветила свечи и мягко подтолкнула Тизану к постели, затем достала из шкатулки два бокала, а из-под своей мантии вытащила небольшую фляжку.

— Что ты делаешь? — удивилась Тизана.

— Вино. Расслабишься немного.

— Сонное зелье?

— Почему бы нет?

Тизана нахмурилась.

— Мы не собирались…

— Мы и не станем заниматься разгадыванием снов… Это просто даст возможность немного расслабиться, и я смогу разделить свою силу с твоей. На, держи.— Она налила в бокалы густого темного напитка и вложила один в руку Тизаны.— Пей!

Тизана медленно подчинилась. Фрейлис быстро выпила свою долю и начала снимать мантию.

Тизана смотрела на нее с удивлением. Она никогда не занималась любовью с женщиной. Неужели Фрейлис хотела?.. Зачем? Это ошибка! — подумала Тизана. В канун ее Испытания пить

сонное зелье и делить постель с Фрейлис…

— Раздевайся,— шепнула Фрейлис.

— Что ты собираешься делать?

— Ловить сны, глупая. Как мы договорились, и ничего больше. Допивай зелье и снимай мантию.

Сама она уже стояла нагая. Тело ее было по-детски прямым и худощавым, с бледной чистой кожей и небольшими девичьими грудями.

Тизана сбросила одежду на пол. Полнота смущала ее, могучие груди, толстые колонны ног, массивные бедра казались неприличными в сравнении с изяществом Фрейлис. Хоть во время работы толкователь снов и должен быть обнажен, сейчас-то Тизана принимала не клиента. Фрейлис подлила ей зелья в бокал, и она выпила без возражений. Потом Фрейлис взяла Тизану за запястья, опустилась перед ней на колени и посмотрела прямо в глаза, сказав одновременно нежно и презрительно:

— Ты большая и глупая. Ты должна избавиться от страхов перед завтрашним днем. Испытание — НИЧТО! — Она задула свечи и легла рядом с Тизаной.— Спи спокойно, сны будут хорошие.— Она повернулась к груди Тизаны и прижалась к ней.

Через минуту она спала.

Они не будут заниматься любовью. Тизана испытала облегчение. В другой раз — возможно, почему бы и нет? — но сейчас не время дам таких приключений.

Тизана закрыла глаза и баюкала Фрейлис, как спящее дитя. Зелье билось в ней, согревая теплом. Оно открывало одно сознание другому, и Тизана сейчас испытала сильное чувство, что дух Фрейлис парит рядом с ней. Однако они не общались между собой и не делали необходимых сосредоточенных упражнений, что творит полное единение. От Фрейлис исходили лишь волна умиротворения, любви и энергии. Она была сильной, гораздо сильнее своего хрупкого тела, и по мере того, как сонное зелье все глубже проникало в сознание, Тизана чувствовала себя все лучше от того, что рядом лежит другая женщина. Она медленно погружалась в глубь своей души. Все еще немного беспокоилась: об Испытании, о том, что могут подумать об их совместно проведенной ночи в одной постели, о нарушении правила, которое они совершили, вдвоем испив сонное зелье. Водовороты течений вины, стыда, страхов кружились в душе. Но постепенно она успокаивалась. И уснула. И глазами профессионального толкователя смотрела свои сны, но те не имели

ни формы, ни последовательности — загадочные образы, пустынный горизонт, освещенный неясным и отдаленным светом, и вот, кажется, лицо Властительницы или Высшей Инельды, или Фрейлис, или просто теплая лента утешающего света, а потом — рассвет, и какая-то птица щебечет в пустыне, возвращая новый день.

Тизана села, протерла глаза. Она была одна. Фрейлис убрала свечи, вымыла бокалы ушла, оставив на столике записку — нет, не записку, а рисунок светящейся стрелы, символ Короля Снов, внутри треугольника, знак Властительницы Острова Снов, окруженные сияющим солнцем — пожелание любви и удачи.

— Тизана?

Она повернулась к двери. Там стояла Вандайна.

— Уже время? — замирая, спросила Тизана.

— Да. Ты готова? Солнце взошло двадцать минут назад.

— Да,— кивнула Тизана, и вдруг успокоилась, совершенно успокоилась, какая ирония после недели страхов. Но сейчас для них уже не оставалось времени.

Следом за Вандайной она шла через двор, мимо огорода. Несколько человек, не говоря ни слова,

окружили их, когда они вышли за территорию главного здания. В зеленоватом свете зарождающегося дня молча шли по хрустящему песку пустыни, и Тизане приходилось приноравливать свой шаг к походке старухи. Они направлялись на юго-запад. Казалось, истекли часы. Стали возникать руины Беласисиера, древнего города метаморфов, обширное и часто посещаемое призраками место былого величия уроженцев Маджипуры. Проклятое место, заброшенное тысячи лет назад.

Тизана подумала, что поняла: Испытание, верно, заключается в том, что ее оставят бродить среди руин и призраков на весь день. Но так ли это? Так по-детски просто? Призраки не пугали. Но если ее оставят здесь и на ночь, чтобы только напугать?

Днем Беласисиер представлял собой обычное зрелище горбатого и корявого камня, рухнувших капищ, разбросанных колонн, похороненных песком пирамид, но ночью…

Наконец, они подошли к чему-то, напоминающему амфитеатр или цирк, довольно хорошо сохранившемуся. Каменные сиденья кольцами уходили вверх одно над другим, образуя гигантскую чашу. В центре стоял каменный стол и

несколько каменных скамей, на столе фляга. Здесь должно пройти Испытание! Тизана решила, что они со старой Вандайной выпьют зелье, вместе лягут на песчаную землю ловить сны, а когда встанут, Вандайна будет знать, годится ли она в толкователи.

Но случилось совсем не так. Вандайна указала на фляжку.

— Мы оставим тебя здесь. Это сонное зелье. Наливай, сколько потребуется, пей и смотри в свою душу. Свое Испытание ты проведешь сама.

— Я?

Вандайна улыбнулась.

— Кто же еще сумеет тебя проверить? Ступай. Потом мы придем за тобой.

Старая наставница, согнувшись, отошла. На языке у Тизаны вертелись десятки вопросов, но сдержалась, чувствуя, что Испытание уже началось и что первая его часть — не задавать вопросов. С изумлением следила, как Вандайна прошла в нишу амфитеатра и скрылась в тени. Ни звука вокруг, даже шагов. В подавляющей тишине безлюдного города песок, казалось, должен был греметь… но тишина! Тизана нахмурилась, потом улыбнулась, засмеялась — гулкий смех расшевелил далекое эхо. Она радовалась. Заду-

мать и провести самой свое Испытание! Значит, это бывает: отводят в руины и предлагают посмотреть на себя.

А сколько было страхов, сколько…

Но как?

Тизана пожала плечами. Она не завтракала и почувствовала, как напиток почти мгновенно ударил в голову. Тем не менее, она отхлебнула в третий раз.

Солнце поднималось быстро, первые лучи уже протянулись над стенами амфитеатра.

— Тизана! — выкрикнула она, и сама же ответила:

— Да, Тизана!

Засмеялась, выпила снова.

Прежде принимала зелье только в чьем-либо присутствии, либо для разъяснения снов, либо с наставницей. Пить сейчас в одиночестве все равно, что задавать вопросы своему отражению, Она вдруг со смущением осознала, что стоит между двух зеркал и видит один и тот же образ со спины и с лица.

— Тизана,— сказала себе,— это твое Испытание. Годишься ли ты в толкователи снов?

И ответила:

Я училась четыре года, да еще три провела на

Острове Властительницы. Я знаю семь снов самообмана, три сна обучения, призывающие сны и…

— Хорошо, перескочим через это. Ты годишься в толкователи снов?

— Я умею смешивать зелье и принимать его.

— Отвечай на вопрос! Ты годишься в толкователи снов?

— Я очень устойчивая. У меня спокойная и чистая душа.

— Ты уклоняешься от ответа.

— Я сильная и способная, во мне почти нет злобы. Я желаю служить Дивине.

— А как насчет служения разумным существам?

— Служа Дивине, я служу и им.

— Очень красиво. Кто научил тебя так отвечать?

— Просто пришло на ум. Можно, я еще выпью?

— Как хочешь.

— Спасибо,— поблагодарила Тизана. Она выпила. Голова закружилась, но не от зелья, потому что таинственные, соединяющие сознания силы напитка отсутствовали. Она была одна и бодрствовала. Она спросила:

— Какой следующий вопрос?

— Ты до сих пор не ответила на предыдущий.

— Задай другой.

— Вопрос только один, Тизана. Годишься ли ты в толкователи снов? Сумеешь ли утешить души тех, кто придет к тебе?

— Я постараюсь.

— Таков твой ответ?

— Да,— сказала Тизана,— таков мой ответ. Оставь меня в покое, и разреши попробовать. Я женщина доброй воли. Я овладела своим искусством и желаю помогать другим. Сама Властительница приказала мне стать толкователь-ницей снов.

— И ты ляжешь с каждым, кому потребуется? С человеком, с хьертом, со скандаром, лименом, с уруном и прочими племенами нашего мира?

— С каждым,— ответила она.

— И от каждого ты возьмешь на себя его тревоги?

— Если смогу, то да.

— Ты годишься в толкователи снов?

— Дай мне попробовать, и тогда узнаем,— сказала Тизана.

— Это кажется справедливым,— ответила Тизана.— У меня больше нет вопросов.

Она вылила в бокал и допила остатки зелья. Потом спокойно сидела, пока поднималось солн-

це и нарастала дневная жара. Была совершенно спокойна и не испытывала ни нетерпения, ни неудобства. Просидела бы так весь день и всю ночь, если бы ее не тревожили, но через час или чуть больше возле нее без какого бы то ни было предупреждения появилась Вандайна.

— Ты закончила? — мягко спросила старая женщина.

— Да.

— И как?

— Я прошла через это,— сказала Тизана.

Вандайна улыбнулась.

— Я была уверена в этом. Идем. Нужно еще переговорить с Высшей и устроить твое будущее, будущее толковательницы, Тизана.

В главное здание они вернулись в таком же молчании, в каком уходили утром. Шли быстро — палящее солнце подгоняло. До полудня оставалось совсем немного, когда выбрались из руин Беласисиера. Новации и заступники, работавшие на полях, шли ко второму завтраку. Они неуверенно поглядывали на Тизану, и та улыбалась в ответ яркой, успокаивающей улыбкой.

У входа вдруг появилась Фрейлис, подбежала и бросила на подругу быстрый встревоженный взгляд.

— Ну? — спросила она напряженно.

Тизана улыбнулась. Она хотела сказать, что испытание НИЧТО, просто шутка, обряд, а настоящее Испытание имело место задолго до сегодняшнего дня, но Фрейлис дошла до всего этого сама. Огромное пространство разделило их теперь — Тизану, ставшую толковательницей снов, и Фрейлис, все еще заступницу. И Тизана сказала просто:

— Все хорошо.

— Хорошо? Здорово, ой, как здорово, Тизана! Я так рада за тебя!

— Спасибо, что помогла мне,— сказала Тизана серьезно.

Внезапно тень накрыла двор. Тизана взглянула вверх. Небольшое темное облако, вроде вчерашнего, плыло в небе — наверное, осколок шторма с далекого побережья. Оно повисло, будто зацепилось за шпиль главного здания и вдруг разразилось крупными и тяжелыми, каплями дождя.

— Смотри,— сказала Тизана,— смотри, снова дождь. Идем, Фрейлис! Идем, потанцуем?

ДЕВЯТЬ
Воровка В Ни-Мое

К концу седьмого года вторичного воцарения на престоле Властителя Валентайна Лабиринта достигла весть, что Венценосец скоро прибудет с визитом — весть, заставившая сердце Хиссуна забиться сильнее. Увидит ли он Венценосца? Вспомнит ли о нем Властитель Валентайн? Один раз Венценосец вызвал его в Замок Горы, когда состоялась его вторая коронация, конечно же, он помнит кое-что о мальчишке, который…

А может быть, и нет, решил Хиссун. возбуждение спало, он вновь вернул себе холодный самоконтроль. Конечно, если он, что совершенно невероятно, попадется на глаза Венценосцу, то тот вспомнит его, но чтобы сам Властитель Валентайн поинтересовался им — такое вообще сверхъестественно. Скорее всего, Венценосец спустится вниз, а затем покинет Лабиринт, никого не увидев, кроме Понтифика. Говорили, что он устраивает грандиозное шествие к Алэйсору, а потом к Острову Снов (хочет повидаться с матерью), и обязательно остановится в Лабиринте в такой поездке. Но Хиссун догадывался, что Венце-

носцу вовсе не по душе Лабиринт, встретивший его так неприветливо, когда он вновь поднимался в свой Замок. И знал, что Понтифик Тиверас — скорее мертвый, чем живой, потерявшийся в непроницаемых снах внутри кокона, поддерживающего его существование, не способный уже разговаривать. Он скорее символ, чем человек, которого следовало похоронить много лет назад, но тлеющему в нем огоньку жизни не давали угаснуть, чтобы продлить царствование Властителя Валентайна. Что, по мнению Хиссуна, было хорошо, не только для Венценосца, но и для всей Маджипуры. Но это уже не его ума дело.

Он вернулся к Счетчику Душ, продолжая лениво размышлять над грядущим визитом Венценосца, и так же лениво вытащил новую запись из картотеки горожан Ни-мои. Казалось, она ничего интересного не обещает, и Хиссун чуть было не сунул ее обратно, но ему захотелось просто посмотреть великий город другого континента. Ради Ни-мои он позволил жизни маленькой лавочницы поглотить себя, и скоро уже не жалел об этом.

Мать Иньянны, как и бабушка, содержала лавку в Велатхусе, и было похоже, что такая же судьба уготована и ей. Ни мать, ни бабушка не

обижались на жизнь, но Иньянна — ей исполнилось девятнадцать и она была единственной наследницей — чувствовала, что лавка слишком тяжелое бремя для ее плеч, невыносимо давящий горб. Она часто подумывала предать имущество и попытать счастья в каком-нибудь городе подальше отсюда: в Пилиплоке, Пидрайде или даже в величественной столице провинции Ни-моя на севере, о которой говорили, будто она превосходит всякое воображение. Того, кто ее не видел.

Но времена скучные, дела шли не очень, и Иньянне пока не попадались охотники приобрести лавку, а кроме того, Велатхус, пусть даже и опостылевший, был родиной для многих поколений ее семьи, и покинуть, его просто так было нелегко. Каждое утро она поднималась с рассветом, выходила на маленькую, облицованную камнем террасу, умывалась в каменном чане с дождевой водой, которую специально собирала и хранила для купанья, потом одевалась, завтракала сушеной рыбой с вином, спускалась по лестнице и открывала лавку.

Торговала Иньянна самым обыденным товаром: застежками для одежды, глиняными горшками с южного побережья, бочонками с пряностями и прессованными фруктами, кувши-

нами с вином, острыми ножовками Нарабала и дорогостоящими вырезками мяса морских драконов, сверкающими изящными фонариками, сделанными в Нарабале, и многим подобным. Помимо ее лавки, в Велатхусе был еще десяток точно таких же, и ни одна особо не процветала. После смерти матери Иньянне приходилось вести счета, изобретательно управляться с покупателями, мыть полы и полировать прилавки, заполнять правительственные бланки и разрешения на торговлю — и она устала от всего этого. Но что же делать? Она ничем не примечательная девушка в ничем не примечательном дождливом городке предгорья и никогда по-настоящему не надеялась на счастливые перемены в ближайшем будущем, да и позже.

Покупателей-людей было немного. За десятилетия этот район Велатхуса заполонили хьерты и лимены… и метаморфы, поскольку Пьюрифэйн — земли метаморфов — находился сразу за горной цепью на севере и значительное число Меняющих Форму просачивалось в город. Она считала все само собой разумеющимся, даже метаморфов, обычно больше всего заставляющих человека тревожиться. Лишь об одном сожалела Иньянна: мало видела среди покупателей своих

соплеменников, потому, хоть и была высокой, мальчишески стройной и привлекательной, с вьющимися рыжеватыми волосами и поразительно зелеными глазами, с трудом находила любовников и никогда не встречала кого-нибудь, с кем хотелось бы разделить жизнь. Конечно, совместное владение лавкой намного облегчит труд, но, с другой стороны, за это придется расплачиваться свободой, а заодно — расстаться с мыслью о том времени, когда она избавится от лавки.

Однажды после полуденного дождя явились два путника, первые покупатели за весь день. Один невысокий и толстый — этакий огрызок человека, зато второй — бледный, тощий и длинный, с костлявым лицом, угловатым и бугристым, похожий на некую горную тварь. Оба носили тяжелые белые туники с ярко-оранжевыми кушаками, покрой одежды наводил на мысль о больших городах севера. Быстро, презрительно оглядели помещение, давая понять, что привыкли к иному уровню торговли.

Потом коротышка осведомился:

— Вы Иньянна Форлэйн?

— Я.

Он справился по бумажке, которую держал в руке.

— Дочь Форлэйн Хаурон, дочери Хаурон Иньянны?

— Вы правы. Могу я спросить…

— Наконец-то! — воскликнул длинный.— Наконец-то этот давний след привел куда надо! Знали бы вы, сколько вас искали! Пришлось рекой подниматься до Кантора, огибать Дэлорн, перебираться через проклятые горы — тут когда-нибудь бывает без дождя? — а потом ходить из дома в дом, от лавки к лавке по всему Велатхусу, расспросы, расспросы…

— Вы меня искали?

— Если сумеете удостоверить свое происхождение, то вас.

Иньянна пожала плечами.

— Конечно, есть документы. Но какое у вас дело?

— Давайте познакомимся,— сказал коротышка.— Я Безан Ормус, а моего товарища зовут Стойг. Мы официалы в штате Понтифика Тивераса из Бюро по наследству в Ни-мое.— Из богато отделанного кошелька Безан Ормус достал связку бумаг, перебрал их и продолжал: — Ваша бабушка была старшей сестрой некой Сэлин Иньянны, которая на двадцать третий год понтифика Кинникена при Венценосце Властителе Осиере поселилась

в городе Ни-моя, где вышла замуж за Хелмиота Кавона, третьего двоюродного брата герцога.

Иньянна в изумлении смотрела на них.

— Я ничего не знаю об этом.

— Ничего удивительного,— кивнул Стойг.— Сменилось несколько поколений. Сомневаюсь, чтобы обе ветви вашей семьи поддерживали связь, принимая во внимание разделявшее их богатство.

— Бабушка никогда не упоминала ни о каких богатых родственниках в Ни-мое,— заметила Иньянна.

Безан Ормус откашлялся и порылся в бумагах.

— Вполне возможно. У Хелмиота Кавона и Сэлин Иньянны родилось трое детей. Старшая, девочка, унаследовала семейное состояние. Она погибла в результате несчастного случая на охоте довольно молодой, и богатство перешло к ее единственному сыну Кавону Диламэйну, оставшемуся бездетным. Он умер в десятый год Понтифика Тивераса, то есть десять лет назад. С той поры, пока велись поиски наследников, имущество остается без хозяина. Три года…

— Выходит, я наследница?

— Ну да,— вежливо подтвердил Стойг, широко улыбаясь.

Иньянна, давно понявшая, куда клонится разговор, тем не менее, поразилась. Ноги задрожали, губы и рот пересохли; сбитая с толку, она нечаянно смахнула на пол дорогую вазу, сделанную в Альханроеле. Смутившись, взяла себя в руки, спросила:

— И что же мне предстоит наследовать?

— Огромный дом под названием Ниссиморн Проспект на северном берегу Зимра в Ни-мое и три поместья в Долине Стейши, которые сданы в аренду и приносят прибыль,— ответил Стойг.

— Мы вас поздравляем,— сказал Безан Ормус.

— И я вас поздравляю — откликнулась Иньянна,— с успехом девятилетних поисков. Благодарю вас. А сейчас, если вы не хотите чего-нибудь купить, прошу вас пройти в смежную комнату, показать ваши бумаги, свидетельства и…

— Вы скептик,— заметил Безан Ормус,— все правильно. Мы явились с фантастической историей, и вы вправе отнестись к нашим обещаниям с недоверием, Но смотрите,— мы из Ни-мои. Неужели тащились бы за тысячи миль в Велатхус пошутить с лавочницей? Теперь взгляните сюда.— Он развернул связку бумаг и протянул Иньянне. Она приняла их подрагивающими руками, осмотрела. Картина большого особняка,

подборка документов о наследстве и генеалогии, бумаги с печатью Понтифика и вписано в них ее имя…

Она смотрела, ошеломленная.

Потом спросила слабым голосом:

— Что я должна теперь делать?

— Порядок совершенно обычный. Вам следует написать и зарегистрировать письменное показание под присягой, что вы действительно Иньянна Форлэйн, а также подписать обязательство уплатить налог с имущества и накопленных доходов, раз уж вы вступаете во владение. Еще надо уплатить гонорар за регистрацию вашего вступления во владение наследством. Если хотите, можем помочь.

— Гонорар за регистрацию?

— О, всего несколько роалов.

— Я могу их выплатить из доходов с полученного имущества?

— К сожалению, нет,— покачал головой Безан Ормус.— Деньги необходимо уплатить до того, как вы вступите во владение наследством, и, разумеется, вы не получите доступа к доходам с поместий до тех пор, пока не зарегистрируете официально свои права, так что…

— Формальность, конечно, досадная,— пере-

бил его Стойг — но пустячная, если смотреть в будущее.

Оказалось, что гонорар за регистрацию составит двадцать роалов. Для Иньянны это была огромная сумма, почти все ее сбережения, но просмотр документов показал, что одни только доходы с ферм составляют девятьсот роалов в год, а ведь были еще другие доходы — с особняка, капитала…

Безан Ормус и Стойг оказывали неоценимую помощь в совершении всех формальностей. Весь день они просидели в маленькой конторке, приводя в порядок ее дела, скрепляя документы производящей впечатление печатью Понтифика. Потом она пригласила их отпраздновать событие в таверне у подножия холмов несколькими флягами вина. Там Стойг настойчиво отталкивал руку Иньянны, желая расплачиваться сам. Они наслаждались отменным вином из Пидрайда по полкроны за фляжку. Иньянна поражалась такой расточительности — сама она обычно пила вино намного дешевле,— но потом вспомнила о грядущем богатстве, и когда фляжка опустела, заказала еще одну.

В переполненной таверне сидели в основном хьерты и лимены, было несколько скандаров,

и чиновники с севера выглядели довольно непривычно среди всех этих нелюдей. Время от времени то один, то второй зажимали носы, будто их беспокоил запах чужаков. Иньянна старалась развеселить чиновников разговором о том, как она благодарна, что они разыскали ее в этом забытом Дивине Велатхусе.

— Но ведь это наша работа,— протестовал Безан Ормус.— В этом мире мы служим Дивине, внося свою лепту в хитросплетения жизни. Закон и справедливость требуют, чтобы владелец вступил во владение особняком и принадлежащими ему землями. На нас лишь пала приятная обязанность исполнить это.

— Все верно,— согласилась Иньянна, подливая в бокалы вина и чуть ли не кокетливо подавая его то одному, то другому.— Но ради меня вы перенесли тяготы большого путешествия, и я всегда буду вам обязана. Закажу еще фляжку?

Было очень поздно, когда они наконец покинули таверну. В свете висевших на небе лун горный хребет, опоясывающий город, вернее, вытянутые клыки великого Конгарского Кольца, казались зубчатыми колоннами черного льда в холодном блеске. Иньянна показала гостям ночлежку, притулившуюся с краю Площади Деккерета, и в

опьянении даже пригласила их к себе на ночлег. Но чиновники, очевидно, не стремились к этому и распрощались.

Чуть пошатываясь, она поднялась к своему дому и вышла на террасу подышать ночным воздухом. В голове били молоточки. Слишком много вина, слишком много болтовни, слишком много неожиданных вестей. Смотрела на свой городок. На эти небольшие с оштукатуренными стенами домишки, крытые черепицей, парочку обтрепанных парковых полос, несколько площадей и особняков, на герцогский ветхий дворец, примыкающий к городу с востока, на дорогу, поясом окружающую город,— видела все это из своего гнезда, на вершине холма. Прощай! Не безобразный, но и не любимый город,— подумала она, — просто место — тихое, спокойное, холодное, сырое, ленивое, заурядное место, известное мраморными карьерами и искусными каменщиками, захолустный городок на захолустном континенте. Боялась, что всю жизнь проведет здесь. Но вторглись чудо, и теперь казалось нестерпимым остаться на один лишний час, когда ждет сияющая Ни-моя… Ни-моя! Ни-моя.

Спала Иньянна беспокойно, урывками…

Утром встретилась с Безаном Ормусом и Стой-

гом в нотариальной конторе позади банка и вытрясла из своего кошелька полновесные роалы, большей частью старые некоторые очень старые, с изображениями Кинникена, Тимина Осиера и даже времен царствования великого Конфалума. Взамен ей выдали лист бумаги: расписку извещающую об уплате двадцати роалов, которые официалы Безан Ормус и Стойг обязались уплатить за регистрацию передачи наследства. Ей объяснили что все остальные документы пока останутся у них для утверждения старшим управляющим службы Понтифика. Но сама она может отправляться в Ни-мою и вступать во владение имуществом.

— Приглашаю вас в гости,— величаво сказала Иньянна,— в свои поместья, когда будет желание.

— О, нет,— мягко возразил Безан Ормус.— Едва ли стоит таким, как мы, надоедать госпоже из Ниссиморн Проспект. Но мы понимаем ваши чувства и благодарим

Иньянна пригласила их отобедать, но Стойг ответил, что им необходимо ехать, работа не ждет, нужно разыскать других наследников в Нарабале, Тил-омоне и Пидрайде пройдет много месяцев, прежде чем путешественники увидят

своих родных в Ни-мое. И это означает, спросила она, вдруг встревожившись, что регистрации о передаче наследства не произойдет пока они не завершат свою поездку?

— Не совсем так,— объяснил Стойг — Мы сегодня же ночью отправим ваши бумаги с посыльным в Ни-мою. Там все сделают. Вам дадут знать из нашего Бюро… ну, скажем, недель через семь-девять.

Иньянна проводила чиновников до гостиницы, подождала снаружи, пока соберутся, смотрела, как они усаживаются во флотер, и махала вслед, стоя посреди улицы, пока ехали к шоссе, ведущему на юго-западное побережье. Потом снова открыла лавку.

В полдень заглянули двое покупателей, один приобрел на восемь весов гвоздей, другой попросил три ярда искусственного атласа по шестьдесят весов за ярд, так что доход за весь день не принес и двух крон. Ну и что? Скоро она будет богатой.

Прошел месяц, вести из Ни-мои не приходили. Еще месяц — такое же молчание.

Терпение, державшее Иньянну в Велатхусе девятнадцать лет, было смирением безнадежности и неизбежности. Но теперь ей светили большие перемены, и терпения не осталось. Нервничала,

металась, делала пометки в календаре.

Лето, с ежедневными дождями, подошло к концу, началась сухая живительная осень, когда листья деревьев огненно сверкают в подножиях холмов. И ни одной весточки.

Приближалось суровое дыхание зимы, тяжелые массы воздуха, плывущие с Зимра на юг, пересекали земли метаморфов, леденились резкими горными ветрами. Снега на высоких кольцах Конгара не бывает, и по улицам Велатхуса неслись потоки грязи. Из Ни-мои ни слова. Иньянна вспоминала о двадцати роалах, страх постепенно начал примешиваться к раздражению. Она отметила свое двадцатилетие в одиночестве, выпив немного кислого вина и воображая, как бы повеселилась в такой день в Ниссиморн Проспект. Почему же так долго? Несомненно, Безан Ормус и Стойг, как и обещали, послали документы в службу Понтифика и, видимо, бумаги ее пылятся в чьем-то столе, дожидаясь действий хозяйки имущества…

В конце концов накануне Дня Зимы Иньянна решила отправиться в Ни-мою и лично заняться своими делами.

На поездку требовалось немало денег, а у нее жалкие крохи от сбережений. Пришлось взять

под залог своей лавки у семейства хьертов. Десять роалов. Сошлись на том, что хьерты станут торговать ее товаром, но выручку брать себе, если же доходы покроют долг прежде, чем она вернется, будут продолжать торговлю от ее имени и выплатят впоследствии арендную плату. Договор удовлетворял, в основном, хьертов. но Иньянну это не заботило. Знала, только никому не говорила, что больше никогда не увидит ни лавки, ни этих хьертов, ни самого Велатхуса. Ее интересовало лишь одно — добраться до Ни-мои.

Путешествие нелегкое. Самый короткий путь от Велатхуса до Ни-мои лежал через Пьюрифэйн — земли Меняющих Форму, но соваться туда опасно и опрометчиво. Иньянне предстояло воспользоваться кружным путем на запад через Проход Стиамота, затем подняться по длинной и широкой долине, так называемой Дэлорнской Трещине со стенами в милю высотой, а после того, как доберемся до Дэлорна, придется пересечь еще половину Зимроеля сначала по суше, потом баржей, прежде чем окажется в Ни-мое. Но Иньянна видела во всем этом лишь славное приключение, каким бы долгим оно ни оказалось. Она никогда нигде не была, только в десятилетнем возрасте мать (дела тогда шли великолепно)

отправила как-то ее на месяц в теплые края южного Конгара. Другие города были для семьи так же недостижимы, как иные планеты. Мать побывала однажды в Тил-омоне и часто вспоминала его, как место ослепительного солнечного света, золотистого вина и мягкого, никогда не кончающегося лета. Бабушка гостила еще дальше, в Нарабале, где сырой и тяжелый воздух облегал тело, как мантия. Но другие города — Пидрайд, Пилиплок, Дэлорн, Ни-моя…— были для Иньянны лишь названиями на карте, а мысль об океане — вообще за пределами воображения. И она никак не могла душой поверить в материк за океаном с десятью громадными городами — такими же, как самый большой город Зимроеля, с тысячами миллионов жителей, не верилось, что где-то есть место под землей, именуемое Лабиринтом, и Гора тридцатимильной высоты. Размышления над подобными вещами ничего, кроме головной боли у нее не вызывали. Внушающая благоговейный страх непостижимость Маджипуры была слишком большой конфетой, чтобы проглотить ее сразу, особенно для человека, который один только раз выезжал за пределы Велатхуса.

Так, Иньянна обратила внимание на очаровательную перемену воздуха, когда большой

пассажирский флотер спускался к западным равнинам у горного хребта. Внизу еще была зима с быстрыми короткими днями и бледным зеленоватым светом солнца, но ветры уже нежные и густые, напоенные свежим ароматом, без пронизывающей стужи. Она с удивлением увидела, что почва тут плотная, но рассыпчатая и губчатая, красноватых оттенков, совершенно не похожая на мелкие искристые камешки вокруг ее дома. Деревья и растения разнообразны, с толстыми блестящими листьями; летали птицы в незнакомом оперенье. Городки и фермерские деревеньки вдоль дороги казались воздушными и открытыми, ничуть не похожими на угрюмый и тяжелый Велатхус. Деревянные домики причудливо украшены завитушками и резьбой, так и брызжут веселыми красками — желтым, голубым, алым. Страшно непривычно не видеть теснящихся со всех сторон гор, как в Велатхусе, который угнездился на груди Конгара. И вот она ехала по широкому плато между горной цепью и береговой линией, и когда смотрела на запад, то могла видеть так далеко, что это почти пугало — неограниченная перспектива, уходящая в бесконечность, С другой стороны находился Откос Велатхуса, внешняя стена горной цепи, но

даже и он был необычен — единый, сплошной, угрюмый вертикальный барьер, лишь изредка разделяющийся на отдельные пики. Он тянулся на север насколько хватало глаз.

Постепенно местность менялась, и Откос отдалялся по мере продвижения на север, к верхнему краю Дэлорнского Раскола. Здесь колоссальную впадину долины покрывали гипсовые отложения, и вереница холмов белела, словно усыпанная инеем. Скалы внушали страх таинственным холодным сиянием. В школе она учила, что город Дэлорн целиком выстроен из этого минерала, и видела его изображения: шпили, арки, хрустальное фасады зданий, пылающих ледяным пламенем в свете дня. Ей тогда показалось все это просто сказкой, вроде историй о Старой Земле, откуда, как утверждали, пришло сюда человечество. И вот в один зимний день Иньянна обнаружила, что смотрит на предместья настоящего Дэлорна и видит, что сказка эта — действительность, живая быль. Дэлорн оказался гораздо прекрасней и необычнее, чем могла она вообразить. Чудилось, будто он сиял собственным внутренним светом в то время, как солнечный свет, преломленный, рассеянный, отклоненный мириадами углов и граней надмен-

ных причудливых зданий падал сверкающим ливнем на улицы.

Такой это был город! Рядом с ним, подумалось Иньянне, Велатхус казался бы чурбаном. Она бы осталась здесь на месяц, год, навсегда и бродила по улицам, любуясь башнями и мостами, заглядывая в дома, так не похожие на ее собственный. Толпы змееподобных (Дэлорн — город чаурогов, миллионов похожих на рептилий чужаков и немногих представителей иных племен) двигались по улицам с целеустремленностью, совершенно не знакомой горцам. Светящиеся афиши, возвещающие о представлениях в знаменитом Дэлорнском Вечном Цирке; роскошные рестораны, отели, парки — все внушало Иньянне благоговение. Несомненно, ничто на Маджипуре не выдержит сравнения с этим местом! Да, могут сказать, что Ни-моя намного больше, а Сти больше обоих, да еще знаменитый Пилиплок и порт Алэйсор, и еще многие, многие… И все равно!

Но в Дэлорне она провела всего полдня, пока садились новые пассажиры, а флотер готовили к следующему этапу путешествия. И день спустя, когда миновали леса между Дэлорном и Мазадоном, вдруг поняла, что не уверена, видела ли белое чудо на самом деле или во сне.

С той поры удивительное окружало ее постоянно: места с багряным воздухом и деревьями выше холмов, заросли поющих папоротников. Потом потянулась длинная вереница скучных неотличимых друг от друга городов: Кунтион, Мазадон, Тагобар и прочие. Пассажиры садились и выходили, водители флотера сменялись, примерно, каждые девятьсот миль, и только Иньянна, девчонка из захолустного городка, продолжала ехать, разглядывая мир с замирающим сердцем. Изредка попадались гейзеры, горячие озера и прочие термальные чудеса, и, наконец, показался город в центре континента, огромный Кантор, от которого по реке прямой путь до Ни-мои. Зимр напоминал море, потому что с одного его берега просто невозможно разглядеть другой невооруженным глазом. Иньянна знала только горные речки, быстрые и узкие, и они не подготовили ее к огромной извивающейся массе темной воды, которая была Зимром.

По груди этого монстра Иньянна плыла недели, минуя Верф и Стрэйн, Лагомэнфикс и еще пятьдесят городов, чьи названия ей ни о чем не говорили. Баржа стала для путешественницы целым миром. В долине Зимра времена года почти не отличались друг от друга, и легко терялось

ощущение уходящего времени. Казалось, стоит весна, хотя она знала, что должно быть лето, и позднее лето, потому что в дорогу пустилась более полугода назад. Возможно, поездка никогда не кончится, возможно, самой судьбой назначено ей ехать с места на место, ничего не испытывая и приближаясь к бесконечности. Все было хорошо.

Она стала забывать себя. Где-то вдали осталась лавка и в ней — молодая женщина Иньянна Форлэйн — все растворилось в нескончаемом движении.

Но однажды у какого-то сотого поселения, едва прорисовывающегося вдоль берега Зимра, на борту баржи началось оживление, и все бросились к поручням, вглядываясь в туманную даль. До Иньянны доносилось бормотание: "Ни-моя, Ни-моя!..", и она поняла что ее путешествие подошло к концу.

У нее хватило сметки понять, что оценить Нимою в первый же день — все равно, что сосчитать звезды. Это была столица провинции, в двадцать раз больше Велатхуса, раскинувшаяся по обоим берегам необъятного Зимра, и она чувствовала, что можно прожить здесь всю жизнь и все равно не обойтись без карты. Очень хорошо. Она решительно запретила себе восхищаться чрез-

мерностью всего увиденного. Иньянна завоюет город постепенно, шаг за шагом, и этим хладнокровным решением начнется ее преображение в настоящую жительницу Ни-мои.

Но как бы там ни было, предстояло сделать первый шаг. Баржа причалила, кажется, к южному берегу. Подхватив небольшой чемоданчик, Иньянна смотрела на колоссальную поверхность воды (Зимр здесь разбухал от впадения нескольких больших притоков) и видела города на берегу. Который из них — Ни-моя? Где находится представительство Понтифика? Как отыскать свои поместья и особняк? Светящиеся знаки указывали на паромы, но пункты их назначения ничего ей не говорили: Гимбелия, Истмоу, Стрилэйн и Набережная Виста. В конце концов она решила, что это пригороды или… районы, потому что не было ни одного знака, указывающего на паром до Ни-мои.

— Заблудились? — произнес тонкий ехидный голос.

Иньянна увидела рядом девушку года на два-три моложе ее самой, с измаранным лицом и волосами, причудливо окрашенными в лавандовый цвет. Гордость или, скорее, застенчивость не позволяли слишком явно принять чужую

помощь. Иньянна резко помотала головой и отвернулась с заалевшими щеками.

— За окном билетной кассы справочник,— сказала девушка и исчезла в толпе спешивших на паромы пассажиров.

Иньянна влилась в очередь к справочнику и, постояв немного, добралась до кабинки, нажала контакт.

— Справочник,— раздался голос.

— Представительство Понтифика, Бюро по наследованию,— выпалила Иньянна.

— Такое Бюро не зарегистрировано.

— Тогда представительство службы Понтифика.

— 653, Прогулочная Родаматская, Стрилэйн.

Немного встревожившись, она купила билет на паром до Стрилэйна — крона двадцать весов. У нее осталось ровно два роала, которых, возможно, хватит, чтоб прожить недели две в столь дорогом городе. А после? Ты наследница, сказала она себе, и поднялась на борт парома. Но все равно ее не покидало чувство тревожного удивления — почему не значится в списке справочника Бюро по наследству?

Был полдень. Паром, дав гудок, спокойно скользнул от пирса. Иньянна вцепилась в по-

ручень, всматриваясь в удивительный город на противоположном берегу, где здания сияющими белыми башнями с плоскими крышами тянулись к куполам нежно зеленеющих холмов на севере. Карта была вмонтирована в опору возле трапа на нижнюю палубу. Иньянна внимательно изучила ее: Стрилэйн оказался центральным районом, он начинался прямо от пристани парома, которая и называлась Ниссиморн. Люди Понтифика говорили, что владения Иньянны находятся на северном берегу, следовательно, это должно быть в самом Стрилэйне, где-нибудь в парковой зоне набережной к северо-востоку. Гимбелия была западным предместьем, отделенным от Стрилэйна многочисленными мостами через приток Зимра. Истмоу располагался на востоке. С юга текла река Стейша, такая же широкая, как сам Зимр, и города по ее берегам назывались…

— В первый раз здесь? — Это снова была девушка с лавандовыми волосами.

Иньянна нервно улыбнулась.

— Да. Я из Велатхуса. Провинция…

— Ты, кажется, меня боишься?

— Я? С чего бы?

— Не знаю. Я не кусаюсь и даже не собираюсь тебя облапошить. Зовут меня Лилэйв, я воровка

на Большом Базаре.

— Кто?

— Вполне законная профессия. И уважаемая. Правда, патент не дают, но и сильно не мешают, и у нас все, как в настоящей гильдии. Я сейчас из Лэгомэндина, толкала похеренные шмотки своему дяде. Ты мне почему-то понравилась, или я слишком распущена?

— Нет,— улыбнулась Иньянна.— Просто, я долго ехала одна и, наверное, разучилась разговаривать с людьми.— Она заставила себя улыбнуться еще раз.— Ты в самом деле воровка?

— Да, но не карманник. Слушай, ты так взволнована! Как тебя зовут?

— Иньянна Форлэйн.

— Хм, у меня раньше не было знакомых Иньянн. И ты проделала путь от Велатхуса до Ни-мои? Зачем?

— Получить наследство,— объяснила Иньянна.— Имущество сына бабушкиной сестры. Особняк Ниссиморн Проспект на северном…

Лилэйв хихикнула. Она попыталась скрыть это, щеки ее на дулись, фыркнула, закашлялась, прикрывая рот рукой и трясясь от смеха. Правда, девушка быстро взяла себя в руки, и выражение откровенного веселья сменилось нежной жа-

лостью.

— Значит, ты из семьи герцога? Я приношу свои извинения госпожа, за столь вольное обращение.

— Из семьи герцога? Нет, конечно. С чего ты…

— Ниссиморн Проспект — владение Галайна, младшего брата герцога.

Иньянна покачала головой.

— Нет, бабушкиной сестры…

— Дурочка, к тебе даже в карман лезть не стоит, кто-то его уже обчистил.

Иньянна вцепилась в свой чемодан.

— Нет,— усмехнулась Лилэйв.— Я хочу сказать, что тебя облапошили, если ты думаешь, будто стала владелицей Ниссиморн Проспект.

— Собственными глазами видела бумаги с печатью Понтифика. Два человека лично доставили их из Ни-мои в Велатхус. Может, я деревенщина, но не такая дура, чтоб пуститься на край света без доказательств. Сомневалась, да, но видела официальные документы. Я даже заплатила двадцать роалов налога за регистрацию, и все бумаги были подписаны.

— Ты где остановишься в Стрилэйне? — перебила Лилэйв.

— Еще не думала. В гостинице, наверно.

— Побереги кроны, они еще понадобятся. Мы устроим тебя на Базаре, а утром навестишь прокторов. Может, они сумеют вернуть тебе что-нибудь из потерянного.

Итак, она стала жертвой мошенников, как и подозревала самого начала. Сомнение — вроде изводящего гудения в глубине приятной музыки; но она сама не захотела прислушиваться к этому гудению, и даже сейчас, когда оно переросло в рев, Иньянна понуждала себя оставаться самонадеянной. И эта распущенная девчонка, убеждала себя наследница, эта похваляющаяся базарная воровка просто не доверяет тем, кто живет рядом с ней, и оттого видит обман повсюду, даже там, где его нет. Иньянна понимала, что уверять себя в этом глупо, но ведь бессмысленно сразу стенать и плакать, возможно, несмотря ни на что, она все-таки имеет какое-то отношение к семье герцога, или просто Лилэйв смутилась от своего панибратства с богатой женщиной; но даже если Иньянна действительно свалилась в Ни-мою по дурости, то все же она здесь, в Ни-мое, а не в Велатхусе, а это сам по себе факт приятный.

Когда паром отшвартовался у пирса, Иньянна впервые увидела вблизи центр Ни-мои: сияющие белые башни подходили почти к самому краю

воды, вздымались так круто и резко, что казались неустойчивыми, и с трудом верилось, что они не рухнут в реку.

Спускалась ночь. Огни сияли повсюду. Иньянна оставалась спокойной, как во сне, перед городскими красотами. Я дома, твердила себе снова и снова. Я дома, этот город — мой дом, я чувствую себя здесь, как дома. И все-таки старалась держаться поближе к Лилэйв, пока они пробирались через толпы прибывших и поднимались по проходу на улицу.

В воротах пристани стояли гихорны — три огромные металлические птицы с драгоценными камнями вместо глаз и широко распростертыми крыльями. Приглядевшись, Иньянна поняла, что гихорн — только одна; вторым стоял большой и глупый длинноногий хазенмарл; третью она не знала — с громадным сумчатым клювом, изогнутым, как серп.

— Герб города,— объяснила Лилэйв, перехватив взгляд Иньянны.— Ты их повсюду увидишь. Идиотская затея, да еще с драгоценностями, вместо глаз.

— И никто не украл?

— Была бы у меня сила, я бы их выковыряла. Но вообще-то они тысячи лет приносят счастье и,

болтают, будто без них метаморфы восстанут, нас вышвырнут, башни рухнут, ну и прочий вздор.

— Но если в легенды не верят, почему их не украдут?

Лилэйв рассмеялась коротким фыркающим смехом:

— Кто же их купит? Какой торговец не знает, откуда они, да и Король Снов начнет терзать, пока не взвоешь. Я лучше карман цветными стеклами набью, чем глазами птиц Ни-мои. Идем сюда! — Она открыла дверцу маленького городского флотера, стоящего за воротами пристани, толкнула Иньянну на сиденье. Устроившись рядом, быстро простучала код на кассе флотера, и маленький экипаж тронулся с места.— Поблагодари своего родственника, что не идешь сейчас пешком,— ухмыльнулась она.

— Что? Кого?

— Галайна, брата герцога. Я расплатилась его кодом: разузнали в прошлом месяце, и многие наши ездят свободно по городу, правда, до тех пор, пока счета за поездки не попадут к его секретарю, тогда код сменят. Но до тех пор… понимаешь?

— Видимо, я очень наивна,— призналась Иньянна.— До сих пор верю, что Властительница и Король Снов видят наши прегрешения и

шлют послания, расхолаживающие при таких соблазнах

— Так ведь и мы верим,— кивнула Лилэйв.— Убей кого-нибудь, и ты узнаешь Короля Снов! Но сколько народу на Маджипуре? Восемнадцать миллиардов? Тридцать? Пятьдесят? И ты думаешь, у Короля есть время заниматься каждым, кому взбредет бесплатно прокатиться на флотере?

— Ну…

— Или теми, кто всучивает чужие дворцы?

Щеки Иньянны вспыхнули, она резко отвернулась.

— Куда мы едем? — спросила тихо.

— Уже приехали. Большой Базар. Вылезай.

Иньянна вышла за Лилэйв на широкую площадь, огражденную с трех сторон невысокими башенками, а с четвертой приземистым низким зданием, к фасаду которого вело множество мелких каменных ступенек. Сотни, если не тысячи горожан в красивых белых туниках Ни-мои, рекой вытекали из-под арки здания, увенчанной тремя гербовыми птицами.

— Пидрайдские ворота,— сказала Лилэйв,— а вообще здесь тринадцать входов и выходов. Сам Базар занимает пятнадцать квадратных миль

под землей, правда, не очень глубоко. Похоже на Лабиринт, да? Он под улицами центрального района, кстати, сюда есть проход и из некоторых зданий. Можно сказать, город в городе. Живем тут сотни лет. Мы потомственные воры. Без нас торговцам пришлось бы хуже.

— Я держала лавку в Велатхусе. Там нет воров, да по-моему в них и особой нужды не было,— сухо отозвалась Иньянна, пока они спускались по ступенькам к воротам Большого Базара.

— Здесь по-другому,— заметила Лилэйв.

Базар тянулся во все стороны путаницей пассажей, сводчатых ниш, проходов, тоннелей и галерей, ярко освещенных, разделяющихся и подразделяющихся на бесконечные маленькие лавки. "Небо" над головой затянуто желтой искрящейся тканью, которая светится собственным внутренним светом. Одно это поразило Иньянну больше, чем все, что уже довелось здесь увидеть: она сама недавно продавала в лавке искристую ткань по три роала за рулон, а такого рулона едва-едва хватало на отделку небольшой комнаты. Душа ее дрогнула перед мыслью о пятнадцати квадратных милях этого материала, а в уме она тщетно пыталась прикинуть стоимость. Да, подобные излишества можно было встретить

только смехом.

Они шли внутрь. Одна маленькая улочка, казалось, ничем не отличалась от предыдущей, и на каждой суматоха, суета у лавок с фарфором, с материей, столовыми принадлежностями, одеждой, фруктами и мясом, зеленью и лакомствами; повсюду винные палатки и лавки со специями, галереи с драгоценностями; везде продавали жареную колбасу, сушеную рыбу и прочие закуски. Лилэйв знала точно, куда сворачивать на развилках какой из бесчисленных одинаковых проходов ведет куда нужно; она шла решительно и быстро, лишь время от времени задерживаясь, чтобы приобрести на обед то кусок рыбы, то фляжку вина, которые мастерски тащила с прилавков. Несколько раз торговцы замечали ее проделки, но лишь улыбались.

Заинтригованная, Иньянна спросила:

— Почему они не возмущаются?

— Знают меня. Я ведь тебе говорила, нас, воров, здесь уважают. Мы им необходимы,

— Не понимаю.

— Мы поддерживаем на Базаре порядок. Никто не ворует тут кроме нас, а мы берем лишь самое необходимое, к тому же не пускаем залетных любителей. Каково бы пришлось торговцам, если

бы каждый десятый в этих толпах набивал свою сумку краденым товаром? А мы их останавливаем. Сколько нас, известно всем. Понимаешь, мы вроде сборщиков налогов. Стой!— Последние слова относились не к Иньянне — к мальчишке лет двенадцати, черноволосому и скользкому, как угорь, который рылся среди охотничьих ножей в открытом ящике прилавка. Быстрым рывком Лилэйв поймала мальчишку за руку и тем же движением схватила щупальце уруна, стоявшего в нескольких футах в тени. Иньянна услышала, как она заговорила низким пронзительным голосом, но не могла разобрать ни слова; стычка мгновенно завершилась, и урун с мальчишкой улизнули.

— Что случилось? — не поняла Иньянна.

— Ножи таскали. Мальчишка передавал уруну. Я им предложила убраться, и поскорее, или мои братья отрежут уруну щупальца и накормят ими мальчишку.

— Неужели такое делают?

— Нет, конечно, но они-то этого не знают. Им известно, что лишь уважаемые постоянные воры крадут на Базаре. Мы здесь, как прокторы и… Вот здесь мы живем. Ты мой гость.

Лилэйв жила в комнате, облицованной белым

камнем, которая была одной их семи или восьми таких же спален, расположенных под той частью Большого Базара, где торговали сырами и маслом. Потайная дверца и веревочная лестница вели в подземные помещения, и в минуту, когда Иньянна начала спускаться вниз, дверца захлопнулась, отрезав невыносимый гул Базара, и лишь приятный запах красного стойвизарского сыра, пронизывающий каменные стены, напоминал о том, что находится над головой.

— Наша берлога,— объявила Лилэйв, просвистела какую-то мелодию, и появились люди, оборванные, плутоватые, тощие, очень похожие на Лилэйв, будто вылепленные по одной модели.

— Мои братья Силэйн и Ханэйн,— принялась перечислить Лилэйв.— Моя сестра Медилл Фарэйн. Мои двоюродные братья Авэйн и Атэйн. А это мой дядя Агормэйл, глава нашего клана.— Дядя, это Иньянна Форлэйн из Велатхуса, которой продали Ниссиморн Проспект два плута за двадцать роалов. Я ее встретила на барже, она поживет у нас и будет вором.

Иньянна задохнулась.

— Я…

Агормэйл напыщенно совершил жест благословения.

— Будьте одним из нас. Вы можете носить мужскую одежду?

Сбитая с толку, Иньянна сказала:

— Да, но я не…

— У меня есть младший брат, он тоже в нашей гильдии, но живет в Авендройне среди Меняющих Форму и не был в Ни-мое несколько лет. Вы возьмете его имя и его место. Так, пожалуй, проще… Дайте-ка мне ваши руки.— Она послушно протянула кисти. Ладони его были влажными и мягкими. Он посмотрел ей в глаза и произнес низким напряженным голосом: — Ваша настоящая жизнь только начинается. Все, что происходило прежде, было только сном. Теперь вы — вор, и ваше имя Калибай.

Он моргнул и добавил:

— А двадцать роалов совсем недорого за Ниссиморн Проспект.

— Это была лишь плата за регистрацию,— сказала Иньянна.— Они уверяли, будто я должна получить наследство от бабушки.

— Ну, если так, вы устроите нам грандиозное празднество за гостеприимство, согласны? — Агормэйл засмеялся.— Авэйн, вина! Сидэйн, Хавэйн, найдите одежду дяде Калибаю. Эй, кто-нибудь, музыку! Покажем нашу жизнь новичку.

Медилл, постели гостю.— Маленький человечек нетерпеливо приплясывал, отдавая приказания…

Иньянна, смятенная его неистовой энергией, приняла чашу с вином, позволила одному из братьев Лилэйв примерить к себе тунику, с трудом пыталась удержать в памяти поток имен.

В комнате теперь собрались прочие обитатели, в основном — люди, три серолицых хьерта, и, к изумлению Иньянны, два высоких молчаливых метаморфа. Хоть она и привыкла иметь с ними дело в своей лавке, Иньянна не ожидала, что семья Лилэйв ютится под одной крышей с загадочными туземцами. Но, подумала она, может быть, воры-метаморфы и сами считаются париями среди своих сородичей, и потому ищут общества не по крови, а по призванию.

Импровизированная вечеринка продолжалась несколько часов. Воры, кажется, соперничали между собой, стараясь привлечь ее внимание: дарили маленькие безделушки, рассказывали сплетни, приглашали танцевать. Раньше бывшей лавочнице воры представлялись естественными врагами, но эти люди, оборванные и отвергнутые, были, дружелюбны и открыты. Иньянна и в мыслях не держала присоединиться к их профессии,

но понимала, что судьба могла распорядиться ею и гораздо хуже, чем просто ввергнуть в племя Лилэйв.

Спала она урывками и несколько раз просыпалась, не понимая, где находится, но в конце концов усталость взяла свое, и она погрузилась в глубокий сон. Обычно ее будил рассвет, но он не заглядывал в эту пещеру, и когда она проснулась, мог быть любой час дня или ночи.

Девушка улыбнулась ей.

— Должно быть, ты ужасно устала?

— Долго спала?

— Ну, пока не выспалась.

Иньянна огляделась. Вокруг — следы вечеринки: пустые фляжки, чаши, тарелки, предметы туалета, не было только воров. Они на утреннем промысле, объяснила Лилэйв. Она показала, где можно умыться и привести себя в порядок, после чего они поднялись по веревочной лестнице и окунулись в водоворот Большого Базара.

День был такой же оживленный, как и предыдущий, но теперь чуть менее сказочный — и ткань потолка не такая яркая, и атмосфера не так заряжена электричеством. Обычный, хоть и большой, переполненный толпой рынок,— сегодня он не казался Иньянне загадочной вселенной.

Они немного задержались, чтобы с трех-четырех прилавков украсть еды на завтрак, причем Лилэйв занималась этим откровенно бесстыдно и только смеялась над смущением Иньянны, которая еще больше уверовала, что ей никогда не сделаться воровкой.

Потом, продолжая шагать по невероятно путаным лабиринтам Базара, они неожиданно вырвались на чистый живительный воздух открытого мира.

— Мы вышли из Пилиплокских ворот,— заметила Лилэйв.— Отсюда ближе всего до представительства Понтифика.

Путь оказался недолгим, но ошеломляющим: вокруг, в каждом уголке, таились новые чудеса. На одном из великолепных бульваров Иньянна обратила внимание на поток яркого сияния, льющийся прямо из мостовой. Лилэйв объяснила, что это начинается Хрустальный Бульвар, сияющий днем и ночью, когда освещается фонарями. С другой улицы она увидела то, что могло быть только дворцом герцога Ни-мои: в восточной части города, где Зимр резко поворачивает к югу, башня казалась копьем, стеклянным и каменным одновременно, покоящимся на многочисленных колоннах, огромная даже на таком большом рас-

стоянии, окруженная парком, словно настоящие ковром зелени. Еще один поворот, и перед девушками возникло нечто похожее на распущенную стеклянно-хрустальную паутину неведомого насекомого, подвешенную над необъятно широкой аллеей. "Паутинная Галерея,— хмыкнула Лилэйв.— Тут товары по карману только богачам. Может, и ты когда-нибудь будешь сорить роалами в здешних лавках... Вот и пришли — Прогулочная Родамаунтская. Сейчас разузнаем о твоем наследстве".

Улица круто заворачивала к безликим башням одинаковой высоты, а потом — в противоположную сторону к невысоким, зато массивным зданиям, очевидно, правительственным учреждениям. Иньянна была подавлена сложнейшим комплексом контор и могла бы несколько часов в смущении бродить снаружи, но Лилэйв, относившаяся к правительству без чрезмерного трепета, быстро расспросила прохожих и повела Иньянну внутрь по коридорам, почти не уступавшим запутанностью Лабиринту Большого Базара; в конце концов Иньянна обнаружила, что сидит в большом ярко освещенном зале и следит за мелькающими на световом табло именами. Через полчаса появилось и ее имя.

— Там Бюро по наследству? — спросила, когда они входили.

— Нет,— буркнула Лилэйв.— Это прокторы. Если кто и сумеет тебе помочь, то только они.

Хьерт с угрюмым обрюзгшим лицом и выпученными, как у всех его соплеменников, глазами, попросил изложить суть дела, и Иньянна, поколебавшись, многоречиво изложила свою историю: чиновники из Ни-мои, наследство, двадцать роалов.

Хьерт по мере ее рассказа облокотился на стол, принялся тереть щеки и, смущая Иньянну, вращать своими огромными шарообразными глазами. Когда Иньянна закончила, он взял расписку и задумчиво пробежался толстыми пальцами по гребню, печати Понтифика. Потом мрачно сказал:

— Вы уже девятнадцатая наследница Нисси-морн Проспект, приехавшая за этот год в Ни-мою. И боюсь, будет еще больше. Гораздо больше.

— Девятнадцатая?

— По нашим сведениям. Но некоторые могли и не решиться надоедать прокторам рассказом о мошенниках.

— Мошенники? — повторила Иньянна.— Но как? Показывали документы, генеалогическое

древо, бумаги с моим именем. Неужели они проделали такой путь от Ни-мои до Велатхуса, чтобы только выманить у меня двадцать роалов?

— Почему же только у вас? — отозвался хьерт.— Скорее всего, в Велатхусе обнаружатся еще трое-четверо наследников Ниссиморн Проспект, да пятеро в Нарабале, семеро в Тил-омоне и десяток в Пидрайде — создать генеалогическое древо и подделать документы труда не составит. Двадцать роалов от одного тридцать от другого — приятное времяпрепровождение, коли вы не живете на одном месте.

— Но ведь это незаконно!

— Разумеется,— согласился хьерт.

— И Король Снов…

— Накажет их, можете быть уверены, правда, не сильно, да и мы наложим штраф, когда арестуем. Кстати, вы нам окажете огромную помощь, если составите их описание.

— А мои двадцать роалов?

Хьерт пожал плечами.

— Значит, нет надежды их вернуть?

— Никакой.

— Но я теряю все.

— От имени Понтифика приношу самые искренние соболезнования. И это было все.

Выйдя, Иньянна резко бросила Лилэйв:

— Покажи мне Ниссиморн Проспект.

— Но ты убедилась...

— Что он не мой? Конечно. Но я хочу его увидеть. Я хочу знать, что мне продали за двадцать роалов.

— Зачем тебе это?

— Пожалуйста,— настаивала Иньянна.

— Хорошо, идем,— согласилась Лилэйв.

Они снова сели во флотер, как вчера на пристани, и Лилэйв набрала маршрут. Широко раскрытыми глазами Иньянна смотрела вокруг, пока маленький экипаж нес их по величественной Нимое. В теплом полуденном солнце все казалось омытым светом, и город пылал, но не холодной красотой хрустального Дэлорна, а трепещущим, чувственным великолепием, отражающимся от каждой омытой белизной стены и улицы.

Лилэйв вкратце описывала знаменитые места, по которым они проезжали. "Музей Миров,— говорила, указывая на огромное строение, увенчанное тиарой.— Тут хранятся сокровища тысячи планет, даже кое-что со Старой Земли. А это Палата Колдовства — все о магии и сновидениях. Никогда не заходила. А там — видишь трех птиц, символ города, на фронтоне? — Городской

Дворец, жилище гражданского мэра".

Они свернули к подножию холмов у реки.

В этой части гавани плавучие рестораны,— сообщала Лилэйв, обводя панораму широким жестом.— Девять из них, как настоящие маленькие островки. Говорят, на каждом подают блюда отдельной провинции Маджипуры. Когда-нибудь мы там закусим, в каждом из девяти, а?

Иньянна печально улыбнулась.

— Приятно будет об этом помечтать.

— Не грусти, у нас впереди жизнь, долгая и всякая, а жизнь у вора вполне приличная. В свое время я побродила по улицам Ни-мои, да и сейчас могу шляться куда и когда захочу, а ты будешь ходить со мной. Между прочим, в Гимбелии есть Парк Мифических чудищ, там всякие твари, вымершие давным-давно: сигимонсы и галвары, димилионы и все такое прочее, а еще Дом Оперы, где играет оркестр — слыхала о нашем оркестре? Тысяча инструментов, ничего подобного во вселенной, и еще… О, нам сюда!

Они вышли из флотера. Стояли у речной насыпи, и перед ними лежал Зимр, величайшая река на свете, такая широкая в этой части, и смутно-смутно просматривалась зеленая линия Ниссиморна на горизонте. Слева Иньянна

увидела забор из металлических копий в два человеческих роста высотой, отстоящих друг от друга на восемь-десять футов и соединенных газовой, почти невидимой паутиной, издающей глубокий и зловещий гул. За этой оградой раскинулся удивительно красивый сад с прореженными изящными кустами облома в золотых, бирюзовых и алых цветах; лужайки так аккуратно и коротко пострижены, что можно было разглядеть проклюнувшиеся из почвы молодые побеги. Чуть дальше земля сада начинала подниматься, сам особняк стоял на скальном выступе, вздымаясь над гаванью — это был поразительной величины дворец, белостенный, по обычаю Ни-мои, в который вложили душу и легкость, типичные для здешней архитектуры; порталы и балконы казались парящими в воздухе; уменьшенная копия Герцогского Дворца, который был виден здесь же неподалеку на набережной. Ниссиморн Проспект показался Иньянне самым красивым зданием, какое она видела в Ни-мое. И это то, что она думала унаследовать! Она засмеялась. Побежала вдоль ограды, замерла и снова принялась рассматривать огромный дом, и лился смех, словно кто-то сказал ей подлинную правду вселенной, правду, содержащую тайну

всех истин, что неизбежно должно было вызвать взрыв смеха.

Лилэйв бежала за ней, прося остановиться, но Иньянна вновь сорвалась с места, как одержимая. Наконец, очутилась у парадных ворот, где двое слоноподобных скандаров в безупречных белых ливреях стояли на страже, выразительно скрестив руки на груди.

Иньянна продолжала хохотать. Скандары хмурились.

Лилэйв, подбежав, дергала за рукав, понуждая убраться, пока не начались неприятности.

— Подожди,— попросила Иньянна, задыхаясь от смеха, и подошла к скандарам.— Вы на службе Галайна?

Они молча смотрели.

— Передайте своему хозяину,— безмятежно продолжала Иньянна,— что была Иньянна из Велатхуса, осматривала дом, но, к сожалению, не смогла зайти отобедать. Благодарю вас.

— Идем,— прошептала Лилэйв настойчиво.

Равнодушие на волосатых лицах огромных стражей стало сменяться гневом. Иньянна грациозно отсалютовала им, вновь согнулась от смеха, кивнула Лилэйв, и они бегом ринулись обратно к флотеру.

Прошло довольно много времени, прежде чем Иньянна вновь увидела свет солнца — началась ее жизнь вора в глубинах Большого Базара. Поначалу и не думала осваивать ремесло Лилэйв и ее семейства, но практичный взгляд на вещи вскоре заставил пересмотреть нравственные устои. Она не могла вернуться в Велатхус, даже и не хотела после того, как впервые увидела Ни-мою. Ничего не ждало ее дома, кроме торговли клеем да гвоздями, поддельным атласом и фонарями из Тил-омона. Но если оставаться в Ни-мое, нужно добывать средства на жизнь, а она ничего не умела, разве что торговать; но чтобы открыть лавку, необходим капитал, которого у нее не было. И довольно скоро, после того, как последние деньги были истрачены (она не собиралась жить на милостыню новых друзей, приютивших ее в своем обществе, а иных перспектив не было), стала казаться вполне приемлемой воровская жизнь. Пусть она и чужда ее природе, но теперь, ограбленная мошенниками, Иньянна смотрела на вещи немного по-иному, чем раньше. И в конце концов решилась надеть мужскую одежду. Рост у нее довольно высокий, и костюм носила, хоть и неуклюже, но вполне правдоподобно, чтобы сойти за мужчину. Под именем Калибая,

младшего брата главаря Агормэйла, бывшая лавочница вступила в гильдию воров.

Лилэйв стала ее наставницей. Три дня Иньянна ходила за ней по Базару и внимательно следила, как девушка с лавандовыми волосами то тут, то там легко снимает с прилавков товар. Кое-какие приемы оказались довольно грубыми; вот образец: примерять в лавке плащ и вдруг исчезнуть в толпе. Другие были настоящими трюками, фокусами, а некоторые требовали тщательно разработанного плана. И еще — обязанность пресекать действия воров-любителей. Дважды за три дня Иньянна видела, как это делает Лилэйв — рука на запястье, холодный гнев в глазах, резкий шепот, и в результате страх, извинения, поспешное бегство нарушителей. Иньянна сомневалась, что у нее когда-нибудь хватит смелости поступить так же. Это казалось страшнее, чем само воровство, а ведь она вовсе не была уверена, что сумеет заставить себя воровать.

На четвертый день Лилэйв объявила:

— Принеси мне фляжку с молоком морского дракона и пару фляжек с золотистым вином Пилиплока.

— Но ведь они стоят роал за штуку! — пробормотала перепуганная Иньянна.

— Не может быть!

— Может, лучше начать с колбас?

— Стянуть редкое вино не так уж трудно,— заметила Лилэйв,— и значительно выгоднее.

— Я не готова…

— Ты просто так думаешь. Видела же, как это делается, и можешь повторить. Боишься зря, Иньянна, у тебя душа вора.

— Как ты можешь так говорить! — с ожесточением воскликнула бывшая лавочница.

— Тише, тише, я имела в виду только приятное.

Иньянна кивнула:

— Пусть так, но ошибаешься.

— По-моему, ты себя просто недооцениваешь. Кое-какие черты в твоем характере лучше видны со стороны. Я их подметила, когда ты любовалась Ниссиморн Проспект. Вперед! Принеси мне Пидрайдского золотистого и драконьего молока. Хватит болтовни! Ты воровка в нашей гильдии, и нынче твой почин.

Не было возможности избежать страшного дела. Но не было и причины рисковать, исполняя его в одиночку. Иньянна попросила Атэйва составить ей компанию. Вместе отправились на Проход Оссера, где с важным видом вошли в вин-

ную палатку — два молодых повесы, решивших купить себе немного радости.

Иньянну охватило странное спокойствие. Выбросила из головы все мысли, не относящиеся к делу, как то: нравственность, частная собственность или боязнь наказания, тем более, что раньше была лавочницей, а сейчас хотела пощипать собрата по профессии, и не стоило усложнять ситуацию философскими колебаниями.

За прилавком стоял чаурог; ледяные, никогда не мигающие глаза, чешуйчатая кожа, змеящиеся волосы, Иньянна, стараясь, чтобы голос звучал по возможности непринужденно, поинтересовалась стоимостью молока морского дракона в прозрачном сосуде, в то время как Атэйв копался среди бутылок с дешевым красным вином. Чаурог назвал цену. Иньянна всем своим видом показывала, что шокирована. Чаурог пожал плечами. Иньянна взяла лежащую сверху на сложенных фляжках прозрачную емкость и, хмурясь, стала рассматривать бледно-голубую жидкость, потом сказала:

— Почему-то темнее, чем обычно.

— Оно меняется год от года. И у разных драконов молоко разное.

— Но считается, что все должно соответство-

вать стандарту.

— Результат соответствует,— бросил чаурог с видом, равнозначным злобному человеческому взгляду в комбинации с деланной улыбкой.— Несколько глотков, человек, и ты сможешь трудиться целую ночь.

— Дайте-ка минуту подумать,— попросила Иньянна.— Роал — сумма не малая, независимо от того, какой будет результат.

Это был знак Атэйву. Тот обернулся.

— И эта дрянь из Мазадона действительно стоит три кроны штука? Я уверен, что последние недели ее продают по две.

— Если найдете по две, покупайте по две,— отчеканил чаурог.

С хмурым видом Атэйв потянулся, словно собирался поставить бутылку на полку, но покачнулся и свалил целый штабель фляжек. Чаурог зашипел от гнева. Атэйв, бормоча извинения, неуклюже пытался поставить все на место и уронил еще больше. Чаурог встревоженно вскрикнул. Он бросился к товарам, и они с Атэйвом принялись мешать друг другу восстановить порядок, и в то же мгновение Иньянна, запихав фляжку с драконьим молоком под тунику, прибавила две фляжки золотистого и со словами: "Я, пожалуй,

поищу где-нибудь подешевле", вышла из палатки.

С трудом заставляла себя не бежать, хотя щеки пылали, и она была уверена, что все прохожие видят в ней воровку, лавочники вот-вот поднимут шум да и сам чаурог сейчас выскочит следом. Она заставила себя спокойно дойти до угла, свернула налево и оглянулась на мирный проход, направляясь к рядам с маслами и сырами, где ее поджидала Лилэйв.

— На,— сказала Иньянна.— Они жгут мне грудь.

— Отлично сработано,— обнадежила ее Лилэйв.— Выпьем нынче ночью золотистого в твою честь.

— И драконьего молока?

— Сохрани его,— серьезно посоветовала девушка.— Выпьешь с Галайном, когда тебя пригласят на обед в Ниссиморн Проспект.

Ночью Иньянна несколько часов лежала с открытыми глазами, боясь, что сон принесет послание, а с посланием и наказание. Вино выпили, но фляжка драконьего молока лежала под подушкой, и она испытывала желание вернуть ее чаурогу,— сказывались поколения предков-лавочников. Воровка, думала она, воровка, воровка,

я стала воровкой в Ни-мое. Почему я так поступила, по какому праву? По такому же, по какому та парочка украла мои двадцать роалов. Но при чем здесь чаурог? Если они украли у меня, а я — у него, он, что же, пойдет красть, в свою очередь? Прости меня, Властительница, подумала она, Король Снов истерзает мою душу… Но в конце концов, не могла же Иньянна не спать вечно, и уснула, и пришедшие сны были чудесными и величавыми. Она скользила бестелесно над городскими аллеями, над Хрустальным Бульваром, над Музеем Миров, над Палатой Колдовства к Ниссиморн Проспект, где ее принял в объятия брат герцога. Сон смутил ее, ни в коем случае не могла она видеть в нем наказание. Где же нравственность? Это противоречило всему, во что она верила. Получалось, что сама судьба предназначила ей быть воровкой. Все, что произошло с ней за минувший год, подводило к этому. Так, может, по воле Дивине стала она тем, кем стала? Иньянна улыбнулась своим мыслям. Какой цинизм! Она не может противиться судьбе!

Она воровала часто и хорошо. Первый страх попасться прошел через несколько дней. Свободно расхаживала по Большому Базару, иногда с кем-нибудь, иногда одна, прибирая к рукам все,

что плохо лежит. Это было так легко, что начинало казаться почти не похожим на преступление, тем более, что Базар был всегда переполнен — население Ни-мои, говорили, составляет тридцать миллионов жителей и, казалось, все они находились на Базаре одновременно. Шумели, торговались, спорили, Иньянна с удовольствием вносила свою лепту в реку этого бытия.

Большая часть добычи у нее не задерживалась. Профессиональный вор редко хранил что-нибудь, кроме еды, и почти все трофеи немедленно продавались. Эта обязанность лежала на хьертах. Их было трое — Бьорк, Ханх и Мозинхант, они входили в широко раскинутую сеть скупщиков краденого, состоявшую в основном из их соплеменников; скупщики быстро, оптом, вывозили добычу с Базара, а после продавали по законным каналам, и зачастую товары возвращались к тем же торговцам, у которых были украдены. Иньянна быстро постигла, какие вещи нужно и можно воровать, а какие нет.

Поскольку Иньянна была новичком, действовала легко. Не все торговцы Большого Базара благодушно относились к гильдии воров, некоторые знали и лицо Лилэйв, Атэйва, Сидэйна и остальных, приказывали убираться из своих

лавок, едва они появлялись. Но молодой человек Калибай был не известен никому, и Иньянна могла обирать лавки в здешнем столпотворении еще несколько лет, прежде чем ее начали бы узнавать.

Опасность подстерегала не столько от владельцев лавок, сколько от воров других семейств Базара. В лицо Иньянну пока не знали, были намного глазастее, чем торговцы, и трижды за первые десять дней хватали ее за руку. Сначала обмирала, почувствовав чужую руку на своем запястье. Но она никогда не терялась, оставалась спокойной и говорила просто: "Я Калибай, брат Агормэйла", и слова действовали мгновенно. После третьего случая ее больше не беспокоили.

Но решиться самой на такие действия оказалось гораздо сложнее. Сперва не умела отличать законных воров от любителей и колебалась, хватать крадущего за руку или нет. Она удивительно легко научилась замечать кражи, но если рядом не было кого-нибудь из клана Агормэйла, чтобы посоветоваться, ничего не предпринимала. Разумеется, постепенно стала узнавать многих законных представителей гильдии, хотя все равно почти каждый день замечала новую фигуру, роющуюся среди товаров. Наконец, через

несколько недель решилась, полагая, что если наткнется на законного вора, то всегда может извиниться. Суть системы заключалась в том, чтобы не просто красть, но и охранять, и она понимала, что отлынивает от обязанностей.

Первой попалась угрюмая девушка, воровавшая зелень; говорить ничего не пришлось, любительница в ужасе выронила добычу и улетучилась. Следующим оказался старейший вор, дальний родственник Агормэйла, который любезно разъяснил Иньянне ее ошибку. Зато третий — любитель не испугался и отвечал Иньянне руганью и невнятными угрозами. Иньянна холодно ответила, что семь человек следят за ними и немедленно вмешаются в случае затруднений, после чего испарился и этот. Больше она не испытывала сомнений и действовала спокойно и уверенно.

Само по себе воровство после первого раза не тревожило ее совесть. Но в глубине души она ждала мести Короля Снов, считая, что погрязла в грехах, и когда, еще не заснув, закрывала глаза, ожидаемые страхи лихорадили душу. Но то ли Король Снов не считал мелкие кражи грехом, то ли он и его помощники наказывали за более тяжкие преступления, то ли у него просто не

хватало на нее времени, только он не посылал ей посланий. Правда, иногда видела его во сне — жестокого, старого великана-людоеда, посылавшего дурные вести с обожженного и бесплодного Суврaеля,— но что ж тут необычного, время от времени он появлялся в снах у каждого, и это ровным счетом ничего не означало. Иногда также видела Иньянна благословенную Властительницу Острова Снов, нежную мать Венценосца Властителя Молибора, и ей казалось, будто она печально покачивает головой, словно говоря, что горько разочарована своей девочкой Иньянной. Но выше сил Властительницы упрекать тех, кто сбился с праведного пути. При таком отсутствии нравственных поправок Иньянна быстро приучилась смотреть на новую профессию как на что-то обычное.

Со временем она взяла и любовники Сидэйна, старшего брата Лилэйв. Ростом он ниже Иньянны и так костляв, что обниматься с ним в постели небезопасно. Но человек мягкий и задумчивый, сносно играет на карманной арфе, поет старинные баллады чистым воздушным тенором. Чаще всего они ходили теперь на дело вместе, она считала его самым приятным спутником. Пришлось, правда, произвести некоторую перестановку

спальных мест в логове Агормэйла, но остальные смотрели на это милостиво.

В компании Сидэйна она забредала все дальше и дальше по улицам чудесного города. За час-два вырабатывали дневную норму и были свободны весь оставшийся день: общая договоренность воров Большого Базара позволяла красть столько, но не больше, сколько можно было взять с прилавка. И покончив с делами, Иньянна выходила на улицы Ни-мои. Одним из любимых мест стал Парк Мифических Чудищ в холмистом пригороде Гимбелия, где она могла часами бродить среди давно вымерших животных, которые царили в своих эрах до появления цивилизации на Маджипуре. Она любовалась шатконогими димилионами, хрупкими длинношеими створчатыми чомперсами высотой в два роста скандара, изысканными сигимонами с густо заросшими мехом кончиками хвостов, неуклюжими на вид большеклювыми птицами зампидон, что некогда покрывали небо над Ни-моей огромными стаями, а сейчас остались только в Парке. Изобретенные в древние времена механизмы и приспособления заговаривали всякий раз, когда кто-нибудь из прогуливающихся подходил близко к экспонатам, произнося название и место обитания. Еще

в Парке были прелестные уединенные поляны, где Иньянна и Сидэйн прогуливались, держась за руки, в молчании, потому что юноша не был болтуном.

Иногда катались на лодке, подъезжая к Ниссиморну, а то спускались по Зимру до устья Стейши, по которой, если подняться выше, можно попасть на территорию метаморфов. Но такое путешествие заняло бы слишком много времени, и они добирались лишь до маленькой рыбачьей деревушки лименов, к югу от Ниссиморна, где покупали свежей рыбы и устраивали пикник на пляже, плавали и лежали под солнцем. Или безлунными вечерами шли на Хрустальный Бульвар, где вращающиеся Фонари бросали на мостовую поразительный вечно изменчивый свет. Иной раз обедали в каком-нибудь из плавучих ресторанов, часто прихватывали с собой Лилэйв, которая любила эти места больше других. Каждый островок являл собой миниатюрную копию далекой провинции с ее растительностью и животным миром, и блюда здесь подавали характерные для нее. Например, в ветренном Пилиплоке кормили мясом морских драконов; влажный Нарабал гордился богатством ягод и сочных папоротников; и кухни огромного Сти,

Замка Горы и Стойэна, и Пидрайда, и Тил-омона предлагали свои деликатесы. Но только не Велатхуса, что совсем не удивило Иньянну, и даже не Пьюрифейна — столицы Меняющих Форму, так же как опаленного солнцем Толигая далекого Суврaеля. И Пьюрифейн, и Толигай — места, о которых большая часть населения Маджипуры предпочитала не вспоминать, а Велатхус просто не заслуживал внимания.

Еще одним любимым местом Иньянны стала Паутинная Галерея — балкон в милю длиной, повисший высоко над улицами, где находились самые дорогие магазины Ни-мои, о которых говорили, что они — лучшие из всех на Зимроеле и даже в Замке Горы. Когда собирались туда, Иньянна и Сидэйн наряжались в самые красивые одежды, позаимствованные в лавках Большого Базара, не подделываясь, разумеется, под аристократов, но все же наряды были гораздо элегантнее тех, в которых щеголяли в повседневной жизни. Иньянна снимала костюм Калибая и надевала легкое женское платье, темно-красное с зеленым, распускала длинные золотистые волосы и, едва касаясь кончиками пальцев руки Сидэйна, торжественно прогуливалась по Галерее, предаваясь приятным мечтам, пока они рассматривали

драгоценности, украшенные перьями маски или шлифованные амулеты и металлические безделушки, за каждую из которых пришлось бы выложить пару пригоршней блестящих роалов, целое состояние.

Иньянна знала, что ни одна из этих вещей никогда не будет принадлежать ей. Воровать, почти не опасаясь, можно было на Большом Базаре, но не здесь.

Однажды во время прогулки по Паутинной Галерее Иньянна попалась на глаза Галайну, брату герцога.

Она, конечно, и не заметила, что это произошло. В мыслях ее не было ничего такого, кроме невинного флирта,— так, часть мечтаний, которым она предавалась, гуляя на Галерее. Была полночь позднего лета, и она надела самое приятное свое платье из материи, которая казалась легче паутинки. Они с Сидэйном зашли в магазинчик, где торговали резьбой по кости морских драконов, поглядеть на необычные, с ноготь величиной, шедевры капитанов-скандаров, вырезавших их за время долгих путешествий. Вошли четыре человека в мантиях, по которым угадывались аристократы. Сидэйн сразу сник в уголке, понимая, что и одежда, и манеры, и стриженые

волосы говорят, что он здесь не ровня никому. Но Иньянна, сознавая, что линии ее тела и холодный блеск зеленые глаз могут возместить отсутствие всего остального, дерзко осталась у прилавка. Один из вошедших взглянул на резную вещицу в ее руке и сказал:

— Купив ее, вы не прогадаете.

— А я не собираюсь ничего покупать,— отозвалась Иньянна.

— Могу я взглянуть?

Она опустила фигурку в его ладонь, и в тот же миг ее глаза бестрепетно встретились с его взглядом. Он улыбнулся, но сразу перевел внимание на глобус Маджипуры, собранный из бесчисленных прилаженных друг к другу кусочков кости. Минутой спустя спросил владельца:

— Сколько?

— Дарю,— мгновенно отозвался высокий и суровый чаурог.

— В самом деле? Ну и я вам тоже,— и незнакомец бросил игрушку в ладонь пораженной Иньянны. Улыбка его стала еще шире.

— Вы из Ни-мои? — спросил он.

— Я живу в Стрилэйне,— ответила Иньянна.

— Часто обедаете в плавучем ресторане Нарабала?

— Когда есть настроение.

— Отлично. Не заглянете ли туда завтра вечером? Там будет еще кое-кто, кому не терпится продолжить знакомство.

Скрывая замешательство, Иньянна чуть наклонила голову. Незнакомец с поклоном отвернулся, купил три миниатюрные безделушки, бросил на прилавок мешочек с монетами, и все четверо вышли. Иньянна с изумлением смотрела на изящную фигурку в руке. Сидэйн, возникнув из тени, шепнул:

— Она стоит два десятка роалов! Продай ее снова хозяину.

— Нет,— отрезала она и повернулась к лавочнику.— Кто это был?

— Разве вы с ним не знакомы?

— Иначе я бы не спрашивала.

— Да, да...— Чаурог испустил тихий свистящий звук.— Его зовут Дюранд Ливолк, постельничий герцога.

— А те трое?

— Двое на службе у герцога, а их товарищ — брат герцога Галайн.

— О! — прошептала Иньянна. Она протянула резной шарик хозяину.— Можно повесить его на цепочку?

— Одну минуту.

— А цена цепочки будет ему соответствовать?

Чаурог подарил ей долгий прикидывающий взгляд.

— Цепочка лишь прилагается к резьбе,— сказал он наконец,— а поскольку сувенир подарен, то с цепочкой будет так же.— Он подобрал изящные золотые звенья к маленькому шарику и упаковал безделушку в коробочку.

— По меньшей мере двадцать пять роалов с цепочкой,— бормотал пораженный Сидэйн, когда они вышли.— Иньянна, давай зайдем в другой магазин и продадим?

— Это подарок,— холодно ответила она.— Я надену его завтра вечером, к обеду на Нарабальском островке.

Не могла же Иньянна пойти на обед в платье, которое носила вечером, а чтобы найти другое такое же нарядное и воздушное, пришлось на следующее утро потратить два часа в лавках Большого Базара. Наконец, наткнулась на одно, скрывающее наготу чисто номинально, однако окутывающее тело тайной. Глобус висел на цепочке, покоясь в ложбинке между грудей.

В ресторане Иньянну ждали. У причала парома она была встречена темным и сосредоточенным

уруном в герцогской ливрее, проводившим ее сквозь буйную зелень листвы виноградных лоз и папоротников в беседку, уединенную и душистую, в той части островка, которая отрезана густой растительностью от основной площади ресторана. Здесь, за мерцающим столом из полированной древесины ночного цветка ее ждали трое; виноградные лозы образовали шатер над головой, и с их толстых стеблей свешивалась гирлянда синих цветов. За столом сидели Дюранд Ливолк, подаривший ей резную безделушку, стройная темноволосая женщина, такая же гладкая и лоснящаяся, как стол, и человек вдвое старше Иньянны, хрупкого телосложения, с тонкими поджатыми губами и мягкими чертами лица. Все трое были одеты столь роскошно, что Иньянне сделалось неловко за свои лохмотья. Дюранд Ливолк встал и подошел к ней со словами:

— Вы сегодня еще прелестнее, чем тогда. Идемте, я представлю вам своих друзей. Моя приятельница госпожа Тискорна, и…

Элегантный человек встал.

— Галайн из Ни-мои,— сказал он просто мягким и невыразительным голосом.

Иньянна смутилась, но лишь на мгновение. Она-то решила, что постельничий хочет ее для

себя, теперь же до нее дошло, что Дюранд Ливолк просто залучал ее для герцогского брата. Негодование на миг полыхнуло в ней, но сразу угасло. Что тут оскорбительного? Многим ли молодым женщинам довелось обедать на Нарабальском островке с братом герцога? И если кому-то покажется, что ее используют, пусть так.

Место ей приготовили рядом с Галайном. Она села, и урун сейчас же подал поднос с ликерами, совершенно незнакомыми; она выбрала наугад один с привкусом горных туманов, и сразу стало покалывать щеки и в голове зазвенели колокольчики. Пошел легкий дождь, стуча по блестящим широким листьям и виноградным лозам, но ни капли не проникло в беседку. Буйная зелень тропиков на этом островке выращивалась под искусственными дождями, имитирующими климат Нарабала.

— У вас есть здесь любимые блюда? — осведомился Галайн.

— Полагаюсь на ваш вкус.

— Благодарю. У вас иное произношение, чем в Ни-мое.

— Я из Велатхуса,— объяснила Иньянна,— приехала только в прошлом году.

— Мудрое решение,— заметил Дюранд Ли-

волк.— А можно узнать, что побудило вас к этому?

Иньянна рассмеялась.

— По-моему, не стоит рассказывать эту историю сейчас.

— У вас очень милый выговор,— сказал Галайн.— Мы здесь редко вспоминаем о Велатхусе. Красивый город?

— Едва ли.

— Угнездился в Конгаре, хотя… наверное, красиво, когда со всех сторон величественные горы?

— Может быть. Но прожив там всю жизнь, не обращаешь внимания на величие. Хотя, возможно, даже Ни-моя покажется клеткой тому, кто здесь родился и вырос.

— Где вы живете? — поинтересовалась Тискорна.

— В Стрилэйне,— ответила Иньянна, и проворно — крепкий ликер давал себя знать — добавила: — На Большом Базаре.

— На Большом Базаре? — переспросил Дюранд Ливолк.

— Да, под рядами с сыром.

— И по каким же причинам,— сказала Тискорна,— вы избрали это место своим домом?

— Ну,— беспечно рассмеялась Иньянна,— бли-

же всего до моей работы.

— В молочных рядах? — воскликнула Тискорна. В голосе ее слышались нотки ужаса.

— Вы меня не так поняли. Я работаю на Базаре, но не торгую. Я — воровка.

Слово слетело с губ молнией, ударившей в вершину горы. Иньянна перехватила испуганный взгляд Галайна, брошенный Дюранду Ливолку, и лицо постельничего налилось кровью. Но они были аристократами и вели себя соответственно. Галайн первым оправился от удивления и, холодно улыбнувшись, сказал:

— Я всегда верил, что профессия накладывает отпечаток. В вашем случае это грация и остроумие.— Он коснулся своим бокалом бокала Иньянны.— Приветствую вора, открыто заявляющего, что он вор. Такая честность отсутствует у многих честных людей.

Вернулся урун, неся большую фарфоровую чашу, полную бледно-голубых ягод, восковых на вид, с белыми кончиками. Иньянна узнала токку — излюбленное лакомство Нарабала,— которое, по слухам, горячит кровь и расширяет сосуды. Она взяла несколько ягод, Тискорна осторожно выбрала одну, Дюранд Ливолк зачерпнул пригоршню, Галайн тоже. Иньянна обратила

внимание, что брат герцога ест ягоды с семенами, утверждая, что так полезнее. Тискорна отщипывала крупинками.

Затем пошли вина, кусочки пряной рыбы, устрицы, плавающие в собственном соку, грибные салаты и, наконец, вырезка ароматного мяса из ноги гигантского билантона, как пояснил Галайн. Иньянна ела мало, пробуя всего понемножку.

Подошли жонглеры-скандары и устроили чудесное представление с факелами, кинжалами, булавами, заслужив горячие аплодисменты обедающих. Галайн протянул грубым четрехруким существам блестящую монету — пять роалов,— заметила изумленная Иньянна. Потом вновь начался дождь, хоть на них не упало ни капли, а еще позже, когда по второму кругу отведали напитки, Дюранд Ливолк и Тискорна извинились и оставили Галайна с Иньянной в одиночестве сидеть в туманной мгле.

— Вы действительно воровка? — спросил Галайн.

— Да. Но это произошло случайно, а вообще я владею лавкой в Велатхусе.

— И что же произошло?

— Я потеряла все благодаря обману и без денег явилась в Ни-мою, а здесь попала к ворам, ока-

завшимся людьми умными и симпатичными.

— А теперь попали к еще большим ворам,— заметил Галайн.

— Вас это не тревожит?

— Вы считаете себя вором?

— Я занимаю высокое положение лишь по стечению обстоятельств, только потому, что удачно родился. Я не работаю, разве что помогаю брату, когда понадобится, и живу в роскоши, невообразимой для большинства людей. Но ничего этого я не заслужил сам. Вы видели мой дом?

— Я его хорошо изучила. Снаружи, конечно.

— Если хотите, можете осмотреть и изнутри… сегодня.

Иньянна мельком подумала о Сидэйне, ожидающем в белой комнате под сырными рядами.

— Почему бы и нет, очень, хочу,— кивнула она.— И когда увижу, расскажу вам небольшую историю обо мне, Ниссиморн Проспект и о том, как я попала в Ни-мою.

— Это будет очень интересно, я уверен, Мы едем?

— Да,— улыбнулась Иньянна.— А вас не затруднит сперва остановиться у Базара?

— Впереди целая ночь,— ответил Галайн.— Нам некуда торопиться.

Одетый в ливрею урун освещал им путь сквозь буйную зелень сада до причала островка, где Галайна ждал личный паром, доставивший их на берег. Пока они высаживались, подогнали флотер, и Иньянна быстро очутилась на площади у Пидрайдских ворот. "Я только на минутку",— прошептала она, и в призрачном платье сразу растворилась в толпе, даже в этот час заполнявшей Базар. Она спустилась в подземное логово. Воры уже собрались за столом, играли в кости. Они одобрительно загудели и зааплодировали при ее столь эффектном появлении, но она ответила лишь быстрой улыбкой и отвела взгляд в сторону Сидэйна.

— Я сейчас ухожу,— прошептала,— на всю ночь. Ты прощаешь?

— Не всякой женщине дано поразить воображение постельничего герцога.

— Не постельничего,— усмехнулась Иньянна,— а брата герцога.

Она легонько коснулась губами губ Сидэйна, который стоял с остекленевшими от изумления глазами.

— Завтра снова пойдем в Парк Мифических Чудищ, ладно? — Она еще раз поцеловала его, зашла в спальню и достала, фляжку с молоком

дракона из-под подушки, где прятала ее несколько месяцев.

Возвращаясь, задержалась у игрового стола, наклонилась поближе к Лилэйв и развела руки, показывая фляжку. Глаза у девушки сделались круглыми. Иньянна подмигнула:

— Помнишь, для чего ее берегли? Ты хотела, чтоб я выпила ее с Галайном, когда попаду в Ниссиморн Проспект, и вот…

Девушка глядела с раскрытым ртом, Иньянна подмигнула еще раз, поцеловала и вышла.

Глубокой ночью, когда она достала фляжку и предложила ее Галайну, ее вдруг охватила паника: не нарушает ли какой-нибудь этикет, предлагая средство для усиления полового влечения брату герцога, словно подразумевая его бессилие. Но Галайн не выказал никакой обиды. Он спокойно принял дар, спокойно разлил бледно-голубую жидкость в фарфоровые чаши со столь тонкими стенками, что казались они почти прозрачными, и вложил одну в ее руку, вторую поднял сам. Молоко дракона оказалось странным и горьким на вкус. Иньянна с трудом проглотила и сразу ощутила нарастающий жар, запульсировавший в бедрах. Галайн улыбнулся. Они находились в Оконном Зале Ниссиморн

Проспект, где сплошная полоса окаймленного золотом стекла открывала трехсотшестидесятиградусный обзор гавани Ни-мои и далекого южного берега реки. Галайн коснулся переключателя. Огромное окно потемнело, круглое ложе внезапно поднялось из пола. Он лег на него и притянул Иньянну к себе.

Стать любовницей брата герцога — достаточно для честолюбия воровки с Большого Базара. Иньянна не питала иллюзий относительно своей связи с Галайном. Дюранд Ливолк выбрал ее для него, наверное, отметив что-то в ее глазах, волосах или в том, как она держит себя. Галайн же, видимо, ожидавший, что она окажется не столь низкого социального статуса, нашел что-то интригующее в близости с женщиной дна общества, и потому-то воровка получила вечер на Нарабальском островке. И ночь в Ниссиморн Проспект; приятное, хотя и краткое исполнение мечты. Утром вернется на Большой Базар, и память о случившемся останется навсегда.

Но получилось не совсем так.

Они не спали всю ночь — то ли, гадала она, это действие молока дракона, то ли он всегда так неистощим в любви — и на рассвете, обнаженные, прошли по величественному зданию, и

он показывал ей свои богатства, а позже, когда завтракали на балконе, повисшем над садом, предложил прогуляться по его парку в Истмоу. И в конце концов вышло так, что это не было приключением на одну ночь. Сначала Иньянна подумывала отправить на Базар весточку Сидэйну, что не вернется днем, но поняла, что Сидэйну это совершенно не нужно. Он и так истолкует ее молчание правильно. Не хотелось бы причинять ему боль, но, с другой стороны, она не была и его собственностью,— так, вульгарная связь. Сейчас совершается самое великое событие в жизни, и когда она вернется на Большой Базар, то сделает это не ради Сидэйна, а просто потому, что приключение закончится.

Невероятно, но целых шесть дней Иньянна провела с Галайном. Днем катались на его великолепной яхте или гуляли в саду, куда для них привозили экспонаты из Парка Мифических Чудищ, или просто сидели на балконе Ниссиморн Проспект, любуясь солнечной колеей, тянущейся через весь континент от Пилиплока до Пидрайда. К ночи начинались праздничные пиршества — на одном из плавучих островков, иной раз в огромном Городском Дворце, а однажды даже в Палатах самого Герцога.

Ростом герцог не ниже Галайна, но гораздо массивнее и намного старше. Манеры его утомительны для окружающих и совсем не мягкие. Тем не менее, с Иньянной держался любезно, ни разу не позволив себе намекнуть, что брат спутался с уличной девкой с Большого Базара.

Иньянна как бы плыла сквозь эти вечера, бесстрастно воспринимая все окружающее, будто видела сон. Выказывать страх и приниженность, она понимала, было бы грубо и неприлично. Требовать равенства — еще хуже. Избрала спокойную сдержанность, и это оказалось лучше всего. Через несколько дней ей представлялось вполне естественным сидеть за одним столом с высшими сановниками города, вернувшимися недавно из Замка Горы со сплетнями о Венценосце Властителе Молиборе и его окружении; или с теми, кто рассказывал об охоте в северных болотах с Понтификом Тиверасом в ту пору, когда он был еще Венценосцем при Понтифике Осиере; или с теми, кто приехал из Внутреннего Храма после встречи с Властительницей Острова Снов.

Иньянна так свободно чувствовала себя в компании великих, что обратись к ней кто-нибудь с вопросом: "А как вы, госпожа, провели последние месяцы?", она бы легко ответила: "Как и поло-

жено воровке с Большого Базара". Но подобных конфузов не возникало. На таком уровне общества не потворствуют праздному любопытству, хотя и беседуют непринужденно.

Когда на седьмой день Галайн поинтересовался, не хочет ли она вернуться на Большой Базар, Иньянна не стала спрашивать, пресытился он ее обществом или просто устал. Брат герцога взял ее в любовницы на время, и время теперь истекло. Что ж, эту неделю она никогда не забудет.

И все-таки возвращение оказалось ударом. Роскошный флотер доставил ее от Ниссиморн Проспект к Пидрайдским воротам Большого Базара. Служанка Галайна держала в руках узелок с подарками, которые преподносил ей любовник за их общие радости в течение недели.

После того, как флотер исчез среди городских улиц, Иньянна окунулась в неистовый хаос Большого Базара и словно очнулась от долгого колдовского сна. Пока шла между переполненными покупателями рядами лавок, палаток и магазинчиков, никто не окликнул, не поздоровался, не остановил, ведь знали ее, как Калибая, а сейчас она была а женском платье. Молча шла через толчею толпы, еще омытая аурой аристократичности, и с каждой минутой угнетенно

чувствовала, что теряет ее. Сон кончился, она снова живет по-настоящему.

Сегодня вечером Галайн обедает с гостем, герцогом Мазадона, а завтра они отправятся рыбачить на яхте вверх по Стейше, потом… что будет потом, она не знала, но знала, что стащит сегодня фляжку сладкого вина и напьется.

На мгновение навернулись слезы. Она заставила их исчезнуть, испариться, сказав себе, что это глупо, и нужно не жаловаться на возвращение из Ниссиморн Проспект а радоваться, что провела такую неделю.

В жилище под сырными рядами не оказалось никого, кроме хьерта Вьорка и одного из метаморфов. Они лишь кивнули, когда Иньянна появилась в подземной берлоге. Прошла к себе, переоделась в костюм Калибая. Но сразу вернуться к воровству была пока не в силах. Спрятала мешочек с драгоценностями и безделушками, подаренными Галайном, под свою постель. Продав их, можно, не занимаясь воровством, прожить года два, но она не собиралась этого делать. Завтра, решила Иньянна, выйдет на Базар, а сегодня,— и она уткнулась в подушку, сегодня отдастся Сидэйну.

Слезы вновь навернулись на глаза, и на этот

раз она выплакалась. Потом встала, чувствуя себя намного спокойнее, умылась и принялась ждать остальных.

Сидэйн приветствовал ее с благородной невозмутимостью: никаких расспросов, никакого намека на обиду, никаких упреков. С улыбкой взял ее руки в свои, довольный, что она вернулась, рассказал пару случаев, приключившихся на Базаре, пока ее не было. Иньянне было любопытно, не испытывает ли он замешательства, зная, что последним мужчиной, ласкавшим ее тело, был брат самого герцога? Но нет, он потянулся к ней ласково и без колебаний, едва они очутились в постели, и его тощее костлявое тело навалилось на нее.

На следующий день после работы поехали в Парк Мифических Чудищ, где впервые увидели госсималя Клайга, настолько тонкого, что сбоку он казался невидимым. Смеялись и дурачились.

Но остальные воры стали относиться к Иньянне с каким-то страхом; знали, где и с кем она была. Одна Лилэйв осмеливалась говорить прямо, и только она спросила:

— Что он нашел в тебе?

— Откуда я знаю? Это было как сон.

— Думаю, это справедливо.

— Ты о чем?

— Тебя ведь обманули, все-таки как-то возместила свою обиду. В Дивине и добра, и зла одинаково.— Лилэйв рассмеялась.— Ты вернула свои двадцать роалов?

Иньянне пришлось признать, что это так. Однако долг, как оказалось, еще не был полностью оплачен. На следующий День Звезды, когда она ходила по разменным рядам, снимая то тут, то там лишние монеты, вдруг поразилась чужой руке на своем запястье, удивляясь дураку-вору, не узнающему своих. Но это была Лилэйв. Лицо ее пылало, глаза сделались круглыми.

— Беги скорей домой!

— Что случилось?

— Ждут два уруна. Тебя зовет Галайн, они говорят, чтобы ты собрала вещи, больше на Большой Базар не вернешься.

Так случилось, что Иньянна Форлэйн, бывшая лавочница в Велатхусе и бывшая воровка на Большом Базаре, поселилась в Ниссиморн Проспект с Галайном из Ни-мои. Галайн ничего не объяснял, и она не просила объяснений. Он хотел ее, и этого было достаточно. Первые несколько недель ждала, что однажды утром попросит ее вернуться на Базар, но ничего подобного не про-

исходило, и по прошествии времени перестала об этом думать. Теперь, куда бы ни направлялся Галайн, она находилась рядом: и на охоте на гихорнов в Болотах Зимра, и в Вечном Цирке ослепительного Долорна, и в Канторе на празднестве Цезарей, и даже в загадочном Пьюрифейне, где Галайн по поручению брата обследовал земли Меняющих Форму. Она, проведшая в сыром Велатхусе безвыездно двадцать лет, считала само собой разумеющимся всюду сопровождать своего мужчину, однако никогда не забывалась, никогда не утрачивала чувства юмора, с которым относилась к столь фантастической перемене в своей жизни.

Иньянна не удивилась даже тогда, когда обнаружила, что сидит за столом возле самого Венценосца. Властитель Молибор прибыл в Нимою, объезжая Маджипуру и желая показать жителям западного континента, что они так же дороги ему, как и альханроельцы. Герцог устроил пиршество, и Иньянна оказалась по правую руку Венценосца, слева сидел Галайн, сам герцог с женой заняли места напротив Властителя Молибора. Иньянна еще в школе заучивала имена: Стиамот, Конфалум, Престимион, Деккерет… Мать частенько рассказывала, что в день ее

рождения в Велатхус пришла весть о смерти Осиера и о том, что ставший новым Понтификом Властитель Тиверас избрал Венценосцем некоего Молибора из Бомбифэйла, широколицего мужчину с широко расставленными глазами и тяжелыми бровями. Но то, что такие люди, как Понтифик или Венценосец действительно существуют, всегда казалось ей нереальным, а тут ее локоть находился всего лишь в дюйме от локтя Венценосца. И она поражалась, какой это массивный и дородный человек. Лик его чеканили на всех монетах.

Она предполагала, что разговор Венценосца будет о положении дел в провинции. Но Властитель Молибор болтал, в основном, об охоте: он забрался так далеко, чтобы добыть голову редкого зверя, что только в этом недоступном месте можно этого зверя добыть, и так далее, и так далее; и что он строит новый Тропический зал в Замке, и что через год-два вернется в Замок, и что Иньянне с Галайном следует побывать у него в гостях, и что Тропический зал закончат к тому времени, и что он всем понравится, и что все увидят там страшных зверюг, созданных искусными таксидермистами Замка Горы.

Иньянне было скучно, однако она заставила се-

бя вежливо слушать и даже два-три раза сделала удачные замечания.

На рассвете, когда они наконец вернулись в Ниссаморн Проспект и готовились лечь, Галайн сказал:

— Венценосец собирается устроить охоту на морских драконов. Хочет отыскать дракона, похожего на колосса Властителя Кинникена, футов в триста длиной.

Уставшая донельзя Иньянна передернула плечами.

— А что, в его Тропическом зале найдется место и для морского дракона?

— Для головы и крыльев — наверняка. Но шансов добыть их немного. Того дракона после Властителя Кинникена видели всего четыре раза. Правда, если Венценосец его не отыщет, то удовольствуется другим.

— И здесь у него есть шанс?

Галайн кивнул.

— Но охота на морских драконов — дело опасное, и лучше бы ему не пытаться. Однако он уже заполучил каждую тварь, ползающую по суше. В общем, в конце недели мы едем в Пилиплок.

— Мы?

— Венценосец просит сопровождать его на

охоту,— с унылой усмешкой объяснил Галайн.— Сначала пригласил герцога, но брат отказался, сославшись на дела в провинции. Тогда он принялся за меня. Уклониться невозможно.

— Я поеду с тобой? — спросила Иньянна.

— Вряд ли это получится.

— О,— вздохнула она совершенно спокойно и, помолчав, спросила: — Когда ты вернешься?

— Обычно охота длится не меньше трех месяцев, пока не кончится сезон южных ветров, да еще добираться до Пилиплока, снаряжать судно, и само возвращение… Месяцев семь-девять, наверное. К весне вернусь.

— Понимаю.

Галайн лег к ней и прижал к себе.

— Это будет очень долгая разлука для меня, клянусь тебе.

Она хотела сказать — неужели ты не можешь отказаться? Или, может, я смогу поехать с тобой? — но понимала, что это ничего не даст. И она не протестовала. Она обняла его, и объятия длились до самого восхода солнца.

Накануне отъезда в Пилиплок, где стояли в гавани корабли охотников на драконов, Галайн позвал ее в свой кабинет на верхнем этаже Ниссиморн Проспект и протянул толстую пачку

документов.

— Что это? — спросила она, не решаясь взять.

— Наш брачный договор.

— Шутка неумная, господин.

— Это не шутка, Иньянна, совсем не шутка.

— Но…

— Я хотел все обсудить с тобой зимой, но тут накатила эта проклятая поездка за драконом, не остается времени. Вот и пришлось поторопить события. Для меня ты не просто любовница, эти бумаги узаконивают нашу связь.

— Разве наша любовь нуждается в узаконивании?

— Я отправляюсь в рискованную поездку, из которой, естественно, хочу вернуться живым. Но в море моя судьба будет в руках Дивине. Как у любовницы, у тебя нет права наследования, но как у моей жены…

Иньянна была ошарашена.

— Но если риск так велик, ради Дивине, откажись от поездки.

— Ты знаешь, что это невозможно. Придется рискнуть. Но я хочу тебя обеспечить. Посмотри бумаги, Иньянна.

Она долго смотрела в бесконечные разделы и подразделы, но ничего не видела в изящной кал-

лиграфии письма. Жена Галайна? Ей это казалось чудовищным, переходящим все границы. И все же, все же…

Он ждет. Она не может отказать ЕМУ.

Утром он уехал с Венценосцем в Пилиплок, и весь день унылая и смущенная Иньянна бродила по коридорам и комнатам Ниссиморн Проспект. Вечером ее пригласил на обед Герцог, на следующий вечер Дюранд Ливолк со своей дамой сердца заманили на Нарабальский островок. Приглашения следовали одно за другим, так что не оставалось ни минуты свободного времени, и месяцы летели. А потом пришла весть об огромном драконе, отправившим корабль Властителя Молибора на дно Великого Моря. Погибли и Венценосец, и все, кто находился с ним на корабле. Некий Вориакс был провозглашен новым Венценосцем. По завещанию Галайна Иньянна вступила в полное владение его имуществом, в частности, особняком Ниссиморн Проспект.

Когда закончился траур и настало время заняться устройством собственных дел, Иньянна вызвала одного из управляющих и распорядилась значительную сумму денег в виде дара доставить на Большой Базар и вручить вору Агормэйлу и членам его семьи. Так она давала понять, что не

забыла их.

— Передадите мне их точные слова, которые они скажут, когда будут получать кошельки,— наказала служащему, надеясь, что воры пошлют ей теплый привет о совместно прожитых днях.

Но никто не сказал ничего интересного — просто благодарили госпожу Иньянну, кроме одного человека по имени Сидэйн, который наотрез отказался от подарка, несмотря на все уговоры.

Иньянна печально улыбнулась и раздала двадцать роалов, не принятых Сидэйном, детям на улицах, после чего больше не имела никаких дел с ворами большого Базара и никогда не бывала там.

Несколько лет спустя во время прогулки по лавкам Паутинной Галереи Иньянна обратила внимание на двух подозрительных субъектов, которые топтались в магазинчике с безделушками из кости морских драконов. Их движения и то, как они переглядывались, вызывали подозрение, что это воры, собирающиеся в удобный момент обчистить лавку. Присмотревшись, поняла, что видела их раньше — и невысокого коротко остриженного, и длинного бледного заморыша с шишковатым лицом. Она подала знак сопровождающим, и те спокойно и быстро окружили

парочку.

Иньянна сказала:

— Один из вас — Стойг, второй называет себя Безаном Ормусом, правда, я не помню, кто из вас кто. Зато все остальные детали нашей встречи помню очень подробно.

— Госпожа,— сказал высокий,— вы ошибаетесь. Меня зовут Елакон Мирц, а моего друга — Тануз.

— Сейчас, может быть. Но во время посещения Велатхуса звали вас по-другому. Вижу, сменили мошеннические проделки на обычное воровство. Расскажите-ка, сколько еще наследников Ниссиморн Проспект отыскали, прежде чем заняться новым делом?

Теперь в их глазах читалась откровенная паника. Они, кажется, прикидывали шансы прорваться к двери мимо людей Иньянны, но это было бессмысленно, тем более, что стража Паутинной Галереи, заметив происшествие, собралась у выхода снаружи.

— Мы честные торговцы, госпожа,— сказал низенький дрожащим голосом.

— Вы неисправимые мерзавцы,— отрезала Иньянна.— Посмейте только еще раз сказать, что я вас не знаю, и я отправлю вас на каторжные работы!

— Госпожа…

— Говорить правду! — предупредила Иньянна.

— Признаем обвинение. Но это было давно. Если мы оскорбили вас, готовы полностью возместить убытки.

— Оскорбили? — расхохоталась Иньянна.— Скорей уж сослужили великую службу. Я, Иньянна Форлэйн, лавочница из Велатхуса, которую вы надули на двадцать роалов, стала Иньянной из Ни-мои, владелицей Ниссиморн Проспект, по воле Дивине.— Она кивнула страже: — Отведите эту парочку к прокторам и скажите, что доказательства я представлю позже, но прошу отнестись к ним снисходительно — месяца три исправительных работ или что-нибудь в этом роде. После возьму к себе на службу.— Она махнула рукой, и их увели. Иньянна повернулась к хозяину лавки.— Сожалею о случившемся. Значит, гербы города стоят десять роалов за штуку? А что вы скажете о тридцати роалах, если добавить резьбу вот по этим кругам?..

ДЕСЯТЬ
Вориакс и Валентайн

Из всего, что узнал Хиссун, история Иньянны Форлэйн больше всего тронула его сердце. Отчасти потому, что жила она в его время и мир ее не казался таким чуждым, как мир художника или Тесме. Но главная причина заключалась в том, что чувства Хиссуна были созвучны чувствам современницы из Велатхуса, ведь и лавочница начинала практически с нуля, лишившись всего, но тем не менее достигла могущества, величия и богатства. Старая истина: Дивине помогает тем, кто помогает себе сам, а Иньянна своими делами, вернее, отношением к жизни, внушала уважение. Конечно, счастье ей улыбнулось — привлекла внимание нужного человека в нужный момент, но разве у других не может быть так же? Во всяком случае, Хиссун, сам оказавшийся в нужное время в нужном месте, когда Властитель Валентайн несколько лет назад одиноко скитался по Лабиринту, верил в это. Но мог ли он рассчитывать на что-нибудь выше места писца? Да! Пусть ему уже восемнадцать и делать карьеру поздновато — перед ним пример Иньянны Форлэйн.

Почему Властитель Валентайн, прибывший в Лабиринт на прошлой неделе, не может послать за ним в любую минуту? Он может вызвать его и сказать: "Хиссун, ты уже достаточно послужил в этом грязном месте. Хочешь жить у меня в Замке Горы?" Разумеется, да! Но он пока не слышал подобных предложений от Венценосца и вряд ли услышит. Несмотря на свою богатую фантазию, Хиссун никогда не тешил себя несбыточными мечтами. Поэтому продолжал исполнять свою работу и осмысливать то, что познал в Счетчике Душ… И вот настал день, когда маленький писец принялся искать в хранилище запись Властителя Валентайна. Это была дерзость. Разумеется, опасно искушать судьбу: он бы не удивился, если бы вспыхнул свет, зазвенела тревога и стража схватила юного наглеца, без малейшего трепета проникшего в душу самого Венценосца? Самое же непостижимое заключалось в том, что механизм буднично выдал ему запись Властителя Валентайна, сделанную очень давно. Хиссун не колебался…

Их было двое, широкоплечих, высоких и сильных, с черными блестящими глазами; держались они так, что любой сразу догадывался — братья. Но в то же время очень разные. В одном

осталось еще что-то мальчишеское, и это видно по чуть заметной поросли бородки и гладкому лицу, по теплоте и озорству в глазах. Старший казался более сдержанным, более суровым, более властным, словно нес на плечах какое-то бремя, наложившее свой отпечаток. И в самом деле: Вориаксу из Халанкса, старшему сыну Канцлера Дамандайна, еще в детстве объявили, что он станет Венценосцем. А Валентайну предсказано, что после брата он займет его место. Но сам Валентайн не питал никаких иллюзий относительно этого — обычные комплименты младшему сыну высокопоставленного лица. Вориакс старше на восемь лет, и, вне всякого сомнения, если кто и отправится в Замок Горы, то это будет он. Их отец, Канцлер Дамандайн, был одним из ближайших советников Властителя Тивераса и тоже мог претендовать на роль следующего Венценосца. Но когда Властитель Тиверас стал Понтификом, то провозгласил Венценосцем Молибора, правителя Бомбифэйла, города у подножия Горы. Никто не возражал, несмотря на то, что Молибор, человек довольно резкий, более интересовался охотой и развлечениями, нежели был озабочен тяжким бременем власти. Валентайн тогда еще не родился, но Вориакс рассказывал, что отец никогда

ничем не выдал разочарования, когда трон получил посторонний человек, хотя он подходил для него лучше всех.

Валентайну очень хотелось знать, поступит ли Вориакс столь же благородно, если ему откажут в венце звездного взрыва вопреки всем обещаниям и провозгласят Венценосцем кого-нибудь из высокопоставленных особ — Элидата, например, или Морвойла, или Тунигорна. Иногда Валентайн шепотом произносил их имена, объединяя с высоким титулом, чтобы проверить на слух: Властитель Элидат, Властитель Тунигорн. Властитель Морвойл, Властитель Вориакс и даже — Властитель Валентайн. Но подобного рода глупые фантазии редко приходили на ум. Валентайн не желал занимать место брата, но очень хотел, чтобы именно Вориакс сделался Венценосцем, когда придет время Молибору стать Понтификом.

Но сейчас сложная путаница дворцовых перестановок была далека от Валентайна. Они с братом находились на отдыхе у подножья Горы. Поездка долго откладывалась, так как в позапрошлом году, развлекаясь со своим другом Элидатом в лесах пигми под Амблеморном, Валентайн сломал ногу и лишь недавно оправился для столь далекого нового путешествия. Это последний

длительный отдых Валентайна, ему исполнилось семнадцать и предстояло войти, в группу княжичей, из которой обычно набирались Венценосцы и правители городов, предстояло многому учиться, после чего начиналась бесконечная работа.

Он ехал с Вориаксом, который под благовидным предлогом присматривать за братом удрал от своих обязанностей в Замке и радовался этому, как мальчишка. От семейного дворца в Халанксе до ближайшего города удовольствий Верхнего Морпина можно было добраться на Колеснице Джаггернауна по силовым тоннелям, но Валентайну хотелось прокатиться на зеркальных катках. Он высказал свое пожелание, намекнув, что намерен испытать сломанную ногу; по лицу Вориакса понял, что тот сомневается, сумеет ли брат справиться, но он был слишком тактичен, чтобы высказывать опасения вслух.

Когда они неслись вниз, Вориакс держался возле Валентайна, подстраховывая. Валентайну это не понравилось, и он отъехал на несколько шагов. Вориакс не отставал; так продолжалось до тех пор, пока Валентайн не оглянулся.

— Боишься, что упаду?

— Совсем нет.

— Тогда чего прилип? Сам боишься грохнуть-

ся? — Валентайн расхохотался.— Не волнуйся, я успею тебя подхватить.

— Какой ты у нас рассудительный, брат,— улыбнулся Вориакс в ответ. А затем катки развернули зеркала, и больше не осталось времени для шуток. Какое-то мгновение Валентайн чувствовал скованность (зеркальные катки не для калек, а после перелома осталась легкая, приводящая его в ярость хромота), но он быстро поймал ритм и выпрямился, великолепно балансируя даже на самых бешеных виражах, и когда, крича во все горло, пролетел мимо Вориакса, то заметил, что тревога исчезла с лица брата. Тем не менее, суть эпизода заставила Валентайна о многом подумать, пока они спускались до Тентага, где любовались празднеством деревенских танцев, а потом до Эрсад Гранда, Минимэйла и через Гимкандэйл до Фьюрибла, города каменных птиц. Обычно, пока они ждали начала скольжения зеркальных катков, Вориакс держался как любящий страж, и его забота о безопасности младшего казалась Валентайну чрезмерной и неуместной, но он понимал, что Вориаксом движет братская любовь, и не корил его.

После Фьюрибла они миновали Бимбак Восточный и Бимбак Западный, задержавшись в обоих

городах, чтобы полюбоваться двойными башнями в милю высотой, вид которых заставлял даже самых чванливых хвастунов чувствовать себя ничтожными муравьями. За Бимбаком Западным пересели на маунтов и выбрали путь, ведущий к Амблеморну, где десять бешеных потоков сливались, образуя могучую реку Клайга. На нижнем склоне Горы со стороны Амблеморна находилось плоское пространство в несколько миль в поперечнике с плотной меловой почвой, и деревья тут не превышали роста человека и толщины девичьего запястья. Именно здесь, в лесу пигми с Валентайном случилось несчастье в позапрошлом году. Он слишком сильно пришпорил маунта, а этого делать не стоило: коварные корни выпирали над землей. Маунт оступился, и Валентайн упал. Нога застряла, согнувшись между двумя тонкими, но неподатливыми деревьями, чьи стволы словно закостенели. Казалось, длились месяцы мучений и боли, пока кость медленно ломалась пополам — и целый год его юности исчез из жизни. Зачем они вернулись сюда теперь? Вориакс пробирался по странному лесу так осторожно, словно искал спрятанные сокровища. Наконец повернулся к Валентайну:

— Место кажется зачарованным.

— Объяснение простое. Корни деревьев не могут глубоко проникать в эту поганую твердую почву и потому тянутся даже вверх, цепляясь за все, что попадется, и все равно умирают от истощения…

— Да, знаю,— холодно заметил Вориакс.— Я не сказал, что место очаровывает, я имел в виду, что целый легион колдунов-урунов не сумеет сотворить что-либо такое же безобразное. Однако рад возможности еще раз увидеть все это. Поедем дальше?

— Хитрец.

— Я? Я просто…

— …Предлагаешь проехать там же, где я сломал ногу.

Румяное лицо Вориакса покраснело еще больше.

— Не думаю, что ты упадешь снова.

— Конечно, не думаешь. Но думал, будто я могу так подумать. Ты ведь веришь, что преодолеть страх — означает идти прямо на то, чего боишься, вот и подводишь меня к мысли еще раз проехаться здесь, чтобы избавиться от робости, какую этот лес мне будто бы внушает. Вроде бы прямо противоположное тому, как ты опекал меня на зеркальных катках, хотя по сути — то же самое.

— Ничего не понял,— пробормотал Вориакс.— Тебя, наверное, лихорадит.

— Еще чего! Так едем?

— Нет.

Сбитый с толку Валентайн стукнул кулаком по ладони.

— Ты же только что сам предлагал!

— Да,— согласился Вориакс,— предлагал. Но ты обвиняешь меня в хитрости, а сам полон непонятного гнева и вызова, и если мы поедем по лесу, пока ты в таком состоянии, наверняка свалишься опять и еще что-нибудь сломаешь. Заворачивай, едем в Амблеморн.

— Вориакс…

— Поехали!

— Я сам хочу проехать через лес.— Валентайн не сводил глаз с брата.— Сам! Ты едешь со мной или будешь ждать здесь?

— С тобой, конечно.

— Теперь не забудь напомнить мне быть внимательным и смотреть под ноги, потому что там могут оказаться предательские корни.

Вориакс раздраженно дернул щекой. Он вздохнул.

— Ты не ребенок и я не стану тебе ничего говорить. И кроме того, если бы я думал, что ты

нуждаешься в таких советах, я бы просто не пустил тебя.

Он пришпорил маунта и помчался вниз по узкой тропке между деревьев пигми.

Валентайн последовал за ним, стараясь не отставать. Ехать было тяжело — повсюду подстерегали угрожающие ветви и корни, вроде тех, что сбили его в прошлый раз, когда он ехал здесь с Элидатом, но теперь его маунт твердо ступал по земле и не было нужды натягивать поводья. И хотя воспоминание о падении оставалось ярким, Валентайн не испытывал никакого страха, просто держался внимательнее и знал, что если упадет и на этот раз, то последствия будут не такими катастрофическими.

Еще он удивлялся сам себе, что так отреагировал на заботу Вориакса. Наверно стал слишком обидчив и слишком чувствителен, раз с такой горячностью воспротивился опеке старшего брата, а ведь тот готовился к роли владыки мира, и если даже не в силах будет помочь, все равно придется ему брать на себя

ответственность за всех и за каждого, особенно за младшего брата. Обдумав все это, Валентайн решил защищаться менее рьяно.

Миновав лес, въехали в Амблеморн, старейший

из городов Замка Горы, настоящее хранилище древних путаных улиц и увитых виноградом стен. Отсюда двенадцать тысяч лет назад началось покорение Горы, отсюда совершались первые рискованные вылазки на совершенно голый безвоздушной нарост тридцатимильной высоты, торчавший из почвы Маджипуры. Тому, кто всю жизнь прожил в пятидесяти городах среди вечной благоухающей весны, трудно представить время, когда Гора была пустой и необитаемой, Но Валентайн знал историю первых подъемов по титаническим склонам, во время которых первопроходцы подняли на вершину механизмы, вырабатывающие тепло и воздух для всей Горы; знал, как, поглощая неисчислимые столетия труда, преобразовывалась Гора в место подлинной красоты и увенчалась наконец небольшим зданием, воздвигнутым Властителем Стиамотом восемь тысяч лет назад. Со временем оно неузнаваемо преобразилось, превратившись в колоссальный и непостижимый Замок, где царствовал сейчас Властитель Молибор. Они с Вориаксом замерли в благоговении перед монументом в Амблеморне с древней, вырезанной по дереву надписью:

"Выше все было бесплодно".

Сад удивительных деревьев-халэтинг с темно-красными и золотистыми цветами окружал подножие устремленного ввысь монумента из полированного черного велатхусского мрамора.

Двое суток они провели в Амблеморне, после чего спустились по Долине Клайга к местечку под названием Чиселдорн. Там на краю мрачного и густого леса обитали несколько тысяч человек, переселившихся из больших городов Горы. Они жили в шатрах, сотканных из черной шерсти диких блавсов, которые паслись на заливных лугах у небольшой речки, и делились помаленьку шкурами со своими соседями. Кто говорил, будто пришельцы — чародеи и колдуны, кто уверял, что они бродячее племя метаморфов, сумевшее избежать древнего изгнания своего рода с Альханроеля, которое вынуждено теперь постоянно носить человеческий облик; правда же, подозревал Валентайн, заключалась в том, что просто этот народ отвратительно себя чувствовал в мире торговли и наживы, каким была Маджипура, и это заставляло их жить своей отдельной общиной.

Поздним полуднем они с Вориаксом добрались до холма, с которого увидели лес Чиселдорна и сразу за ним деревню черных шатров. У леса вид

неприветливый: низкие толстоствольные деревья-пингла с прямыми ветвями, растущими под самыми разными углами, тесно переплетались, образуя плотный балдахин, не пропускающий свет. А десятистенные шатры деревни, занимающие обширное пространство, похожи на огромных насекомых необычной, но строго геометрической формы, замерших на мгновение перед тем, как продолжить свою неостановимую миграцию через местность, к которой были совершенно безразличны. Валентайн всегда испытывал большое любопытство к Чиселдорнскому лесу и его жителям, но сейчас, добравшись сюда, почему-то уже не так страстно стремился проникнуть в их тайны.

Он посмотрел на Вориакса и увидел на лице брата те же сомнения.

— Что будем делать?

— Ну, по-моему, лагерь разобьем здесь, Валентайн, а утром съездим в деревню, поглядим, какой прием нам окажут.

— Неужели ты думаешь, что нападут?

— Нападут? Сильно сомневаюсь. По-моему, они миролюбивее многих наших знакомых. Просто, не стоит навязываться на ночь глядя. Почему не уважить их стремление к одиночеству?— Во-

риакс указал на серповидный участок луга у речки.— Как по-твоему, может, поставим палатку здесь?

Спешились, пустили маунтов пастись, распаковали мешки и принялись готовить ужин.

Когда собирали хворост для костра, Валентайн заметил:

— Если бы Властитель Молибор охотился на какую-нибудь тварь в здешних местах, интересно, что бы он подумал насчет уединенности здешних жителей? А еще интереснее, что бы подумали они?

— Ничто не помешало бы Властителю Молибору охотиться.

— Точно. И философские мысли никогда его не переполняют. Я думаю, ты будешь гораздо лучшим Венценосцем, Вориакс.

— Не говори глупостей.

— Это не глупости, а здравое мнение. Любой согласится, что Молибор профан в государственных делах. И когда ты…

— Замолчи, Валентайн!

— Ты будешь Венценосцем,— убежденно произнес Валентайн.— К чему притворяться? Это наверняка произойдет, и скоро. Тиверас очень стар. Молибор переберется в Лабиринт через

год-другой и, несомненно, провозгласит нового Венценосца; так как человек он все-таки не глупый, то…

Вориакс схватил Валентайна за руку, сжал, в глазах вскипало раздражение.

— Такая болтовня добром не кончится. Прошу тебя, перестань!

— Только одно…

— Я больше не желаю слушать измышления на тему будущих Венценосцев.

Валентайн согласно кивнул.

— Нет, не измышления, а вопрос брата к брату. Меня почти все время это мучает. Больше не стану говорить, что ты будешь Венценосцем, но я очень хочу узнать — хочешь ли ты САМ стать Венценосцем? Хочешь ли ты сам нести такое бремя на своих плечах?

После долгого молчания Вориакс ответил:

— От этого бремени никто не может отказаться.

— Но ты хочешь?

— Если судьба предопределит его мне, разве я осмелюсь сказать нет?

— Ты уклоняешься от прямого ответа. Посмотри, какие мы сейчас: богатые, счастливые, свободные. И никакой ответственности. Можем

делать все, что нравится, ехать, куда заблагорассудится, например, на Остров Снов или на Зимроель поохотиться на Канторских Болотах — все, что угодно! Лишиться всего этого ради венца звездного взрыва? Возможности ставить подписи под указами? Совершать грандиозные шествия со всеми этими публичными речами и в один прекрасный день очутиться на дне Лабиринта — стоит ли, Вориакс? Неужели ты хочешь этого?

— Какой ты еще мальчишка! — вздохнул Вориакс.

Валентайн сник. Опять снисходительность! Но чуть погодя понял, что заслужил ее своими ребячьими вопросами. Он успокоился и сказал:

— Ничего, когда-нибудь и я возмужаю.

— Да, но для этого тебе еще многое предстоит.

— Несомненно.— Он помолчал.— Хорошо. Ты признаешь неизбежность царствования, если Венценосцем провозгласят тебя. Но хочешь ли ты стать им? Действительно ли ты стремишься к этому, или просто склад характера и чувство долга заставляют тебя готовиться занять трон?

— Я,— медленно начал Вориакс,— готовлю себя не для трона, а на определенную роль в правительстве Маджипуры. Между прочим, так же, как и ты. Дело здесь и в складе характера, и

в чувстве долга для сына Верховного Канцлера Дамандайна, и верю — для тебя тоже, Если мне предложат трон, приму с гордостью и буду нести эту ношу, как сумею, но я никогда не стремился царствовать и очень мало размышлял на эту тему, А вообще нахожу наш разговор утомительным и бесцельным, прошу тебя собирать хворост молча.

Он посмотрел на Валентайна, се вздохом отвернулся.

Вопросы расцветали в Валентайне, как алабендисы летом; он подавил их, заметив, как у Вориакса подрагивают губы и поняв, что тот наглухо замкнулся. Вориакс подбирал и складывал сухие ломкие ветви с силой, совсем не нужной для подобного занятия. Валентайн больше не пытался пробить его броню, хотя не узнал практически ничего. Правда, по отпору брата заподозрил, что тот все-таки желал царствовать и с увлечением предавался мечтам. А почему бы и нет? Ничего дурного не находил Валентайн в стремлении завоевать всеобщую любовь и славу заслуженно, что, несомненно, и произойдет с Вориаксом, когда он станет Венценосцем.

Он принес в лагерь связку хвороста и принялся разводить костер. Вориакс вернулся следом. Хо-

лодок молчаливого отчуждения пробежал между братьями, к великому огорчению Валентайна.

Хотелось извиниться, но это невозможно: он никогда не просил прощения за содеянное у Вориакса, как и Вориакс у него. Конечно, можно и сейчас заговорить с братом совершенно свободно, но… этот холодок тяжело переносить, и если он не исчезнет, то отравит весь отдых. Валентайн торопливо искал способ восстановить прежние отношения и вскоре нашел — в детстве это срабатывало.

Он подошел к Вориаксу, который в угрюмом молчании нарезал мясо на ужин, предложил:

— Может поборемся?

Вориакс вздрогнул.

— Что?

— Вот, захотелось размяться.

— Ну, так заберись на дерево и попляши на ветвях.

— Всего пару схваток.

— Чушь!

— Почему? Или, если я тебя припечатаю, твое достоинство сильно оскорбится?

— Валентайн!

— Ну, ладно, ладно, прости.— Валентайн пригнулся, став в борцовскую позу, и вытянул ру-

ки.— Ну, пожалуйста, пару схваток, разомнемся перед ужином!

— У тебя нога только-только срослась.

— Но ведь срослась. Можешь бороться в полную силу, не бойся.

— А если треснет кость, а от нас день пути до города с врачевателями?

— Давай,— нетерпеливо подзуживал Валентайн.— Чего медлишь? Покажи лучше, на что ты еще способен! — Разбаловался, хлопнул в ладоши и сделал вид, будто собирается укусить Вориакса за нос. Брат не выдержал и, вскочив на ноги, бросился на Валентайна.

Что-то было не так. Они боролись довольно часто с той поры, как Валентайн подрос достаточно, чтобы быть партнером мужчине, и он знал все уловки брата, все его хитрости. Но сейчас боролся, казалось, с совершенно незнакомым человеком. Словно какой-то метаморф схватился с ним в облике Вориакса. Ах, вот что, виновата нога, понял Валентайн. Вориакс сдерживался, не выкладывался в полную силу, был заботлив и осторожен, он снова относился к нему снисходительно. С внезапно вспыхнувшей яростью Валентайн сделал выпад, и хотя в первые минуты этикет предписывал только изучать противника,

схватив Вориакса, перебросил его через себя, заставил опуститься на колени. Вориакс был изумлен. Валентайн, собравшись с силами, придавил плечо брата к земле. Вориакс подобрался и рванулся вверх, в первый раз использовав всю свою громадную силу, правда, он чуть не лег на землю, но выскользнул из захвата Валентайна, перекатился и вскочил на ноги.

Принялись осторожно кружить вокруг друг друга.

— Вижу, я тебя недооценивал,— признал Вориакс.— Твоя нога, должно быть, в полном порядке.

— Вот именно, я уже много раз тебе говорил. Чуть прихрамываю, и только. Ну, давай еще раз!

Он снова пригнулся.

Они сцепились, плотно прижав друг друга, так что ни один не мог пошевелить руками, и стояли, как показалось Валентайну, час или больше, хотя, наверное, прошло минуты две. Затем он отжал Вориакса назад на несколько дюймов, но тот поднатужился и проделал с Валентайном то же самое. Пыхтели, тяжело дыша, и улыбались друг другу Валентайн порадовался улыбке брата; она означала, что они снова друзья, что холодок растаял и Вориакс простил его. В этот миг он просто обнимал брата вместо того, чтобы бороться с

ним, но стоило ему чуть расслабиться, Вориакс пригнулся, вырвался и швырнул его на землю, придавив коленом живот и навалившись руками на плечи. Валентайн боролся изо всех сил, но долго продержаться в таком положении не мог. Вориакс неуклонно прижимал его плечи книзу и в конце концов припечатал к прохладной сырой земле.

— Твоя взяла,— пробормотал Валентайн, задыхаясь. Вориакс убрал колено и растянулся рядом. Оба расхохотались.— Но в следующий раз я тебе не сдамся.

Внезапно Валентайн услышал доносившиеся издали аплодисменты.

Он сел, уставившись в сгущающиеся сумерки, и увидел на опушке леса стройную женскую фигуру с необычайно длинными и прямыми черными волосами. Глаза у нее были яркие и мерцающие, губы полные, непривычного покроя одежда состояла из сшитых между собой лоскутов выдубленной кожи. Валентайну она показалась довольно старой — где-то под тридцать.

— Я наблюдала за вами.— Она приблизилась без каких-либо опасений.— Сначала подумала, что деретесь по-настоящему, но потом поняла, что просто дурачитесь.

— Боролись мы по-настоящему,— буркнул Вориакс,— но и дурачились тоже. Я Вориакс из Халанкса, а это мой брат Валентайн.

Она посмотрела сначала на одного, потом на другого.

— Да, конечно, братья. А я Тэнанда из Чиселдорна. Могу предсказать ваши судьбы.

— Значит, ведьма? — осведомился Валентайн.

В глазах женщины вспыхнули веселые огоньки.

— Пожалуй, ведьма.

— Тогда предскажи нам судьбу,— согласился Валентайн.

— Подожди,— остановил Вориакс,— лично мне колдовство не по душе.

— Просто ты слишком здравомыслящий,— заметил Валентайн.— Ну что тут плохого? Побывать в Чиселдорне, городе колдунов, и не узнать свою судьбу! Чего боишься? Это же игра, Вориакс, просто игра! — Он шагнул к ведьме.— Поужинай с нами.

— Валентайн…

Валентайн бросил дерзкий взгляд на брата и засмеялся.

— Я сохраню тебя от зла, не бойся! — И тоном ниже добавил: — Мы так долго путешествовали

одни, брат. Я просто изголодался по компании.

— Вижу,— проворчал Вориакс.

Но ведьма была привлекательна, Валентайн настойчив, и в конце концов Вориакс не стал возражать против ее присутствия. Он приготовил третью порцию мяса для гостьи, а та на минуту исчезла в лесу, вернулась с плодами пинглы и показала, как их жарить, чтобы темный сок пропитал нежное мясо. Немного погодя после ужина Валентайн почувствовал, что голова у него кружится, но усомнился, чтобы это произошло от двух глотков вина. Скорее всего, виноват сок пинглы. В голове мелькнула мысль о вероломстве, но он сразу отбросил ее — охватившее его головокружение было приятным и даже возбуждающим, и он не нашел в нем ничего дурного. Он взглянул на Вориакса, ожидая, что брат, более подозрительный по природе, уже охвачен смутными страхами, но тот оставался спокойным и веселым — если вообще заметил воздействие сока,— он громко смеялся, потом наклонился к ведьме и что-то сказал. Подумав, Валентайн положил себе еще мяса. Ночь опустилась на лес, окутав темнотой все вокруг костра, звезды резко пылали в небе, освещая его вместе с тоненькой лучиной луны. Валентайну почудилось, будто он

слышит отдаленный звон и нестройное пение, хотя прежде казалось, что до Чиселдорна слишком далеко, чтобы звуки могли пробиться через густой лес.

Он решил, что это воображение, взбудораженное соком фруктов.

Пылал костер. Воздух сделался прохладнее, и они сбились в кучку, тесно прижавшись друг к другу все трое, и то, что сначала было невинным, после невинным не было. Пока они сидели так, Валентайн обратил внимание на глаза брата — тот ему подмигнул, как бы говоря: "Мы мужчины, брат, и нынче ночью получим удовольствие".

Валентайну случалось делить женщин с Элидатом или Стазилэйном во время веселого кувыркания втроем в постели для двоих, но никогда — с Вориаксом, таким сознательным, таким благородным, чем всегда восхищался Валентайн. Чиселдорнская ведьма сбросила свои кожаные лоскуты и показала стройное гибкое тело в свете костра. Валентайн опасался, что плоть ее покажется отталкивающей, она была немного стара для него, старше даже Вориакса на пару лет, но теперь видел, что опасения глупы и объяснялись только его неопытностью — сейчас она казалась прекрасной. Он потянулся к ней и наткнулся на

руку Вориакса у нее на бедре. Он игриво шлепнул по ней, будто смахивая насекомое.

Братья рассмеялись, в их глубокий смех вплелся серебристый смех Тэнанды, и все трое повалились на росистую траву.

Валентайн никогда не знал такого неистовства, как той ночью. Какой бы наркотик ни заключался в соке пинглы, он своим действием освобождал от всех запретов и дарил неистощимую энергию; с Вориаксом, видимо, происходило то же самое. Ночь превратилась в ряд обрывочных образов, не связанных между собой. То он лежал, вытянувшись, с головой Тэнанды на коленях и поглаживал ее волосы, пока женщину обнимал Вориакс, и слушал их смешанное прерывистое дыхание со странным удовлетворением, то он покоился меж бедер ведьмы, а Вориакс был где-то рядом, но он не мог сказать, где. То Тэнанда вдруг оказывалась между ними, лежа животом на одном, пока второй лежал на ней сверху, то они бегали по речке и плескались, и хохотали, и бежали, нагие, греться к костру, и вновь занимались любовью: Валентайн и Тэнанда, Вориакс и Тэнанда, Валентайн и Тэнанда и Вориакс, и плоть просила плоти до тех пор, пока серый предутренний свет не развеял мрак.

Все трое проснулись, когда солнце пылало высоко в небе. Многое из случившегося ночью исчезло из памяти Валентайна, но, как и Вориакс, он был свеж и бодр. А улыбающаяся обнаженная ведьма лежала между ними.

— Теперь,— предложила она,— может, поговорим о ваших судьбах?

Вориакс издал тяжкий вздох и закашлялся, но Валентайн быстро сказал:

— Да-да! Можешь пророчествовать.

— Помогите мне собрать зерна пинглы,— попросила она, Они были разбросаны повсюду — блестящие, черные орешки с красными пятнышками на кожице. Валентайн собрал с десяток, и даже Вориакс подобрал несколько. Они отдали их Тэнанде, тоже набравшей с пригоршню, и она принялась катать их между ладоней и бросать на землю, словно игральные кости. Пять раз она бросала зерна, подбирала и бросала снова. Потом взяла их в сложенные ладони, вывела ими круг, оставшиеся выложила внутри круга и долго всматривалась, показавшись вдруг Валентайну сразу и напряженной, и постаревшей.

— Вам обоим уготована высокая судьба,— сказала она наконец.— Но этого мало. Семена гласят больше. Вас обоих ждет опасность.

Вориакс отвернулся, нахмурившись.

— Вы не верите, да? — продолжала Тэнанда.— Но это так, вам угрожает опасность. Ты,— она указала на Вориакса — должен опасаться леса, а тебе — она взглянула на Валентайна,— следует держаться подальше от воды, океана.— Она нахмурилась,— и еще многого; судьба твоя загадочна, и я не в силах прочесть ее ясно. Линия твоей судьбы ломается, но ты не умрешь, просто случатся большие перемены и какое-то перевоплощение…— Она покачала головой.— Не могу, это сбивает меня с толку.

— Мда…— протянул Вориакс.— Опасайся леса, опасайся воды. Все равно, что опасайся, чего хочешь. Вздор!

— Вы будете Венценосцем,— перебила его Тэнанда.

Вориакс прерывисто задышал, на лице его проступили красные пятна гнева.

Валентайн улыбнулся и хлопнут брата по спине.

— Вот видишь?

— Вы тоже будете Венценосцем.

— ЧТО? — Валентайн задохнулся от удивления.— Что за глупости! Твои зерна лгут!

— Если бы так,— пробормотала Тэнанда. Она

собрала рассыпанные зерна и быстро швырнула их в речку, потом натянула на бедра свою кожаную юбочку из лоскутков.— Два Венценосца, и я провела ночь с обоими! Вы заглянете в Чиселдорн, ваши будущие величия?

— Наверное, нет,— произнес Вориакс, не глядя на нее.

— Значит, мы больше не увидимся. Прощайте.

И она быстро направилась к лесу. Валентайн махнул ей рукой, но ничего не сказал, только беспомощно сжал пальцами воздух; минуту спустя она исчезла из виду. Он повернулся к Вориаксу, который со злостью затаптывал уголья костра. Вся радость после ночного разгула исчезла.

— Ты был прав,— сказал Валентайн.— Не стоило позволять ей пророчествовать. Лес! Океан! И дурацкое утверждение, будто мы оба станем Венценосцами!

— Что она имела в виду? — задумчиво протянул Вориакс.— Что мы разделим трон, как делили ее тело нынче ночью?

— Этого не будет,— сказал Валентайн убежденно.— Как не было ничего подобного за всю историю Маджипуры. Глупость!

— Если я стану Венценосцем,— продолжал Вориакс, не обращая внимания на слова брата,— то

как им можешь стать ты?

— Ты меня не слушаешь,— заметил Валентайн.— Я ведь сказал — глупость! Не обращай внимания. Она просто обыкновенная дикарка, которая опоила нас ночью. В ее пророчестве нет ни грамма правды.

— Но она сказала, что я буду Венценосцем…

— И скорее всего так и будет. Ну и что? Просто случайно угадала.

— А если нет? Если она гениальная провидица?

— Тогда ты точно будешь Венценосцем.

— А ты? Если она сказала правду обо мне, то и твое предсказание должно сбыться.

— Нет,— Валентайн покачал головой.— Пророчество, как обычно, загадочно и двусмысленно. Тэнанда имела в виду что-то другое, а не дословный смысл. Ты будешь Венценосцем, брат, и это понятно, но, по-моему, в этом есть еще какой-то смысл.

— Меня это пугает, Валентайн.

— Что ты станешь Венценосцем? Что тут страшного? Чего ты боишься?

— Делить трон с братом…

— Этого не будет,— перебил Валентайн. Он поднял валявшуюся на земле одежду, отделил

вещи Вориакса и протянул их ему.— Помнишь, что я говорил тебе вчера? Я не понимаю, к чему стремиться обладать троном, и я тебе не соперник...— Он сжал руку брата.— Послушай, ты ужасно выглядишь. Неужели болтовня лесной ведьмы так на тебя подействовала? Я клянусь тебе, когда ты будешь Венценосцем, я буду служить тебе и ни за что не стану соперником. Клянусь нашей матерью, будущей Властительницей Острова Снов! И не принимай близко к сердцу то, что было нынче ночью, ничего этого нет.

— Может быть, и нет,— протянул Вориакс.

— Наверняка нет,— возразил Валентайн.— Ну что, поедем отсюда?

— Да, пожалуй.

— По крайней мере, тело у нее восхитительное, а?

Вориакс рассмеялся.

— Что да, то да. Мне даже жаль, что больше не удастся ее обнять. Ладно, хватит, я сыт по горло и ею, и этим местом. Проедем по Чиселдорну или нет?

— Проедем,— кивнул Валентайн.— А какие города тут еще неподалеку?

— Ближайший Джеррик, там полным-полно урунов. Митрипонд, Кайли. Я думаю снять в Джер-

рике жилье и повеселиться несколько дней.

— В Джеррик так в Джеррик.

— Да, в Джеррик. И не говори мне больше о Венценосце и царствованиях, Валентайн.

— Обещаю — ни слова.— Валентайн засмеялся и обнял Вориакса.— Брат, я несколько раз за нашу поездку думал, что теряю тебя, но теперь вижу — все хорошо.

— Мы никогда не потеряем друг друга, какие бы расстояния нас ни разделяли,— сказал Вориакс.— Едем, брат. Надо только упаковать вещи, и… в Джеррик!

Больше они никогда не заговаривали о ночи, проведенной с лесной ведьмой и о тех странных вещах, которые она напророчествовала.

Пять лет спустя, когда Властитель Молибор сгинул во время охоты на морских драконов, Вориакс был провозглашен Венценосцем, чему никто не удивился, и Валентайн был первым, кто преклонил перед ним колени.

Со временем Валентайн постепенно начал забывать мрачное пророчество Тэнанды, только не мог забыть вкуса ее поцелуев и ее гибкое тело. Но все же иногда он вспоминал ее слова. Два Венценосца? Но каким образом? Только один человек мог быть Венценосцем и восседать на

троне, увенчав голову венцом звездного взрыва. Валентайн радовался за брата и оставался тем, кем был, и таким же, каким был.

Только через несколько лет он понял, в чем заключался скрытый смысл пророчества. Не в том, что будут они царствовать совместно, а в том, что после Вориакса он займет его место, хотя никогда прежде не было на Маджипуре, чтобы брат наследовал брату. Но когда он понял это, было уже поздно — Вориакс погиб на охоте в лесу, и Валентайн, оставшись без брата, в благоговении и изумлении поднялся по ступеням Трона Конфалума.

ОДИННАДЦАТЬ

Этот эпилог, эти последние минуты, которые какой-то писец впоследствии прибавил к записи самого Валентайна, ошеломили Хиссуна. Довольно долго он сидел неподвижно, затем встал и, словно во сне принялся убирать комнату. Образы бурной лесной ночи кружились в сознании: размолвка братьев, ясноглазая ведьма, обнаженные тела, пророчество… Да, два Венценосца! И Хиссун подсматривал за обоими в самые интимные минуты жизни! Он испытывал огромное смущение и подумал, что настало время отдохнуть от Счетчика Душ; сила его воздействия иногда поражала до глубины души, и стоило, наверно, переждать несколько месяцев. Руки его тряслись, когда он шагнул к двери.

Час назад его пропустил к Счетчику обычный чиновник, пухлый и большеглазый человек по имени Пенаторн. Он еще не сменился с дежурства и до сих пор сидел за столом, но рядом с ним стоял высокий и сильный человек в зелено-золотой форме службы Венценосца. Он сурово оглядел Хиссуна:

— Могу я взглянуть на ваш пропуск?

Хиссун остолбенел. Вероятно, они давно знали о его незаконном копании в Счетчике Душ и просто ждали, когда он совершит тягчайшее из преступлений: проиграет личную запись Венценосца.

— Мы вас искали,— сказал человек в форме.— Пожалуйста, идите за мной.

Хиссун молча повиновался.

Они вышли из Дома Записей, миновали огромную площадь и очутились у входа на нижние уровни Лабиринта, в зале для ожидания флотеров, а затем вниз, вниз, в таинственное царство, где он ни разу не был. Он сидел неподвижно и оцепенело. Казалось, весь мир сжался до размеров флотера, пока тот накручивал спиральные уровни Лабиринта. Где они сейчас? Это ли место — Тронный Двор, откуда правят миром советники Понтифика? Хиссун не знал, а спросить не осмеливался, сами сопровождающие не проронили ни слова. Ворота следовали за воротами, проход за проходом, уровень за уровнем, и наконец флотер замер. Хиссуна вывели из кабины и проводили в ярко освещенную комнату. Шесть человек в зелено-золотой форме встали по бокам.

Скользнув в нишу, открылась дверь, и светловолосый человек в простой белой мантии шагнул внутрь. Хиссун подскочил:

— Господин!..

— Ну-ну, можно и без этикета, Хиссун. Ты ведь Хиссун, не так ли?

— Да, господин, только я вырос.

— Восемь лет просто, действительно… Ростом ты почти такой же, как я, мужчина. Глупо, конечно, но я представлял тебя все еще мальчишкой. Тебе сейчас восемнадцать?

— Да, господин.

— А сколько было, когда ты впервые забрался в Счетчик Душ?

— Значит, вы знаете, господин,— пробормотал Хиссун, уставившись под ноги.

— А тогда, помнишь, было всего двенадцать. Мне рассказывали… Я ведь следил за тобой все эти годы. Потом сообщили, что ты пробрался к Счетчику Душ, и я представил себе мальчишку, увидевшего великое множество вещей, которые вряд ли в жизни увидел бы.

Щеки Хиссуна горели. Мысли бились в голове потоком. На языке вертелись слова: "Час назад, господин, я видел, как вы с братом забавлялись с длинноволосой ведьмой из Чиселдорна", но, разумеется, скорее умер бы, чем ляпнул такое вслух. И в то же время был уверен, что Властитель Валентайн все отлично знает, и это угнетало его

до невозможности. Он не смел поднять глаза, убеждая себя, что стоящий рядом высокий светловолосый человек не Валентайн из записи, но понимал, что только обманывает себя. Пусть тот, черноволосый и темнокожий Валентайн был перенесен колдовством в это тело, но личность его осталась неизменной, и дерзкий писец подсматривал именно за ним, и эту правду не скроешь!

Хиссун подавленно молчал.

Что ж,— произнес Властитель Валентайн,— ты всегда был торопыгой. Кстати, Счетчик показал тебе то, что ты со временем увидел бы и сам.

— Он показал мне Ни-мою, господин,— еле слышно возразил Хиссун,— Сувраель, города Замка Горы, джунгли Нарабала…

— Места — да. Географию. В таких случаях Счетчик неоценим. Но географию души ты должен познавать сам. Да посмотри на меня, я не сержусь.

— Нет?

— К Счетчику Душ тебя допускали по моему приказу. Правда, не для того, чтобы ты глазел на Ни-мою или подсматривал за людьми. Я хотел, чтобы ты мог понять настоящую Маджипуру, охватить ее, впитать в себя. Это было твое обучение, Хиссун. Я прав?

— Да, господин, там было так много, что мне хотелось узнать…

— И ты узнал?

— Не все. Ничтожную часть.

— Очень жаль. Потому что больше ты к Счетчику не попадешь.

— Господин?.. Вы меня наказываете?

Венценосец загадочно улыбнулся.

— Наказываю? Как сказать. Ты покинешь Лабиринт и не вернешься сюда очень долго, даже после того, как я стану Понтификом, а день этот настанет еще не скоро. Я призываю тебя к себе на службу, Хиссун. Твое обучение закончилось, а у меня есть для тебя дело. Ты уже взрослый. — Венценосец помолчал.— Твоя семья здесь?

— Да, господин, мать и две сестры.

— Нуждаться они не будут. Попрощайся с ними, уложи вещи, мы уезжаем через три дня.

— Через три дня…

— Да, в Алэйсор. Предстоит еще одно шествие. Потом отправимся на Остров Снов, ну а после заглянем на Зимроель. Месяцев семь-восемь поездка продлится, я думаю. Ты будешь при мне, в свите двора.

Венценосец снова улыбнулся.

— Я пришлю за тобой завтра утром. Нам ведь

нужно о многом поговорить.

Хиссун низко поклонился, а когда снова поднял голову, Властителя Валентайна в комнате уже не было.

Так сбылась несбыточная мечта.

Он вновь последовал за своим эскортом по длинным коридорам, ярко освещенным тоннелям, поднимаясь с уровня на уровень, пока его не доставили к Дому Записей.

Хиссун стоял, не зная, что делать. Идти сейчас домой он не мог. Слишком многое произошло за сегодняшний день. И многое нужно было обдумать.

Он повернулся и направился наверх, к далекому Устью Лезвий.

Была ночь. Долго-долго он стоял, не в силах ни думать, ни чувствовать.

Звезды начали меркнуть.

Я буду жить в Замке Горы, подумал он, я буду в свите Венценосца, и кто знает, что будет дальше? Больше он думать не мог.

Пришли первые лучи солнца, и могучий свет озарил небо, предвещая восход, и вся планета заполнилась им.

Он не двигался. Теплое солнце Маджипуры коснулось его лица.

Солнце… солнце… яркое, пылающее солнце, Мать Миров. Он протянул к нему руки. Он обнял его. Он смеялся и пел.

Затем повернулся и в последний раз вошел в Лабиринт.

ВАЛЕНТАЙН ПОНТИФИК

Коронованный

Валентайн покачнулся и ухватился свободной рукой за стол, чтобы не упасть и не пролить вино.

"Очень странно,— подумал он,— это головокружение, эта путаница. Слишком много вина... спертый воздух... возможно, тяготение здесь, глубоко под землей, сильнее..."

— Предложите тост, ваша светлость,— пробормотал Делиамбер.— Сначала за Понтифика, потом за его помощников, а потом...

— Да-да, я знаю.

Валентайн неуверенно огляделся, как загнанный зверь, окруженный копьями охотников.

— Друзья...— начал он.

— За Понтифика Тивераса! — отчетливо прошептал Делиамбер.

Друзья... Да, те, кто были самыми дорогими ему, все сидели рядом. Почти все, кроме Карабеллы и Элидата: она держала путь на запад для встречи с ним, а Элидат был занят повседневными заботами Правительства на Горе Замка в отсутствие Валентайна. Но другие были здесь: Слит, Делиамбер, Тунигорн, Шанамир, Лизамона

и Эрманар, Тизана, скандар Залзан Кавол, хьерт Азенхарт… Да, все дорогие ему, все — опора его жизни и власти.

— Друзья,— сказал Валентайн,— поднимите ваши кубки с вином, присоединяйтесь к еще одному тосту. Вы знаете, что мне не было даровано Богом насладиться покоем на троне. Вам всем известны те невзгоды, которые свалились на меня: вызовы, которые надо было принять достойно; задачи, что стояли передо мной; проблемы, которые мне надо было разрешить…

— Я думаю, это не та речь,— произнес кто-то за его спиной.

Делиамбер снова забормотал:

— За его величество Понтифика! Вы должны предложить тост за его величество Понтифика!

Валентайн не обратил на них внимания. Слова, которые он произносил теперь, казалось, гармонировали с его внутренними ощущениями.

— Если я перенес эти трудности с определенной легкостью,— продолжал он,— это только потому, что у меня была поддержка, совет, любовь такого круга друзей, какие имели лишь немногие правители. Это с вашей помощью, добрые друзья, мы придем наконец к разрешению тех конфликтов и проблем, которые обрушились на Маджипуру, и

войдем в эру верной дружбы, которую мы все желаем. Итак, поскольку мы готовимся двинуться завтра в наше королевство и горим нетерпением предпринять великий крестный ход, я предлагаю последний тост этого вечера, друзья мои, за вас — тех, кто поддерживал и обучал меня на протяжении всех этих лет и кто…

— Как странно он выглядит,— пробормотал Эрманар.— Он болен?

Спазм необыкновенной боли охватил Валентайна. В ушах возникло приглушенное жужжание, дыхание стало жарким, как огонь. Он почувствовал, что погружается в ночь, настолько ужасную, что она затмила весь свет и пронеслась в его душе, словно поток черной крови. Кубок выпал из его руки и разбился, и ему показалось, что весь мир разбился, разлетевшись на тысячи мелких осколков, в беспорядке заполнивших все уголки Вселенной. Головокружение стало нестерпимым. И темнота… эта абсолютная и всеобщая ночь, полное затмение.

— Ваша светлость! — закричал кто-то. Может, это был Хиссун?

— У него послание! — воскликнул другой голос.

— Послание? Как, ведь он же не спит.

— Милорд! Милорд! Милорд!

Валентайн посмотрел вниз. Все было черным: черная заводь ночи, поднимающейся снизу. Чернота казалась ему манящей. "Иди,— говорил спокойный голос,— здесь твой путь, здесь твоя судьба: ночь, темнота, рок. Соглашайся, соглашайся, лорд Валентайн. Понтифик был Коронованным, но ты им никогда не будешь. Соглашайся!" И Валентайн подчинился, поскольку в этот момент замешательства и беспомощности духа он больше ничего не смог бы сделать. Он вглядывался во мрак, окружавший его, и, бессознательно повинуясь, медленно погружался в эту всеохватывающую темноту.

"Я мертв,— подумал он.— Я плыву на гребне черной реки, которая возвращает меня к Истокам, и скоро окажусь на берегу и пойду искать дорогу, которая ведет к Мосту Прощаний. А потом я перейду к тому месту, где все живое имеет свое начало и свой конец".

Незнакомое чувство умиротворения наполнило его душу, ощущение восхитительной легкости и удовлетворения, радостное осознание того, что вся Вселенная объединилась в счастливой гармонии. Он будто очутился в колыбели, тепло укутанный, свободный наконец от мук верхов-

ной власти. О, как это было прекрасно! Лежать спокойно и не обращать внимания на проносящуюся мимо мирскую суету! И это есть смерть? Ну, тогда смерть — наслаждение!

— Вы обманываетесь, милорд. Смерть есть конец наслаждения.

— Кто это говорит со мной?

— Вы знаете меня, милорд!

— Делиамбер? Ты тоже мертв? О, какое это приятное состояние — смерть, мой друг!

— Вы в безопасности, правильно. Но вы не мертвы.

— Я ощущаю это, как смерть.

— Неужели у вас такой основательный опыт, милорд, что вы можете говорить о смерти с такой уверенностью?

— Что же это, если не смерть?

— Всего лишь чары колдовства,— сказал Делиамбер.

— Одни из твоих, колдун?

— Нет, не мои. Но если вы разрешите, я могу освободить вас от них. Давайте просыпайтесь. Просыпайтесь!

— Нет, Делиамбер! Позволь мне остаться.

— Вы должны, милорд.

— Должен? — с горечью произнес Вален-

тайн.— Должен! Всегда должен. Разве мне нельзя отдохнуть? Позволь мне остаться там, где я нахожусь, мне хорошо там! Я не испытываю желания воевать, Делиамбер.

— Просыпайтесь, милорд.

— Скажите, что это моя обязанность проснуться.

— Мне не нужно говорить то, что вам и так хорошо известно. Просыпайтесь!

Он открыл глаза и обнаружил, что находится между небом и землей, развалившись на руках Лизамоны Халтин. Амазонка несла его, словно он был куклой, прижавшейся к ее обширной груди. "Ничего удивительного, что я вообразил себя в колыбели,— подумал он,— или плывущим вниз по темной реке!" Рядом с ним был Отифон Делиамбер, устроившийся на левом плече Лизамоны. Валентайн понял, какие чары вернули его из обморочного состояния; кончики трех щупальцев уруна касались его: один — лба, другой — щеки, третий — груди.

Он сказал, чувствуя себя безмерно глупо:

— Вы можете теперь опустить меня.

— Вы очень слабы, ваша светлость,— прогромыхала Лизамона.

— Я думаю, что не настолько слаб. Отпустите

меня.

Осторожно, словно Валентайну было девять лет, Лизамона опустила его на землю. Сразу же волна головокружения качнула его, и он вытянулся, чтобы прислониться к гигантской женщине, которая все еще покровительственно парила рядом. Его зубы выбивали дробь. Тяжелая мантия прилипла к влажной потной коже, как саван. Он боялся, что, если закроет глаза только на мгновение, эта тьма поднимется и снова поглотит его. Но он заставил себя крепиться, даже если это была одна видимость. Старая закалка заявила о себе: он не мог допустить, чтобы его видели слабым и беспомощным, какой бы безрассудный страх не наполнял его душу.

Спустя мгновение он почувствовал себя намного спокойнее и огляделся вокруг. Они вынесли его из большого зала, и он находился в каком-то ярко освещенном коридоре, стены которого были инкрустированы тысячей переплетенных и покрывающих друг друга эмблем Понтифика. Непостижимый для глаз Лабиринт повторялся снова и снова. Толпа людей разрасталась возле него; все выглядели встревоженными, обеспокоенными: Тунигорн, Слит, Хиссун и Шанамир из его личного окружения, а также некоторые из

приближенных Понтифика, Хорнкаст и старый Дилифон; а за ними полдюжины других, коротко остриженных голов в желтых масках.

— Где я? — спросил Валентайн.

— Еще немного и вы будете в своих покоях, ваша светлость,— сказал Слит.

— Я долго был без сознания?

— Только две или три минуты. Вы начали падать, когда произносили свою речь. Но Хиссун и Лизамона подхватили вас.

— Это все равно,— сказал Валентайн.— Полагаю, что я выпил слишком много, кубок одного да еще кубок другого.

— Сейчас вы совершенно трезвы,— сказал Делиамбер.— И это всего несколько минут спустя.

— Позвольте мне думать, что все дело в вине,— сказал Валентайн,— еще хоть немного.

Коридор сворачивал влево, и перед ним возникла высокая арка и в ней дверь его покоев, инкрустированная эмблемой, изображавшей лучистую звезду с выгравированной личной монограммой ЛВК.

— Где Тизана? — крикнул он.

— Здесь, милорд,— произнесла неизвестно откуда взявшаяся толковательница снов.

— Хорошо. Я приглашаю вас войти со мной.

Также Делиамбера и Слита. Больше никого. Понятно?

— Могу я тоже войти? — раздалось из группы представителей Понтифика.

Голос принадлежал тонкогубому сухопарому мужчине со странной пепельной кожей, в котором Валентайн узнал Сепультрова, врача Понтифика Тивераса. Он покачал головой.

— Я благодарен вам за участие. Но думаю, что вы не понадобитесь.

— Такой внезапный обморок, милорд, нужно поставить диагноз.

— В этом есть смысл,— тихо заметил Тунигорн.

Валентайн пожал плечами.

— Тогда позже. Сначала дайте мне поговорить с моими советниками, дорогой Сепультров. А потом вы можете постучать мне по коленке, если думаете, что это необходимо. Идемте, Тизана, Делиамбер…

Он величественно вошел в свои покои, изо всех сил храня царственную манеру держаться, и почувствовал облегчение, когда тяжелая дверь отделила его от сутолоки в коридоре. Он сделал долгий медленный выдох и упал на парчовую кушетку, чувствуя дрожь во всем теле.

— Ваша светлость? — мягко спросил Слит.

— Подожди. Подожди. Дай мне прийти в себя.

Он потер свой пульсирующий лоб и больные глаза. Напряжение, которое понадобилось ему там, за дверью, чтобы сделать вид, что он полностью оправился от случившегося с ним в банкетном зале обморока, дорого стоило ему. Но постепенно силы возвращались к нему. Он посмотрел на толковательницу снов. Крепкая старушка, толстая и сильная, казалась ему просто источником доброты и уюта.

— Подойти, Тизана, сядь со мной,— сказал Валентайн.

Она уселась рядом и обняла его за плечи.

"Да,— подумал он.— О да, хорошо!" Тепло снова просочилось в его охладевшую душу, и темнота отступила перед стремительным потоком нежности, охватившим его. Стойкая, надежная и мудрая женщина, которая в дни его ссылки первой открыто приветствовала лорда Валентайна, тогда как он сам все еще считал себя жонглером Валентайном. Как часто за годы его восстановленного правления разделяла она через сон-вино открывавшееся ей, обнимала его, чтобы узнать тайны буйных образов, приходивших к нему во сне! Как часто облегчала она его королевскую участь.

Она сказала:

— Я сильно испугалась, когда увидела, что вы падаете, лорд Валентайн, а вы знаете, что я не из тех, кто легко пугается. Вы говорите, все дело в вине?

— Так я сказал там, за дверью.

— Но я думаю, что причина не в вине.

— Делиамбер считает, что это чары колдовства.

— Но чьи? — спросила Тизана.

Валентайн посмотрел на уруна:

— Ну?

Делиамбер изобразил напряжение, которое Валентайн редко видел в маленьком существе: беспокойное свертывание и помахивание бесчисленных щупальцев, странный блеск в его больших желтых глазах, жующие движения птичьего клюва.

— Я не нахожу ответа,— сказал наконец Делиамбер.— Просто как не все сны есть послания, так не все чары кем-то напущены.

— Некоторые чары возникают сами, так? — спросил Валентайн.

— Не совсем. Но есть чары, возникающие спонтанно — изнутри, милорд, внутри кого-нибудь, образуясь в пустотах души.

— Как это понять? Что я сам на себя напустил

колдовство, Делиамбер?

Тизана произнесла мягко:

— Сны… чары… это все одно и то же, лорд Валентайн. Некоторые предчувствия становятся известными через вас. Предзнаменования проталкиваются наружу. Буря собирается, и это только ранние предвестники.

— Но если только я не рассказал вам об этом сне, я еще ничего не говорил тебе, не так ли?

— Мне кажется, вам снился хаос, милорд?

Валентайн уставился на нее:

— Как ты узнала это?

Пожав плечами, Тизана сказала:

— Потому что хаос должен прийти. Мы все признаем эту истину. В мире это незаконченное дело, и оно требует законченности.

— Формодеи, ты имеешь в виду,— пробормотал Валентайн.

— Мне не хотелось бы,— сказала старуха,— давать вам советы по существу дела…

— Избавьте меня от своей тактичности. От своих советников я жду советов, а не тактичности.

— Мое королевство — это только королевство снов,— сказала Тизана.

— Мне снился снег на Горе Замка и большое землетрясение, которое раскололо мир на части.

— Я растолкую вам этот сон, милорд.

— Как ты можешь растолковать его, когда мы не пили еще сон-вино.

— Разговоры сейчас не ко времени,— твердо сказал Делиамбер,— Коронованный имел достаточно видений для одной ночи. Ему не следует теперь пить сон-вино. Я думаю, это может подождать пока…

— Этому сну не нужно вина,— сказала Тизана.— Ребенок может растолковать его. Землетрясение? Мир разлетелся на осколки? Но вы должны готовиться к тяжелым испытаниям, милорд.

— Что ты говоришь?

Ответил Слит:

— Это предзнаменование войны, ваша светлость.

Валентайн повернулся вокруг и уставился на маленького человека.

— Война? — закричал он.— Война? Я должен снова сражаться? Я был единственным Коронованным за восемь тысяч лет, который выводил армию в бой, я должен делать это дважды?

— Наверняка вы знаете, милорд,— сказал Слит,— что война за восстановление была всего лишь прелюдией настоящей войны, которая должна произойти, войны, которая готовилась

много веков и которой, я думаю, нельзя избежать.

— Нет неизбежных войн,— заметил Валентайн.

— Вы так думаете, милорд?

Коронованный сурово посмотрел на Слита, но не ответил. Они говорили ему то, что было ему уже известно без их помощи, но он не хотел этого слышать и все же слышал, чувствуя, как ужасное беспокойство проникает в его душу.

Спустя мгновение он поднялся и начал молча бродить по комнате. В дальнем конце ее находилась громадная жуткая скульптура, сделанная из изогнутых костей морских драконов в форме сплетенных пальцев пары сжатых поднятых рук, а возможно, сцепленных клыков какой-то колоссальной демонической пасти. Долго стоял перед ней Валентайн, поглаживая блестящую отполированную кость. Незаконченное дело, так сказала Тизана. Да-да. Формодеи. Формодеи, метаморфы, пиуривары. Назовите их каким хотите именем: истинные коренные жители Маджипуры, те, у кого этот дивный мир был украден поселенцами со звезд четырнадцать тысяч лет назад. Восемь лет, размышлял Валентайн, я боролся за то, чтобы понять нужды этих людей. И я все еще ничего

не знаю.

Он повернулся и сказал:

— Когда я поднялся говорить, мои мысли были о том, что говорил прекрасный оратор Хорнкаст: Коронованный — есть весь мир и весь мир есть Коронованный. И внезапно я стал Маджипурой. Все, что происходило везде в этом мире, пронеслось через мою душу.

— Вы испытывали это прежде,— сказала Тизана.— В снах, о которых я рассказывала вам, когда вы сказали, как видели двадцать миллиардов золотых нитей, прорастающих из почвы, и вы держали их все своей правой рукой. И другой сон, когда вы широко раскинули свои руки и обняли мир, и…

— Это было другое,— сказал Валентайн.— На этот раз мир распался на куски.

— Как это?

— Буквально. Разрушился на осколки. Не осталось ничего, кроме моря темноты… в которое упал я…

— Хорнкаст говорил правду,— тихо сказала Тизана.— Вы — этот мир, ваша светлость. Темное знание находит свой путь к вам, и оно приходит по воздуху со всего окружающего вас мира. Это послание, милорд. Не самой Леди и не Короля

Снов, но всего мира.

Валентайн взглянул в сторону уруна.

— Что вы скажете на это, Делиамбер?

— Я знаю Тизану, наверное, уже пятьдесят лет, и я никогда еще не слышал глупости из ее уст.

— Тогда это означает, что война будет?

— Я думаю, что она уже началась,— ответил Делиамбер.

Хиссун не скоро простит себе, что опоздал на банкет. Его первое официальное мероприятие с тех пор, как он был введен в штат лорда Валентайна, и он не смог прибыть вовремя. Это было непростительно.

Частично в этом была вина его сестры Айлимур. Все время, пока он примерял свою новую официальную одежду, она суетилась вокруг, нервничала, поправляла ленту на плече, беспокоилась о длине и покрое его туники, находила отметки царапин на его отполированных туфлях, которые были бы незаметны любому глазу, но не ее. Ей было пятнадцать, очень трудный возраст для девушек,— любой возраст был трудным для девушек, иногда думал Хиссун… И в эти дни она стремилась распоряжаться всем, самоуверенная, захваченная простыми житейскими заботами.

Так в своей жажде добиться в нем совершен-

ства к банкету Коронованного она помогла ему опоздать. Она потратила, как ему показалось, добрых двадцать минут, пока вертела в руках эмблему его должности — маленький золотой эполет-звезду, который он должен был носить на левом плече в петле ленты. Она беспрестанно перемещала его на долю дюйма то туда, то сюда, чтобы добиться точного его расположения в середине, пока наконец не сказала:

— Все в порядке. Годится. Ну посмотри, как тебе нравится?

Она вынула свое старомодное зеркальце с ручкой, покрытой пятнами и ржавчиной, со стертой обратной стороной, и поднесла к нему. Хиссун с трудом различил свое искаженное отражение, выглядевшее совершенно незнакомым: сплошь пышность и блеск, словно он вырядился на карнавал. Костюм казался театральным, показным, нереальным. И все же он осознавал новую для себя манеру держаться и властность, просачивающиеся внутрь его души из его одежды. Как странно, думал он, что поспешная подгонка у портного в затейливой Мастерской Масок могла произвести такую мгновенную трансформацию личности — нет больше Хиссуна-ободранца, всеми гонимого уличного мальчишки, нет больше

Хиссуна — беспокойного и неуверенного молодого клерка, но есть теперь щеголь Хиссун, Хиссун-павлин, Хиссун — гордый товарищ Коронованного.

И Хиссун непунктуальный. Хотя если он поспешит, он может успеть вовремя в Большой Зал Понтифика.

Но как раз вернулась с работы его мать Элзинома, и снова маленькая задержка. Она вошла в комнату, худощавая, темноволосая, бледная и уставшая, и посмотрела на него с благоговением и удивлением, словно кто-то поймал комету и отправил ее кружиться по их мрачной квартире. Глаза матери ярко блестели, от нее исходило свечение, какого он никогда прежде не видел.

— Как чудесно ты выглядишь, Хиссун! Как восхитительно!

Он улыбнулся и повернулся кругом, чтобы продемонстрировать свое царственное убранство.

— Это просто смех, не так ли? Я выгляжу как рыцарь, только что спустившийся с Горы Замка!

— Ты выглядишь, как принц! Ты выглядишь, как Коронованный!

— О, да! Лорд Хиссун. Но для этого мне нужна горностаевая мантия и отличный зеленый камзол и, возможно, большая яркая подвеска в

форме лучистой звезды. Пока же и этого вполне достаточно, а, мать?

Они рассмеялись, и она обхватила сына, и они закружились в лихом быстром танце. Потом отпустила его и сказала:

— Но время не терпит. Ты должен быть уже на празднестве.

— Да, должен,— он направился к двери.— Как все это странно, а, мать? Обедать за одним столом с Коронованным… сидеть рядом с ним… сопровождать его в великом крестном ходе… жить на Горе Замка.

— Да, очень странно,— тихо сказала Элзинома.

Они выстроились в одну линию — Элзинома, Айлимар, его младшая сестра Мараун… и Хиссун торжественно поцеловал их, сжал их руки и отпрянул, боясь, что они помнут его одежду в попытке крепко обнять его. И он снова увидел, что они смотрят на него, как на некое божество или по меньшей мере на самого

Коронованного. Было тихо, словно он больше не принадлежал этой семье или никогда ей не принадлежал, а спустился с неба, чтобы с важным видом походить по этим мрачным комнатам. Порой он сам чувствовал себя так, будто не провел эти восемнадцать лет в нескольких комнатушках

в первом кольце Лабиринта, а действительно всегда был Хиссуном Замка, рыцарем и доверенным лицом, завсегдатаем королевского двора и знатоком всех его удовольствий.

Безумие. Сумасшествие. Ты должен всегда помнить, кто ты есть, говорил он себе, и с чего начал. Но тяжело удержаться от дум о переменах, происходящих в их жизни, об этих переменах и размышлял он, спускаясь по бесконечно закручивающейся лестнице на улицу. Так много изменилось. Когда-то он и его мать работали на улицах Лабиринта. Она выпрашивала кроны у проходящих джентри [1] для своих голодных детей, а он настойчиво предлагал туристам за полроала показать живописные чудеса подземного города. А теперь он стал юным протеже Коронованного, а она, через его новые связи,— хранительницей вин в кафе Двора Небесных Тел. Все достигнуто благодаря везению, чрезвычайному и невероятному везению.

Или это было не только везение? — думал он. Тогда, много лет назад, когда он, десятилетний, навязывал свои услуги гида тому высокому светловолосому человеку, ему действитель-

---

[1] Примечания: 1
Нетитулованное мелкопоместное дворянство.

но повезло. Незнакомец был не кто иной, как Коронованный лорд Валентайн, свергнутый и изгнанный, пытавшийся в Лабиринте завоевать поддержку Понтифика, чтобы снова занять свое место на троне.

Но само по себе это не могло к чему-то привести. Хиссун часто спрашивал себя, что в нем было такого, что понравилось лорду Валентайну и что заставило Коронованного запомнить его и найти после победы восстановления и взять с улицы работать в Архив, а теперь зачислить в самое близкое свое окружение. Возможно, его непочтительность. Его колкие замечания, его холодная небрежная манера, отсутствие благоговейного страха перед коронованными и понтификами, его способность даже в десятилетнем возрасте тщательно следить за собой, Это, должно быть, произвело впечатление на лорда Валентайна.

Эти рыцари Горы Замка, думал Хиссун, все такие вежливые, с изысканными манерами, должно быть, я показался ему более чужеродным, чем гайрог. И все же в Лабиринте полно хулиганистых мальчишек. Любой из них мог оказаться тем, кто дернул бы Коронованного за рукав. Но им оказался я. Везение? Везение.

Он вышел на маленькую пыльную площадь

у своего дома. Перед ним лежали узкие кривые улочки района Гваделумского Двора, в котором он провел большую часть своей жизни. Над ним поднимались ветхие здания давностью в тысячи лет, перекошенные от возраста, образовавшие ограничивающий частокол его мира. Под режущим глаза белым светом, слишком ярким, едва ли не потрескивающим от собственного напряжения, все кольцо Лабиринта купалось в том же неистовом свете, имевшем так мало общего со светом мягкого золотисто-зеленого солнца, чьи лучи никогда не достигали этого города. Рассыпающаяся серая кладка старых зданий, казалось, источала каменную усталость. Хиссун с удивлением подумал: замечал ли он когда-либо прежде, насколько мрачно и убого было здесь.

На площади было тесно. Немногие жители Гваделумского Двора помышляли о том, чтобы проводить свои вечера в своих тусклых маленьких квартирках, и они стекались сюда, чтобы бесцельно кружить в общем беспорядочном гулянии. И когда Хиссун в своей новой блестящей одежде пошел сквозь эту гуляющую толпу, казалось, что все, с кем когда-то был знаком, либо смотрели на него сердитым пристальным взглядом, либо давились от смеха. Он увидел

Ванимуна, который был его ровесником, а одно время почти как братом. Его маленькую сестру, стройную, с миндалевидным разрезом глаз, не такую уж и маленькую теперь. Хеулан, трех его братьев, неповоротливых, больших. Никкилона и крошечную остролицую Гизнет, и уруншу с бусинками глаз, которая продавала засахаренный корень чумбы, и вора-карманника Конфалума, и старых сестер гайроженок, о которых все думали, что они в действительности были метаморфами, чему Хиссун никогда не верил, и еще многих. Все смотрели и молча вопрошали его: зачем ты напустил на себя столько важности, Хиссун? Зачем эта помпезность, эта пышность?

Смущенный, он пересек площадь, с ужасом сознавая, что банкет уже скоро должен начаться, а ему еще нужно преодолеть огромное расстояние. И все, кого он когда-либо знал, стояли на его пути, разглядывая его.

Ванимун был первым, кто выкрикнул:

— Куда ты собрался, Хиссун? На маскарад?

— Он уезжает на Остров поиграть в гольф с Леди!

— Нет, он собирается охотиться на морских драконов с Понтификом!

— Дайте мне пройти,— тихо сказал Хиссун, по-

скольку они уже тесно сжимались вокруг него.

— Дайте ему пройти! Дайте ему пройти! — Весело повторяли они, но сами не отодвигались.

— Где ты достал эту нарядную одежду, Хиссун? — спросила Гизнет.

— Одолжил,— сказал Хеулан.

— Украл, ты хочешь сказать! — крикнул один из братьев Хеулан.

— Увидел пьяного рыцаря в переулке и раздел его догола.

— Уйдите с дороги,— сказал Хиссун, с трудом сохраняя спокойствие.— У меня важное дело.

— Важное дело! Важное дело!

— Важное дело! Важное дело!

— У него аудиенция с Понтификом.

— Понтифик собирается произвести Хиссуна в герцоги.

— Герцог Хиссун! Принц Хиссун!

— Почему не лорд Хиссун?

— Лорд Хиссун! Лорд Хиссун!

В их голосах звучала раздражающая резкость. Десять или двенадцать зевак окружили его, толкая. Чувство обиды и зависти управляло ими теперь. Его чрезмерная пышность, лента на плече, эполет, башмаки, мантия — для них это было слишком много. Заносчивость, подчеркивающая

пропасть, которая теперь возникла между ними. Еще немного, и они дернут его за тунику, потащат за ленту. Хиссун чувствовал, что начинает паниковать. Было глупо пытаться урезонить толпу, еще хуже — попытаться силой проложить себе дорогу. И, конечно, не было никакой надежды, что королевские прокторы будут патрулировать по соседству. Он мог надеяться только на себя.

Ванимун, который был ближе всех, потянулся к плечу Хиссуна, словно собираясь толкнуть его, Хиссун отпрянул, но не раньше, чем Ванимун оставил грязный след на бледно-зеленой ткани его мантии. Внезапно поразительная ярость поднялась в нем.

— Не прикасайся больше ко мне! — завопил он, сердито и отчаянно жестикулируя.— Никто не прикасайтесь ко мне!

С шутливым смехом Ванимун вцепился в него во второй раз. Хиссун быстро поймал его запястье, с сокрушительной силой дернув вниз.

— Ой! Пусти! — хрюкнул Ванимун.

Вместо этого Хиссун дернул руку Ванимуна вверх и назад, грубо повернув его кругом. Хиссун никогда не был особым бойцом — он был слишком мал и тонок для этого и предпочитал полагаться на скорость и сообразительность, но

он становился достаточно сильным, когда гнев вспыхивал в нем. Теперь он чувствовал, что дрожит с отчаянной силой. Низким напряженным голосом он сказал:

— Если я захочу, Ванимун, я сломаю ее. Я не хочу, чтобы ты или кто-либо еще прикасались ко мне.

— Ты делаешь мне больно!

— Ты не будешь больше распускать руки?

— Нельзя уж и пошутить.

Хиссун повернул руку Ванимуна вверх до упора.

— Я выдерну ее, если захочу.

— Пусти.

— Если ты будешь знать свое место.

— Хорошо. Хорошо.

Хиссун отпустил его и глубоко вздохнул. Его сердце колотилось, он взмок от пота, ему не хотелось даже думать о том, как он выглядит теперь.

Ванимун, отступив назад, угрюмо потирал запястье.

— Боится, что я испачкаю его изысканную одежду. Не хочет, чтобы на ней была грязь простых людей.

— Правильно. А теперь дай мне пройти. Я уже и так опоздал.

— На банкет к Коронованному, я полагаю.

— Именно. Я опаздываю на банкет к Коронованному.

Ванимун и другие изумленно смотрели на него. Выражения их лиц отражали нечто среднее между презрением и благоговейным трепетом. Хиссун растолкал их и зашагал через площадь.

Вечер, думал он, начался очень плохо.

Однажды в разгар лета, когда солнце висело без движения над Горой Замка, Коронованный лорд Валентайн радостно выехал на расцвеченный луг у южного крыла Замка.

Он был один, не взял с собой даже свою супругу леди Карабеллу. Члены его совета настойчиво возражали против того, чтобы он ездил без охраны, даже в пределах Замка, не говоря уже о том, чтобы подвергаться риску за растянувшейся границей королевских владений. Как только возникал этот вопрос, Элидат ударял кулаком о свою руку, а Тунигорн поднимался во весь рост, словно готовый преградить путь Валентайну своим собственным телом, а маленький Слит темнел лицом от ярости и напоминал Коронованному, что его враги однажды уже добились успеха в низвержении его и могут добиться еще раз.

— О, я буду в безопасности в любом месте на

Горе Замка!— настаивал Валентайн.

Но до сегодняшнего случая все выходило по их требованию. Безопасность Коронованного, настаивали они, важнее всего. И поэтому, когда бы лорд Валентайн ни выезжал, Элидат, Тунигорн или Стазилен всегда ехали рядом с ним, как в то время, когда они были еще мальчишками, полдюжины охранников Коронованного всегда тайно сопровождали его на почтительном расстоянии.

На этот раз Валентайну удалось ускользнуть от них. Он и сам удивлялся этому. Когда ранним утром желание прокатиться верхом пересилило осторожность, он просто отправился в конюшню в южном крыле, оседлал свою лошадь без помощи слуги, пересек до странности пустынную площадь Дизимул, мощенную зеленым булыжником, быстро проскочил под большой аркой и очутился в цветущем поле, распростершемся по обе стороны Великой Калинтанской долины. Никто не остановил, не окликнул его. Все произошло так, словно какие-то волшебные чары сделали его невидимым.

Свободен, пусть даже только на час или два! Коронованный откинул голову назад и засмеялся так, как давно уже не смеялся, похлопал лошадь и помчался по лугу так быстро, что подковы его гне-

дой едва касались мириадов цветков под ними.

О, это было неописуемо!

Он оглянулся через плечо. Фантастичная, приводящая в замешательство громада Замка позади быстро уменьшалась, хотя и была все еще огромной и на этом расстоянии, распростершись на полгоризонта. Невообразимо огромное сооружение, состоящее из сорока тысяч комнат, которое прилепилось, как гигантское чудовище, к вершине Горы. Он не мог припомнить случая с того времени, как снова занял место на троне, чтобы он хоть раз был за пределами Замка без телохранителей.

Ну, теперь он был за его пределами. Валентайн взглянул налево, где Гора Замка тридцатимильной высоты имела головокружительный спуск и увидел город развлечений — Высокий Морпин, мерцающий внизу паутинами золотистых воздушных нитей. Поехать туда вниз, провести день за играми? Почему бы нет? Он свободен. Поскакать туда и прогуляться в Саду Толингарского Барьера, наслаждаясь его цветами, звуками и ароматами, и потом вернуться с желтым цветком алабандины, заменив им кокарду? Почему бы нет? Это его день. Поехать в Фурибли ко времени кормления каменных птиц, поехать в Сти и по-

пить золотого вина на вершине Башни Тимин, поехать в Бомбифэль, Перитоль или в Банглекоду.

Его лошади, казалось, это было по силам. Она несла его без устали. Когда он приехал в Высокий Морпин, то привязал ее у Конфалюмского Фонтана, где струи окрашенной воды, тонкие, как копья, пущенные на сотни футов вверх, каким-то чудесным образом поддерживали свою неукоснительную форму. Пешком он прошагал по улицам, расцвеченным золотыми огнями, пока не пришел к зеркальному катку, где он и Вориакс так часто испытывали свое умение, будучи еще мальчишками. Но когда он вышел на сверкающий каток, никто не обратил на него внимания, будто считалось невежливым смотреть на катающегося Коронованного или будто он все еще был невидим. Это было непривычно, но он не слишком беспокоился об этом. Когда он закончил кататься, то подумал, что может перейти в силовые туннели или джаггерноты, [2] но потом решил, что приятней было бы продолжить свой путь и спустя мгновение он уже был на лошади и скакал в направлении Бомбифэля. В этом

---

[2] Примечания: 2
Любая огромная, превосходящая или разрушительная сила.

древнем и наиболее красивом из городов, где окружающие его стены из обожженного красного кирпича были увенчаны бледными башнями, элегантно сужающимися кверху, они пришли к нему однажды очень давно, когда он был один. Их было пятеро, его друзей.

Они нашли его в таверне с куполообразным сводом из оникса и блестящего гипса, и когда он поприветствовал их с удивлением и смехом, они ответили тем, что стали перед ним на колени, сделали знак лучистой звезды и крикнули:

— Валентайн! Лорд Валентайн! Здравствуй, лорд Валентайн!

Его первой мыслью было — они насмехаются над ним, поскольку он не был Королем, а только младшим братом Короля, и он знал, что никогда не станет Королем и не хотел им быть. И хотя он был человеком, которого нелегко рассердить, он рассердился тогда, подумав, что они бесцеремонно вторгаются к нему с этой жестокой чепухой. Но потом заметил, какими бледными были их лица, какими незнакомыми были их глаза, и гнев покинул его, горечь и страх поселялись в его душе. Так он узнал, что его брат Вориакс мертв, и он назван Коронованным вместо него. И теперь, десять лет спустя, в Бомбифэле, ему казалось,

что у каждого третьего мужчины, которого он встречал, было лицо Вориакса, чернобородого, краснолицего, с тяжелым взглядом. Тяжелые воспоминания причиняли ему боль, и он быстро покинул Бомбифэль.

Валентайн не останавливался больше, поскольку много еще предстояло посмотреть, много сотен миль проехать. Он продолжал свой путь, миновал один город, другой, спокойный, ничем не потревоженный, словно пролетая над ними. Снова и снова перед ним, как будто скачущим вдоль края пропасти, открывался поразительный вид распростершейся Горы, ее Пятидесяти городов, каким-то образом охватываемых одним взглядом, а также бесчисленных поселков у ее подножия, Шести Рек и широкой равнины Альханроеля, простиравшейся до далекого Внутреннего Моря — такое великолепие, такая необъятность, Маджипура! Без сомнения, это был самый прекрасный из всех миров, на которые расселилось человечество за тысячелетия перемещения со Старой Земли. И все отдано в его руки, его заботам, ответственности, от которой ему никогда не уклониться. Но по мере его продвижения неожиданная тайна начала скрестиего душу. Стало темно, похолодало, что было странно,

так как на Горе Замка климат всегда контролировался и поддерживалась вечная утешительная весна. Потом что-то похожее на холодный плевок шлепнуло его по щеке, и он поискал глазами того, кто это мог сделать, и никого не увидел, потом еще шлепок, еще: снег, наконец, понял он, несущийся на него с дыханием морозного ветра. Снег на Горе Замка? Редкий ветер? И еще хуже — земля стонала, как раненое чудовище. Его лошадь, всегда подчинявшаяся ему, теперь в страхе становилась на дыбы, издавала странное ржание, трясла своей тяжелой головой в полном смятении.

Валентайн слышал грохот отдаленного грома и совсем рядом странное потрескивание, он увидел, как гигантские трещины появляются на земле. Казалось, все дышит и пенится безумием. Землетрясение? Вся Гора раскачивалась, словно мачта корабля перед раскаленным, все сметающим на своем пути ветром. Само небо, черное и свинцовое, казалось, обрело вес.

Что это? О, добрая Леди, мать моя, что происходит на Горе Замка?

Валентайн в отчаянии прижался к взбрыкивающему, охваченному паникой животному. Весь мир, казалось, дробился, крошился, ускользал и

исчезал. Это была его задача удержать, крепко прижать к груди его огромные материки, сохранить его моря и сдержать реки, поднимавшиеся в ненасытной ярости против беспомощных городов.

И он не мог выдержать всего этого.

Для него это было слишком много. Мощные силы подбрасывали вверх целые провинции и сталкивали их с соседними. Валентайн тянулся вперед, чтобы удержать их на своих местах, сковать их железными обручами, как если бы они у него были. Но он не мог это сделать. Земля дрожала, поднималась и раскалывалась, черные тучи плыли, скрывали солнце, и он был бессилен смягчить этот вкушающий страх катаклизм. Один человек не мог связать эту огромную планету и остановить ее развал. Он позвал на помощь своих товарищей:

— Лизамона! Элидат!

Нет ответа. Он кричал снова и снова, но голос его терялся в грохоте и скрежете.

Стабильность и постоянство покинули мир. Казалось, он скачет по скользкому катку в Высоком Морпине, где нужно было плясать и подпрыгивать, чтобы устоять, когда каток поворачивало и резко дергало, но то была игра, а это был реаль-

ный хаос, мир, лишенный корней. Его бросало вниз и крутило, а он цеплялся пальцами за мягкую, податливую землю, чтобы удержаться от сползания в пропасть, образовавшуюся за ним. Из этих распахнутых расщелин доносились звуки ужасающего хохота, и было видно пурпуровое зарево, которое как бы исходило от проглоченного землей солнца. Сердитые лица проплывали в небе над ним, лица, которые он почти узнавал, но они изменялись, приводя в замешательство, глаза становились носами, носы — ушами. Потом позади этих кошмарных лиц он увидел другое, знакомое — блестящие темные волосы, мягкие теплые глаза. Леди Острова, милая мама.

— Этого достаточно,— сказала она.— Просыпайся, Валентайн!

— То есть все это сон?

— Конечно, конечно.

— Тогда я досмотрю его и узнаю из него все, что могу.

— Ты узнал достаточно, я думаю. Просыпайся.

Да. Этого было достаточно. Еще немного таких знаний, и с ним будет покончено. Как его учили, он вырвался из этого внезапного сна и сел, моргая, стараясь скрыть свою слабость и смущение. Образы титанического катаклизма все еще

отражались в его душе, но постепенно он почувствовал, что все мирно и тихо вокруг. Он лежит на богатой парчовой кушетке в комнате с высоким сводчатым потолком в зеленом и золотистом цветах. Что остановило землетрясение? Где его лошадь? Кто принес его сюда? О, они принесли. Возле него заискивающе склонился бледный, худой, светловолосый мужчина с рваным шрамом, пересекающим одну щеку во всю длину. Слит. И Тунигорн, стоящий рядом, хмурый, с тяжелыми бровями, соединившимися в единый мохнатый рубец.

— Успокойтесь. Успокойтесь. Успокойтесь,— говорил Слит.

— Теперь все в порядке. Вы проснулись.

Проснулся? То есть это сон, всего лишь сон? Он совсем не был на Горе Замка. Не было снежной бури, не было землетрясения и облаков пыли, заслоняющих солнце. Да, сон! Но такой ужасный сон. Пугающе реальный и захватывающий. Такой впечатляющий, что ему трудно было теперь вернуться в действительность.

— Где я нахожусь? — спросил Валентайн.

— В Лабиринте, ваша светлость.

Где? В Лабиринте? Ну тогда он был тайно похищен с Горы Замка, пока спал? Валентайн

почувствовал, как у него на лбу выступил пот. Лабиринт? О да, да. Реальность происходящего словно сжимала его за горло. Да, Лабиринт. Теперь он вспомнил официальный визит, в котором, слава Богу, это была последняя ночь. Тот ужасный банкет еще продолжается. Он не мог больше прятаться от него. Лабиринт, Лабиринт, проклятый Лабиринт: он был в нем, внизу, на самом последнем уровне, где со всех стен комнаты сверкали красивые фрески Замка, Горы, Пятидесяти Городов; сцены такие красивые, что казались ему теперь насмешкой. Так далеко от Горы Замка, от мягкого тепла солнца… О, как отвратительно, подумал он, очнуться от сновидений с разрушениями и катастрофой, только чтобы очутиться в самом унылом месте в мире!

В шестистах милях восточнее сверкающего чистого города Дулорна, в болотистой долине, известкой как Престимионская долина, где несколько сот семей гайрогов выращивали люсавенду и рис на широко раскинувшихся плантациях, близилось время сбора первого урожая. Блестящие, распухшие черные стручки люсавенды, почти созревшей, висели крупными гроздьями на концах изогнувшихся стеблей, росших на полях, наполовину покрытых водой.

Аксимаана Фрейж, самая опытная и практичная среди возделывателей люсавенды в Престимионской долине, ожидала этот урожай с волнением, какого она не испытывала десятилетия.

Эксперимент с добавками протопласты, который она начала три года назад под руководством правительственного сельскохозяйственного чиновника, подходил к своей кульминации. В этом сезоне она всю свою плантацию оставила под новый сорт люсавенды: и вот они, эти стручки, в два раза превышающие нормальные размеры, которые уже можно было срывать. Никто больше в долине не осмелился рисковать, пока Аксимаана Фрейж не проверила все сама. И вот все кончилось, и скоро ее успех будет подтвержден, и тогда они все поплачут, о, да! Когда она появится на рынке на неделю раньше всех с урожаем, вдвое превышающим обычный.

Когда она стояла глубоко в грязи у края своего поля, сдавливая ногтями близко расположенные стручки и пытаясь определить, как скоро можно начать сбор, один из мальчишек ее старшего сына подбежал с сообщением:

Папа просит сказать вам, что сельскохозяйственный чиновник выехал из Мазадоны! Он

уже доехал до Хелкаплода. Завтра он поскачет в Сиджанил.

— Тогда он будет в долине ко Втородню,— сказала она.— Хорошо. Прекрасно! — Ее раздвоенный язык затрепетал.— Беги, детка, назад к своему отцу, скажи ему, что у нас будет пир в честь чиновника в Моредень, и мы начнем сбор урожая в Четвородень. И я хочу, чтобы вся семья собралась в доме на плантации через полчаса. Беги теперь.

Семья Аксимааны Фрейж владела плантацией еще со времен лорда Конфалюма. Плантация имела форму неправильного треугольника и простиралась на пять миль или около того по берегу Хэвилбовской Протоки, скатывалась на юго-востоке к окрестностям Мазадонского лесного заповедника и окольными изгибами снова возвращалась к реке на севере. Внутри этой зоны Аксимаана Фрейж чувствовала себя как полноправная властительница над своими пятью сыновьями и девятью дочерьми, несчетным числом своих внуков и почти двадцатью лименами и урунами, которые работали у нее. Когда Аксимаана Фрейж говорила, что пришло время сеять, они выходили и сеяли. Когда Аксимаана Фрейж говорила, что пришло время убирать урожай, они выходили и убирали его. В большом доме на краю

рощи андродрагм обед подавали тогда, когда Аксимаана Фрейж садилась за стол, в какое бы время это ни случилось, даже время сна подчинялось указам Аксимааны Фрейж. Хотя гайроги залегали в спячку, она не могла допустить, чтобы вся семья засыпала сразу. Старший сын знал, что он не должен спать во время первых шести недель ежегодного зимнего отдыха своей матери, старшая дочь принимала командование на себя в оставшиеся шесть недель, Аксимаана назначала время сна другим членам семьи в соответствии с тем, что она считала полезным в интересах плантации. Никто никогда не оспаривал ее указаний. Даже когда она была молодой — в невозможно далекое время, когда Осиер был Понтификом, а лорд Тиверас был в Замке,— она была тем, к кому обращались все остальные, даже ее отец и супруг в трудные времена. Она пережила их обоих, как и некоторых своих отпрысков, и много Коронованных сменилось на Горе Замка, а для Аксимааны Фрейж все было по-прежнему.

Ее грубая, покрытая чешуей кожа потеряла свой блеск и имела фиолетовый оттенок, подчеркивающий ее возраст, перекрученные толстые косы поблекли и из блестящих черных стали бледно-серыми. Ее холодные немигающие глаза

затуманились, но она все еще беспрестанно двигалась в заведенном на ферме распорядке.

Ничего ценного нельзя было вырастить на ее земле, кроме риса и люсавенды, и даже это было нелегко. Дождевые бури с дальнего севера находили легкий доступ в большом Ущелье, и хотя сам город Дулорн лежал в засушливой зоне, его западная область обильно снабжалась водой, хорошо осушалась и была богатой и плодородной. Но район вокруг Престимионской долины на восточной стороне Ущелья был совсем другой местностью — влажной и болотистой, ее почва — зеленоватой навозной жижей. Соблюдая же точно время, можно было посадить рис в конце зимы, как раз перед весенним паводком и посеять люсавенду поздней весной и снова в конце осени. Никто в округе не знал периодов смены сезонов лучше, чем Аксимаана Фрейж, и только самые безрассудные земледельцы начали бы посевные работы, прежде чем станет известно, что она начала посадку.

И хотя она была властной, переполненной своим авторитетом и значимостью, Аксимаана Фрейж имела одну особенность, которую жители долины считали непостижимой: она считалась с мнением сельскохозяйственного чиновника,

будто он был источником всех знаний, а она всего лишь подмастерьем. Два или три раза в год чиновник выезжал из столицы провинции Мазадоны, совершая объезд болотистых земель, и первую остановку он всегда делал на плантации Аксимааны Фрейж. Она принимала его в большом доме, вскрывая бочонки с огненным вином и смешанными с бренди плодами нийку, посылая внуков к Хэвилбовской Протоке поймать вкусных маленьких хиктиганов, которые скользили среди быстрин; она приказывала, чтобы замороженные куски бирлака оттаивали над костром из ароматной фуэли. И когда пир заканчивался, она отводила чиновника в сторону и разговаривала с ним до поздней ночи о таких вещах, как удобрения и черенковые присадки, техника по уборке урожая, в то время как ее дочери Хейнок и Ярнок сидели рядом, записывая каждое слово.

Это было загадкой для всех, что Аксимаана Фрейж, которая, конечно, знала о люсавенде больше всех, волновалась о каждой мелочи, которую мог сказать ей маленький правительственный чиновник. Но в ее семье знали причину. У нас свои способы, и мы выросли в них, говорила она часто. Мы делаем то, что делали раньше, потому что это уже работало на нас. Мы садим наши семена,

ухаживаем за рассадой, наблюдаем созревание, убираем зерно и потом начинаем все сначала тем же самым способом. И если зерна не меньше, чем раньше, мы считаем, что наши дела идут хорошо. Но на самом деле мы терпим неудачу, если только восстанавливаем то, что было раньше. В этом мире нельзя спокойно стоять на месте: спокойно стоять на месте — значит погружаться в грязь.

Вот поэтому Аксимаана Фрейж выписывала сельскохозяйственные журналы и посылала своих внуков снова и снова обучаться в университете и самым внимательным образом слушала, что мог сказать ей чиновник из провинции. И каждый год в методику ее земледелия вносились небольшие изменения, и каждый год все больше мешков с семенами люсавенды отправлялось на рынок в Мазадоне, и блестящие рисовые кучи выше, чем когда-либо, поднимались в ее хранилищах. Поскольку всегда можно было узнать о каком-то лучшем способе работы — и Аксимаана Фрейж всегда старалась узнать о нем. Мы есть Маджипура, повторяла она снова и снова. Большие города стоят на фундаменте зерна. Без нас Ни-моя, Пидруид, Хинтор и Пилиплок стали бы пустырем. А города растут с каждым годом, поэтому мы должны больше работать, чтобы кор-

мить их, разве не так? У нас нет выбора: это воля Бога, разве не так? Она пережила пятнадцать или двадцать чиновников. Они появлялись молодыми людьми, наполненные до краев последними изобретениями, но зачастую не решались предложить их ей. Я не знаю, чему я могу научить вас, нравилось им говорить ей. Мне следует поучиться у вас, Аксимаана Фрейж! И так ей нужно было проходить одно и то же, давая им почувствовать себя свободнее, убеждая их, что она искренно интересуется новыми методами.

Ей было досадно, если старый чиновник уходил на пенсию и его место занимал какой-то юноша. По мере того, как она глубже вступала в свои старческие годы, становилось все труднее установить взаимополезные отношения с новичками, пока не проходило несколько лет. Но эта проблема отпала, когда два года назад появился Калиман Хейн. Он был молодым человеком — тридцать, сорок или пятьдесят лет, любой, кому не было семидесяти, казался молодым Аксимаане Фрейж,— с грубоватыми, бесцеремонными манерами. Он совсем не выказывал трепета перед ней и, казалось, вовсе не интересовался тем, чтобы льстить ей.

— Мне сказали, что вы та фермерша, которая

больше всего желает испытывать новое,— сказал он энергично не более, чем через десять минут после того, как они познакомились.— Что бы вы сказали о методике, которая позволяет увеличить вдвое размер зерен люсавенды без вреда для их вкуса?

— Я бы сказала, что меня дурачат,— ответила она.— Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Тем не менее такая методика существует.

— Неужели?

— Мы готовы провести ее внедрение в ограниченном эксперименте. Я знаю от своих предшественников, что вы известны своей страстью к экспериментам.

— Да, это так,— сказала Аксимаана Фрейж,— и в чем он заключается?

Это, как сказал он, подпитка протопластой, которая заключается в использовании экзимы для усвоения наружных клеток растения, чтобы дать доступ внутрь генетическому материалу.

Этот материал впоследствии подвергается усвоению, после чего клеточное вещество — протопласта — проникает в сердцевину культуры и позволяет восстановить наружные клетки. Из одной-единственной клетки можно вырастить

совершенно новое растение со значительно улучшенными характеристиками.

— Я думаю, что такие знания пропали даром для Маджипуры тысячелетия назад,— сказала Аксимаана Фрейж.

— Лорд Валентайн поддерживает возрождение интереса к древним наукам.

— Лорд Валентайн?

— Да, сам Коронованный.

— А, Коронованный! — Аксимаана Фрейж отвела взгляд. Валентайн? Валентайн? Она едва не сказала, что Коронованного зовут Вориакс, но, подумав мгновение, вспомнила, что Вориакс умер. Да, а лорд Валентайн сменил его, но, как она слышала, нечто необычное случилось с этим Валентайном… не тот ли это, который обменялся телом с другим человеком? Возможно, тот самый, но такие люди, как Коронованные, значили очень мало для Аксимааны Фрейж, которая не покидала Престимионскую долину двадцать или тридцать лет и для которой Замок Горы и его Коронованные были так далеки, что казались почти мифическими. Что занимало Аксимаану Фрейж, так это выращивание риса и люсавенды.

Императорские ботанические лаборатории, сказал ей Калиман Хейн, вывели усиленный клон

люсавенды, которая нуждалась в полевых исследованиях в нормальных фермерских условиях. Он предложил Аксимаане Фрейж сотрудничать, за что обещал не предлагать новое растение кому-либо другому в Престимионской долине, пока она не высеет его на всех своих полях.

От этого нельзя было удержаться. Она получила от него пакет удивительно больших семян люсавенды, большие блестящие зерна, такие же большие в окружности, как глаз скандара, и посадила их в дальнем уголке своей земли, где была наименьшая вероятность скрещивания с ее обычной люсавендой. Семена проросли так быстро и из них появились растения, отличавшиеся от обычных тем, что имели толщину в основе в два-три раза большую. Когда они цвели, их оборчатые пурпурные цветки были огромными и широкими, как блюдца. Из цветков образовались стручки поразительной длины, которые, созрев, дали огромное количество гигантских зерен. Аксимаана Фрейж намеревалась использовать их для осенней высадки и покрыть все поля новым сортом люсавенды, чтобы следующей зимой собрать крупное зерно. Но она не могла этого сделать, поскольку соглашалась вернуть большую часть семян Калиману Хейну для лабораторного

изучения в Мазадоне. Он оставил ей достаточно, чтобы засадить, пожалуй, пятую часть ее земли. В этом сезоне, тем не менее, ей посоветовали смешать удобренные растения с обычными, чтобы добиться взаимопроникновения. Считалось, что характеристики убранных растений будут доминировать, но это никогда не проверялось в таком большом масштабе.

Хотя Аксимаана Фрейж запретила своей семье говорить об эксперименте в Престимионской долине, было невозможно держать долго в секрете все от других фермеров. Толстокожие растения второго поколения, проросшие повсюду на ее плантации, трудно было спрятать, и так или иначе вести о том, чем занимается Аксимаана Фрейж, распространились по долине. Любопытные соседи напросились на приглашение и с удивлением смотрели на новую люсавенду.

Но они были настроены скептически. Такие растения высосут все питание из почвы за два или три года, говорили некоторые. Если она продолжит эксперимент, то она превратит свою землю в пустыню. Другие думали, что гигантские зерна люсавенды будут горькими или безвкусными в приготовленной пище. Третьи спорили, что Аксимаана Фрейж знает, что делает. Но даже

они были готовы предоставить ей право первооткрывателя.

В конце зимы она собрала свой урожай: обычные семена, которые, как обычно, были отправлены на продажу, и гигантские семена, которые были отложены в сторону для следующей посадки. Третий сезон разъяснит все, поскольку некоторые из больших семян были чистого клона, а другие, возможно, большая часть, были гибридами обычной и удобренной люсавенды. И нужно было еще посмотреть, какой сорт растений дадут гибриды.

Поздней зимой наступило время посадки риса, пока не было паводка. Когда это было сделано, на более высоких и сухих землях плантации была посеяна люсавенда, и всю весну и лето Аксимаана Фрейж наблюдала, как поднимаются толстые стебли, раскрываются огромные цветы, вытягиваются и темнеют тяжелые стручки. Время от времени она вскрывала стручок и глядела на мягкие зеленые зерна. Они были большие, без сомнения. Но их вкус? Что если они не имеют вкуса или же он отвратителен. Она рисковала всем урожаем сезона.

Ну, ответ будет готов очень скоро.

В Звездодень стало известно, что едет сель-

скохозяйственный чиновник и пребудет на плантацию, как и ожидалось, во Втородень. Но это же сообщение принесло загадочную и беспокоящую новость, поскольку этим чиновником был не Калиман Хейн, а некто по имени Еревэйн Нур. Аксимаана Фрейж не могла понять этого. Хейн был слишком молод, чтобы уйти на пенсию. И ее беспокоило также, что его не будет как раз тогда, когда эксперимент с протопластой приближался к завершению.

Еревэйн Нур оказался еще моложе, чем Хейн, и до невозможности неопытен. Он сразу начал говорить со всей обычной цветистой риторикой, какая это честь для него встретиться с ней, но она оборвала его.

— Где же тот, другой мужчина? — требовательно спросила она.

— Этого, кажется, не знает никто,— ответил Нур. Заикаясь, он объяснил, что Хейн исчез, никого не предупредив, три месяца назад и вызвал этим громадное смятение в департаменте.— Мы все еще сами разбираемся с этим. Очевидно, он был задействован в целой связке экспериментальных исследований, но мы не знаем — каких и с кем, и…

— Один из них проходит здесь,— сказала

Аксимаана Фрейж.— Испытание удобренной протопластой люсавенды в полевых условиях.

Нур простонал:

— Помилуй меня Бог, на сколько еще маленьких частных проектов Хейна я натолкнусь! Вы говорите, удобренная протопластой люсавенда?

— Вы говорите так, будто вы никогда не слышали об этом.

— Я слышал это, да. Но я не могу сказать, что много об этом знаю.

— Идите за мной,— сказала Аксимаана Фрейж и вышла, прошла мимо луж, в которых высоко стоял рис, вверх, на поля люсавенды. Раздражение прибавляло ей сил, молодой сельскохозяйственный чиновник едва поспевал за ее широким шагом. Не останавливаясь, она рассказывала ему о посеве гигантских семян, которые принес ей Хейн, высадке нового клона на ее земле, межпородном скрещивании с обычной люсавендой, поколении гибридов, созревших теперь. Еще через мгновение они достигли первых рядов люсавенды. Внезапно она остановилась в смятении и ужасе.

— Леди, сохрани нас всех,— закричала она.

— Что такое!?

— Смотрите! Смотрите!

В один миг чувство самообладания изменило ей. Совершенно неожиданно гибрид люсавенды начал выбрасывать семя за две недели или еще раньше до срока. Под неистовым летним солнцем большие стручки начали расщепляться, раскрываясь с угрожающим треском, похожим на хруст переламываемых костей. Каждый выстреливал свои большие зерна едва ли не со скоростью пуль во всех направлениях, они пролетали тридцать или сорок футов по воздуху и исчезали в густой жиже, которая покрывала затопленные поля. Этот процесс происходил безостановочно, через час все стручки полопаются и урожай будет потерян.

Но это еще было далеко не самое худшее.

Из стручков вылетали не только семена, но и мелкая коричневая пыльца, которую Аксимаана Фрейж знала слишком хорошо. Обезумев, она рванулась на поле, не обращая внимания на зерна, которые били и жалили ее увядшую кожу. Схватив стручок, который еще не раскрылся, она разорвала его, и облако пыльцы поднялось к ее лицу. Да. Да. Пыльца люсавенды! В каждом стручке содержалась по меньшей мере чашка спор, и когда стручок за стручком не выдерживали дневного зноя, коричневые споры, нависшие над

полем, становились видимым облаком, пока их не унесло легким ветерком.

Еревэйн Нур тоже понимал, что происходит.

— Зовите своих работников! — кричал он.— Это все нужно выжечь!

— Слишком поздно,— сказала Аксимаана Фрейж замогильным голосом.— Никакой надежды. Слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно. Что может сдержать теперь споры? Ее земля была инфицирована так, что ничего нельзя было поправить. А за час споры разнесет по всей долине.— С нами покончено, разве вы не видите?

— Но угольная пыльца люсавенды уже давно уничтожена! — упавшим голосом произнес Нур.

Аксимаана Фрейж кивнула. Она помнила это хорошо: огонь, опрыскивание, выведение противопыльцевых клонов, уничтожение любого растения, имевшего генетическую предрасположенность к сохранению смертельных спор. Семьдесят, восемьдесят, девяносто лет назад они работали, чтобы избавить мир от этой напасти. И вот теперь это снова, в этих гибридах. Эти растения одни во всей Маджипуре, думала она, были в состоянии обеспечить пристанище для угольной пыльцы люсавенды. Ее растения, выращенные с

такой любовью, так умело и заботливо выхоженные своими собственными руками! Она вернула миру угольную пыльцу и дала ей свободу уничтожать посевы соседей.

— Хейн! — прорычала она.— Хейн, где ты?! Что ты сделал со мной?!

Ей хотелось умереть теперь, здесь, до того как станет известно то, что должно произойти. Но она знала, что в этом ей не повезет. Ее благословили на долгие годы, и теперь это было ее проклятием. Щелканье стручков отдавалось в ней, как гром пушек наступающей армии, буйствующей в долине. Она прожила дольше на один год подумала она, достаточно долго, чтобы увидеть конец света!

Хиссун спускался все ниже по переходам и лифтам, известным ему всю жизнь, вспотевший, запыхавшийся, и вскоре захудалый мир самого крайнего кольца был далеко позади. Мимо, сменяя друг друга, проносились уровни, полные чудес и удивлений, куда он годами не заглядывал: Двор Колонн, Зал Ветров, Площадь Масок, Двор Пирамид, Двор Небесных тел, Арена, Архив. Люди приезжали сюда с Горы Замка или из Алазора, или Стоена, или даже с невообразимо далекого другого материка и ходили вокруг, удивляясь

и поражаясь, теряясь от восхищения перед мастерством, с которым создано такое причудливое архитектурное великолепие так глубоко под землей. Но для Хиссуна это был только монотонный и скучный старый Лабиринт. Для него он не имел ни привлекательности, ни загадочности: это был просто его дом.

Большая пятиугольная площадка перед входом в Архив обозначала нижний предел общедоступной зоны Лабиринта. За ней все было зарезервировано для правительственных чиновников. Хиссун прошел под большим, сверкающим зеленью экраном на стене Архива, где были перечислены все Понтифики, все Коронованные — два ряда надписей, растянувшихся вверх, до необозримых самым острым глазом высот. Где-то там вверху имена Дворна и Меликанда, Баролда и Стиамота из ушедших тысячелетий, а здесь внизу вписаны Кинникен, Осиер, Тиверас, Молибор, Вориакс и Валентайн… И на дальнем краю императорского списка Хиссун предъявил свое удостоверение пухлолицему хьерту в маске, который охранял ворота, и вошел в самое глубокое королевство Лабиринта. Мимо убежищ и нор средней бюрократии, мимо дворов высших министров, мимо тоннелей, ведущих к огромной вентиляционной

системе, от которой зависело все. Снова и снова его останавливали у проверочных пунктов и просили предъявить удостоверение. Здесь, в императорском секторе очень серьезно относились к вопросам безопасности. Где-то в этих глубинах сам Понтифик имел свое логовище — огромный сферический стеклянный шар,— как говорили, в нем сумасшедший старый монарх сидел на своем престоле среди сети механизмов жизнеобеспечения, которые сохраняли его живым за пределами его времени.

Может, они боялись, что его убьют, думал Хиссун. Если то, что он слышал, было правдой, то лишь Божье сострадание положит конец старому Понтифику и позволит бедному Тиверасу вернуться, наконец, к Истоку. Хиссун не мог понять, какая причина может существовать для поддержания такой жизни, десятилетие за десятилетием в таком сумасшествии, в такой глубокой дряхлости.

Наконец, задыхающийся и раздраженный Хиссун прибыл на порог Великого Зала — в самую сердцевину Лабиринта. Он страшно опоздал, возможно, на целый час.

Три огромных косматых скандара в форме охраны Коронованного преградили ему путь.

Хиссун, съежившийся под свирепыми высокомерными взглядами четырехруких великанов, смог перебороть свою готовность упасть на колени и просить у них пощады. Каким-то образом он собрал маленькую толику гордости и, стараясь придать своему взгляду не меньше высокомерия — нелегкая задача, когда встречаешь взгляд чудовищ в девять футов ростом — он объявил себя сотрудником администрации лорда Валентайна и приглашенным гостем. Он был наполовину уверен, что они взорвутся громким хохотом и прихлопнут его, как какое-то маленькое жужжащее насекомое. Но нет: с серьезным видом они осмотрели его эполет, сверились со своими бумагами и выразили ему любезность плавными поклонами и указали ему идти вперед в огромный, обитый медными листами дверной проход.

Наконец-то! Банкет у Коронованного!

Прямо в дверях стоял сверкающе разодетый хьерт с огромными счастливыми глазами и эксцентричными, вымазанными оранжевой краской бакенбардами, растущими на его жестком, землистого цвета лице. Этим презрительного вида индивидуалом был Виноркис, мажордом [3]

---

[3] Примечания: 3
Дворецкий, домоуправитель.

Коронованного, который кричал:

— О! Посвященный Хиссун!

— Еще не посвященный,— пытался сказать ему Хиссун, но хьерт уже повернулся кругом и, не оглядываясь, шагал по центральному проходу. Широкими шагами на онемевших ногах Хиссун последовал за ним.

Он чувствовал себя страшно неуютно. В комнате, должно быть, тысяч пять людей, сидевших за круглыми столиками по двенадцать человек или около того, и ему казалось, что все глаза остановились на нем. К своему ужасу, не сделав и двадцати шагов по комнате, он услышал, как поднимается смех, сначала приглушенный, потом более открытый, и наконец волна веселья пронеслась от одной стены Зала к другой. Он никогда еще не слышал такого обширного грохочущего звука: ему подумалось, что именно так звучит море, ударяясь о пустынный дикий берег где-нибудь на Севере.

Хьерт маршировал, не останавливаясь, и, казалось, прошел уже мили полторы, а Хиссун печально шествовал позади него сквозь этот океан веселья, желая быть ростом в полдюйма. Но через некоторое время он понял, что эти люди смеялись не над ним, а над группой акробатов-карликов,

пытавшихся с нарочитым шутовством составить пирамиду, и ему стало полегче. Потом показался высокий помост, а на нем сам лорд Валентайн, кивающий ему, улыбающийся, показывающий на свободное место неподалеку от себя. Хиссун думал, что заплачет от полнейшего облегчения. Все в конце концов вроде бы было хорошо.

— Ваша светлость! — громко и отчетливо произнес Виноркис.— Посвященный Хиссун!

Хиссун утомленно и благодарно опустился на свое место, как только новый вихрь аплодисментов акробатам, которые закончили свое представление, зазвучал в Зале. Официант протянул ему кубок, наполненный до краев искрящимся золотистым вином, и, когда он поднес его к губам, остальные за столом подняли свои кубки в знак приветствия. Вчера утром, во время короткой необыкновенной беседы с лордом Валентайном, в ходе которой Коронованный пригласил его стать членом его персонала в Замке Горы, Хиссун видел некоторых из этих людей издалека, но времени для представления и знакомства тогда не было. А теперь на самом деле они приветствовали его, его! — и называли себя. Но им не нужно было представлять себя, поскольку они были героями славной войны лорда Валентайна за восстанов-

ление. И их знали все.

Крупная женщина-воин, сидящая рядом с ним, была, конечно, Лизамона Халтин, личная телохранительница Коронованного, которая, как гласила легенда, освободила лорда Валентайна, разрезав живот морского дракона после того, как он его проглотил. А поразительно бледнокожий человечек с белыми волосами и шрамом на лице, Хиссун знал, был знаменитый Слит, наставник лорда Валентайна по жонглированию во время ссылки; мужчина с густыми бровями и пронзительным взглядом был мастер стрельбы из лука Тунигорн; а маленький урун со множеством щупальцев, должно быть, колдун Делиамбер; а этот мужчина навряд ли старше самого Хиссуна, с покрытым веснушками лицом, когда-то был пастушком Шанамиром; стройный, преисполненный достоинства хьерт, должно быть, Гранд-адмирал Азенхарт.— Да все они были известны, и Хиссун, который считал себя невосприимчивым к благоговению, почувствовал, что он испытывает трепет от того, что находится в такой компании.

Невосприимчив к благоговению? Пожалуй, да, однажды он подошел к самому лорду Валентайну и бессовестно вырвал у него половину роала за

экскурсию по Лабиринту и еще три кроны за то, чтобы найти ему комнату во внешнем кольце. Он не чувствовал тогда благоговения. Коронованные и Понтифики были просто людьми с большой властью и большим количеством денег, чем обычные люди, и они заняли место на троне благодаря везению, что родились аристократами на Горе Замка и проделали свой путь наверх также благодаря счастливой случайности. Еще немного лет назад Хиссун понял, что не нужно быть даже особенно умным, чтобы стать Коронованным.

В конце концов только в последние двадцать лет или около того лорд Молибор уехал вылавливать морских драконов и по глупости был съеден сам одним из них. Лорд Вориакс погиб также глупо от удара молнии, когда охотился в лесу, а его брат лорд Валентайн, который имел репутацию весьма умного, оказался достаточно глуп, чтобы предаваться пьяному разгулу с сыном Короля Снов. Недоброжелатели, напоив его до беспамятства, сбросили его с трона. Испытывать благоговение перед такими, как они? В Лабиринте любой семилетний ребенок, который ведет себя с небрежным отношением к собственному благополучию, считался бы безнадежным идиотом. Но Хиссун заметил, что некоторая доля его

прежней непочтительности с годами исчезла. Когда тебе всего десять и ты живешь своим умом на улице с пяти– или шестилетнего возраста, то достаточно легко показать нос властям. Но ему было уже не десять, и он не скитался уже по улицам. Его перспективы теперь были намного глубже; и он знал, что это немало — быть Коронованным Маджипуры. Поэтому, когда Хиссун смотрел на этого широкоплечего, златовласого мужчину, казавшегося одновременно и властным, и мягким, который носил зеленый камзол и парчовый халат второго по значению поста в мире, и когда он принял во внимание, что этот человек, сидящий в десяти футах от него, был Коронованный Валентайн, который выбрал его со всей Маджипуры, чтобы соединить с этой группой, он чувствовал, как что-то похожее на дрожь пробегает по его спине, и признавался наконец себе, что эта дрожь была не чем иным, как благоговейным трепетом перед службой королевства, перед личностью лорда Валентайна, а также загадочной цепью случайностей, которые привели простого мальчика из Лабиринта в эту августейшую компанию.

Он отхлебнул вина и почувствовал, как ощущение тепла расползается внутри его. Что значили

прежние беспокойства этого вечера? Он был теперь здесь, и его хорошо принимали. Пусть Ванимун, Хеулан и Гизнет изгложут свои сердца от зависти. Он был здесь, среди великих, начинающий свое восхождение к вершине мира, и скоро он достигнет высот, с которых Ванимуны его детства будут совсем не видны.

Хотя порой ощущение благополучия совершенно покидало его, и он обнаруживал, что снова скатывался в смятение и тревогу.

Первое, что произошло не так, было не более чем мелкая ошибка, нелепая, но простительная, вряд ли в ней вообще его вина. Слит заметил, как служащие Понтифика выражали явную тревогу, когда смотрели в сторону стола Коронованного, попросту они страшно боялись, что лорд Валентайн чувствует себя недостаточно хорошо. И Хиссун, сияющий от вина и счастья, славы, что он, наконец, присутствует на банкете, быстро и необдуманно выкрикнул, что им следует беспокоиться. Они знают, что им лучше произвести хорошее впечатление, или они окажутся за бортом, когда лорд Валентайн станет Понтификом!

Все за столом замерли в изумлении. Все смотрели на него, как будто он произнес какое-то чудовищное богохульство, все, кроме Короно-

ванного, который поджал губы, как это делают, когда неожиданно находят жабу я тарелке супа, и отвернулся в сторону.

— Я сказал что-нибудь не так? — спросил Хиссун.

— Тише! — неистово прошипела Лизамона Халтин, и огромная амазонка поспешно подтолкнула его под, ребро.

— Но разве не правда, что однажды лорд Валентайн будет Понтификом? И когда это случится, разве ему не захочется собрать штат по своему усмотрению?

Лизамона подтолкнула его снова, да так решительно, что едва не столкнула с места. Слит воинственно смотрел на него, а Шанамир сказал резким голосом:

— Достаточно! Вы делаете только хуже для себя.

Хиссун покачал головой. Со следами гнева, скрываемого под смущением, он сказал:

— Я не понимаю.

— Я объясню вам это позже,— сказал Шанамир.

Упрямо Хиссун продолжал:

— Но что я сделал? Сказал, что лорд Валентайн однажды станет Понтификом и…

Замороженным голосом Шанамир оборвал его:

— Лорд Валентайн не желает обдумывать необходимость становиться Понтификом теперь. Он особенно не желает обдумывать это во время ужина. Это то, о чем не говорят в его присутствии. Теперь вы понимаете? Понимаете?

— О! Теперь я понимаю,— сказал Хиссун печально. В своем позоре ему захотелось залезть под стол и спрятаться. Но откуда ему было знать, что Коронованный так повышенно чувствителен к тому, что однажды станет Понтификом. Только этого следовало ожидать, не так ли? Когда Понтифик умирает, Коронованный автоматически занимает его место и назначает нового Коронованного, а сам в итоге переходит жить в Лабиринт. Такой была система — таким образом это продолжалось тысячи лет. Если лорду Валентайну так сильно не нравилась идея быть Понтификом, ему было лучше не становиться Коронованным; не было пользы в том, чтобы закрывать глаза на закон последовательности перехода в надежде, что он его не коснется.

Хотя сам Коронованный сохранял холодное молчание, величайший вред, конечно, уже был нанесен, Опоздать, а потом сказать такую нелепость, едва раскрыв рот,— какое ужасное начало.

Может ли это когда-нибудь забыться? Хиссун размышлял об этом с грустью на протяжении всего представления жонглеров и во время невыносимо скучных речей, которые последовали за этим, и, возможно, он мучился бы этим весь вечер, если бы не произошло нечто намного худшее.

Была очередь лорда Валентайна произнести речь. Но Коронованный выглядел странно отдаленным и озабоченным, когда поднялся на ноги. Он был словно во сне — взгляд отсутствующий и туманный, жесты неуверенные. За высоким столом люди начали шептаться. После ужасной паузы молчания он начал говорить. Но, несомненно, он говорил не то и, кроме того, очень путанно. Может, Коронованный был болен? Или пьян? Или под влиянием каких-то неожиданных враждебных чар? Хиссуна беспокоило то, что он видит лорда Валентайна таким сбитым с толку. Старый Хорнкаст только что закончил свою речь словами, что Коронованный не только управлял Маджипурой, но в каком-то смысле сам был Маджипурой, и вот спустя мгновение все видят другого Коронованного — трясущегося, несообразного, едва держащегося на ногах.

Кому-то нужно взять его под руку, подумал Хиссун, и помочь ему сесть, пока он не упал. Но

никто не двинулся, никто не посмел. Пожалуйста, беззвучно молил Хиссун, глядя на Слита, на Тунигорна, на Эрманара. Задержите его кто-нибудь. Задержите его. Но по-прежнему никто не двигался.

— Ваша светлость,— закричал хриплый голос.

Хиссун понял, что это был его голос. И он рванулся вперед, чтобы подхватить Коронованного, когда он падал головой вперед на отсвечивающий деревянный пол.

Вот сон Понтифика Тивераса.

В этом царстве, где я обитаю теперь, ничто не имеет цвета и ничто не имеет звука, и ничто не имеет движения. Цветы алабандины черные, сверкающие ветви семотановых деревьев — белые, а от птицы, которая не летает, исходит песня, которую нельзя услышать. Я лежу на постели из мягкого нежного мха, уставившись вверх на капли дождя, которые не падают. Когда на поляне дует ветер, ни один листочек не шевельнется. Название этого царства — смерть, и алабандины, и семотаны мертвы, и птица мертва, и ветер, и дождь мертвы. И я тоже мертв.

Они пришли, стали возле меня и говорят:

— Ты — Тиверас, который был Коронованным Маджипуры и Понтификом Маджипуры?

— И я говорю:

— Я мертв.

— Ты — Тиверас? — снова спрашивают они.

И я говорю:

— Я мертвый Тиверас, который был вашим королем и вашим императором. Видите, у меня нет цвета? Видите, я не произношу звука? Я мертв.

— Ты не мертв.

— Здесь по правую руку от меня лорд Молибор, который был моим первым Коронованным. Он мертв или нет? Здесь по левую руку лорд Вориакс, который был моим вторым Коронованным. Разве он не мертв? Я лежу между двух мертвецов. Я тоже мертвец.

— Давай вставай и иди, Тиверас, который был Коронованным, Тиверас, который есть Понтифик.

— Мне не нужно делать этого. У меня есть оправдание. Я — мертвец.

— Слушай наши голоса.

— Ваши голоса не производят звука.

— Слушай, Тиверас, слушай, слушай, слушай!

— Алабандины черные. Небо белое. Это царство смерти.

— Давай вставай, иди, император Маджипуры.

— Кто вы?

— Валентайн — твой третий Коронованный.

— Я приветствую тебя, Валентайн, Понтифик Маджипуры!

— Этот титул еще не мой. Давай вставай и иди.

А я говорю:

— Этого не требуется от меня, поскольку я мертв.

Но они говорят:

— Мы не слышим тебя, король, который был, император, который есть.

Потом голос, который назвался голосом Валентайна, говорит мне еще раз:

— Давай вставай, иди,— и рука Валентайна на моей руке в этом царстве, где ничто не движется, и она тянет меня вверх, и я лечу, легкий, как воздух; плывущий по воздуху, я поддаюсь, двигаясь без движения, дыша, но без дыхания. Вместе мы пересекаем мост, который изогнулся, как радуга, через пропасть, столь же глубокую, сколь широк мир, и его сверкающее металлическое покрытие звенит, словно песня молоденьких девушек, с каждым моим шагом по нему. На далекой стороне все залито цветом: янтарный, бирюзовый, коралловый, изумрудный, золотистый, малиновый, фиолетовый. Купол неба зеленый, а яркие лучи солнца, пронзающие воздух,— бронзовые.

Все течет, все вздымается, нет прочности, нет постоянства. Голоса говорят — это жизнь, Тиверас! Это твое истинное царство. Я не отвечаю им, поскольку в конечном счете я мертв и только вижу сон, что жив, но я начинаю плакать, и мои слезы имеют цвет звезд.

А это тоже сон Понтифика Тивераса.

Я восседаю на троне на одной машине внутри другой машины, а вокруг меня стена из голубого стекла. Я слышу булькающие звуки и слабое тиканье замысловатого механизма. Мое сердце бьется медленно, я осознаю каждый тяжелый прилив жидкости в его полости, но эта жидкость, мне кажется, не кровь, хотя, чтобы это ни было, это движется во мне и я осознаю ее, следовательно, я, должно быть, жив. Как это может быть? Я такой старый, что, наверно, пережил саму смерть? Я Тиверас, который был Коронованным у Осиера, и однажды я прикоснулся к руке лорда Кинникена, когда Замок был его, а Осиер был только принцем. А второй Понтифик — Тимин — был в Лабиринте. Если это так то, думаю, я единственный человек времен Тимина, который еще жив, если я жив, а я думаю, что я жив. Но я сплю. Я вижу сон. Великое спокойствие окутывает меня. Цвета просачиваются из мира. Все черное, все белое, ничто не

движется, нет звуков. Так я представляю себе царство смерти. Смотрите. Вот Понтифик Конфалюм, а там Престимион и Деккерет! Все великие императоры лежат, уставившись вверх на дождь, который не падает, и словами без звука они говорят: добро пожаловать, Тиверас, который был, добро пожаловать, уставший старый король, ложись рядом с нами теперь, когда ты мертв, как и мы. Да. Да. О! Как здесь прекрасно! Посмотри, там лорд Молибор, этот человек из города Бомбифэля, на которого я сильно надеялся и так напрасно, и он мертв, а это лорд Вориакс, с черной бородой и красными щеками, но теперь его щеки не красные. И мне наконец дозволено присоединиться к ним. Все тихо. Все спокойно. Наконец, наконец, наконец! Наконец они позволили мне умереть, даже если это мне только снится.

Итак, Понтифик Тиверас плывет на полпути между мирами, не живой и не мертвый, мечтающий о мире живых, когда он думает, что он мертв, и мечтающий о царстве смерти, когда он вспоминает, что жив.

— Немного вина, с вашего позволения,— сказал Валентайн. Слит подал ему кубок, и Коронованный сделал глубокий глоток.— Я только задремал,— пробормотал он.— Немного вздрем-

нул перед банкетом и этот сон, Слит! Этот сон. Позови мне Тизану. Позовете? Я хочу, чтобы она растолковала этот сон.

— При всем уважении к вам, ваша светлость, сейчас для этого нет времени,— сказал Слит.

— Мы пришли за вами,— вставил Тунигорн,— банкет вот-вот начнется. Протокол требует, чтобы вы находились на помосте, когда представители Понтифика…

— Протокол! Протокол! Этот сон был посланием, разве вы не понимаете? Такое видение разрушения…

— Коронованный не получает посланий, ваша светлость,— спокойно сказал Слит,— а банкет скоро начнется, и мы должны одеть вас и перевезти. Тизана и ее зелье будут у вас после, если хотите, милорд. Но теперь…

— Я должен выяснить этот сон!

— Я понимаю. Но у вас мало времени. Идемте, милорд.

Он знал, что Слит и Тунигорн правы: нравится это или нет, он должен быть сейчас на банкете. Это было больше, чем просто общественное мероприятие. Это был ритуал вежливости — оказание чести старшим монархом молодому королю, который был его приемным сыном и помазанным

наследником. И пусть даже Понтифик мог быть дряхлым или совершенно безумным, Коронованный не имел права легкомысленно отнестись к этому событию. Он должен идти, а сон должен подождать. Сон такой богатый, изобилующий предзнаменованиями, не мог быть оставлен так просто, он нуждался в толковании, а может быть, даже в совещании с колдуном Делиамбером, но на все это будет время после.

— Пойдемте, ваша светлость,— снова сказал Слит, протягивая ему парчовый халат.

Тяжелые чары этого видения все еще не отпускали дух Валентайна, когда он десять минут спустя вошел в Большой Зал Понтифика.

Но Коронованному Маджипуры не следовало выглядеть угрюмым или озабоченным на таком событии, и потому он надел на лицо маску величайшей любезности, какую он только мог изобразить, пока шел к главному столу. Хотя в действительности он вел себя таким образом всю нескончаемую неделю этого официального визита: вымученная улыбка, замученная дружественность. Из всех городов Маджипуры меньше всего лорд Валентайн любил Лабиринт. Это было печальное, подавляюще действовавшее на него место, куда он приезжал только в случае крайней

необходимости. Он чувствовал себя живо и бодро под теплым летним солнцем и неохватным куполом неба, скача по лесу, богато убранному листвой, когда свежий чистый ветер раскидывает его золотистые волосы. А этот неприветливый, врытый в землю город угнетал его. Он не выносил его гнетущие, спускающиеся кольца, неопределенность сумрачных подземных уровней, его атмосферу, вселяющую боязнь замкнутого пространства.

Но больше всего он не выносил осознания неизбежной судьбы, которая ожидала его здесь, где он должен был наследовать, наконец, титул Понтифика и отказаться от радостей благодатной жизни на Горе Замка, прожив остаток своих дней в этой мрачной живой могиле.

Сегодняшний этот банкет в Большом Зале на самом глубоком уровне мрачного подземного города — как он страшился этого. Ужасный сам по себе зал, острые выступы, мерцающий свет, таинственные отблески и помпезные чиновники свиты

Понтифика в своих нелепых традиционных масках, и пустопорожние речи, и скука, но более всего гнетущий дух всего Лабиринта, давящего на него, как огромная каменная глыба. Одна мысль

об этом наполняла его ужасом. Возможно, тот скверный сон, думал он, был не более чем предзнаменованием тревоги, которую он испытывал по поводу того, что должен выдержать сегодня вечером. Но, к своему удивлению, он чувствовал раскрепощенность, расслабленность — хоть и не всецело наслаждался банкетом, но по меньшей мере находил его вполне сносным.

Они переделали зал. И это удалось. Сверкающие золотисто-зеленые знамена, цвета эмблемы Коронованного, были развешаны повсюду, сглаживая и маскируя полные дурных предчувствий силуэты огромной комнаты. Освещение также подверглось переменам со времени его последнего визита: мягкие потоки света приятно оживляли атмосферу. И, очевидно, чиновники Понтифика не пожалели ни денег, ни усилий, чтобы сделать событие праздничным. Из легендарных винных погребов Понтифика доставили удивительную коллекцию лучших вин планеты: золотистое искрящееся вино Пидруида и белое сухое Амблеморна, розовое, изысканное Нимои, крепкое пурпурное вино с тонким букетом Мальдемара, приготовленное во время правления лорда Молибора. И с каждой маркой вина, конечно, соответствующий деликатес: мороже-

ная токка, копченый морской дракон, калимбо по-нарабальски, жареное филе билантуна. И нескончаемый поток развлечений: певцы, мимы, арфисты, жонглеры. Время от времени один из приспешников Понтифика беспокойно посматривал на высокий стол, где сидел лорд Валентайн и его свита, как будто оценивая — достаточно ли этого? Довольна ли ваша светлость? И Валентайн отвечал на каждый из этих беспокойных взглядов теплой улыбкой, дружеским кивком, поднятием своего кубка с вином, как бы говоря своим суетливым хозяевам: да, да, мне очень приятно все, что вы делаете для нас.

— Какие они все законченные шакалята,— кричал Слит.— Пот их беспокойства ощущаешь за шесть столов.

Что вызвало глупое и резкое замечание молодого Хиссуна о том, что, похоже, они стараются снискать благосклонность лорда Валентайна, думая о дне, когда он станет Понтификом. Неожиданная бестактность ужалила Валентайна, словно удар кнута, и он отвернулся, сердце забилось учащенно, в горле пересохло. Он заставил себя оставаться спокойным: улыбался через столы главному представителю Хорнкасту, кивнул управителю Понтифика, лучезарно улыбнулся

тому и другому, слыша, как за его спиной Шанамир сердито разъясняет Хиссуну сущность совершенного им промаха.

Через мгновение гнев Валентайна угас. Откуда, в конце концов, было знать парню, что было запретной темой обсуждения. Но ничего нельзя было сделать, чтобы положить конец очевидному унизительному положению Хиссуна, поэтому он снова легко втянулся в беседу, словно ничего плохого не случилось.

Потом появились пятеро жонглеров, трое людей, скандар и хьерт с тем, чтобы вызвать блаженное расположение. Они начали дикое бешеное жонглирование факелами, серпами, ножами, что принесло одобрение и аплодисменты Коронованного. Конечно, они были всего лить дешевыми третьесортными жонглерами, чьи изъяны, недостатки и заурядность были очевидны для опытного глаза Валентайна. Не в этом суть: жонглеры всегда доставляли ему наслаждение. Они вызывали в его памяти то необыкновенное и благодатное время, когда он сам был жонглером, переезжая из города в город с бродячей труппой. Он был тогда невинным, не тронутым бременем власти, истинно счастливым человеком. Оживление Валентайна при

появлении жонглеров вызвало раздражение Слита, который произнес с кислой миной:

— О, ваша светлость, вы действительно считаете, что они так хороши?

— Они проявляют большое усердие, Слит.

— Как и скот, который рыщет в поисках кормов в засуху. Но это все же скот. А эти ваши усердные жонглеры немного больше, чем любители, милорд.

— О, Слит, Слит, прояви немного милосердия!

— В этом искусстве есть определенный эталон, милорд. Как вы должны еще помнить.

Валентайн фыркнул:

— Радость, которую эти люди дают мне, мало касается их умения, Слит. Встреча с ними будит во мне воспоминания о других днях, более простой жизни, давних друзьях.

— Ну, тогда,— сказал Слит,— это другое дело, милорд. Это сантименты, а я говорю о мастерстве.

— Ну, значит, мы говорим о разных вещах.

Жонглеры покинули сцену в суматохе яростных подкидываний и неумелых подхватов. Валентайн отклонился назад, улыбающийся, довольный. Но веселье окончено, подумал он. Теперь время для речей. И даже это оказалось вполне пере-

носимым. Первым выступил Шинаам, министр внутренних дел Понтифика, мужчина гайрогской расы со сверкающей змеиной чешуей и дрожащим раздвоенным красным языком. Утонченно и быстро он передал официальное приветствие Валентайну и его окружению.

Адъютант Эрманар произнес ответную речь от имени Коронованного. Когда он закончил, настала очередь древнего сморщенного Дилифона, старого секретаря Понтифика, который передал личное приветствие высокого монарха. Валентайн знал, что это было не более чем обманом, поскольку все знали, что старый Тиверас не произносил ни одного разумного слова уже около десятилетия. Но он вежливо принял дрожащие фабрикации и отправил Тунигорна с ответной речью.

Потом говорил Хорнкаст — главный представитель Понтификата, упитанный, торжественный, подлинный правитель Лабиринта в годы дряхлости Понтифика Тивераса. Его тема, объявил он, великий крестный ход. Валентайн сразу обратился во внимание: поскольку за прошедший год он мало о чем думал, кроме крестного хода, этого великозначимого церемониального шествия, в котором Коронованный должен идти вперед по

Маджипуре и показать себя народу, и завоевать его уважение, его преданность, его любовь.

— Некоторым это может показаться,— сказал Хорнкаст,— всего лишь увеселительной прогулкой, обыденным и бессмысленным отдыхом от обязанностей службы. Не так! Не так! Поскольку личность Коронованного — реальная физическая личность, не знамя, не флаг, не портрет,— связывает все отдаленные провинции мира в единой преданности. И только благодаря периодическим контактам с действительным присутствием этой королевской личности эта единая преданность возобновляется.

Валентайн нахмурился и отвернулся. В голове его возникла внезапно беспокоящая картина: ландшафт Маджипуры, расколотый и приведенный в расстройство, и одинокий человек, отчаянно борющийся с разбитой на осколки землей, пытающийся соединить их.

— Поскольку Коронованный,— продолжал Хорнкаст,— есть воплощение Маджипуры, Коронованный — это олицетворенная Маджипура. Он есть мир, а мир есть Коронованный. И потому, когда он предпринимает великий крестный ход, как вы, лорд Валентайн, пройдете впервые со времени своего славного восстановления, он не

просто входит в мир, он входит в себя в обозрение своей собственной души, на встречу с самыми глубокими корнями своей личности…

Так ли это? Конечно. Конечно. Хорнкаст, он знал, просто извергал стандартную риторику, ораторский шум того сорта, который Валентайн должен был терпеть слишком часто. И все же на этот раз слова, казалось, привели в нем что-то в действие, открыли какой-то большой темный туннель таинственного. Тот сон — резкий ветер, пронизывающий Горный Замок, стоны земли, потрескавшийся ландшафт — Коронованный есть воплощение Маджипуры… он есть мир…

Однажды уже в его правление это единство было нарушено, когда Валентайн, предательски отброшенный от власти, лишенный памяти, даже собственного тела, был отправлен в ссылку. Случится ли это снова? Второе свержение, второе падение. Или что-то еще более страшное и неминуемое, намного более серьезное, чем судьба одного человека.

Он ощутил знакомый вкус страха. Банкет или нет, Валентайн знал, что немедленно должен получить толкование сна. Какое-то печальное известие рвалось пробиться через его беспечность, вне всякого сомнения. Что-то было не так

в Коронованном — или все равно было сказать, что-то было не так в мире…

— Милорд? — Это был Отифон Делиамбер. Маленький урунский колдун сказал: — Пора, милорд, предложить заключительный тост.

— Что? Когда?

— Сейчас, милорд.

— О, действительно,— неуверенно сказал Валентайн.— Заключительный тост, да.

Он поднялся и взглядом окинул огромный зал, проникая в его наиболее затененные уголки. Неожиданное беспокойство возникло в нем, когда он понял, что совсем не готов. Он мало представлял себе, что ему нужно сказать, и кому он должен это адресовать, и что вообще он здесь делает. Лабиринт? Действительно ли это Лабиринт, это отвратительное место теней и плесени? Зачем он здесь? Что ждут от него эти люди? Возможно, это всего лишь еще один сон, и он никогда не покидал Горного Замка. Он не знал. Он ничего не понимал.

Что-то придет, думал он. Мне только нужно подождать. Но он ждал и ничто не приходило, кроме углубляющегося беспокойства. Он почувствовал, как пульс забился в висках, давление нарастало в ушах, Потом он испытал странное чувство, что

он здесь, в Лабиринте, занимает место в самом центре мира, сердце всего гигантского шара. Но какая-то непреодолимая сила тащила его с этого места. Его душа оторвалась от него, словно она была огромной мантией света, стремящейся вверх через многие кольца Лабиринта на поверхность, а потом еще дальше, охватывая всю необъятность Маджипуры, даже далекие берега Зимроеля, почерневший от солнца Сувраель и неизведанные глубины Великого океана на дальнем краю планеты. Он окутывал мир, как светящаяся вуаль. В этот головокружительный миг он чувствовал, что составляет с планетой одно, что он воплотил в себе двадцать миллиардов населения Маджипуры, людей и скандаров, и хьертов, и метаморфов, и всех остальных, движущихся в нем, как тельца его крови. Он был везде и сразу: он был всей печалью мира, и всей радостью, и всей тоской, и всеми потребностями. Он был всем. Он был кипящей вселенной противоречий и конфликтов. Он чувствовал зной пустыни и теплый дождь тропиков, и холод высоких вершин. Он смеялся и плакал, умирал и любил, и ел, и пил, и танцевал, и сражался, и скакал по незнакомым холмам, и работал в поле, и прорубал дорогу в густых непроходимых джунглях. В океане его

души огромные морские драконы всплывали на поверхность, издавая чудовищное рычание и погружаясь снова на самые глубины. Лица без глаз зависали перед ним, подкрадываясь. Костлявые, истощенные руки размахивали в воздухе. Хоры пели нестройные псалмы. Все сразу, сразу, сразу, ужасная сумасшедшая одновременность.

Он стоял в тишине, сбитый с толку, потерянный, а комната вихрем кружилась вокруг него.

— Предложите тост, ваша светлость,— Делиамбер, казалось, повторял снова и снова.— Сначала за Понтифика, а потом за его помощников, и потом…

Контролируй себя, думал Валентайн. Ты Коронованный Маджипуры.

Отчаянным усилием он высвободил себя из этой нелепой галлюцинации.

— Тост за Понтифика, ваша светлость…

— Да. Да. Я знаю.

Призраки воображения все еще преследовали его. Костлявые пальцы привидений дергали его. Он силился освободиться. Контроль. Контроль. Контроль. Он чувствовал себя совершенно потерянным.

— Тост, ваша светлость!

Тост? Тост? Что это? Церемония. Его Обяза-

тельство — Коронованный Маджипуры. Да. Он должен говорить. Он должен что-то сказать этим людям.

— Друзья…— начал он. И потом головокружительное падение в хаос.

— Коронованный хочет видеть вас,— сказал Шанамир.

Хиссун посмотрел вверх, испуганный. Последние полтора часа он напряженно ожидал в темном вестибюле с колоннами и выпуклым потолком с нелепым орнаментом, думая о том, что происходит за закрытыми дверями покоев лорда Валентайна и сколько времени ему еще здесь находиться. Было уже далеко за полночь, и через каких-то десять часов Коронованный и его свита должны будут отправиться из Лабиринта в следующий этап великого крестного хода, если только странные события этого вечера не изменили этот план. Хиссуну же нужно было проделать весь путь до внешнего кольца, собрать свои вещи, попрощаться с матерью и сестрами и успеть назад вовремя, чтобы присоединиться к отправляющейся группе, да еще немного поспать. Все были в смятении.

После удара, случившегося с Коронованным, после того, как лорда Валентайна унесли в его

покои и банкетный зал был очищен, Хиссун и некоторые другие члены окружения Коронованного собрались в этой серой комнате поблизости. Через некоторое время стало известно, что лорд Валентайн быстро поправляется и им всем следует ждать дальнейших указаний. Потом одного за другим их вызывали к Коронованному — первым Тунигорна, потом Эрманара, Шанамира и остальных, пока Хиссун не остался один с несколькими членами охраны Коронованного и второстепенными лицами его свиты. Он не испытывал желания спросить у кого-либо из этих подчиненных, какое могло быть для него подходящее дело, он не мог уйти и поэтому продолжал ждать.

Он закрыл глаза, когда они начали болеть от напряжения, но не спал. Единственное видение беспрестанно крутилось в его голове: падающий Коронованный и он с Лизамоной Халтин, вскочившие со своих мест одновременно, чтобы подхватить его. Он был не в состоянии выкинуть из головы ужас этой внезапной поразительной кульминации банкета: Коронованный, погруженный в свои мысли, жалостный, ищущий слова и не находящий их, колеблющийся, качающийся и падающий…

Конечно, Коронованный мог напиться и глупо

вести себя, как и любой другой. Одна из многих вещей, которым научили Хиссуна его потайные исследования по чтению мыслей в Реестре Душ во время работы в Архиве, было то, что ничего сверхчеловеческого не было в людях, носивших корону с лучистой звездой. Так что вполне возможно, что в этот вечер лорд Валентайн, которому, казалось, так сильно не нравилось находиться в Лабиринте, позволил свободно льющемуся вину ослабить это впечатление. А когда настала его очередь говорить, он был попросту невменяем.

Но все-таки Хиссун сомневался, что это вино сбило с толку Коронованного, хотя лорд Валентайн сказал это сам. Он внимательно наблюдал за Коронованным во время произнесения речей, и он совсем не казался пьяным, а только общительным, веселым, расслабленным. И после, когда маленький урунский колдун вывел его из обморока, дотронувшись до него своими щупальцами, Коронованный казался немного потрясенным, каким мог быть любой; упавший в обморок, но тем не менее вполне трезвомыслящим, Никто не мог бы протрезветь так быстро. Нет, думал Хиссун, скорее это было что-то другое, а не опьянение, какая-то магия, глубокое проникновение, которое охватило дух лорда Валентайна именно

в это мгновение. И это вселяло страх.

Он поднялся и прошел по извилистому коридору к палатам Коронованного. Когда он приблизился к двери с замысловатым узором, сверкающей золотистыми россыпями звезд и королевской монограммой, она открылась, и вышли Тунигорн и Эрманар, хмурые, с перекошенными лицами. Они кивнули ему, и Тунигорн быстрым движением пальца приказал охранникам у двери впустить его.

Лорд Валентайн сидел за широким столом из редкого, гладко отполированного дерева кровавого цвета. Большие руки Коронованного с крупными суставами лежали поверх стола, словно он поддерживал себя таким образом. Лицо его было бледным, взгляд, казалось, с трудом концентрировался, а плечи были опущены.

— Милорд,— неуверенно начал Хиссун и, запнувшись, замолчал. Он оставался в дверном проеме, чувствуя неловкость, неуместность, обостренное неудобство. Лорд Валентайн, казалось, не замечал его. Старая толковательница снов Тизана была в комнате, также Слит и урун, но никто не произнес ни слова. Хиссун был озадачен. Он совсем не знал, как по этикету следует обратиться к усталому, а возможно, больному

Коронованному. Наверное, полагалось выразить свое доброе сочувствие или притвориться, что монарх находится в отличной форме. Хиссун сделал символический жест лучистой звезды и, не получив ответа, сделал его снова. Он чувствовал, как горят его щеки.

Хиссун попытался обрести хоть малую толику былой юношеской самоуверенности и не сумел. Странно, но ему казалось — тем труднее обрести легкость в присутствии лорда Валентайна, чем чаще он видел Коронованного. Это было трудно понять.

Слит пришел ему на помощь, громко сказав:

— Милорд, это Посвященный Хиссун.

Коронованный поднял голову и посмотрел на Хиссуна. Степень усталости, которую обнажили его неподвижные, остекленевшие глаза, внушала ужас, и все же, пока Хиссун смотрел в изумлении, лорд Валентайн вывел себя из состояния изнеможения, как это делает человек, хватающийся за виноградную лозу, свалившись с края обрыва, чтобы вытащить себя в безопасное место. Было удивительно видеть, как краска возвращается к его лицу, придавая живость его выражению. Ему удалось напустить на себя какую-то величавость, властность. Хиссун подумал, что, должно быть,

это какая-то хитрость, которым их учат в Горном Замке, когда готовят стать Коронованными.

— Подойди ближе,— сказал лорд Валентайн.

Хиссун сделал пару шагов в глубь комнаты.

— Ты боишься меня?

— Милорд…

— Я не могу позволить тебе тратить время на страхи, Хиссун. Мне слишком много нужно сделать. Также и тебе. Однажды я поверил, что ты абсолютно не испытываешь страха ко мне. Я ошибся?

— Милорд, это только потому, что вы выглядите уставшим… и я сам устал, я полагаю… эта ночь была слишком странной для меня, для вас, для всех…

Коронованный кивнул:

— Ночь полна странностей, да. Уже утро? Я никогда не знаю времени, когда нахожусь здесь.

— Немного за полночь, милорд.

— Только немного за полночь? Я думал, что уже почти утро. Какая длинная ночь! — лорд Валентайн тихо рассмеялся.— В Лабиринте всегда немного за полночь, не так ли, Хиссун? Ей-Богу, если бы ты мог знать, как мне хочется снова увидеть солнце!

— Милорд…— вежливо пробормотал Делиам-

бер.— Действительно становится поздно, и нам еще предстоит сделать много…

— В самом деле.— На короткое мгновение глаза Коронованного снова остекленели. Потом, оправившись еще раз, он сказал:

— Тогда к делу, первый пункт которого — моя благодарность. Я мог бы здорово пострадать, если бы ты не подхватил меня. Ты, должно быть, был на пути ко мне, прежде чем я начал падать, а? Это было так заметно, что я собирался упасть?

Немного покраснев, Хиссун ответил:

— Да, ваша светлость. По меньшей мере мне.

— О!

— Но, может быть, я наблюдал за вами пристальнее, чем другие.

— Да. Я бы сказал, что ты мог.

— Я надеюсь, ваша светлость не слишком страдает от болезненных последствий?..

Слабая улыбка появилась на губах Коронованного:

— Я не был пьян, Хиссун.

— Я не подразумевал… Я полагал… как бы это сказать…

— Не пьян, нет. Чары, послания… Кто знает? Вино это одно дело, а колдовство — другое, и я думаю, что могу еще видеть разницу. Это было

черное видение, мальчик: не первое за последнее время. Предзнаменования тревожащие. Приближается война.

— Война? — выпалил Хиссун. Слово было незнакомым, чужим, неприятным: оно парило в воздухе, как отвратительное жужжащее насекомое в поисках жертвы. Война? Война? В голове Хиссуна возник образ давностью в восемь тысяч лет, извлеченный из тайника воспоминаний, который он украл в Реестре Душ,— жаркие снопы пламени далеко на северо-западе, небо, черное от клубов поднимающегося дыма в последней ужасной конвульсии долгой войны лорда Стиамота против метаморфов. Но это была древняя история, с тех пор за все прошедшие века не было войн, не считая войны восстановления. И вряд ли хоть

одна жизнь была потеряна в ней по замыслу лорда Валентайна, у которого любое насилие вызывало отвращение.

— Какая может быть война? — спросил Хиссун.— На Маджипуре нет войн!

— Война идет, мальчик! — грубо сказал Слит.— И когда она придет, клянусь Леди, от нее нельзя будет скрыться.

— Но война с кем? Это один из самых спокой-

ных миров. Кто может быть врагом?

— Есть враг,— сказал Слит,— или вы, жители Лабиринта, так укрыты от реального мира, что не можете уразуметь этого.

Хиссун нахмурился:

— Вы имеете в виду метаморфов?

— Хе, метаморфов! — закричал Слит.— Мерзких формодеев! Ты думал, мы можем вечно держать их запертыми? Клянусь Леди, достаточно скоро возникнет бунт!

Хиссун воззрился в изумлении на худого маленького человека со шрамом на лице. Глаза Слита светились. Казалось, он почти приветствует эти перспективы.

Медленно покачав головой, Хиссун сказал:

— При всем уважении к вам, главный советник Слит, это мне непонятно. Несколько миллионов их против двадцати миллиардов нас? Они уже воевали дважды и проиграли, и как бы сильно они нас ненавидели, я не думаю, что они попытаются испробовать свои силы снова.

Слит указал в сторону Коронованного, который, казалось, едва прислушивался:

— А когда они посадили свою марионетку на трон лорда Валентайна? Что это было, как не объявление войны? О, мальчик, ты ничего не зна-

ешь, формодеи строят тайные планы против нас веками, и теперь пришло их время. Собственные сны Коронованного предсказывают это. Клянусь Леди, сам Коронованный видит во сне войну!

— Действительно, клянусь Леди,— сказал Коронованный со смутным беспокойством в голосе,— войны не будет, если я смогу воспрепятствовать ей, и ты знаешь это.

— А если не сможете воспрепятствовать ей, милорд? — парировал Слит.

Бледное, как мел, лицо маленького человека теперь пылало от возбуждения, ею глаза сверкали, он делал быстрые, оживленные жесты, словно жонглировал невидимыми булавами. Хиссун не мог представить, чтобы кто-то, даже Главный Советник, так резко разговаривал с Коронованным. И, наверное, это случалось не так часто, поскольку Хиссун видел, что нечто, подобное гневу, исказило лицо лорда Валентайна — лорда Валентайна, о котором говорили, что он никогда не знал гнева, который мягко и доброжелательно искал способы завоевать душу своего врага узурпатора Доминина Баржазида в последние мгновения войны восстановления. Потом этот гнев снова сменила тревожная усталость, которая придавала Коронованному вид человека

семидесяти или восьмидесяти лет, а не молодых и энергичных сорока, сколько, как знал Хиссун, ему было на самом деле.

Возникло затянувшееся напряженное молчание. С расстановкой медленно и отчетливо выговаривая слова, адресованные Хиссуну, словно никого больше не было в покоях, лорд Валентайн произнес:

— Позвольте мне не слушать больше разговоров о войне, пока есть надежда сохранить мир. Но предзнаменования были темными, достаточно убедительными: если не будет войны, то определенно будет какое-то другое бедствие. Я не стану игнорировать такое предупреждение. Мы изменили кое-какие наши планы, Хиссун.

— Вы отменили великий крестный ход, милорд?

— Этого я не должен делать. Снова и снова я откладывал его, говоря, что у меня слишком много дел в Горном Замке, что у меня нет времени предпринимать увеселительные поездки по миру. Возможно, я слишком затянул с этим. Крестный ход должен совершаться каждые семь или восемь лет.

— А прошло больше, милорд?

— Почти десять. И я не закончил тур в тот

раз, поскольку в Тил-омоне, ты знаешь, был тот небольшой перерыв, когда кто-то освободил меня от моих задач на некоторое время, не дав мне знать.— Коронованный смотрел мимо Хиссуна в неопределенно удаленную точку пространства. Казалось, он вглядывается в туманные проливы времени, думая, возможно, о странной узурпации, которая была проведена с ним Баржазидом, и годах скитаний по Маджипуре. Лорд Валентайн покачал головой.— Нет, великий крестный ход должен быть закончен. Должен быть продолжен, фактически. Я думал проехать только по Альханроелю, но, полагаю, нам нужно посетить оба континента. Народ Зимроеля тоже должен видеть, что у них есть Коронованный. И если Слит прав, что нам следует бояться метаморфов, тогда Зимроель — это то место, где мы должны побывать, поскольку они там живут.

Хиссун не ожидал этого. Волнение охватило его. Зимроель? Это невообразимо далекая местность с лесами и широкими реками, большими легендарными городами с загадочными названиями.

— О, если это и есть новый план, как восхитительно он выглядит, милорд! — сказал он, широко улыбаясь.— Я не думал когда-либо увидеть эту землю, разве только во сне! Мы поедем в Ни-мою?

И Пидруид, Тил-омон, Нарабал?..

— Вполне возможно, я поеду,— сказал Коронованный до странности ровным голосом, который, словно дубинкой, ударил по ушам Хиссуна.

— Вы, милорд? — спросил Хиссун с внезапной тревогой.

Тихо лорд Валентайн сказал:

— Есть одно изменение плана. Ты не будешь сопровождать меня в великом крестном ходе.

Ужасный холод пронзил Хиссуна, словно ветер, который дует между звезд спустился вниз и промчался по самым глубоким комнатам Лабиринта. Он задрожал, и его душа съежилась под холодным ударом, он почувствовал, что погублен, превращен в шелуху.

— То есть я уволен со службы, ваша светлость?

— Уволен? Вовсе нет! Конечно, ты понимаешь, что у меня важные планы относительно тебя.

— Это вы говорили несколько раз, милорд. Но крестный ход…

— Эта не та подготовка к задачам, которые однажды ты будешь призван выполнять. Нет, Хиссун, я не могу позволить тебе провести следующий год или два, прыгая возле меня из провинции в провинцию. Ты как можно скорее уедешь в Горный Замок.

— Горный Замок, милорд?

— Начать подготовку, подходящую для вступающих в рыцари.

— Милорд? — в изумлении проговорил Хиссун.

— Тебе сколько? Восемнадцать? Ты на год отстал от других. Но ты быстрый, ты нагонишь потерянное время, ты поднимешься на свой подлинный уровень достаточно скоро. Ты должен, Хиссун. Мы не представляем, какое зло придет на нашу землю, но я знаю, что должен ждать худшего и готовиться к этому, подготавливая других быть со мной, когда оно придет. Поэтому для тебя не будет великого крестного хода.

— Я понимаю, милорд.

— Понимаешь? Да, я думаю, что ты понимаешь. Позже у тебя будет время увидеть Пилиплок и Нимою, и Пидруид, не так ли? Но теперь… теперь…

Хиссун кивнул, хотя вряд ли уразумел то, что хотел сказать ему лорд Валентайн. Долгий миг Коронованный смотрел на него, и Хиссун встретил взгляд этих усталых голубых глаз твердо и ровно, хотя почувствовал изнеможение, какого никогда прежде не испытывал. Аудиенция, понял он, окончена, хотя ни одного слова об этом сказано не было. В тишине он сделал знак лучистой звезды и, пятясь, вышел из покоев.

Ему не хотелось ничего, кроме как лечь и спать неделю, месяц. Эта беспорядочная ночь выгнала из него все силы. Только два дня назад этот самый лорд Валентайн вызвал его в эти же покои и приказал ему готовиться покинуть Лабиринт, поскольку он включен в окружение короля, совершающего великий крестный ход по Альханроелю, а вчера он был назван одним из помощников Коронованного и ему было предоставлено место за главным столом сегодняшнего банкета, теперь же, когда банкет прошел в загадочном хаосе, и он узрел Коронованного изможденным и очень человечным в его смятении и дар великого хода был отнят, теперь Горный Замок? Вступление в рыцари? Подведение итогов для потерянного времени? Подведение итогов чего? Жизнь стала сном, думал Хиссун. И никто не сможет растолковать мне его.

В коридоре за покоями Коронованного Слит внезапно поймал его за рукав и подтащил к себе. Хиссун ощутил необычную силу этого человека, упругую энергию, сжатую в нем.

— Скажу только тебе, мальчик… Я не подразумевал личной вражды, когда говорил с тобой так грубо там.

— Я этого и не подумал.

— Хорошо. Хорошо. Я не хочу враждовать с тобой.

— И я с вами, Слит.

— Я думаю, нам предстоит много работать вместе, тебе и мне, когда придет война.

— Если придет война.

Слит слабо улыбнулся.

— В этом нет сомнений, но я не буду сейчас снова начинать спорить с тобой. Ты очень скоро сам станешь думать, как я. Валентайн не может видеть беды, пока она не станет грызть его сапога,— это его характер, он слишком мягкий, в нем слишком много веры в доброжелательность других. Как мне кажется, ты другой, а, мальчик? Ты ходишь с открытыми глазами. Думаю, это то, что Коронованный ценит в тебе больше всего. Ты согласен с тем, что я говорю?

— Была такая длинная ночь, Слит.

— Да, это так. Поспи немного, мальчик. Если можешь.

Первые лучи утреннего солнца коснулись обрывистого грязного берега юго-восточного Зимроеля и осветили эту мрачную землю нежно-зеленым отблеском.

Наступающий рассвет принес подлинное пробуждение пяти лименам, расположившимся в

ободранной, многократно латаной палатке на краю дюны в пятистах ярдах от моря. Ни слова не говоря, они поднялись, зачерпнули полные горсти влажного песка, потерли ими шершавую, покрытую оспой темно-серую кожу на груди и руках, совершая утреннее омовение. Когда они вышли из палатки, то повернулись на запад, где несколько слабых звезд все еще светились в темном небе, и отдали свой салют.

Одна из тех звезд, возможно, была той самой, с которой пришли их предки. Они не представляли, какой могла быть эта звезда. Никто не представлял. Семь тысяч лет прошло с тех пор, как первые переселенцы-лимены появились на Маджипуре, и за это время много знаний потеряно.

Во время своих странствий по этой гигантской планете, уходя туда, где можно было выполнять простейшую работу, лимены давно забыли то место, которое было их отправным пунктом. Но когда-нибудь они узнают об этом снова.

Самый старший мужчина зажег костер, самый молодой принес шпаги для вертела и разместил на них мясо. Две женщины молча взяли шпаги и держали их над огнем, пока не услышали знакомые звуки шипящего жира. Потом молча они передали куски мяса по кругу и так же молча съе-

ли его — свою единственную еду на целый день.

По-прежнему молчаливые, они по очереди вышли из палатки, самый старший мужчина, потом женщины, потом два других мужчины, пятеро стройных широкоплечих существ с тяжелыми плоскими головами и неистово жгучими глазами, расположенными по три на их ничего не выражающих лицах. Они прошли вниз, к кромке моря, и приняли позиции на узкой полоске мыса, вне досягаемости прибоя, как они это делали каждое утро в течение ряда недель. Там они ждали в молчании, каждый надеялся, что в этот день прибудут драконы.

Юго-восточный берег Зимроеля — огромная провинция, известная как Джихорна — одна из самых мрачных областей Маджипуры: земля без городов, забытое место среди бедной серой песчаной почвы и влажных буйных ветров, сменяемых в непредсказуемые промежутки времени колоссальными разрушительными песчаными бурями. Нет ни одной естественной пристани на сотни миль вдоль этого несчастного берега, только бесконечная гряда маленьких убогих холмов, отлого опускающихся к пропитанной влагой прибрежной полосе, о которую разбивались с печальным однотонным звуком приливы

Внутреннего моря. В ранние годы становления Маджипуры исследователи, отважившиеся заглянуть в эти заброшенные уголки западного материка, докладывали, что там нет ничего, что стоило бы посмотреть второй раз. И на планете, полной чудес и удивлений, это была самая проклятая дыра, какую можно только представить. Так Джихорна была обойдена, когда происходило развитие материка. Поселение ставилось за поселением — сначала Пилиплок на середине восточного побережья в устье широкой реки Зимр, а потом Пидруид далеко на северо-западе, и Ни-моя на крутом изгибе Зимра, и Тил-омон, и Нарабал, и Велатис, и город Блестящих гайрогов Дулорн и еще многие. Поселения превращались в поселки, поселки в города, а города в большие города, которые пускали дальше свои щупальца, захватывая и расползаясь по поразительным необъятностям Зимроеля, но все еще не было причин идти в Джихорну, и никто не шел. Даже формодеи, когда лорд Стиамот наконец подчинил их и свалил в лесную резервацию прямо на другой стороне реки Стейч западнее Джихорны, не беспокоились о том, чтобы пересечь реку и достичь этой гнетущей земли.

Немного позже… на тысячи лет позже, когда

большая часть Зимроеля начала казаться такой же укрощенной, как Альханроель, несколько переселенцев просочились, наконец, в Джихорну. Почти все они были лимены, простые и нетребовательные люди, которые никогда не вплетались в структуру жизни Маджипуры. По выбору, казалось, они держались в стороне, подрабатывая тут и там продавцами жареной колбасы, рыбаками, странствующими чернорабочими. Было легко этому кочующему племени, чья жизнь казалась другим расам Маджипуры тусклой и бесцветной, переехать в пасмурную и мрачную Джихорну.

Там они поселились в крошечных деревеньках и расставили сети прямо в волнах прилива, кишащих серебристо-серой рыбой, выкапывали ямы, в которые попадали большие лоснящиеся крабы с восьмиугольным панцирем, которые разбегались по берегу стаями, насчитывающими по нескольку сотен. А к празднику выходили охотиться на ленивых думкаров с нежным мясом, которые жили наполовину закопанными в пески.

Большую часть года Джихорна была предоставлена только лименам. Но летом не было драконов.

В начале лета палатки искателей любопытного

начинали распускаться, словно калимботы после теплого дождя, по всему побережью Зимроеля, от южной точки у Пилиплока до края непроходимого Зимрского болота. Это было время, когда стада морских драконов совершали ежегодное путешествие вверх по восточной стороне материка, проходя в водах между Пилиплоком и Островом Снов, где они откладывали свои яйца.

Берег ниже Пилиплока был единственным местом в Маджипуре, где можно было близко рассматривать драконов, не выходя в море, поскольку здесь беременные самки любили подходить почти к берегу и поедать маленьких существ, живших в густых зарослях морских водорослей, широко распространенных в этих местах. Поэтому каждый год во время прохода драконов тысячи наблюдателей прибывали со всего мира и расставляли свои палатки. Некоторые были волшебными воздушными конструкциями, настоящие дворцы с тонкими, взмывающими вверх полюсами из блестящей ткани. Их занимали аристократы. Другие представляли собой крепкие и рациональные палатки процветающих торговцев и их семей. И еще были простые навесы рядового люда, который откладывал деньги годами, чтобы отправиться в это путешествие.

Аристократы приезжали в Джихорну в сезон драконов, потому что они находили занимательным наблюдать за огромными морскими чудовищами, скользящими по воде, и потому что это считалось престижным — провести отпуск в таком ужасно непростом месте. Богатые торговцы приезжали потому, что совершение такого дорогостоящего путешествия поднимало их положение в их кругах, и еще потому, что их дети могли узнать что-либо полезное о настоящей истории Маджипуры и это пригодилось бы им в школе. Простые люди приезжали, потому что верили, что наблюдение за проходом морских драконов приносило счастье, хотя никто точно не знал этого.

И еще там были лимены, для которых время драконов не было ни развлечением, ни делом престижа, ни надеждой на благосклонность судьбы, но имело самое основательное значение для спасения и даже выживания.

Никто не мог точно предсказать время, когда драконы повернут к побережью Джихорны. Хотя они всегда приходили летом, иногда они приходили рано, а иногда поздно, и в этот год они опоздали. Пять лименов, занимавшие свои позиции на маленьком мысе, каждое утро не

видели ничего изо дня в день, кроме серого моря, белой пены, темных масс морских водорослей. Но они не были нетерпеливыми людьми. Рано или поздно прибудут.

День, когда они наконец появились в поле зрения, был теплый и душный, жаркий влажный ветер дул с запада. Все утро крабы взводами, ротами и полками беспрестанно маршировали взад-вперед по пляжу, словно тренировались отражать захватчиков. Это всегда был знак.

К полудню появился второй знак: на гребне волны поднялась вверх и свалилась вниз большая жирная жаба, вся состоявшая из живота, рта и оскаленных зубов. Она проковыляла несколько ярдов по берегу, присела на песок, задыхающаяся, дрожащая, моргающая своими мутно-молочными глазами. Вторая такая же появилась вслед за первой и унеслась, недоброжелательно оглядываясь на нее. Потом появилась процессия большеногих омаров, дюжина или больше ярко-синих и пурпурных созданий с раздутыми оранжевыми задними ногами. Они целенаправленно выходили из воды и быстро начинали закапываться в грязь. За ними следовали красноглазые устрицы, вытанцовывающие на проволочных коротких желтых ножках, и маленькие нескладные бе-

логоловые хатчетилы, и даже некоторые рыбы, которые беспомощно лежали, ударяясь о песок, когда на них нападали крабы.

Лимены кивали друг другу в нарастающем волнении. Только одна причина могла вызвать то, что обитатели прибрежного мелководья выбрасывались таким образом на берег. Мускусный запах морских драконов, немного опережавший их самих, постепенно распространялся по воде.

— Смотрите,— кратко сказал самый старый мужчина.

С юга показался авангард драконов — две или три дюжины огромных чудовищ, державших свои черные кожистые крылья распростертыми, а их длинные массивные шеи изгибались вперед и назад, словно в поклонах. Невозмутимо они подплыли к зарослям морских водорослей и начали объедать их: шлепая крыльями по поверхности воды, создавая беспорядок среди существ, населявших эти водоросли, ударяя с внезапной яростью, проглатывая водоросли, омаров, жаб и все остальное без разбора. Эти гиганты были самцами. За ними плыла небольшая группа самок, переваливавшихся из стороны в сторону на манер беременных коров, выставляя свои оттопыривающиеся бока, и после них — сам

король стада, настолько большой, что был похож на перевернутый корпус какого-то большого опрокинувшегося судна, и это была только половина его, поскольку задние ноги и хвост были скрыты под водой.

— Опускайтесь на колени и отдавайте восхваление,— сказал самый старый мужчина и упал на колени.

Семью длинными костлявыми пальцами своей вытянутой руки он снова и снова делал знак морского дракона: трепещущие крылья, вытянутая шея. Он наклонился вперед и потерся щекой о холодный влажный песок. Он поднял голову и посмотрел в направлении короля — морского дракона, который находился теперь не более чем в двухстах ярдах от берега. Он пытался всей силой воли заставить огромное чудовище выйти на берег.

— Иди к нам… иди… иди…

— Теперь пора. Мы так долго ждали. Иди, спаси нас… веди нас… спаси нас…

— Иди!

С максимальной витиеватостью он подписался на том, что казалось десятитысячным официальным документом за день: Элидат из Морволя, Главный Советник и Регент. Он нацарапал дату

рядом с именем, и один из секретарей Валентайна выбрал еще одну пачку бумаг и положил ее перед ним.

Это был день Элидата на свершение подписей. Это было необходимым еженедельным тяжелым испытанием. Каждый Втородень со времени отъезда лорда Валентайна он оставлял собственную штаб-квартиру в Пикиторском дворе и приезжал в официальную резиденцию Коронованного, во внутренний Замок, усаживался за чудесный стол лорда Валентайна — большую полированную плиту темно-красного палисандрового дерева с яркими крупинками, напоминавшими эмблему лучистой звезды,— часами секретари, сменяя друг друга, подавали ему бумаги, которые приходили из различных отделов управления для окончательного одобрения. Даже при том, что Коронованный убыл на великий крестный ход, колеса власти продолжали вертеться. Нескончаемая цепь декретов, поправок к декретам, аннулирования декретов была бесконечной. И все должно быть подписано Коронованным или назначенным им регентом, одному Богу было известно почему. Еще раз — Элидат из Морволя, Главный Советник и Регент. И дата. В сторону.

— Давай следующую,— сказал Элидат.

Сначала он добросовестно старался читать или по меньшей мере пробегать глазами каждый документ, прежде чем поставить свою подпись. Потом он стал читать только краткое изложение в восемь-десять строчек, которое каждый документ имел прикрепленным сверху. Но он давно уже оставил даже это.

Читал ли это Валентайн, думал он. Невозможно. Даже если бы он читал только краткое изложение, он все дни и ночи проводил бы за этим, не имея времени на то, чтобы поесть или поспать, оставив исполнение своих прямых должностных обязанностей. Теперь Элидат подписывал уже не глядя на документы. Не беспокоясь, он мог подписать прокламацию, запрещающую есть колбасу в Зимодень или же делающую незаконным дождь в Стоензарской провинции, или даже декрет, конфискующий все его земли и передающий их в пенсионный фонд управленческих секретарей. И тем не менее он подписывал. Король или дублер короля — должен верить в компетентность своего штата, иначе работа станет совершенно немыслимой.

Он подписывал. Элидат из Морволя, Главный Советник и… Следующая!

Он все еще чувствовал себя немного винова-

тым, но не читал больше. Но действительно, нужно ли Коронованному знать, что между городами Мальдемаром и Тидиасом заключена договоренность, касающаяся совместного управления некоторыми виноградниками, принадлежность которых оспаривалась с седьмого года правления Понтифика Тимина и Коронованного лорда Кинникена? Нет. Нет. Подписать и перейти к другим делам, думал Элидат, и пусть Мальдемар и Тидиас радуются в своей новой дружбе, не беспокоя короля своими проблемами.

Элидат из Морволя…

Когда он потянулся за следующей и начал искать место, где поставить подпись, секретарь доложил:

— Лорды Мириган и Дивис.

— Пусть войдут,— ответил он, не поднимая головы.

Элидат из Морволя, Главный Советник и Регент… Лорды Мириган и Дивис, советники внутреннего ранга, соответственно кузен и племянник лорда Валентайна, встречались с ним каждый день в это время, поскольку он бегал с ними по улицам Замка и таким образом давал разрядку своим взвинченным нервам от того напряжения, которое вызывало в нем регентство.

У него вряд ли была какая-то другая возможность для упражнений в эти дни: ежедневная пробежка с ними была для него неоценимым вентилем спасения. Ему удалось подписать еще два документа за время, пока они входили в большую комнату, со вкусом отделанную панелями из банникопа, семотана и других деревьев редких пород, и прошли к нему, постукивая обутыми в сапоги ногами по мозаичному полу. Он взял третий, сказав себе, что это будет последний в этот день. Это был только одиннадцатый листочек, и Элидат поймал себя на том, что лениво просматривает его, пока подписывает, патент на аристократию, не меньше, поднимающий какого-то удачливого человека незнатного происхождения в ранг Посвященного в Рыцари Горного Замка в признание его высоких достоинств и добросовестной службы и тому подобное…

— Что ты подписываешь? — спросил Дивис, наклонившись через стол и заглядывая в бумагу, лежащую перед Элидатом. Это был большой, с массивными плечами и темной бородой мужчина, который, войдя в средние лета, стал смутной копией своего отца, бывшего Коронованного.— Что, Валентайн снова понижает налоги? Или он решил сделать День рождения Карабеллы празд-

ничным днем?

Хотя и привыкший к остротам Дивиса, Элидат не испытывал желания их выслушивать после целого дня этой мучительной и бессмысленной работы. Внезапный гнев вспыхнул в нем.

— Ты имеешь в виду леди Карабеллу? — выпалил он.

Дивис прикинулся удивленным:

— О, мы так официальны сегодня, Главный Советник Элидат?

— Если бы я вдруг назвал твоего покойного отца просто Вориаксом, я могу представить, что бы ты…

— Мой отец был Коронованным,— сказал Дивис холодным строгим голосом,— и заслуживает уважения, какое мы оказываем умершему королю. В то время как леди Карабелла всего лишь…

— Леди Карабелла, кузен, супруга твоего настоящего короля, — резко сказал Мириган, оборачиваясь к Дивису с таким гневом, какого Элидат никогда не видел в этом добром человеке.— И также я напоминаю тебе, что она жена брата твоего отца. То есть по двум причинам.

— Правильно,— сказал Элидат утомленно.— Довольно глупостей. Мы сегодня будем бегать?

Дивис засмеялся:

— Если ты не очень устал от всех этих корональных дел.

— Мне не хотелось бы ничего лучше,— сказал Элидат,— как сбежать вниз по горе отсюда в Морволь, что заняло бы, возможно, месяцев пять хорошего легкого бега, а потом провести еще три года, обихаживая мои сады и… о! Да, я побегаю с вами. Дайте мне только закончить эту последнюю бумагу…

— Праздник Дня рождения леди Карабеллы,— сказал Дивис, улыбаясь.

— Патент аристократа,— сказал Элидат,— который даст нам, если вы потерпите достаточно долго, нового Посвященного в Рыцари, некоего Хиссуна, сына Элзиномы, как здесь сказано, жителя Лабиринта Понтификата в признание его высоких достоинств и…

— Хиссун, сын Элзиномы? — вырвалось у Дивиса.— Ты знаешь, кто это, Элидат?

— Откуда мне знать о таких вещах?

— Вспомни церемонию восстановления Валентайна, когда он настоял, чтобы все те люди неприятной наружности были с нами в Конфалюмском тронном зале,— его жонглеры и однорукий морской капитан, скандар и хьерт с оранжевыми бакенбардами и все остальные. Ты

помнишь, там был еще мальчик?

— Ты имеешь в виду Шанамира?

— Нет, даже младше его! Маленький тощий мальчик лет десяти или одиннадцати, без почтения к кому-либо, мальчик с глазами вора, который ходил вокруг, задавая нескромные вопросы, выпрашивая у людей их медали и украшения, а потом он прикалывал их на свою тунику и беспрестанно смотрел в зеркало? Того мальчика звали Хиссун!

— Маленький мальчик из Лабиринта,— сказал Мириган,— который заставлял всех обещать, что они наймут его проводником, если когда-нибудь отправятся в Лабиринт. Да, я помню его. Очень хитрый мошенник, я бы сказал.

— Этот мошенник теперь Посвященный в Рыцари,— сказал Дивис.— Или будет им, если Элидат не порвет этот лист бумаги, на который он так глупо уставился. Ты не собираешься утверждать это, правда, Элидат?

— Конечно, я собираюсь.

— Посвященный в Рыцари, родом из Лабиринта?

Элидат пожал плечами.

— Мне неважно, если бы он был даже формодеем из Илировойна. Я здесь не для того, чтобы

изменять решения Коронованного. Если Валентайн говорит — Посвященный в Рыцари, он есть Посвященный в Рыцари, будь он мошенником, рыбаком, мясником, метаморфом, уборщиком навоза…— Он быстро подписал дату рядом с подписью.— В сторону. Все. Теперь этот мальчик так же благороден, как и ты, Дивис.

Дивис напустил на себя важный вид:

— Мой отец был Коронованный лорд Вориакс. Мой дедушка был Главный Советник Дамиандан. Мой прадедушка был…

— Да. Мы это все знаем. И я говорю, что мальчик теперь просто столь же благороден, как и ты, Дивис. Эта бумага так говорит. Как и подобная же бумага сказала о каком-то твоем предке, я не знаю, как давно и решительно не знаю — почему. Или ты думаешь, что благородство — это что-то врожденное, как скандары, имеющие четыре руки и темную шерсть?

— Ты сегодня не в настроении, Элидат?

— Так оно и есть. Прими это во внимание и постарайся не быть таким утомительным.

— Тогда прости меня,— сказал Дивис, не слишком сокрушаясь.

Элидат встал, потянулся и выглянул в большое изогнутое окно перед столом Коронованного.

Оно открывало изумительный вид на открытую бездну, уходящую с вершины Горы Замка по эту сторону королевского дворца. Два мощных черных рантора чувствовали себя совершенно свободно на этой головокружительной высоте, высокомерно кружась один перед другим, солнечные лучи ослепительно отражались от глянцевого оперения их золотистых голов, и Элидат, наблюдая за легкими, широкими движениями огромных птиц, почувствовал, что завидует свободе их парения в неограниченных просторах. Он медленно покачал головой, Элидат из Морволя, Главный Советник

и Регент…

На этой неделе уже шесть месяцев, подумал он, как Валентайн отправился в крестный ход. Они показались ему годами. Это и есть быть Коронованным? Такая нудная работа, такая порабощенность. Уже десятилетия он жил мыслью о возможности стать Коронованным, поскольку он был следующим в очереди. Это стало понятно едва ли не с того дня, когда в лесу был убит лорд Вориакс и корона неожиданно перешла к его младшему брату. Если что-либо случится с лордом Валентайном, Элидат знал, они придут к нему с короной лучистой звезды. Или если Понти-

фик Тиверас когда-нибудь действительно умрет и Валентайн вступит в лабиринт,— это тоже могло сделать Элидата Коронованным. Если только он будет не слишком стар для этой работы, когда это случится, поскольку Коронованный должен быть мужчиной в энергичном возрасте. Элидату же было больше сорока, и похоже, что Тиверас будет жить вечно.

Это признание придет к нему, он не станет, не сможет отказаться. Отказ был невообразим. Но с каждым годом он замечал, что молится все более пылко о продлении жизни Понтифика Тивераса и долгое процветающее правление Коронованного лорда Валентайна. А эти долгие месяцы только углубили эти чувства. Когда он был еще мальчиком и это был замок лорда Молибора, ему казалось самым чудесным делом в мире быть Коронованным. Он остро завидовал, когда Вориакс, который был на восемь лет старше его, был избран после смерти лорда Молибора.

Теперь он не был так уверен, как чудесно это может быть. Но он не откажется, если корона перейдет к нему. Он вспомнил старого Главного Советника Дамиандана, отца Вориакса и Валентайна, который сказал однажды, что лучший, кого следует избрать Коронованным, не тот, кто

этого хочет, а тот, кто подходит для этой должности. Ну тогда, ободряюще сказал себе Элидат, возможно, я есть лучший кандидат. Но может быть, до этого не дойдет.

— Мы будем бегать? — сказал он с напускным радушием.

— Пять миль, а потом немного доброго золотистого вина?

— В самом деле,— сказал Мириган.

Когда они выходили из комнаты, Дивис остановился у гигантского глобуса из бронзы и серебра, неясно вырисовывавшегося у дальней стены, на нем светился указатель передвижения Коронованного.

— Посмотрите,— сказал он, положив палец на рубиновый шарик, светившийся на поверхности глобуса, как налитый кровью глаз горной обезьяны.— Уже много западнее Лабиринта. Что это за река, по которой он плывет? Глайдж, не так ли?

— Трей, мне кажется,— сказал Мириган.— Я думаю, он несется в Треймонию.

Элидат кивнул. Он подошел к глобусу и легко провел рукой по его металлической оболочке.

— Да, а оттуда в Стоен, а потом вверх по побережью до Алазора.

Он не мог оторвать руку от глобуса. Он ласково

гладил рельефные материки, словно Маджипура была женщиной, а ее грудями были Альханроель и Зимроель. Как прекрасен мир, как прекрасно это его изображение! Это была только половина глобуса, поскольку не было необходимости представлять другую сторону Маджипуры, которая была океаном, и вряд ли даже исследованным. Но на одном этом огромном полушарии были показаны три материка: Альханроель, с большим возвышающимся шпилем Горы Замка, и покрытый лесами Зимроель, и пустынная никчемная земля внизу — Субраель и Остров Снов святой Леди во Внутреннем Море между ними. Многие города были обозначены в деталях, черные кряжи, большие озера и реки. Какой-то механизм, действие которого Элидат не понимал, постоянно прослеживал передвижения Коронованного, и мерцающий красный шарик перемещался вслед за маршрутом Коронованного, поэтому никогда не было сомнений в его местонахождении. Словно в трансе, Элидат прослеживал пальцами маршрут великого крестного хода. Стоен, Перимор, Алазор, Синтальон, Даниуп, вниз через Кинслянский Разрыв в Сантисконию и назад обратным курсом к Горе Замка.

— Тебе хотелось бы быть с ним, не так ли? —

спросил Дивис.

— Или проделать, путешествие на его месте, а? — сказал Мириган.

Элидат повернулся к старшему:

— Что ты этим хочешь сказать?

Взволнованный Мириган проговорил:

— Это должно быть очевидно.

— Вы обвиняете меня, я думаю, в незаконных амбициях?

— Незаконных? Тиверас пережил свое время на двадцать лет. В нем поддерживается жизнь только благодаря какому-то волшебству.

— Благодаря самой блестящей медицинской заботе, ты хочешь сказать,— уточнил Элидат.

Пожав плечами, Мириган сказал:

— Это одно и то же. При естественном ходе вещей Тиверас давно должен был умереть, а Валентайн быть нашим Понтификом. И новый Коронованный предпринял бы свой первый крестный ход.

— Эти решения не мы принимаем,— проворчал Элидат.

Дивис сказал:

— Это решения Валентайна, да. Но он не примет их.

— Примет в нужное время.

— Когда? Еще пять лет? Десять? Сорок?

— Ты принудил бы Коронованного, Дивис?

— Я посоветовал бы Коронованному. Это наша обязанность — твоя, моя, Миригана, Тунигорна, всех нас, кто был в правительстве перед свержением. Мы должны сказать ему: настало его время переезжать в Лабиринт.

— Я думаю, настало наше время отправиться бегать,— сказал Элидат твердо.

— Слушай меня, Элидат! Я что, невинный младенец? Мой отец был Коронованным, мой дед занимал пост, который ты занимаешь теперь. Я провел всю свою жизнь вблизи центра власти. Я понимаю вещи, как они есть. У нас нет Понтифика. Восемь или десять лет мы имеем только предмет скорее мертвый, чем живой, плавающий в этой стеклянной таре в Лабиринте. Хорнкаст разговаривает с ним или только притворяется, получает указания от него или притворяется, что получает, но в действительности Понтифика нет совсем. Сколько может правительство так функционировать? Мне кажется, Валентайн старается быть и Понтификом и Коронованным, что невозможно вынести одному человеку, и поэтому вся структура страдает, все парализовано…

— Достаточно,— сказал Мириган.

— …и он не займет надлежащую для него должность, потому что он молод и терпеть не может Лабиринт и потому что он вернулся из ссылки в новом окружении жонглеров и пастушков, которые так очарованы великолепием Горы, что не дадут ему увидеть, что его истинное предназначение лежит…

— Достаточно.

— Еще минуту,— с серьезным видом сказал Дивис.— Ты что, слепой, Элидат? Только восемь лет назад мы испытывали нечто совершенно уникальное в нашей истории, когда законный Коронованной был низвержен, а мы даже не знали об этом, а на его место был посажен не помазанный король. И что это был за человек? Марионетка метаморфов, Элидат! И Король Снов сам настоящий метаморф. Две из четырнадцати Сил Королевства узурпированы, и этот замок наполнился самозванцами-метаморфами.

— Все они разоблачены и уничтожены. А трон храбро отвоеван его полноправным хозяином, Дивис.

— В самом деле. В самом деле. И ты думаешь, что метаморфы вежливо вернулись в свои джунгли? Я говорю тебе, прямо в эту минуту они строят замыслы уничтожения Маджипуры и захвата

себе того, что останется, о чем мы знаем с момента восстановления Валентайна, а что он сделал насчет этого? Что он сделал насчет этого, Элидат? Протянул к ним руки в порыве любви: Пообещал восстановись справедливость, нарушенную в древние времена, и исправить старые ошибки. Да, и все же они строят замыслы против нас!

— Я буду бегать без тебя,— сказал Элидат.— Оставайся здесь, сиди за столом Коронованного, подписывай горы этих декретов. Ты этого хочешь, не так ли, Дивис? Сидеть за столом? — Он сердито развернулся и направился к выходу.

— Подожди,— сказал Дивис.— Мы идем.— Он бросился за Элидатом, догнал его, схватил за локоть. Низким напряженным шепотом, совершенно отличным от его обычной насмешливой речи, он заявил: — Я ничего не сказал о претензии на престолонаследие, кроме того, что Валентайну необходимо перейти в Понтификат. Ты думаешь, я стану оспаривать у тебя корону?

— Я не являюсь претендентом на корону,— сказал Элидат.

— Никто не является претендентом на корону,— ответил Дивис.— Но даже ребенку известно, что ты предполагаемый наследник. Элидат, Элидат!..

— Оставь его,— сказал Мириган.— Я думал, что мы собрались бегать.

— Да. Будем бегать, и больше об этом ни слова,— согласился Дивис.

— Слава Богу,— пробормотал Элидат.

Он шел впереди вниз по широким каменным ступенькам, гладко вытертым вековым употреблением, и дальше, мимо постов охраны, на Вильдиварский тупик, проспект, выложенный красными гранитными плитами, который соединял внутренний двор Замка, личные покои Коронованного с непостижимым лабиринтом внешних зданий, окружавших его на вершине Горы. Ему казалось, словно полоса раскаленного металла была обернута вокруг его лба. Сначала подписывать мириады ненужных документов, потом выслушивать изменнические разглагольствования Дивиса…

Все же он понимал, что Дивис прав. Мир не мог больше так развиваться. Когда нужно предпринимать великие действия, Понтифик и Коронованный должны советоваться друг с другом и совместной мудростью препятствовать любой глупости. Но Понтифика не было в реальном смысле. И Валентайн, пытаясь действовать в одиночку, не справлялся. Никто из

самых великих Коронованных, ни Конфалюм, ни Престимион, ни Деккерет, не принимал попыток управлять Маджипурой в одиночку. А вопросы и сомнения, стоявшие перед ними, не шли ни в какое сравнение с теми, что противостояли Валентайну. Кто бы мог подумать во времена лорда Конфалюма, что покорные, порабощенные метаморфы поднимутся снова в поисках сатисфакции за утраченный мир? И все же этот подъем готовился в тайных местах. Элидату, казалось, никогда не забыть последние часы войны за восстановление, когда он пробивался в пещеры, где содержались машины, которые контролировали климат на Горе Замка. Чтобы спасти эти машины, нужно было уничтожить войска, одетые в форму личной охраны Коронованного, которые, когда умирали, изменяли форму и становились долготорыми, безносыми, косоглазыми формодеями. Это было восемь лет назад, и Валентайн все еще надеялся охватить этот народ своей любовью и найти какой-нибудь мирный способ излечить их гнев. Но спустя восемь лет никаких конкретных достижений не было видно, и кто знал, какой очередной выпад метаморфы совершат теперь?

Элидат глубоко вздохнул и бросился в яростный бег, мгновенно оставив далеко позади Миригана

и Дивиса.

— Эй! — крикнул Дивис.— Это ты так разминаешься?

Он не обратил внимания. Боль внутри него может быть излечена только другой болью. И так он бежал, доводя себя до пределов своих сил. Вперед, вперед, вперед, мимо изысканной пятиконечной башни лорда Ариока, мимо часовни лорда Кинникена, мимо гостевого домика Понтифика, вниз по Гваделумскому спуску и вокруг приземистой темной массы лорда Принкипина и вверх по Девяносто Девяти Ступеням, к вестибюлю Пиниторского Двора… Сердце разрывалось в груди, вперед, вперед, вперед, через дворик, который он пересекал каждый день в течение тридцати лет, с тех пор, как ребенком пришел сюда из Морволя у подножия Горы учиться искусству управления. Сколько раз он и Валентайн бегали так, или Стазилен, или Тунигорн… они были близки как братья, все четверо, четыре сорванца, наполнявших шумом Замок лорда Молибора, как он назывался в то время. О! Какой веселой казалась им тогда жизнь! Они предполагали, что станут советниками при Вориаксе, когда он станет Коронованным, всем было понятно, что это случится, а потом лорд Молибор умер слишком

рано, и также Вориакс, который был после него, корона перешла к Валентайну, и ничто уже не напоминало прежних времен.

А теперь? Не пора ли Валентайну переехать в Лабиринт, как сказал Дивис. Да. Да. Несколько молод, чтобы стать Понтификом, это так, но уже была горькая судьба восхождения на трон страдавшего старческим слабоумием Тивераса. Старый император заслуживает покоя в могиле, а Валентайн должен быть в Лабиринте, а корона лучистой звезды должна перейти… ко мне? Лорду Элидату? И это будет Замок лорда Элидата? Мысль эта наполнила его благоговением и трепетом, а еще страхом. Он увидел в эти прошедшие шесть месяцев, что значит быть Коронованным.

— Элидат! Ты убьешься! Ты несешься, как сумасшедший! — Это был голос Миригана далеко внизу, как что-то донесенное ветром из далекого города. Элидат был уже почти на вершине Девяносто Девяти Ступеней. В груди стоял гул, а видимость начала затуманиваться, но он заставил себя подняться на последнюю из ступеней и дальше, в узкий вестибюль из темно-зеленого королевского камня, который вел в административные кабинеты Пиниторского Двора. Наклонившись, он завернул за угол и почувство-

вал ошеломляющий толчок. Тяжело охнув, он упал и лежал, с трудом переводя дыхание, наполовину оглушенный.

Придя в себя, он сел, открыл глаза и увидел, как некий молодой человек, стройный, смуглый, с прекрасными черными волосами, умело зачесанными в каком-то новом стиле, поднимается, дрожа, на ноги и направляется к нему.

— С вами все в порядке?

— Врезался в вас, да? Должен был… смотреть, куда бегу.

— Я видел вас, но не успел. Вы бежали так быстро… позвольте, я помогу вам подняться.

— Все будет хорошо, мальчик. Только нужно… отдышаться.

Пренебрегая помощью молодого человека, он встал, отряхнул пыль с костюма, на одной штанине была дыра, и через нее виднелась окровавленная коленка, поправил мантию. Сердце все еще пугающе колотилось, и он ощущал нелепость своего положения. Дивис и Мириган поднимались по лестнице. Повернувшись к молодому человеку, Элидат хотел было извиниться перед ним, но странное выражение на лице незнакомца остановило его.

— Что-нибудь не так? — спросил Элидат.

— Вы случайно не Элидат из Морволя?

— Да.

Мальчик засмеялся:

— Так я и подумал, когда присмотрелся. Ну тогда вы тот, кого я ищу! Мне сказали, что я могу найти вас в Пиниторском Дворе. У меня для вас послание.

Мириган и Дивис уже вошли в вестибюль. Они встали рядом с Элидатом, и по их взглядам он понял, что у него, должно быть, пугающий вид; раскрасневшийся, потный, наполовину свихнувшийся от своего сумасшедшего бега, он попытался скрасить это, указывая на молодого человека и говоря:

— Кажется, я гнался за этим курьером, и у него что-то есть для меня. От кого это, мальчик?

— От лорда Валентайна.

Элидат посмотрел в недоумении.

— Это шутка? Коронованный на великом крестном ходе где то к западу от Лабиринта.

— Так оно и есть. Я был с ним в Лабиринте, и когда он отправил меня на Гору, то просил первым делом найти вас.

— Ну?

Он смущенно взглянул на Дивиса и Миригана.

— Я думаю, послание для вас одного, милорд.

— Это лорды Мириган и Дивис, из семьи Коронованного. Ты можешь говорить при них.

— Очень хорошо, милорд. Я должен сказать, милорд, что я Посвященный в Рыцари Хиссун, сын Элзиномы. Мне поручено сообщить Элидату из Морволя, что лорд Валентайн изменил свои планы, что он распространит великий крестный ход и на Зимроель, а также посетит свою мать Леди Острова, прежде чем вернется. Следовательно, вам предлагается исполнение обязанностей Регента на все время его отсутствия, которое, как он считает, продлится…

— Помилуй меня, Боже,— хрипло прошептал Элидат.

— Год или, возможно, полтора года сверх уже запланированного времени,— закончил Хиссун.

Вторым знаком беды, который заметил Этован Елакка, были опадающие листья деревьев нийка через пять дней после того, как прошел пурпурный дождь.

Сам пурпурный дождь не был первым знаком беды, не было ничего особенного в этом на восточном склоне Дулорнского Ущелья, где были видны обнажения значительных пластов легких, как пух, песков скувва, бледного с переливам рыжевато-голубого цвета. В определенное время ветер

с севера, который называли чафер, уносил высоко вверх песок, где он пятнами покрывал облака и слегка подкрашивал дождь в лавандовый цвет. Так случилось, что земля Этована Елакки находилась в тысяче миль к западу от этого района, на другом склоне Ущелья, на коротком расстоянии от земли Фалкинкипа, и ветры, насыщенные песком скуввa, не доходили так далеко на запад. Но ветры, как было известно Этовану Елакке, имели склонность изменять свое направление, и возможно, что чафер в этом году выбрал местом своего посещения противоположную сторону Ущелья. И в любом случае о пурпурном дожде не стоило беспокоиться, он оставлял всего лишь легкое покрывало песка на всем, а следующий обычный дождь смывал его. Нет, первым знаком беды был не пурпурный дождь, а увядание сенситивов в саду Этована Елакки, и это случилось за два или три дня перед дождем.

Это было загадочным, но отнюдь не чрезвычайным событием. Не было великой проблемой заставить увять сенситивы. Это были маленькие психочувствительные растения с золотистыми листочками и незначительными зелеными цветами, распространенные в лесах к западу от Мазадоны. Любой вид технического диссонанса

в зоне их восприятия — сердитые крики или рев дерущихся лесных зверей или даже, как говорили, одно только приближение кого-нибудь, кто совершил серьезное преступление,— было достаточным, чтобы заставить сложиться их листочки, словно руки в молитве, и почернеть. Это не было реакцией, имеющей какую-то биологическую выгоду, часто думал Этован Елакка, но, несомненно, это была загадка, которая могла бы раскрыться при тщательном исследовании, и ему хотелось когда-нибудь провести это исследование. Между тем он выращивал сенситивы в своем саду, потому что ему нравился приветливый желтоватый блеск их листьев. И потому что имение Этована Елакки было местом порядка и согласия, ни разу за все время, пока он их выращивал, его сенситивы не подвергались увяданию до этого дня. Это была загадка. Кто мог обменяться недобрыми словами у границы его сада? Какие рычащие животные в этой провинции ласковых прирученных существ могли нарушить уравновешенность их состояния?

Уравновешенность — это то, что Этован Елакка ценил превыше всего. Он был порядочным фермером шестидесяти лет, высокий и прямой, с полной головой блестящих седых волос. Его отец

был третьим сыном герцога Массийского, и двое его братьев последовательно служили мэрами Фалкинкипа, но правительственные посты никогда не интересовали его: как только он вступил в наследование, он выкупил большой участок земли в тихой зеленой сельской местности на западном краю Дулорнского Ущелья и там создал Маджипуру в миниатюре — маленький мир, отличавшийся своей великолепной красотой и спокойным, уравновешенным, гармоничным духом.

Он выращивал обычные для этого района культуры нийк и глейн, хингаморты и стаджу. Стаджа была его опорой, поскольку никогда не было недостатка в спросе на вкусный бодрящий хлеб, который пекли из клубней стаджи, и фермы Ущелья стремились произвести их достаточно для удовлетворения потребностей Дулорна, Фалкинкипа и Пидруида с населением, приближавшимся к тридцати миллионам, и еще населения близлежащих городов. Немного вверх по склону от полей стаджи была плантация глейна, ряд к ряду густых куполообразных кустов в десять футов высотой, среди острых, как бритва, листьев прятались большие гроздья округлых вкусных синих плодов. Стаджу и глейн повсюду

выращивали рядом друг с другом: давно было сделано открытие, что корни кустов глейна испускали в почву нитрогенную жидкость, которая, смываемая по склону дождем, усиливала рост клубней стаджи.

За глейном находилась роща хингамортов, где сочные грибовидные желтые пальцы, распухшие от сахаристого сока, таинственно проталкивались из земли — ищущие света органы, которые несли энергию растениям, находившимся глубоко под землей. А вдоль границ имения Этована Елакки находился знаменитый сад деревьев нийка, расположенных традиционно группами по пять в замысловатых геометрических фигурах. Ему нравилось прогуливаться среди них и ласково проводить рукой по их тонким черным стволам не толще человеческой руки и мягче превосходного атласа. Дерево нийка жило только десять лет: в первые три оно росло с поразительной быстротой до своей сорокафутовой высоты, на четвертом оно впервые расцветало своими великолепными чашеобразными золотистыми цветами, кроваво-красными в центре. И с этого времени приносило изобилие полупрозрачных, имеющих форму полумесяца кисловатых белых плодов, пока внезапно не наступала его смерть:

в течение нескольких часов прекрасное дерево становилось сухой палкой, которую легко мог сломать и ребенок. Фрукт, хотя и несъедобный в сыром виде, был незаменим в острых блюдах из тушеного мяса и в овсяных кашах, которым отдавалось предпочтение в кухне гайрогов. Лишь в Ущелье нийк рос по-настоящему хорошо, и Этован Елакка имел хороший спрос на эту культуру.

Земледелие приносило Этовану Елакке чувство полезности, но оно не удовлетворяло полностью его любви к прекрасному. Для этого он создал собственный ботанический сад, где собрал восхитительную декоративную коллекцию, взяв со всех уголков мира очаровательные растения, которые могли прижиться в теплом влажном климате Ущелья.

Здесь были алабанданы из Зимроеля и Альханроеля всех естественных цветов, а также большая часть гибридов. Росли в этом саду нигалии и фуэли, и деревья с романтическим названием "ночной цвет" из лесов метаморфов, которые только в полночь Зимодня демонстрировали свое недолгое яркое свечение. Среди других растений были нимины и андродрагмы, пузырчатый куст и резиновый мох, халатинги, росшие из черенков, полученных с Горы Замка, и караманги, мюорны,

сихорнские лианы, сефитонгалии, элдироны. Он экспериментировал также с такими трудными растениями, как искрящиеся пальмы из Пидруида, которые порой жили шесть или семь лет, но никогда не цвели, и игольчатые деревья с возвышенности, которые быстро погибали без холода, который им требовался, и необычный призрачный кактус Велализьерской пустыни, который он безнадежно пытался прикрыть от слишком частых дождей. Не оставлял без внимания Этован Елакка и растения, родные для его местности в Зимроеле, хотя они были менее экзотичны: он выращивал странные пузырчатые деревья, которые жизнерадостно, словно шары, раскачивались на своих разбухших стволах; и зловещие насекомоядные пасть-растения из Мазадонских лесов; поющие папоротники; капустные деревья; пару огромных двикков; полдюжины папоротниковых деревьев доисторического вида. Маленькие растения — сенситивы — он использовал в качестве нижнего яруса, где это казалось подходящим, поскольку их застенчивая, деликатная природа казалась удобным контрастом броским и кричащим растениям, которые были сердцевиной его коллекции.

День, когда он обнаружил гибель сенситивов,

начался в более чем обыкновенной пышности сада. Прошлой ночью прошел легкий дождичек, но ливни ушли, подумал Этован Елакка, когда вышел на традиционную прогулку по саду на рассвете. Небо было безоблачным и необыкновенно чистым, так что восходящее солнце высекло удивительный зеленый огонь на сияющих гранитных холмах на западе. Алабандины блестели, пасть-растения, разбуженные и голодные, неустанно стучали лезвиями и дробилками, которые лежали полураскрытые в глубоких чашках в середине огромных розеток; крошечные розовокрылые длинноклювы порхали, как искры ослепительного света, среди веток андродрагм.

Но, несмотря на это, у него было дурное предчувствие. Он видел плохой сон в ту ночь, в основном скорпионов, диимов и других паразитов, роющих норы на его полях,— и он почти не удивился, когда увидел бедные сенситивы обугленными, согнувшимися от каких-то пыток в ночные часы.

Час перед завтраком он работал один, печально вырывая поврежденные растения. Они были еще живы ниже израненных ветвей, но их уже нельзя было спасти, поскольку увядшая листва не подлежала восстановлению, и если бы он начал срезать ее, шок от подрезки убил бы и нижнюю

часть. Поэтому он выдергивал их дюжинами, с содроганием чувствуя, как растения корчатся от его прикосновения, и бросал их в костер. Потом он позвал своего главного садовника и надсмотрщика, старшего рабочего в заросли сенситивов и спросил, не известно ли им, что так сильно могло расстроить растения. Но никто ничего не мог сказать.

Инцидент опечалил его на все утро, но не в характере Этована Елакки было надолго расстраиваться, и к вечеру он приобрел сотню пакетов семян сенситивов в местном рассаднике. Он не мог купить сами растения, поскольку они никогда не пережили бы пересадки. Следующий день он провел сам, засевая семена. В течение шести или восьми недель не было никаких неблагоприятных признаков. Он решил, что этот случай был не более чем второстепенной загадкой, которую, возможно, он решит когда-нибудь, а скорее нет, и он забыл об этом.

День или два спустя появилась еще одна странность: пурпурный дождь. Необычное событие, но безвредное. Все говорили одно и то же. Должно быть, ветер изменился и принес скувву так далеко на Запад! Пятно сохранялось менее одного дня, а потом другой дождь более обычного вида

смыл все начисто. Об этом случае Этован Елакка тоже быстро забыл.

Хотя деревья нийка…

Он наблюдал за сбором плодов глейна несколько дней спустя после пурпурного дождя, когда старший надсмотрщик, кожистый, невозмутимый гайрог по имени Симуст пришел к нему таким, что для Симуста было состоянием крайнего возбуждения — змеиные волосы исступленно спутались, раздвоенный язык бился, словно хотел выскочить изо рта,— и закричал: нийк! нийк!

Бледно-серые листья деревьев нийка имеют форму карандаша и стоят прямо разрозненными группами в конце черных, длиной в два дюйма стеблей, словно их выпрямили каким-то неожиданным электрошоком. Поскольку дерево такое тонкое, а ветки его редкие и нескладные, такое прямостоячее положение листьев придает ему колючий, курьезный вид и делает его легкоотличимым даже на большом расстоянии. Теперь же, когда Этован Елакка подбегал с Симустом к роще, он еще за сотню ярдов от нее увидел, что случилось нечто невозможное: каждый листок на деревьях нийка повернулся вниз, словно это были не нийки, а какие-то сорта плачущих танигалин или халатинги!

— Еще вчера все было прекрасно,— сказал Симуст.— Этим утром все было прекрасно! Но теперь… теперь…

Этован Елакка подбежал к первой пятерке нийков и положил руку на ближайший ствол. Он почувствовал странную легкость, толкнул — и дерево подалось, сухие корни легко вырывались из земли. Он толкнул второе, третье.

— Мертвые,— сказал он.

— Листья,— сказал Симуст.— Даже мертвый нийк все еще сохраняет листья лицом вверх. А эти… я никогда не видел ничего подобного.

— Неестественная смерть,— пробормотал Этован Елакка.— Что-то новое, Симуст.

Он бегал от одной группы деревьев к другой, сталкивая их, и после третьей группы уже не бежал, а после пятой группы он уже шел медленно, с опущенной головой. Мертвые… все мертвые… его прекрасные нийки… Вся роща умерла. Они умерли, как умирают нийки, скоротечно, вся влага покинула их губчатые стебли; но вся роща нийков, посаженная распределением в десятилетнем цикле, не должна была умереть сразу, а странное поведение листьев было необъяснимо.

— Мы должны доложить об этом агенту сельского хозяйства,— сказал Этован Елакка,— а

также отправить посыльных на ферму Хагидана и Нисмаина и, как его там, что возле озера, узнать, случилось ли что-нибудь с их нийками. Это эпидемия, я думаю. Но у нийков нет болезней… Новая эпидемия, Симуст? Пришедшая к нам как послание Короля Снов?

— Пурпурный дождь…

— Слегка подкрашенный песок? Как это могло повредить чему-либо? Там, на той стороне Ущелья, пурпурный дождь идет дюжину раз в год, и это не беспокоит их насаждения. О, Симуст, мои нийки!..

— Это пурпурный дождь,— твердо сказал Симуст.— Это не тот дождь, что бывает на востоке. Это было что-то новое: это был ядовитый дождь, и он убил нийки!

— И также убил сенситивы за три дня до того, как он действительно прошел?

— Они очень утонченные. Возможно, они почувствовали яд в воздухе, когда дождь двигался на нас.

Этован Елакка пожал плечами. Возможно. Возможно. И возможно, формодеи прилетали на помеле или волшебных летательных аппаратах ночью и разбросали на землю какое-нибудь злое зелье. Вероятно, в мире возможностей все может

быть.

— Какая польза в суждениях? — горько спросил он.— Мы ничего не знаем. Кроме того, что сенситивы и деревья нийка погибли. Что будет дальше, Симуст? Что будет дальше?

Карабелла, которая весь день выглядывала в окно плавуна, словно надеясь как-то ускорить путешествие по этой унылой пустыне силой своих глаз, выкрикнула с внезапным ликованием:

— Посмотри, Валентайн! Я думаю, мы действительно выезжаем из пустыни!

— Конечно, еще нет,— сказал он.— Еще три или четыре дня. Или пять, или шесть, или семь…

— Ты посмотришь?

Он отложил пакет с донесениями, которые просматривал, выпрямился на своем сиденье и пристально всмотрелся мимо нее. Да! Боже правый, там была зелень! И не сероватая зелень скрюченных неряшливых жалких растений пустыни, а сочная, полная жизни зелень настоящей Маджипурской растительности, пульсирующая энергией роста и плодородия. Итак, наконец он был за пределами пагубного заклятия Лабиринта, теперь, когда королевский караван выбрался из иссушенной равнины, на которой располагалась подземная столица. Земля герцога Насимонте

должна проходить рядом — Озеро Слоновой Кости, Гора Эберзинул, поля фуэли и милели, большой замок, о котором Валентайн так много слышал…

Он положил руку на худое плечо Карабеллы и легко провел пальцами вдоль ее спины, мягко упираясь в жесткие сплетения мышц, что было отчасти массажем, а отчасти лаской. Как хорошо, что она снова с ним! Она присоединилась к крестному ходу неделю назад на Велализьерских развалинах, где они вместе проверяли ход археологических работ, которые велись на раскопках огромного каменного города, оставленного метаморфами пятнадцать или двадцать тысяч лет назад. Ее прибытие весьма способствовало его выходу из унылого и безрадостного настроения.

— О, леди, как было одиноко без тебя в Лабиринте,— нежно сказал он.

— Мне бы хотелось быть там. Я знаю, как ты ненавидишь этот город. И когда мне сказали, что ты болен… о, я почувствовала себя такой виноватой и пристыженной от мысли, что я была так далеко, когда ты… когда ты… — Карабелла встряхнула головой.

— Я была бы с тобой, если бы это было возможно! Ты это знаешь, Валентайн, но я пообещала

тем людям в Сти, что я буду присутствовать на освящении их музея, и…

— Да, конечно. Супруга Коронованного имеет свои обязанности.

— Мне все это до сих пор кажется таким странным — "Супруга Коронованного"! Маленькая жонглерша из Тил-омона, бегающая вокруг Горы Замка, произнося речи и освящая музеи.

— Маленькая жонглерша из Тил-омона — до сих пор, после стольких лет, Карабелла?

Она пожала плечами и пробежала руками по прекрасным, коротко подстриженным темным волосам.

— Моя жизнь была цепью случайностей, и как я могу забыть все это? Если бы я не остановилась в этой гостинице с труппой жонглеров Залзана Кавола, когда ты забрел туда… и если бы у тебя не отняли память и не скинули в Пидруиде с не большим вероломством по отношению к тебе, чем к черноносому блаву…

— Или если бы ты родилась во время лорда Хавибова или в каком-нибудь другом мире…

— Не дразни меня, Валентайн.

— Прости, любимая,— он сжал ее маленькую холодную руку в своих руках.— Но сколько ты будешь продолжать оглядываться назад, на то,

кем ты когда-то была? Когда ты позволишь себе по-настоящему принять ту жизнь, которую ты ведешь теперь?

— Мне кажется, я никогда по-настоящему не приму ее,— сказала она рассеянно.

— Леди моей жизни, как ты можешь говорить…

— Ты знаешь почему, Валентайн.

Он закрыл на мгновение глаза.

— Я говорю тебе снова, Карабелла, ты любима на Горе каждым рыцарем, каждым принцем, каждым лордом — у тебя их преданность, их обожание, их уважение, их…

— Элидата — да. И Тунигорна, и Стазилена, и других подобных. Те, кто истинно любят тебя, любят также и меня. Но для многих других я остаюсь выскочкой, простолюдинкой, самозванкой, недоразумением… любовницей.

— Кого именно других?

— Ты их знаешь, Валентайн.

— Которых других?

— Дивиса,— сказала она после некоторого колебания,— и маленьких лордов, и рыцарей его фракций. И других. Герцог Халансы говорил обо мне насмешливо одной из моих фрейлин. Халансы, Валентайн, из твоего рода! Принц Манганот

из Банглекоды. Есть и еще.— Она повернулась к нему, и он увидел страдание в ее глазах — Я придумываю все это? Или я слышу шепот, когда это только шорох листвы? О, Валентайн, иногда мне кажется, что они правы, что Коронованный не должен жениться на простолюдинке. Я не из их среды. И никогда не буду. Милорд, я, должно быть, приношу столько горя тебе…

— Ты моя радость и ничего, кроме как радость. Спроси Слита, каким было мое настроение на прошлой неделе, когда я был в Лабиринте, и каким я стал с тех пор, как ты присоединилась к нашему каравану. Спроси Шанамира… Тунигорна… любого… вообще любого…

— Я знаю, любимый. Ты казался таким серым, таким печальным в день, когда я приехала. Я едва узнала тебя с этим нахмуренным сердитым взглядом.

— Несколько дней рядом с тобой излечивают меня от всего.

— И все же, я думаю, ты еще не совсем в себе. Может, это все еще Лабиринт так действует на тебя? Или, возможно, это пустыня угнетает тебя? Или развалины?

— Нет, думаю, что нет.

— Что же тогда?

Он изучал ландшафт за окном плавуна, замечая густеющую зелень, постепенное приближение деревьев и травы, когда земля становилась все более холмистой. Это должно было радовать его больше. Но на душе была тяжесть, которую он не мог скрыть.

После паузы он сказал:

— Сон, Карабелла… это видение, это предзнаменование — я никак не могу избавиться от этих мыслей. О, что у меня за страница в истории? Коронованный, который потерял свой трон и стал жонглером и вернулся на трон, а после глупо правил и позволил миру свалиться в хаос и безумие. О, Карабелла, Карабелла, это то, что я делаю? После четырнадцати тысяч лет стану последним Коронованным? Останется ли кто-нибудь, кто хотя бы напишет мою историю, как ты думаешь?

— Ты никогда глупо не правил, Валентайн.

— Разве я не слишком мягок, слишком спокоен, слишком желаю примирить обе стороны в споре?

— Это не есть недостаток.

— Слит думает иначе. Слит думает, что моя боязнь войны, любого насилия выводит меня на неверный путь.

— Но войны не будет, милорд.

— Этот сон…

— Мне кажется, ты воспринимаешь этот сон слишком буквально.

— Нет,— сказал он,— такие разговоры дают мне только слабое утомление. Тизана и Делиамбер соглашаются со мной, что мы стоим на грани какого-то большого несчастья, возможно, войны. И Слит убежден в этом. Он решил, что метаморфы собираются восстать против нас, священная война, которую они готовили, как он говорит, семь тысяч лет.

— Слит слишком кровожаден. И у него безрассудный страх к формодеям с юных лет. Ты знаешь это. Когда мы взяли обратно Замок восемь лет назад и обнаружили, что в нем полно изменивших внешний вид метаморфов, было ли это просто иллюзией?

— То, что они хотели сделать тогда, в конце концов закончилось неудачей, не так ли?

— И они никогда не попытаются снова?

— Если твоя политика будет успешной, Валентайн…

— Моя политика! Какая политика? Я тянусь к метаморфам, а они ускользают от меня. Ты знаешь, что я надеялся взять с собой полдюжины вождей метаморфов, когда мы ехали в Вела-

лизьер на прошлой неделе. Чтобы они могли посмотреть, как мы реставрировали их священный город, увидеть богатства, которые мы нашли, и, возможно, забрать самые святые предметы с собой в Пиурифаину. Но я не получил от них ответа, даже отказа, Карабелла.

— Ты знал, что раскопки Велализьера могут вызвать осложнения. Возможно, они возмущены самим нашим присутствием в этих местах, не говоря уже о попытках восстановить его. Разве не ходит легенда, что они планируют перестроить его сами когда-нибудь?

— Да,— сказал Валентайн угрюмо.— После того, как они захватили контроль над Маджипурой и вытеснили всех нас из своего мира. Так однажды сказал мне Эрманар. Хорошо, может быть, приглашение их в Велализьер было ошибкой. Но они проигнорировали все другие мои попытки примирения. Я пишу их королеве Данипиуре в Илиривойн, и если она вообще отвечает мне, то письмом в три предложения, холодных, формальных, пустых… — Он глубоко вздохнул.— Довольно всех этих страданий, Карабелла! Войны не будет. Я найду способ пробиться через ту ненависть, которую испытывают к нам формодеи, и перетащу их на свою сторону. А что касается лордов

Горы, которые пренебрежительно относятся к тебе, если это на самом деле так, я прошу тебя не обращать на них внимания. Презирай их в ответ. Что тебе Дивис или герцог Халансы? Дураки, вот все, что они есть.— Валентайн улыбнулся.— Я скоро дам им побеспокоиться о худших вещах, любимая, чем происхождение моей супруги.

— Что ты имеешь в виду?

— Если они возражают против того, чтобы супругой Коронованного была простолюдинка,— сказал Валентайн,— как они будут чувствовать себя, если их Коронованный будет простолюдином.

Карабелла посмотрела на него в замешательстве:

— Я ничего не понимаю, Валентайн.

— Ты поймешь. Со временем ты поймешь все. Я намерен произвести такие изменения в мире, о, любимая, что когда будут писать историю моего правления, если Маджипуре не суждено погибнуть, то чтобы эта история была написана, им понадобится не один том для этого, я обещаю тебе. Я сделаю такое… такое, от чего затрясется земля… — Он засмеялся.— Что ты думаешь, Карабелла? Слушай мою напыщенную речь! Добрый лорд Валентайн с мягким сердцем переворачи-

вает мир вверх дном! Способен ли он на такое? Способен ли он действительно это сделать?

— Милорд, ты интригуешь меня! Ты говоришь загадками.

— Возможно, это так.

— Ты не дашь мне ключ к ответу?

После короткой паузы он сказал:

— Ответ к загадке, Карабелла, это Хиссун.

— Хиссун? Твой уличный мальчишка из Лабиринта?

— Уже не уличный мальчишка. Теперь это боевое оружие, которое я направляю в сторону Замка.

Она вздохнула:

— Загадки, еще больше загадок!

— Это привилегия короля — говорить загадками.— Валентайн притянул ее к себе, слегка прикоснувшись губами к ее губам.— Позволь мне это маленькое снисхождение. И…

Плавун внезапно остановился.

— Эй, посмотри! Мы приехали! — закричал он.— Вот и Насимонте! И… помилуй, леди, мне кажется, что нас пришли приветствовать полпровинции.

Караван остановился на широкой луговине с короткой густой травой, настолько головокру-

жительно зеленой, что она казалась какого-то другого цвета и необъяснимого оттенка из другого края спектра. Под сверкающим полуденным солнцем уже шло великое празднество, которое, должно быть, растянулось на мили: десятки тысяч людей устроили карнавал на всем обозримом пространстве.

Под оглушающий грохот пушек и пронзительные резкие звуки систиронов и двухструнных галистанов залп за залпом дневной фейерверк поднимался над головами, вырисовывая затейливые, четко обозначенные фигуры из черного и фиолетового цветов на чистом ясном небе. Ходоки на ходулях высотой в двадцать футов, надевшие клоунские маски с раздутыми красными лбами и гигантскими носами, резвились в толпе. Были сооружены высокие мачты, на которых весело трепетали знамена с изображением лучистой звезды; полдюжины оркестров одновременно на полдюжине разных помостов разразились гимнами, маршами, хоралами; собралась настоящая армия жонглеров, возможно, из всех шестисот лиг, кто обладал хоть каким-то умением, так что в воздухе было тесно от булав, ножей, топориков, горящих факелов, ярко раскрашенных мячей и сотни других предметов, летающих вверх и

вниз, отдавая должное любимому развлечению лорда Валентайна. После мрака и темноты Лабиринта это было самое восхитительное зрелище, какое только можно было представить после возобновления крестного хода: неистовое, захлестывающее, насыщенное весельем, совершенно очаровательное.

В середине всего этого, невозмутимо ожидая возле места, где остановился караван плавунов, стоял высокий сухопарый мужчина чуть старше средних лет, глаза которого блестели странным напряжением, а огрубелое лицо выражало наивозможнейшую благожелательную улыбку. Это был Насимонте, землевладелец, превратившийся в разбойника и снова ставший землевладельцем, когда-то самозваный герцог утеса Ворняк и повелитель западных пограничных земель, теперь по повелению лорда Валентайна возведенный в титул герцога Эберзинулского.

— О, ты только посмотри! — закричала Карабелла, с трудом выдавливая сквозь смех слова.— Он надел для нас свой разбойничий наряд!

Валентайн кивнул, ухмыльнувшись.

Когда он впервые встретил Насимонте в заброшенных безымянных развалинах какого-то города метаморфов в пустыне к юго-западу от

Лабиринта, герцог с большой дороги был наряжен в причудливую куртку и рейтузы, сшитые из густого рыжего меха какого-то маленького крысоподобного обитателя пустыни, и нелепую шапку из желтого меха. Это было, когда разорившийся, лишенный всего состояния безжалостными разрушениями последователей фальшивого лорда Валентайна (они проходили через этот регион, пока узурпатор совершал свой крестный ход), Насимонте набирался опыта в ограблении воинов в пустыне. Теперь его земли снова стали его собственностью и он мог одеваться, если хотел, в шелк и бархат, и украшать себя амулетами и драгоценными камнями, но вот он был в тех же неряшливых нелепых лохмотьях, которые он предпочитал во время своих лишений. Насимонте всегда был большим оригиналом, и Валентайн подумал, что этот ностальгический выбор одеяния в такой день, как теперь, был ни чем иным, как проявлением оригинальности.

Прошли годы с тех пор, когда Насимонте и Валентайн встречались в последний раз. В отличие от большинства тех, кто сражался на стороне Валентайна в последние дни войны за восстановление, Насимонте не беспокоился о назначении в советники Коронованного на Горе Замка, но хо-

тел лишь возвращения на землю своих предков у подножия горы Эберзинул, прямо над Озером Слоновой Кости. Это было нелегко добиться, поскольку владение землей по закону перешло к другим, когда Насимонте неправомерно потерял ее. Но правительство лорда Валентайна посвятило много времени в первые годы восстановления таким загадкам, и в конечном счете Насимонте вернули все, что принадлежало ему.

Валентайну не хотелось ничего, кроме как сбежать со своего плавуна и обнять своего старого друга по оружию. Но, конечно, протокол запрещал это: он не мог просто ворваться в эту дикую толпу, словно свободный гражданин.

Вместо этого он должен был ждать, пока шла скучная церемония построения охраны Коронованного, где суетились большой, плотный косматый скандар Залзан Кавол, начальник его охраны, кричащий и назойливо машущий всеми четырьмя руками, мужчины и женщины в своей впечатляющей золотисто-зеленой форме, возникающие из плавунов и образующие живую аллею, сдерживая глазеющую толпу, и музыканты короля, начинающие исполнение королевского гимна, и еще многое такое. Наконец Слит и Тунигорн подошли к королевскому

плавуну и открыли его двери, давая возможность Коронованному и его супруге шагнуть в золоченое тепло дня.

Ему пришлось пройти между двойных рядов охраны под руку с Карабеллой до точки на полпути к Насимонте и там ждать, пока подойдет герцог и поклонится, и сделает знак лучистой звезды, и самым торжественным образом поклонится еще и Карабелле…

И Валентайн засмеялся и шагнул вперед, заключив сурового старого разбойника в объятия и тесно прижав его к себе, а потом они зашагали вместе сквозь расступающуюся толпу к трибуне обозрения, возвышающейся над празднеством.

Начался большой парад, как традиция к визиту Коронованного, с музыкантами, жонглерами и акробатами, гарцующими наездниками и клоунами, и дикими животными самого ужасающего вида, которые в действительности вовсе не были дикими, а заботливо приручеными, и следом за этими артистами шли все остальные граждане сбившимися, нестройными рядами, которые, проходя мимо трибуны, выкрикивали: "Валентайн! Валентайн! Лорд Валентайн!"

И Коронованный улыбался, махал и аплодировал, в общем делал то, что должен делать Короно-

ванный во время крестного хода, то есть излучать радость и оживление, и ощущение целостности мира. Теперь он находил это неожиданно трудной работой, несмотря на всю врожденную солнечность его натуры: темная туча, которая прошла сквозь его душу в Лабиринте, все еще омрачала его необъяснимой подавленностью. Но приобщение к празднеству отвлекало его от тяжких дум, и он улыбался, махал и аплодировал до бесконечности.

Приближался вечер, и праздничный настрой ослабел, разве возможно даже в присутствии Коронованного часами веселиться и салютовать, не уставая? После этого всплеска веселья наступила часть, которую Валентайн любил меньше всего, когда он видел в глазах тех, кто его окружал, напряженное, пытливое любопытство, все это словно напоминало, что король — это чудище, священное идолище, и даже пугающее для тех, кто знает его только как титул, корону, горностаевую мантию, место в истории. Эта часть тоже была терпеливо перенесена, пока наконец все шествие не прошло мимо и назойливый шум веселья сменился более тихим гулом беспокоящейся толпы, бронзовые тени удлинились, а воздух стал холоднее.

— Мы пойдем теперь ко мне, ваша светлость? — спросил Насимонте.

— Думаю, что пора,— сказал Валентайн.

Замок Насимонте оказался причудливым, удивительным сооружением, которое расположилось на обнажившейся плите розового гранита, как некое летающее существо без перьев, приземлившееся, чтобы сделать короткую передышку. По правде, это напоминало шатер, но шатер настолько странный и такого размера, какого Валентайн никогда не представлял. Тридцать или сорок высоких столбов поддерживали огромные раскинутые крылья туго натянутой темной материи, которая поднималась к потрясающе крутым вершинам, потом опускалась почти до уровня земли и снова под острым углом взбиралась вверх, образуя примыкающую палату. Казалось, дворец мог быть разобран за час и перевезен в другое место, и все же в нем была большая сила и мощь, парадоксальное единство постоянства и прочности с воздушностью и легкостью.

Внутри это ощущение постоянства и прочности закреплялось толстыми коврами в милиморнском стиле, темно-зеленые с ярко-красными переливами, они были вытканы с нижней стороны крыши шатра, придавая ей богатую живую

текстуру, а тяжелые мачты шатра были опоясаны сверкающим металлом, полы же выстланы бледно-фиолетовой плиткой, тонко обрезанной и тщательно отполированной, мебель была простой — диваны, длинные, массивные столы, кое-какие старомодные шкафчики и еще немногое, но все прочное и в своем роде царское.

— Этот дворец чем-то похож на тот, что сожгли факелами солдаты узурпатора? — спросил Валентайн, оставшись наедине с Насимонте.

— В конструкции полностью совпадает во всех отношениях, милорд. Оригинал, вы знаете, был спроектирован первым и самым великим Насимонте шестьсот лет назад. Когда мы строили снова, мы использовали старые планы и не изменили ничего. Я вернул кое-что из мебели от кредиторов и скопировал остальное. Плантация тоже — все точно так же, как было до того, как они пришли и устроили свой пьяный дебош. Плотина была воссоздана, поля осушены, фруктовые деревья пересажены; пять лет постоянного труда — и теперь, наконец, разрушения той ужасной недели восстановлены. И всем этим я обязан вам, милорд. Вы создали меня заново… вы весь мир создали заново…

— Я молюсь, чтобы все так оставалось.

— Все так и будет, милорд.

— О, ты так думаешь, Насимонте? Ты думаешь, что у нас больше нет тревог?

— Какие тревоги, милорд? — Насимонте легко дотронулся до руки Коронованного и повел его на широкий балкон, с которого открывался восхитительный вид на его владения. В полночном блеске и мягком сиянии привязанных к деревьям желтых плофлотов Валентайн увидел широкий изгиб лужайки, ведущий вниз к образцово содержащимся полям и садам и за ней прозрачный полумесяц Озера Слоновой Кости, на блестящей поверхности которого отражалось множество вершин и утесов Горы Эберзинул, доминирующей на местности. Слышался слабый звук отдаленной музыки, возможно, звуки гардоланов и какие-то голоса, возвысившиеся в последних протяжных песнях долгого праздничного вечера.

Все вокруг выражало спокойствие и процветание.

— Когда вы смотрите на это, милорд, можете ли вы поверить, что в мире существуют тревоги?

— Я понимаю тебя, старина. Но мир — это не только то, что мы видим с высоты твоего балкона.

— Это самый спокойный из миров, милорд.

— Так было тысячи лет. Но сколько еще будет продолжаться это долгое его спокойствие?

Насимонте с удивлением посмотрел на Валентайна, словно впервые сегодня увидел его.

— Милорд?

— Я кажусь печальным, Насимонте?

— Я никогда не видел вас таким мрачным, милорд. Я мог бы почти поверить, что трюк снова удался, что ложный Валентайн заменил того, которого я знал.

Со слабой улыбкой Валентайн сказал:

— Я — подлинный Валентайн. Но очень усталый, как мне кажется.

— Идемте. Я покажу вам вашу комнату, и когда отдохнете, спокойно поужинаем, кроме нас будут: моя семья, несколько городских гостей и ваши люди… Всего человек пятьдесят.

— В сравнении с Лабиринтом это почти интимно,— повеселел Валентайн.

Он последовал за Насимонте по темным и таинственным переходам в расположенное обособленно крыло на восточном склоне утеса. Здесь, за внушительным заграждением скандарской охраны, куда входил и сам Залзан Кавол, находились королевские покои. Валентайн, расставшись с хозяином, вошел и увидел внутри

одну Карабеллу, истомленно нежившуюся в ванне, выложенной нежно-голубой и золотистой ни-мойской плиткой, ее стройное тело смутно виднелось под странно потрескивающей дымкой над поверхностью воды.

— Это удивительно! — сказала она.— Входи сюда, ко мне, Валентайн.

— Я сделаю это с величайшей радостью, леди!

Он сбросил свои сапоги, стащил камзол, отбросил в сторону тунику и с благодарным вздохом скользнул в ванну. Вода была пенящейся, почти наэлектризованной, и теперь, когда он был в ней, то увидел слабое мерцание, играющее над поверхностью. Закрыв глаза, он отклонился назад и положил голову на гладкий, выложенный кафелем край и обвил рукой Карабеллу, прижимая ее к себе. Он слегка поцеловал ее в лоб, а потом, когда она повернулась к нему, то и в высунувшейся из воды холмик ее маленькой круглой груди.

— Что они добавили в воду? — спросил он.

— Она течет из естественного источника. Постельничий назвал ее радиоактивной.

— Я сомневаюсь в этом,— сказал Валентайн.— Радиоактивность — это что-то другое, что-то очень мощное и опасное. Я изучал это, как мне кажется.

— Разве она не такая?

— Я не могу сказать. Слава Богу, что у нас на Маджипуре такого нет. Но если бы было, я не думаю, чтобы купались в ней. Это, должно быть, какой-то живительный вид минеральной воды.

— Очень живительный,— сказала Карабелла.

Они молча купались некоторое время. Валентайн чувствовал, как энергия постепенно возвращается к нему. Возбуждающая вода? Успокаивающее присутствие Карабеллы рядом и, наконец, свобода от давления придворных, последователей, почитателей, жалобщиков и веселящихся горожан? Да, и еще раз да, все это могло только помочь ему отвлечься от грустных размышлений, а также его врожденная жизнерадостность должна была проявиться, наконец, вызволив его из этой странной, постоянно гнетущей темноты, которая давила на него с момента приезда в Лабиринт. Он улыбнулся. Карабелла потянулась к нему губами, и его руки скользнули вниз по ее гладкому податливому телу к упругому, мускулистому животу, к сильным, гибким бедрам.

— В ванне? — словно во сне спросила она.

— Почему бы и нет? Эта вода волшебная.

— Да. Да.

Она заплыла на него. Ее широко раздвинутые ноги оседлали его, полузакрытые глаза на мгновение встретили его взгляд и закрылись. Валентайн обхватил ее тугие маленькие ягодицы и направил ее на себя. Прошло десять лет, думал он, с той первой ночи в Пидруиде на той залитой лунным светом поляне под высокими серо-зелеными кустами после праздника в честь того, другого лорда Валентайна. Трудно представить — десять лет, а волнующее влияние никогда не ослабевало для него. Он сжимал ее в объятиях, и они двигались в ритме, с которым давно освоились, но который не становился рутиной. Он перестал думать о той первой ночи и всех других, обо всем на свете, кроме тепла, любви и счастья…

После, когда они оделись, чтобы идти на обещанный Насимонте ужин, она спросила:

— Ты серьезно желаешь сделать Хиссуна Коронованным?

— Что?

— Мне кажется, ты именно об этом говорил раньше — те твои загадки, как только мы прибыли на празднество, ты помнишь?

— Я помню,— сказал Валентайн.

— Если ты предпочитаешь не обсуждать…

— Нет. Нет. У меня нет причин дальше скры-

вать это от тебя.

— Так ты серьезно!

Валентайн нахмурился:

— Я думаю, он мог бы быть Коронованным, да. Эта мысль проскочила у меня в голове, когда он был просто грязным мальчуганом, бесцеремонно расталкивающим короны и королей в Лабиринте.

— Но может ли простой человек стать Коронованным?

— Ты, Карабелла, которая была уличной жонглершей, а теперь супруга Коронованного, можешь спрашивать об этом?

— Ты влюбился в меня и сделал необдуманный и необычный выбор, который, ты знаешь, не был принят некоторыми.

— Только несколькими глупыми лордами. Ты восторженно принята всем остальным миром как моя верная жена.

— Возможно. Но в любом случае супруга — это не Коронованный, и простые люди никогда не признают Коронованным одного из таких же, как они. Для них Коронованный — это королевский, священный, почти Бог. Так думала и чувствовала я, когда была там, среди них, в прежней моей жизни.

— Тебя приняли. Его примут тоже.

— Это кажется так деспотично — взять мальчика из ниоткуда, поднять его на такую высоту. Почему не Слита? Не Залзана Кавола? Любого наугад?

— У Хиссуна способности. Я это знаю.

— Я не судья в этом деле. Но мысль, что маленький оборвыш будет носить корону, кажется мне ужасно странной, слишком странной, чтобы быть даже сном.

— Разве Коронованный всегда должен выходить из одной и той же узкой клики на Горе Замка? Так это было, да, сотни лет… тысячи, возможно, Коронованный всегда выбирался из какой-нибудь благородной семьи Горы. Или даже если и не из одной из них,— а я не могу так сразу сказать тебе, когда в последний раз мы делали выбор за пределами Горы,— он неизменно был знатного происхождения, сын принцев и герцогов. Я не думаю, что наша система с самого начала была так задумана, или иначе почему нам запрещено иметь наследственных монархов? А теперь, Карабелла, такие большие проблемы выходят на поверхность, что мы должны отвернуться от Горы в поисках ответов. Мы слишком изолированы там, наверху. Я часто думаю, что

мы понимаем даже меньше, чем ничего. Мир в опасности, настало время возродиться, отдать корону кому-нибудь действительно из внешнего мира, кому-то не из нашей увековечившей себя аристократии, кому-то, кто имеет шанс вырасти, зная жизнь снизу.

— Все же он так молод!

— Время позаботиться об этом,— сказал Валентайн.— Я знаю, что уже многие думают, что я должен стать Понтификом, но я буду разочаровывать их так долго, как смогу. Мальчик сначала должен пройти полную подготовку. И я не испытываю, как тебе известно, большого желания попасть в Лабиринт.

— Нет,— сказала Карабелла.— Но мы говорим, будто настоящий Понтифик уже мертв или находится на пороге смерти. Но Тиверас все еще живет.

— Он живет, да,— согласился Валентайн,— по меньшей мере в определенном смысле этого слова. Я молюсь, пусть он поживет еще какое-то время.

— И когда Хиссун будет готов?..

— Тогда я дам Тиверасу, наконец, отдохнуть.

— Мне трудно представить тебя Понтификом, Валентайн.

— Мне даже труднее, любимая. Но я буду им, потому что я должен. Только не сейчас, не сейчас, вот чего я прошу!

После паузы Карабелла сказала:

— Ты наверняка разрушишь распорядок на Горе Замка, если сделаешь это. Не предполагается ли, что Элидат будет следующим Коронованным?

— Он очень дорог мне.

— Ты много раз сам называл его предполагаемым наследником.

— Я так говорил,— сказал Валентайн,— но Элидат очень изменился со времени нашей совместной учебы. Ты знаешь, любимая, всякий, кто страшно хочет быть Коронованным, просто не пригоден для трона. Но он по меньшей мере должен хотеть. Должен иметь ощущение призвания, какой-то внутренний огонь.

Я думаю, в Элидате этот огонь угас.

— Ты думал, что этот огонь угас и в тебе, когда ты занимался жонглированием и тебе впервые сказали о твоем более высоком предназначении.

— Но он вернулся, Карабелла, когда мое прежнее сознание вернулось ко мне! И он продолжает гореть. Я часто устаю от моей короны… но, думаю, никогда не пожалел, что обладаю ею.

— А Элидат пожалеет?

— Я так подозреваю. Он изображает сейчас Коронованного, пока меня нет. Мне кажется, что это ему не очень нравится. Кроме того, ему больше сорока. Коронованный должен быть молодым человеком.

— Сорок — это еще молодой, Валентайн,— сказала Карабелла с игривой улыбкой.

Он пожал плечами:

— Надеюсь, это так, любимая. Но я напоминаю тебе, если все будет по-моему, еще долго не будет причин назначать нового Коронованного. А к тому времени, я думаю, Хиссун подготовится, и Элидат тактично отойдет в сторону.

— Но будут ли так же тактичны другие лорды Горы?

— Они должны будут отойти тоже,— сказал Валентайн, предлагая ей свою руку.— Идем. Насимонте ждет нас.

Поскольку это был пятый день пятой недели пятого месяца, и был святым днем, который знаменовал исход из древней столицы у моря, было необходимо исполнить важный ритуал почтения, прежде чем Фараатаа мог приступить к установлению контакта с агентами в близлежащих провинциях.

Это было то время года, когда дожди в Пиури-

фаине шли два раза в день: один раз за час до рассвета и еще раз в сумерки. Было необходимо исполнить Велализьерский ритуал в темноте, а также в сухом месте, и потому Фараатаа наказал себе проснуться в тот час ночи, который известен как Час Шакала, когда солнце еще висит над Альханроелем на востоке.

Не беспокоя тех, кто спал рядом с ним, он выбрался из хрупкого плетеного домика, который был построен за день до этого — Фараатаа и его сторонники беспрестанно перемещались, так было надежнее,— и скользнул в лес. Воздух был влажным и душным, как всегда, но не было еще признаков утреннего дождя.

Он видел в сиянии блеска звезд, проходящих в разрывах облаков, другие фигуры, углубляющиеся в джунгли. Но он не признал их, как и они его. Велализьерский ритуал почтения выполнялся в одиночку: частный ритуал общего горя. Об этом никогда не говорили, это просто делали на пятый день пятой недели пятого месяца. И когда дети достигали возраста, им говорили, как это делается, но всегда совестливо, всегда печально. Таков был Путь.

Он прошел в лес на предписанные триста широких шагов, но он не мог молиться прямо здесь,

потому что воздушные связки мерцающих колокольчиков свешивались с каждой ветки их стволов, бросая резкий оранжевый отблеск. Неподалеку он высмотрел могучее, стоящее в стороне старое дерево двикка, которое было расщеплено молнией несколько веков назад, с глубокой, испещренной обугленной раной, покрытой по краям новой коричневой корой, его-то и можно было использовать в качестве храма. Свет мерцающих колокольчиков не проникал туда.

Стоя обнаженный в укрытии огромной расселины двикки, он выполнил сначала Пять изменений.

Его кости и мышцы растеклись, клетки его кожи видоизменились, и он стал Красной женщиной, а после нее Слепым Гигантом, а потом Мужчиной без кожи, а в четвертой перемене он принял образ Последнего короля, а потом, глубоко вздохнув и призвав все свои силы, он стал Наследным принцем. Для Фараатаа Пятая перемена была самой трудной: ему требовалось видоизменить не только внешние очертания тела, но и контуры самой души, которую он должен был очистить от всей ненависти, жажды мести, страсти к уничтожению. Наследный принц был выше всего этого. У Фараатаа не было надежды

достичь этого. Он знал, что в его душе не обитает ничего, кроме ненависти, жажды мести, страсти к уничтожению. Чтобы стать Наследным принцем, он должен был опустошить себя до оболочки, а этого он не мог сделать. Но был способ приблизиться к желаемому состоянию. Он подумал о том времени, когда все, для чего он работал, будет исполнено: враг уничтожен, покинутые земли вновь освоены, ритуалы восстановлены, мир возрожден заново. Он погрузился в эту эру и позволил радости овладеть им. Он выдавил из своей души воспоминания о поражении, ссылке, лишениях. Он видел ожившие шатры мертвого города. В тисках такого видения какая необходимость мстить? Какого врага ненавидеть и уничтожать? Незнакомое и удивительное спокойствие распространилось в его душе. День возрождения наступил, все прекрасно в мире, его боль ушла навсегда, и ему можно было отдохнуть.

В этот момент он принял форму Наследного принца. Поддерживая эту форму внутренним усилием, ослабевающий со временем, он встал на колени и разложил камни и перья на месте алтаря. Он поймал двух ящериц и ночного ползающего брууля и использовал их как жертвоприношение. Затем прошел Три Жидкости

— слюну, мочу и слезы. Далее собрал булыжники и разложил их в виде крепостного вала Велализьера. Фараатаа произнес Четыре Горя и Пять Печалей. Он упал на колени и ел землю. Образ потерянного города возник в его голове: крепостной вал из голубого камня, обитель короля, Площадь Неизменности, Столы Богов, шесть высоких храмов, седьмой, который был осквернен, Гробница, Дорога расставаний. Все еще с усилием сохраняя форму Наследного принца, он рассказал себе Легенду Гибели Велализьера, переживая эту темную трагедию с помощью грации и ауры принца. Благодаря им, он мог постичь утрату великой столицы не с болью, но с настоящей любовью, видя в ней необходимую стадию в развитии его народа, неизбежную, неминуемую. Когда он понял, что пришел к познанию этой истины, он позволил себе изменить форму, возвращаясь к образам Последнего короля, Мужчины без кожи, Слепого гиганта, Красной женщины и потом, наконец, к образу Фараатаа из Авендройна.

Это было исполнено.

Он лежал, распростершись лицом вниз, на мягкой, покрытой мхом почве, когда закапал первый утренний дождь.

Спустя некоторое время он поднялся, собрал

камни и перья маленького алтаря и пошел назад к хижине. Спокойствие Наследного принца все еще сохранялось в его душе, но он теперь стремился избавиться от этой милосердной ауры: пришло время начинать дело. Такие вещи, как ненависть, разрушение и месть, могли быть чужды духу Наследного принца, но они были необходимыми инструментами в решении создания королевства принца. Он ждал возле хижины, пока достаточное число других вернулось со своих ритуалов. Один за другим они занимали свои позиции возле него; Ааризиим с рукой на правом плече Фараатаа, Бенуунаб — на левом, Сиимин, касающийся лба, Миизиим — поясницы, а остальные собрались концентрическими окружностями вокруг этих четырех, держась за руки.

— Итак,— сказал Фараатаа, и их мысли соединились в едином порыве.

— Морской брат!

Напряжение было таким сильным, что Фараатаа почувствовал, как его форма растекается и меняется, как у ребенка, только что научившегося использовать силу. Он выпустил перья, когти, шесть страшных клювов, он превратился в билантуна, сидимиона и фыркающего яростного бидлака. Те, что были возле него, обхватили

его еще сильнее, хотя напряжение его послания имело такую силу, что некоторые из них, как и он, метались из одной формы в другую.

— Брат! Услышь меня! Помоги мне!

И из просторов глубин появился образ огромных темных крыльев, медленно раскрывающихся и складывающихся над титаническими телами. А потом голос, похожий на сотню колоколов, прозвеневших одновременно:

— Я слышу тебя, маленький земной брат!

Тот, который говорил, был водяной король Маазмоорн. Фараатаа узнавал всех их по мелодии их мозга: Маазмоорн — колокола, Джируз — раскатистый гром, Шейтун — медленный, печальный барабанный стук. Великих королей были десятки, и у каждого голос, который нельзя спутать с другим.

— Перенеси меня, о, король Маазмоорн!

— Иди на меня, о, земной брат.

Фараатаа почувствовал тягу, подчинился ей и был принят вверх и вынесен наружу, оставив свое тело позади. В мгновение он очутился у моря, еще мгновение — и он вошел в него, а потом он и Маазмоорн слились в одно. Исступленный восторг переполнил его. Это слияние, это объединение было таким сильным, что оно само по

себе могло быть окончанием. Восторг, который подчинил бы все желания, если бы он позволил это. Но он никогда не позволит этого.

Положение возвышающегося интеллекта водяного короля само было как океан — безграничное, всеохватывающее, неизмеримо глубокое. Фараатаа, погружаясь все ниже, ниже и ниже, потерялся в нем. Но ни на мгновение не терял он осознания своей задачи. Через мощь водяного короля он добьется того, чего никогда не мог бы сделать один. Собравшись он сфокусировал свой сильный разум и со своего места, из середины этой теплой, качающейся огромности, подал послания, которые он прибыл отсюда передать.

— Сааре́ккин?

— Я здесь.

— Что скажешь?

— Люсавенда полностью уничтожена по всему восточному Ущелью. Мы укоренили грибок, и он распространился сам по себе.

— Какие действия предпринимает правительство?

— Сжигает инфицированные посевы. Это бесполезно.

— Победа за нами, Сааре́ккин!

— Победа за нами, Фараатаа!

— Тии-Хаанимак?

— Я слышу тебя, Фараатаа.

— Какие новости?

— Отрава распространилась с дождем, и деревья нийка уничтожены во всем Дулорне. Она проникла в почву и уничтожает глейн и стаджу. Мы готовим следующую атаку. Победа за нами, Фараатаа!

— Победа за нами! Инириис?

— Я — Инириис. Корни долгоносика цветут и распространяются на полях Зимроеля. Они истребят рикку и милашь.

— Когда будут видны результаты воздействия?

— Они видны сейчас. Победа за нами, Фараатаа!

— Мы завоевали Зимроель. Сражение теперь должно перенестись на Альханроель, Инириис. Начинай перевозить своих долгоносиков через Внутреннее море.

— Это будет сделано.

— Победа за нами, Инириис! Ю-Уулизаан?

— Здесь Ю-Уулизаан, Фараатаа.

— Ты еще следуешь за Коронованным?

— Следую. Он покинул Эберзинул и направляется в Треймон.

— Он знает, что происходят в Зимроеле?

— Он ничего не знает. Великий крестный ход полностью поглощает его энергию.

— Доложи ему тогда. Скажи ему о долгоносиках в долине Зимра, о болезни люсавенды в Ущелье, о гибели нийка, глейна и стаджи западнее Дулорна.

— Я, Фараатаа?

— Мы должны вплотную приблизиться к нему. Новости должны дойти до него рано или поздно по официальным каналам. Пусть они сначала придут от нас, и пусть это будет наш способ приближения к нему. Ты будешь его советником по болезням растений, Ю-Уулизаан. Расскажи ему эти новости и помоги ему в борьбе с этими гибельными болезнями. Мы должны знать, какие будут планироваться контрмеры. Победа за нами, Ю-Уулизаан.

— Победа за нами, Фараатаа!

Записка нашла главного представителя Хорнкаста спустя час после отправления в его уединенном приюте на верхнем уровне прямо за Сферой Тройных Теней.

"Будьте у меня в Тронном Зале прямо сейчас. Сепультров".

Главный представитель взглянул на посыльных. Они знали, что его никогда не беспокоили в

этой комнате, за исключением срочных дел.

— Что это? Он умирает? Уже умер?

— Нам не сказали.

— Сепультров не показался необычно встревоженным?

— Он казался обеспокоенным, но я не знаю…

— Хорошо, Все в порядке. Я буду через минуту.

Поспешно Хорнкаст умылся и оделся. Если это действительно случилось, печально думал он, то это случилось в самый неподходящий момент. Тиверас ожидал своей смерти по меньшей мере дюжину десятилетий, не мог он продержаться еще час или два? Если это действительно случилось.

Золотоволосая женщина, которая была у него, сказала:

— Мне оставаться здесь, пока ты не вернешься?

Он покачал головой:

— Неизвестно, сколько времени это отнимет. Если Понтифик умер…

Женщина сделала знак Лабиринта:

— Боже упаси.

— В самом деле,— сухо сказал Хорнкаст.

Он вышел. Сфера Тройных Теней, поднятая высоко над светящимися стенами из обсидиана

[4] рыночной площади, была в своей самой яркой фазе, бросая жуткий бело-голубой свет, который сглаживал все ощущения размеренности и ширины:

прохожие выглядели как бумажные фигурки, летящие в слабом дыхании бриза. Вместе с трудом поспевавшими за ним посыльными Хорнкаст пересек площадь, торопясь к частному лифту, двигаясь, как всегда с живостью, противоречащей его восьмидесяти годам.

Спуск в императорскую зону был бесконечным. Умер? Умирает? Непонятно. Хорнкаст понял, что он никогда не принимал в расчет возможность внезапной естественной смерти Тивераса. Сепультров заверил его, что приборы не выйдут из строя, что Понтифик может содержаться живым, если будет нужно, еще двадцать или тридцать лет, а может быть, даже пятьдесят. И главный представитель предполагал, что смерть Понтифика, когда она наступит, будет результатом тщательно подготовленного политического решения, но никак не будет случайностью, тем более рядовым обычным утром. А если это случилось? Лорд Валентайн должен быть вызван сразу

---

[4] Примечания: 4
Вулканическое стекло

с западных земель. О, как ему это не понравится, тащиться в Лабиринт, не успев благополучно начать свой крестный ход! Я должен буду уйти в отставку, конечно, говорил себе Хорнкаст. Валентайн захочет иметь своего собственного главного представителя: этот маленький человек со шрамом, Слит, без сомнения, или даже урун. Хорнкаст подумал, как это будет выглядеть — подготовить одного из них к обязанностям службы, которую он выполнял так долго. Слит, полный презрения и снисходительности, или колдун урун — эти огромные сверкающие глаза, этот клюв, щупальца…

Это будет моей последней обязанностью,— проинструктировать нового главного представителя, а потом я уйду, думал он, и мне кажется, я недолго проживу после утраты своей службы. Элидат, я полагаю, станет Коронованным. Говорят, что он хороший человек, его очень ценит лорд Валентайн, почти как брата. Как странно после стольких лет снова иметь настоящего Понтифика, активно работающего со своим Коронованным! Но я не увижу этого, говорил себе Хорнкаст. Меня здесь не будет.

Наконец, полный дурных предчувствий и смирения, он оказался у витиевато разукрашен-

ной двери императорского Тронного Зала. Он просунул руку в перчатку опознавания и сжал холодный податливый шарик внутри, и от его прикосновения дверь отворилась, обнаруживая большой шар императорской комнаты, величественный трон на трех широких ступеньках, сложные механизмы системы поддержания жизни Понтифика и внутри пузыря из светло-голубого стекла, который держал его так много лет, фигуру самого Понтифика с длинными конечностями, сухую, закутанную в парчу, словно похожую на его собственную мумию, выпрямившуюся на своем месте: челюсти сжаты, глаза блестят, все также блестят непрекращающейся жизнью.

Знакомая группа гротескных фигур стояла рядом с троном: древний Дилифон, поношенный и трясущийся личный секретарь, толковательница снов Понтифика ведьма Наррамира и врач Сепультров с крючковатым носом, кожей цвета высохшей грязи. От них, даже от Наррамиры, которая сохраняла себя молодой и неправдоподобно красивой своими колдовскими приемами, исходила пульсирующая аура дряхлости, разложения, смерти. Хорнкаст, который видел этих людей в течение сорока лет, никогда прежде не

чувствовал так сильно, какие они страшные, и он знал, что сам он, должно быть, также страшен. Возможно, время пришло, думал он, вычистить нас всех прочь.

— Я пришел сразу, как только ко мне явились посыльные,— сказал он и посмотрел в сторону Понтифика.— Ну? Он умирает, так? Мне он кажется все таким же.

— Он очень далек от того, чтобы умереть,— сказал Сепультров.

— Тогда что происходит?

— Слушайте,— сказал грач.— Он начинает снова.

Существо в глобусе зашевелилось, закачалось в слабой зевоте. Низкий воющий звук послышался из Понтифика, а потом что-то вроде полусвистящего фырканья и густое пузырящееся журчание, которое продолжалось и продолжалось.

Хорнкаст и прежде много раз слышал эти звуки. Они были собственным языком, который Понтифик изобрел в своей глубокой дряхлости и которым овладел только главный представитель. Некоторые были почти словами или призраками слов, и внутри их расплывчатых очертаний истинное значение все же угадывалось. Другие с годами эволюционировали из слов в не более

чем шум, но Хорнкаст, поскольку он наблюдал эту эволюцию на различных этапах, знал, что имелось в виду выразить. В некоторых не было никакого словесного содержания, только стоны и вздохи, и некоторые, казалось, вообще не имели сопоставлений в человеческом языке, но все же имевшие определенную сложность формы, которые могли обозначать понятия, ощущаемые Тиверасом в его долгой, сумасшедшей бессонной изоляции, и были известны ему одному.

— Я слышу обычное, — сказал Хорнкаст.

— Подождите.

Он слушал. Он услышал цепочку слогов, что означало: лорд Молибор. Понтифик забыл о двух последователях Молибора и думал, что Молибор все еще был Коронованным… а затем путаница других королевских имен: Престимион, Конфалюм, Деккерет. Снова Молибор. Слово, означающее сон. Имя Осиера, который был Понтификом до Тивераса. Имя Кинникена, который предшествовал Осиеру.

— Он копается в отдаленном прошлом, как зачастую это делает. Для этого вы меня с такой срочностью позвали сюда вниз?

— Подождите.

В нарастающем раздражении Хорнкаст снова

обратил свое внимание на неразвитой монолог Понтифика и был ошеломлен, услышав впервые за многие годы отчетливо произнесенное, совершенно узнаваемое слово — Жизнь.

— Вы слышали? — спросил Сепультров.

Хорнкаст кивнул:

— Когда это началось?

— Часа два, два с половиной назад.

— Мы сделали запись всего этого,— сказал Дилифон.

— Что еще он сказал, что вы смогли понять?

— Семь или восемь слов,— ответил Сепультров.— Возможно, есть и другие, которые только вы сможете опознать.

Хорнкаст посмотрел в сторону Наррамиры:

— Он проснулся или грезит во сне?

— Мне кажется, неверно использовать тот или другой термин в связи с Понтификом,— ответила она.— Он живет в обоих состояниях сразу.

— Давай. Вставай. Иди.

— Он говорил это раньше, несколько раз,— пробормотал Дилифон.

Последовало молчание. Понтифик, казалось, погрузился в сон, хотя глаза его были еще открыты. Хорнкаст посмотрел печально.

Когда Тиверас впервые заболел, в начале прав-

ления лорда Валентайна, казалось единственно возможным поддерживать жизнь старого Понтифика только таким образом, и Хорнкаст был одним из самых энергичных сторонников схемы, которую предложил Сепультров. Никогда прежде не случалось, чтобы Понтифик пережил двух Коронованных, так что третий Коронованный пришел к власти, когда Понтифик был уже в предельно старом возрасте. Это исказило динамику императорской системы. Сам Хорнкаст указал в то время, что лорд Валентайн, молодой и неопытный, только осваивающий обязанности Коронованного, не может быть отправлен в Лабиринт так скоро. По общему согласию было необходимо, чтобы Понтифик оставался на своем троне еще несколько лет, если возможно сохранить его жизнь. Сепультров нашел способ сохранить его живым, хотя было очевидно, что Тиверас впал в дряхлость и пребывал в безнадежно помешанном состоянии между смертью и жизнью.

Но потом случился эпизод с узурпацией, а потом трудные годы восстановления, когда вся энергия Коронованного была необходима для исправления хаоса переворота. Тиверас должен был оставаться в своей тюрьме год за годом. Хо-

тя продление жизни Понтифика означало для Хорнкаста продление собственного пребывания у власти. И власть, которую он скопил ввиду невыполнения своих обязанностей Понтификом, была громадной, тем не менее было отвратительно наблюдать за этим жестоким поддержанием жизни, которая давно уже заслуживала окончания. Все же лорд Валентайн просил еще время и еще, чтобы закончить свою работу как Коронованного. Уже восемь лет — и этого времени еще недостаточно? С удивлением Хорнкаст обнаружил, что почти уже был готов молиться за избавление Тивераса из этого плена. Если бы только было возможно дать ему спать!

— Ва… Ва…

— Что это? — спросил Сепультров.

— Что-то новое! — прошептал Дилифон.

Хорнкаст шепотом заставил их замолчать.

— Ва… Валентайн.

— Это в самом деле новое! — сказала Наррамира.

— Валентайн Понтифик… Валентайн Понтифик Маджипуры.

Последовало молчание. Эти слова, отчетливо произнесенные, свободные от всякой двусмысленности, парили в воздухе, как взорвавшиеся

солнца.

— Я думал, что он забыл имя Валентайна,— сказал Хорнкаст.— Он думает, что Молибор Коронованный.

— Очевидно, он так не думает,— сказал Дилифон.

— Иногда, ближе к концу,— тихо сказал Сепультров,— мозг восстанавливается. Я думаю, что его здравомыслие возвращается.

— Он так же безумен, как всегда! — закричал Дилифон.

— Упаси Бог, чтобы он восстановил свой рассудок и узнал, что мы сделали с ним!

— Я думаю,— сказал Хорнкаст,— что он всегда знал, что мы сделали с ним и что он не только восстанавливает свой рассудок, но и способность общаться с нами при помощи слов. Вы слышали его: Валентайн Понтифик. Он приветствует своего преемника, и он знает, кто должен быть его преемником. Сепультров, он умирает?

— Приборы не показывают физических изменений. Я думаю, что он может продолжать это еще неопределенно долго.

— Мы не должны этого позволить,— сказал Дилифон.

— Что вы предлагаете? — спросил Хорнкаст.

— Это продолжалось достаточно долго. Я знаю, что это значит — быть старым, Хорнкаст… возможно, ты знаешь тоже, хотя внешне ты этого не показываешь. Этот человек в полтора раза старше любого из нас. Он страдает от таких вещей, которые мы вряд ли можем представить. Я говорю: нужно положить этому конец. Теперь. Прямо сегодня.

— Мы не имеем права,— сказал Хорнкаст.— Я говорю вам, что сочувствую его страданиям так же, как и вы. Но не наше право решать это.

— Тем не менее кончайте.

— Лорд Валентайн должен принять ответственность за совершение этого.

— Лорд Валентайн никогда не примет,— пробормотал Дилифон.— Он будет сохранять этот фарс еще пятьдесят лет!

— Это его право,— твердо сказал Хорнкаст.

— Мы его слуги или слуги Понтифика? — спросил Дилифон.

— Это одно правительство, с двумя монархами, и только один из них сейчас является компетентным. Мы служим Понтифику, служа Коронованному. И…

Из поддерживающей жизнь камеры донесся рев гнева и потом жуткий, свистящий, подавлен-

ный звук, и потом трижды раздалось рычание. И потом слова, даже еще яснее, чем раньше

— Валентайн… Понтифик Маджипуры… да здравствует.

— Он слышит, что мы говорим, и это сердит его. Он просит смерти — сказал Дилифон.

— Или, возможно, он думает, что уже достиг ее,— предположила Наррамира.

— Нет. Нет. Дилифон прав,— сказал Хорнкаст.— Он подслушал нас. Он знает, что мы не хотим дать ему то, что он просит.

— Давай. Вставай. Иди.— Рев. Невнятный лепет,— Смерть! Смерть! Смерть!

В отчаянии, какого он не испытывал десятилетия, главный представитель бросился к поддерживающему жизнь глобусу, намереваясь оборвать его провода, трубки и положить этому конец. Но, конечно, это было бы безумием. Хорнкаст остановился, уставился внутрь, его глаза встретились с глазами Тивераса, это заставило его отступить, когда эта великая печаль излилась на него. Понтифик снова был в здравом уме. Это было неоспоримо. Понтифик понял, что в смерти ему было отказано по причине государственной важности.

— Ваше величество! — обратился Хорнкаст сво-

им густым сочным голосом.— Ваше величество, вы слышите меня? Закройте один глаз, если вы слышите меня.

Ответа не было.

— Я думаю, все-таки, что вы меня слышите, ваше величество. И я скажу вам: мы знаем, отчего вы страдаете. Мы не дадим вам слишком долго терпеть это. Это мы вам обещаем, ваше величество.

Молчание. Неподвижность. Потом:

— Жизнь! Боль! Смерть!

А потом стоны, лепет, свист, крик — это была словно песня, доносящаяся из могилы.

— …А это обитель Леди,— сказал лорд-мэр Самбигель, показывая высоко вверх на удивительно отвесный утес, который поднимался прямо на востоке его города.— Самая святая из ее обителей, не считая, конечно, самого Острова.

Валентайн всмотрелся. Обитель сверкала, как одинокий белый глаз на темном лбу утеса.

Уже шел четвертый месяц великого крестного хода, или пятый, или, возможно, шестой: дни и недели, города и провинции, все начинало расплываться и сливаться. Сегодня он прибыл в большой порт Алазор на северо-западном побережье Альханроеля. Позади него лежат Треймон,

Стоензар, Вилимонг

Естотилаун, Кимойзе, город на городе, все слилось в его голове в одну громадную метрополию, которая распростерлась, как какое-то ленивое многорукое чудовище на земле Маджипуры.

Самбигель — невысокий смуглый мужчина с полоской черной густой бороды, окаймляющей лицо, бубнил, не переставая, приветствуя прибытие Коронованного самыми высокопарными банальностями. Глаза Валентайна потускнели, мысли блуждали. Он все это уже слышал раньше, в Кикиле, в Стиорне, в Класе: незабываемое событие, любовь и благодарность всех людей, горды этим, польщены тем… Да. Да. Он вдруг поймал себя на том, что вспоминает, в каком это городе ему показывали знаменитое высыхающее озеро. Было ли это в Симбилфине? И воздушный балет, бал в Монтенулсиане или в Граве. Золотые пчелы — это, конечно, Байлемуна, а небесная цепь? Аркилон? Сенамоль?

Он еще раз взглянул в сторону храма на утесе. Он властно манил его. Ему захотелось быть там прямо сейчас, быть подхваченным ветром и унестись, как сухой лист, на эту величественную вершину.

— Мама, позволь мне отдохнуть у тебя хоть

немного!

Наступила пауза в речи лорда-мэра, или, возможно, он закончил. Валентайн повернулся к Тунигорну и сказал:

— Сделайте распоряжения, я буду спать сегодня в этой обители.

Самбигель, казалось, растерялся:

— Мне думалось, милорд, что вы съездите на могилу лорда Стиамота, а потом посетите прием в Зале Топаза, после чего будет ужин…

— Лорд Стиамот ждал восемь тысяч лет, чтобы я засвидетельствовал ему свое почтение. Он может подождать еще один день.

— Конечно, милорд. Да будет так, милорд,— Самбигель поспешно сделал знак лучистой звезды.— Я извещу иерархиню Амбаргарде, что вы будете ее гостем сегодня. А теперь, если позволите, милорд, мы продолжим наше развлечение…

Оркестр ударил какой-то ликующий гимн. Из сотен тысяч ртов вырвалось то, что без сомнения было волнующей песней, хотя он не мог разобрать в ней ни слова. Он стоял безразлично, глазея на эту безбрежную толпу, изредка кивая, улыбаясь, встречаясь глазами то с одним, то с другим горожанином, охваченным благоговейным трепетом, который никогда не забудет этого дня.

Чувство собственной нереальности нашло на него. Ему не нужно было быть живым человеком, думал он, чтобы разыгрывать эту роль. С этим вполне справилась бы статуя, марионетка или даже одна из тех восковых фигур, которые он видел давно на ночном фестивале в Пидруиде. Как полезно било бы послать подобную копию Коронованного на эти события, способную слушать серьезно, признательно улыбаться и сердечко махать рукой и, возможно, даже произнести несколько сердечных слов благодарности.

Краем глаза он видел, как Карабелла озабоченно наблюдает за ним. Он сделал едва заметное движение двумя пальцами правой руки, условный знак, которой был между ними, давал ей понять, что с ним все в порядке. Но беспокойство не сходило с ее лица. И ему показалось, что Тунигорн и Лизамона Халтин пробрались вперед и остановились рядом с ним. Поддержать его, если он упадет? Они подумали, что он собрался свалиться так же, как это было в Лабиринте? Он держался еще прямее: взмах, улыбка, кивок, взмах, улыбка, кивок. Ничего плохого не произойдет. Ничего. Ничего. Но закончится ли когда-нибудь эта церемония?

Она продолжалась еще полчаса. Но, наконец,

закончилась, и король с сопровождающими его лицами по подземному переходу быстро прошли в резиденцию Коронованного во дворце лорда-мэра на дальнем конце площади. Когда они остались одни, Карабелла сказала:

— Мне казалось, что ты заболел, когда ты стоял там, Валентайн.

Он ответил как можно беспечней:

— Если скука — это болезнь, то да, я заболел.

Помолчав немного, она спросила:

— Разве так абсолютно необходимо продолжать этот крестный ход?

— Ты знаешь, у меня нет выбора.

— Я боюсь за тебя.

— Почему, Карабелла?

— Иногда я с трудом узнаю тебя. Кто этот задумчивый, полный беспокойства человек, который делит со мной постель? Что стало с человеком по имени Валентайн, которого я узнала однажды в Пидруиде?

— Он по-прежнему здесь.

— Так мне хочется верить. Солнце скрывается, когда тень луны падает на него. Какая тень на тебе, Валентайн? Какая тень упала на мир? Что-то странное случилось с тобой в Лабиринте. Что это было? Что?

— Лабиринт — это нерадостное место для меня, Карабелла. Возможно, я почувствовал себя запертым там, похороненным, задыхающимся.— Он встряхнул головой.— Это было странно, да. Но Лабиринт уже далеко позади. Поскольку мы начали путешествие на более веселых землях, я почувствовал, что я снова становлюсь самим собой, я снова узнал радость, любовь, я…

— Ты можешь обманывать себя, но не меня. Путешествие уже не приносит тебе радость. Поначалу ты впитывал в себя все, словно не мог насытиться,— тебе хотелось побывать всюду, посмотреть все, потрогать то, что можно потрогать, но теперь уже нет. Я вижу это в твоих глазах, я вижу это по твоему лицу. Ты ходишь, словно во сне. Ты не согласен?

— Да, я начинаю уставать. Я признаю это.

— Тогда оставь крестный ход! Возвращайся в Замок, который ты любишь, где ты всегда был по-настоящему счастлив!

— Я — Коронованный! Святая обязанность Коронованного лично предстать перед народом, которым он правит. Это мой долг перед ними.

— А какой у тебя долг перед собой?

Он пожал плечами:

— Я прошу тебя, милая. Даже если мне уже все

наскучило, а это так, я не стану отрицать, во сне я слышу речь, вижу нескончаемые шествия жонглеров и акробатов, тем не менее никто еще не умер от скуки. Крестный ход — моя обязанность. Я должен продолжить его.

— Отмени хотя бы поездку в Зимроель. Один материк — более чем достаточно. Возвращение в Замок отнимет у тебя месяцы, если ты будешь останавливаться в каждом крупном городе, встречающемся на пути. А потом — Зимроель, Пилиплок, Ни-моя, Тил-омон, Нарабал, Пидруид — это займет годы,

— Валентайн!

Он медленно покачал головой.

— У меня обязательство перед всем народом, не только перед теми, кто живет в Альханроеле, Карабелла.

Взяв его за руку, она сказала:

— Я это понимаю. Но может быть, ты требуешь слишком много от себя. Я прошу еще раз — исключи Зимроель из путешествия. Ты сделаешь это? По крайней мере, ты подумаешь об этом?

— Я бы вернулся в Замок Горы сегодня вечером, если бы мог. Но я должен продолжать. Я должен.

— Сегодня ночью в храме ты надеешься поговорить со своей матерью Леди, не так ли?

— Да,— сказал он,— но…

— Обещай мне тогда. Если твои мысли дойдут до нее, спроси ее, нужно ли тебе ехать в Зимроель. Пусть ее совет ведет тебя в этом, как это было много раз. Ты спросишь?

— Карабелла!..

— Ты спросишь ее? Только спросить!

— Хорошо,— согласился он.— Я спрошу. Это я могу обещать.

Она шаловливо посмотрела на него:

— Я кажусь сварливой женой, Валентайн? Мучая и изводя тебя таким образом? Я делаю это из любви, ты знаешь?

— Это я знаю,— сказал он, тесно прижимая и удерживая ее.

Они больше ничего не говорили, поскольку было уже пора готовиться к путешествию на Алазорские высоты к храму Леди. Сумерки опускались, когда они начали подъем по узкой извилистой дороге, и огни Алазора сверкали позади них, как миллионы ярких жемчужин, в беспорядке разбросанных по равнине.

Иерархиня Амбаргарде, высокая, царственного вида женщина с пронзительным взглядом и светлыми блестящими волосами, встречала Коронованного в воротах храма.

В то время как испытывающие благоговейный страх прислужники выглядывали поглазеть, она кратко и тепло приветствовала его,— он был, сказала она, первым Коронованным, который посетил храм с того времени, как приезжал лорд Тиверас в свой второй крестный ход. Она провела его через красивый сад, пока не стал виден сам храм — длинное одноэтажное здание, построенное из белого камня, без украшений, расположенное в просторном, цветущем саду благородной непритязательности и красоты. Его западная стена полумесяцем изгибалась по краю утеса и была обращена к морю; его внутренняя сторона расстилалась крыльями под острым углом к востоку.

Валентайн прошел через крытую галерею на маленький балкон, который, казалось, как бы подвешен в космосе, находясь на самом краю утеса. Здесь он долго стоял в молчании, рядом с ним — Карабелла и иерархиня. Слит и Тунигорн стояли поблизости. Было удивительно тихо, он ничего не слышал, кроме натиска холодного свежего ветра, который безостановочно дул с северо-запада, и слабого трепетания розовой мантии Карабеллы. Он смотрел вниз на Алазор. Морской порт лежал у основания утеса, его

необъятная территория так далеко растянулась на север и на юг, что он не мог видеть его границ. Темные стрелы длиннющих авеню сходились с далекой едва различимой линией бульваров, где шесть гигантских обелисков поднимались к небу: могила лорда Стиамота — победителя метаморфов. За ними — только море, темно-зеленое, окутанное низко стелющимся туманом.

— Идемте, милорд,— сказала Амбаргарде.— Последний отблеск дня уходит. Позвольте проводить вас в вашу комнату.

Этой ночью он будет спать один, в простой, без роскоши маленькой комнате, примыкающей к обители. Не будет он ничего ни есть, ни пить, кроме сон-вина, которое раскроет его мысли и сделает их доступными для Леди. Когда Амбаргарде ушли, он повернулся к Карабелле и сказал:

— Я не забыл о своем обещании, любимая.

— Я это знаю, Валентайн, я молю, чтобы она сказала тебе повернуть назад, к Горе!

— Подчинишься ли ты, если она не скажет?

— Как я могу не подчиниться, что бы ты ни решил? Ты — Коронованный. Но я молюсь, чтобы она велела тебе повернуть назад. Приятных снов, Валентайн.

— Приятных снов, Карабелла.

Она ушла. Он постоял немного у окна, наблюдая, как ночь окутывает берег и море. Где-то на западе отсюда, он знал, лежит Остров Сна, который был имением его матери, далеко за горизонтом, дом этой милой и благословенной Леди, которая дала миру мудрость, как он это представлял. Валентайн напряженно вглядывался в море, высматривая в тумане и сгущающейся тьме, словно он мог увидеть, блестящие белые бастионы известняка, на которых лежал Остров.

Потом он разделся и лег на простую кровать, которая была здесь единственным предметом мебели, и поднял кубок с темно-красным сонвином. Сделал глубокий глоток сладкой густой жидкости, потом еще, и снова лег, впадая в состояние транса, которое открывало его мозг импульсам, идущим издалека, и закрыл глаза в ожидании сна.

— Приди ко мне, мама. Это Валентайн.

Вялость овладела им, и он скользнул в легкий сон.

— Мама…

— Леди…

— Мама…

Призраки плясали в его голове. Тонкие, вытянутые образы, тела прорывались, как пузыри

сквозь отверстия в земле, и спиралью завивались вверх к вершине небосвода. Призрачные руки, тянулись от стволов деревьев, желтые глаза раскрывались у каменных глыб, и реки обрастали волосами. Он наблюдал и ждал, скользя все глубже и глубже в царство сновидений, все время толкая вперед свою руку к Леди.

Потом появился проблеск ее, сидящей возле восьмиугольного бассейна в своей комнате из прекрасного белого камня во внутренней обители Острова. Она склонилась вперед, будто изучала свое отражение. Он плыл к ней и парил прямо позади нее, смотрел вниз и видел знакомое лицо, мерцающее в бассейне, темные блестящие волосы, полные губы и теплые любящие глаза, за одним ухом, как всегда, цветок, серебряный ободок на лбу. Он нежно произнес: "Мама. Это Валентайн".

Она повернулась лицом к нему. Но лицо, которое он увидел, было лицом незнакомки: бледное, измученное, хмурое, озадаченное лицо.

— Кто вы? — прошептал он.

— Как! Ты знаешь меня! Я Леди Острова.

— Нет… нет…

— Совершенно определенно, это так.

— Нет.

— Зачем ты пришел ко мне сюда? Ты не должен был этого делать, поскольку ты Понтифик, и скорее мне следовало прийти к тебе, чем тебе ко мне.

— Понтифик? Ты хочешь сказать — Коронованный.

— О, я так сказала? Тогда я ошиблась.

— А мать моя? Где она?

— Это я, Валентайн.

И действительно, измученное лицо было ни чем иным, как маской, которая становилась все тоньше и тоньше, пока не отпала оболочка старой кожи, обнажая удивительную улыбку его матери, ее успокаивающие глаза. И это в свою очередь отпало еще раз, показав чужое лицо, а потом лицо самой Леди, но в этот раз она плакала. Он потянулся к ней, но его руки прошли сквозь нее, и он увидел, что остался один. Она не вернулась к нему в эту ночь, он гонялся за ней от видения к видению дебрях такой неизвестности, что он скорее убежал бы, если бы мог. И, наконец, он оставил поиски и отдался глубочайшему и самому спокойному из снов.

Когда он проснулся, было позднее утро. Он умылся и вышел из комнаты и увидел Карабеллу. Лицо осунувшееся и напряженное, глаза покрас-

нели, словно она не спала совсем.

— Как, милорд? — сразу спросила она.

— Я не узнал ничего этой ночью. Мои сны были пустыми, и Леди не разговаривала со мной.

— О, любимый, как я сожалею!

— Я попытаюсь снова сегодня. Возможно, я выпил слишком мало сон-вина или слишком много. Иерархиня посоветует мне. Ты ела, Карабелла?

— Уже давно. Но если хочешь, я позавтракаю еще раз с тобой. Слит хочет увидеть тебя. Какое-то срочное донесение прибыло ночью, и он собирался сразу передать его тебе, но я запретила это.

— Что за донесение?

— Он мне не сказал ничего. Мне послать за ним?

Валентайн кивнул.

— Я подожду там,— сказал он, указывая взмахом руки на маленький балкон, свешивающийся с края утеса.

Слит появился в сопровождении незнакомца: худощавый, смуглолицый мужчина с треугольным лицом и широкими бровями над большими, полными печали глазами, который сделал рукой быстрый знак лучистой звезды и стоял, уставившись на Валентайна, словно Коронованный был существом из другого мира.

— Ваша светлость, это Ю-Уулизаан, он приехал прошлой ночью из Зимроеля.

— Необычное имя,— сказал Валентайн.

— Оно много поколений в нашей семье, милорд. Я занят в службе по сельскохозяйственным вопросам в Ни-мое, и моя обязанность передать вам грустные новости из Зимроеля.

Валентайн почувствовал, как что-то сжалось в груди. Ю-Уулизаан протянул пачку бумаг.

— Здесь все описано, все подробности каждого из бедствий, территорию, которую они охватывают, размеры ущерба…

— Бедствия? Какие бедствия?

— В сельскохозяйственных зонах, милорд. В Дулорне снова появилась угольная пыльца люсавенды, а также погибли деревья нийка к западу от Ущелья, поражены стаджа и глейн, корневые долгоносики напали на посевы рикки и милели в…

— Милорд! — закричала неожиданно Карабелла.— Посмотрите, посмотрите, там!

Он повернулся к ней. Она показывала на небо.

— Что это?

Встревоженный Валентайн посмотрел вверх.

Порывом свежего ветра с запада несло целое полчище огромных блестящих прозрачных су-

ществ, не похожих ни на что, что он когда-либо видел. Их тела в диаметре равнялись, возможно, длине человеческого тела. Они имели форму чашек, изогнутых так, чтобы придать им плавучесть, у них были длинные волосатые ноги, которые они держали вытянутыми во все стороны. Их глаза, расположенные в два ряда поперек головы, словно блестящие черные бусины, размером с человеческий кулак, ослепительно сверкали в солнечных лучах. Сотни, даже тысячи пауков пролетали над головой — перелетная стая, река, фантастических призраков в небе.

Карабелла сказала, поежившись:

— Какие чудовищные существа! Как из самых страшных кошмаров Короля Снов.

Валентайн с удивлением и ужасом наблюдал, как они проносятся, то опускаясь, то взмывая в потоке ветра. Испуганные крики доносились теперь из двора храма. Валентайн, кивком показав Слиту следовать за ним, побежал внутрь и увидел в середине лужайки пожилую иерархиню, размахивающую знергоразрядчиком. В воздухе было тесно от странных существ, некоторые из них летели к земле, и она с полдюжиной прислужниц пыталась уничтожить их, прежде чем они приземлятся, но некоторое число уже

достигло земли. Как только они касались почвы, они становились неподвижными, но сочная зеленая трава становилась желтой и казалась обгоревшей на площади, примерно вдвое превышавшей размеры существа. Через несколько минут неожиданная атака завершилась. Парящие существа прошли мимо и унеслись на восток, но участок земли вокруг храма и сад выглядели так, словно подверглись нападению летающих паяльных ламп. Иерархиня Амбаргарде, увидев Валентайна, положила свой энергоразрядчик и медленно направилась к нему.

— Что это было такое? — спросил он.

— Ветряные пауки, милорд.

— Я не слышал о них. Они родом из этого региона?

— Слава Богу, нет, милорд! Они приходят из Зимроеля, с гор за Хинтором, когда наступает их брачный сезон, они бросаются в поток высотных ветров, и пока находятся в воздухе, спариваются и освобождают оплодотворенные яйца, которые относит в восточном направлении встречным нижним ветром с гор, пока они не опускаются в местах инкубации. Но взрослых подхватывают потоки воздуха и уносят к морю, и иногда они долетают до берегов Альханроеля.

Слит с гримасой отвращения подошел к одному из погибших ветряных пауков, который упал неподалеку. Он лежал спокойно, делая только слабые движения, едва, заметно подергивая лохматыми ногами.

— Держитесь от него подальше! — закричала Амбаргарде.— Он ядовитый! — Она подозвала прислужницу, которая уничтожила его разрывом своего энергоразрядчика. Обращаясь к Валентайну, иерархиня сказала: — До того, как они спариваются, это довольно безобидные существа, питающиеся листьями и ветками. Но как только они освобождают свои яйца, они меняются и становятся опасными. Вы видите, что они сделали с травой? Мы должны будем выкопать это все, иначе здесь ничего не будет расти.

— И это случается каждый год? — спросил Валентайн.

— О, нет, нет, слава Богу! Большая часть пропадает в море. Только раз за много лет залетают они так далеко. Но когда это случается… о, милорд, это всегда год дурного предзнаменования!

— Когда они были последний раз? — спросил Коронованный.

Амбаргарде, казалось, колебалась. Наконец она сказала.

— В год смерти вашего брата лорда Вориакса, милорд.

— А до этого?

Ее губы задрожали:

— Я не помню. Может быть, десять лет или пятнадцать.

— Случайно, не в год смерти лорда Молибора?

— Милорд… простите меня…

— В этом нет ничего, что нуждается в прощении,— тихо сказал Валентайн.

Он отошел от группы и остановился, рассматривая обгоревшие места разоренной лужайки. В Лабиринте, думал он, Коронованный сражен мрачными видениями за праздничным столом. В Зимроеле бедствие с зерновыми культурами. В Альханроеле появились ветряные пауки, неся дурные предзнаменования. И когда я обращался к своей матери в моих снах, я видел лицо незнакомки. Послание очень ясное, не так ли? Да. Послание очень ясное.

— Слит! — закричал он.

— Ваша светлость?

— Найди Азенхарта, и пусть он готовит флот. Мы отправимся как можно скорее.

— В Зимроель, милорд?

— Сначала на Остров, чтобы я мог посовето-

ваться с Леди, а потом — да, в Зимроель.

— Валентайн? — послышался слабый голос. Это была Карабелла. Ее глаза были неподвижные и незнакомые, а лицо — бледным. Она выглядела почти как ребенок… маленький напуганный ребенок, душу которого посетил этой ночью Король Снов.

— Что за злой рок отпущен на волю на нашей земле, милорд? — спросила она голосом, который он с трудом расслышал.— Что будет с нами, милорд? Скажи мне, что будет с нами?

— Твоя задача — добраться до Гранд Эртсуда,— произнес инструктор.— Твой маршрут проходит по открытой местности южнее Пиниторской дороги. Твое основное оружие — дубинка и кинжал. Семь хищных зверей — вурхэйн, малорн, зейл, касай, мин-молитор, вейхан и зитун — будут препятствовать тебе. Они опасны и даже могут поранить тебя, если захватят тебя врасплох.

Третий день продолжалось путешествие Хиссуна, а предстояло пройти еще двенадцать миль. Он спрятался за широким стволом дерева газан, таким сучковатым и искривленным, что ему вполне могло быть десять тысяч лет, и внимательно осмотрел лежащую перед ним длинную узкую долину. Все было тихо. Он не заметил никого из своих приятелей-стажеров, не заметил и хищных зверей. Однако то, что увидел он прямо перед собой, вселяло страх: впереди лежал лишенный растительности склон, покрытый осыпающимися осколками гранита, которые наверняка будут скользить, как только он ступит на них, повлекут за собой и разобьют его о камни на дне далекой долины. Даже если это только

тренировочное упражнение, Хиссун понял, что вполне может погибнуть, если допустит хоть малейший промах.

Но идти назад тем же путем, которым он пришел, и попытаться спуститься где-то в другом месте — нет, этого ему хотелось еще меньше. Снова подвергаться риску на этом уступе, извивающемся по краю утеса, упасть с высоты в тысячу футов при одном неосторожном шаге, вновь лицезреть эти ужасные нависшие каменные глыбы, под которыми он вынужден был проползать, почти касаясь носом земли, с зазором едва ли не в полфута над его головой… нет, нет. Лучше довериться этому участку пути, чем пытаться повернуть назад. Кроме того, там, вверху, все еще рыскал один из семи преследующих его хищников, это ужасное существо, вурхэйн. Однажды уже оставив далеко позади эти серповидные клыки и огромные изогнутые челюсти, он не имел ни малейшего желания встретиться с ними еще раз.

Используя дубину как трость, он осторожно продвигался по усыпанному гравием склону. Ярко светило солнце, его лучи проникали сюда намного ниже постоянного пояса облаков, которые обволакивали огромную гору в ее средних высотах. Ослепительный солнечный свет бил

по осколкам слюды, вкрапленным в россыпи рваного гранита на склоне, отражаясь в глазах, что изнуряло его.

Хиссун осторожно переставил вперед одну ногу, наклонился к ней, проверяя на прочность булыжник. Затем сделал шаг, другой. Несколько камешков, подпрыгивая, скатились по склону, сверкая, словно маленькие зеркала, и перевернулись при падении. Казалось, что опасности нет, но это до тех пор, пока остальная масса не двинется с места. Хиссун продолжал медленно спускаться. Его лодыжки и колени, утомленные вчерашним переходом через открытый всем ветрам перевал, сопротивлялись крутому, отвесному спуску. Лямки его рюкзака врезались в плечи. Ему хотелось пить, слегка побаливала голова. Воздух на этом участке Горы Замка оказался разреженный. Были мгновения, когда он поймал себя на том, что ему хочется снова очутиться в безопасности Замка, склониться над учебниками конституционного права и древней истории, которые он изучал в течении прошедших шести месяцев. Хиссун без улыбки не мог вспомнить, как в самые томительные дни учебы самозабвенно отсчитывал дни, когда освободится от учебников и сможет отправиться в захватывающее путешествие. Сейчас

дни, проведенные в библиотеке Замка, совсем не казались скучными и утомительными, в отличие от путешествия, которое оказалось не чем иным, как изнурительным испытанием.

Хиссун посмотрел вверх. Солнце, казалось, закрыло полнеба. Он поднял руку, прикрывая ею глаза. Прошел уже почти год с тех пор, как Хиссун оставил Лабиринт, а он все еще не мог полностью привыкнуть к виду этого яростного предмета в небе, к прикосновениям его лучей к коже. Случалось, что он наслаждался его непривычным теплом… Он уже давно обменял бледность Лабиринта на темный золотистый загар, но все еще солнце возбуждало в нем страх, порой ему очень хотелось отвернуться от него и закопаться на тысячу футов в землю, где оно не сможет его достать. Идиот. Простак. Солнце не враг тебе?

Двигайся. Двигайся…

Далеко на горизонте Хиссун увидел черные башни Гранд Эртсуда. А вон та заводь серых теней в противоположной стороне была городом Хойкмар, из которого он отправился в этот нелегкий путь. По его подсчетам, он прошел уже двадцать миль: сквозь зной и жажду, через озера пыли и древние моря пепла, кружа вниз по фумаролам

[5] и по полям звенящей металлической лавы. Он ускользнул от этого странного существа с выдергивающимися антеннами и глазами, похожими на белые тарелки, которое преследовало его почти полдня. С помощью старой уловки по раздвоенью запаха он обманул вурхэйна, направив животное за своей сброшенной туникой, в то время как он сам спустился по слишком узкому проходу, чтобы здесь мог пройти зверь. Но еще оставалось шесть преследователей: малорк, зейл, вейхан, мин-молитор, зитун, касай.

Странные названия. Странные звери, родом ниоткуда, Возможно, они были синтезированы, вернее, созданы, как и горы, древним колдовством. Но зачем создавать такие чудовища? Зачем выпускать их на свободу на Горе Замка? Только чтобы испытывать и закалять молодых аристократов? Хиссун задумался на мгновение: что же будет, если вейхан или зитун неожиданно возникнут из этой каменистой осыпи и нападут на него? "Они могут ранить тебя, если захватят тебя врасплох",— припомнил он слова инструктора. Ранить, да. Но убить? Какая цель этого

---

[5] Примечания: 5

фумаролы (геол.) — отверстия и трещинки, по которым из недр Земли поднимаются струи горячих вулканических газов, а также пары воды, перешедшие в жидкое состояние.

испытания? Отточить способность к выживанию молодых Посвященных в Рыцари или исключить негодных? Хиссуну было известно, что почти три дюжины новичков таких же, как и он, рассеялись по тридцати милям испытательного участка. Сколько из них выживет и доберется до Гранд Эртсуда?

Уж он-то по крайней мере выживет. Да, в этом Хиссун был уверен. Медленно протыкая своей дубинкой камни, чтобы испытать их прочность, спускался он по гранитному склону. На полпути случилось несчастье: большая, не внушившая опасений, треугольная глыба на деле оказалась ненадежно уравновешенной и подалась вперед при первом легком прикосновении его левой ступни. Долю секунды он раскачивался, накренившись, и пытаясь удержаться, а потом рухнул вниз. Дубина выпала из рук, вызвав небольшой камнепад, его правая нога соскользнула до бедра в расщелину между двух острых, как лезвие ножа, глыб.

Он непонятно за что ухватился и изо всех сил старался удержаться, прислушиваясь: не скатываются ли под ним камни? Все было спокойно, только резкая жгучая боль ощущалась в ноге. "Что же с ней,— подумал Хиссун,— перелом,

разрыв связок, растяжение мышц?" Он начал медленно вытаскивать ее. Его гетры оказались разодраны от бедра до икры, и кровь текла из глубокой раны, Но, что еще хуже, в паху возникла пульсация, которая завтра могла вызвать такую ненужную и хлопотную хромоту. Подобрав свою дубину, он осторожно двинулся дальше.

Характер склона теперь изменялся. Большие надтреснутые, глыбы под ногами уступили место мягкому, еще более ненадежному гравию. Хиссун освоил медленную скользящую поступь, поворачивая ступню боком и подталкивая верхний слой гравия перед собой по мере того, как спускался. Это тяжело сказывалось на его воспаленной ноге, но зато позволяло как-то контролировать движение. Подножие склона было уже видно.

Он дважды поскользнулся на гравии. Первый раз проскользил всего лишь несколько футов, второй раз протащился дюжину ярдов вниз по склону и не упал на самое дно только потому, что тормозил по гравию ногами, зарываясь на шесть-семь дюймов вглубь, и отчаянно цеплялся руками. Поднявшись, Хиссун не смог найти свой кинжал. Он поискал его в гравии вокруг, но безуспешно и, наконец, махнул рукой и продолжил свой путь. Все равно, решил он, кинжалом

не воспользоваться в борьбе с вейханом или мин-молитором. Однако его будет не хватать при приготовлении пищи, выкапывании съедобных клубней, срезании шкурки с фруктов.

У подножия склонов долина выходила на широкое каменистое плато, безводное, угрожающее, с высунувшимися тут и там деревьями древнего вида. Это были газаны без листьев, согнутые и кривые. Но немного в стороне, к востоку, он увидел деревья другого сорта: высокие, стройные, покрытые листьями, росшие тесными группами. Они надежно указывали на близость воды, и он направился к ним.

Однако эта группа зеленых деревьев оказалась намного дальше, чем он предполагал. Час трудного пути, казалось, нисколько не приблизил к ней. Раненая нога Хиссуна быстро коченела. Его фляжка была пустой. Когда же он взошел на гребень невысокого горного кряжа, то увидел, что на другой стороне его поджидает малорн.

Это было ужасно отвратительное создание, чье мешковатое овальное тело, посаженное на десять ненормально длинных ног, имеющих У-образный наклон, удерживало грудную клетку в трех футах от земли. Восемь из его ног заканчивались широкими мягкими лапами. Две передних были

снабжены клешнями и когтями. Ряд сверкающих красных глаз проходил практически вокруг всего его тела. Длинный изогнутый хвост ощетинился жалами:

— Я мог бы убить тебя с помощью зеркала! — крикнул ему Хиссун.— Хочешь, я дам тебе взглянуть на свое отражение, и ты испугаешься его до смерти.

Малорн произвел мягкий шипящий звук и начал медленно надвигаться на него, работая челюстями и сжимая клешни. Хиссун поднял свою дубинку и стал ждать. "Бояться нечего,— убеждал он себя,— я должен быть спокоен, так как цель этого испытания не убить стажера, а только сделать его сильнее и, возможно, понаблюдать за его поведением в стрессовых ситуациях".

Хиссун позволил малорну приблизиться на десять ярдов. Потом поднял камень и швырнул его в морду противного существа. Малорн легко отбил камень в сторону и продолжал надвигаться на него. Осторожно Хиссун пробрался влево, в седловину горного кряжа, придерживаясь возвышенных мест и сжимая обеими руками свою дубинку. Малорн был ни быстрым, ни проворным, однако, если он попытается напасть, Хиссун решил взобраться на гору.

— Хиссун? — позади раздался чей-то голос.

— Кто это? — воскликнул Хиссун, не оглядываясь.

— Альзимир.— Это был Посвященный в Рыцари из Перитоля, старше его на год или два.

— С тобой все в порядке? — поинтересовался Хиссун.

— Я ранен. Малорн ужалил меня.

— Сильно?

— Моя рука распухает. Наверное, у меня заражение.

— Я скоро буду. Но сначала…

— Смотри. Он прыгает.

Действительно, малорн, казалось, подогнул ноги для прыжка. Хиссун застыл в ожидании, балансируя на ступнях и слегка покачиваясь. Он не боялся этого животного. Время медленно тянулось, однако ничего не произошло. Хиссун внимательно наблюдал за малорном, а тот был совершенно спокоен. Хиссуну некогда было размышлять о том, что произойдет дальше, надо было действовать.

Неожиданно странный застой нарушился, и ужасное существо оказалось в воздухе, подбросив себя вверх мощным толчком всех своих ног. В тот же момент Хиссун рванулся с места между

камней в направлении взмывшего вверх малорна так, чтобы зверь в своем мощном прыжке перепрыгнул через него. Когда малорн пролетал прямо над головой Хиссуна, он упал на землю, чтобы избежать колющих ударов его смертоносного хвоста. Держа дубинку обеими руками, он с неистовой силой ударил ею вверх, стараясь поразить чудовище в живот. Послышался свистящий звук выпущенного воздуха, и ноги малорна завертелись во все стороны от боли. Его когти едва не задели Хиссуна, когда он упал.

Малорн приземлился на спину в нескольких футах от Хиссуна, который подошел к нему и прыгнул между его дергающихся ног, чтобы еще дважды ударить его дубинкой по животу. Потом он медленно попятился. Малорн все еще слабо дергался. Хиссун нашел самый большой булыжник, какой смог поднять, подержал его над головой малорна и отпустил. Дергающиеся ноги затихли. Хиссун отвернулся, теперь уже дрожа и покрывшись потом. Он стоял, опершись на дубинку, тяжело дыша, грудь бурно вздымалась, но спустя минуту он успокоился.

Альзимир лежал футов на пятьдесят выше по склону хребта, его правая рука, была прижата к левому плечу, которое, казалось, распухло до

размеров, дважды превышающих обычные. Лицо Альзимира горело, глаза блестели. Хиссун склонился над ним и произнес:

— Дай мне твой кинжал. Я потерял свой.

— Он там,— прошептал Альзимир.

Хиссун быстро отрезал рукав у одежды Альзимира, обнажив звездообразную рану прямо над бицепсом. Надрезав рану, сдавил ее, а когда потекла кровь, высосал ее, сплюнул и снова сдавил. Альзимир дрожал, скулил, вскрикнул раз или два. Через некоторое время Хиссун вытер рану и, порывшись в своем ранце, вытащил бинт.

— Это сгодится,— сказал он,— если повезет, ты будешь в Гранд Эртсуде завтра к этому времени, там тебе окажут необходимую помощь.

— Я пытался обойти вокруг него так же, как и ты,— Альзимир в ужасе уставился на поверженного малорна,— …неожиданно он прыгнул на меня и укусил. Думаю, он ждал, когда я умру, прежде чем съесть меня… но потом подошел ты.

Хиссун поежился: что ни говори, отвратительный зверь, он и наполовину не выглядит таким омерзительным на картинках учебника.

— Ты убил его?

— Вероятно. По-видимому, мы не должны убивать преследователей. Возможно, они нужны для

испытаний стажеров на следующий год.

— Это их проблема,— ответил Альзимир и продолжал рассуждать: — Раз они посылают нас сюда навстречу этим существам, то не должны сердиться, если мы случайно убьем одного. О, клянусь Леди, как сильно болит рука!

— Пошли. Мы закончим переход вместе,— прервал его стоны Хиссун.

— Нам не положено делать это, Хиссун.

— Что из этого? Ты думаешь, я оставлю тебя одного в таком положении? Вставай. Пусть посчитают, что мы завалили испытание, если они этого хотят. Я убил их малорна, а теперь должен спасти раненого человека… Все так, верно? Значит, я завалил испытание. Но я буду жив завтра, и ты тоже.

Хиссун помог Альзимиру встать на ноги, и они не спеша двинулись к далеким зеленым деревьям. Он заметил, что его снова затрясло, по-видимому наступила запоздавшая реакция. Это ужасное чудовище, летящее над его головой, кольцо красных немигающих глаз, клацающие челюсти, мягкий незащищенный живот… Пройдет еще много времени, прежде чем он сможет забыть об этом, По мере их продвижения прежнее спокойствие вернулось к нему.

Он пытался представить лорда Валентайна сражающимся с малорнами, зейлами, зитунами в этой заброшенной долине. Интересно, а как поступили бы Элидат, Дивис, Мириган?

Конечно, в свое время они все прошли через такое же испытание и, возможно, это был тот самый малорн, который шипел и щелкал зубами на молодого Валентайна двадцать лет назад. Все это казалось Хиссуну немного абсурдным: в самом деле, какое отношение к овладению искусством правления имела борьба с чудовищами? Без сомнения, рано или поздно он поймет это, решил Хиссун, а пока ему нужно было позаботиться об Альзимире, а также о зейле, вейхане, мин-молиторе, зитуне и касае. В любом случае он должен сразиться еще с одним или двумя преследователями, так как маловероятно, что он встретит всех во время перехода. Однако до Гранд Эртсуда было еще двенадцать миль, а дорога впереди казалась пустынной и нелегкой. Он задумался немного: была ли веселой жизнь в Замке Горы? Восемь часов в день отводилось на изучение указов каждого Коронованного и Понтифика от Дворна до Тивераса, прерываемое лишь кратковременными выходами в пустынную местность для борьбы с малорнами и зитунами! А как же празднества

и забавы? А как же веселые поездки по паркам и заповедникам? Он начинал думать, что люди в низине придерживаются неоправданно романтических представлений о жизни знати на Горе.

— Как у тебя дела? — Хиссун взглянул на Альзимира.

— Чувствую себя очень слабым, но опухоль, кажется, несколько спала,— ответил тот.

— Мы промоем рану, когда доберемся до тех деревьев. Там должна быть вода,— успокоил его Хиссун.

— Я бы умер, если бы ты не подоспел вовремя, Хиссун.

— Если бы я не пришел,— Хиссун пожал плечами,— то пришел бы кто-нибудь другой. Таков логичный путь через долину.

— Не понимаю, почему они заставили тебя пройти эту тренировку,— после небольшой паузы сказал Альзимир.

— Что ты хочешь этим сказать? — воскликнул Хиссун.

— Зачем послали тебя навстречу всем этим опасностям? — повторил свой вопрос Альзимир.

— Почему бы и нет,— поддержал разговор Хиссун,— все новички должны пройти через это.

— Слышал, что у лорда Валентайна особые

планы относительно тебя,— не унимался Альзимир,— во всяком случае так Дивис сказал на прошлой неделе Стазилену.

— Я предназначен для великих дел, да, да. Хозяин конюшни, владелец псарни — это мой удел.

— Хиссун, погоди, я серьезно. Дивис завидует тебе, ты ведь знаешь. Он боится тебя, потому что ты фаворит Коронованного. Дивис хочет быть Коронованным, все это знают. Он считает, что ты стоишь на его пути.

— Мне кажется, что яд начал действовать на тебя, и ты бредишь.

— Поверь мне, Дивис видит в тебе соперника, Хиссун.

— У него нет для этого оснований, Альзимир. Я не раньше стану Коронованным… чем Дивис. Ведь предполагаемый наследник — Элидат. А лорд Валентайн, как мне известно, будет оставаться сам Коронованным еще очень и очень долго.

— Повторяю тебе…

— Не говори мне ничего,— с горечью произнес Хиссун,— лучше побереги свою энергию дли перехода. Ведь до Гранд Эртсуда двенадцать миль, и еще пять отвратительных зверей ждут нас впереди.

Сон пиуривара Фараатаа.

Наступил час Скорпиона, и скоро солнце поднимется над Велализьером. За городскими воротами, вдоль дороги, которая была известна как Дорога Ухода, а с этого дня будет известна как Дорога Возвращения, собралась громадная процессия, растянувшаяся до горизонта. Наследный Принц в изумрудном сиянии стоит во главе колонны. За ними — четверо, принявшие облики Красной Женщины, Слепого Гиганта, Мужчины без кожи и Последнего Короля. Потом идут четверо заключенных, связанных слабо затянутыми жгутами, далее следуют массы пиуриварского народа: Те, Которые Возвращаются.

Фараатаа парит высоко над городом, перемещаясь по желанию над всей громадностью просторов, охватывая их всецело одним взглядом. Все совершенно, все сделано заново: крепостной вал восстановлен; храмы воздвигнуты; упавшие колонны заменены; по трубам вновь бежит вода; сады цветут; сорняки и кустарники, которые пробивались через каждую расселину, уже выполоты и вырублены; песок беспрепятственно уносится прочь.

Только Седьмой Храм был оставлен таким, каким он был во время Падения: плоский обрубок,

одно лишь основание, окруженное булыжниками. Фараатаа парит над ним, мысленно возвращаясь сквозь черный океан времени, и видит только что построенный Седьмой Храм… а сейчас перед ним предстает картина Осквернения…

О! Там, смотри! На Столах Богов готовится нечестивая жертва. На каждом из них лежит огромный водяной король еще живой, беспомощный под тяжестью собственного веса, крылья слабо шевелятся, шея прогнулась, глаза блестят от гнева или страха. Крошечные фигурки мечутся вокруг двух огромных существ, готовясь провести запрещенный обряд. Фараатаа трепещет, Фараатаа плачет, его слезы падают как хрустальные глобусы на далекую землю. Он видит, как сверкают

длинные ножи; он слышит, как рычат и храпят; он видит, как срезается мясо. Он хочет крикнуть людям: "Нет, нет, это чудовищно. Мы будем жестоко наказаны!" Но что толку? Что толку? Все это случилось тысячи лет назад. Потому он и летает, потому он и наблюдает. Как муравьи, они устремляются через город, каждый с куском водяного короля, поддерживаемым над головой… Грешные муравьи, они несут жертвенное мясо в Седьмой Храм, швыряют его в погребальный

костер, поют Песню Сожжения. "Что вы делаете?" — снова хочет крикнуть Фараатаа, но его вряд ли кто услышит. "Вы сжигаете своих братьев!" — вновь пытается крикнуть Фараатаа… Поднимается черный и густой дым, разъедает глаза Фараатаа, и он уже больше не может оставаться наверху и медленно начинает падать, падать, падать… Осквернение совершено, роковой конец города предрешен, а с ним потерян весь мир.

Первые отблески дня засветились на востоке. Они прочертили город и ударили по серповидной луне, взобравшейся на свою высокую точку на вершине обрубка Седьмого Храма. Наследный Принц поднимает руку и дает сигнал. Процессия трогается с места. По мере движения Те, Которые Возвращаются, меняют время от времени форму в соответствии с учением Книги водяных королей. Они принимают по очереди образы, известные как Пламя, Поток, Падающий лист, Лезвие, Пески, Ветер. Пройдя Площадь Неизменности, они возвращаются к истинной своей форме и поддерживают ее все остальное время.

Наследный Принц обнимает каждого из четырех заключенных. Потом их ведут к алтарям на вершине Столов Богов. Красная Женщина и Мужчина без кожи сопровождают молодого

короля и его мать к восточному Столу, где давным-давно, в ночь богохульства, погиб водяной король Низнорн. Слепой Гигант и Последний Король подводят старшего короля и того, кто приходит по ночам в снах к западному Столу, где водяной король Дюмситор был предан смерти Осквернителями.

Наследный Принц один стоит на вершине Седьмого Храма. Его аура теперь ярко-красная. Фараатаа спускается и соединяется с ним, они понимают, что отныне они — единое целое.

— Вначале было Осквернение, когда безумие нашло на нас, мы соединились против наших морских братьев,— восклицает Фараатаа.— Когда же мы очнулись и узрели то, что сделали, за этот грех мы разрушили свой великий город и разбрелись по земле. Но даже этого было недостаточно, и враги были посланы на нас издалека. Они забрали у нас все, что мы имели, и в наказание за то, что мы согрешили перед нашими морскими братьями, они сделали нас дикарями. Наши пути затерялись, наше страдание было огромным, и лицо Самого Высокого отвернулось от нас, пока не наступило время окончания наказания. Мы нашли силы выгнать наших угнетателей и восстановить то, что мы потеряли через свой

древний грех. Так было предсказано, что среди нас объявится Принц, который выведет нас из изгнания, когда придет время прощения.

— Сейчас настало время прощения! — ответили ему люди — Настало время Наследного Принца!

— Наследный Принц здесь!

— Вы — Наследный Принц?

— Я — Наследный Принц,— кричит он.— Отныне все прощено. Отныне все долги выплачены. Мы получили свое наказание, прошли испытание и очистились. Орудия наказания убраны с нашей земли. Водяные короли получили свое возмездие Велализьер построен вновь. Наша жизнь начинается заново.

— Наша жизнь начинайся заново! Настало время Наследного Принца! — провозглашает толпа.

Фараатаа принимает свой жезл, который вспыхивает как факел в утреннем свете, и подает сигнал тем, кто ждет на двух Столах Богов. Четырех заключенных толкают вперед. Сверкают длинные ножи. Мертвые короли падают, а их короны скатываются в пыль. Кровью захватчиков омываются Столы Богов. Последний акт сыгран. Фараатаа высоко держит поднятые руки.

— Теперь идем вновь со мной и построим Седьмой Храм!

Пиуриварский народ спешит вперед. Люди собирают валяющиеся плиты храма и по указанию Фараатаа устанавливают их там, где она были в давние времена. Когда работы закончены, Фараатаа встает на самую высокую точку его и смотрит в сторону моря вдаль на сотни миль туда, где собрались водные короли. Он видит, как они бьют своими огромными крыльями по поверхности воды, как высоко они поднимают свои громадные головы и фыркают.

— Братья! Братья! — кричит им Фараатаа.

— Мы слышим тебя земной брат,— доносится в ответ.

— Враг разбит. Город восстановлен. Седьмой Храм возвышается вновь. Закончено ли наше наказание, о братья?

— Да, закончено. Мир очищен, и начинается новый век,— утвердительно отвечает они.

— Мы прощены? — вновь вопрошает Фараатаа.

— Вы прощены, о земные братья.

— Мы прощены, — восклицает Наследный Принц.

Люди тянут вверх к нему свои руки, изменяют свою форму и становятся по очереди то Звездой, то Туманом, то Темнотой, то Проблеском Света, то Пещерой.

Остается лишь только простить тех, кто совершил первоначальный грех и кто с тех пор остался в рабстве среди руин. Наследный Принц протягивает вперед руки, тянется к ним и сообщает им, что проклятие, которое лежало на них, снято, отныне они свободны.

Камни рухнувшего Велализьера выдают своих мертвых, возникают духи, бледные и прозрачные. Они обретают жизнь и цвет, они танцуют и меняют свою форму и кричат от радости вот такие слова:

— Все приветствуют Наследного Принца, теперь он — Король Который Есть!

Такой сон видел пуиривар Фараатаа, когда он лежал на постели из листьев пузырчатого куста под большим деревом двикка в провинция Пиурифаина, где падал легкий дождь.

— Попросите Ю-Уулизаана войти сюда,— приказал Коронованный.

Карты и схемы пораженных зон Зимроеля, с большим количеством пометок и аннотаций, были разложены по всему столу в каюте лорда Валентайна на борту флагманского корабля "Леди Сиин". Шел третий день путешествия. Лорд Валентайн ушел из Алазора с флотом из пяти кораблей под командованием гранд-адмирала

Азенхарта. Был взят курс на порт Нуминор в северо-восточном побережье Острова Сна. Даже при самом благоприятном ветре переезд должен был занять много недель, а в настоящее время дул попутный ветер.

Ожидая прибытия сельскохозяйственного эксперта, лорд Валентайн еще раз просматривал документы, которые подготовил для него Ю-Уулизаан, и те, что принесли по его приказу из исторических архивов. Возможно, уже в пятидесятый раз он изучал их с тех пор, как оставил Алазор, но от этого они не становились менее печальными. Он понимал, что болезни растений и эпидемии существуют ровно столько, сколько существует сельское хозяйство. Не было оснований для того, чтобы Маджипура, хотя она и была благоприятной землей, полностью исключала подобные несчастья, и архивные документы как раз об этом свидетельствовали. Бывали случаи, когда сельскохозяйственные культуры серьезно страдали от болезней, засухи, нападения насекомых. Все это происходило при дюжине или даже больше разных правительств. А самые большие потери случались по меньшей мере при пяти правительствах: при Сетифоне и лорде Станидоре; при Фраиме и лорде Вильдиваре; при Струине

и лорде Гваделуме; при Канабе и лорде Сирруте, а также во времена Сигнора и лорда Меликана в далекие-предалекие времена.

Однако то, что происходит сегодня, казалось более угрожающим, чем любое из прежних несчастий, подумал лорд Валентайн, и не потому, что это был современный кризис, а не что-то надежно спрятанное в архивах. Население Маджипуры в настоящее время было неизмеримо больше, чем в любую из прежних эпидемий, и приближалось к двадцати миллиардам. Тогда же, как, например, во времена Струила, оно едва составляло шестую часть, а при Сигноре была всего относительно небольшая горсточка. Для такого огромного населения разрушение сельскохозяйственной базы могло легко обратиться в огромное бедствие, называемое голод. Могла пострадать и структура самого общества. Лорд Валентайн отчетливо сознавал, что стабильность существования Маджипуры в течение стольких тысячелетий, что совсем не соответствовало опыту большинства цивилизаций, основывалась главным образом на чрезвычайно благоприятном характере жизни на гигантской планете. Поскольку никто и никогда не испытывал настоящей нужды, между правителями планеты существовало всеобщее

молчаливое согласие, даже при некоторой несхожести общественного порядка. Однако стоит поколебать уверенность в обеспеченном существовании, и все остальное может развалиться в одну ночь. Эти его мрачные сновидения, эти картины хаоса, странные предзнаменования… ветряные пауки, парящие над Альханроелем, всякое другое… все это вселяло в Валентайна большую тревогу и постоянные сомнения.

— Милорд, Ю-Уулизаан уже здесь,— сообщил Слит.

Вошел с нерешительным видом сельскохозяйственный эксперт. Неловко он начал делать жест лучистой звезды, который полагался по этикету. Валентайн нетерпеливо замотал головой и предложил Ю-Уулизаану сесть.

— Насколько важной культурой является люсавенда? — Коронованный указал на карте область вдоль Дулорнского Ущелья, отмеченную красным цветом.

— Это основная культура, милорд. Она создает условия для ассимиляции карбогадрата на всем севере и западе Зимроеля,— ответил Ю-Уулизаан.

— А если возникнет серьезная нехватка ее? — задал свой следующий вопрос Валентайн.

— Можно было бы создать диетические добавки, используя такой продукт, как стаджа,— добавил Ю-Уулизаан.

— Но ведь стаджа тоже больна! — воскликнул Валентайн.

— Действительно, милорд. И милель, которая выполняет похожие пищевые функции, страдает от корневых долгоносиков, как я вам уже докладывал. Следовательно, мы можем предвидеть общие трудности во всем этом секторе Зимроеля в течение шести — девяти месяцев.— Кончиком пальца Ю-Уулизаан обвел на карте широкий круг, охватывающий территории, простирающиеся почти от Ни-мои на востоке до Пидруида на западном берегу и к югу до самого Велатиса.

— Какова численность населения этой области? — задумался на мгновение Валентайн.— Возможно, два с половиной миллиарда? — Он попытался представить два с половиной миллиарда голодных людей, привыкших жить в изобилии, а ныне толпящихся в городах Тил-омоне, Нарабале, Пидруиде… Затем он произнес:— Хлебородные районы империи смогут удовлетворить потребности за короткое время. Тем те менее мы будем стремиться взять эти беды сельского хозяйства под контроль. Пыльца люсавенды и около столе-

тия назад причиняла несчастье населению, как я помню, но эта проблема была решена тогда. Верно?

— С помощью экстремальных мер, милорд. Целые провинции были закрыты на карантин. Целые фермы были выжжены, а потом пепел соскоблен с почвы. Потери составили многие миллионы роалей.

— Что значат деньги, когда от голода умирают люди? Мы повторим тот опыт сейчас. Если мы начнем немедленно его проводить в регионах, выращивающих люсавенду, сколько времени, по вашим примерным оценкам, займет возвращение к нормальному положению дел? — спросил Коронованный.

Ю-Уулизаан помолчал минуту, глубокомысленно потирая большими пальцами свои необычно широкие и выделяющиеся скулы. Наконец, он ответил:

— Пять лет минимум, а может быть, даже десять!

— Не может быть! — удивился лорд Валентайн.

— Пыльца распространяется быстро, милорд. Возможно, уже тысяча акров подверглась заражению, пока мы с вами беседуем здесь, милорд.

Основная проблема — сдержать распространение пыльцы, прежде чем мы сможем ликвидировать ее.

— А болезнь деревьев нийка? Она распространяется так-же быстро? — поинтересовался лорд Валентайн.

— Еще быстрее, милорд. Она, кажется, связана с истощением посевов стаджи, которая обычно выращивается в сочетании с деревьями нийка.

Валентайн молча уставился на стену каюты, видя перед собой только серое расплывчатое пятно. Спустя некоторое время он произнес:

— Мы победим. Чего бы нам это ни стоило. Ю-Уулизаан, я хочу, чтобы вы составили план противодействия каждой из этих болезней сельхозкультур, кроме того, мне нужны суммы расходов. Можете вы это сделать быстро?

— Конечно, милорд.

— Мы должны координировать свои усилия с Понтификом,— обращаясь к Слиту, произнес Коронованный.— Прикажите Эрманару немедленно связаться с министром сельскохозяйственных дел в Лабиринте… Узнайте, известно ли ему о том, что происходит в Зимроеле, какие шаги предпринимаются там.

— Милорд, я только что говорил с Эрманаром,—

тут же доложил Тунигорн,— он уже связывался с Понтификатом.

— Ну и что?

— Министерство сельскохозяйственных дел ничего не знает, так как должность министра сельскохозяйственных дел в настоящее время вакантна.

— Вакантна? Как? Почему? — воскликнул Валентайн.

— Думаю,— сообщил Тунигорн тихо,— что в связи с недееспособностью Понтифика Тивераса в последние годы многие высокие посты оставались незанятыми, милорд, и, следовательно, наблюдается определенное снижение значения Понтифика. Но вы можете узнать намного больше об этом от самого Эрманара, поскольку он — наша основная связь с Лабиринтом, Послать за ним?

— Не сейчас,— холодно изрек лорд Валентайн. Он снова повернулся к картам Ю-Уулизаана. Пробегая указательным пальцем вверх и вниз вдоль Дулорнского ущелья, он, наконец заметил: — Две самые ужасные проблемы, кажется, сконцентрированы в этой области. Однако на картах отмечены значительные зоны выращивания люсавенды в других местах, на равнинных зем-

лях, между Фагобером и северными границами Пиурифаины и здесь, к югу от Ни-мои до окраин Джихорны. Я прав?

— Да, милорд,— ответил Ю-Уулизаан.

— Следовательно, нашей первостепенной задачей должно стать предохранение этих районов от распространения пыльцы люсавенды,— Валентайн поднял глаза и внимательно оглядел Слита, Тунигорна, Делиамбера.— Предупредите немедленно герцогов пораженных провинций, что движение между зонами, подвергшимися заражению пыльцой, и районами здоровой люсавенды категорически запрещается, полностью закрываются все границы. Если им это не понравится, пусть они отправляют делегацию на Гору и жалуются Элидату. Да, кстати, известите также Элидата о том, что происходит. Урегулирование неоплаченного торгового баланса должно пока что проводиться по каналам Понтифика. Будет лучше сообщить Хорнкасту, чтобы он приготовился к большим протестам. Далее: в районах возделывания стаджи…

Почти час Коронованный диктовал инструкции, пока, наконец, не был оговорен каждый хоть сколько-нибудь значительный аспект сельхозкризиса, Он часто обращался за советом к

Ю-Уулизаану, и каждый раз сельскохозяйственный эксперт предлагал что-нибудь дельное. Есть что-то загадочно непонятное в этом человеке, решил Валентайн, что-то отдаленное холодное, и чрезмерно скрытное, но он был сведущ в особенностях сельского хозяйства Зимроеля. Это была громадная удача, что он так вовремя оказался в Алазоре, чтобы плыть в Зимроель на королевском флагмане.

После совещания, несмотря на принятые неординарные меры, у Валентайна осталось ощущение тщетности всех их усилий. Он отдал десятки приказов, разослал во все стороны письма, принял твердые и решительные действия для сдерживания и ликвидации эпидемий. Однако он все же оставался всего лишь одним смертным человеком в маленькой каюте на борту крошечного корабля, мечущегося в середине огромного моря, которое само было только лужей в гигантском мире, а в это время невидимые организмы распространяли болезнь и смерть на тысячах акров плодородных фермерских земель. И что могли сделать все его смелые приказы против безжалостного наступления злых сил? Снова он почувствовал, что подавленность овладела им, а такое настроение было чуждым его истинной

природе. Возможно, в нем самом есть какая-то эпидемия, решал он, возможно, на него напала какая-то болезнь, которая лишает его надежды, радости, бодрости и он осужден теперь доживать свои дни в гнетущих мучениях.

Валентайн тоскливо оглядел каюту. Перед глазами еще раз возник этот образ из его сна в Лабиринте, образ, который преследовал его постоянно: огромные трещины, появляющиеся в основании мира, огромные глыбы земли, вздымающиеся вверх и разбивающиеся друг о друга, а в середине всего этого он, отчаянно пытающийся объединить мир. И неудача, неудача, неудача…

"Может, на мне лежит проклятие? — подумал он.— Почему выбран именно я, из всех сотен Коронованных, которые были и будут во главе разрушения нашего мира?" Мысленно он проследил всю свою предыдущую жизнь и не нашел в ней никакого греха, который мог бы вызвать гнев Бога на него и на Маджипуру. Он не домогался трона, не планировал свергнуть своего брата, не допускал несправедливого применения власти, которую никогда не ожидал получить, он не… Он не… Он не…

Валентайн сердито встряхнул головой. Это была глупость и напрасная трата времени: воро-

шить прошлое и задумываться над снами. Ведь несколько происшедших у фермеров бедствий случайно совпали с рядом его дурных снов, Было нелепо эти случайности возводить до масштабов какой-то страшной, космической катастрофы. Со временем все выправится. Эпидемия будет сдержана. Конечно, его правление войдет в историю своими необычными бедами, но не только этим, а также гармонией, равновесием, счастьем. Валентайн решил, что он хороший король, добрый человек, поэтому у него нет причин сомневаться в себе.

Коронованный поднялся и вышел на палубу. Уже наступил вечер, высокомерное бронзовое солнце низко висело на западе, и одна из лун уже поднялась на севере. Небо было разрисовано всевозможными красками: каштановой, бирюзовой, фиолетовой, янтарной, золотистой. Облака густым поясом заволакивали горизонт. Он стоял один возле перил, глубоко вдыхая просоленный воздух. Со временем все выправится, снова стал убеждать себя Валентайн. Но он чувствовал, как незаметно вновь его охватывает беспокойство. Казалось, он еще долго не выберется из этого состояния. Никогда в своей жизни он так часто не погружался в мрак и отчаянье. Он не узнавал

самого себя, а именно того Валентайна, которым стал сейчас: этаким болезненно-впечатлительным человеком, постоянно находящимся на грани отчаяния. Он был чужим для самого себя.

— Валентайн? — чей-то голос вывел его из задумчивости.

Это была Карабелла. Он вышел из оцепенения, постарался отбросить прочь предчувствия и улыбнуться, протянув ей руку.

— Какой прекрасный закат,— сказала она,— не так ли?!

— Чудесный, один из самых лучших за все время. Хотя, говорят, был еще лучше в правление лорда Конфалюма, на четырнадцатый день…

— Это самый лучший, Валентайн. Потому что это тот, который мы имеем сегодня.— Она взяла его под руку и молча встала рядом с ним. Увидев ее, почувствовав ее теплое прикосновение, тут же забыл все свои горести и печали и решил, что все будет хорошо.

— Вон там вдали, что это? Неужели морской дракон? — неожиданно спросила Карабелла.

— Морские драконы никогда не входят в эти воды, дорогая.

— Тогда это галлюцинация. Но это очень реально. Разве ты не видишь его? — повернулась к

нему Карабелла.

— Куда я должен смотреть?

— Вон туда,— неопределенно показала Карабелла.— Ты видишь там, где цвета отражаются в океане, все становится пурпурным и золотым? А теперь посмотри левее. Туда, вон туда.

Валентайн сощурился и стал пристально всматриваться в море. Сначала он не видел ничего, затем подумал, что это может быть какое-то огромное бревно, плывущее по волнам. Но вот последний отблеск солнечного света, прорезавшийся сквозь облака, осветил поверхность моря, и он ясно увидел: да, это, бесспорно, морской дракон, медленно плывущий в одиночку на север. Он почувствовал холод и прижал руки к груди.

Морские драконы, как было ему известно, передвигались только стадом и только по предсказанным путям вокруг света; они всегда плавали в южных водах с запада на восток вдоль берега Зимроеля, вверх до берега Джихорны, до Пилиплока, потом на восток ниже Острова Снов и вдоль знойного южного берега Альханроеля, пока не оказывались в безопасности неисследованных просторов Великого океана. И все же это был дракон, один, направляющийся на север. Пока Валентайн пристально всматривался

в морские воды, огромное животное подняло свои громадные черные крылья и ударило ими по поверхности воды медленным решительным движением, словно хотело добиться невозможного, оторваться от воды и взлететь какой-то титанической птицей по направлению скрытых туманом полярных просторов.

— Как странно,— пробормотала Карабелла,— видел ли ты когда-нибудь, чтобы дракон делал что-то подобное?

— Никогда, никогда,— поежился Валентайн.— Предзнаменование на предзнаменовании, Карабелла. Что это означает, что в конце концов я должен понять из всего этого?

— Давай лучше уйдем отсюда и выпьем по теплой кружке вина,— предложила Карабелла.

— Нет, еще не время,— возразил Валентайн.

Он остался стоять, словно прикованный к палубе, напрягая зрение, чтобы различить эту темную фигуру в надвигающихся вечерних сумерках. Снова и снова громадные крылья били по воде, пока, наконец, дракон не сложил их. Затем он поднял высоко свою длинную шею, забросил назад свою тяжелую треугольную голову и испустил трубящий скорбный крик, который прозвучал как туманный горн, прорезающий сумрак. Потом

скользнул под воду и сразу же исчез из вида.

Когда шел дождь, а в это время года дождь в Престимионской долине шел все время, прокисший запах обуглившихся растений поднимался с сожженных полей и пропитывал все. Аксимаана Фрэйж нырнула в муниципальный зал собраний в центре города, куда ее привела дочь Хейнок, осторожно поддерживая рукой под локоть. Но и здесь она ощутила этот противный запах, даже здесь, за мили от ближайшей, преданной огню, плантации.

Нигде нельзя было укрыться от него. Он лежал на земле, как вода в половодье. Его раздражающая затхлость проникла в каждую дверь и в каждое окно. Он просачивался в погреба, где хранилось вино, портил опечатанные фляги. Мясо на столах также воняло им. Он приставал к одежде, его нельзя уже было смыть. Он просачивался в поры на теле. Аксимаана Фрэйж начинала верить, что он проникает и в душу. Когда придет ее время вернуться к Истоку, если когда-нибудь ей будет разрешено оставить эту нескончаемую жизнь, Аксимаана Фрэйж была уверена, что охранники моста остановят ее и холодно завернут назад, сказав с презрением: "Нам не нужен здесь отвратительный запах пепла, старуха. Возьми свое

тело и уходи".

— Ты бы хотела сесть здесь, мама? — спросила Хейнок.

— Мне все равно. Где угодно,— откликнулась она.

— Вот хорошие места,— продолжала дочь,— тебе здесь будет хорошо слышно.

Небольшое смятение возникло в ряду, когда люди задвигались пропуская ее. Все относились к ней, как к трясущейся от дряхлости старухе. Ну да, конечно, она была старая, ужасно старая, пережившая времена Осиера, такая старая, что даже помнила, когда лорд Тиверас был молодым, но ее возраст ни для кого не был секретом. Так почему же все они внезапно стали относиться к ней так покровительственно? Она не нуждалась в особом обращении. Она все еще могла ходить, видеть достаточно хорошо, выйти в поле во время сбора урожая и собирать стручки… и собирать… выйти… в поле… и… собирать.

Аксимаана Фрэйж, немного споткнулась, огляделась и тут же села. Она слышала приветствия и отдаленно узнавала людей, так как теперь с трудом приводила в соответствие имена и лица. Когда жители Долины разговаривали с ней в эти дни, то всегда в их голосе звучало сочувствие,

словно ее семью посетила смерть. В каком-то смысле так оно и было. Но это была не та смерть, которую она ожидала, смерть, которая отвергла ее, которая была ее собственной смертью.

Возможно, этот день никогда не придет. Ей казалось, что она осуждена жить вечно в этом мире гибели и отчаяния, ощущать этот едкий смрад с каждым своим вдохом.

Она сидела спокойно, ни на что особо не глядя. Хейнок сказала:

— Думаю, он очень мужественный человек.

— Кто? — поинтересовалась она.

— Семпетурн. Человек, который будет выступать сегодня. Его пытались заставить замолчать в Мазадоне, обвинив в пропаганде измены. Но он все-таки выступил и теперь ездит по всем сельскохозяйственным провинциям, пытаясь объяснить нам, почему погибли растения. Вся Долина сегодня здесь. Это очень важное событие.

— Да, очень важное событие,— согласилась Аксимаана Фрэйж, кивнув.— Да. Очень важное событие,— повторила она.

Аксимаана Фрэйж чувствовала некоторое неудобство от присутствия такого большого количества людей рядом. Много месяцев прошло с тех пор, как она была в городе в последний раз.

Она теперь редко выходила из дома, почти все дни проводила, сидя в своей спальне спиной к окну, ни разу не взглянув в сторону плантации. Но сегодня Хейнок проявила настойчивость, повторив несколько раз, что это очень важное событие.

— Посмотри! Вон он, мама! — воскликнула дочь.

Аксимаана Фрэйж смутно осознавала, что на помост вышел человек, короткий, краснолицый, с густыми неприятными черными волосами, похожими на мех животного. Было странно, подумала она, как она стала презирать в последние месяцы внешность людей, их нежные вялые тела, их бледную пропитанную потом кожу, вызывающие отвращение волосы, их слабые слезящиеся глаза. Он помахал руками и начал говорить приятным, скрипучим голосом:

— Народ Престимионской долины… мое сердце рвется к вам в эти минуты свалившегося на вас испытания… это самый черный час, эта внезапная острая боль… эта трагедия, это горе…

Таким было это важное событие, подумала Аксимаана Фрэйж. Этот шум, эти причитания. Да, несомненно, важное. Вскоре она потеряла нить его выступления, но то, что он говорил, очевидно,

было важно, потому что слова, доносившиеся с помоста, звучали очень тревожно:

— Рок… судьба… наказание… грех… невинность… обман — Но слова, хоть они и были важными, пролетали мимо, как маленькие прозрачные крылатые насекомые.

Для Аксимааны Фрэйж последнее важное событие уже произошло и других в ее жизни больше не будет. После обнаружения пыльцы люсавенды ее поля были первыми преданы огню. Сельскохозяйственный представитель Еревэйн Нур, выглядевший глубоко опечаленным, беспрестанно произнося трепетные извинения, объявил о найме рабочей силы в городе, прикрепил извещение на двери этого муниципального зала, в котором теперь сидела Аксимаана Фрэйж. И вот однажды утром в Звездодень все трудоспособное население Престимионской долины вышло на ее плантацию, чтобы подвергнуть все сожжению. Они осторожно разливали горючее по периметру и крест-накрест к центру и бросали горячие головни. А затем огню были преданы земли Михяйна, Собора Симифона и Нитикималя.

Все пропало. Отныне вся Долина была черной и обугленной, не осталось ни люсавенды, ни риса. На следующий год не будет урожая. Силосные

ямы останутся пустыми, закрома заржавеют, летнее солнце распространит свое тепло на вселенную пепла. Это было очень похоже на послание Короля Снов, подумала Аксимаана Фрэйж. К примеру, вы настроились на двухмесячный зимний отдых, и вдруг вы видите ужасающие картины разрушения всего, что создавали своим трудом. Продолжая парить, вы чувствуете всю тяжесть духа Короля на своей душе, сжимающую вас, сминающую вас и говорящую вам: "Это тебе наказание, так как ты виновен в прегрешениях".

— Откуда нам знать,— говорил мужчина на помосте,— что человек, которого мы называем лордом Валентайном, действительно является помазанным Коронованным, благословенным Богом? Как мы можем быть уверенными в этом?

Аксимаана Фрэйж внезапно выпрямилась, напрягла внимание.

— Прошу вас, вдумайтесь в факты, о которых я скажу. Мы знали Коронованного лорда Вориакса. Он был смуглым человеком, не так ли? Восемь лет он правил нами, был мудрым, мы любили его. Разве не так? А потом Бог в своем беспредельном и непознаваемом милосердии очень скоро забрал его от нас, с Горы пришла весть, что его брат Валентайн стал Коронованным. Но он тоже

был смуглым человеком. Мы знаем его. Он шел с нами в великом крестном ходе… о, нет, не сюда, не в эту провинцию. Его видели в Пилиплоке, в Ни-мое, в Нарабале, в Тиль-омоне, в Пидруиде. Он был смуглым, с блестящими черными глазами и черной бородой, и нет сомнений, что он был братом своему брату, а значит, и нашим законным Коронованным.

А потом, что мы узнали? Человек с золотистыми волосами и голубыми глазами появился и сказал народу Альханроеля, что он настоящий Коронованный, изгнанный из своего тела колдовством, а смуглый — самозванец. Люди Альханроеля сотворили знак лучистой звезды, склонились перед ним и криками приветствовали его. И когда нам в Зимроеле объявили, что человек, которого мы признали Коронованным, не был Коронованным, мы также приняли его и поверили его сказкам о колдовских переменах. Все эти восемь лет он владел Замком и правил нами. Разве не правда, что мы приняли златоволосого лорда Валентайна вместо темноволосого лорда Валентайна?

— Ну, это измена чистой воды,— закричал плантатор Нитикималь, сидевший недалеко от Аксимааны Фрэйж.— Ведь его собственная мать Леди приняла, как настоящего!

— Да, сама Леди приняла его,— человек на помосте обвел взглядом аудиторию,— а также Понтифик и все высокие лорды, и принцы Замка Горы. Я не отрицаю этого. Да и кто я такой, чтобы не верить им, утверждая, что они не правы? Они склонились перед златоволосым королем. Он приемлем для них. Он приемлем для вас. Но приемлем ли он для Бога, друзья? Прошу вас, посмотрите вокруг себя! Сегодня я проехал по Престимионской Долине. Где ваши посевы? Почему не зеленеют поля богатой растительностью? Я видел пепел, я видел смерть.

— Оглянитесь вокруг,— страстно продолжил оратор,— болезнь погубила ваш урожай, она распространяется с каждым днем по ущелью быстрее, чем вы можете сжечь свои поля и очистить почву от смертоносных спор. В будущем году не будет люсавенды. В Зимроеле жители будут голодать. Кто может припомнить подобное время? Здесь есть женщина, чья жизнь охватывает много царствований, ее ум наполнен мудростью прошлых лет, видела ли она когда-нибудь такое время? Я обращаюсь к вам, Аксимаана Фрэйж, ваше имя уважают по всей провинции. Сегодня ваши поля преданы огню, ваши посевы уничтожены, ваша жизнь разрушена на славном

закате лет…

— Мама, он говорит о тебе,— резко прошептала Хейнок.

Аксимаана Фрэйж замотала головой. Она потерялась в стремительном потоке слов и обернулась к дочери:

— Почему мы здесь? Что он спрашивает? Что ему нужно от меня?

— Что вы сказали, Аксимаана Фрэйж? Забрали ли благословение Бога из Престимионской Долины? Вы ведь знаете, что забрали? Но не за ваши грехи или грехи кого-нибудь из присутствующих здесь! Я говорю вам, что это гнев Бога падает беспристрастно на мир, забирая люсавенду из Престимионской долины и милель из Ни-мои… и стаджу из Фалкинкипа и, кто знает, какая культура будет следующей, какая еще болезнь будет спущена на нас, и все из-за противозаконного Коронованного…

— Измена! Измена!

— Противозаконный Коронованный, говорю я вам, сидит на Горе и противозаконно правит… златоволосый узурпатор, который…

— А что, трон снова был узурпирован? — пробормотала Аксимаана Фрэйж.— Это было как раз в том году, когда мы уже слушали сказки, что

кто-то незаконно занял трон…

— Я предлагаю, пусть он докажет нам, что избран Богом! Пусть придет к нам в своем великом крестном ходе, встанет перед нами и докажет нам, что он настоящий Коронованный! Считаю, что он не сможет этого сделать. Думаю, что пока мы будем терпеть его как хозяина Замка, гнев Божий будет падать на нас в еще более ужасных формах, пока…

— Измена!

— Пусть он говорит!

— Мама, с тобой все в порядке? — Хейнок дотронулась до руки Аксимааны Фрэйж.

— Почему они такие злые? Что они кричат? — взглянула на дочь Аксимаана Фрэйж.

— Может быть, мне увезти тебя домой, мама? — ответила Хейнок.

— Предлагаю покончить с узурпатором! — возглашал человек на помосте.

— Позовите немедленно прокторов, предъявите этому человеку обвинения в измене,— скандировало несколько голосов в зале.

Аксимаана Фрэйж в смущении оглянулась вокруг. Казалось, все вскочили на ноги, кричали. Такой шум! Такой беспорядок! И этот странный запах в зале, этот запах гари, что это было! Он бил

ей в ноздри. Почему они так много кричат?

— Мама! — тревожно воскликнула Хейнок.

— Мы завтра снова начнем сеять, не так ли? И поэтому теперь мы должны идти домой. Правильно, Хейнок? — обратилась к дочери Аксимаана Фрэйж.

— О, мама, мама…

— Снова сеять…

— Да, твердо произнесла Хейнок.— Конечно, мы будем сеять утром, а теперь нам лучше уйти.

— Покончить со всеми узурпаторами! Да здравствует подлинный Коронованный! — вновь донеслось до них.

— Да здравствует подлинный Коронованный! — неожиданно закричала Аксимаана Фрэйж, поднимаясь на ноги. Ее глаза сверкали, язык трепетал. Она снова чувствовала себя молодой, полной жизни и энергии. Завтра на рассвете они выйдут в поле, будут разбрасывать семена и нежно ухаживать за ними и молиться и…

Нет. Нет. Нет. Туман рассеялся в ее голове. Она вспомнила все. Поля были выжжены. Они должны оставаться незасеянными еще три года, так сказал сельскохозяйственный представитель, пока споры пыльцы не будут вычищены. Вот что это был за странный запах: запах сожженных

стеблей и листьев. Огонь бушевал несколько дней. Дождь усилил запах, и он поднялся в небо. В этом году не будет урожая, его не будет и в следующем, а также и следующим за тем.

— Дураки,— громко выкрикнула она.

— Кого ты имеешь в виду, мама? — обеспокоенно спросила Хейнок.

— Всех их.— Аксимаана Фрэйж широко обвела рукой вокруг.— Кричать против Коронованного. Предполагать, что это месть Бога. Ты считаешь, что Бог хочет так жестоко наказать нас? Мы будем голодать, Хейнок, потому что пыльца убила посевы. И при этом совсем безразлично в настоящий момент, кто Коронованный. Это к делу не имеет никакого отношения. Прошу тебя, увези меня домой.

— Конец узурпатору! — снова донесся крик, и он прозвенел в ее ушах, как удар погребальных колоколов, когда они широкими шагами покидали зал.

Элидат, осторожно оглядывая собравшихся в совещательной комнате принцев и герцогов, медленно произнес:

— Приказы написаны рукой Валентайна и скреплены его печатью, они, несомненно, подлинные. Юноша должен быть введен в Прин-

ципат в самый короткий срок.

— Вы полагаете, что этот срок уже настал? — холодно спросил Дивис.

— Да, я так считаю.— Главный советник спокойно встретил сердитый взгляд Дивиса.

— На чем основано ваше предположение?

— Его учителя сообщили мне, что он овладел основами всех учений.

— То есть он может назвать всех Коронованных от Стиамота до Молибора в правильном порядке! Что это доказывает?

— Эти предметы включали не одни только списки Королей, Дивис, как я надеюсь, не забывайте. Он прошел полную подготовку и усвоил ее. Синод и декреталии, Балансы, Кодекс провинции и все остальное. Думаю, вы помните эти дисциплины? Его экзаменовали, и он проявил себя превосходно. У него глубокий и мудрый ум. Он также проявил и мужество. При переходе через равнину газанов он убил малорна. Вы знали об этом, Дивис? Не просто ускользнул от преследования этого существа, а убил его. Он необычный.

— Мне кажется, это очень точное определение для него,— поддержал Элидата герцог Элзандир из Чорга.— Я был с ним на охоте в лесах под Гизельдорном. Он передвигается быстро и с при-

родным изяществом. У него живой ум, он быстро мыслит. Он знает пробелы в своих знаниях и прилагает все усилия, чтобы ликвидировать их. Он должен быть немедленно возведен в Принципат.

— Это сумасшествие! — закричал Дивис, несколько раз сердито ударив ладонью по столу совещательной комнаты.— Абсолютное, бредовое сумасшествие!

— Спокойнее, спокойнее,— воскликнул Мириган.— Такой крик неприличен, Дивис.

— Мальчик слишком молод, чтобы быть принцем!

— Давайте не будем забывать,— добавил герцог Халансы,— что он низкого происхождения.

— Сколько ему лет, Элидат? — тихо спросил Стазилен.

— Двадцать.— Главный советник пожал плечами.— Возможно, двадцать один. Молод, я согласен. Но уже и не ребенок.

— Минуту назад вы сами назвали его "мальчиком",— напомнил герцог Халансы.

— Образное выражение, и ничего больше.— Элидат повернул руки ладонями вверх.— У него юношеская внешность, я согласен с вами. Но это только потому, что он такой стройный, ему не хватает солидности. Вернее, у него мальчише-

ский вид, однако он уже не мальчик.

— Но также еще и не мужчина,— заметил принц Манганот из Банглекоды.

— В каком смысле? — поинтересовался Стазилен.

— Взгляните вокруг себя,— ответил принц Манганот,— здесь вы наглядно увидите определение мужественности. Возьмем вас, Стазилен. Каждый видит вашу силу и мужественность. Пройдитесь как странник по улицам любого города: Сти, Норморка, Бибируна, просто пройдитесь по улицам, и люди машинально доверятся вам, ничего не зная о вашем положении или имени. То же самое можно сказать о Элидате, Дивисе, Миригане. Или, например, мой королевский брат из Дундильмира. Да, мы все — мужчины. Он — нет.

— Мы принцы,— запротестовал Стазилен,— и были ими много лет,— продолжил он.— Определенная манера поведения приходит к нам со временем от долгого осознания своего положения. Но были ли мы такими двадцать лет назад?

— Думаю, да,— сказал Манганот.

— Помню некоторых из вас,— засмеялся вдруг Мириган,— когда вы были в возрасте Хиссуна. Крикливые и хвастливые, и если это делает мужчину мужчиной, то да, вы, конечно, были

мужчинами. И все же мне кажется это логичным, что поведение, подобающее принцу, исходит от ощущения того, что ты принц, и мы надеваем его на себя как одежду. Посмотрите на нас в нашем пышном наряде, а потом оденьте нас в крестьянскую одежду и поместите нас в какой-нибудь морской порт Зимроеля. Кто тогда поклонится нам? Кто окажет нам почтение?

— Он сейчас не принц и никогда не будет им,— прервал его Дивис угрюмо.— Он оборванец из Лабиринта, и ничего больше.

— Я все же придерживаюсь того, что мы не можем возвести такого юношу до нашего ранга,— произнес принц Манганот из Банглекоды.

— Говорят, что Престимион был слабого телосложения,— заметил герцог Чорга.— Думаю, что его правление, тем не менее, всеми оценивается как успешное.

Древний Канталис, племянник Тивераса, неожиданно встрепенулся после своего часового молчания и изумленно воскликнул:

— Вы сравниваете его с Престимионом, Элзандир? Чем же именно мы тогда занимаемся: мы принимаем в принцы или выбираем Коронованного?

— Любой принц является потенциальным

Коронованным, — ответил Дивис.— Давайте не будем этого забывать.

— Нет, сомнения, что необходимость выбора нового Коронованного может скоро возникнуть,— сказал герцог Халансы.— Это крайне возмутительно, что Валентайн так долго сохраняет жизнь старого Понтифика, но рано или поздно…

— Это совершенно другой вопрос,— резко оборвал его Элидат.

— Думаю, нет,— возразил Манганот.— Если мы сделаем его принцем, то ничто не сможет остановить Валентайна в продвижении его, в конечном счете, на трон Конфалюма.

— Эти предположения абсурдны,— возразил Мириган.

— Так ли, Мириган? Каких только абсурдов мы уже не видели от Валентайна! Взять в жены жонглершу, а одним из своих главных министров сделать колдуна-уруна, да и остальные во всей его честной компании… Окружающие его словно двор внутри двора, в то время как мы вытолкнуты во внешнее кольцо…

— Будьте осторожны в выражениях, Манганот,— произнес Стазилен.— В этой комнате есть такие, кто любит лорда Валентайна.

— Здесь нет ни одного, кто не любит его,— возразил Манганот.— Вы можете быть уверены, и Мириган, конечно, подтвердит это, что после смерти Вориакса я был одним из самых ярых сторонников передачи короны Валентайну. Я никому не уступлю в своей любви к нему. Но мы не должны только любить его, надо иногда и критиковать. Он способен на глупые поступки, как и все мы. По-моему, это глупость брать двадцатилетнего мальчика с задворок Лабиринта и делать его принцем королевства.

— Сколько вам было лет, Манганот, когда вы стали принцем? — спросил Стазилен.— Шестнадцать? Восемнадцать? А вам, Дивис? Семнадцать, кажется? Вам, Элидат?

— Мы другое дело,— ответил Дивис.— Мы были рождены, чтобы занять высокое положение. Я — сын Коронованного. Манганот из благородной семьи Банглекода. Элидат…

— Факт остается фактом,— оборвал его Стазилен,— что, когда мы были намного моложе, чем Хиссун, мы уже были в этом звании. Как и сам Валентайн. Все дело в подготовленности, а не в возрасте. А Элидат заверяет нас, что он хорошо подготовлен.

— Был ли у нас когда-либо принц, вышедший из

простой семьи? — спросил герцог Халансы.— Подумайте, прошу вас: что такое этот новый принц Валентайна? Дитя улиц Лабиринта, попрошайка или, возможно, карманный воришка…

— У вас нет достоверных сведений об этом,— возразил Стазилен,— мне кажется, что вы клевещете на него. Разве это аргумент, что он был попрошайкой в Лабиринте, когда Валентайн впервые встретил его?

— Тогда он был только ребенок,— сказал Элидат,— а дело в том, что он нанимался проводником и умел ценить деньги, хотя ему было всего лишь десять лет. Но это все не главное. Нас не должно волновать, кем он был. Нас интересует, кто он есть в настоящее время и кем станет. Коронованный лорд просил нас сделать его принцем, когда, по моему мнению, придет время. Считаю, что время пришло. Следовательно, этот спор бесполезен.

— Нет,— сказал Дивис,— Валентайн не самовластный правитель. Ему требуется наше согласие на это…

— О, и вы выступите за отмену воли Коронованного? — спросил герцог Чорга.

— Если моя совесть прикажет мне поступить так,— сказал после паузы Дивис,— тогда я вы-

ступлю. Валентайн может ошибаться. Бывают случаи, когда я значительно расхожусь с ним во мнениях. Это — один из таких случаев.

— С тех пор как изменилось его тело,— вставил принц Манганот из Банглекоды,— я заметил изменение также и в его личности. Например, у него появилась склонность к романтическому, даже фантастическому, что, возможно, и было в нем до узурпации, однако никогда в значительной степени не проявлялось, но теперь заявляет о себе во весь голос...

— Достаточно! — раздраженно оборвал его Элидат.— От нас требуется обсудить только данное назначение, и мы это сделали. Поставим на этом точку. Коронованный лорд предлагает нам Посвященного в Рыцари Хиссуна сына Элзиномы ввести в Принципат со всеми вытекающими из этого звания привилегиями. Как главный советник и регент со своим поддерживающим голосом предлагаю одобрить это назначение, Если нет возражений, думаю, надо записать, что он принят без голосования на основании единодушного одобрения.

— Против,— сразу же возразил Дивис.

— Против,— поддержал его принц Манганот из Банглекоды.

— Против,— присоединился к ним герцог Халансы.

— Есть здесь еще такие,— медленно спросил Элидат,— кто желает быть записанным как проголосовавший против воли Коронованного лорда?

Принц Нимиан из Дундильмира, который до этого молчал, сразу же после слов Элидата заявил:

— В этих словах кроется скрытая угроза, против чего я возражаю, Элидат.

— Ваше возражение принимается, хотя никакой угрозы мои слова не содержали. Как вы голосуете, Нимиан?

— Против.

— Пусть будет так. Четверо выступили против, что значительно меньше необходимого количества. Стазилен, попросите, пожалуйста, принца Хиссуна войти в совещательную комнату.— Оглядев комнату, Элидат добавил: — Если кто-либо из проголосовавших "против" желает переголосовать, то это пока еще не поздно сделать.

— Пусть мой голос "против" останется,— сразу же ответил герцог Халансы.

— И мой тоже,— сказал принц Банглекода. Так же высказался и Нимиан из Дундильмира.

— А что скажет сын лорда Вориакса? — спросил

Элидат.

— Я забираю свой голос.— Дивис улыбнулся.— Дело сделано: пусть оно также имеет мою поддержку.

Услышав это, Манганот полупривстал со своего места, широко разинув рот от удивления, лицо его покраснело. Он начал что-то говорить, но Дивис оборвал его, взмахнув рукой и сверкнув глазами. Нахмурившись, в замешательстве качая головой, Манганот уселся обратно. Герцог Халансы прошептал что-то принцу Нимиану, тот пожал плечами и ничего не ответил.

Стазилен вернулся; позади него шел Хиссун, одетый в белую мантию с золотистыми брызгами на левом плече. Его лицо немного раскраснелось, глаза неестественно блестели, но тем не менее, он казался спокойным и сосредоточенным. Элидат оглядел его и торжественно произнес:

— По представлению Коронованного лорда Валентайна и с одобрения этих высоких лордов мы назначаем вас в Принципат Маджипуры со всеми правами и привилегиями.

— Несказанно тронут, милорд,— Хиссун склонил голову,— вряд ли смогу выразить свою благодарность всем вам за представление мне этой невообразимой чести.

Потом он поднял глаза и осмотрел комнату, на мгновение задержавшись на Нимиане и на Манганоте, затем и на герцоге Халансы. Потом еще некоторое время взгляд его был устремлен на Дивиса, который ответил ему холодной слабой улыбкой.

Тот одинокий морской дракон в сумерках, так странно бивший крыльями по воде, был предвестником еще более странных событий. На третью неделю пути от Алазора к Острову Снов целое стадо огромных животных внезапно появилось по правому борту "Леди Сиин".

Панделюма, лоцман, скандарша с темно-синим мехом, которая однажды уже охотилась на морских драконов, первая заметила их после рассвета, когда вела свои наблюдения с капитанского мостика. Она сообщила эту новость гранд-адмиралу Азенхарту, тот посоветовался с Отифоном Делиамбером, который взялся разбудить Коронованного.

Валентайн быстро вышел на палубу. Солнце уже поднялось со стороны Альханроеля и бросало на воду длинные тени. Лоцман протянула ему свою подзорную трубу, он приставил ее к глазу, и она навела ее на силуэты, двигавшиеся далеко в море.

Он всмотрелся, ничего не видя вначале, кроме легких волн открытого океана, потом понемногу передвинулся на север и навел фокус, чтобы разглядеть морских драконов: темные горбатые силуэты переполняли воды, двигаясь тесным строем с непонятной целенаправленностью. Время от времени их длинная шея высоко поднималась над поверхностью воды, в то время как обширные крылья развертывались веером, бились и вытягивались на морском лоне.

— Их должно быть около сотни,— закричал Валентайн изумленно.

— Еще больше, милорд,— ответила Панделюма.— Никогда, за все время моей охоты на них, я не видела такого большого стада. Вы видите королей? Их пять, по меньшей мере. Полдюжины еще, примерно таких же больших десятки самок и молодняк, слишком много, не сосчитать.

— Я вижу их,— сказал Валентайн. В центре группы была небольшая фаланга животных чудовищных размеров, почти скрытых водой, но их спинные хребты рассекали воду.— Среди них шесть больших, я бы сказал. Чудовище… больше того, который разбил мой корабль, когда я плыл на Брангалин! Но в этих водах их не было раньше. Что они делают здесь? Азенхарт, вы слышали

раньше о стадах морских драконов, идущих по ту сторону Острова?

— Никогда, милорд,— мрачно ответил хьерт.— Тридцать лет я плавал между Нуминором и Алазором и никогда не видел ни одного дракона. Ни разу! А тут целое стадо…

— Слава Леди, что они движутся в сторону от нас,— сказал Слит.

— Но зачем они вообще здесь? — опросил Валентайн.

Никто не смог ответить ему. Казалось неразумным, чтобы передвижения морских драконов по населенным частям Маджипуры могли внезапно подвергнуться крутым переменам, когда тысячи лет морские стада с чрезвычайной определенностью следовали по одним и тем же морским путям.

Каждое стадо выбирало один и тот же маршрут при каждой из своих длительных миграций вокруг света, терпя большие потери, поскольку охотники на драконов из Пилиплока, зная, где найти их, нападали на них каждый год в определенное время и производили убой их в устрашающих количествах. Известно, что мясо, масло и молоко драконов, а также их кости и многие другие продукты можно было с боль-

шой выгодой продавать на рынках мира. И все же драконы шли по тому же пути, по которому они ходили всегда. Капризы ветров, течений и температур иногда могли заставить их переместиться на сотню миль к северу или югу от их традиционного пути, возможно, потому, что морские существа, которыми они кормились, перемещались, но ничего похожего на подобное отклонение никогда раньше не наблюдалось. Целое стадо драконов обогнуло Остров Снов с востока и, очевидно, направлялось в полярные области вместо того, чтобы пройти южнее Острова и побережья Альханроеля и войти в воды Великого океана. И так поступило не одно только стадо. Пять дней спустя была замечена еще одна, меньшая по количеству, группа, не больше тридцати драконов, среди них не было гигантов, и они прошли в миле или двух от кораблей.

Неприятно близко, как заметил адмирал Азенхарт, поскольку корабли, везшие Коронованного и членов его свиты на Остров, не имели сколько-нибудь значительного вооружения, а морские драконы были животными с непостоянным характером и огромной мощью, способной сокрушить несчастные суденышки, как неуместную преграду на своем пути.

Еще оставалось шесть недель путешествия. В населенных драконами водах это могло показаться очень долгим промежутком времени.

— Возможно, нам следует повернуть назад и совершить переход в другое время,— предложил Тунигорн, который никогда прежде не был в море и находил мало приятного в этом путешествии.

Слит тоже чувствовал себя тревожно, Азенхарт казался обеспокоенным; Карабелла большую часть времени проводила, вдумчиво вглядываясь в море, будто ожидая, что дракон вынырнет из воды прямо у корпуса "Леди Сиин". Но Валентайн, хотя по собственному опыту и знал о ярости морских драконов, когда не только его корабль был разбит, но и он сам попал в его извилистое нутро, что было самым эксцентричным из приключений за годы его ссылки, не хотел ничего слышать. Необходимо идти дальше, настаивал он. Он должен посовещаться с Леди, он должен осмотреть охваченный эпидемией Зимроель. Вернуться же в Альханроель означало, на его взгляд, отказаться от всяких обязательств. В любом случае, какие основания полагать, что эти заблудившиеся морские драконы намерены нанести вред кораблям? Они казались идущими с большой скоростью и сосредоточенностью по своему загадочному

маршруту и не обращали никакого внимания на проходящие мимо них корабли.

Уже третья группа драконов появилась через неделю после второй. В ней было около пятидесяти животных, и среди них три гиганта.

— Кажется, вся миграция этого года собирается на север,— сказала Панделюма. Она объяснила, что в мире через значительные интервалы времени путешествуют около двенадцати раздельных популяций драконов. Никто точно не знал, сколько времени необходимо одному стаду, чтобы совершить кругосветную навигацию, но, возможно, это могли быть десятилетия. Каждая из этих популяций разбивалась, как правило, на меньшие стада, но все двигались по одному общему пути, и вся эта популяция, очевидно, сбилась на новый путь в северном направлении.

Отведя Делиамбера в сторону, Валентайн пытался выяснить у уруна, как он воспринимает эти передвижения морских драконов. Щупальца маленького существа переплелись в жесте, который Валентайн давно научился распознавать. Он означал знак беды, но все, что он высказал, звучало приблизительно так:

— Чувствую их силу, это очень большая сила на самом деле. Вы знаете, что они не глупые

животные.

— Я понимаю, что тело такого размера может иметь и мозг под стать ему.

— Вот какое дело. Я тянусь вперед и чувствую их присутствие, ощущаю огромную решимость и большую дисциплину. Но, каким курсом они идут, милорд, я не могу вам пока сказать.

Валентайн попытался изменить настроение и хоть ненадолго забыть об опасности.

— Спой мне балладу о лорде Молиборе,— предложил он Карабелле однажды вечером, когда они сели за стол. Она непонимающе взглянула на него, но он улыбнулся и стал настаивать. Тогда, наконец, она вынула свою карманную арфу и ударила старинный шумный мотив:

Лорд Молибор был прекрасный и смелый

И любил бушующее море.

Лорд Молибор спустился с горы.

Чтобы быть охотником.

Лорд Молибор приготовил свой корабль,

Который имел галантный вид,

С парусами из золота

И мачтами из слоновой кости…

Валентайн, вспомнив дальнейшие слова, присоединился к ней:

Лорд Молибор стоял у руля,
И повернулся к поднимающимся волнам,
И плыл в поисках дракона.
Ярости и храбрости дракона
Лорд Молибор послал вызов,
Его голос гремел и звенел,
Я хочу встретить, я хочу драться,
Промолвил он,— с королем-драконом.

Тунигорн поерзал неловко и налил себе вина в свой кубок.

— Эта песня мне кажется несчастливой, милорд,— пробормотал он.

— Ничего, не бойся,— возбужденно воскликнул Валентайн.— Давай, пой с нами.

Я слышу, милорд,— дракон закричал
И встал поперек моря.
Двенадцать миль в длину, три мили — в ширину

И две мили вглубь он был.

Лорд Молибор встал на палубу,

Дрался он и упорно, и хорошо.

Густым потоком текла в тот день кровь

И огромной силы удары…

Лоцман Панделюма вошла в этот момент в кают-компанию и приблизилась к столу Коронованного, остановившись в замешательстве, когда услышала песню. Валентайн предложил ей присоединиться, но ее лицо стало еще мрачнее. Она встала в отдалении, нахмурившись.

Но драконы-короли старые и коварные

И редко проигрывают.

Лорд Молибор, несмотря на всю свою силу,

В конце концов был съеден.

Все храбрые моряки, охотящиеся на драконов,

Примите во внимание эту печальную легенду!

Несмотря на удачу и мастерство, вы можете

Закончить как корм дракона.

— Что такое, Панделюма? — поинтересовался Валентайн, когда умолк последний аккорд.

— Драконы, милорд, приближаются с юга,— ответила она тихо.

— Много?

— Очень много, милорд.

— Видите? — вырвалось у Тунигорна.— Мы созвали их этой глупой песней.

— Тогда мы споем им,— сказал Валентайн,— еще один раз. Начнем сначала,— добавил он, обращаясь к Карабелле.

Лорд Молибор был прекрасный и смелый

И любил бушующее море…

Число драконов в новом стаде было несколько сотен… огромное сборище животных, такая огромная масса, с девятью громадными королями в центре стада. Валентайн, оставаясь внешне спокойным, тем не менее почувствовал угрозу и опасность большой силы, так как они исходили от животных. Но они— прошли мимо корабля, никто не подошел ближе трех миль к флоту, и быстро исчезли на севере, плывя с необъяснимой

целеустремленностью.

Глубокой ночью, когда Валентайн спал, а мысли его всегда были открыты для направляющей силы снов, странное видение посетило его. В середине широкой равнины, усеянной остроконечными камнями и странными, рябыми растениями, с жесткими, без листьев ветками, огромное количество людей передвигалось легкой скользящей походкой в направлении далекого моря. Он увидел себя среди них, одетым так же, как и они, в раздувающееся платье из какой-то дымчатой белой ткани, которая вздымалась от собственной гармонии, так как не было ни малейшего намека на ветер. Никто вокруг не был ему знаком, и все же он не чувствовал себя в одиночестве. Он знал, что тесно связан с этими людьми, они его приятели-паломники в каком-то странствии, продолжающемся много месяцев, возможно, даже много лет. И вот они приближались к своей цели.

Вот лежит море, разных оттенков, сверкающее, его поверхность перемещается, словно там, в глубине, ворочаются какие-то титанические существа или, возможно, в ответ на усилия янтарной, раздувшейся луны, тяжело разлегшейся в облаках.

У берега мощные волны поднимаются, как яркие прогнутые прозрачные лапы, и падают вниз, в абсолютной тишине невесомо ударяя в сияющий берег, словно это и не волны вовсе, а только их призраки, А там, вдали, позади всего этого буйства, темный массивный силуэт неясно вырисовывается в воде.

Это, несомненно, морской дракон, называемый драконом лорда Валентайна, который, как говорят, самый большой из всех. Это король морских драконов, которого никогда не касался гарпун ни одного охотника. От его огромной сгорбленной спины исходит яркое свечение, загадочный сверкающий аметистовый блеск, который наполняет небо и окрашивает воду в темно-фиолетовый цвет. Раздается звон колоколов, глубокий и протяжный, на одной неизменной ноте, мрачное лязганье, угрожающее расколоть мир пополам в сердцевине. Дракон неумолимо приближается к берегу, и его огромная пасть раскрывается, как вход в пещеру.

— Наконец, мой час настал,— торжественно произносит король драконов,— и вы — мои.

Паломники, загипнотизированные сильным пульсирующим светом, исходящим от дракона, плывут в направлении прибрежной полосы мо-

ря, в направлении разинутой пасти.

— Да. Да. Идите ко мне. Я — водяной король Маазмоорн, и вы — мои!

Теперь король-дракон достиг мелководья и волны расступаются вокруг него, он с легкостью выходит на берег. Колокольный звон бьет еще сильнее, этот ужасный звук настойчиво завладевает атмосферой и давит на нее так, что с каждым новым ударом воздух становится тяжелее, ощутимее, теплее. Король-дракон развертывает пару огромных крылоподобных плавников, которые растут за его головой, и они выбрасывают его на влажный песок. Как только массивное тело опускается на землю, первые паломники достигают его и без колебания входят в эту огромную пасть и исчезают, за ними идут другие, бесконечная процессия добровольных жертв, спешащих вперед, навстречу королю-дракону, нетвердой походкой идущему по земле.

И вот они входят в громадный рот, засасываются внутрь, и среди них Валентайн. Он идет вниз, глубоко в яму желудка дракона. Он входит в сводчатую комнату неопределенных размеров и видит там целый мешок проглоченных, вернее, миллионы, миллиарды людей — скандаров, урунов, хьертов, лименов, су- сухарисов,

гайрогов,— всех народов Маджипуры, попавших в пищевод короля-дракона.

А Маазмоорн все еще движется вперед, дальше в глубь суши и продолжает глотать свой корм. Он проглатывает весь мир, глотает, глотает и еще жаднее глотает, пожирая города и горы, континенты и моря, заталкивая внутрь себя всю огромную территорию Маджипуры, пока, наконец, не захватывает все. И вот он лежит, свернувшись кольцом, вокруг планеты, как раздутая змея, съевшая огромное шаровидное существо. Колокола отзванивают победную песнь триумфа.

— Теперь, наконец, пришло мое королевство!

После того, как сон пропал, Валентайн полностью не проснулся. Он позволил себе немного побыть в полусне, зоне чувствительной восприимчивости, так он лежал спокойный, тихий, переживающий еще раз только что виденный сон: вон он снова попадает во всепоглощающую пасть… Окончательно проснувшись, Валентайн вновь вспомнил сон и задумался на мгновение, пытаясь истолковать его.

Потом первые утренние лучи солнца упали на него, и он поднялся. Карабелла лежала рядом с ним, не спала, наблюдала за ним. Он ласково

посмотрел на нее, затем нагнулся и поцеловал.

— Ты видел сон? Это было послание? — нежно спросила она.

— Нет, я не чувствовал присутствия Леди или Короля.— Он улыбнулся.— Ты всегда знаешь, когда мне снится сон, не так ли?

— Да, я всегда чувствую, как сон спускается на тебя. Твои глаза начинают двигаться под веками, губы дергаются, ноздри раздуваются, как у охотящегося животного.

— Я казался обеспокоенным?

— Нет, вовсе нет. Возможно, вначале ты хмурился, но потом ты заулыбался, и великое спокойствие овладело тобой, словно ты шел навстречу своей судьбе и полностью принимал ее.

— О, ну тогда я буду снова проглочен морским драконом! — засмеялся Валентайн.

— Так тебе это снилось?

— Более или менее. Хотя не совсем так, как это произошло в действительности. Это дракон Кинникена вышел на сушу, и я пошел прямо по его пищеводу, как и весь остальной мир, на мой взгляд, А потом он съел также и мир.

— А ты можешь пересказать свой сон? — попросила она.

— Только обрывки и фрагменты,— ответил

он,— полная картина ускользает от меня.— Он знал, что было бы слишком просто назвать сон только перетасовкой событий из его прошлой жизни, словно он уткнулся в куб развлечений и смотрел постановку из времени его ссылки, когда он действительно был проглочен морским драконом, после того как его корабль был разбит у берегов Радамаунтского Архипелага. Лизамона Халтин, проглоченная тем же глотком, прорубила путь к свободе через нутро чудовища. Даже ребенку было понятно, что нельзя принимать этот сон в его самом буквальном, автобиографическом смысле.

Но ничто не поддавалось ему также и на более глубоком уровне, кроме такого очевидного толкования, что оно казалось тривиальным: все эти передвижения стад морских драконов, которые он недавно наблюдал, были еще одним предупреждением, что мир в опасности, что какая-то мощная сила угрожает стабильности общества. Это он уже знал, и этому не требовалось подкрепления. Хотя почему морские драконы? Какая метафора вспенивалась в его голове, что трансформировала этих огромных морских млекопитающих в поглощающую мир угрозу?

— Возможно, ты переутомился,— немного по-

думав, сказала Карабелла.— Пусть это пройдет, значение сна станет ясным, когда твои мысли повернутся к чему-то еще. Что ты скажешь? Пойдем на палубу?

В последующие дни они не видели больше стада драконов, только несколько отставших животных, а потом исчезли и они. Валентайна больше не посещали во сне угрожающие образы. Море было тихим, ярким и ясным, ветер подгонял их на запад.

Валентайн большую часть времени проводил на переднем мостике, вглядываясь в море, и, наконец, наступил день, когда из пустоты неожиданно появился в поле зрения, как яркий белый цвет, раскрытый на темной линии горизонта, ослепительный известковый утес Острова Снов, самого светлого и самого мирного места в Маджипуре, прибежища сострадательной Леди.

Поместье теперь, по существу, опустело. Ушли все работники, ушла и большая часть домашней прислуги. Никто из них не подумал оформить уход, даже ради получения денег, которые был им должен Этован Елакка: они просто ускользнули, словно страшились оставаться в зараженной зоне еще хотя бы один час и боялись, что он каким-то образом сумеет заставить их остаться,

если узнает, что они хотят уйти.

В поместье остались только несколько человек, особо преданных ему. Это были Симуст, гайрог, десятник и его жена Хсама, главный повар Этована Елакки да две или три домашние работницы и пара садовников. Этован Елакка не слишком беспокоился, что остальные убежали… в конце концов, для большинства из них больше не было работы, да и платить им должным образом он не мог себе позволить, ведь зерно не было отправлено на рынок. И рано или поздно стало бы проблемой даже просто накормить их всех, если то, что он слышал о растущей нехватке продуктов во всей провинции, было правдой.

Тем не менее он воспринял их уход как упрек себе. Ведь он был их хозяином, он был ответственным за их благосостояние. Этован Елакка хотел бы продолжать снабжать их продуктами, пока это позволяли его запасы. Почему же они так стремились уйти? На что они надеялись? Может быть, они надеялись найти работу в сельскохозяйственном центре Фалкинкипа, куда, как он полагал, они ушли? И было ему странно, что в поместье стало так тихо. В его поместье, где с утра до вечера кипела работа и где воздух звенел от голосов. Этован Елакка чувствовал себя, как

король, чьи подданные отказались от гражданства и ушли на другие земли, оставив его рыскать по опустевшему дворцу и отдавать приказы не обращающему на них внимания воздуху.

И все же он старался жить так, как он жил всегда. Некоторые привычки, которые срослись с ним, став его второй натурой, оставались даже в это ужасное время бедствий.

До того, как выпал пурпурный дождь, Этован Елакка поднимался каждое утро намного раньше солнца и с рассветом выходил в сад, чтобы совершить небольшой обход. Он всегда шел одним и тем же маршрутом через рощу алабандин к танигейлам, потом поворачивал налево в тенистый укромный уголок, где теснились караманги, и дальше под изобильной кроной дерева фагимоля, которое от своего короткого, похожего на обрубок ствола, давало прекрасные ветки, покрытые по всей длине ароматными сине-зелеными цветами. Они загибались вверх на шестьдесят футов или даже больше. Потом он приветствовал пасть-цветы, кивал сверкающим пузырчатым деревьям, останавливался послушать песню поющего папоротника. А в конце своего обхода навещал сверкающие желтизной кусты мангахонии, находившиеся почти на границе между

садом и полем. Он с удовольствием осматривал насаждения стаджи и глейна, хингаморта и деревьев нийка, расположенные сразу за пологим спуском, разделяющим поле и сад.

От поля не осталось совсем ничего и очень мало от сада, но Этован Елакка все равно продолжал свои утренние обходы, останавливаясь у каждого мертвого и обугленного дерева, как будто оно все еще цвело и росло или готовилось дать плоды. Он понимал, что то, что он делает, лишено всякого смысла. Что любой, кто застанет его за этим, определенно скажет: "О, это тот бедный старик, которого горе свело с ума". Пусть говорят, что хотят, думал Этован Елакка. Его никогда особенно не беспокоило, что говорят о нем другие люди, а теперь это беспокоило его еще меньше. Возможно, он действительно сошел с ума, хотя он так не думал. Несмотря ни на что, он намеревался все равно продолжать свои утренние прогулки. А что еще ему оставалось делать?

В течение первых недель после смертоносного дождя садовники хотели убрать погибшие растения, но он приказал им не трогать ничего, потому что надеялся, что многие из них были всего лишь повреждены, и в скором времени примутся снова, сразу, как только оправятся от воздействия

того отравляющего вещества, которое принес с собой пурпурный дождь. Спустя некоторое время даже Этовану Елакке стало ясно, что большинство из деревьев погибло, что из старых корней не возникнет новой жизни. Но к этому времени садовники начали исчезать, и скоро их осталось так мало, что их едва хватало для выполнения необходимых работ на тех участках сада, которые выжили. Им было не до вырубки и уборки мертвых растений. Сначала Этован думал, что и один справится с этой печальной работой, что он будет потихоньку, не торопясь, как позволяло время, убирать умершие деревья, но масштаб работы так поразил его, что он вскоре решит оставить все как есть. И погибший сад стал чем-то вроде посмертного памятника прежней красоте.

Однажды на рассвете, уже много месяцев спустя после того как выпал пурпурный дождь, Этован Елакка, проходя медленно по своему саду, обнаружил любопытный предмет, торчавший из земли на грядке пинпины. Это был отшлифованный зуб какого-то большого животного. Он был пяти или шести дюймов в длину и острый, как кинжал. Елакка выдернул его, озадаченно осмотрел и положил в карман. Немного дальше, среди муорнов, он нашел еще два зуба такого

же размера, всаженные в землю на расстоянии примерно в десять футов один от другого. Этован Елакка спустился по склону к полям погибшей стаджи и в отдалении увидел сначала три, а затем еще два и чуть дальше еще один зуб, так что вся группа имела форму ромба и покрывала довольно значительную часть его земли.

Он быстро вернулся домой, где Хсама готовила завтрак.

— Где Симуст? — спросил Этован.

Гайрожка ответила, не поднимая головы:

— Он в нийковом саду, сэр.

— Нийки давно погибли, Хсама.

— Да, сэр. Но он в нийковом саду. Он провел там всю ночь.

— Иди за ним. Скажи, что я хочу его видеть.

— Он не пойдет, сэр. Если я пойду за ним, то сгорит завтрак.

Этован Елакка, удивленный отказом Хсамы, не нашелся, что сказать. Потом решив, что в это время перемен ничему не стоит удивляться, он коротко кивнул, повернулся и, ничего не сказав, вышел снова из дома.

Быстро, как мог, он взобрался по склону, и путь его лежал мимо безжизненных полей стаджи, через абсолютно безлистные кусты глейна, по

сухой пыли, оставшейся от хингамортов, пока наконец он не вошел в нийковый сад.

Погибшие деревья были такими легкими, что их мог выкорчевывать и ветер. Большинство из них упало, а те, что еще стояли наклонились под опасным углом, словно какой-то великан шутливо задел их кончиками пальцев. Сначала Этован Елакка не заметил Симуста, и только присмотревшись, он увидел, как тот бесцельно бродит по роще, пробираясь среди накренившихся деревьев и останавливаясь только для того, чтобы столкнуть какое-нибудь из них. И так Симуст провел всю ночь? Поскольку гайроги спали в основном только во время зимней спячки, длившейся несколько месяцев, Этован Елакка никогда не удивлялся тому, что Симуст работал ночью, но такая бесцельность поведения была не свойственная ему.

— Симуст?

— А, сэр. Доброе утро, сэр.

— Хсама сказала, что ты здесь. У тебя все в порядке, Симуст?

— Да, сэр. У меня все хорошо, сэр.

— Ты уверен?

— Очень хорошо, сэр. Все на самом деле очень хорошо.— Но словам Симуста недоставало уве-

ренности.

Этован Елакка сказал:

— Может, ты спустишься со мной? Я хочу тебе кое-что показать.

Гайрог, казалось, внимательно обдумывал предложение. Потом он медленно подошел к тому месту, где его ждал Этован Елакка. Змеевидные кольца волос Симуста и прежде никогда не бывшие спокойными, теперь шевелились в нервных порывистых судорогах, и от его мощного чешуйчатого тела исходил запах, который был известен Этовану Елакке, знакомому с изменчивостью запахов гайрогов: запах большой беды и дурных предчувствий. Симуст работал у него двадцать лет. Этован Елакка никогда раньше не замечал, чтобы от него исходил такой запах.

— Сэр — сказал Симуст.

— Что беспокоит тебя, Симуст?

— Ничего, сэр. У меня все хорошо, сэр. Вы хотели что-то показать мне?

— Посмотри,— сказал Этован Елакка, доставая из кармана длинный конусообразный зуб, который он нашел на грядке пинпины. Он протянул его Симусту и сказал: — Я нашел это, когда обходил сад полчаса назад. Я подумал, может быть, ты знаешь, что это такое.

Зеленые, без век, глаза Симуста беспокойно забегали:

— Это зуб молодого морского дракона, сэр. Так я думаю.

— Ты думаешь, это он и есть?

— Я совершенно уверен, сэр. Там были и другие?

— Довольно много. Я думаю еще штук восемь.

Симуст начертил в воздухе ромб.

— Они расположены в таком порядке?

— Да,— сказал Этован Елакка, нахмурившись.— Откуда тебе это известно?

— Это обычный порядок. О, сэр, это знак опасности, большой опасности!

Этован Елакка в раздражении произнес:

— Ты сознательно говоришь загадками, не так ли? Какой обычный порядок? Опасность от кого? Ради, Леди, Симуст, скажи мне простыми словами, что ты знаешь об этом?

Запах гайрога стал еще более едким, он говорил в сильном смятении. Страх и замешательство слышались в его голосе. Симуст, казалось, с трудом подбирал слова.

— Сэр,— сказал он,— вам известно, куда ушли те, кто работал у вас?

— В Фалкинкип, я полагаю, искать там работу

на ранчо. Но какое это имеет…

— Нет, не в Фалкинкип, сэр. Дальше на запад. В Пидруид, вот куда они ушли. Ждать прихода драконов.

— Что?

— Как сказано в Апокалипсисе, сэр.

— Симуст…

— Вы ничего не знаете об Апокалипсисе?

Этован Елакка почувствовал, что им овладевает гнев, который он редко испытывал в своей спокойной, наполненной простыми радостями жизни.

— Я ничего не знаю об Апокалипсисе,— ответил он с едва сдерживаемой яростью.

— Я расскажу вам, сэр. Я расскажу вам все.— Гайрог помолчал долю секунды, словно приводя в порядок свои мысли. Потом он глубоко вздохнул и сказал: — Есть старинное поверье, сэр, что в определенный богами день в мир придет огромная беда, и вся Маджипура будет повержена в хаос. И тогда морские драконы покинут море, выйдут на землю и объявят начало новой эры. Они произведут огромные трансформации в нашем мире. И это время известно, как время Апокалипсиса.

— Чья это фантазия?

— Да, вы это хорошо назвали, сэр. Это или миф, или, если хотите, сказка. Это не научное предсказание. Мы знаем, что морские драконы не могут выйти из воды. Но поверье широко распространено среди людей, и они верят в него.

— Кто эти люди?

— Бедные люди, главным образом. В основном лимены, хотя некоторые другие расы также верят в Апокалипсис, сэр. Я слышал, что эта вера распространена среди некоторой части хьертов и скандаров. Она не очень популярна среди людей, особенно благородного сословия, таких, как вы, сэр. Но я скажу вам, что многие говорят теперь, что время Апокалипсиса пришло, что болезни на земле и недостаток продуктов первый его знак, что Коронованный и Понтифик скоро будут смещены и начнется царствование водяных королей. И те, кто верит в это, сэр, идут теперь в города побережья — Пидруид, Нарабаль, Тильомон, чтобы видеть, как водные короли выйдут на берег, и первыми склонить колени перед ними. Я знаю, что это правда, сэр. Это происходит во всей провинции, и, насколько мне известно, это происходит во всем мире. Миллионы начали свой переход к морю.

— Поразительно,— сказал Этован Елакка,— как

мало я знаю, уединившись в своем крохотном мирке! — Он провел пальцем по краю зуба дракона до его острия и сильно надавил, пока не почувствовал боль.— А это? Что означают эти зубы?

— Как я понимаю, сэр, они размещают их тут и там, как признаки Апокалипсиса и как отметки, показывающие путь к берегу. Несколько разведчиков движутся впереди огромного количества паломников, направляющихся на запад, и размещают зубы, отмечая путь, а после за ними по этому пути следуют остальные.

— Откуда они знают, где размещать зубы?

— Они знают, сэр. Я не знаю, откуда им это известно. Возможно, знание приходит во сне. А, может, водные короли направляют им мысленные послания, как Леди или Король Снов.

— Так, значит, скоро здесь пройдет орда странников?

— Думаю, да, сэр.

Этован Елакка постучал зубом по ладони.

— Симуст, почему ты провел ночь в нийковом саду?

— Пытался набраться мужества, чтобы рассказать вам все это, сэр.

— Почему для этого требуется мужество?

— Потому, что, я думаю, мы тоже должны бежать, сэр. А я знаю, что вы не хотите убегать. Мне не хочется оставлять вас, но я не хочу умирать. И я думаю, что мы умрем, если еще останемся здесь.

— Ты знал, что у нас в саду тоже разместили зубы дракона?

— Я видел, их там укладывали, сэр. Я разговаривал с разведчиками.

— Когда?

— В полночь, сэр. Их было трое, два лимена и хьерт. Они сказали, что четыреста тысяч паломников идут сюда с восточной стороны Ущелья.

— Четыреста тысяч паломников пройдут по моей земле?

— Думаю да, сэр.

— Ведь ничего не останется после того, как они пройдут, не так ли? Они пройдут, как стая саранчи. Они уничтожат все запасы продуктов, которые у нас есть, разграбят дом, убьют любого кто попадется на их пути. И не из злобы, а всего лишь на волне общей истерии. Тебе это тоже так видится, Симуст?

— Да, сэр.

— Нельзя терять больше времени,— сказал Этован Елакка.— Ты должен был забрать свою жену и уйти еще ночью, когда увидел, как раскладыва-

ют зубы. Уходи! Уходи немедленно!

Он скатился вниз по склону и, когда снова проходил через сад, вернул на место драконий зуб, туда, где он нашел его, на грядку пинпины.

Позже утром гайрог и его жена пришли к нему и умоляли пойти вместе с ними… они едва не плакали, так казалось Этовану Елакке, хотя он знал, что глаза гайрогов не имеют слезных желез… но он стоял на своем, и в конце концов они ушли без него. Елакка позвал остальных, кто оставался еще верным ему, и отпустил их, отдав им все деньги, которые были под рукой, и большую часть продуктов из кладовой.

В этот вечер он сам готовил ужин впервые в своей жизни. Ему показалось, что для новичка он проявил неплохое умение. Он открыл последнюю бутылку огненного вина и выпил немного больше, чем обычно позволял себе. То, что происходило с миром, было непонятно ему и с трудом воспринималось, но вино немного успокоило его. Как много тысячелетий спокойствия позади! Какая приятная, гладко отрегулированная жизнь была у него! Понтифик и Коронованный, Понтифик и Коронованный, ничем не возмущаемая последовательность, движущаяся от Горы Замка к Лабиринту, управление государством, ставящее

своей целью благо всех, хотя, конечно, некоторые имели больше, чем другие, и все же никто не голодал, никто не нуждался. И вот наступил конец. С неба падает ядовитый дождь, увядают сады, гибнут посевы, начинается голод, в атмосфере страха и обреченности возникают новые религиозные верования, голодные обезумевшие толпы рвутся к морю. Знает ли об этом Коронованный? Знает ли Леди Острова? Король Снов? Что делается, чтобы поправить все это? Да и что можно сделать? Смогут ли помочь добрые сны Леди наполнить пустые желудки? Смогут ли угрожающие сны Короля повернуть толпы назад? Сможет ли Понтифик, если он на самом деле существует, выйти из Лабиринта и сделать возвышенное заявление? Сможет ли Коронованный проскакать из провинции в провинцию, призывая к терпению? Нет! Нет! Нет! Все кончено, подумал Этован Елакка. Как жаль, что эти события двинулись на него сейчас, не могли подождать еще двадцать лет или, возможно, тридцать, так, чтобы он мог тихо умереть в своем саду, а сад еще был бы в цвету.

Он продолжал всматриваться в ночь, и все было тихо. Утром Этовану показалось, что он слышит гул надвигающейся с востока орды. Он прошел по дому, открывая каждую дверь, он хотел, чтобы

они нанесли как можно меньше ущерба, когда будут обшаривать дом в поисках еды и вина, Это был прекрасный дом, и Этован Елакка любил его и надеялся, что он не будет разрушен.

Потом Этован вышел в сад. Он увидел, как мною в нем смогло пережить смертоносный дождь: намного больше, чем он думал. Все эти черные месяцы его глаза замечали только разрушения, но сейчас он увидел, что пасть-растения еще цветут, а ночные деревья и некоторые из андродрагм, двикки, синхортинская лоза и даже нежные остролисты по-прежнему живы и тянутся к солнцу. Гуляя по саду, он стал было уже подумывать о том, чтобы дать проглотить себя пасть-растению, но это была бы ужасная смерть, медленная, кровавая… а ему хотелось, чтобы о нем сказали, даже если и не будет никого, чтобы сказать, что он был утонченный человек и таким оставался до конца. Поэтому он пошел к сихортинской лозе, которая была увешана еще не созревшими, желтыми плодами. Спелый сихортин был одним из самых прекрасных деликатесов, но желтый, он был наполнен смертельными алкалоидами. Долго стоял Этован Елакка возле лозы; он совершенно не испытывал страха, просто он не чувствовал себя готовым к смерти. Потом он услышал звук

голосов, на этот раз не воображаемый. Это были грубые голоса городских простолюдинов. И он почувствовал, что теперь он готов. Он знал, что было бы более по-джентльменски подождать их, с радушием принять в своем поместье и предложить им свои лучшие вина и такой обед, какой было по силам ему приготовить. Но в конце концов без своих слуг он не мог оказать своим нежданным гостям должного приема и, кроме того, он никогда не любил городское простолюдье, особенно если эти люди приходили незваными. Он взглянул в последний раз на двикки и остролисты и единственную больную халатингу, которая каким-то чудом выжила, поручил свою душу Леди и почувствовал, как у него навернулись на глаза слезы. Он подумал, что плакать было бы неприлично, что это не соответствует его социальному положению. И он поднес к губам желтый сихортин и нетерпеливо укусил его твердую неспелую плоть.

Хотя Элзинома всего лишь хотела дать глазам отдохнуть секунду-другую перед тем, как начать готовить обед, глубокий сон быстро овладел ею, стоило ей только прилечь, уводя ее в заоблачное царство желтых теней и розовых холмов. И хотя она вряд ли могла предполагать, что послание

придет к ней во время случайного предобеденного сна, Элзинома почувствовала мягкое прикосновение, от которого затрепетала душа, как только она опустилась в глубины своей дремоты, и она поняла, что это означало присутствие Леди, сошедшей к ней.

В последнее время Элзинома постоянно чувствовала себя уставшей. Она никогда так много не работала, как в эти последние несколько дней, с тех пор, как весть о кризисе в западном Зимроеле достигла Лабиринта. Теперь целыми днями в кафе было полно возбужденных представителей Понтификата, обменивавшихся последней информацией за кубком прекрасного Мульдемарта или доброго золотистого Дулорнского вина… они требовали самых лучших вин, ведь они были так обеспокоены последними событиями. И она постоянно бегала взад и вперед, жонглируя подносами и требуя дополнительных поставок у торговцев вином. В каком-то смысле это поначалу ей даже нравилось, она чувствовала себя участницей исторических событий. Но теперь это стало ее изнурять.

Последним, кого вспомнила Элзинома перед тем, как заснуть, был Хиссун. Принц Хиссун, Ей надо было приучить себя к мысли, что он стал

принцем. Несколько месяцев она ничего не слышала о нем, пока не пришло это поразившее ее письмо, само по себе призрачное, как сон. В нем говорилось, что он принят в высший круг Замка. После этого Хиссун сам стал казаться ей нереальным. Нет больше маленького остроглазого смышленого мальчика, который когда-то забавлял, утешал и поддерживал ее в дни невзгод, но есть незнакомец в прекрасном платье, который проводит свои дни на важных совещаниях, где обсуждаются вопросы, решающие судьбы мира. Она представила себе Хиссуна за обширным столом, отполированным до зеркального блеска. Он сидел среди более старших по возрасту мужчин, лица которых были неясными, но важность осанки которых внушала невольное уважение, и все они смотрели на Хиссуна, который что-то говорил. Потом эта картина исчезла, и она увидела желтые облака и розовые холмы, и Леди вошла в ее мысли.

Это было самое короткое из посланий. Элзинома поняла, что она на Острове… об этом она узнала по белым утесам и круто поднимавшимся террасам, хотя в действительности она никогда там не бывала, да она вообще не бывала нигде за пределами Лабиринта… в каком-то парящем

состоянии она двигалась через сад, который сначала был ухоженным, а затем без перехода стал темным и заросшим. Рядом с ней была Леди, черноволосая женщина в белом платье, которая казалась печальной и обеспокоенной, а совсем не сильной, сердечной и утешающей в печалях, богоженщиной, какой видела ее Элзинома в более ранних посланиях. Она ссутулилась от забот, глаза ее потускнели и были обращены долу, движения были неуверенными.

— Дай мне свою силу,— прошептала Леди. Но ведь это неправильно, подумала Элзинома. Леди приходит к нам предложить свою силу, а не просить нашу. Но та Элзинома, которая была во сне, не стала колебаться. Она была энергичной и высокой, над ее головой сверкал нимб. Она привлекла Леди к себе, прижав к груди, заключила в тесные объятия. И Леди вздохнула. Казалось, ее боль ушла из нее. Потом женщины, как бы нехотя, расступились, и Леди, сверкая теперь божественным светом, как сверкала до этого Элзинома, дотронулась пальцами до своих губ и послала поцелуй Элзиноме, потом она исчезла.

Больше не было ничего. Потрясенная внезапностью пробуждения, Элзинома оторвала голову от подушки и увидела знакомые мрачные стены

своей квартиры в Гваделумском Дворе. Отблеск послания Леди был, без сомнения, с ней, но прежде послания всегда ставили перед ней новую цель и давали силы для ее осуществления, а это принесло только ощущение какой-то мистификации. Она не могла понять значения этого послания, но, возможно, она сможет понять его смысл через день или два.

Она услышала странные звуки в комнате своих дочерей.

— Айлимур? Мараун?

Девочки не отвечали. Элзинома заглянула в комнату и увидела их склонившимися над каким-то маленьким предметом, который Мараун быстро спрятала за спиной.

— Что у вас там?

— Это ничего, мама, так, одна небольшая вещица.

— Что за вещица?

— Одна безделушка.

Что-то в тоне Мараун вызвало подозрение у Элзиномы.

— Дай мне посмотреть,— сказала она.

— Но это действительно пустяк.

— Дай мне посмотреть.

Мараун бросила быстрый взгляд на старшую

сестру. Айлимур, выглядевшая неспокойной и какой-то странно неловкой, только пожала плечами.

— Это личное, мама. Разве у девочки не может быть чего-то личного? — сказала Мараун.

Элзинома протянула руку. Вздохнув, Мараун нехотя подала маленький зуб морского дракона с вырезанными на его поверхности незнакомыми, и от этого еще более смущавшими душу, символами, имевшими странный остроугольный вид. Элзинома, наверное, под влиянием непонятного ею послания увидела в этом маленьком амулете зловещее предзнаменование и угрозу.

— Где ты взяла это?

— У всех есть такие, мама.

— Я спросила, откуда это у тебя?

— От Ванимуна. То есть от сестры Ванимуна Шулаир. Но она взяла это у него. Могу я забрать его назад?

— Ты знаешь, что это означает? — спросила Элзинома.

— Означает?

— Я сказала: ты знаешь, что это означает?

Пожав плечами, Мараун сказала:

— Это ничего не означает. Так, безделушка. Я собираюсь просверлить в нем дырку и носить на

веревочке.

— Ты думаешь, я поверю в это?

Мараун молчала. Айлимур сказала:

— Мама, я… — она запнулась.

— Продолжай.

— Это просто причуда, мама. У всех такие. Это какая-то новая сумасшедшая идея лименов, будто морские драконы — боги, что они будут властвовать над миром, что все беды, которые происходят в последнее время, это сигнал, предупреждающий о скором их пришествии. Говорят, что если мы будем носить зуб морского дракона, мы спасемся, когда они выйдут на сушу.

Элзинома холодно сказала:

— В том, что ты рассказала, нет ничего нового. Подобной чепухой забивают головы простаков уже сотни лет. Но всегда это делалось скрытно, всегда шепотом, потому что это идея безумная, опасная и нездоровая. Морские драконы — это огромного размера рыбы и больше ничего. За ними наблюдает Бог, заботящийся о нас через Коронованного, Понтифика и Леди. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Элзинома с треском разломила пополам конусообразный зуб и бросила обломки Мараун, которая смотрела на нее со злобой, какую она

никогда раньше не видела ни у одной из своих дочерей. Элзинома поспешно повернулась и вышла на кухню. Руки ее дрожали, и ей стало холодно. И если Леди даровала ей спокойствие в своем послании… в том послании, которое, как ей казалось, приходило к ней не сегодня, а месяц назад… то оно совсем ушло от нее теперь.

Все умение потребовалось применить самой опытной лоцманше для входа в Нуминорскую гавань, поскольку пролив был узким, а течение быстрым и песчаные рифы неожиданно возникали на обманчивом дне. Но Панделюма была спокойной и уверенной и отдавала приказы ясными решительными жестами. И королевский флагманский корабль элегантно прошел по коварному проливу, миновал его горловину и вышел на широкую безопасную якорную стоянку, единственно возможную у Острова Снов со стороны Альханроеля, в месте пролома в гигантской известковой стене Первого Утеса.

— Я уже здесь ощущаю присутствие мамы,— сказал Валентайн, когда готовились к выходу на берег.— Она приходит ко мне, как и благоухание цветов алабандины, с ветром.

— Будет ли здесь сегодня Леди, чтобы приветствовать нас? — спросила Карабелла.

— Я очень сомневаюсь,— сказал Валентайн.— Обычай требует, чтобы сын шел к матери, а не мама к сыну. Она останется во Внутренней Обители и пошлет своих иерархинь за нами.

И, действительно, группа иерархинь ожидала их на берегу. Среди этих женщин в золотистых платьях была одна, уже хорошо знакомая Валентайну, строгая седовласая Лоривада, которая сопровождала его во время войны за восстановление его на троне, в поездке с Острова до Горы Замка, обучавшая его методам умственной и психической проекции, которые практиковались на Острове. И еще одна женщина в группе показалась знакомой Валентайну, но он не мог припомнить, где он видел ее, до того момента, пока она не назвала своего имени, и сразу же пришло озарение — это была Талинот Эсулда, стройная темноволосая особа, которая была его первым проводником в его давнем странствии на Остров. Тогда у нее был выбритый череп и Валентайн не мог определить ее пол. Он подозревал, что это мужчина, судя по росту, и в то же время он думал, что, быть может, это женщина, исходя из утонченности черт и легкости конституции. По мере ее выдвижения во внутреннюю иерархию она стала позволять себе отращивать волосы, и

эти длинные шелковистые локоны, такие же золотистые, как у Валентайна, но намного тоньше и мягче, не оставляли теперь сомнений, что она — женщина.

— У нас для вас донесения, милорд,— сказала иерархия Лоривада.— Новостей много, и, боюсь, ни одной хорошей. Но сначала мы должны провести вас в королевскую резиденцию.

В Нуминорском порту был дом, называвшийся Семь Стен, этого названия не понимал никто, потому что оно было таким древним, что его происхождение было забыто. Дом стоял на городском крепостном валу. Обращенный лицевой стороной к Альханроелю, он был построен из массивных блоков темного гранита, вырубленных в каменоломнях Стоензарского полуострова и тесно подогнанных друг к другу без следов строительного раствора. Его единственным назначением было служить местом отдыха Коронованного, который только что в первый раз за свое правление прибыл с визитом на Остров, и поэтому годами домом никто не пользовался. И все же порядок в нем постоянно поддерживал большей штат работников, словно Коронованный мог прибыть без предупреждения в любой момент.

Дом был очень строгой архитектуры и такой же старый, как сам Замок, и старше, насколько могли определить археологи, чем любой из существующих на Острове храмов. По преданиям, он был построен для приема лорда Стиамота его матерью, легендарной Леди Сиин, во время его визита на Остров Снов по окончании войны с метаморфами восемь тысяч лет назад. Некоторые утверждали, что название Семь Стен относится к закладке фундамента здания, когда в него были вмурованы тела семи воинов-формодеев, убитых самой Леди Сиин во время обороны Острова при вторжении на него метаморфов. Но какие-либо останки не были обнаружены при периодической реконструкции старого здания, и большинство современных историков считали неправдоподобным, чтобы Леди Сиин, хотя она и была героической женщиной, сама взялась за оружие в сражении за Остров. По другой легенде, семиугольная башня, сооруженная лордом Стиамотом в честь матери стояла когда-то во внутреннем дворике, она-то и дала название всему сооружению. Эта башня, как говорилось в легенде, была разобрана в день смерти лорда Стиамота и отправлена в Алазор, чтобы стать основанием его могилы. Но это тоже было не

доказано, поскольку никаких следов бывшего семиугольного сооружения нельзя было теперь найти во дворе и было маловероятно, чтобы кто-то сегодня стал бы раскапывать могилу лорда Стиамота, чтобы убедиться в справедливости этой легенды. Сам Валентайн предпочитал другую версию происхождения этого названия. Ему казалось наиболее правдоподобным то, что название Семь Стен — это всего лишь искаженное языком маджипуров название, звучащее на языке древних метаморфов, как "Место, где счищают рыбную чешую", уходящее своими корнями к доисторическому использованию берега Острова рыбаками метаморфов для разделки рыбы. Но было маловероятно, что когда-либо будет дан точный ответ, почему был так назван этот старый дом.

Существовали определенные ритуалом правила прибытия, которые полагалось исполнять Коронованному, чтобы помочь своему переходу из мира действия, который был его обычной сферой, в мир духа, в котором главной была Леди. Пока Валентайн выполнял все эти церемониальные омовения, сожжения ароматических растений, медитации в отдельной комнате, стены которой были из узорного алого мрамора,— он

отпустил Карабеллу перечитать донесения, которые накопились для него за те недели, что он был в море. И когда он вернулся, очищенный и умиротворенный, он сразу понял по застывшему выражению ее глаз, что он слишком быстро прошелся по всему церемониалу и ему придется сразу же вернуться назад в царство событий.

— Насколько плохи новости? — спросил он.

— Вряд ли могут быть хуже, милорд.

Она протянула ему стопку бумаг, которые разложила так, чтобы верхние передавали суть важнейших документов. Гибель посевов в семи провинциях… жестокая нехватка продуктов во многих частях Зимроеля… начало массовой миграция из внутренних земель материка к западным прибрежным городам, внезапное возвышение ранее малоизвестного религиозного культа, Апокалипсического и тысячелетнего по своей природе, концентрирующегося вокруг веры в то, что морские драконы — это сверхъестественные существа, которые скоро выйдут на берег и объявят начало новой эры…

Он поднял глаза, объятый ужасом.

— И все это за такое короткое время?

— Это только отрывочные донесения, Валентайн. Никто не знает, что там в действительности

сейчас происходит... расстояния такие огромные, каналы связи нарушены.

Он сжал ее руку:

— Все, что предсказывалось в моих снах и видениях, сбывается. Мрак наступает, Карабелла, и я — это все, что стоит на его пути.

— Есть еще те, кто стоят рядом с тобой, любимый.

— Это я знаю. И за это я благодарен им. Но в последнюю секунду я буду один, и тогда что я буду делать? — Он горько улыбнулся.— Было время, когда мы жонглировали в цирке в Дулорне, ты помнишь, и осознание моего истинного "я" только начинало просыпаться во мне. Я разговаривал с Делиамбером и сказал ему, что, возможно, это воля Бога в том, чтобы я познал простую жизнь, и, возможно, это во благо Маджипуры узурпатор использует мое имя, восседая на моем троне, поскольку у меня самого нет желания быть королем, и пусть другой доказывает свою способность быть правителем. Но Делиамбер полностью отверг мои предположения и сказал, что может быть только один законный король и этот король я. И потому я должен вернуться на свой трон. "Ты просишь ужасно много от меня",— сказал я. "Это твое государство, и история просит ужасно

много,— ответил он.— История требовала в тысячах миров на протяжении тысячелетий, чтобы разумные существа выбирали между порядком и анархией, между созданием и разрухой, между разумом и безрассудством. И это важно, милорд, это важно очень,— сказал он,— кто должен быть Коронованным, а кто не должен быть Коронованным". Я никогда не забывал этих его слов и никогда не забуду.

— И что ты ответил ему?

— Я ответил "да", а потом добавил "возможно", и он сказал: "Ты будешь колебаться между "да", и "возможно" еще долго, но в итоге победит "да". Так и случилось, я вернул свой трон... и тем не менее с каждым днем мы все дальше от порядка, созидания и разума, все ближе к анархии, разрухе и безрассудству.— Валентайн с болью посмотрел на нее.— Что ж, значит, Делиамбер ошибался? Имеет ли такое уж значение для правильного развития истории, кто должен быть Коронованным, а кто не должен быть Коронованным? Мне кажется, я добрый человек, и иногда я думаю, что я даже мудрый правитель, но даже если это так, то мир все равно рушится, Карабелла, несмотря а все мои усилия или, мне страшно поверить в это, благодаря им, я не знаю, что правильнее.

Возможно, было бы лучше для всех, если бы я оставался странствующим жонглером.

— О, Валентайн, какие глупости ты говоришь!

— Глупости?

— Ты хочешь сказать, что если бы ты оставил править Доминина Баржазида, то в этом году был бы хороший урожай люсавенды? Как ты можешь винить себя в гибели посевов в Зимроеле? Это естественные несчастья, вызванные естественными причинами, и я уверена, ты сможешь найти мудрый способ справиться с ними, потому что путь мудрости — это твой путь, и ты избранник Бога.

— Я избранник принцев Горы Замка,— сказал он.— А они люди и могут ошибиться.

— Бог высказывается через них, когда выбирается Коронованный. И Бог не хотел, чтобы ты стал инструментом разрушения Маджипуры. Происходящие события достаточно серьезные, но не безнадежные. Ты будешь говорить со своей матерью через несколько дней, и она укрепит твою волю, это усталость делает тебя слабым, а потом мы приедем в Зимроель, и ты приведешь все в порядок.

— Я надеюсь на это, Карабелла. Но…

— Ты сможешь, Валентайн! Я повторяю тебе

это еще раз, и я с трудом узнаю в тебе человека, которого знала когда-то, откуда такое неверие в свои силы? — Она постучала пальцами по стопке донесений.— Я не стану умалять значения полученных тобою сведений. Но я думаю, что мы можем сделать многое для того, чтобы повернуть мрак вспять.

Валентайн медленно кивнул:

— Так и я думаю, но хватит ли у нас на это времени?

— Об этом лучше всего не думать совсем.— Послышался стук в дверь.— Хорошо,— продолжала она,— нас прервали, и я благодарна этому, я просто устаю с тобой, когда ты в таком упадническом настроении.

Она впустила в комнату Талинот Эсулду. Иерархиня сказала:

— Милорд, ваша мать Леди приехала и желает встретиться с вами в Эмеральдской комнате.

— Моя мать здесь? Но я хотел поехать к ней завтра во Внутреннюю Обитель!

— Она сама приехала к вам,— невозмутимо произнесла Талинот Эсулда.

Эмеральдская комната была кабинетом, выполненным в зеленых тонах: стены из зеленого мрамора, полы из зеленого оникса, полупрозрач-

ные зеленые стекла в окнах. Леди стояла посреди комнаты, между двумя огромными танигалиями в напольных вазах; Ее ослепительные цветы с металлическим зеленым отливом лепестков прекрасно гармонировали со стенами и полом, собственно в комнате больше ничего и не было из мебели: ни стола, ни стула. Валентайн быстро прошел к матери. Леди протянула навстречу ему руки, и когда кончики их пальцев встретились, он почувствовал знакомое трепетание — излучение энергии, исходящей от нее, ту святую силу, которая, как талая вода, копилась в ней все годы сокровенного контакта с миллиардами душ Маджипуры. Валентайн говорил с ней много раз во сне, но он не видел ее уже годы, и был не подготовлен к тем переменам, которые произвело с ней время. Леди все еще была прекрасна, прошедшие годы не смогли повлиять на это. Но возраст набросил на нее свою самую легкую вуаль, и блеск покинул ее черные волосы, и немного ослабла теплота ее взгляда, а кожа, казалось, была слегка приспущена на ее плоти. И все же она несла себя, как всегда, величественно и, как всегда, она была чудесно одета — в белое платье, с цветком в волосах и серебряной диадемой на лбу, символом ее власти. Сочетание красоты и могущества, силы и

безграничного сострадания.

— Мама! Наконец-то.

— Какая долгая разлука, Валентайн! Столько лет!

Леди мягко дотронулась до его лица., его плеч, его рук. Она касалась его своими пальцами с легкостью пушинки, но и это заставило его задрожать, такой огромной была энергия этой женщины. Он должен был напомнить самому себе, что все-таки она не богиня, а только тленная плоть, и рождена она была тоже тленной плотью. Что когда-то давно она была женой Главного Советника Дамиандина, что она родила двух сыновей, и он был одним из них. Когда-то еще ребенком, он устраивался у нее на коленях и, счастливый, слушал ее нежное пение, и это она мыла его, когда он приходил домой после игр. В детстве обиженный чьей-то несправедливостью, он бежал к ней, чтобы выплакаться на ее груди, и получал от нее утешение и мудрость. Очень давно все это было, ему казалось, что это было в чьей-то другой жизни. Скипетр Божий опустился на семью Главного Советника Дамиандина и поднял Вориакса на Трон Конфалюмы, этот же взмах Божьего скипетра обратил мать Вориакса в Леди Острова, и второй ее сын, Валентайн, ни-

чем не выделенный тогда, заметил, что он с тех пор не может думать о ней, как просто о матери, ведь она, надев серебряную диадему, уехала на Остров и пребывала там в величественном ранге Леди. Утешение и мудрость, которые прежде она отдавала ему, она разделяла теперь со всем миром, который смотрел на нее с глубоким уважением. Даже тогда, когда следующий взмах того же самого скипетра вознес Валентайна на место Вориакса и он тоже оказался вне пределов сферы обыденности, возвысившись над простыми смертными, каким-то мифическим образом он сохранил свое благоговение по отношению к ней. Он не испытывал ничего подобного в отношении себя: Коронованный он или нет, Валентайн все равно не чувствовал того благоговения к своей особе, с каким отныне другие относились к нему или он сам к своей Леди.

И все же они поговорили о семейных делах прежде, чем обратились к более высоким вопросам. Он рассказал ей подробности, которые были ему известны о жизни ее сестры Галиары и ее брата Сейта из Сти, и о Дивисе и Миригане, и о дочерях Вориакса. Она спросила, часто ли Валентайн бывает на старых землях семьи в Халансе, и находит ли он счастливым местом Замок, и любят

ли они с Карабеллой друг друга по-прежнему и близки ли они, как раньше. Напряженность в нем спала, и он почувствовал себя реально существующей личностью, каким-то неважным лордиком из Замка, любезно посетившим свою мать, которая поселилась в далеком краю и по-прежнему с нетерпением ждет новостей из дома. Но им было невозможно надолго уйти от истинного своего положения, и когда беседа начала становиться несколько искусственной, натянутой, он произнес каким-то другим тоном:

— Ты должна была, мама, дать мне прийти к тебе, как подобает. Это неправильно, когда Леди покидает Внутреннюю Обитель, чтобы посетить Семь Стен.

— Такая формальность неуместна теперь. События торопят нас: нужно принимать решения.

— Так тебе известны новости из Зимроеля?

— Конечно.— Она дотронулась до диадемы.— Она приносит мне новости отовсюду с быстротой скорости мысли. О Валентайн, какое несчастливое время выпало для нашей встречи! Я думала, что, когда ты будешь совершать свое путешествие на Остров, ты придешь ко мне в радости, а теперь, когда ты здесь, я чувствую только боль, сомнение, боязнь того, что грядет.

— Что ты видишь, мама? Что грядет?

— Ты думаешь у меня есть возможность узнавать будущее?

— Но ты видишь настоящее с великой ясностью, ведь ты сама говоришь, что получаешь новости отовсюду.

— Да, я многое вижу, но будущее закрыто тьмой и облаками. Все смешалось в мире и стало вне моего понимания. Снова мировой порядок под угрозой, и Коронованный в отчаянии. Вот это я вижу. Почему ты в отчаянии, Валентайн? Почему так много страха в тебе? Ты сын Дамиандина и брат Вориакса, а они были мужчинами, не знающими страха, и отчаяние чуждо твой душе, как и моей, так мне всегда казалось.

— В мире большая беда, я узнал о ней, когда прибыл сюда, и эта беда увеличивается с каждым днем.

— И это причина для отчаяния? Да все это должно только увеличить твою решимость привести мир в порядок, ты это уже сделал однажды.

— Во второй раз за время моего правления я вижу, что Маджипура охвачена бедствием. Что я ясно вижу,— говорил Валентайн,— так это то, что мое правление не стало счастливым для народа. Я предчувствую, что эти болезни, и голод, и пани-

ческая миграция станут еще страшнее. Я боюсь, что какое-то проклятие лежит на мне.

Он увидел, как гневом сверкнули ее глаза, и это напомнило ему еще раз об огромной силе ее души, Самодисциплина и верность долгу были главными в личности Леди, несмотря на ее сердечность и мягкую внешность. Она была таким же яростным воином, как славная Леди Сиин древних времен, которая пошла на баррикады, чтобы отбить вторжение метаморфов. Эта Леди тоже была способна на такую доблесть, если бы в этом возникла необходимость. Она не прощала, и он это знал, своим сыновьям слабости, самосострадания, уныния, потому что ничего этого она не знала, не позволяя себе распускаться и в спокойное время и в годины бедствий. И, помня об этом, он почувствовал, как мрачное настроение начинает покидать его.

Леди сказала нежно:

Ты берешь на себя вину без надлежащей причины, Если проклятие висит над миром (а я думаю, что дело в этом) оно не лежит только на одном благородном и добродетельном Коронованном, но на нас всех. Нет причин обвинять тебя, меньше всего тебя, Валентайн. Ты не тот, кто несет это проклятие, а скорее один из тех, кто сумеет снять

его с нас. Но для этого ты должен действовать, и действовать быстро.

— И что это за проклятие?

Приложив руку к брови, она сказала:

— У тебя есть серебряная диадема, такая же, как у меня Ты взял ее с собой в это путешествие?

— Она всегда со мной.

— Принеси ее сюда.

Валентайн вышел из комнаты и поговорил со Слитом, который ожидал за дверью. Тот передал его просьбу слугам, и вскоре пришел хранитель символа власти Коронованного, неся отделанную драгоценными камнями шкатулку, в которой лежала диадема. Леди отдала ее Валентайну, когда он впервые попал на Остров как паломник, в годы своей ссылки. С помощью диадемы, объединившись с разумом своей матери, он получил окончательное подтверждение тому, что простой жонглер из Пидруида и лорд Валентайн Маджипуры был одним и тем же лицом. С ее помощью и помощью Леди его утерянная память начала возвращаться к нему. И потом иерархиня Лоривада научила его, как, пользуясь диадемой, можно войти в транс и найти доступ к мыслям других. Валентайн не пользовался ею со времени своего вторичного восшествия на престол, так

как диадема принадлежала Леди, а не Коронованному, и не годилось, чтобы святыня Маджипуры переходила из одних рук в другие. Теперь он снова прилаживал на голову отливающий металлическим блеском ободок, а Леди наливала ему в бокал темное ароматное сон-вино, как делала это давно, в той жизни, когда он был еще простым смертным. Вино было необходимо для открытия одного сознания другому. Он выпил его одним глотком, а она выпила свой бокал медленно, и они подождали с минуту, пока вино начало действовать. Валентайн ввел себя в состояние транса, которое во много раз увеличивало его и так сильную от природы восприимчивость. Леди взяла его руки в свои, переплетая их пальцы, чтобы дополнить контакт, и в его сознание хлынул такой поток образов и ощущений, что в первые мгновения он ошеломил и ослепил его, хотя Валентайн и знал, каким может быть это воздействие.

Его состояние полностью соответствовало тому состоянию которое Леди испытывала много лет ежедневно, когда она посылала в мир излучение своего духа тем, кто нуждался в помощи.

Валентайн не воспринимал отдельные индивидуальные сознания: мир был слишком огромен и

достаточно перенаселен, чтобы получить такую точность попадания. Это было, наверное, возможно только при максимальном напряжении всех сил и полной сосредоточенности на чьем-то определенном сознании. Что он заметил, пока рыскал по сознаниям, как порыв горячего воздуха, оседлавшего тепловые течения неба, так это богатство ощущений: смутное опасение, страх, стыд, вину, неожиданно деформированное восприятие мира в острой зоне безумия, серое покрывало отчаяния. Он погружался глубже и видел структуру душ, черные хребты с прострелами ярко-красных пластов, острые зазубренные выступы. Устав, он поднимался в спокойное царство небытия и снова заставлял себя возвращаться. И вот уже он несется по гнетущим пустыням, которые излучали вызывающие оцепенение волны одиночества. Он промчался ураганом над сверкающим снежным полем духа и лугом, каждый стебелек которого сиял непередаваемой красотой. И он увидел места, где были сосредоточены болезни, и места, где поселился голод, и места, где правил король Хаос. И он почувствовал ужас, поднимающийся, как жаркий сухой ветер от больших городов, он понял, что в мире появилась какая-то новая грозная сила, несущая опасность необоримой

беды. Невыносимая тяжесть опускалась на весь мир, и Валентайн почувствовал, как эта сила, медленно нарастая, пытается раздавить его, как букашку, попавшую в постепенно закрывающийся кулак, но рядом с ним его проводником была благословенная Леди — его мать, без которой он был бы испепелен силой страстей, излучаемых мировым разумом. Но она была рядом с ним, легко перенося его через темные места провалов и направляя его к верхнему порогу восприятия, который неясно вырисовывался перед ним, как громадные Деккеретские ворота Норморка, эти величайшие из ворот, которые закрыты только тогда, когда мир в опасности, нагнетающие страх и принижающие тех, кто приближается к ним. Но когда он подошел к этому порогу, то смог пройти через ворота самостоятельно.

В этом краю жила только музыка, музыка, ставшая видимой. Неустойчивый дрожащий тон которой простирался над пропастью, как самый слабый из качающихся мостов, и он ступил на этот мост и увидел всплески ярких звуков, наполнявших поток под ним, и острые, как кинжал, порывы ритмичной пульсации над головой, и линию неопределенных снижающихся к горизонту красных, пурпурных и зеленых поющих арок.

Потом все они пропали, как будто вспугнутые ужасным звуком, звуком, тяжесть которого превышала все допустимые пределы, черный Джаггернаут звука, объединивший в себе все ноты. Он катился по Вселенной и безжалостно давил все на своем пути. И Валентайн понял…

Он открыл глаза. Леди, его мать, спокойно стояла между двух ваз с танигалиями, наблюдая за ним. Она улыбалась ему, как она улыбалась когда-то своему спящему ребенку. Она отняла диадему от его лба и вернула в украшенную камнями шкатулку.

— Ты видел? — спросила она,

— Я давно знал об этом,— сказал Валентайн.— То, что происходит в Зимроеле, не цепь случайных событий. Существует проклятие, оно на всех нас уже тысячи лет. Мой урунский колдун Делиамбер сказал мне однажды, что мы прошли долгий путь, здесь, на Маджипуре, не заплатив хоть что-либо за первоначальный грех завоевателей. "Веками накапливались проценты",— сказал он. И теперь счет предъявлен к оплате. Это наше наказание, наше унижение, расплата за спокойно прожитые тысячелетия на чужой земле.

— Да, это так,— сказала Леди.

— Не самого ли Бога мы видели сейчас, мама?

Кто же еще может держать мир в сжатой горсти, продолжай сжимать ее сильнее и сильнее? И тот звук, который я слышал, такой ужасной непомерной тяжести,— был ли это тоже Бог?

— Образы, которые ты видел, были рождены твоим собственным сознанием, Валентайн. Я видела другое. Бог не может быть снижен до чего-либо конкретного. Но я думаю, ты видел Божественную сущность.

— Я видел, как Божественное начало изгонялось из нас.

— Да это так. Но все это не безнадежно,

— Ты уверена, что еще не слишком поздно?

— Я уверена, в этом Валентайн.

Валентайн помолчал немного. Потом сказал:

— Пусть будет так. Я вижу, что нужно делать, и я сделаю это. Как символично, что я пришел к пониманию своего предназначения в Семи Стенах, в доме, который Леди Сиин построила в честь своего сына после того, как он разбил метаморфов! О мама, мама, что построишь ты, когда я добьюсь успеха и перечеркну то, что сделал лорд Стиамот?

— Еще раз,— сказал Хиссун, поворачиваясь лицом к Альзимиру и другому Посвященному в Рыцари,— наступайте на меня снова, но теперь

оба сразу.

— Оба? — сказал Альзимир.

— Да! И если я увижу, что вы нарочно поддаетесь, обещаю сделать так, что вы будете месяц мести конюшню.

— Как ты сможешь выстоять против нас двоих, Хиссун?

— Я не говорю, что смогу, я этого не знаю. Но я хочу попробовать узнать, смогу ли. Начинайте, и мы посмотрим.

Хиссун был мокрый от пота, и сердце билось у него в груди тяжелым молотом, но тело хорошо размялось и казалось послушным и легким. Он приходил сюда, в похожий на пещеру гимнастический зал в восточном крыле Замка, хотя бы на час каждый день, каким бы насыщенным делами он ни был. Хиссун верил, что нужно укреплять и развивать свое тело, воспитывать себя физически выносливым. И хотя он был от природы ловок, он продолжал совершенствовать свое тело. А иначе Хиссун считал, что оказался бы здесь, в Замке, в чрезвычайно затруднительном положении, добиваясь осуществления своих амбиций. Принцы Горного Замка имели склонности к занятиям спортом, делали из атлетизма культ, постоянно тренируя свое тело. Изо дня в день их время за-

нимали верховая езда, турниры, скачки, борьба, охота, все те древние бесхитростные развлечения, которыми Хиссун в своей жизни в Лабиринте не имел ни возможности, ни желания заниматься. И когда лорд Валентайн ввел его в среду этих сильных энергичных людей, он понял, что должен сравняться с ними в их стихии, если желает завоевать прочное положение в компании. Конечно, он не мог превратить свою худощавую стройную фигуру в нечто равнозначное внушительным, мускулистым телам Стазилена, Элидата или Дивиса. Они были крупными, рослыми мужчинами, он никогда не будет таким. Но Хиссун смог выделиться в другом. Например, в игре с жезлом. Год назад он даже не слышал о ней, а теперь, после многих часов тренировки, он почти в совершенстве овладел ею. Игра требовала хорошей реакции и быстроты ног, а не физической силы, и потому, в каком-то смысле, она соответствовала его общему подходу к проблемам жизни.

— Готов,— крикнул он.

Хиссун стоял в низкой стойке, настороженный, гибкий, руки вытянуты вперед, и его жезл, легкая тонкая палочка из цветка ночного дерева, с чашеобразным плетеным эфесом на одном конце, лежал на них. Его глаза перебегали с одного

противника на другого. Они оба были выше его ростом, Альзимир на два или три дюйма, а его друг Стимион даже больше. Но он был быстрее их. Ни тот, ни другой за все утро так и не смогли сблизиться с ним, чтобы завладеть его жезлом. Но двое сразу, это усложняло его задачу во много раз.

— Вызов! — крикнул Альзимир.— Приготовиться! Начали!

Они стали приближаться к нему, подняв свои жезлы в положение, соответствующее атаке.

Хиссун глубоко вздохнул и сконцентрировался на создании сферической зоны обороны вокруг себя, непроницаемой, непроходимой, как бы объем пространства, заключенный в броню. И хотя это был чисто мысленный образ, он позволял ему одерживать победы. Фани, его наставник в игре, наказывал ему: сохраняй свою защитную зону, словно это настоящая стена из стали, и ничто не сможет пройти сквозь нее. Твоя сила в сосредоточенности.

Альзимир настиг его на долю секунды раньше Стимиона, как и ожидал Хиссун. Жезл Альзимира пошел вверх, проверяя северо-западный сектор защиты Хиссуна, потом опустился для того, чтобы попытаться войти на более низком

уровне. Как только он приблизился к границе его защитной зоны, Хиссун вскинул взмахом руки, словно хлыст, свой жезл и уверенно отвел выпад Альзимира: он подсознательно все рассчитал и, не останавливаясь, крутнулся вправо, встретив выпад Стимиона, который нападал с северо-восточного направления.

С резким звуком дерево скользнуло по дереву, когда Хиссун провел своим жезлом вверх вдоль жезла Стимиона, потом он повернулся, оставив Стимиона бороздить лишь пустое пространство, когда инерция удара потянула его вперед. Все это длилось одно мгновение. Стимион, хрюкнув от удивления, рванулся в ту точку, где только что был Хиссун. Хиссун легко задел его по спине жезлом и повернулся снова к Альзимиру. Подняв в атаке свой жезл, Альзимир произвел второй выпад. Хиссун легко блокировал его и нанес ответный удар, с которым Альзимир хорошо справился, отразив его с такой силой, что боль от толчка отдалась в локте Хиссуна. Быстро оправившись, он сделал шаг в сторону, уклоняясь от очередной атаки Альзимира, и наклонился, чтобы увернуться от жезла Стимиона.

Теперь игроки расположились в новой конфигурации. Стимион и Альзимир стояли с обоих

флангов. Они, конечно, попытаются сделать одновременный выпад, подумал Хиссун. Он не мог этого допустить.

Фани учил его: время всегда должно быть твоим слугой и никогда твоим господином. Если у тебя нет достаточно времени, чтобы сделать свой ход первым, раздели каждое мгновение на еще более краткие мгновения, и тогда у тебя на все хватит времени.

Хиссун знал: никакие действия, совершаемые разными людьми, не могут быть абсолютно одновременными. Он переместился в модель восприятия времени в расщеплении, которую научил его воссоздавать Фани и которую он отрабатывал многие месяцы: ее смысл заключался в том, чтобы представлять каждую секунду, как сумму десяти составляющих ее частей, он по очереди обжил каждую из этих десятых долей секунды, как обживают каждую из десяти последовательно расположенных пещер пилигримы, бредущие через пустыню, останавливаясь в каждую следующую ночь в новой пещере. Он знал, что делать. Хиссун боковым зрением видел, как Стимион движется к нему резкими, прерывистыми толчками, пытаясь, как какой-то неотлаженный механизм, привести в движение свой жезл, направив его

на Хиссуна. С величайшей легкостью, Хиссун проскользнул между двумя последовательными мгновениями и ударом отвел жезл Стимиона в сторону. Жезл Альзимира был уже на полпути к нему, но у Хиссуна было вполне достаточно времени, чтобы выскочить из зоны досягаемости Альзимира, и, когда рука Альзимира вытянулась, проткнув пустоту, он своим оружием слегка коснулся ее немного выше локтя.

Вернувшись теперь к обычному восприятию времени, Хиссун противостоял Стимиону, который надвигался на него для очередного удара. Вместо того чтобы приготовиться его отражать, Хиссун двинулся вперед вступив в круг обороны испуганного Стимиона. Из этого положения Хиссун вскинул свой жезл, задел им Альзимира и, повернувшись, ударил кончиком жезла Стимиона, пока тот в смятении пытался развернуться.

— Касание и двойное касание,— крикнул Хиссун.— Конец.

— Как ты смог это сделать? — спросил Альзимир, бросая жезл на пол.

Хиссун засмеялся.

— Я не знаю. Но я бы хотел, чтобы Фани был здесь и посмотрел на меня! — Он опустился на колени, давая каплям пота свободно стекать со

лба на маты. То, что он сделал, он знал это, было проявлением изумительного мастерства. Никогда раньше он не бился так хорошо. Случайность, миг везения? Или он действительно достиг нового уровня совершенства? Он вспомнил, как лорд Валентайн рассказывал о том времени, когда был жонглером, что он овладел этим искусством случайно, только для того, чтобы чем-то зарабатывать на жизнь.

Жонглирование, говорил Коронованный, помогло ему научиться концентрировать все свои умственные способности на главном. Лорд Валентайн даже предположил, что ему не удалось бы вернуть свой трон, если бы не дисциплина духа, которую воспитало в нем искусство жонглирования. Хиссун не стал осваивать это искусство — это было бы слишком явной лестью Коронованному слишком открытым жестом подражания,— но ему начинало казаться, что он может добиться такой же дисциплины духа, благодаря совершенному владению жезлом. Безусловно, проявленное им сегодня мастерство показало, что его способности превосходят обычные и успех, достигнутый им в игре, явно не ординарен. Хиссун подумал, смог бы он еще раз повторить достигнутое или нет. Он поднялся и сказал:

— Начнем еще раз?

— Ты когда-нибудь устаешь? — спросил Стимион.

— Конечно, устаю. Но зачем останавливаться только из-за того, что устал?

Хиссун снова принял свою стойку, поджидая их. Еще пятнадцать минут игры, подумал он. Потом плавание, и еще ему нужно сходить в Пинитор-ский Двор доделать кое-какую работу, а после…

— Ну? Идите на меня,— сказал он.

Альзимир покачал головой:

— В этом нет смысла. Ты слишком силен для нас.

— Начинайте,— снова сказал Хиссун.— Я готов!

Неохотно Альзимир встал в начальную позицию и жестом показал Стимиону сделать то же самое. Но, когда трое мужчин стояли, погруженные в свои мысли, приводя тело и дух в равновесие, которого требовала игра, служитель гимнастического зала вышел на балкон, нависающий над ними, и выкрикнул имя Хиссуна: сообщение для принца Хиссуна, сказал он, от Регента Элидата. Принца просят немедленно явиться к Регенту в кабинет Коронованного.

— Ну что ж, продолжим в другой раз,— сказал

Хиссун Альзимиру и Стимиону.

Он быстро оделся и прошел наверх через запутанные повороты и переплетения Замка, напрямик через дворики и аллеи, мимо парапета лорда Осиера и изумительного вида, открывающегося с обширного склона Горы, затем дальше, минуя обсерваторию Кинникена, музыкальный зал лорда Принкипина, домашний сад лорда Конфалюма и десятки других сооружений и надворных построек, которые налипли, как пиявки, к основному сооружению, сердцевине Замка. Наконец Хиссун достиг центрального сектора, где находились правительственные Кабинеты, и был допущен в просторные апартаменты, в которых работал Коронованный, занимаемые во время затянувшегося отсутствия лорда Валентайна Главным Советником Элидатом.

Он застал Регента расхаживающим, как раздраженный медведь, взад и вперед, перед рельефной картой мира напротив стола лорда Валентайна. Стазилен был тут же, сидел за столом Советника. Он выглядел печальным и отреагировал на появление Хиссуна только незначительнейшим кивком. В бесцеремонной манере, озабоченный чем-то Элидат указал Хиссуну на место рядом с собой. Минуту спустя прибыл Дивис, одетый

официально, со всеми приличествующими украшениями и маской из перьев, словно вызов застал его по дороге на важную государственную церемонию.

Хиссун чувствовал, как в нем нарастает беспокойство. У Элидата должна быть очень важная причина, чтобы он созвал совещание так неожиданно и таким необычным способом? И почему только трое из всех принцев. Элидат, Стазилен, Дивис — были первыми претендентами на трон, если бы возникла необходимость заменить лорда Валентайна. Эти трое представляли собой сердцевину внутреннего ядра. Случилось что-то важное, подумал Хиссун. Возможно, старый Понтифик, наконец, умер. Или, возможно, Коронованный.

"Пусть это будет Тиверас,— молил Хиссун.— О, пожалуйста, пусть это будет Тиверас!"

Элидат сказал:

— Все здесь, мы можем начинать.

С печальной улыбкой Дивис сказал:

— Что случалось, Элидат? Кто-нибудь увидел двуглавую милуфту, летящую на север?

— Если ты спрашиваешь, не настало ли время дурного предзнаменования, тогда моим ответом тебе будет — да, настало,— угрюмо сказал Элидат.

— Что же произошло? Скажи нам, Элидат? — спросил Стазилен.

Элидат постучал согнутым пальцем по стопке бумаг на столе.

— Два важных события. Первое, свежие сообщения пришли из западного Зимроеля, и из них нам стало известно, что положение там намного серьезнее, чем нам представлялось. Весь сектор Ущелья материка разрушен, по-видимому, от Мазадоны или близлежащих к ней мест до точки, расположенной где-то западнее Дулорна, и беда продолжает распространяться. Посевы продолжают гибнуть от загадочных болезней, нарастает громадная нехватка основных продуктов питания, и сотни тысяч людей, а возможно, и миллионы, начали мигрировать к побережью. Местные власти делают все, что в их силах: они организовали поставки продуктов из других зон, еще не затронутых эпидемией, так, по-видимому, еще не подверглись разрушениям земли вокруг Тил-омона или Нарабала. И в Ни-мои и Хинторе все еще относительно спокойная обстановка, но расстояния так велики, а ситуация такая неожиданная, что пока сделано еще очень немного. В зоне бедствия возник так же какой-то особенный религиозный культ, что-то касающееся поклоне-

ния морским драконам.

— Что? — воскликнул Стазилен, от удивления его лицо побагровело.

— В это трудно поверить, я знаю,— сказал Элидат.— Но в сообщении говорится, что распространяются слухи, что якобы драконы — это боги и они предопределили конец света, какая-то глупость…

— Это не новый культ,— тихо сказал Хиссун.

Все трое повернулись к нему.

— Ты знаешь что-нибудь об этом? — спросил Дивис.

Хиссун кивнул:

— Мне приходилось слышать о драконах-богах, когда я жил в Лабиринте. Насколько мне известно, это учение всегда проповедовали тайно, какая-то смутная, никогда не воспринимавшаяся всерьез мифическая религия. И только представители низших сословий перешептывались об этом за спинами дворянства. Кое-кто из моих друзей был немного знаком с этим верованием, возможно, кое-кто знал и побольше, но сам я никогда не интересовался этим. Я помню, что как-то в детстве упомянул матери о том, что мне поведали приятели, и она сказала мне, что это опасная чепуха и я должен держаться в стороне

от этого. И я так и делал. Думаю, это пошло от лименов, ведь это очень старое поверье, и постепенно оно распространялось в нижних уровнях общества, в подземелье, так сказать, а теперь, я полагаю, оно всплывает на поверхность из-за всех обрушившихся на нас бед.

— И что же является основным в этой вере? — спросил Стазилен.

— В первом приближении это то, что уже сказал Элидат, что драконы когда-нибудь выйдут на сушу, возьмут под свой контроль государства и покончат со всеми страданиями и мучениями.

— Какими страданиями и мучениями? — сказал Дивис. — Я ничего не слышал о великих страданиях и мучениях где-либо в нашем мире, если только ты не имеешь в виду брюзжание и хныкание формодеев, а они…

— Ты думаешь, что все живут так, как мы в Горном Замке? — задал вопрос Хиссун.

— Я думаю, что никто не мучается от беспросветной нужды, что все достаточно обеспечены, что наши люди в нашем государстве счастливы и процветают, что…

— Все это правда, но только отчасти, Дивис. Ведь ты не будешь возражать против того, что есть такие, кто живет в замках, и такие, кто очи-

щает дороги от лошадиного навоза. Есть такие, кто владеет большими поместьями, и такие, кто просит подаяния на улицах. Есть…

— Избавь меня от прописных истин. Я не нуждаюсь в лекции о социальной несправедливости.

— Тогда прости, что докучаю тебе,— огрызнулся Хиссун.— Я думал, что ты хочешь узнать, откуда взялись люди, которые ждут, чтобы водяные короли избавили их от лишений и боли.

— Водяные короли? — спросил Элидат.

— Морские драконы. Так их называют те, кто поклоняется им.

— Закончим об этом,— сказал Стазилен.— Итак, голод в Зимроеле, а также вызывающий беспокойство культ, распространяющийся среди низших слоев,— это и есть те два важных сообщения, о которых ты хотел нам рассказать?

Элидат покачал головой.

— Это две части единого целого. Второе важное сообщение, касается лорда Валентайна. Я узнал от Тунигорна, который очень встревожен, что у Коронованного было что-то вроде откровения во время его посещения матери на Острове и он сейчас находится в состоянии крайнего подъема духа, в очень необычном состоянии, в котором он, кажется, почти полностью непредсказуем.

— Что за откровение? — спросил Стазилен.— Ты знаешь?

— Находясь в трансе, в который ему помогла впасть Леди,— сказал Элидат,— он имел видение, показавшее ему, что беды в сельском хозяйстве Зимроеля, есть не что иное, как проявление божественного недовольства.

— А кто бы мог подумать иначе? — воскликнул Стазилен.— Но что в этом…

— По словам Тунигорна, Валентайн теперь считает, что и болезни, и нехватки продуктов, которые, как мы теперь знаем, намного серьезнее, чем казались по первым сообщениям,— имеют специфически сверхъестественное происхождение…

Дивис, медленно качая головой, насмешливо фыркнул.

— …специфически сверхъестественное происхождение, — продолжал Элидат,— и в действительности, являются наказанием Божьим за наше плохое обращение с метаморфами в глубине веков.

— Но в этом нет ничего нового,— сказал Стазилен.— Он давно говорит об этом.

— Не совсем так,— ответил Элидат.— Тунигорн говорит, что со дня его откровения он держится

очень замкнуто, видится только с Леди, Карабеллой и иногда с Делиамбером и толковательницей снов Тизаной. Слит и Тунигорн практически не имеют к нему доступа, а когда это все-таки случается, он их принимает только затем, чтобы обсудить повседневные вопросы. Все мысли его, говорит Тунигорн, заняты какой-то грандиозной новой идеей, каким-то, с точки зрения Коронованного, поразительным проектом, который он не желает обсуждать с ними.

— Это совсем не похоже на Валентайна, каким я его знаю,— сказал Стазилен сумрачно.— Он может быть каким угодно, но неразумным он быть не может. Похоже, что какая-то лихорадка овладела его мозгом.

— Или снова произведена тайная подмена,— сказал Дивис.

— Чего же боится Тунигорн? — спросил Хиссун.

Элидат пожал плечами.

— Он и сам не знает чего. Он думает, что Валентайн вынашивает какую-то странную идею, такую, какой он и Слит, скорее всего, воспротивились бы. Но он держит свои мысли в тайне.— Элидат подошел к глобусу и постучал по яркому красному шарику, который отмечал

местонахождение Коронованного в это мгновение.— Валентайн еще на Острове, но он скоро вернется на материк, он высадится в Пилиплоке и по составленному ранее расписанию должен пойти вверх по Зимру за Ни-мою и далее в охваченные голодом западные области. Но Тунигорн подозревает, что Валентайн передумал, и так как его преследует мысль, что наши страдания — это возмездие Бога за прежние прегрешения, то, возможно, он планирует какое-то духовное мероприятие: пост, паломничество, может быть, переориентацию общества от чисто мирских ценностей к духовным.

— А не стал ли он приверженцем культа морских драконов? — сказал Стазилен.

— Я не знаю,— сказал Элидат.— Предполагать мы можем, что угодно. Точно же я вам могу сказать только то, что Тунигорн глубоко озабочен всем этим и настаивает, чтоб я присоединился к Коронованному во время крестного хода и сделал это как можно скорее. Он надеется, что я смогу предостеречь Валентайна от каких-то поспешных действий. И мне кажется, что я действительно смогу добиться успеха там, где другие, даже Тунигорн, терпят неудачу.

— Что? — закричал Дивис.— Но Коронованный

в тысячах миль отсюда! Как ты сумеешь…

— Я уезжаю через два часа,— ответил Элидат.— Перемена быстрых плавунов унесет меня на запад через долину Глэйдж до Треймона, где я заказал крейсер, он доставит меня в Зимроель по южному маршруту через Родамонтский архипелаг. Тунигорн тем временем попытается как можно дольше задержать отъезд Валентайна с Острова, а если он заручится поддержкой адмирала Азенхарта, то и переезд с Острова в Пилиплок не будет таким уж скорым. В лучшем случае я смогу добраться до Пилиплока только через неделю после того, как туда прибудет Валентайн, но, возможно, будет еще не поздно привести его в чувство.

— Ты ни за что не успеешь,— сказал Дивис.— Он будет на полпути к Ни-мое прежде, чем тебе удастся пересечь Внутреннее Море.

— Я должен попытаться,— сказал Элидат.— У меня нет выбора. Если бы вы знали, как озабочен Тунигорн, как он боится, что Валентайн ввяжется в какое-то безумное и рискованное предприятие…

— А правительство? — тихо сказал Стазилен.— Кто будет управлять в твое отсутствие? Ты — Регент, Элидат. У нас нет Понтифика, ты

говоришь, что Коронованный превратился в склонного к фантазиям безумца, но сам-то ты тоже предлагаешь оставить замок без руководства.

— В случае, если Регента отзывают из Замка,— сказал Элидат,— он вправе назначить Совет регентства для управления всеми делами, которые подпадают под юрисдикцию Коронованного. Это я и намерен сделать.

— И кто члены этого совета? — спросил Дивис.

— Их будет трое. Ты, Дивис, Стазилен и ты, Хиссун.

Хиссун, изумленный, выпрямился:

— Я?

Элидат улыбнулся:

— Я признаю, что не мог сначала понять, почему лорд Валентайн решил взять какого-то молодого человека из Лабиринта (и выбор его пал на тебя, Хиссун) и так быстро продвинуть его в центр власти. Но постепенно планы Коронованного стали ясными для меня, особенно теперь, когда этот кризис обрушился на нас, я понял, как он был прав. Мы потеряли связь здесь, в Горном Замке, с реалиями Маджипуры. Мы жили здесь, на вершине Горы, и проблемы роились вокруг нас, но мы их не замечали. Я слышал, ты сказал, Дивис, будто все в мире счастливы, кроме,

возможно, метаморфов, и я признаю, что думал также. А в это время новая религия пустила корни среди недовольных, и мы ничего не знати о ней, и теперь армия голодных движется к Пидруиду поклоняться незнакомым богам,— он посмотрел на Хиссуна.— Есть вещи, которые известны тебе, Хиссун, и которые нам нужно знать тоже. За месяцы моего отсутствия ты, сидя рядом с Дивисом и Стазиленом, на месте судьи сможешь дать ценные советы (и я верю в это), как управлять государством, не забывая даже самых ничтожных его граждан. Что ты скажешь на это, Стазилен?

— Я думаю, что ты сделал мудрый выбор.

— А ты, Дивис?

Лицо Дивиса горело от едва сдерживаемой ярости:

— Что я могу сказать? Власть у тебя. Ты сделал свой выбор. Я должен подчиниться ему, не так ли? — он решительно поднялся и протянул руку Хиссуну: — Поздравляю, принц. Вы смогли хорошо зарекомендовать себя за очень короткое время.

Хиссун спокойно выдержал холодный взгляд Дивиса.

— Я рад быть с вами в одном Совете, милорд,— сказал Хиссун с большой учтивостью.— Ваша мудрость будет образцом для меня,— и он пожал

руку Дивиса.

Что бы ни хотел ответить Дивис, казалось, слова застряли у него в горле, он медленно освободил свою руку из крепкой хватки Хиссуна, огляделся и вышел из комнаты.

Ветер был южный, невыносимо жаркий. Такой ветер охотники на драконов называют "Послание", потому что он дул со стороны бесплодного материка Суврaеля, где находилось пристанище Короля Снов. Это был ветер, который иссушал душу и делал черствым сердце, но Валентайн не обращал на него внимания: его мысли были в другом месте, погруженные в задачи, которые ему предстояло решить в эти дни. Он часами простаивал на королевской палубе "Леди Сиин", выглядывая на горизонте первые признаки материка, забывая о жарких обжигающих порывах ветра, со свистом рассекающих воздух вокруг корабля.

Путешествие от Острова к Зимроелю начинало казаться ему бесконечным. Азенхарт рассуждал о ленивом течении и встречных ветрах, о необходимости укоротить парус и пойти южным маршрутом и других подобных проблемах. Валентайн, который не был моряком, не мог оспаривать эти решения, но его нетерпение ста-

новилось все неистовее, когда дни проходили, а западный материк не приближался. Не раз им приходилось изменять курс, чтобы избежать стад морских драконов, поскольку по эту сторону острова в море было тесно от них. Некоторые из членов экипажа, скандары, заявляли, что это самая большая миграция за пять тысяч лет. Было это правдой или нет, сказать было трудно, но их количество просто ужасало: Валентайн не видел ничего подобного во время своего предыдущего прохождения этих вод много лет назад, в том злополучном путешествии, когда гигантский дракон пробил корпус "Брангалины" капитана Горзваля.

В целом, драконы перемещались группами от тридцати до пятидесяти штук, на расстоянии в несколько дней одна от другой. Но иногда одинокий дракон, вероятно король-дракон, мог плыть и в одиночку, двигаясь не спеша, словно в глубоком раздумье. Потом драконы неожиданно пропали, не стало ни маленьких, ни больших. Ветер усилился, и флот заспешил в направлении порта Пилиплока.

И, наконец, однажды утром раздались крики на верхней палубе:

— Пилиплок, хэ! Пилиплок!

Большой морской порт возник внезапно, осле-

пительный и восхитительный, как ясный солнечный день, и в то же время по-особому грозный и сильный. Порт был расположен на высоком мысу, возвышающемся над южным берегом устья Зимра. Здесь, где река была необыкновенно широкой, на сотни миль вдаваясь в море темным пятном из-за ила, который она нанесла из глубин материка, стоял город с населением в одиннадцать миллионов человек, строго распланированный сложным и непреклонным замыслом мастера. Город, раскинувшийся аккуратными арками, пересеченными спицами бульваров, лучами расходившимися от воды. "Этот город,— думал Валентайн,— трудно полюбить, несмотря на всю его красоту". Все же, когда он стоял, разглядывая панораму города, Валентайн обратил внимание на своего попутчика скандара Залзана Кавола, который был родом из Пилиплока. Кавол рассматривал город с выражением нежного восторга и восхищения на своем суровом грубом лице.

— Корабли-драконы идут! — закричал кто-то, когда "Леди Сиин" приблизилась к берегу.— Посмотрите, это, должно быть, целый флот!

— О, Валентайн, как красиво! — выдохнула восхищенно, стоящая рядом с ним, Карабелла.

Действительно, красиво. До этого момента Ва-

лентайн никогда не думал, что судна, на которых мореплаватели Пилиплока выходят охотиться на драконов, так красивы. Ему всегда казались они зловещими: закругленный корпус, нелепо разукрашенный уродливыми силуэтами голов и угрожающе заостренными хвостами, с нарисованными рядами белых зубов и красно-желтых глаз вдоль бортов. Взятые каждый в отдельности, они были отталкивающе грубыми. И все же каким-то странным образом эти же корабли, собранные вместе в огромную флотилию (а было похоже, что все корабли-драконы Пилиплока вышли в море приветствовать прибытие Коронованного), приняли величественный, торжественный вид. Вдоль всей линии горизонта их белые паруса, перекрещенные розовой полосой, развевались на ветру, как праздничные флаги.

Когда корабли-драконы подплыли ближе, они расположились вокруг королевского флота построением, которое, конечно же, было тщательно спланировано заранее. Они подняли большие золотисто-зеленые флаги Коронованного, а их команды, выстроенные на палубах, хрипло кричали навстречу ветру:

— Валентайн! Лорд Валентайн! Приветствуем тебя, лорд Валентайн! — музыка барабанов и

труб, систиронов и голистанов плыла над водой, неясная и спутанная, но тем не менее ликующая и трогательная.

"Совсем другой прием, подумал Валентайн, вспомнив тот, что был ему оказан во время его последнего посещения Пилиплока, когда он, Залзан Кавол и остальные жонглеры целый день слонялись от одного капитана "дракона" к другому. Напрасно стараясь упросить отвезти их на Остров Сна, пока, наконец, им не удалось купить себе места на борту самого маленького, ветхого и даже какого-то несчастного с виду судна. Но многое изменилось с тех пор.

Самый большой из кораблей-драконов приблизился к "Леди Сиин" и спустил на воду лодку со скандаршей и двумя людьми. Когда она подошла вплотную к кораблю Коронованного, с него была спущена плавучая корзина, чтобы поднять их на палубу, но люди осталась за веслами, и только скандарша взошла на борт.

Она была старой, обветренной и огрубевшей от тяжелой морской работы, у нее не было двух передних зубов, а мех был тусклого серого цвета.

— Я Гуидрага,— сказала она, и через мгновение Валентайн вспомнил ее, самая старая и самая почитаемая из капитанов "драконов" и одна из

тех, кто в свое время отказался взять жонглеров пассажирами на свой корабль, но она отказалась по-хорошему, направив их к капитану Горзвалю и его "Брангалине". Валентайн подумал, помнит ли она его — скорее всего нет. Валентайн давно подметил, что стоит человеку надеть платье Коронованного, как он становится неузнаваемым.

Гуидрага произнесла грубоватую, но выразительную приветственную речь от имени команды своего корабля и охотников на драконов и подарила Валентайну искусно вырезанные бусы из сцепленных костей морского дракона. После этого он, выразив признательность за такую прекрасную встречу, спросил у нее, почему флот кораблей-драконов бездельничает здесь в Пилиплокском порту, а не охотится в открытом море; на что она ответила, что миграция драконов вдоль их берегов в этом году проходила настолько интенсивно, поражая беспрецедентным числом этих морских животных, что все корабли-драконы смогли добыть разрешенное законом количество их особей еще в первые несколько недель охоты, так что сезон закончился, практически не успев начаться.

— Это странный год,— сказала Гуидрага.— И я боюсь, что еще больше странностей ожидает нас

впереди, милорд.

Эскорт кораблей-драконов сопровождал их на всем пути до порта. Королевская процессия сошла на берег у пирса Молибор в центре пристани, где их ожидала группа встречающих должностных лиц: герцог провинции и его обширная свита, мэр города и столь же обширная масса чиновников и делегация капитанов кораблей-драконов, сопровождавших Коронованного к берегу. Валентайн включался в церемониал ритуала приветствий, словно спящий, которому снится, что он не спит: он отвечал важно и учтиво и всегда к месту, он вел себя со спокойствием и уравновешенностью, свойственной Коронованному, и все же его не покидало чувство, что он словно движется сквозь толпу призраков.

Шоссе от пристани до главного административного здания города, где должен был разместиться Валентайн, было огорожено толстыми красными веревками, чтобы сдержать толпы, и повсюду были расставлены посты охраны. Валентайн, ехавший в плавуне с открытым верхом рядом с Карабеллой, подумал, что он никогда не слышал такого шума, постоянного непостижимого рокота ликования, такого громогласного, что он даже смог отвлечь его, правда ненадолго, от дум

о кризисе. Но передышка кончилась сразу, как только он устроился в своей квартире и потребовал, чтобы ему принесли последние донесения, и новости, которые в них содержались, были беспросветно печальными…

Болезнь люсавенды, узнал он из донесений, каким-то образом распространилась в закрытые на карантин провинции. Урожай стаджи в этом году составит только половину обычного.

Паразит, именуемый жук-щелкун, давно считавшийся уничтоженным, появился в областях, где выращивалась фуола, важное фуражное зерно, соответственно это ставило под угрозу нормальное обеспечение мясом населения. Грибок, напавший на виноград, вызвал широко распространившееся опадение незрелых ягод в винных областях Хинтора и Ни-мои. Весь Зимроель был поражен каким-нибудь сельскохозяйственным бедствием, исключая только отдаленную область на юго-западе вокруг тропического города Нарабала.

Ю-Уулизаан, когда Валентайн показал ему эти сообщения, сказал веско:

— Это уже невозможно сдержать. Это экологически взаимосвязанные явления. Снабжение Зимроеля продуктами будет полностью сорвано,

милорд.

— В Зимроеле восемь миллиардов населения!

— Это сложно уже сейчас, а когда болезни распространятся в Альханроеле?..

Валентайн ощутил холод.

— Вы думаете они распространятся?

— О, милорд, я знаю, что это произойдет обязательно! Сколько кораблей курсирует между материками каждую неделю? Сколько птиц и даже насекомых совершают перелеты? Внутреннее Море огромно. Остров и архипелаги являются удобными пристанищами на полпути,— со странно спокойной улыбкой сказал эксперт по сельскохозяйственным вопросам.

— Я говорю вам, милорд, этому невозможно противостоять, это невозможно победить. Будет голод. Будет эпидемия. Маджипура будет уничтожена,— продолжил он.

— Нет. Только не это.

— Если бы я мог сказать вам слова утешения, я бы сделал это. Но у меня нет их для вас, лорд Валентайн.

Коронованный внимательно всмотрелся в странные глаза Ю-Уулизаана.

— Бог послал на нас эту катастрофу,— сказал Валентайн,— Бог и поможет нам избавиться от

этой напасти.

— Возможно, но не раньше, чем будет нанесен огромный ущерб всему нашему хозяйству… Милорд, позвольте мне удалиться. Могу я поизучать эти бумаги с час или около того?

Когда Ю-Уулизаан ушел, Валентайн некоторое время сидел, молча обдумывая еще раз то, что он был намерен сделать и что теперь казалось неотложным как никогда, перед лицом этих кошмарных событий. Потом он вызвал Слита, Тунигорна и Делиамбера.

— Я намерен изменить маршрут крестного хода,— сказал он без вступлений.

Они осторожно посмотрели друг на друга так, как будто они уже давно ожидали подобного сюрприза.

— В этот раз мы не пойдем в Ни-мою. Отложите все приготовления в Ни-мое.— Он увидел, что они смотрят на него напряженно и угрюмо, и понял, что он не получит их поддержки без борьбы.— На Острове Снов,— продолжал он,— мне стало ясно, что болезни, которые пришли в Зимроель и которые вскоре могут перекинуться на Альханроель, есть прямое проявление недовольства Бога. Делиамбер, ты помнишь, как говорил со мной об этом тогда, когда мы были с тобой на развалинах

Велализьера, ты еще предположил, что беды, которые постигли королевство, когда самозванец узурпировал мой трон,— это лишь начало божественного возмездия за подавление восстания метаморфов много веков тому назад. Мы прошли большой путь здесь, на Маджипуре, сказал ты, не оплатив ничем исконный грех завоевателей, и теперь у нас хаос, потому что прошлое начинает предъявлять нам свой счет, с добавлением процентов, набежавших за века спокойной жизни.

— Да, я помню. Эти мои слова, вы их повторили почти точно, милорд.

— И я сказал тогда,— продолжал Валентайн,— что я посвящу свое правление выплате репараций за несправедливость, которую мы совершили по отношению к метаморфам. Но я не сдержал слово, Я был слишком занят другими проблемами и сделал только самый поверхностный жест навстречу взаимопониманию с формодеями. И пока я откладывал, наше наказание усиливалось. Теперь, когда я в Зимроеле, я намерен сразу идти в Пиурифаину…

— В Пиурифаину, милорд? — сказали Слит и Тунигорн практически одновременно.

— В Пиурифаину, в столицу формодеев в Илиривойн, Я встречусь с Данипиурой. Я выслушаю

ее требования и приму их во внимание. Я…

— Ни один Коронованный никогда прежде не ступал на территорию метаморфов,— встрял Тунигорн.

— Один Коронованный уже бывал там,— сказал Валентайн — Когда я был жонглером, я давал представления, фактически перед аудиторией метаморфов и перед самой Данипиурой.

— Это другое дело,— сказал Слит.— Вы могли делать все, что хотели, когда были жонглером. И когда находились среди формодеев, вы вряд ли сами верили в то, что вы Коронованный. Но теперь, когда вы без сомнения Коронованный…

— Я пойду в их земли, и это будет паломничество покорности, начало акта искупления.

— Милорд! — забормотал Слит.

Валентайн улыбнулся:

— Давайте. Назовите мне все аргументы против моего решения. Многие недели я ждал момента, чтобы начать печальный спор с вами тремя об этом, и теперь, я полагаю, это время пришло. Но позвольте сказать вам сначала одно: когда мы закончим говорить, я поеду в Пиурифаину.

— И ничто не остановит вас? — спросил Тунигорн.— Если мы скажем об опасностях пути, нарушении протокола, возможных враждебных

политических последствиях…

— Нет! Нет! Нет! Ничто не остановит меня. Только опустившись на колени перед Данипиурой, смогу я покончить с несчастьями, которые опустошают Зимроель.

— Вы так уверены в этом, милорд? — сказал Делиамбер.— Вы считаете, что это будет так просто?

— По крайней мере, это то, что необходимо испробовать. В этом я убежден, и вы никогда не поколеблете меня в моем решении.

— Милорд,— сказал Слит,— насколько мне помнится, это формодеи своим колдовством лишили вас трона, и, я думаю, вы тоже помните об этом. Теперь мир стоит на краю безумия и вы хотите отдать себя в их руки, но их душа — это дремучий лес без дорог. Разумно ли это…

— Разумно? Нет. Необходимо? Да, Слит. Да. Одним Коронованным больше или меньше, это не имеет значения. Есть много других достойных людей, кто сможет занять мое место и действовать так же, как я, или, может быть, лучше. Значение имеет только судьба Маджипуры. Я должен ехать в Илиривойн.

— Я прошу вас, милорд…

— И я прошу вас,— сказал Валентайн.— Мы

поговорили достаточно. Повторяю, я не изменю своего решения.

— Вы поедете в Пиурифаину,— не веря, сказал Слит.— Вы отдадите себя формодеям?

— Да,— сказал Валентайн.— Я отдам себя формодеям.

Расколотое небо

Миллилэйн всегда будет помнить день, когда объявился первый из новых Коронованных, потому что в этот день она заплатила пять крон за пару жареных колбасок.

В полдень она должна была зайти к мужу Кристофу в его магазинчик на эспланаде у Хинторского моста. Шло начало третьего месяца эпохи Нехватки.

Нехватка в Хинторе ощущалась во всем, однако про себя Миллилэйн употребляла более точное слово — голод. Правда, никто еще от голода не умирал, пока… но и пищи ни у кого в достатке не было, и положение, судя по всему, ухудшалось с каждым днем. Вчера вечером они с Кристофом съели лишь немного каши, приготовленной из сушеных калимботов, и кусочек корня чумбы, Сегодня на ужин будет пудинг из стаджи. А завтра? Кристоф говорил, что собирается поохотиться в Престимионском парке на мелких животных: минтунов, дролей и им подобных. Филе минтуна? Жареная грудинка дроля? Миллилэйн передернуло, А может, тушеная лизара с отварными листьями капиутного дерева на гарнир?

Она спустилась по Осиерскому бульвару до того места, где он сворачивал на Зимрский проспект, дальше открывалась эспланада перед мостом. И едва она миновала здание протектората, ее настиг явный и непереборимый запах жареных колбасок.

"У меня галлюцинация,— подумала она.— Или, может быть, я сплю?"

Когда-то здесь, на краю эспланады, рядами стояли со своими жаровням и на тележках десятки торговцев колбасками. Но вот уже несколько месяцев Миллилэйн не видела ни одного. Мясо поступало теперь с перебоями: скот голодал из-за недостатка кормов в западных животноводческих районах страны, а перевозки скота из Суврaеля, где пока все еще было в порядке, нарушались стадами морских драконов, скопившихся на путях следования торгового флота.

Но запах этих колбасок был абсолютно подлинным. Миллилэйн посмотрела по сторонам, отыскивая его источник.

Да! Это там!

Не галлюцинация, не сон. Невероятно, поразительно, но торговец колбаской действительно стоял на площадке: невысокий сутуловатый лимен с покосившейся старой тележкой, в ко-

торой над горящими углями лежали шпажки с насаженными на них красными колбасками. Он стоял так, словно все в мире оставалось по-прежнему. Как будто не было Нехватки. Как будто продовольственные магазины не перешли на трехчасовой график работы, потому что этого времени вполне хватало, чтобы продать все, что имелось на складе.

Миллилэйн побежала.

Бежали и другие. С разных концов эспланады они устремились в одну точку — к торговцу колбаской, словно он раздавал десятироаловые монеты. В действительности же, что он предлагал, было намного ценней любой серебряной монеты.

Она бежала так, как не бегала никогда, размахивая локтями, высоко задирая колени, волосы развевалась сзади. По меньшей мере, сотня жителей бежала к лимену и его тележке. Может быть, его колбасок и не хватит на всех. Но Миллилэйн оказалась ближе других: она первая увидела продавца, она бежала быстрее всех. Длинноногая хьертка настигала ее, сбоку пристраивался скандар в нелепом деловом костюме, хрюкая на ходу. Мог ли кто-нибудь представить раньше, что придется вот так бежать сломя голову, чтобы

купить колбасок у уличного продавца?

Нехватка, голод... Это началось где-то на западе, в окрестностях Ущелья, и сначала казалось Миллилэйн таким несущественным, почти нереальным, потому что происходило так далеко, в местах, которые сами казались ей нереальными. Ей никогда не приходилось бывать западнее Фагобара, И когда поступили первые сообщения, она почувствовала некое абстрактное сострадание к тем, кто, по слухам, голодал в Мазадоне, Дулорне, Фалкинкипе, но все равно трудно было поверить в то, что это действительно происходит. В конце концов никто никогда не голодал в Маджипуре, и как только возникали слухи о новом кризисе на западе, о бунте или массовой миграции, или эпидемии, она воспринимала это как нечто отдаленное не только в пространстве, но и во времени; как будто это происходило не в данный момент, а тысячу лет назад, скажем, во времена лорда Стиамота, известные из книг по истории.

Но потом Миллилэйн стала замечать, что случались дни, когда такие продукты, как нийк, хингаморты и глейн, не оказывались в тех местах, где она их обычно покупала. "Это из-за перебоев в уборке урожая на западе,— говорили ей работники магазинов,— ничего не поступает

больше из фермерской зоны Ущелья, и завозить продукты из других областей сложно и дорого". Прошло еще немного времени, и такие основные продукты питания, как стаджа и рикка, внезапно стали нормированными, хотя выращивались тут же, в Хинторском регионе, где не было срывов в поставке сельхозпродуктов. На этот раз последовало такое объяснение: дополнительные продовольственные запасы отправлены в пострадавшие от неурожая провинции. "Во времена крайней нужды мы все должны нести какие-то жертвы", — говорилось в правительственном обращении, и так далее и тому подобное.

Потом стало известно, что некоторые болезни растений замечены уже вокруг Хинтора и восточнее, вниз по реке, вплоть до Ни-мои. Вдвое уменьшилась, продажа фуоли, рикки и стаджи, люсавенда полностью исчезла с прилавков, мясо становилось дефицитом. Начались разговоры о ввозе продовольствия из Альханроеля и Суврае-ля, где, по-видимому, все еще было нормально. Но Миллилэйн понимала, что это лишь разговоры. Во всем мире не хватило бы грузовых кораблей завозить продовольствие с других материков в количествах, достаточных для того, чтобы что-то изменить. А если бы даже и хватило кораблей,

то стоимость продуктов оказалась бы недоступной. "Мы все будем голодать", — сказала она Кристофу.

Так Нехватка добралась и до Хинтора.

Нехватка. Голод.

Кристоф не верил, что кто-то действительно будет голодать. Он всегда был оптимистом. "Постепенно все наладится,— говорил он.— Как-нибудь перебьемся". Но вот сотня человек отчаянно несется к продавцу колбасок.

Хьертка попыталась обогнать ее, Миллилэйн сильно толкнула женщину плечом и сбила с ног. Она никого не толкала прежде. Она почувствовала странное головокружение и спазм в горле. Хьертка закричала на нее, но Миллилэйн продолжала бежать, сердце колотилось, глаза болели. Она оттолкнула еще кого-то и локтями проложила себе путь к очереди, которая уже выстроилась перед торговцем. Там, впереди, лимен раздавал колбаски, лениво и равнодушно, как это делают лимены, ничуть не заботясь о толчее у жаровни. Напряженно следила Миллилэйн, как продвигается очередь. Перед ней еще семь или восемь человек, хватит ли колбасок на всех? Ей не было видно, что происходило впереди, клались ли на жаровню новые шпажки по мере того,

как продавались уже готовые. Она чувствовала, себя жадным ребенком, который беспокоится, что ему не хватит подарка. "Я просто схожу с ума,— говорила она себе,— почему эти колбаски должны так много для меня значить?" Но она знала, в чем дело. Последний раз она ела мясо три дня назад, если только считать мясом те несколько кусочков вяленого морского дракона, случайно обнаруженных в холодильнике, в чем она сильно сомневалась… Запах подрумяненных колбасок властно притягивал ее. Заполучить их — это стало сейчас самым важным делом в мире, может быть, единственно важным.

Наконец подошла ее очередь.

— Две шпажки,— сказала она.

— По одной покупателю.

— Тогда давайте одну!

Лимен кивнул. Три глаза его смотрели на нее совершенно равнодушно.

— Пять крон,— сказал лимен.

Миллилэйн ахнула. Пять крон — это половина ее дневного заработка. До Нехватки колбаски были по десять вейтов за шпажку. Но то до Нехватки…

— Вы шутите? — сказала она.— Как можно требовать в пятьдесят раз больше прежней цены!

Даже в такое время, как сейчас.

— Леди, платите или уходите! — закричали сзади. Лимен спокойно заметил:

— Пять крон сегодня. На следующей неделе — восемь крон. Еще через неделю — роал. Еще через неделю — пять роалов. В следующем месяце колбасок не будет ни за какие деньги. Так вы берете или нет?

— Беру,— пробормотала Миллилэйн. Ее руки дрожали, когда она протянула торговцу пять крон. Еще за одну крону она получила кружку пива, горьковатого и выдохшегося. Чувствуя себя опустошённой и потрясенной, она выбралась из очереди.

Пять крон! Столько совсем недавно стоил полный обед в первоклассном ресторане. Теперь большинство ресторанов закрыто, а в тех, что остались, по слухам, в очередь на столик надо записываться за неделю. И одному Богу известно, какие цены там заламывают сейчас.

Но все равно это ненормально — шпажка колбасок за пять крон! Чувство вины овладело ею. Что она скажет Кристофу? "Правду,— решила она.— Я не могла устоять,— скажет она.— Это был порыв, безумный порыв. Я учуяла запах жареных колбасок и не могла устоять".

Что если бы лимен потребовал восемь крон или роал? Она не могла ответить. Она подозревала, что отдала все, что имела, таким сильным было ее желание.

Она вцепилась зубами в колбаску, будто боялась, что кто-то отберет. Колбаска была удивительно вкусная — сочная, приправленная специями. Миллилэйн поймала себя на том, что думает, из какого мяса колбаска приготовлена. Лучше всего не думать об этом, сказала она себе. Кристоф мог быть не единственным, у кого возникла идея охотиться на мелках грызунов в парке.

Она отхлебнула пива и снова поднесла шпажку ко рту.

— Миллилэйн?

Она удивленно подняла глаза — Кристоф!

— Я так и подумал, что найду тебя здесь. Я закрыл магазин и вышел глянуть, что это за толпа.

— Продавец колбасок неожиданно появился. Как будто колдун вызвал его дух.

— Да? Понятно…— Он смотрел на недоеденную колбаску в ее руке.

— Извини, Крис.— Миллилэйн выдавила улыбку.— Хочешь откусить?

— Только разочек,— сказал он.— Надеюсь, это

не заставит тебя вернуться в очередь.

— Очень скоро все будет продано.— Она протянула ему шпажку, с трудом скрывая свою неохоту, и с напряжением наблюдала, как он откусил от колбаски на дюйм или два. Она испытала большое облегчение, когда он вернул ей остальное, и ей даже стало стыдно этого.

— Клянусь Леди, она вкусная! — сказал он.

— Она должна быть такой. Она стоит пять крон.

— Пять?..

— Я ничего не могла с собой поделать, Крис. Я уловила в воздухе их аромат и побежала, как дикий зверь, и ворвалась в эту очередь! Я толкалась, дралась. Думаю, я заплатила бы все свои деньги за одну колбаску. О Крис, мне так неловко!

— Не извиняйся. Во всяком случае, на что же еще тратить деньги? Кроме того, скоро все изменится. Ты слышала новости сегодня утром?

— Какие новости?

О новом Коронованном! Он должен быть здесь с минуты на минуту. Прямо здесь, проезжая по Хинторскому мосту.

Сбитая с толку, она сказала:

— Значит, лорд Валентайн стал Понтификом?

— Валентайн теперь никто,— покачал головой

Кристофер. — Говорят, он исчез — похищен метаморфами или что-то в этом роде. Как бы там ни было, час назад объявили, что теперь Коронованный — Симпетурн.

— Симпетурн? Проповедник?

— Да, он самый. Прибыл в Хинтор вчера вечером. Мэр поддержал его, а герцог сбежал в Ни-мою. так я слышал.

— Но это невозможно, Крис! Человек не может просто встать и сказать, что он — Коронованный! Он должен быть выбран, он должен быть помазан, он должен приехать из Горного Замка…

— Мы привыкли так думать. Но теперь другое время. Симпетурн — подлинный избранник народа. Тот, который нужен нам сейчас. Он знает, как вернуть благосклонность Господа нашего.

Она уставилась на него с неверием. Забытая шпажка повисла в ее руке.

— Этого не может быть. Это безумие! Лорд Валентайн наш помазанный Коронованный.

— Симпетурн говорит, что он — изменник, что вся эта история о подмене тел — чепуха, что эпидемии и голод, которые на нас обрушились, это наказание за его грехи. Он утверждает, что единственный путь, который может спасти нас, это разоблачить лжекоронованного и отдать

трон кому-нибудь, кто сможет вернуть нас к праведности.

— И Симпетурн решил, что он и есть тот самый спаситель, и считает, что мы склонимся, примем его и?..

— Он появился! — закричал Кристоф.

Лицо его сияло, выражение глаз сделалось совершенно незнакомым. Миллилэйн не могла припомнить, чтобы когда-нибудь видела своего мужа в таком высоком возбуждении. Его едва не лихорадило. Но она и сама чувствовала себя возбужденной, смущенной, потрясенной. "Этот краснолицый беспокойный Симпетурн, сидящий на Конфалюмском троне, и есть наш новый Коронованный?" Она не могла этого постичь. Все равно как если бы сказали, что красное стало зеленым или что река отныне потечет в гору.

Неожиданно послышались громкие звуки музыки. Военный оркестр в золотисто-зеленых мундирах, украшенных лучистой звездой, эмблемой Коронованного, с важным видом промаршировал по мосту и спустился на эспланаду. Следом появился мэр и другие представители городской власти. А потом на больших разукрашенных красивым орнаментом носилках, улыбаясь и помахиванием руки отвечая на аплодисменты

многолюдной толпы, которая следовала за ним из городка Хот Хинтора, что на другом конце моста появился коренастый, напыщенного вида человек с буйными черными волосами.

— Симпетурн! — рокотала толпа.— Симпетурн! Все приветствуют лорда Симпетурна!

— Все приветствуют лорда Симпетурна! — заорал Кристоф.

"Это сон,— думала Миллилэйн,— это какое-то жуткое наваждение, которого я не понимаю".

Теперь на эспланаде кричали все. Жителей охватила волна какого-то неистовства. Миллилэйн оцепенело принялась жевать последний кусочек колбаски, проглотила его и, ничего не почувствовав, уронила шпажку на землю. Мир вокруг бушевал. Кристофер орал охрипшим голосом:

— Симпетурн! Лорд Симпетурн!

Носилки проплывали теперь мимо них: не более двадцати ярдов отделяли их от нового Коронованного, если он действительно им был. Он повернулся и посмотрел прямо в глаза Миллилэйн. И с изумлением и ужасом она вдруг услышала, как сама кричит вместе с остальными:

— Симпетурн! Все приветствуют лорда Сим-

петурна!

— Куда он уехал? — растерянно спросил Элидат.

— В Илиривойн,— снова повторил Тунигорн.— Три дня назад.

Элидат покачал головой.

— Я слышу ваши слова, но они лишены для меня смысла. Мой рассудок просто отказывается воспринимать их.

— Клянусь Леди, мой тоже! Но это не делает их оттого менее правдивыми. Он намерен предстать перед Данипиурой и попросить у нее прощения за все наши прегрешения против ее народа и за прочие безумства.

Час назад корабль Элидата пришвартовался у причальной стенки в порту Пилиплока. Он сразу поспешил в городскую управу, еще надеясь застать Валентайна там или, в крайнем случае, перехватить его, когда он будет садиться на корабль, идущий в Ни-мою. Но в управе никого из королевской свиты не было, за исключением Тунигорна, которого он застал угрюмо перебирающим бумаги в маленьком пыльном кабинете. И эта история, которую рассказал ему Тунигорн: великий крестный ход отложен, Коронованный рискнул отправиться в дикие джунгли, к фор-

модеям… Нет, это уж слишком, это за пределами здравого смысла!

Усталость и отчаяние навалились на Элидата, как чудовищные каменные глыбы. Он сказал глухо:

— В погоне за ним я совершил чуть ли не кругосветное путешествие, лишь бы только предупредить его отъезд. Вы знаете, как я добирался, Тунигорн? День и ночь на плавуне, и ни минуты отдыха. А потом гонка по морю, полному разъяренных драконов, которые трижды подплывали к нашему крейсеру так близко, что я думал — они потопят нас. И что же в результате? Добраться до Пилиплока полуживым от усталости только для того, чтобы услышать, что опоздал на три дня, и он уже отправился в это нелепое и опасное путешествие, которое иначе, как авантюра, не назовешь! О, если бы я двигался хоть немного быстрее или выехал на несколько дней раньше!..

— Вы все равно не смогли бы заставить его изменить свое решение, Элидат. Никто не мог — ни Слит, ни Делиамбер, ни Карабелла.

— Даже Карабелла не смогла?

— Даже она — сказал Тунигорн.

Преодолев приступ отчаяния и подавив в себе страхи и сомнения, Элидат произнес:

— И все-таки Валентайн выслушает меня, и я сумею его переубедить, уверен в этом!

— Мне кажется, вы обманываете себя, старина;— печально возразил Тунигорн.

— В таком случае, зачем вы вызвали меня для дела, которое считали невыполнимым?

— Вызывая вас, я еще не знал, что у Валентайна на уме, видел только, что он в возбужденном состоянии и что-то обдумывает. Мне казалось, что если бы вы участвовали вместе с ним в великом крестном ходе, то смогли бы успокоить его и отвлечь от этих пагубных намерений. А когда он посвятил нас в свои планы и дал понять, что осуществит их во что бы то ни стало, вы были уже в пути. Что ж, поездка ваша оказалась напрасной, и мне остается лишь принести свои извинения.

— Я все равно поеду за ним.

— Боюсь, вы ничего не добьетесь.

Элидат пожал плечами.

— Я последовал за ним сюда, как я могу остановиться на полпути? Возможно, есть еще какой-нибудь способ образумить его. Вы сказали, что собираетесь отправиться вдогонку за ним завтра?

— Да, где-то к полудню. Как только разделаюсь со всеми этими официальными донесениями,

сообщениями и указами, которые мне осталось разобрать.

Элидат нетерпеливо наклонялся вперед.

— Возьмите их с собой. Нам нужно выехать сегодня!

— Вряд ли это разумно. Вы сами сказали, что дорога вымотала вас, и усталость на вашем лице подтверждает это. Отдохните сегодня здесь, в Пилиплоке, плотно поешьте, хорошенько выспитесь, а завтра…

— Нет! — воскликнул Элидат.— Сегодня, Тунигорн! Каждый час, что мы здесь теряем, приближает его к землям формодеев. Неужели вы не понимаете, чем мы рискуем? — пристально посмотрел на Тунигорна.— Я уеду без вас, если потребуется.

— Я не позволю этого.

Элидат поднял брови:

— Разве мое путешествие может быть предметом вашего дозволения или запрещения?

— Вы знаете, о чем я говорю. Я не могу позволить вам отправиться неизвестно куда.

— Тогда поехали вместе!

— Подождите только до завтра.

— Нет!

Тунигорн на миг закрыл глаза, потом сказал:

— Ладно. Пусть будет так. Сегодня.

Элидат удовлетворенно кивнул.

— Мы наймем маленький быстроходный корабль и, если повезет, догоним его прежде, чем он достигнет Ни-мои.

— Он не поедет в Ни-мою,— уныло сказал Тунигорн.

— Ничего не понимаю. Единственный путь отсюда в Илиривойн, который я знаю, это вверх по реке, мимо Ни-мои до Верфа, не так ли? А дальше на юг, до Пиурифаинских ворот. Я уверен, что он так и поехал. А разве есть другой путь? — удивленно спросил Элидат.

— Не тот, что продиктован здравым смыслом, но он наметил его сам. На юг через Джихорну, а дальше через Стейч — и в страну метаморфов.

— Возможно ли это? — в изумлении воскликнул Элидат.— Джихорна — бесплодная пустыня, Стейч — непреодолимая река! Он должен знать об этом, а если нет, то наверняка знает его маленький урун.

— Делиамбер сделал все, чтобы отговорить его от этой затеи, но Валентайн даже не стал слушать. Он сказал, что если поедет через Нимою и Верф, то обязан будет останавливаться в каждом населенном пункте на своем пути, для

обычных церемоний великого крестного хода, а он не собирается затягивать свое паломничество к метаморфам.

Элидат вновь почувствовал тревогу, даже смятение.

— Значит, он намерен пройти через песчаные бури и смертоносную жару Джихорны, а потом перебраться через Стейч, в которой однажды уже тонул?

— Да, и все ради того, чтобы заплатить долг тем, кто успешно спихнул его с трона десять лет назад...

— Безумие!..

— Действительно безумие,— согласился Тунигорн.

— Итак, вы согласны? Мы отправляемся сегодня?

— Да, сегодня.

Тунигорн протянул руку, Элидат крепко пожал ее, и с минуту они простояли молча. Потом Элидат сказал:

— Вы ответите мне на один вопрос, Тунигорн?

— Спрашивайте.

— Говоря о рискованном предприятии Валентайна, вы не раз употребили слово "сумасшествие", и я — тоже. Может, он и в самом деле

сошел с ума?

— Сошел с ума? — повторил Тунигорн.— Нет, не думаю.

— А назначить в Принципат несовершеннолетнего Хиссуна? А совершить паломничество к метаморфам?

Помолчав, Тунигорн сказал:

— Ни вы, ни я так не поступили бы, Элидат. Но мне кажется, у Валентайна это не признак сумасшествия, а чего-то другого: мягкости, святости, божественности, если хотите, которой ни вы, ни я не в состоянии до конца осмыслить. Мы ведь видели, что Валентайн чем-то отличается от всех нас.

Элидат нахмурился:

— Уж лучше святой, чем сумасшедший. Но как, по-вашему, его святость, его, как выразились, божественность — это именно те качества, которые необходимы правителю Маджипуры в годину смуты и междоусобиц?

— Даже не знаю, что ответить, старина.

— И я не знаю. Но у меня есть некоторые сомнения.

— Как и у меня,— сказал Тунигорн.— Как и у меня.

Ю-Уулизаан лежал в темноте с открытыми

глазами и напряженно прислушивался к центру, рокочущему в пустыне Джихорна. Порывистый режущий ветер с востока вздымал вихри песка и настойчиво швырялся им в стенки палатки.

Королевский караван, с которым он так долго путешествовал, расположился теперь в сотнях миль южнее Пилиплока. Река Стейч лежала всего лишь в нескольких днях перехода, за ней находилась Пиурифаина. Ю-Уулизаану отчаянно хотелось переплыть, наконец, реку и снова дышать воздухом его родины: чем ближе подходил караван, тем острее становилось это желание.

Снова быть дома, среди своих, свободным от напряжения этого бесконечного маскарада!..

Скоро… скоро…

Но сперва он должен каким-то образом предупредить Фараатаа о планах лорда Валентайна.

Прошло уже шесть дней с тех пор, как Фараатаа последний раз устанавливал связь с Ю-Уулизааном, но тогда еще не было известно, что Коронованный намеревается совершить паломничество в страну пиуриваров. Конечно, необходимо передать эту информацию Фараатаа. Но Ю-Уулизаан не имел надежных средств, чтобы выйти с ним на связь,— ни через обычные каналы, которых фактически не было в этом унылом необитаемом

месте, ни через единение с водяным королем. Требовался не один, а много источников дум и стремлений, чтобы привлечь внимание водяного короля, а у Ю-Уулизаана в этом путешествии не было единомышленников.

Но все равно следовало попытаться. Как он уже проделывал каждую из трех последних ночей, он сфокусировал энергию своих мыслей и направил ее вперед, стремясь завязать какой-нибудь контакт через тысячу с лишним миль, которые отделяли его от вождя восстания.

— Фараатаа! Фараатаа!

Тщетно! Без помощи водяного короля в качестве посредника передача такого вида невозможна, Ю-Уулизаан знал это. И все же он продолжал свои попытки. Он заставлял себя поверить в то, что имеется какой-то шанс: случайно находящийся неподалеку водяной король поймает и усилит его сигнал. Слабый, ничтожный, но шанс, который он не имел права упустить.

— Фараатаа!..

Форма Ю-Уулизаана начала искажаться от усилия: ноги удлинились, нос уменьшился в размерах. Он решительно сдержал изменения, прежде чем они стали заметны другим, находящимся в палатке, и заставил себя вернуться в

человеческий облик. С тех пор, как он впервые принял его в Альханроеле, он не мог расслабиться даже на миг, чтобы его не раскрыли как пиуриварского шпиона, каковым он и являлся. Это угнетало, создавало напряженность, порой становилось невыносимым, но он придерживался выбранной им формы.

Он продолжал всею силой своего духа взывать в ночное пространство:

— Фараатаа! Фараатаа!

Никакого ответа. Тишина. Одиночество. Как обычно.

Через некоторое время он оставил свои попытки и постарался уснуть. До утра было еще далеко. Он лег на спину и закрыл пульсирующие глаза.

Но сон не приходил к нему. В этом путешествии ему редко удавалось заснуть, в лучшем случае — лишь ненадолго задремать. Слишком много посторонних звуков отвлекало его: вой ветра, шорох песчинок о стенки палатки, громкое сопение членов свиты Коронованного, которые находились с ним в одной палатке.

А более всего — непреходящая, отупляющая боль от своего одиночества среди чужих, враждебных ему людей. Взвинченный, напряженный, он ждал рассвета.

Внезапно, где-то между часом Шакала и часом Скорпиона, он почувствовал, как звук приглушенной вкрадчивой музыки легко коснулся его мозга. Он был до такой степени напряжен, что мягкое это вторжение моментально вывело его из равновесия и на миг лишило постоянной формы. Трепеща всем телом, он последовательно сменил несколько форм, воспроизведя звуки спящих рядом людей, на долю секунды принял форму пиуривара и снова восстановил контроль над собой. Он сел. Сердце его колотилось, дыхание стало неровным. Музыка! Неужто?..

Да, это оно! Сухой ноющий тон, вплетающий между двумя интервалами гаммы. Он узнал теперь мысленную песню водяного короля — по характеру и тембру ее нельзя было спутать ни с какой другой мелодией. Он настроил свой мозг для связи и секундой позже с огромным облегчением услышал мысль-голос

Фараатаа:

— Ю-Уулизаан?

— Наконец-то, Фараатаа! Сколько я ждал этого вызова!

— Он пришел в назначенное время, Ю-Уулизаан.

— Я знаю, но у меня для вас срочные новости.

Я вызывал вас каждую ночь, пытаясь установить связь. Неужели вы не слышали?

— Я ничего не слышал. Этот вызов — обычный, по расписанию.

— А-а…

— Где та находишься, Ю-Уулизаан, и что у тебя за новости?

— Я в глубине Джихорны, недалеко от Стейча. Я все еще путешествую со свитой Коронованного.

— Возможно ли такое, что великий крестный ход завел его в Джихорну?

— Он прервал крестный ход. Теперь он направляется в Илиривойн, на встречу с Данипиурой.

Ответом было молчание, почти осязаемое, потрескивающее от электрических зарядов и сопровождаемое низким шипением. Ю-Уулизаан уже решил было, что связь прервалась совсем, когда Фараатаа наконец произнес:

— На встречу с Данипиурой? Что ему нужно от нее?

— Прощение.

— Прощение за что, Ю-Уулизаан?

— За все преступления его народа против нашего.

— Он что, сошел с ума?

— Некоторые из его спутников так и думают.

Другие считают, что таков принцип Валентайна — отвечать на ненависть любовью…

Снова последовало долгое молчание.

— Он не должен говорить с ней, Ю-Уулизаан!

— Я тоже так думаю.

— Сейчас не время для прощения. Сейчас время борьбы, иначе мы проиграем. Я сделаю все, чтобы помешать этой встрече. Они могут достигнуть компромисса, а здесь не должно быть компромиссов!

— Я понимаю.

— Победа почти в наших руках. Правительство на грани падения. Власть закона рушится. Знаешь ли ты, Ю-Уулизаан, что появились три лжекоронованных? Один объявился в Хинторе, другой — в Ни-мое и третий — в Дулорне.

— Это правда?

— Конечно, правда. Неужели ты ничего не знаешь об этом?

— Ничего! Я думаю, что Валентайн тоже не знает. Мы здесь очень, далеко от цивилизации. Подумать только — целых три лжекоронованных! Это начало их конца, Фараатаа!

— Надеемся на это. У нас все в порядке. Эпидемии продолжают распространяться. С твоей помощью, Ю-Уулизаан, мы смогли найти спосо-

бы нейтрализовать контрмеры правительства и еще больше усугубить положение. Зимроель объят хаосом. Первые предвестники серьезных бед появились в Альханроеле. Мы побеждаем!

— Мы победим, Фараатаа!

— Но мы должны преградить путь Коронованному в Илиривойн. Назови, если можешь, свое точное местонахождение.

— Мы три дня ехали на плавуне на юго-запад от Пилиплока, в сторону Стейча. Я слышал, как сегодня вечером кто-то сказал, что река не далее, чем в двух днях езды от нас, может быть, даже ближе. Вчера сам Коронованный и два его спутника отправились туда впереди основного каравана. Должно быть, они уже около реки.

— И как он собирается перебраться через нее?

— Этого я не знаю. Но…

— Он здесь! Хватай его!

Это неожиданное восклицание оборвало связь с Фараатаа. В темноте возникли силуэты двух огромных фигур, в то же мгновение Ю-Уулизаан, застигнутый врасплох, был схвачен, успев лишь выдохнуть от удивления.

Он узнал нападавших — боевую женщину Лизамону Халтин и яростного косматого скандара Залзана Кавола. Урун Делиамбер замешкался на

безопасном расстоянии, щупальца свернулись и переплелись в сложном узоре.

— Что вы делаете? — воскликнул Ю-Уулизаан.— Это же насилие!

— Да неужели? — весело ответила амазонка.— Похоже, что так оно и есть.

— Отпустите меня сейчас же!

— Как бы не так, шпион! — громыхнул скандар.

Ю-Уулизаан отчаянно пытался освободиться, но он был, как кукла, в могучих руках своих противников. Паника охватила его, и он почувствовал, что управление формой выходит из-под его контроля. Он ничего не мог с этим поделать, не мог восстановить свою прежнюю форму, противники крепко держали его, он корчился и извивался в их руках и пробегал через множество изменений, становясь то одним существом, то другим, то шишковатой пузырчатой массой, а то волнообразной змееподобной лентой.

Внутренняя энергия его была настолько истощена контактом с Фараатаа, что он не мог генерировать какое-либо из своих защитных средств — электрическое поле и тому подобное. Он вопил и рычал от отчаяния и бессилия, пока урун не коснулся щупальцем его лба, вызвав шо-

ковое потрясение. Ю-Уулизаан обмяк и потерял сознание.

— Доставьте его к Коронованному,— сказал Делиамбер.— Мы допросим его в присутствии лорда Валентайна.

По мере своего продвижения на запад, к Стейчу, далеко впереди королевского каравана, Валентайн видел, как резко, с каждым часом менялся ландшафт. Желто-коричневая однообразная Джихорна уступила место загадочной пышной растительности тропических лесов. Убогая страна дюн и движущихся песков с редкими скудными кустиками колючек и чахлыми деревцами с увядшей пожелтевшей листвой осталась позади. Теперь почва была уже не песчаной. Она стала темнее, плодороднее, о чем можно было судить по щедрой зелени; ветер уже не доносил сюда едкий привкус моря, а был напоен сладким мускусным ароматом джунглей. И все же Валентайн понимал, что это пока еще переходная зона. Настоящие джунгли лежат впереди, за Стейчем, царство загадок и тайн, густой зелени и охваченных туманом горных вершин, королевство формодеев.

Примерно за час до сумерек они достигли берега реки. Плывун Валентайна прибыл первым,

два других появились несколькими минутами позже.

Он передал капитанам приказ: выстроить плавуны вдоль берега реки. Потом вышел из своего вездехода и приблизился к самой воде.

У Валентайна были основания хорошо помнить эту реку. Впервые он попал сюда в годы ссылки, когда он и его приятели-жонглеры спасались от гнева метаморфов Илиривойна. Теперь, стоя у быстрых вод Стейча, он снова возвратился мыслями в те времена, и в памяти его возникли картины прошлого: дикие гонки по насквозь промокшей от дождей Пиурифаине; засада формодеев в гуще джунглей и кровавая битва с ними; маленькие, похожие на обезьян лесные братья, которые потом спасли их и вывели к Стейчу. И, наконец, этот наспех сооруженный злосчастный плот, плывущий вниз по бурной реке, через все ее камни, водовороты и стремнины, чтобы добраться до Ни-мои, где они будут в безопасности…

Однако в этом месте не было клыкастых камней, рассекающих стремительно несущуюся поверхность воды, испещренную завихрениями и мелкими воронками, не было скалистых крутых берегов. Река и здесь была быстрой, но широкой, полноводной и миролюбивой.

— Неужели это действительно Стейч? — спросила Карабелла.— Совсем не похоже на ту реку, которая доставила нам столько неприятностей.

— Те места северней,— кивнут Валентайн.— А здесь река действительно другая, гораздо спокойней.

— Но, тем не менее, шутки с ней плохи. Мы сможем переправиться?

— Должны,— сказал Валентайн, вглядываясь в далекий западный берег, где начиналась Пиурифаина.

Вечерело, и в сгущавшихся сумерках провинция метаморфов казалась недоступной, непостижимой, магической. Коронованный снова помрачнел. Не окажется ли его экспедиция в джунглях нелепым безрассудством? Абсурдным, наивным предприятием, заведомо обреченным на неудачу? Вполне возможно… И его порыв получить прощение у королевы формодеев покажется смешным и унизительным. Что ж, тогда ему останется только отказаться от короны, которой он, в общем-то, никогда особо не домогался, и передать бразды правления в руки более жесткого и решительного человека.

Возможно, вполне возможно…

Тут он заметил, как какое-то необычное, непо-

воротливое существо вылезло из воды на тот берег и медленно двинулось вдоль кромки воды — длинное, мешковатое, с бледно-синей кожей и огромным глазом на макушке тупой выпуклой головы. Пока Валентайн, удивленный уродством и грубыми формами животного, разглядывал его, оно сунуло морду в илистый берег и начало раскачиваться из стороны в сторону, словно выкапывая подбородком яму.

Подошел Слит. Валентайн, всецело захваченный созерцанием странного животного, заставил его подождать минуту в молчании, прежде чем повернулся к нему.

Слит выглядел печальным и даже озабоченным. Он сказал:

— Мы собираемся расположиться здесь на ночь лагерем,

правильно, ваша светлость? И подождем до утра, прежде чем разведать, смогут ли наши плавуны пройти над столь быстрой водой?

— Да, именно это я и имел в виду.

— При всем уважении к вам, милорд… В общем, не могли бы вы решить вопрос, как переправиться на тот берег сегодня? Если это возможно…

Валентайн нахмурился. Он почувствовал себя странно обособленным, слова Слита доносились

до него как бы издалека.

— Насколько я помню, мы планировали провести эксперименты с плавунами завтра утром и ждать, пока нас не догонит весь караван, чтобы совместно переправиться в Пиурифаину. Разве не так?

— Да, милорд, но…

— Тогда,— оборвал его Валентайн, — нужно отдать приказ разбить лагерь, пока совсем не стемнело, а, Слит?

Оставив эту тему. Коронованный снова повернулся к реке.

— Видите это необычное животное на том берегу?

— Вы имеете в виду громварна?

— Так он называется? А чего это он так трется мордой о землю?

— Я бы сказал, что он роет нору. Переждать там бурю, когда она разразится. Они живут в воде, но я полагаю, что река будет сильно взбаламучена.

— Будет буря? — спросил Валентайн.

— Да, милорд. Это я и пытался вам сказать. Посмотрите на небо милорд.

— Небо потемнело, наступает ночь.

— Я не это имел в виду, милорд,— сказал Слит.— Посмотрите на восток.

Валентайн обернулся и взглянул туда, где осталась Джихорна. Солнце давно уже зашло, и можно было ожидать, что небо на востоке сейчас серое или даже темное. Но вместо этого он увидел сверхъестественную картину: вопреки всем законам природы, закат как бы продолжался на востоке. Веером расходилось странное бледное мерцание, на горизонте розовое смешалось с желтым и бледно-зеленым, цвета то вспыхивали ярче, то пригасали, как будто пульсировало само небо.

Валентайн вдруг спохватился, что вокруг царит неестественная какая-то тишина. Он слышал только журчащие в стремительном беге струи воды, но ни вечернего пенья птиц, ни настойчивых криков маленьких красных лесных лягушек, которые обитали здесь тысячами. Воздух сделался сухим, как в пустыне, и, казалось, мог вспыхнуть от любой искорки.

— Надвигается песчаная буря, милорд,— тихо произнес Слит.

— Вы уверены?

— Она, должно быть, уже бушует на побережье. Ветер дул с востока весь день, а именно оттуда приходят в Джихорну бури с океана. Сухой ветер с океана, ваша светлость, вы можете себе пред-

ставить, что это такое? Я — не могу!

— Не люблю суховей,— пробормотала Карабелла.— Охотники на драконов называют его "посланником". Он действует мне на нервы.

— Вам известно об этих бурях, милорд? — спросил Слит. Валентайн напряженно кивнул.

Коронованный был весьма осведомлен в вопросах географии. Он знал, что большие песчаные бури Джихорны возникают не так часто, но каждая из них надолго остается в памяти: неистовый ветер как ножом срезает дюны, подхватывает многие тонны песка и с непреодолимой яростью уносит во внутренние регионы. Эти бури приходят дважды или трижды на протяжении жизни одного поколения, но когда приходят, то приобретают широкую и печальную известность.

— Что будет с нашими людьми там, позади? — спросил Валентайн.

— Буря наверняка их захватит,— сказал Слит. — Может быть, она уже бушует там, а нет, так скоро начнется. В Джихорне она движется быстро. Слушайте, ваша светлость, слушайте!

Ветер усиливался, и в его завывание постепенно вплелся низкий шипящий звук, нарушивший неестественную, мертвую тишину. Он походил на тихое ворчание пробуждающегося гиганта,

которое постепенно приходит в ярость и сменяет начальное смутное недовольство на ужасающий, оглушительный рев.

— А как же мы, Слит? — спросила Карабелла.— Дойдет ли буря сюда?

— Громварн считает, что дойдет, миледи. Он роет нору, чтобы переждать бурю в укрытии.— Слит повернулся к Валентайну: — Позвольте дать вам совет, милорд.

— Если хотите.

— Мы должны переправиться через реку сейчас, пока еще есть возможность. Буря может так повредить плавуны, что мы не сумеем передвигаться по воде.

— Но более половины моих людей еще не вышли из Джихорны!

— Если они еще живы…

— Делиамбер… Тизана… Шанамир!..

— Я знаю, милорд. Но мы сейчас ничем не можем им помочь. Мы должны переправиться через реку сейчас, если вообще собираемся продолжить нашу экспедицию, позже это будет невозможно. На том берегу мы сумеем укрыть наш лагерь в джунглях и подождать, пока остальные смогут к нам присоединиться, если они вообще присоединятся. Здесь же мы рискуем застрять надолго

— ни двинуться вперед, ни вернуться назад.

Мрачная перспектива, подумал Валентайн, но вполне вероятная. И, тем не менее, он колебался, все еще не решаясь укрыться в джунглях Пиурифаины, когда столько самых близких и дорогих ему друзей оказались брошенными на произвол судьбы под натиском песчаной бури в Джихорне, На мгновение он почувствовал острое желание отдать капитанам приказ повернуть плавуны на восток, чтобы разыскать остальную часть королевской свиты. Но поразмыслив, понял всю бессмысленность этого поступка. Повернув назад, он лишь подвергнул бы опасности еще большее число жизней. Буря могла не достичь того места, где находился караван. Лучше всего переждать, пока ярость ее пойдет на спад, а потом вернуться в Джихорну, чтобы, подобрать тех, кто уцелел и спасся.

Он стоял неподвижный и молчаливый, озабоченно поглядывая на восток, в царство тьмы, так необычно освещенное пугающим мерцанием разрушительной энергии песчаной бури.

Ветер продолжал набирать силу. Буря дойдет до нас, понял Валентайн. Она захватит и нас, и джунгли Пиурифаины, прежде чем мощь ее иссякнет.

Внезапно он прищурился и, моргнув от удивления, указал пальцем:

— Видите приближающиеся огни? Огни плавуна?

— Моя Леди! — хрипло пробормотал Слит.— Что бы это значило?

— Это они? — спросила Карабелла.— Неужели они спаслись от бури?

— Только один плавун, миледи,— негромко заметил Слит,— и не из королевского каравана, мне кажется.

Валентайн тоже убедился в этом. Королевские плавуны были огромными машинами, способными вместить много пассажиров и оборудования, а то, что приближалось к ним, больше походило на небольшой частный плавун, рассчитанный на двух или четырех пассажиров: у него спереди были только две фары, посылающие довольно слабые лучи света, тогда как крупные экспедиционные плавуны имели по три фары большой мощности.

Плавун резко затормозил не более чем в тридцати футах от Коронованного, и сразу охрана лорда Валентайна окружила его, держа наготове свои энергоразрядчики. Распахнулась дверца, и из вездехода, пошатываясь, выбралось двое

мужчин.

Валентайн изумленно вскинул брови:

— Тунигорн? Элидат?

Появление их казалось невероятным, фантастичным. Тунигорн должен был в данный момент находиться в Пилиплоке и заниматься повседневными административными делами. А Элидат? Как он попал сюда, когда его место на вершине Замка Горы? Валентайн ожидал встретить его здесь, на речном берегу, у границы с Пиурифаиной, не более, чем свою мать Леди.

И все же этот высокий мужчина с густыми бровями и глубокой впадиной на подбородке не кто иной, как Тунигорн, а второй, еще выше ростом, с широкими крепкими скулами и пронизывающим взглядом, конечно же, Элидат. Если только… если только…

Ветер все усиливался. Валентайну показалось, что он уже несет мелкие песчинки.

— Вы настоящие,— спросил он прибывших,— или только имитации коварных формодеев?

— Настоящие, Валентайн, совершенно настоящие! — воскликнул Элидат и протянул руки Коронованному.

— Ей-Богу, это мы,— сказал Тунигорн,— самые настоящие, не поддельные! Мы ехали день и

ночь, милорд, чтобы догнать вас.

— Да,— сказал Валентайн,— похоже, что вы настоящие.

Он шагнул навстречу Элидату, но охранники тут же вклинились между ними. Валентайн сердито махнул им и заключил Элидата в крепкие объятия. Потом, отпустив его, он отступил на шаг, чтобы получше рассмотреть своего самого давнего и близкого друга. С тех пор, как они виделись последний раз, миновало не больше года, но Элидат, казалось, за это время состарился лет на десять, Он выглядел изношенным, изможденным. Были ли причиной тому многочисленные заботы регента, или путешествие в Зимроель так измотало его? Когда-то они были близки как братья и казались одногодками, теперь же Элидат превратился в потрепанного жизнью пожилого человека.

— Милорд, буря... — напомнил Слит.

— Минуту,— отмахнулся Валентайн,— я еще не все выяснил. Как вы оказались здесь? — спросил он Элидата,

— Я приехал, милорд, просить вас прервать свою экспедицию и не идти навстречу опасности.

— С чего ты взял, что я в опасности или прибли-

жаюсь к ней?

— До меня дошли слухи, что вы собираетесь двигаться в Пиурифаину и встречаться с метаморфами,— сказал Элидат.

— Решение было принято только недавно. Ты должен был покинуть Гору за недели или даже месяцы до того, как эта мысль пришла мне в голову.— В голосе Валентайна послышалось раздражение.— Это так-то ты служишь мне, Элидат? Оставил свой пост в Замке и самовольно проехал полсвета, чтобы вмешаться в мою политику?

— Мое место рядом с вами, Валентайн.

Валентайн сердито взглянул на него.

— Из любви к тебе приветствую и обнимаю, но лучше бы тебя здесь не было!

— И я хотел бы этого,— сказал Элидат.

— Милорд, — настойчиво повторил Слит,— буря приближается, Прошу вас…

— Да, буря,— сказал Тунигорн.— Песчаная буря Джихорны — это ужасно. Мы слышали, как она свирепствует на побережье, когда отправились вдогонку за вами, и она всю дорогу преследовала нас? Час-пол тора и она будет здесь, милорд!

Валентайн почувствовал, как тесный обруч напряжения сковал его грудь. Буря, буря, буря! Да, Слит прав: они должны что-то предпринять!

Но у него так много вопросов, он столько хотел разузнать… Тунигорну он сказал:

— По дороге сюда вы должны были встретить еще один лагерь. Там Лизамона, Делиамбер, Тизана — с ними все в порядке?

— Они стараются принять все меры предосторожности. То же самое должны сделать и мы. Давайте двинемся на запад, постараемся укрыться в лесной чаще, прежде чем ураган обрушится на нас.

— Я советовал то же самое, — сказал Слит.

— Очень хорошо.— Валентайн посмотрел на Слита.— Готовьте плавуны к переправе через Стейч.

— Слушаюсь, милорд! — Он убежал.

Валентайн обратился к Элидату:

— Если ты здесь, кто правит в Замке?

— Я выдвинул троих в Совет Регентства: Стазилена, Дивиса и Хиссуна.

— Хиссуна?

Щеки Элидата порозовели.

— Мне казалось, вы хотели побыстрей выдвинуть его в правительство.

— Да, хотел. Ты хорошо сделал, Элидат. Но я подозреваю, что далеко не все были рады такому выбору.

— Да, не все. Принц Манганот из Банглекоды, герцог Халансы…

— Не нужно имен. Я знаю, кого ты имеешь в виду,— сказал Валентайн.— Может быть, со временем они станут думать иначе…

— Я о нем уже высокого мнения, Валентайн. Это удивительный юноша: он все схватывает на лету, быстро растет и уверенно движется вперед! Даже совершая ошибку, он знает, как извлечь из этого пользу. Чем-то он напоминает мне вас в таком же возрасте.

— Нет, Элидат,— покачал головой Валентайн.— Он совсем не похож на меня. И это то, что я ценю в нем больше всего. Мы смотрим на одно и то же, но видим по-разному. Он улыбнулся, взял Элидата за локоть и подержал его так, потом мягко сказал:

— Ты понимаешь, что я благоволю ему?

— Мне кажется, да.

— И тебя это беспокоит?

Взгляд Элидата был тверд.

— Вы знаете, что нет, Валентайн.

— Да, я знаю это,— сказал Коронованный.

Он крепко пожал Элидату руку и отвернулся, прежде чем тот мог заметить внезапный блеск в его глазах.

Ветер, теперь полный песка, жутко завывая,

прорвался через рощицу тонкоствольных деревьев, которая находилась как раз на востоке, словно невидимым ножом рассекая их широкие листья, Валентайн почувствовал, как песчинки с жалящей силой ударили ему в лицо, и отвернулся, натягивая на голову свою мантию, чтобы защититься от ветра. Остальные сделали то же самое.

У самого берега, где Слит наблюдал, как механизмы плавунов переводят с сухопутного режима на водный, царила суета.

— Много разных новостей, Валентайн,— сказал Тунигорн.

— Рассказывайте же!

— Сельскохозяйственный эксперт, который путешествовал с нами от Алазора…

— Ю-Уулизаан? С ним что-нибудь случилось?

— Он шпион формодеев, милорд.

Эти слова как током ударили Валентайна.

— Что?!

— Делиамбер обнаружил это ночью; урун почувствовал что-то необычное и ползал, пока не наткнулся на Ю-Уулизаана, который с кем-то далеким вел мысленную беседу. Он подучил вашего скандара и амазонку схватить его, и когда они сделали это, Ю-Уулизаан начал менять форму,

как пойманный в капкан демон.

— Это невероятно! — Валентайн гневно сплюнул.— Все эти недели возить с собой шпиона, доверять ему все наши планы по борьбе с болезнями и эпидемиями в сельских провинциях. Нет! Нет! Что они сделали с ним?

— Они привели бы его нынешней ночью к вам для допроса,— сказал Тунигорн,— но потом разыгралась буря, и Делиамбер подумал, что самым мудрым будет переждать ее в лагере.

— Милорд! — крикнул Слит с берега.— Мы готовы к переходу!

— Есть еще новость,— добавил Тунигорн.

— Пойдем, расскажешь, когда станем переправляться.

Они поспешили к плавунам.

Ветер теперь дул безжалостно, и деревья склонялись почти до земли под его напором. Карабелла, находившаяся рядом с Валентайном, споткнулась и, наверное, растянулась бы, не подхвати он ее. Валентайн обнял девушку одной рукой — она была такой хрупкой, изящной, что, казалось, любой порыв ветра мог унести ее.

— Вести о большом хаосе дошли до Пилиплока как раз тогда, когда я собирался отъезжать,— сказал Тунигорн.— В Хинторе человек по имени

Симпетурн — проповедник округа — объявил себя Коронованным, и народ бурно приветствовал его.

— А! — вырвалось у Валентайна, будто его ударили в живот.

— Это не все,— продолжал Тунигорн.— Еще один Коронованный объявился в Дулорне — говорят, гайрог по имени Ристимаар. И нам стало известно еще об одном в Ни-мое, хотя его имя не дошло до меня. Сообщается также, что по меньшей мере один лже-Понтифик появился в Велатисе, а, возможно, и в Караболе. Более точно мы не знаем, милорд, поскольку каналы связи стали доставлять массу хлопот.

— Я так и думал,— сказал Валентайн ледяным тоном.— Бог, по всей видимости, повернулся к нам спиной. Государство рушится. Само небо раскалывается и падает на нас.

— В плавун, милорд! — заорал Слит.

— Слишком поздно,— пробормотал Валентайн,— теперь нам не будет прощения!

Когда они вскарабкались в аппараты, буря уже неистовствовала над ними. Сначала наступило мгновение странного затишья, будто сама атмосфера покинула это место в ужасе от обрушившегося ветра, забрав с собой всю способность

передачи звуков, но в следующее мгновение донеслось что-то похожее на гром, только прозвучавшее глухо и без резонанса. И следом ворвалась буря, свистящая и рычащая, наполняющая воздух мраком песчаного смерча.

Валентайн был уже в плавуне, рядом, прижавшись к нему,— Карабелла и за ней Элидат. Аппарат неуклюже развернулся и, громыхая, как огромный аморфибот, нехотя поднялся с дюны, где он дремал, проехал к реке и двинулся над водой.

Наступила темнота, и в ней возникла фантастическая мерцающая сердцевина пурпурно-зеленого света, который, казалось, был зажжен трением потоков воздуха. Река стала совершенно черной, и ее поверхность встревоженно рябила и вспухала, когда неожиданные катастрофические перепады давления то вздымали, то вдавливали ее. Песок обрушивался вниз неистовыми циклоническими брызгами, забивая воронки кипящей воды. Карабелла задыхалась от удушья. Валентайн сопротивлялся подавляющей его головной боли. Плавун дергался и возносился вверх, неуправляемый; нос поднимался и шлепался о воду и снова поднимался и снова шлепался — фвак, фвак, фвак! Каскады ниспада-

ющего песка вырисовывали узоры таинственной привлекательности за окнами, но вскоре стало практически невозможно разглядеть что-нибудь в них, хотя у Валентайна было смутное ощущение, что плавун слева от них стоял на корме неподвижно, балансируя в невозможном положении одно застывшее мгновение, прежде чем погрузиться в воду.

Потом все исчезло, стало невидимым, и единственные звуки, которые можно было услышать, были рев ветра и нескончаемый барабанный стук песка о корпус плавуна.

Странное усыпляющее головокружение начало овладевать Валентайном. Ему казалось, что плавун кружится ритмично вокруг своей горизонтальной оси, судорожно дергаясь из стороны в сторону все время усиливающимися толчками.

Очень может быть, подумалось ему, наземные роторы теряли то незначительное преимущество, какое имели они, на неистово раскачивающейся поверхности реки, пройдет несколько секунд — и мотор заглохнет.

— Эта река проклята! — сказала Карабелла.

Да, так это казалось. Река была под каким-то темным заклятием. Или же, подумалось Валентайну, Стейч сама была злым духом, который

добивался его роковой гибели. И теперь они все утонут. Река, у которой Валентайн уже был однажды, но которая каким-то образом позволила ему пробиться к спасению, все это время ждала своего второго шанса. И вот шанс представился…

Впрочем, теперь это уже не имело значения. В Заключительном анализе действительно все равно. Жизнь, смерть, мир, война, радость, печаль — все было одно и то же, все оказывалось словами, не имеющими смысла, всего лишь звуками, пустой шелухой.

Валентайн ни о чем не жалел. Его попросили служить, и он служил. Конечно, он сделал все, что мог. Он не увиливал ни от одного порученного дела, не предал ничьего доверия, не отрекался от клятвы. Теперь он вернется к Истоку, поскольку ветер сделал реку необузданно яростной, она проглотит всех и да пусть будет так — это не имело значения. Не имело значения!

— Валентайн!

Лицо в нескольких дюймах от его лица. Глаза глядят в его глаза. Голос, выкрикивающий имя, которое, ему казалось, он знал, и выкрикивает его снова и снова:

— Валентайн! Валентайн!

Рука, сжимающая его руку. Трясет его, толкает

его. Чье лицо? Чьи глаза? Чей голос? Чья рука?

— Кажется он в трансе, Элидат.

Другой голос. Нежнее, мягче — совсем рядом с ним. Карабелла? Да, Карабелла? Кто такая Карабелла?..

Здесь мало воздуха. Люки забиты песком. Мы задохнемся, если не утонем!

— Можем мы выйти?

— Через аварийный люк. Но нам нужно вытащить его из этого состояния. Валентайн! Валентайн!

— Кто это?

— Элидат. Что с тобой?

— Ничего. Совсем ничего.

Кажется, ты наполовину спишь. Дай мне вытащить этот ремень безопасности. Вставай, Валентайн! Вставай! Плавун затонет через пять минут.

— О!

— Валентайн, пожалуйста, послушай его! — Это был другой голос, нежный голос Карабеллы.— Мы продолжаем вращаться. Мы должны выбраться отсюда и плыть к берегу. Это наша единственная надежда. Один из плавунов уже пошел ко дну, и не видно других…

— …О, Валентайн, пожалуйста, встань! Вздохни

глубоко.

Вот так! Еще, еще! Эй, дай мне руку… держи его за другую, Элидат, мы отведем его к люку… так… так… только двигайся, Валентайн!

Да, только двигаться! Валентайн почувствовал слабую струю воздуха на своем лице. Он слышал, как сыплется сверху песок. Да! Да! Взобраться сюда, обогнуть это, поставить ногу сюда… шаг… шаг… взяться за это… подтянуться… подтянуться…

Он взобрался вверх, как автомат, все еще смутно осознавая, что вокруг происходит, пока не достиг верхней ступени аварийной лестницы и высунул голову в спасательный люк.

Внезапный порыв свежего воздуха — жаркого, сухого, полного песка — грубо ударил его по лицу. Он открыл рот, вдохнул песок, подавился, сплюнул. Но он, наконец, очнулся. Держась за кромку люка, он всматривался в разорванную бурей ночь. Тьма была кромешной. Фантастическое мерцание сильно уменьшилось в размерах; струи песка все еще неумолимо носились в воздухе — один завывающий вихрь за другим, бьющий в глаза, ноздри, губы.

Было почти невозможно что-либо увидеть. Они были где-то на середине реки, но ни восточного,

ни западного берега не просматривалось. Плавун, сильно наклоненный на один конец, стоял в неловком и опасном положении, выглядывая на половину своей длины из свирепого хаоса реки. Других плавунов не было видно. Валентайну показалось, что он заметил головы, покачивающиеся на воде, но так ли это — точно сказать не мог; песок не позволял ничего рассмотреть.

— Спускайся сюда, прыгай, Валентайн! — услышал он голос Элидата.

— Подожди! — откликнулся Валентайн и оглянулся. Карабелла стояла внизу на лестнице: бледная, испуганная, почти окоченевшая. Он потянулся к ней, и она улыбнулась, когда увидела, что Валентайн пришел в себя.

Он подтянул ее вверх. Она поднялась одним легким прыжком и балансировала теперь рядом с ним на краю люка, проворная, как акробатка, не менее элегантная и сильная, чем в те дни, когда занималась жонглированием.

Песок, забивающий воздух, был невыносим. Они взялись за руки и прыгнули. Удар о воду получился таким же, как о твердую поверхность. На мгновение Валентайн прижался к Карабелле, но, когда они коснулись воды, ее оторвало от него. Валентайн почувствовал, как погружается в воду

пока его всего не засосало, потом он оттолкнулся и выбрался наверх. Он звал Карабеллу, Элидата, Слита, но не видел никого, и даже здесь, внизу нельзя было укрыться от песка, который падал, словно какой-то отягощенный дождь. И забивал реку дьявольской мутью.

Можно было, наверное, и пешком до берега дойти, подумалось Валентайну.

Он разглядел огромный, силуэт плавуна, слева от себя, медленно скользящий в воду: в нем все еще было достаточно воздуха, чтобы придать ему какую-то плавучесть, и странная кашеобразная консистенция покрытой песком реки обеспечивала некоторую сопротивляемость его погруженью, тем не менее плавун неудержимо тонул, и Валентайн знал, что когда аппарат полностью скроется в воде, то создаст поблизости опасный водоворот, поэтому поспешил отплыть подальше, оглядываясь по пути, ища глазами своих спутников.

Плавун исчез. Большая волна поднялась и обрушилась на Валентайна. Он скрылся под ней, быстро вынырнул, и тут вторая волна догнала его, и подводный вихрь засосал ноги. Валентайн чувствовал, как его понесло подводным течением.

Его легкие казались охваченными огнем: пол-

ные песка или полные воды? Апатия, накатившая на борту злосчастного плавуна, теперь совершенно ушла из него; он изо всей силы работал руками, боролся, извивался, делал все, чтобы всплыть. Он столкнулся с кем-то в темноте, ухватился за него, сорвался, снова ушел под воду. Приступ морской болезни подавил его, и он уже считал, что никогда не выберется наверх, но тут почувствовал, как сильные руки подхватили и потащили его. Он не сопротивлялся, поскольку понял, что борьба с рекой отняла все силы.

Валентайну дышать стало легче и легче перемещаться. Спаситель отпустил его и исчезнул в ночи. Валентайн видел теперь, что он совсем рядом с одним из речных берегов. Ошеломленный, усталый, он поплыл вперед, пока не почувствовал, как его раскисшие от воды сапоги коснулись дна. Медленно, будто пробирался по реке с сиропом, он потащился по отмели, вылез на илистый берег и упал лицом вниз. Ему хотелось закопаться в сырую землю и спрятаться, пока не пройдет буря.

Через некоторое время, когда дыхание восстановилось, Валентайн сел и осмотрелся. Воздух все еще был насыщен песком, но не настолько сильно, чтобы требовалось прикрывать лицо, и

ветер определенно начинал стихать. В нескольких десятках ярдов от него, ниже по течению, лежал один из плавунов, прибившийся к берегу, двух других видно не было. Три или четыре фигуры виднелись поблизости: живые или мертвые — трудно сказать. Голоса, слабые и смутные, прозвучали в отдалении. Валентайн был не в состоянии определить, находится ли он на Пиурифаинском берету реки, или в Джихорне, хотя и подозревал, что это была все-таки Пиуриуфаина, поскольку, чудилось, стена непроницаемой листвы поднималась прямо позади него.

Валентайн поднялся на ноги.

— Ваша светлость! Ваша светлость!

— Слит? Ты здесь!

Невысокая фигура Слита возникла из темноты. Рядом — Карабелла, а немного позади — Тунигорн. Валентайн торжественно обнял каждого из них. Карабелла безудержно дрожала от холода, хотя ночь была теплой и накапливала влагу, унесенную иссушающим ветром. Валентайн прижал ее к себе и попытался смести частички сырого песка, прилипшего к ее одежде.

— Милорд, два плавуна пропали и, мне кажется, вместе с большей частью пассажиров,— сказал Слит.

Валентайн мрачно кивнул.

— Боюсь, что так. Но, надеюсь, не все погибли!

— Да, кое-кто спасся. По дороге сюда я слышал их голоса. Некоторых разбросало вдоль обоих берегов. Но вы должны приготовиться, милорд, к потерям, Тунигорн и я видели несколько тел вдоль берега, и вполне вероятно, что другие, кого подхватило течением, утонули далеко отсюда. Когда наступит утро, мы будем знать больше.

— Действительно,— сказал Валентайн и на некоторое время замолчал.

Он сел на землю, скрестив ноги, больше похожий на портного, чем на короля, и погрузился в долгое раздумье, рассеянно проводя рукой по песку, который лежал слоем в несколько дюймов, словно это был какой-то необычный вид снега.

Тревожил Валентайна один вопрос, который он сейчас не смог задать, но через некоторое время он уже не смог бы держать его в себе. Он посмотрел на Слита и Тунигорна и с трудом, через силу спросил:

— Что известно об Элидате?

— Ничего, милорд — мягко сказал Слит.

— Ничего? Совсем ничего? Его не было видно или слышно?

— Он был рядом с нами в воде, Валентайн,

прежде, чем наш плавун пошел ко дну,— сказала Карабелла.

— Да, я помню это. Но потом?

— Ничего,— сказал Тунигорн.

Валентайн посмотрел на него вопрошающе.

— Было ли найдено его тело или вы скрываете от меня?

— Клянусь Леди, Валентайн, вы знаете столько же, сколько и я, о том, что случилось с Элидатом! — выпалил Тунигорн.

— Да, да... Я верю тебе. Меня очень пугает, что мы ничего не знаем о нем. Ты ведь понимаешь, как много Элидат значил для меня, Тунигорн.

— Вы думаете, что мне надо напомнить об этом?

— Прости меня, старина,— печально улыбнулся Валентайн. — Эта ночь несколько расстроила мой рассудок, мне кажется.

Карабелла положила свою руку, холодную и влажную, на его, а он другой накрыл сверху ее руки и тихо еще раз сказал:

— Прости, Тунигорн. И ты, Слит, и ты, Карабелла.

— Простить тебя, милорд? — удивилась Карабелла.— За что?

— Оставим это, любимая,— покачал Валентайн

головой.

— Ты обвиняешь себя в том, что случилось сегодня ночью?

— Я обвиняю себя во многом, — сказал Валентайн.— А то, что случилось сегодня ночью, лишь малая часть всего, хотя для меня и это огромная беда. Мир был отдан мне а управление, а я привел его к катастрофе.

— Нет, Валентайн! — воскликнула Карабелла.

— Милорд,— сказал Слит,— вы слишком строги к себе!

— Я строг? — засмеялся он.— Голод на половине территории Зимроеля, три или четыре Коронованных, провозглашающих сами себя, метаморфы, идущие собирать свои просроченные счета, а здесь мы сидим на краю Пиурифаины с песком в наших желудках, и половина наших людей утонула, и кто знает, какая страшная судьба постигнет другую половину… — Голос Валентайна задрожал. Усилием воли он овладел собой и сказал уже спокойнее: — Это была чудовищная ночь! Я очень устал и меня беспокоит, что Элидат не появился. Но я, конечно, не найду его с помощью одних только слов, не правда ли? Поэтому пойдемте, отдохнем чуть-чуть, а с рассветом возьмемся ремонтировать все, что еще

можно починить.

— Верно, Валентайн,— поддержала Карабелла.

Но уснуть не удавалось. Он, Карабелла, Слит и Тунигорн лежали рядом друг с другом на песке и не могли полностью отдаться сну в хаосе лесных звуков, на который накладывался равномерный гул реки.

Рассвет постепенно прополз над ними со стороны Джихорны, и в этом раннем сером свете Валентайн увидел, какие ужасающие разрушения наделала буря. На берегу реки со стороны Джихорны и на небольшом расстоянии в Пиурифаине все деревья остались без листьев, словно ветер дышал огнем, оставляя только жалкие обнаженные стволы. Земля покрылась песком; в одних местах слой его был тонок, в других песчаные наметы возвышались небольшими дюнами. Плавун, в котором находились Тунигорн и Элидат, все еще торчал стоймя на берегу, но его металлическое покрытие, обшкуренное песком, стало тусклым и матовым. Единственный плавун, оставшийся из каравана Валентайна, лежал на боку, словно мертвый морской дракон, выброшенный волнами.

Одна группа уцелевших — четверо или пятеро — сидела кучкой на противоположном берегу;

еще полдюжины, в основном скандары из личной охраны Коронованного, разбили лагерь прямо ниже по склону от Валентайна; некоторые, как можно было видеть, бродили в сотне ярдов, разыскивая, очевидно, погибших. Несколько трупов уже лежало рядом друг с другом возле перевернутого плавуна. Но среди них Валентайн не видел Элидата. Надежды, что его старый друг спасся, почти не оставалось. Однако, как ни странно, он не почувствовал душевного волнения — лишь холодное оцепенение в груди, когда вскоре один из скандаров принес тело Элидата в своих четырех руках так легко, будто держал ребенка.

— Где ты его нашел? — спросил Валентайн.

— Полмили вниз по течению, милорд.

— Опусти его и позаботься о могилах. Мы похороним всех наших погибших сегодня утром на этом небольшом холме, обращенном к реке.

— Да, милорд!

Валентайн посмотрел на мертвого Элидата. Его глаза были закрыты, а слегка раздвинутые губы казались вывернутыми кверху в улыбке, хотя также легко это могло быть гримасой ужаса.

— Он выглядел старым прошлой ночью,— повернулся Валентайн к Карабелле.

— Он вообще очень сильно состарился в по-

следний год,— сказал Тунигорн.

— Но теперь он снова кажется молодым. Морщины прошли на его лице, ему можно дать не более двадцати четырех. Тебе так не кажется? — спросил Валентайн.

— Я виню себя в его смерти, — сказал Тунигорн тусклым невыразительным голосом.

— Почему? — резко спросил Валентайн.

— Я вызвал его с Горы Замка. Давай, сказал я, спеши в Зимроель! Валентайн задумал что-то странное, хотя и не знаю, что именно, и ты один можешь отговорить его. И он приехал. А теперь… Если бы он остался в Замке!..

— Нет, Тунигорн, не нужно больше об этом!

Но Тунигорн продолжал, словно в бреду:

— Он стал бы Коронованным, когда бы вы ушли в Лабиринт, и жил бы долго и счастливо в Замке, и мудро правил, а теперь… вместо этого… вместо этого…

— Он не стал бы Коронованным, Тунигорн,— мягко остановил его Валентайн.— Он знал это и был согласен. Идем, старина. Ты делаешь его смерть еще тяжелее своими глупыми разговорами. Он уже у Истока. Я бы всем сердцем хотел, чтобы он жил еще семьдесят лет, но сейчас уже ничего не воротишь, сколько бы мы ни говорили

об этом. И нам, кто пережил эту ночь, предстоит много работы. Так что давайте начнем, Тунигорн.

— Что за работа, милорд?

— Во-первых, похороны. Я сам, своими руками выкопаю Элидату могилу, и пусть никто не смеет препятствовать мне. Когда все будет сделано, ты, Тунигорн, переберешься, как сможешь, через реку и в том маленьком плавуне поедешь на восток, в Джихорну, посмотришь, что стало с Делиамбером, Тизаной, Лизамоной и всеми остальными. Если они живы, привезешь их сюда и приведешь их ко мне.

— А вы, Валентайн? — спросил Тунигорн.

— Если мы отладим этот плавун, я продолжу свой путь глубже в Пиурифаину. Я все еще не оставил надежду увидеть Данипиуру и сказать ей кое-какие вещи, которые давно должны быть сказаны. Ты найдешь меня в Илиривойне — это мой первый пункт.

— Милорд!..

— Я прошу тебя: не говори больше ничего! И вы все идите! Мы будем погребать погибших и проливать слезы, а потом мы должны закончить свое путешествие. Валентайн задумчиво посмотрел на Элидата.

— До сих пор не верится, что он умер. Но, к несчастью, придется в это поверить. И тогда еще один грех в моей душе будет взывать о прощении.

В середине дня перед очередным заседанием Совета Хиссун прогуливался по близлежащим окрестностям Замка, исследуя его кажущуюся беспредельную запутанность. Он жил на вершине Горы уже достаточно долго, так что это место больше не пугало его; он начинал чувствовать себя здесь, как дома.

Его жизнь в Лабиринте теперь казалась законченной главой прошлого — опечатанной и отложенной в укромный уголок его памяти. Но все же Хиссун понимал, что обитай он в Замке даже и пятьдесят лет, или десять раз по пятьдесят, все равно бы не узнал никогда его по-настоящему.

Никто бы не узнал. Никто,— подозревал Хиссун,— никогда и не знал. Говорили, что в нем сорок тысяч комнат. Так ли это? Делал ли кто-нибудь точный подсчет? Все Коронованные, начиная с лорда Стиамота, жили здесь и пытались оставить свой след в Замке, и существовала легенда о том, что каждый год в нем добавлялось пять комнат. А уже прошло восемь тысяч лет с

тех пор, как лорд Стиамот впервые поселился на Горе. Так что вполне могло здесь набраться сорок тысяч комнат… или пятьдесят, или девяносто тысяч… Кто мог сказать? И года не хватит, чтобы сосчитать их все. Тем более, что по окончании года добавится в каком-нибудь его конце еще несколько комнат, и снова придется разыскивать их, чтобы пополнить список. Нет, это немыслимо!

Для Хиссуна Замок был самым чудным местом в мире. Первое время, попав сюда, он сосредоточился на изучении внутренней зоны, где располагались кабинеты главных придворных и короля, а также самые известные здания: Крепость Стиамота, Архив лорда Престимиона, Смотровая башня лорда Ариока, Часовня лорда Кинникена и большие церемониальные палаты, окружавшие чудесный зал, центром которого был Конфалюмский Трон Коронованного. Как новичок-турист из дальних лесов Зимроеля, Хиссун снова и снова проходил по этим местам, включая и многое такое, куда никакой турист не был бы допущен, пока не узнал каждый их уголок так же хорошо, как любой из гидов, потративший десятилетия, водя по ним посетителей.

Центр Замка был закончен, вероятно, полно-

стью, во всяком случае, никто не мог больше достроить здесь что-либо значительное без того, чтобы помешать уже созданному предыдущими Коронованными.

Трофейный зал лорда Молибора стал последним зданием, построенным во внутренней зоне (насколько мог судить Хиссун).

Лорд Вориакс за короткий период своего правления соорудил лишь несколько игровых кортов далеко на восточном фланге Замка, а лорд Валентайн не добавил ни одной комнаты вообще, хотя время от времени и говорил о намерении разбить большой ботанический сад с самыми удивительными и причудливыми растениями, какие только встречал он во время своего бродяжничества по Маджипуре. "Вот немного освобожусь от бремени королевских обязанностей,— говорил он,— и тогда можно будет серьезно подумать об этом проекте". "Судя по сведениям об опустошении, идущем из Зимроеля, лорду Валентайну нужно будет ждать слишком долго, чтобы взяться, наконец, за осуществление своей идеи,— подумал Хиссун,— потому что болезни на материке уничтожили, как сегодня уже совершенно очевидно, не только сельскохозяйственные культуры, но и многие редкие

дикорастущие растения".

Когда Хиссун, к собственному удовлетворению, освоил внутреннюю зону, он начал расширять свои исследования до труднодоступных и прямотаки бесконечных окрестностей.

Он посетил подземные пещеры, где размещались погодные механизмы, спроектированные в древние времена, когда в Маджипуре наука была куда более развита, с помощью которых вечная весна поддерживалась на Горе Замка, хотя Вершина Горы и возвышалась на тридцать миль над уровнем моря, проникая в холодную темноту космоса. Он ходил по огромной библиотеке, которая вилась от одной стороны Замка до другой огромными змеиными кольцами, и, как говорили, в ней хранились все книги, когда-либо изданные в цивилизованной вселенной. Он бродил по конюшням, где королевские лошади — восхитительные, резвые животные, очень мало напоминающие своих собратьев работяг-кузнецов, несущих тяжелую долю в каждом городе и селе Маджипуры,— гарцевали и били копытами, дожидаясь очередной прогулки на свежем воздухе. Он обнаружил туннели лорда Сангамора — серию соединенных комнат, вытянувшихся, как цепь сосисок, вокруг выступающего шпиля

на западном склоне Горы. Их стены и крыша мерцали внушающим суеверный страх свечением: одна комната — цветом полночной синевы, другая — сочным алым цветом, третья — нежным аквамарином, четвертая — ослепительным рыжевато-желтым, пятая — мрачным пульсирующим красновато-коричневым оттенком, и так далее, и так далее… Никто не знал, зачем были построены туннели и что являлось источником света, который плыл в своей собственной гармонии со сверкающих каменных плит.

Куда бы ни шел Хиссун, его всюду пускали без всяких вопросов. Он был как-никак одним из трех Регентов Королевства, в определенном смысле заместителем Коронованного.

Однако аура власти начала создаваться вокруг него задолго до того, как Элидат назначил его в высший этот триумвират. Хиссун чувствовал, как на него смотрели повсюду. Он знал, что означали эти пристальные взгляды. Вон он, фаворит лорда Валентайна,— говорили они,— он пришел ниоткуда, и он уже принц; его возвышению не будет пределов, поэтому уважайте его, льстите ему, подчиняйтесь, бойтесь его!

Сначала он надеялся, что может оставаться самим собой посреди всеобщего пристального

внимания. Но это оказалось выше его сил. Он все еще тот же самый Хиссун, который обманывал туристов в Лабиринте и раздавал газеты в Архиве над которым язвили друзья за то, что он напускал на себя важный вид,— поначалу пытался внушить он себе. И это тоже было правдой. Но правдой оставалось и то, что он очень изменился благодаря опыту, который приобрел, просматривая жизни других мужчин и женщин в Регистрации Душ, и той подготовке, какую получил в Горном Замке во время регентства Элидата. Его походка стала иной. Исчез дерзкий, но осмотрительный мальчишка из Лабиринта, постоянно смотрящий сразу в шести направлениях, дабы использовать в своих интересах какого-нибудь смятенного странника. Не осталось больше скромного, держащегося за свое место клерка. Не было больше чувствующего себя постоянно виноватым новичка, засунутого в сумятице в среду Властителей государства и осторожно продвигающегося между ними. Теперь это твердо шагающий по замку с высоко поднятой головой, уверенный, спокойный, осознающий свою силу и цель, свое предназначение юный лордик.

Хиссун надеялся, что не стал высокомерным, властолюбивым или сильно важничающим.

Происшедшие с ним перемены он принимал спокойно и без ложной скромности: кем он стал, тем и будет!

Сегодняшний маршрут привел его в ту часть Замка, которую он редко посещал: северное крыло, спускавшееся вниз длинным закругленным уступом от вершины Горы, указывающим в направлении далеких городов Хиуна и Госсифа. Жилые кварталы охраны находились здесь, а также здания, имеющие форму пчелиных сот, построенные во время правления лорда Дизимиуля и лорда Ариока для забытых уже теперь целей. И еще — скопление низких, потрепанных, обваливающихся строений без крыш, предназначение которых вообще никто не понимал.

Во время своего последнего посещения этой зоны несколько месяцев назад Хиссун видел, что там копалась бригада археологов. Два гайрога и урунша наблюдали за группой рабочих-скандаров, очищавших черепки от песка, и урунша сказала ему тогда, что, по ее мнению, эти строения — останки старинного форта времен лорда Дамланга, преемника Стиамота.

Хиссун пришел сегодня посмотреть, работают ли еще здесь археологи и расспросить, что им удалось узнать, но вокруг никого не оказалось,

и раскопки были явно заброшены. Он постоял немного на верху разрушенной древней стены, глядя в сторону невозможно далекого горизонта, наполовину скрытого огромным плечом Горы.

Какие города лежали ниже в этом направлении? Госсиер — в пятнадцати или двадцати милях, и ниже его — Тентаг, а потом — то ли Минимум, то ли Грил. А затем, конечно,— Сти с тридцатью миллионами жителей, сравнимый по величине с Ни-моей. Он никогда не видел ни одного из городов и, возможно, никогда не увидит. Валентайн сам часто говорил, что он провел всю свою жизнь на Горе Замка и ни разу не нашлось случая, чтобы посетить Сти. Мир был слишком велик для любого из них, чтобы исследовать его надлежащим образом в течение одной жизни, слишком огромным, чтобы постичь его.

И тридцать миллионов населения Сти, и тридцать миллионов Ни-мои, и одиннадцать миллионов Пидруида, и еще миллионы Алазора, Треймона, Пилиплока, Мазадоны, Велатиса, Нарабала — как поживают они в данный момент среди голода, паники, криков новых пророков и самозванных королей и императоров? — подумалось Хиссуну. Ситуация создавалась критическая — он понимал это. Зимроель впал в такой хаос,

что было невозможно узнать, что происходит там, хотя, конечно, ничего хорошего и не происходило. А совсем недавно пришли сообщения о долгоносиках, поражении ржавчиной, о пыльце и еще Бог его знает о чем, что начало свой зловещий путь по сельскохозяйственному поясу западного Альханроеля, так что совсем скоро, наверное, такое же безумие охватит и старший материк. Уже распространились недобрые слухи об открыто проводимых поклонениях морским драконам в Треймоне, Стойене и загадочные новые приказы о Рыцарях Деккерета, Товариществе Горы, возникших внезапно в Амблеморне, Норморке и на самой Горе Замка. Зловещие, мучительные знаки надвигающегося переворота…

Были такие, кто считал, что Маджипура имела врожденный иммунитет к всеобщей неизбежности изменений только потому, что ее общественная система фактически не испытывала значительной эволюции с тех пор, как она приняла настоящую форму тысячи лет назад. Не Хиссун достаточно изучал историю и Маджипуры, и ее матери Земли, чтобы понимать, что даже такое спокойное и стабильное население, как в Маджипуре, убаюканное благоприятностью климата и сельскохозяйственным плодородием, способным

содержать практически неограниченное число людей, скатится с удивительной быстротой в анархию и распадется, если неожиданно выбить эти уютные подпорки. Эта уже началось, и будет еще хуже.

Отчего возникли эти беды, Хиссун не знал. Что было предпринято, чтобы справиться с ними? Явно не достаточно! Можно ли было что-нибудь сделать сверх того? Для чего же тогда существуют правители, если не для того, чтобы поддерживать благосостояние своего народа? И вот он тоже им был (по крайней мере, на время) в великой изоляции Горы Замка, недостижимо возвышающейся над рассыпающейся цивилизацией: плохо информированный, отдаленный от людей, беспомощный. Но, конечно, главная ответственность по ликвидации кризиса лежала не на нем. А что же тогда помазанные правители Маджипуры?

Хиссун всегда представлял себе Понтифика, закопавшегося на дно Лабиринта, слепым кротом, не способным понять, что происходит в мире. Хотя, в общем-то, Понтифику и не нужно было тесно соприкасаться с происходящими в стране событиями, ибо, как утверждала теория, для этого был Коронованный. Но теперь

Хиссун видел, что и сам Коронованный отре-

зан от реальности, и здесь, вверху, в туманном пространстве Горы Замка, он точно так же как и Понтифик в своей темнице, тщательно изолирован. Правда, Коронованный время от времени предпринимал великий крестный ход и снова хоть как-то на время соприкасался с жизнью своих подданных.

Но какая польза была от того, что делал сейчас лорд Валентайн? И какой толк лечить рану, которая все углублялась в сердце мира? Так или иначе, где в данный момент находился Валентайн? Какие действия он предпринимал? Кто в руководстве слышал от него хотя бы слово в течение месяцев?

Уже приближалось время дневного заседания Совета Регентства. Хиссун повернул обратно и быстрым шагом направился во внутренние покои Замка.

Начав подниматься по Девяноста Девяти Ступеням, он заметил Альзимира, которого недавно назначил первым своим помощником. Альзимир что-то кричал сверху и неистово размахивал руками. Прыгая через две и три ступеньки, Хиссун стремительно помчатся вверх, в то время как Альзимир с такой же скоростью ринулся вниз.

— Мы искали вас повсюду! — задыхаясь, вы-

палил Альзимир, не добежав шагов десять. Он казался страшно возбужденным.

— Что же случилось? — торопливо спросил Хиссун.

Сделав паузу, чтобы восстановить дыхание, Альзимир сказал:

— Там большой переполох. Час назад от Тунигорна из Джихорны пришло длинное послание…

— Из Джихорны? — изумился Хиссун.— Какого черта они там делают?

— Этого я не могу вам сказать. Все, что я знаю,— именно оттуда отправлено его послание и…

— Хорошо, хорошо! — резко перебил Хиссун Альзимира, схватив его за руку.— Скажи, что в нем говорится?

— Вы думаете, я знаю? Разве они допустят такого, как я, в важные государственные дела?

— Стало быть, это государственная тайна?

— Дивис и Стазилен совещаются в Комнате Совета последние сорок пять минут и послали гонцов во все концы Замка, чтобы найти вас. Половина главных лордов Замка уже ушли на заседание, остальные тоже направляются туда.

"Должно быть, Валентайн мертв",— похолодев, подумал Хиссун.

— Пошли со мной! — приказал он Альзимиру и

неистово рванулся вверх по ступенькам.

Перед Комнатой Совета он застал сцену полного сумасшествия: тридцать или сорок второстепенных лордов и принцев с их помощниками толклись в смятении, и с каждой минутой их прибывало все больше. С появлением Хиссуна все непроизвольно отступили, освобождая ему путь, по которому он продвигался, как корабль, властно прорубающий себе дорогу в море, полном плавающих драконовых водорослей. Оставив Альзимира возле двери и приказав ему собрать всю информацию, которая могла поступить от других, Хиссун вошел в Комнату Совета.

Стазилен и Дивис сидели за главным столом, Дивис — с холодным лицом, непреклонный; Стазилен — мрачный, бледный, с нехарактерным для него потупленным взором, опушенными плечами и нервно скользящей по густой копне волос рукой. Их окружило большинство главных лордов: Мириган, Эльзандир, Манганот, Канталис, герцог Халансы, Нимиган из Дундилмира и еще пять или шесть других, включая одного, которого Хиссун видел до этого лишь раз — древнего и морщинистого принца Гизмаила, внука Понтифика Осиера, предшественника Тивераса в Лабиринте.

Все головы повернулись к Хиссуну, когда он

вошел, и какое-то мгновение он стоял, прикованный взглядами этих мужчин, самый молодой из которых был на десять-пятнадцать лет старше него, и все они провели свою жизнь во внутренних коридорах власти. Лорды смотрели в его сторону, словно Хиссун один знал ответ на вопрос, который они сейчас безусловно пытались разрешить.

— Милорды! — сказал Хиссун.

Дивис с угрюмым видом протянул ему через стол длинный лист бумаги.

— Читайте! — пробормотал он.— Если вы еще до сих пор в неведении.

— Я слышал только, что пришло письмо от Тунигорна.

— Тогда прочтите его!

Хиссун с досадой заметил дрожь в своей руке, когда потянулся за бумагой. Он сердито посмотрел на свои пальцы, как будто они восстали против него, и заставил их успокоиться.

Отрывистые, оборванные строки письма запрыгали у него перед глазами:

— …Валентайн отправился в Пиурифаину просить прощения у Данипиуры…

— …шпион метаморфов раскрыт в личном окружении Коронованного…

— …допрос шпиона обнаружил, что метаморфы сами создали и распространили эпидемии, разорившие крестьянские хозяйства…

— …сильная песчаная буря… Элидат погиб, а с ним и многие другие… Коронованный пропал в Пиурифаине…

— Элидат погиб…

— Коронованный пропал…

— Шпион в окружении Коронованного…

— Метаморфы сами создали эпидемии…

— Коронованный пропал…

— Элидат погиб…

— Коронованный пропал…

— Коронованный пропал…

— Коронованный пропал…

Хиссун, потрясенный, поднял глаза.

— Насколько верно, что письмо это подлинное?

— Сомнений быть не может,— сказал Стазилен.— Оно передано по секретным каналам связи. Все коды правильные. Стиль письма определенно Тунигорна, в чем я лично уверен. Так что — письмо абсолютно подлинно.

— Тогда мы имеем дело не с одной бедой, а с несколькими, — сказал Хиссун.

— Должно быть, так,— согласился Дивис и спро-

сил: — Что вы думаете по этому поводу, Хиссун?

Хиссун медленно и осторожно взглянул на лорда Дивиса. Вопрос прозвучал очень серьезно. Хиссуну показалось, что чувство ревности и презрения Дивиса к нему ослабло за эти месяцы совместной работы в Совете Регентства, что Дивис, наконец, начал как-то уважать его способности. Но все же Дивис впервые зашел так далеко, действительно обнаруживая, что выглядело вполне искренне, желание узнать точку зрения Хиссуна, причем даже раньше других главных лордов.

Тщательно подбирая слова, Хиссун заговорил:

— Первое, что надо признать: мы имеем дело не только с огромным природным бедствием, но и противостоящим нам мятежом. Тунигорн сообщает: Ю-Уулизаан признался на допросе Делиамберу и Тизане, что ответственность за эпидемии лежит на метаморфах. Мне кажется, мы можем положиться на Делиамбера и его помощника, поскольку всем известно, что Тизана может заглянуть в любую душу, даже если это душа метаморфа. Так что положение именно такое, каким обрисовал его Коронованному Слит, когда они были в Лабиринте в начале великого крестного хода… Ка к я слышал, Коронованный

отказался верить, что формодеи готовятся воевать с нами.

— Однако,— заметил Дивис,— Тунигорн сообщает также, будто Коронованный ответил тем, что потащился в Пиурифаину передать свои королевские извинения Данипиуре за нашу нелюбезность в отношении ее подданных во все времена. Мы все очень хорошо осознаем, что Валентайн считает себя миротворцем: его мягкое обращение с теми, кто сбросил его, вполне это подтверждает. Это, конечно, благородная черта его характера. Но я доказывал здесь сегодня, Хиссун, что нынешние поступки Валентайна переходят в откровенное сумасшествие. Я говорю, что Коронованный, если он вообще еще жив,— сумасшедший! Итак, мы имеем помешанного Понтифика и сумасшедшего Коронованного. И это в то время, когда враг наступает нам на горло. Как вы к этому относитесь, Хиссун?

— Что вы неверно истолковываете факты, представленные Тунигорном.

Вспышка удивления и чего-то похожего на гнев мелькнула в глазах Дивиса, но его голос прозвучал неестественно спокойно:

— О, вы так думаете?

— Тунигорн сообщает,— Хиссун постучал паль-

цем по листу бумаги,— что Коронованный уехал в Пиурифаину и что был пойман шпион, которого заставили во всем признаться. Но нигде я не могу найти, чтобы он сказал, что лорд Валентайн уехал в Пиурифаину после того, как услышал о признании шпиона. Думается, наоборот, можно утверждать, что лорд Валентайн принял решение о миссии примирения, мудрость которого мы можем оспаривать, но которое вполне в его характере, каким мы его знаем, и в то время, когда он уже был в пути, появилась на свет эта информация. Вероятно, из-за бури связь с Коронованным оказалась невозможной для Тунигорна, хотя, наверное, Делиамбер мог бы найти какой-нибудь способ.— Посмотрев в сторону огромного сферического макета Маджипуры у дальней стены, Хиссун спросил: — И все-таки, что нам известно о настоящем местоположении Коронованного?

— Ничего,— пробормотал Стазилен.

Глаза Хиссуна расширились.

Блестящего красного света, который указывал передвижение лорда Валентайна, не было!

— Света не видно,— сказал Хиссун.— Что бы это значило? Он мертв?

— Может означать и это,— подтвердил Стазилен.— Или всего лишь то, что он потерял или

сломал передатчик, регистрирующий его местонахождение.

Хиссун кивнул.

— Прошла сильная буря, вызвавшая многочисленные разрушения и повреждения. Хотя из послания и неясно, но я легко могу поверить, что лорд Валентайн тоже был захвачен бурей по пути в Пиурифаину, куда он предположительно направлялся из Джихорны, оставив позади Тунигорна и некоторых других подданных…

— Погиб или потерял передатчик — сейчас мы все равно не сможем узнать точно,— сказал Дивис.

— Будем надеяться, что Бог сохранил жизнь молодого Валентайна! — внезапно заговорил старый принц Гизмаил голосом таким сухим и увядшим, что вряд ли его можно было принять за голос живого существа.— Но есть проблема, которую мы должны обсудить, будь Валентайн живой или мертвый,— это избрание нового Коронованного.

Хиссун почувствовал охватившее его при этих словах изумление. Он обвел глазами комнату.

— Не ослышался ли я? Мы обсуждаем сегодня вопрос о свержении короля?

— Сказано слишком сильно,— ровно отве-

тил Дивис.— Мы сейчас всего лишь обсуждаем, уместно ли Валентайну исполнять обязанности Коронованного ввиду того, что нам теперь известно о враждебных намерениях формодеев и того, о чем мы давно знаем: я имею в виду поведение Валентайна в различного рода неприятных ситуациях. Если мы в состоянии войны, в чем никто, я думаю, здесь больше не сомневается, то резонно утверждать, что Валентайн — не тот человек, который может руководить нами в это трудное время. Но заменить его — не значит еще свергнуть! Существуют законные конституционные средства смещения Валентайна с Конфалюмского трона, которые не дадут вовлечь Маджипуру в конфликт, но в то же время позволят сохранить подобающее уважение к нему.

— А заодно позволят Понтифику Тиверасу умереть…

— Верно! Что вы скажете на это, Хиссун?

Хиссун ответил не сразу. Как Дивис, Гизмаил и, возможно, большинство других здесь сидящих, он нелегко и неохотно приходил к выводу, что лорд Валентайн должен быть замещен кем-то более решительным, более воинственным и, быть может, даже агрессивным. Не сегодня родились в голове Хиссуна эти мысли, хотя он и

держал их при себе. И, конечно, был достаточно легкий способ передачи власти — просто возвышением Валентайна, хочет он того или нет, в Понтификат.

Но преданность Хиссуна лорду Валентайну — его наставнику и творцу его карьеры — была пока еще сильной и глубокой. И он понимал, возможно, лучше, чем кто-либо из этих мужчин, тот ужас, который испытывал Валентайн перед тем, как его заставят переехать в Лабиринт, в чем он видел не возвышение, а спуск в самые темные глубины. И навязать ему это за его спиной, пока он был в середине героической, хотя и ошибочной, попытки восстановить мир без обращения к оружию, было жестокостью, поистине самой чудовищной жестокостью.

И все же интересы государства требовали этого. Было ли вообще такое когда-нибудь, чтобы интересы государства могли санкционировать жестокость? Хиссун знал, что ответил бы лорд Валентайн. Но в собственном ответе он был не совсем уверен.

— Возможно, что Валентайн — не тот Коронованный, который необходим в наше смутное время,— помолчав, сказал Хиссун.— Но у меня два мнения на этот счет, и я хотел бы прежде, чем

дать свой ответ, узнать, что думают другие. Хотя сразу могу сказать мне не хотелось бы видеть, что лорда Валентайна насильно смещают. Случалось ли что-нибудь подобное в Маджипуре? Думаю — нет! Но, к счастью, нет и необходимости решать дело таким путем. К тому же, мне кажется, мы можем вопрос о соответствии Валентайна его посту обсудить в другой раз. А сейчас, независимо от всех других дел, мы должны рассмотреть очередность преемственности.

Внезапное возбуждение возникло в Комнате Совета. Глаза Дивиса искали глаза Хиссуна, как будто он пытался проникнуть в тайны его души. Герцог Халансы покраснел, принц из Банглекоды выпрямился на своем месте, герцог Чорга наклонился вперед, только два самых старых человека — Капталис и Гизмаил — оставались спокойными, словно сам вопрос избрания конкретного человека на пост Коронованного не касался тех, кто знал, что им осталось жить совсем немного.

— В этом обсуждении,— продолжал Хиссун,— предпочли игнорировать один важный аспект послания Тунигорна, а именно — что Элидат, который так долго считался наследником лорда Валентайна, мертв.

— Элидат не хотел быть Коронованным,— ска-

зал Стазилен голосом слишком слабым, чтобы его услышали.

— Может быть и так,— согласился Хиссун.— Он не подавал видимых знаков, что жаждет трона, вкусив однажды регентства. Но мое мнение такое: трагическая потеря Элидата устранила человека, которому наверняка была бы передана корона, не будь больше Валентайн Коронованным. Со смертью Элидата у нас нарушился ясный план преемственности. Завтра мы можем узнать, что лорд Валентайн мертв или что сам Тиверас умер, или что события требуют от нас устроить смещение Валентайна с его настоящей должности… Мы должны быть готовы к любому из этих возможных вариантов. И мы, кто станет избирать следующего Коронованного, знаем ли мы, кто им должен стать?

— Значит, прямо сейчас вы предлагаете проголосовать за порядок преемственности? — спросил Манганот из Банглекоды

— Это совершенно очевидно,— сказал Мириган.— Проблемы особой, мне кажется, нет. Коронованный назначил Регента, когда отправился совершать великий крестный ход, а Регент назначил еще трех с одобрения, полагаю, лорда Валентайна, когда он покинул Замок. Эти трое

управляли нами несколько месяцев. Если мы должны найти нового Коронованного, то выбирать следует скорее всего из этих трех.

— Вы пугаете меня, Мириган,— сказал Стазилен.— Когда-то я считал, что это большое дело быть Коронованным. И так, я полагаю, думало большинство из вас, когда вы были мальчишками. Я уже не мальчик и видел, как изменился Элидат, увы, не к лучшему, когда бремя власти легло на него. Я буду первым, кто преклонится перед Коронованным. Но пусть им станет кто-то другой, а не Стазилен!

— Коронованным,— сказал герцог Чорга,— не должен быть человек, слишком сильно жаждущий короны, однако, мне кажется, им не должен быть и тот, кто страшится ее.

— Благодарю вас, Элзандир! — сказал Стазилен.— Надеюсь, понятно, что я не являюсь кандидатом?

— Дивис? Хиссун? — сказал Мириган.

Хиссун почувствовал дерганье мускула на щеке и странное онемение в руках и плечах. Он посмотрел на Дивиса. Тот улыбнулся, пожал плечами и ничего не сказал. В ушах Хиссуна шумело, в ушах учащенно бился пульс. Должен ли он говорить? Что ему сказать? Теперь, когда

наконец к этому пришло, может ли он встать перед ними и блаженно заявить, что желает стать Коронованным? Он чувствовал, что Дивис занят каким-то маневрированием, недоступным его пониманию, и впервые с тех пор, как вошел в Комнату Совета, Хиссун не знал, в каком теперь дальше следовать направлении.

Молчание казалось нескончаемым. Вдруг Хиссун услышал свой собственный голос — спокойный, ровный, неторопливый:

— Я думаю, нам не стоит вести дело дальше этой точки. Появилось два кандидата, надо обсудить каждого из них. Не здесь. Не сейчас. Мы и так сегодня сделали достаточно. Вы согласны со мной, Дивис?

— Вы говорите разумно и с глубоким пониманием, Хиссун. Как всегда.

— Тогда я объявляю перерыв,— сказал Мириган.— До тех пор, пока не поступит новая информация о Коронованном.

Хиссун поднял руку.

— Но прежде еще одно дело.

Он подождал тишины. Сказал:

— С некоторых пор мне хочется поехать в Лабиринт, навестить мою семью, увидеть некоторых друзей. Мне кажется также, что одному из нас

было бы полезно переговорить с представителями Понтифика и получить из первых рук информацию о состоянии здоровья Тивераса, поскольку может оказаться что в ближайшие месяцы нам придется избрать сразу и Понтифика и Коронованного, и мы должны быть готовы к такой уникальной ситуации. Поэтому я предлагаю назначить официальное посольство Горы Замка в Лабиринте и предлагаю себя послом.

— Поддерживаю,— сразу сказал Дивис.

Поддержали и остальные.

Потом совещание распалось на водовороты небольших групп.

Хиссун стоял один, думая о том, когда же он проснется после всего этого. Через некоторое время он очнулся, увидев, что над ним склонился Стазилен, хмурясь и улыбаясь в одно и то же время.

— Возможно, это ошибка — оставлять Замок в такое время, Хиссун,— тихо сказал Стазилен.

— Возможно. Хотя мне мое решение кажется правильным. И я отважусь на это.

— Тогда объявите себя Коронованным, прежде чем поедете.

— Вы не шутите, Стазилен? Что если Валентайн еще жив?

— Если он жив, вы знаете, как устроить так, чтобы он стал Понтификом. Если он мертв, Хиссун, вы должны занять его место, пока можете.

— Я не сделаю этого!

— Вы должны! Иначе можете увидеть Дивиса на троне, когда вернетесь!

— Ну, с этим достаточно легко справиться,— ухмыльнулся Хиссун.— Если Валентайн мертв и Дивис заменит его, я пойму, что Тиверасу, наконец, можно позволить отдохнуть. Дивис немедленно становится Понтификом и должен ехать в Лабиринт, и потребуется еще один новый Коронованный при одном имеющемся кандидате.

— Клянусь Леди, вы изумляете!

— Я изумляю? Мне это кажется вполне очевидным ходом,— Хиссун крепко сжал его руку в своей.— Я благодарен вам за поддержку, Стазилен, и уверен, что все кончится хорошо. Если я должен быть Коронованным при Понтифике Дивисе, пусть будет так: мы можем работать вместе, мне кажется. Но пока давайте молиться за успех и благополучие лорда Валентайна и оставим эти предположения. Хорошо?

— Конечно,— сказал Стазилен.

Хиссун вышел из совещательной комнаты.

В коридоре все было в таком же смятении, как и раньше, хотя теперь собралось еще больше лордов, и взгляды, которые они обратили на него при его появлении, были странными. Но Хиссун никому ничего не сказал, и его глаза не встретились ни с чьими другими, пока он двигался сквозь толпу.

Он нашел Альзимира стоящим с краю толпы и смотрящим на него с отвисшей челюстью. Хиссун подозвал его кивком головы и сообщил о скорой поездке в Лабиринт.

Молодой рыцарь, глядя на Хиссуна с благоговением, сказал:

Я должен сообщить вам, милорд, что несколько минут назад по толпе пронесся слух, что вас назначают Коронованным. Правда ли это?

— Лорд Валентайн — наш Коронованный! — ответил Хиссун резко.— Иди и готовься к отъезду. Я намерен отправиться в Лабиринт на рассвете.

Миллилэйн услышала ритмичные крики на улице впереди, когда находилась еще за десять кварталов от своего дома. "Йа-та, йа-та йа-та, вум..." или что-то вроде этого — бессмысленные звуки, тарабарщина, снова и снова разбивающая тишину, как вопли тысяч сумасшедших.

Она остановилась и в страхе прижалась к

осыпающейся каменной стене, чувствуя себя пойманной в западню. За ней, на площади бесчинствовала банда участников марша, разбивая окна и приставая к прохожим. Немного восточнее Рыцари Деккерета проводили митинг, чествуя лорда Симпетурна, а теперь это новое сумасшествие.

Йа-та, йа-та, йа-та, вум!..

Некуда было свернуть. Некуда спрятаться. Все, что ей хотелось, это благополучно добраться до дома и запереть дверь.

Мир сошел с ума!

Йа-та, йа-та, йа-та, вум!..

Это было похоже на послание Короля Снов, только продолжалось час за часом, день за днем, месяц за месяцем. Даже самое худшее из посланий, хоть оно и может потрясти вас до глубины души, продолжалось лишь краткое время. Но это сумасшествие не кончалось никогда, а становилось все хуже и тягостней. Каждодневные мятежи и грабежи. Никакой еды, кроме хлебных корок или случайного куска мяса, который можно было иногда купить у участников марша. Они спускались со своих гор с убитыми животными и продавали мясо по разорительным ценам, а потом пропивали барыши и шарахались по улицам

с пьяной одержимостью, прежде чем отправиться по домам.

И постоянно возникали новые беды. Говорили, что морские драконы топили все корабли, которые входили в море, и торговля между материками практически прекратилась. Ходили слухи, что лорд Валентайн погиб, и теперь в Хинторе не один Коронованный, а два: Симпетурн и этот хьерт, называвший себя лордом Стиамотом. И каждый со своей маленькой армией, марширующей взад и вперед, выкрикивающей лозунги и создающей хаос и беспорядки. У Симпетурна — Рыцари Деккерета, у Стиамота — Орден Тройного Меча или что-то в этом роде. Кристоф теперь стал Рыцарем Деккерета. Миллилэйн не видела его уже две недели.

Еще один Коронованный в Ни-мое, и еще пара Понтификов скитается вокруг, А. теперь вот еще это…

Йа-та, йа-та, йа-та, вум!..

Что бы это ни было, ей не хотелось приближаться. Скорее всего там еще один новоявленный Коронованный с толпой истеричных приверженцев. Миллилэйн осторожно осмотрелась, подумав, не отважиться ли ей пройти вниз по Дизимауль и пробежать через заднюю алтею

на Маломольское шоссе в двух кварталах ниже дамбы Вориакса. Проблема заключалась в самой аллее. Миллилэйн слышала некоторые странные рассказы о том, что происходит там в последнее время.

Наступила ночь. Начался слабый дождь, больше похожий на густой туман. Миллилэйн почувствовала головокружение от голода, хотя в последнее время она уже начинала привыкать к этому. С юга, из окрестностей Хот Хинтора, донесся приглушенный рокот Конфалюмского гейзера, пунктуального, как всегда, отмечающего очередной час. Машинально Миллилэйн взглянула в его сторону и увидела огромную струю пара, поднимающуюся к небесам с широкой зеленовато-желтой завесой дыма, покрывающей и заполняющей, казалось, половину неба. Она наблюдала за гейзерами Хот Хинтора всю свою жизнь и принимала их как нечто само собой разумеющееся, но сегодня извержение каким-то образом напугало ее. И она снова и снова делала знамение Леди, пока гейзер не начал стихать.

Леди… Наблюдала ли она еще за Маджипурой? Что стало с ее добрыми посланиями, которые давали хорошие советы и теплые утешения? И, коли на то пошло, где Король Снов? Когда-то, в

более спокойные времена, эти две силы уравновешивали жизнь каждого, советуя, предостерегая, если необходимо, наказывая. Возможно, они еще правили,— предположила Миллилэйн, но ситуация настолько вышла из-под контроля, что ни Король Снов, ни Леди не могли совладать с ней, хотя и умели работать от зари и до зари, чтобы привести в порядок дела. Просто система была задумана так, что она прекрасно работала только в мире, где большинство людей с радостью подчинялось закону.

Но теперь вряд ли кто подчиняется закону. Закона не было…

Йа-та, йа-та, йа-та, вум!..

А с другой стороны неслось:

— Симпетурн! Лорд Симпетурн! Да здравствует, да здравствует, да здравствует лорд Симпетурн!!!

Дождь пошел сильнее. Двигайся! — уговаривала себя Миллилэйн. Участники марша на площади, и один Бог знает, какое сумасшествие ожидает впереди. А позади скачут Рыцари Деккерета, но везде и всюду беда. И даже если Кристоф был среди Рыцарей, она не хотела видеть его глаза, остекленевшие от преданности, руки, поднятые вверх в новой форме звездного приветствия. Она побежала, пересекая Молибор, до Дизимауль, по-

том вниз по Дизимауль, к той маленькой аллее, ведущей к Маламола… Она отважилась!

Йа-та, йа-та, йа-та, вум!..

Внезапно парадный строй на Дизимауль свернул в ее сторону! Идущие по девять или десять в ряд, словно бездумные роботы, резко вздымали вверх и опускали руки: левая, правая, левая, правая… И какая-то монотонность исходила от них в этом бесконечном, настойчивом и неразборчивом ритме. Они прошагали бы и по ней, не заметив ее. Она быстро свернула в аллею, и тут обнаружила орду мужчин и женщин с золотисто-зелеными нарукавными повязками, запрудивших дальний конец аллеи и орущих восхваления свежеиспеченному лорду Стиамоту.

В западне! Все сумасшедшие сегодня разом вышли на улицы! В отчаянии оглядевшись кругом Миллилэйн увидела полуоткрытую дверь на левой стороне улицы и быстро нырнула в нее. Она очутилась в темном коридоре. Слабое пение и острый запах ладана доносились из комнаты в самом дальнем его конце. Это напоминало храм или молельный дом. Наверное, какая-то религиозная секта. Но, по крайней мере, ее вряд ли обидят здесь, и есть возможность переждать, пока умалишенные на улице не схлынут в другую

часть города.

Миллилэйн прошла по коридору и заглянула в дальнюю комнату. Сумрак. Благовоние. Возвышение, по обе стороны которого угадывалось что-то похожее на двух маленьких засушенных драконов. Между ними стоял лимен — мрачный, молчаливый, три его глаза светились, как тлеющие угли. Миллилэйн показалось, что она узнала его — уличный торговец, который однажды продал ей шпажку колбаски за пять крон. Хотя, может, вовсе и не он. В конце концов трудно отличить одного лимена от другого.

Фигура в плаще с капюшоном, от которой исходил запах, как от гайрога, подошла к ней и зашептала:

— Вы как раз вовремя поспели, сестра, к единению. Добро пожаловать, и пусть мир водных королей будет с вами!

Водные короли?

Гайрог мягко взял ее за локоть и также мягко подтолкнул в комнату, так что она могла занять место среди склонившихся бормочущих прихожан. Никто не посмотрел на нее, вообще никто ни на кого не смотрел; все взоры были обращены к лимену между двух маленьких засушенных морских драконов. Миллилэйн тоже посмотрела

на него. Она не смела оглядеться вокруг, так как боялась увидеть рядом с собой кого-либо из своих друзей.

— Возьми… выпей… присоединяйся…— командовал лимен.

Они передавали кубок с вином из одного ряда в другой. Уголком глаза Миллилэйн видела, как каждый из прихожан, когда кубок доходил до него, подносил его к губам и делал продолжительный глоток так, что кубок нужно было постоянно доливать по мере того, как он продвигался по комнате.

— Мы пьем,— говорил лимен,— мы присоединяемся. Мы движемся вперед и обнимаем водяного короля.

Водяными королями лимены называли морских драконов, вспомнила Миллилэйн, и они поклонялись драконам. Что ж, подумалось ей, наверное, в этом что-то есть. Раз все другое состоялось, так отдайте мир морским драконам.

А кубок с вином, видела она, медленно перемещался уже через два ряда от нее.

— Мы ходили среди водяных королей и охотились на них и забирали их из моря,— говорил лимен.— Мы ели их мясо и пили их молоко. И это был их дар нам, их великая сознательная

жертва, наконец. Они — боги, и это правильно и совершенно по-божески отдавать свое мясо и молоко людям, воспитывать в них самих богов. А теперь наступает время водяных королей. Бери. Пей. Присоединяйся…

Кубок проходил уж по ряду, где стояла Миллилэйн.

— Они — великие этого мира,— говорил нараспев лимен. — Они хозяева. Они — монархи. Они — истинная сила, и мы принадлежим им. Мы и все другие, кто живет в Маджипуре. Бери. Пей. Присоединяйся…

Из кубка пила женщина слева от Миллилэйн. Свирепое нетерпение вдруг охватило Миллилэйн — она была так голодна и ей так хотелось пить, что она едва сдерживалась, чтобы не выхватить кубок из рук женщины, боясь, что ей ничего не останется. Но она, пересилив себя, ждала, и наконец кубок оказался в ее руках. Она заглянула внутрь: темное вино, мутное, блестящее. Оно показалось незнакомым. Нерешительно Миллилэйн отпила немного. Вино было сладким, ароматным и крепким, и сначала она подумала, что никогда еще такого не пробовала, но потом показалось в нем что-то знакомое. Она сделала еще глоток.

— Бери. Пей. Присоединяйся…

Да это же было вино, которое используют толкователи снов, когда они входят в единение с вашим разумом, чтобы истолковать сон, беспокоящий вас. Ну, конечно же, это было сон-вино! Хотя Миллилэйн бывала у толкователя снов всего пять или шесть раз и то много лет назад, она узнала его ни с чем не сравнимый вкус, Но как это могло случиться? Ведь лишь толкователям снов позволялось использовать, а тем более иметь его, поскольку это был сильнодействующий наркотик, который разрешалось использовать лишь под наблюдением толкователя. Но каким-то образом в тайной этой часовне оказались бочки с сон-вином, которое прихожане секты пили, словно пиво…

— Бери. Пей. Присоединяйся…

Миллилэйн поняла, что задерживает передачу кубка. Она повернулась к мужчине справа с глупой ухмылкой и с извиняющимся видом, но он твердо смотрел перед собой и не обращал на нее никакого внимания, поэтому, пожав плечами, она приложила кубок к губам и сделала продолжительный отчаянный глоток, потом еще один и передала кубок дальше.

И почти сразу же почувствовала эффект воздей-

ствия. Она качнулась, заморгала, ей трудно стало удерживать голову, клонящеюся вниз. Наверное, потому, что выпито на пустой желудок,— объяснила себе Миллилэйн, наклонясь вперед и вниз, и начала вместе с другими прихожанами повторять бессмысленное бормотание: "у, уа, ва, ма, у, уа, ва, ма..." — столь же нелепое, как и то, что выкрикивали на улицах, только более мягкое, нежное, мурлыкающее — "у, уа, ва, ма, у, уа, ва, ма..." И когда она напевала, ей казалось, что она слышит отдаленную музыку, потустороннюю, сверхъестественную, звук множества колоколов вдали, чей звон накладывался друг на друга в меняющихся ритмах, которым нельзя было долго следовать, так как одна мелодия быстро пропадала в той, что меняла ее, а та в следующей.

— У, уа, ва, ма, у, уа, ва, ма... — пела Миллилэйн, и к ней возвращалась песня колоколов, и потом у нее возникло ощущение присутствия чего-то огромного совсем рядом, возможно в этой же самой комнате, чего-то колоссально крылатого, древнего и чрезвычайно умного, чей ум был непостижим для ее ума — ума птички.

Это "что-то" вращалось, вращалось и вращалось по обширной неторопливой орбите и с каждым оборотом раскрывало свои гигантские крылья

и расстилало их, казалось, до самых дальних уголков мира. Невообразимое это крыло прошелестело у самого входа в разум Миллилэйн — всего лишь едва заметное щекотание, наилегчайшее касание, и все же она почувствовала, что вдруг изменилась, поднялась из самой себя, составила часть какого-то организма из многих разумов — непредставимого и божественного.

— Бери. Пей. Присоединяйся…

С каждым прикосновением этих крыльев она присоединялась все прочнее.

— У, уа, ва, ма, у, уа, ва, ма… — тянула Миллилэйн со всеми остальными.

Она потерялась. Не было больше Миллилэйн. Был только водяной король, голос которого был звоном колоколов, и разум, состоящий из множества разумов, частью которого стала бывшая Миллилэйн.

— У, уа, ва, ма…

Это испугало ее. Ее тащили ко дну моря. Ее легкие наполнялись водой, и боль была ужасной. Она сопротивлялась. Она не позволит огромным крыльям коснуться ее. Она отстранялась, отбивалась кулаками и проталкивалась вверх, к поверхности.

Миллилэйн открыла глаза. Очнулась, потря-

сенная и напуганная. Вокруг нее продолжалось монотонное "у, уа, ма, ва". Миллилэйн вздрогнула. Где она? Что наделала? Надо сейчас же выйти отсюда!

В панике она бросилась к выходу. Никто не остановил ее. Вино все еще затуманивало мозги. Она шаталась, спотыкалась, хваталась за стены. Миллилэйн выбралась из комнаты, проковыляла по длинному, темному, пропахшему благовониями коридору. Что она наделала?! Что она наделала?!

Скорее туда, в аллею, в темноту и дождь. Маршируют ли все еще Рыцари Деккерета и Ордена Тройного Меча? Ей было все равно. Будь, что будет. Миллилэйн побежала, сама не зная куда. Там, вдалеке, был слышен глухой рокочущий звук, который она приняла за голос Конфалюмского гейзера. Другие звуки бились в ее голове..

Йа-та, йа-та, йа-та, вум… У, у а, ва, ма…

Она чувствовала, как крылья тянутся к ней. Она бежала, споткнулась и упала, поднялась и продолжала бежать…

Чем дальше заходили они в провинцию формодеев, тем знакомее все вокруг начинало казаться Валентайну, но вместе с тем зарождалось и крепло убеждение, что он совершает какую-то

ужасную ошибку.

Он припомнил запах этого места: сложный, мускусный; сладкий, тяжелый аромат цветения и увядания — замысловатое смешение запахов, наполняющих ноздри до головокружения с каждым вздохом. Он припомнил плотный облегающий влажный воздух и ливни, проносившиеся чуть ли не ежечасно и стучавшие по лесной кроне высоко над головой и просачивающиеся вниз, с листочка на листочек, пока немногие капли не достигали почвы. Он припомнил фантастическое изобилие растительного мира, в котором все развивалось и раскручивалось прямо на глазах и подчинялось какому-то странному порядку, было подогнано все в четко определенной кладке: высокие деревья в виде башен, голые от ветвей на семь восьмых своей высоты, потом распускающиеся в огромные зонты листьев, стянутых вместе в густой шатер сплетением вьющихся стеблей и эпифитов, а под ним и уровень более низких, округлых, богатых, терпимых к тени деревьев, и ярус кустарника под ним, а потом темный, загадочный, почти что бесплодный лес, пустынное пространство сырой, бледной, тонкой почвы, которая весело хлюпала под ногами. Он припомнил внезапные проблески света: яркие, недобрые,

пронизывающие через непредсказуемые промежутки лиственный шатер, обеспечивая короткие мгновения ясности во мраке.

Но леса Пиурифаины простирались на тысячах квадратных миль сердцевины Зимроеля, и одна часть его скорее всего очень походила на другую. Где-то здесь находилась столица формодеев Илиривойн, но какие у него, Валентайна, основания думать, что он рядом с ней? Только потому, что запахи, звуки и структура этих джунглей похожи на запахи, звуки и структуру, которые он помнил?

В тот раз, когда он путешествовал с бродягами-жонглерами и у них было безумное намерение заработать несколько роалов, дав представление на празднике урожая метаморфов, с ними, по крайней мере, был Делиамбер, который с помощью нескольких урунских заклинаний мог разнюхать правильное направление на развилках, и доблестная Лизамона Халтин, столь же мудрая в знании джунглей. Но в нынешнем рискованном предприятии в Пиурифаину Валентайн был абсолютно самостоятелен.

Делиамбер и Лизамона, если они вообще оставались еще живы, в чем Валентайн не был уверен, поскольку все эти недели не имел с ними связи

даже во сне, находились где-то за сотни миль от него, на другом берегу Стейча. И от Тунигорна, которого отослал назад искать их, не имел никаких вестей.

Валентайн ехал теперь только с Карабеллой, Слитом и охраной из скандаров. Карабелла была храброй и выносливой, но как следопыт малоискусной, и скандары были сильными и отважными, однако не очень сообразительными, и Слит, при всей своей трезвости и проницательности, был скован в этих местах парализующей боязнью формодеев. Страх этот пришел к нему во сне, когда он был еще ребенком, и он на протяжении всей жизни никак не мог полностью от него избавиться.

Было безумием для Коронованного бродить по джунглям Пиурифаины с таким скудным окружением, но безумие, похоже, стало участью последних Коронованных, подумалось Валентайну, вспомнившему, что два его предшественника, Молибор и Вориакс, приняли раннюю и жестокую смерть по собственной глупости. Безрассудство королей становилось, видимо, традицией.

Валентайну казалось, что он и не приближается к Илиривойну, и не удаляется от него, что он как бы везде и нигде в этих джунглях, что, возможно,

целый город поднялся и двигался вперед прямо перед ним, поддерживая постоянный разрыв, который он никак не мог преодолеть. Поскольку столица формодеев, как он помнил ее с того первого раза, была скопищем легких плетеных строений и всего нескольких основательных, она показалась ему тогда неким перемещаемым призрачным городом, который может кочевать с места на место по прихоти своих жителей: город-кочевник, город-привидение, блуждающий огонек в джунглях.

— Смотри там,— сказала Карабелла.— Это след, Валентайн?

— Может быть,— откликнулся он.

— Но может быть и нет?

— Все может быть.

Они видели тысячи следов, похожих на этот: слабые царапины на земле, неразборчивые отпечатки какого-то прошлого присутствия, отпечатки, сделанные в минувшем месяце или даже во времена лорда Деккерета — тысячу лет назад. Случайная палка, закопанная в землю, с прикрепленным к ней пером, обрывок ленты, колея, словно что-то тащили здесь однажды, а иногда ничего осязаемого, просто некий мистический остаточный след прохождения разумных

существ. Но ни один из этих следов не привел отряд Валентайна куда-либо. Рано или поздно они исчезали, и только девственные джунгли лежали впереди.

— Мы разобьем лагерь, милорд? — спросил Слит.

Ни он, ни Карабелла не произнесли ни слова против этой экспедиции, хотя им она наверняка казалась безрассудной, понимали ли они, думал Валентайн, какой срочной и неотложной считает он необходимость довести до конца свою встречу с королевой формодеев? Или из страха перед гневом короля сохраняли они, обязательное молчание все недели этих безуспешных скитаний, тогда как про себя думали, что ему лучше было провести время в цивилизованных провинциях чтобы противостоять тому ужасному кризису, который там разразился? Или, что было хуже всего они лишь подсмеивались над ним, когда он пробирался этим безумным путем по густо заросшим болотистым местам. Он не решался спросить. Он думал только об одном, сколько еще придется продолжать поиски вопреки крепнущей убежденности, что никогда не найдет Илиривойн?

Когда они расположились на ночь, Валентайн надел серебряную диадему Леди и снова погру-

зился в состояние транса, передачи мыслей и послал энергию своих мыслей через джунгли, разыскивая Делиамбера и Тизану.

Он думал, что сможет легче достать их разум, так как эти двое были чувствительнее к чарам черной магии. Но, делая попытки ночь за ночью, он так ни разу и не почувствовал трепета контакта. Может быть, дело в расстоянии? Валентайн никогда не пытался передавать мысль слишком далеко. А может, метаморфы могли как-то преграждать или срывать его передачи? Или же его послания не доходили потому, что те, кому они предназначались, были мертвы? Или…

— Тизана… Тизана…

— Делиамбер…

— Это Валентайн зовет вас… Валентайн… Валентайн… Валентайн…

— Тизана…

— Делиамбер…

Ничего!

Он пытался достичь Тунигорна. Тот, конечно, был жив. Правда, его разум был более флегматичным и защищенным, тем не менее всегда оставалась надежда, что он откроется для одного из зондирований Валентайна.

Слал он сигналы и в мозг Лизамоны. И в мозг

Залзана Кавола. Пытался коснуться любого из них, почувствовать знакомый ответ знакомого мозга…

Он продолжал еще некоторое время, а потом печально убрал диадему и положил ее в шкатулку.

Карабелла вопросительно посмотрела на него. Валентайн покачал головой.

— Там очень тихо,— сказал он.

— Если не считать дождя.

— Да, если не считать дождя…

Дождь снова мягко застучал по высокому лиственному шатру. Валентайн мрачно смотрел в джунгли, но не увидел ничего: фара плавуна была включена и будет гореть всю ночь, но за золотистой сферой света стена черноты. Тысячи метаморфов, может быть, окружили лагерь — кто знает! Валентайн хотел, чтобы так и было. Все, что угодно, даже неожиданное нападение предпочтительнее этих глупых недель скитаний в неизвестной и непознаваемой дикости.

Сколько времени, спрашивал он себя, будет продолжаться это? И как вообще они станут выбираться отсюда, когда он в конце концов признает поиски абсурдными?..

Валентайн грустно слушал меняющийся ритм дождя, пока наконец не заснул. И почти сразу же

почувствовал натиск сновидения. По его насыщенности, по особой живости и теплоте понял, что это не обычное сновидение, а скорее послание Леди — первое с тех пор, как он покинул побережье Джихорны. И все же, когда он ждал какого-нибудь ощутимого признака присутствия его матери в энергии разума, он все больше недоумевал, поскольку она не объявлялась, и на самом деле импульсы, проникающие в его душу, казалось, исходили из совсем другого источника.

Король Снов? У него тоже, конечно, была сила входить в мозг издалека, но, даже и не в такое смутное время, как это Король Снов не пытался использовать свои средства на Коронованном.

Кто же тогда? Валентайн, осторожный даже во сне, тщательно осматривал границы своего сновидения, ища и не находя ответа.

Сон, казалось, был полностью лишен говорящей структуры; это было нечто, состоящее из бесформенных форм и беззвучных звуков и создающее ощущение события чисто абстрактными средствами. Но постепенно сон предоставил ему скопление движущихся образов и скользящих движений настроения, что стало метафорой для чего-то вполне конкретного: извивающиеся, переплетающиеся щупальца уруна.

— Делиамбер?

— Да, я здесь, милорд!

— Где?

— Здесь. Недалеко от вас. Двигаюсь к вам.

Все это было передано не в каком-то привычном разговоре, мысленном или каком-то ином, а полностью рисунком движущихся световых образов и состояния разума, рисунком, который нес недвусмысленное значение.

Через некоторое время сон покинул Валентайна, и он спокойно лежал, не спеша размышляя о том, что пришло сейчас к нему, и впервые за все недели блужданий у него появилось какое-то чувство надежды.

Утром, когда Слит готовился сворачивать лагерь, Валентайн сказал:

— Нет. Я планирую остаться здесь еще несколько дней.

Сомнение и смятение, мгновенно подавленные, на миг промелькнули на лице Слита. Но он только согласно кивнул и пошел к скандарам распорядиться не трогать палатки.

— Эта ночь принесла тебе вести, милорд? — спросила Карабелла.— Я вижу это по твоему лицу.

— Делиамбер жив. Он и другие следуют за нами,

стараясь соединиться с нами, но мы так много и быстро перемещаемся, что они не могут нас догнать. Стоит им нас только зафиксировать, как мы уже начинаем следовать в каком-то другом направлении. Нам надо подождать их на одном месте, тогда они смогут выйти на нас.

— Ты разговаривал с уруном?

— С его образом, его тенью. Но то была истинная тень и достоверный образ! Они скоро будут у нас.

У Валентайна не было в том сомнений. Но день прошел, за ним еще один и еще. Каждый вечер надевал он свою диадему и посылал сигналы, но ответа не получал. Охранники-скандары принялись рыскать по джунглям, как неутомимые звери, Слит стал беспокойным и раздражительным и иногда уходил один на несколько часов, несмотря на прежние утверждения, что он испытывает страх к метаморфам. Карабелла, видя, как накаляется обстановка, предложила чтобы он, она и Валентайн немного пожонглировали, дабы немного отвлечься, отойти от забот, но Слит сказал, что у него к этому сейчас не лежит душа, а Валентайн, согласившись на ее уговоры попробовать, был так неловок из-за отсутствия практики, что оставил бы тут же все попытки, если бы не

настойчивость Карабеллы.

— Ты просто заржавел! — констатировала она. — Ты думаешь, мастерство остается острым без постоянного оттачивания? Но оно вернется, если потренироваться. Ну, Валентайн, лови! лови! лови!

Она и в самом деле была права. Немного усилий, и он снова почувствовал прежнее ощущение, когда единство руки и глаза могли унести его туда, где время не имело значения.

Скандары, хотя они определенно должны были знать, что жонглирование было когда-то профессией Валентайна, изумились, наблюдая, как Коронованный занимается такими вещами, и глазели с неприкрытым любопытством и благоговением, как Валентайн и Карабелла ловко перебрасывали взад-вперед друг другу всякую всячину.

— Хой! И — хой! И — хой! — кричала Карабелла, постепенно подводя его к более сложным приемам.

Сегодняшнюю разминку нельзя было сравнивать с теми трюками, какие она легко выделывала в старые времена, — все-таки мастерство ее было действительно великим. И Валентайн как жонглер, конечно же, не был ей равен. Но для

человека, который не жонглировал почти десять лет, это тоже неплохо.

Через час, мокрый от пота и дождя, он чувствовал себя значительно лучше, чем за все последние месяцы.

Появился Слит и, наблюдая за ними, казалось, тоже вышел из состояния тревоги и уныния. Через некоторое время он приблизился к жонглирующим, и Карабелла бросила ему нож, булаву и топорик. Он осторожно поймал их и начал вплетать в высокий падающий каскад, к которому добавил три предмета, брошенные в его сторону Валентайном. На лице Слита появилась тень напряжения, которого совсем не было лет десять назад, за исключением, может быть, случая, когда исполнял он свой знаменитый трюк, жонглируя с повязкой на глазах. Но больше он ничем не выдал снижения своего мастерства.

— Хой! — кричал он, посылая булаву и топорик назад Валентайну, и безжалостно бросал другие предметы в его сторону прежде, чем Коронованный успевал поймать предыдущий.

Все трое работали с предельной серьезностью, будто снова были странствующими жонглерами и репетировали для представления перед королевским двором.

Виртуозность Слита вдохновила Карабеллу на еще более сложные приемы, и вскоре Валентайн был совершенно опустошен. Тем не менее ом пытался поддержать их столько, сколько смог, и делал это неплохо, лишь изредка роняя отдельные предметы, пока его не бомбардировали сразу с обеих сторон смеющаяся Карабелла и холодный напряженный Слит. Но в один прекрасный момент Валентайн все-таки сорвался и, как говорят жонглеры, обнаружилось, что у него только локти и нет пальцев: все обрушилось на него, не подхваченное им.

— О, милорд, так не годится! — прогремел хриплый и удивительно знакомый голос над самым ухом.

— Залзан Кавол?! — с ликованием и изумлением закричал Валентайн.

Огромный скандар, подпрыгивая, шел к нему, быстро отдавая звездное приветствие. Потом, подобрав все предметы, которые уронил Валентайн, с видимым удовольствием начал перебрасывать их Слиту и Карабелле с той быстротой и неистовостью четырех рук, которая доводила любого жонглера-человека, сколь угодно искусного, до крайнего предела.

Валентайн тем временем увидел бегущих

к нему из джунглей Лизамону Халтин с усевшимся ей на плечо уруном, Тунигорна, Тизану, Эрманара, Шанамира. Там, у самой кромки леса, стоял забрызганный грязью плавун, из которого продолжали выходить все те, кого Валентайн оставил в Джихорне.

Вся группа наконец соединилась.

— Достаньте вино! — закричал Валентайн.— Это нужно отпраздновать!

Он суетился, обнимая одного, другого, потянулся вверх к великанше, радостно похлопывал Шанамира, пожимал молча руку полному достоинства Эрманару, сжимал в объятиях Тунигорна…

— Милорд! — кричала Лизамона.— Пока я жива, вы никогда больше не уедете один! При всем к вам уважении, милорд больше никогда! Никогда!

— Если бы я знал, милорд,— сказал Залзан Кавол,— когда вы сказали, что будете идти на расстоянии дневного перехода впереди нас к Стейчу, что там будет буря такой силы и что мы не увидим вас снова так много недель… О, милорд как вы думаете, мы, охранники, позволили бы вам так далеко уйти от нас? Когда Тунигорн сказал, что вы выжили в буре, но пошли в Пиурифаину,

не дожидаясь нас… О, милорд, милорд если бы вы не были милордом, я готов был убить вас, поверьте мне, милорд!

— И вы простите мне этот побег? — спросил Валентайн.

— Милорд, милорд!

— Вам же известно, что я никогда и в мыслях не держал отделяться от вас надолго. Вот почему я отправил назад Тунигорна найти вас и повести следом за мной. И каждую ночь отправлял вам послания. Я надевал диадему, я стремился всей энергией своего разума дойти до вас и прикоснуться к вам. К тебе, Делиамбер, и к тебе, Тизана…

— Эти послания достигали нас, милорд,— сказал Делиамбер.

— Достигали?

— Каждую ночь. Это давало нам столько радости — знать, что вы живы!

— И вы не отвечали? — спросил Валентайн.

— О, милорд, мы отвечали каждый раз,— сказал урун,— но мы никак не пробивались, потому что моя сила была недостаточной для такого расстояния. Мы хотели попросить вас оставаться на месте, чтобы у нас появилась возможность дойти до вас, но каждый день вы уходили все

дальше в джунгли, и ничто не сдерживало вас. Мы рисковали никогда не догнать вас, и я никак не мог достичь вашего разума, милорд.

— Но в конце концов вы пробились!

— С помощью вашей матери — Леди,— сказал Делиамбер.— Тизана была у нее во сне и получила от нее послание, и Леди поняла и сделала из своего собственного разума курьера для моего разума, унося меня туда, куда я не мог добраться сам. И таким образом мы наконец поговорили с вами, милорд. О, милорд, так много надо рассказать вам!

— В самом деле,— сказал Тунигорн,— вы будете удивлены, Валентайн. Я ручаюсь.

— Тогда давайте, удивляйте меня! — сказал Валентайн.

Делиамбер сказал:

— Тунигорн, кажется, говорил вам, что мы разоблачили врага. Ю-Уулизаан оказался шпионом формодеев.

— Да, он говорил мне. Но как это раскрылось?

— В тот день, когда вы отправились на Стейч, милорд, мы случайно наткнулись на глубинную связь разума Ю-Уулизаана с кем-то далеким. Я чувствовал, как его разум стремится вперед и ощущал силу единения. И тут же я попросил

Залзана Кавола и Лизамону задержать его.

Валентайн моргнул.

— Как мог Ю-Уулизаан обладать такой силой?

— Потому что он был формодей, милорд — сказала Тизана,— а формодеи могут общаться, используя в качестве связующего звена больших водяных королей, морских драконов.

Как человек, которого атаковали сразу с двух сторон, Валентайн перевел взгляд с Тизаны на Делиамбера и снова на старую толковательницу снов. Он пытался уяснить значение того, что ему сказали, но во всем этом было столько необычного, что поначалу он мог понять очень мало.

— Это меня озадачивает,— сказал он,— услышать, что метаморфы общаются друг с другом посредством морских драконов. Кто бы мог предположить, что у драконов такая сила мозга.

— Водяные короли, милорд, так формодеи называют их,— сказала Тизана.— И, оказывается, у водяных королей на самом деле сильный мозг, что позволяет шпиону передавать свои отчеты довольно легко.

— Отчеты о чем? — беспокойно спросил Валентайн.— И кому?

— Когда мы обнаружили Ю-Уулизаана во время этой связи,— сказал Делиамбер,— Лизамона

и Зализан Кавол схватили его, и он сразу начал изменять свою форму. Мы привели бы его к вам для допроса, но вы ушли вперед, к реке, а потом началась буря, и мы не могли идти дальше. Поэтому мы допросили его сами. Он признался, что является шпионом, милорд, который должен помочь вашему правительству выработать меры по борьбе с эпидемиями и болезнями, а потом немедленно сообщать об этих мерах своим. Это очень помогло метаморфам, когда они вызывали и распространяли эпидемии.

Валентайн изумленно открыл рот.

— Метаморфы… вызывали эпидемии… распространяли болезни?..

— Да, милорд. Ю-Уулизаан все нам рассказал. Мы… э… особенно с ним не церемонились. В секретных лабораториях здесь, в Пиурифаине, метаморфы годами культивировали вредителей всех наших сельскохозяйственных культур, которые когда-либо поражали посевы. А потом забрасывали этих вредителей под тысячью личин… Чаще всего. Под видом чиновников департамента сельского хозяйства. Инспектируя фермеров и якобы предлагая новые способы увеличения урожая, они тайно подбрасывали вредителей на поля. Некоторые твари были заброшены воз-

душным путем, переносились птицами, которых метаморфы держали в клетках, а потом освободили. А какая-то часть просто распылялась и превращалась в плывущие облака.

Ошеломленный, Валентайн посмотрел на Слита и сказал:

— То есть мы были в состоянии войны и не знали этого!

— Мы знаем это теперь, милорд,— заметил Тунигорн.

— А я еду по королевству своего недруга и наивно полагаю, что стоит мне сказать нежные слова и с любовью раскрыть объятия, как Данипиура улыбнется, и Бог снова благословит нас. А в действительности Данипиура и ее народ в это время вели против нас ужасную войну и…

— Нет, милорд,— сказал Делиамбер,— не Данипиура, насколько мне известно.

— Кто же тогда?

— Тот, кому служил Ю-Уулизаан, носит имя Фараатаа, это существо, охваченное ненавистью, дикарь! Он не смог добиться, чтобы Данипиура поддержала его план, и отправился со своими единомышленниками осуществлять его сам. Среди метаморфов существуют две фракции, вы понимаете, милорд? Этот Фараатаа является

вождем радикально настроенных, жаждущих войны. Их план — столкнуть нас в хаос и вынудить покинуть Маджипуру. В то время как Данипиура кажется более умеренной или, по крайней мере, менее жестокой.

— Тогда я должен продолжать путь в Илиривойн и поговорить с ней.

— Вы никогда не найдете Илиривойн, милорд,— сказал Делиамбер.

— Это почему же?

Они разобрали город на мелкие частицы и несут его на спинах через джунгли. Я чувствую их присутствие, когда прибегаю к волшебству, ощущаю, как они движутся. Данипиура избегает вас, милорд. Она не хочет встречаться с вами. Возможно, для нее это слишком опасно в политическом отношении. Возможно она не в состоянии больше управлять своим народом и боится, что они все перейдут во фракцию Фараатаа, если она проявит к вам расположение. Я только предполагаю, милорд. Но я говорю вам: вы никогда не найдете ее, даже если будете искать в этих джунглях тысячу лет.

Валентайн кивнул:

— Возможно, ты прав, Делиамбер. Конечно, ты прав. — Он закрыл глаза и попытался преодолеть

сумятицу в мыслях. Как сильно он просчитался, как мало он понимал!

Он спросил:

— Эта связь между метаморфами через мозг морских драконов… как долго она длится?

— Возможно, довольно долго, милорд. Морские драконы оказались умнее, чем мы думали, и между ними и метаморфами существует нечто вроде альянса, по крайней мере с некоторыми метаморфами. В это трудно поверить, но это так.

— А Ю-Уулизаан? Где он? Мы должны допросить его!

— Погиб, милорд — сказала Лизамона Халтин.

— Как так?

— Когда грянула буря, все перемешалось, и он попытался убежать. Мы тут же настигли его, но ветер вырвал его из моих рук, и было невозможно снова найти его. Мы обнаружили его тело только на следующий день.

— Невелика потеря, милорд,— сказал Делиамбер,— мы могли бы узнать у него не так много.

— Все равно, мне бы хотелось поговорить с ним, — ответил Валентайн, — но, видно, не суждено. Не удастся поговорить с Данипиурой, хотя мне трудно отказаться от этой идеи. Нет никакой надежды найти Илиривойн Делиамбер?

— Думаю, нет, милорд.

— Я вижу в ней союзника, это кажется тебе странным? Королева метаморфов и Коронованный, объединенные в лиге против тех, кто ведет с нами биологическую войну. Глупо, а Тунигорн? Давай говори прямо: ты считаешь это глупостью?

Тунигорн пожал плечами.

— Я мало что могу сказать на этот счет, Валентайн. Но Делиамбер, похоже, прав. Данипиура не хочет встречаться с вами и не допустит чтобы ее нашли. И я думаю, что тратить время на ее поиски…

— Было бы глупо, да. В самом деле, у меня еще столько дел!

Валентайн замолчал. Рассеянно взял он у Залзана Кавола пару предметов для жонглирования и начал перебрасывать их из руки в руку. Эпидемии, голод, лжекоронованные, думал он. Безумие. Хаос. Биологическая война. Гнев Бога заявлял о себе. А Коронованный ездит себе и ездит по джунглям метаморфов с глупой миссией. Нет, довольно.

Делиамберу он сказал:

— Ты знаешь, где мы теперь находимся?

— Насколько я могу рассчитать, примерно в

двух сотнях миль к юго-западу от Пилиплока, милорд.

— Сколько времени, ты думаешь, займет у нас доехать туда?

— Я бы совсем не ездил туда теперь, Валентайн,— сказал Тунигорн.

— Почему так? — нахмурился Валентайн.

— Опасно.

— Опасно? Коронованному? Я был там только месяц или два назад, Тунигорн, и я не видел никакой опасности!

— Ситуация изменилась. До нас дошел слух, что Пилиплок объявил себя свободной республикой. Жители Пилиплока, имеющие еще достаточные запасы продовольствия, боятся, что эти запасы реквизируют для Хинтора и Ни-мои, и поэтому Пилиплок отделился от содружества.

Валентайн удивленно взглянул на него.

— Отделился? Свободная республика? До меня не доходит значение этих слов.

— Тем не менее, они, кажется, имеют значение для жителей Пилиплока. Мы не знаем, какой прием они окажут вам теперь. Я думаю, было бы разумнее ехать куда-нибудь в другое место, пока ситуация не прояснится,— сказал Тунигорн.

— Почему я должен бояться войти в один из

своих городов? — сердито спросил Валентайн.— Пилиплок снова обретет свою преданность, как только я туда прибуду!

— Вы уверены? — усмехнулась Карабелла.— Вот Пилиплок, раздувшийся от гордости и себялюбия, а вот Коронованный, прибывший в потрепанном плавуне, одетый в заплесневевшие отрепья. И думаешь, они будут приветствовать тебя? Они совершили измену и знают это. Они скорее укрепятся в этой измене, чем перейдут под твою власть. Лучше не входить в Пилиплок, кроме как во главе армии, я так скажу!

— И я! — добавил Тунигорн.

Валентайн посмотрел в смятении на Делиамбера, на Слита, на Эрманара. Они встречали его взгляд молчаливо и хмуро.

— Тогда, выходит, я снова свергнут? — спросил Валентайн, ни к кому прямо не обращаясь.— Снова оборванный бродяга, так? Я не смею войти в Пилиплок? Я не смею? Пусть у лже-Коронованных в Хинторе и Ни-мое армии, а у меня нет, ну так что, мне, выходит, там нельзя появляться? Что мне делать, во второй раз стать жонглером? — Он засмеялся.— Нет! Думаю, что нет. Коронованный — вот кто я есть, Коронованный — вот кем я останусь. Мне казалось, я покончил с делами по

моему восстановлению в этом мире, но, выходит, нет. Выведи меня из этих джунглей, Делиамбер. Проводи меня на побережье, к какому-нибудь портовому городу, который еще верен мне. А потом мы найдем союзников и снова восстановим порядок, а?

— А где мы найдем этих союзников, милорд? — спросил Слит.

— Где сможем,— пожал плечами Валентайн.

В путешествии от Замка Горы, через долину Глайджа до Лабиринта, Хиссун повсюду видел призраки смятения. Хотя в Альханроеле с его мягким и плодородным климатом ситуация еще не стала такой тревожной, как на западе или в Зимроеле, тем не менее он замечал реальные признаки напряженности: везде запертые ворота, испуганные глаза, замкнутые лица. Только в самом

Лабиринте, подумал он, ничто не изменилось — может быть, потому, что Лабиринт всегда был городом запертых ворот, испуганных глаз, замкнутых лиц.

Да, Лабиринт, может, и не изменился, а вот Хиссун изменился, и перемена стала очевидной ему самому с того момента, как он вошел в Устье Вод, это величественное и помпезное сооружение,

традиционно используемое Верховными Силами Маджипуры для въезда в город Понтифика. Позади остались теплый пасмурный вечер долины Глайджа, благоуханный воздух, блеск яркого солнца. Впереди лежала вечная ночь замкнутых герметичных колец Лабиринта, напряженный блеск искусственного освещения, странная безжизненность воздуха, которого никогда не возмущали ни ветер, ни дождь. И, переходя из одного королевства в другое, Хиссун представил на короткий миг, что массивные ворота, которые захлопнулись за ним, это какая-то ужасная преграда, отделяющая его от всего прекрасного в мире, и чувствовал холодок страха.

Его удивило, что всего лишь год или два, проведенные на Горе Замка, могли вызвать в нем такие перемены, что Лабиринт, который он вряд ли когда-нибудь любил, но где всегда чувствовал себя легко, мог стать для него таким отталкивающим. И ему казалось, что он по-настоящему не понимал до этого момента все то отвращение, которое испытывал к этому городу лорд Валентайн.

Теперь же Хиссун и сам чувствовал нечто подобное, пусть в меньшей мере, но вполне достаточное, чтобы понять, с каким тяжелым чувством в душе Коронованный всякий раз пред-

принимает поездку вниз.

Хиссун изменился и в другом. Когда он уезжал из Лабиринта, то ничего особенного из себя не представлял; Посвященный в Рыцари — это да, но титул мало значил для обитателей Лабиринта, которых нелегко удивить светской мишурой. Теперь, всего лишь несколько лет спустя, он возвращался принцем Хиссуном, членом Совета Регентства. Обитатели Лабиринта могли не впечатляться пышностью, но их впечатляла власть, особенно когда один из них добивался ее. Тысячи людей выстроились вдоль дороги, которая вела от Устья Лезвий к внешнему кольцу Лабиринта, они теснились и толкались, чтобы лучше разглядеть его, когда он въезжал через главные ворота на королевском плавуне, имевшем цвета Коронованного, и с эскортом, как будто он сам был Коронованным. Они не аплодировали, не визжали, не выкрикивали его имя. Народ Лабиринта никогда не делал ничего подобного. Но они смотрели на него — молчаливые, охваченные благоговейным страхом, скорее всего, завидующие; они наблюдали за ним с угрюмым восхищением, когда он проезжал мимо. Ему показалось, что он увидел своего старого товарища Ванимуна в толпе и его красивую сестру, и Гиз-

нет и Хеулана, и полдюжины друзей из старой компании Гваделумского Двора. Возможно, это был только плод его воображения но он понял, что хочет, чтобы они там были, хочет, чтобы они увидели его самого в одежде принца и его королевский плавун. Подвижный маленький мальчишка Гваделумского Двора, превратившийся в Принца-Регента Хиссуна с аурой Замка, потрескивающей вокруг него, как сияние второго солнца. Вполне простительно позволить себе один раз слегка потешить самолюбие, не так ли? — спрашивал он себя. И отвечал: да-да, почему бы и нет. Можно позволить себе немного ограниченности. Даже святые должны иногда почувствовать самодовольство, а меня никогда не обвиняли в святости. Но позволь себе все это — и тут же покончи с ним, и переходи к своим основным задачам. Неприятие больших доз самовосхваления возвышает душу…

Официальные представители Понтифика в исполненных в соответствии с этикетом масках ждали его у края внешнего кольца. С подчеркнутой внимательностью они приветствовали Хиссуна и сразу повели его к лифту, предназначенному для Верховных Сил и их эмиссаров, который быстро понес его вниз на глубинные,

императорские уровни Лабиринта.

Вскоре он очутился в апартаментах, почти столь же изысканных, как и те, что всегда предназначались для самого Коронованного. Альзимиру, Стимиону и другим помощникам Хиссуна были предоставлены удобные комнаты, соединяющиеся с его. Когда улеглась суета, поднятая представителями Понтифика с тем, чтобы убедиться, что Хиссун устроен со всеми удобствами, их начальник объявил ему:

— Главный представитель Хорнкаст будет очень рад поужинать с вами сегодня, милорд.

Хиссун невольно почувствовал легкий трепет и вместе с тем неподдельную радость. В нем еще сохранилось достаточно "лабиринтского", чтобы относиться к Хорнкасту с благоговением, граничащим со страхом, ибо он — истинный хозяин Лабиринта, кукольник, который дергал нити марионетки Понтифика. Очень рад поужинать с вами сегодня вечером, милорд. А почему бы и нет, в самом деле? Впрочем, трудно представить, чтобы старый Хорнкаст был чему-то очень рад, подумал Хиссун. Милорд, ни больше, ни меньше. Хорошо, хорошо, хорошо.

Но он не мог позволить себе ни словом, ни жестом выказать свой благоговейный страх перед

Хорнкастом. Он умудрился быть не готовым, когда посланцы главного представителя явились приглашать его, и опоздал на десять минут, пока собирался. Когда он вошел в личный обеденный зал главного представителя, помещение столь роскошного убранства, что даже сам Понтифик нашел бы его пышность чрезмерной, то едва удержался от почтительного поклона или приветствия, хотя импульс колыхнулся в нем. "Это Хорнкаст!" — подумал он и хотел упасть на колени. "Но ты Хиссун!" — сердито сказал он себе и оставался стоять, полный достоинства, немного отчужденный.

Хиссун все время напоминал себе, что Хорнкаст — всего лишь штатский служащий, в то время как сам он занимал высокое положение, был принцем Горы, а также членом Совета регентства. И все же трудно было не поддаться влиянию Хорнкаста и его грозной власти. Он был старым… даже древним, и все же выглядел крепким, энергичным и проворным, как будто чары колдовства сбавили ему тридцать или сорок лет. Проницательные и безжалостные глаза, улыбка — беспокояще непонятная, голос — глубокий и сильный. С величайшей учтивостью он провел Хиссуна к столу и предложил ему

какое-то редкое искристое вино, темно-красное по цвету, которого Хиссун благоразумно отпил только самую малость. Беседа, дружеская и общая вначале, стала более серьезной, оставаясь целиком под контролем Хорнкаста, чему Хиссун не противился. Сначала они говорили о бедствиях в Зимроеле и западном Альханроеле. У Хиссуна возникло впечатление, что Хорнкаст, при всей своей печальной мине, когда говорил об этом, был обеспокоен происходящим за пределами Лабиринта не более, чем событиями в каком-то другом мире. Потом главный представитель вернулся к смерти Элидата, по поводу чего выразил надежду, что милорд передаст глубокие соболезнования, когда вернется на Гору, и при этом пристально всматривался в лицо Хиссуна, словно говоря: "Я знаю, что смерть Элидата вызвала большие изменения в наследовании, и ты занял самую сильную позицию, и, следовательно, о дитя Лабиринта, я внимательно наблюдаю за тобой". Хиссун ожидал, что Хорнкаст, узнавший достаточно новостей из-за моря, кроме смерти Элидата, станет расспрашивать о лорде Валентайне, но, к его изумлению, главный представитель перешел к обсуждению совершенно других вопросов, в частности, о том, как общие

продовольственные трудности сказались на состоянии продовольственных складов Лабиринта. "Без сомнения, эта проблема занимала мысли Хорнкаста,— подумал Хиссун,— но не для этого же он предпринял свою поездку!" Когда главный представитель на мгновение замолчал, Хиссун, перехватив наконец инициативу, сказал:

— Может быть, пора обсудить самое, на мой взгляд, критическое событие — исчезновение лорда Валентайна?

На этот раз непоколебимое спокойствие Хорнкаста, казалось, было нарушено: глаза его сверкнули, ноздри расширились, губы искривились.

— Исчезновение? — спросил он с подчеркнутым удивлением.

— Пока лорд Валентайн путешествовал в Пиурифаине, мы потеряли с ним связь и до сих пор не можем восстановить ее.

— Могу я спросить, что Коронованный делал в Пиурифаине?

Хиссун слегка пожал плечами.

— Как мне дали понять, ему предстояла очень деликатная миссия. Но его оторвало от группы во время той же бури, которая унесла жизнь Элидата. С тех пор мы ничего о нем не слышали.

Может, Коронованный погиб, как вы считаете?

Я не знаю, а гадания ничего не дадут. Можете быть уверены, мы прилагаем все усилия, чтобы возобновить с ним связь. Но не исключено, конечно, что лорд Валентайн, увы, мертв. Мы в Замке обсудили возможность такого исхода. Возник план преемственности.

— Ах, вот как…

— И, конечно, забота о здоровье Понтифика — это то, что должно постоянно присутствовать в нашем планировании,— сказал Хиссун.

— О да, еще бы.

— Понтифик, я полагаю, остается в том же состоянии?

Хорнкаст ответил не сразу, он долго смотрел на Хиссуна с таинственной и сковывающей напряженностью, словно занятый сложными политическими расчетами, потом наконец спросил:

— Хотели бы вы нанести визит его величеству?

Это предложение было уже за пределами того, что Хиссун мог ожидать от главного представителя. Визит к Понтифику? Об этом он не мог и мечтать! Через мгновение он справился с изумлением и сказал так хладнокровно, как только мог:

— Это было бы большой честью для меня.

— Тогда идемте.

— Сейчас?

— Сейчас.— Главный представитель подал сигнал, появились слуги и начали убирать со стола остатки обеда. Через несколько минут Хиссун был уже в маленьком тупоносом плавуне рядом с Хорнкастом, и они двигались вниз по узкому туннелю, пока не достигли предела, за которым передвигаться можно было только пешком и где одна бронзовая дверь следом за другой перекрывала проход через промежутки в пятьдесят шагов. Хорнкаст открывал каждую из них, проводя рукой по спрятанной панели. Наконец последняя дверь с выгравированным золотом символом Лабиринта и императорской монограммой поддалась прикосновению главного представителя и впустила их в императорский тронный зал.

Сердце Хиссуна билось с ужасающей силой. Понтифик! Старый, выживший из ума Тиверас! Всю свою жизнь он почти не верил в то, что такая личность действительно существует. Дитя Лабиринта, он всегда рассматривал Понтифика, как некое сверхъестественное существо, спрятанное здесь в глубине, как скрытого от всех хозяина мира. Даже теперь, когда Хиссун перезнакомился с принцами и герцогами, домашними Короно-

ванного и самим Коронованным, он считает Понтифика, обитающего в своем собственном царстве, невидимым, нереальным, непостижимо далеким от мира обычных живых существ.

Но вот он здесь.

Все было так, как в легенде. Шар из голубого стекла, трубы, трубки, провода и скобы, цветная жидкость, с журчанием текущая в эту камеру поддержания жизни и вытекающая из нее, и старый-старый человек внутри, сидящий неестественно прямо на троне с высокой спинкой, установленном на трех невысоких ступенях. Глаза Понтифика были открыты. Но видели ли они? Был ли он вообще живой?

— Он больше не говорит,— сказал Хорнкаст.— Это самое последнее из изменений. Но врач Сепультров утверждает, что мозг его все еще активен, а тело сохраняет жизнеспособность. Подойдите на шаг или два. Вы можете близко посмотреть на него. Видите? Видите? Он дышит. Он моргает. Он живой. Он определенно живой.

Хиссун чувствовал, что перед ним представитель прошлой эпохи, какое-то доисторическое существо, чудодейственным образом сохраненное. Тиверас Коронованный, Понтифик Осиера, сколько поколений прошло перед ним? Пере-

живший историю, этот человек видел своими глазами лорда Кинникена. Он был уже старым, когда лорд Молибор пришел в Замок. И вот они давно уже ушли в небытие, а он все еще жив, если это, действительно, была жизнь.

— Вы можете приветствовать его,— сказал Хорнкаст.

Хиссун знал обычай: нужно сделать вид, что говоришь не прямо с Понтификом, а адресуешь слова главному представителю; подразумевалось, что тот передаст их монарху, хотя в действительности ничего подобного не происходило.

— Прошу вас передать его величеству приветствие от его подданного принца Хиссуна, сына Элзиномы, который смиреннейшим образом выражает свое почтение и покорность.

Понтифик не ответил. Тиверас ничем не дал понять, что услышал что-либо.

— Прежде,— сказал Хорнкаст,— он издавал звуки, которые я научился переводить, в ответ на то, что говорилось ему. Теперь он умолк и молчит уже несколько месяцев. Но мы все еще говорим с ним даже в таком состоянии.

— Скажите тогда Понтифику,— продолжал Хиссун,— что его любят во всем мире и его имя постоянно в наших молитвах.

Молчание. Понтифик был недвижим.

— Передайте также Понтифику,— сказал Хиссун,— что каким бы путем ни шел мир, какие бы беды и катастрофы ни потрясали его, величие Маджипуры будет сохранено.

Молчание. Никакого ответа.

— Вы закончили? — спросил Хорнкаст.

Хиссун смотрел на загадочную фигуру в стеклянной камере. Ему хотелось, чтобы Тиверас вытянул вперед руку в благословении, хотелось услышать какие-нибудь пророческие слова. Но Хиссун знал, что этого не случится.

— Да,— сказал он.— Я закончил.

— Тогда идемте.

Главный представитель вывел Хиссуна из тронного зала. Оказавшись снаружи, Хиссун заметил, что его нарядная одежда промокла от пота, а колени подрагивают. "Тиверас! — подумал он.— Пусть я проживу целый век и стану таким же старым, как он, но мне никогда не забыть это лицо, эти глаза, этот голубой стеклянный шар..."

— Его немота — это новая фаза в его состоянии,— заметил Хорнкаст.— Сепультров повторяет, что он еще крепок, возможно, так оно и есть. Но, вероятно, это начало конца. Должен же быть какой-то предел, даже со всей этой аппаратурой!

— Вы думаете, что это будет скоро?

— Я молюсь, чтобы продлить его дни, но когда это кончится,— нам неведомо. Мы не делаем ничего, чтобы ускорить конец. Это решение в руках лорда Валентайна… или в руках его приемника, если Валентайна уже нет в живых.

— Если лорд Валентайн мертв, — сказал Хиссун,— тогда новый Коронованный сможет немедленно возвыситься до Понтифика. Если, конечно, он не станет поддерживать жизнь Тивераса.

— В самом деле. А если лорд Валентайн мертв, кто тогда, вы думаете, станет новым Коронованным?

Взгляд Хорнкаста был упорным и безжалостным. Хиссун почувствовал, как в пламени этого взгляда горит он сам, вся его с трудом отвоеванная независимость, все сравнения того, кем он был и чего намеревался достичь,— все расплавилось в нем, оставив его уязвимым и смущенным. У него возник неожиданный головокружительный образ, что он подброшен вверх, становится однажды утром Коронованным, в полдень отдает приказ разъединить все трубки и аппаратуру и к вечеру становится Понтификом. "Конечно, это нелепости,— говорил он себе в панике. — Понтифик? Я — Понтифик в следующем месяце? Это

шутка.

Это совершенно бессмысленно!" Он заставил себя успокоиться, и через минуту ему удалось вернуться к той стратегии, которая казалась ему столь очевидной в Замке: если лорд Валентайн умер, Дивис должен стать Коронованным; впоследствии Тиверас, наконец, умирает, и Дивис едет в Лабиринт. Именно так и должно быть. Должно.

Вслух Хиссун сказал:

— Вопрос преемственности, конечно, не может стать предметом голосования, пока мы не будем уверены в смерти Коронованного. Каждый день мы молимся о его спасении. Но если лорда Валентайна действительно постигла трагическая участь, я думаю, что для принцев Замка будет удовольствием пригласить на трон сына лорда Вориакса.

— А-а…

— И если это случится, среди нас есть такие, кто думает, что было бы желательно позволить Понтифику Тиверасу вернуться, наконец, к Истокам.

— А-а,— сказал Хорнкаст.— Да-да. Вы выразились вполне ясно, не так ли? — Он снова в упор взглянул на Хиссуна, и тот в последний раз увидел его глаза: холодные, пронизывающие,

проникающие. Потом они вдруг померкли, как будто на них набросили вуаль, и неожиданно главный представитель показался Хиссуну всего лишь немощным стариком, обремененным заботами и усталостью после долгого и утомительного дня. Хорнкаст повернулся и медленно пошел к ожидавшему плавуну.

— Идемте,— сказал он.— Уже поздно, принц Хиссун.

Действительно, время было позднее, но Хиссуну казалось невозможным заснуть после такого дня. "Я видел Понтифика,— думал он снова и снова.— Я видел Понтифика!" Он пролежал половину ночи, не смыкая глаз, и перед его мысленным взором витал образ древнего Тивераса. Этот образ не померк и когда пришел сон, он горел еще ярче, Понтифик на троне стеклянного шара. И Хиссун подумал: "А плакал ли Понтифик когда-нибудь? И если плакал, то о ком?"

В полдень следующего дня Хиссун, сопровождаемый официальным эскортом, совершил поездку на верхний уровень к внешнему кольцу Лабиринта, к Гваделумским воротам, в маленькую убогую квартиру, где он жил так долго. Элзинома сокрушалась, что ему не следовало бы приезжать, что это серьезное нарушение протокола для

принца Замка — посещать такое убогое место, как Гваделумские ворота, даже ради того, чтобы увидеть собственную мать. Но Хиссун отмел в сторону ее возражения.

— Я, а не ты, должен приезжать к тебе, мама.

Она, казалось, мало изменилась за те годы, что они не виделись, не ослабела, не постарела, сохранила почти прежнюю энергию. Но что-то новое все же в ней появилось, какое-то незнакомое беспокойство. Он протянул к ней руки, и она отстранилась — застенчиво, словно не признавала в нем своего сына.

— Мама? — спросил он.— Ты узнаешь меня, мама?

— Мне хотелось бы думать, что узнаю.

— Я все тот же, мама.

— Как ты держишься теперь… взгляд твоих глаз… одежда, которая на тебе.

— Я по-прежнему Хиссун.

— Принц-регент Хиссун. А ты говоришь, все тот же…

— Все меняется теперь, мама. Но некоторые вещи остаются теми же.

Казалось, она смягчилась при этих словах, была готова принять его. Он подошел и обнял ее. Она снова отстранилась.

— Что будет с миром, Хиссун? Мы слышим такие ужасные вещи, говорят, что целые провинции голодают. Новые Коронованные объявляют сами себя. А лорд Валентайн, где лорд Валентайн? Мы знаем так мало здесь, внизу, о том, что происходит снаружи. Что будет с миром, Хиссун?

Хиссун покачал головой.

Все в Божьих руках, мама. Но я скажу тебе так: если есть средство спасти мир от несчастья, мы спасем его.

— Меня пробирает дрожь от твоих слов. Иногда во сне я вижу тебя на Горе Замка среди знатных лордов и принцев… Я вижу, что они смотрят на тебя, просят у тебя совета. Но может ли такое быть? Я начинаю понимать некоторые вещи… Леди часто навещает меня, когда я сплю, ты знаешь это… Но мне еще так много нужно понять… Так много я должна впитать…

— Леди часто навещает тебя, ты говоришь?

— Иногда два или три раза в неделю. Это моя огромная привилегия. Хотя это и беспокоит меня: видеть ее такой уставшей, чувствовать тяжесть, которая лежит у нее на душе. Она приходит ко мне, чтобы помочь, но все-таки я чувствую порой, что сама должна помочь ей, должна поделиться с ней своей стойкостью, дать ей опору…

— Ты дашь, мама…

— Я тебя правильно понимаю, Хиссун?

Долгое время он не отвечал. Он оглядывал жалкую комнатенку, с детства знакомые предметы, составляющие ее убранство: оборванные занавески, изношенную мебель, и он подумал о покоях, в которых он провел сегодняшнюю ночь, и о своих апартаментах на Горе Замка.

Он сказал:

— Ты больше не останешься здесь, мама.

— Куда же мне тогда ехать?

— Я думаю, они сделают меня Коронованным, мама,— помедлив, сказал он.— И когда это случится, ты должна будешь поехать на Остров и взять на себя новую и трудную задачу. Ты понимаешь, что я говорю.

— Ну, конечно.

— И ты готова, мама?

— Я буду делать то, что должна,— сказала она и улыбнулась, и встряхнула головой, словно отгоняя неверие прочь, и потянулась к нему, чтобы обнять его.

— Теперь пусть слово идет дальше,— сказал Фараатаа.

Это был час Пламени. Полуденное солнце высоко стояло над Пиурифаиной. Сегодня не будет

дождя, дождь непозволителен сегодня, в День распространения слова, ибо дело это нельзя осуществлять под дождливым небом.

Он стоял на высокой, сплетенной из ветвей трибуне, озирая широкое пространство, очищенное в джунглях его приверженцами. Тысячи деревьев вырублены, огромная рана на груди земли, и на этой пустоши стоял его народ, плечом к плечу, сколько он мог видеть. По обе стороны от него поднимались крутые пирамиды новых храмов, почти таких же высоких, как его трибуна. Они были построены из положенных крест-накрест бревен и повторяли формы древних храмов, на их вершинах развевались два знамени освобождения — красное и желтое. Это был Нью-Велализьер, здесь, в джунглях. В следующем году в это время, Фараатаа принял решение, этот ритуал будет праздноваться в подлинном Велализьере, за морем.

Теперь он выполнял Пять изменений, легко и невозмутимо переходя из формы в форму: Красная женщина, Слепой Гигант, Мужчина без кожи, Последний король, каждое изменение отмечалось шипящими выкриками тех, кто наблюдал за ним; и когда он выполнил Пятое изменение и предстал в образе Наследного принца, шум

поднялся оглушающий. Они выкрикивали его имя в нарастающем крещендо:

— Фараатаа! Фараатаа! Фараатаа!

— Я Наследный принц и Король Который Есть! — крикнул он, как часто кричал во сне.

И они ответили:

— Все приветствуют Наследного принца, Короля Который Есть!

И он сказал:

— Соедините вместе ваши руки и ваши души и давайте позовем водяных королей.

И они объединили руки и души, и он почувствовал их силу, поднимающуюся в нем, и послал зов:

Братья в море!

Он слышал их музыку. Он чувствовал их огромные тела, шевелящиеся в глубинах. Все короли ответили: Маазмоорн, Димроуз, Шейтун, Диис, Нарани и другие. И присоединились, и отдали свою силу, и представили собой рупор для его слова.

И его слова пошли дальше, во все уголки земли, ко всем, кто обладал способностью слышать.

— Вы, наши недруги, слушайте! Знайте, что вам объявлена война и вы уже разбиты. Час освобождения настал. Вы не можете выстоять

против нас. Вы начали гибнуть, и вам уже теперь не спастись.

И голоса его народа возвысились вокруг него:

— Фараатаа! Фараатаа! Фараатаа!

Его кожа начала светиться. Его глаза испускали излучение. Он стал Наследным принцем, он стал Королем Который Есть.

— Четырнадцать тысяч лет этот мир был вашим, и теперь мы вновь обрели его. Уходите из него, все вы, чужестранцы! Садитесь на свои корабли и отправляйтесь к звездам, с которых вы пришли, поскольку этот мир отныне наш. Уходите!

— Фараатаа! Фараатаа!

— Уходите, или вы испытаете наш гнев. Уходите, или будете брошены в море! Уходите, или мы не пожалеем никого из вас!

— Фараатаа!

Он широко раскинул свои руки. Он открыл себя поднимающейся энергии всех тех, чьи души были соединены перед ним, и водяных королей, которые были его поддержкой и его утешением. Время ссылки и скорби заканчивалось, он знал это.

Святая война была почти выиграна. Те, которые заняли их мир и распространились по

нему, как стая глупых насекомых, теперь будут раздавлены.

— Слышите меня, о враги! Я Король Который Есть!

И тихие голоса закричали приглушенно:

— Слушайте его, о враги! Он Король Который Есть!

— Ваше время прошло! Ваш день закончен! Ваши преступления будут наказаны, и никто не выживет! Уходите из нашего мира!

— Уходите из нашего мира!

— Фараатаа! — громко кричали они.— Фараатаа!

— Я Наследный принц! Я Король Который Есть!

И они отвечали ему:

— Все приветствуют Наследного принца, Короля Который Есть!

Понтифик

— Странный день, милорд, когда Коронованный должен идти, как попрошайка, к Королю Снов,— сказал Слит, вытянутой рукой защищая лицо от обжигающего ветра, неумолимо дующего навстречу из Суврaеля. Еще несколько часов, и им откроется берег Талагаи, самого большого из портов южного материка.

— Не как попрошайка, Слит,— тихо сказал Валентайн,— как брат по оружию, обратившийся за помощью против общего врага.

Карабелла повернулась к нему в удивлении:

— Брат по оружию, Валентайн? Никогда прежде я не слышала, чтобы ты говорил таким воинственным тоном.

— Мы на войне, не так ли?

— И ты будешь сражаться? Будешь отнимать жизнь собственной рукой?

Валентайн пристально посмотрел на нее, думая, не пытается ли она таким образом разозлить его, но лицо ее было мягким, как всегда, в глазах была нежность. Он сказал:

— Ты знаешь, я никогда не пролью кровь, но есть другие способы вести войну. Я уже сражался

в одной войне, и ты была рядом со мной, разве я тогда отнимал жизни?

— Но кто тогда были врагами? — нетерпеливо спросил Слит.— Ваши самые близкие друзья, обманутые хитростью формодеев! Элидат… Тунигорн… Стазилен… Мириган — все они встали против вас! Конечно, вы были мягкими с ними! У вас не было желания убивать таких, как Элидат и Мириган: только перетянуть их на свою сторону.

— Доминин Баржазид не был моим близким другом. Я пощадил его тоже, и мне кажется, теперь мы этому будем радоваться.

— Акт милосердия, да. Но теперь у нас совсем другой враг — мерзостные формодеи, безжалостные подонки.

— Слит!

— Я не преувеличиваю, милорд! Существа, которые поклялись разрушить все, что мы создали в нашем мире.

— В их мире, Слит,— сказал Валентайн.— Помни, что это их мир.

— Был, милорд. Они потеряли его, он перешел к нам по их недосмотру. Формодеев всего лишь несколько миллионов на планете, достаточно большой для…

— И что, мы снова продолжим этот надоев-

ший спор? — взорвалась Карабелла, не пытаясь скрыть своего раздражения. — Ну? Недостаточно того, что мы вынуждены дышать жаром этой паяльной лампы, направленной на нас из Суврaеля, чтобы еще напрягать легкие в таком бесполезном разговоре, как этот?

— Я только хочу сказать, миледи, что война восстановления была такой войной, которую можно было выиграть мирными средствами, без оружия, и с помощью дружеских объятий. Теперь у нас другой враг. Этот Фараатаа охвачен ненавистью. Он не остановится, пока все мы не погибнем. И вы думаете, его можно победить любовью? Вы на самом деле так думаете, милорд?

Валентайн отвел взгляд.

— Мы используем средства, которые сочтем нужными, — сказал он,— чтобы снова сделать Маджипуру единой.

— Если вы искренни в том, что говорите, тогда вы должны быть готовы уничтожить врага,— мрачно ответил Слит.— Не только загнать их в джунгли, как сделал лорд Стиамот, но истребить, искоренить их, покончить навсегда с угрозой нашей цивилизации, которую они…

— Истребить? Искоренить? — засмеялся Валентайн.— Ты кажешься доисторическим чудови-

щем, Слит!

— Он не имеет в виду это буквально, милорд,— сказала Карабелла.

— О, он имеет, имеет! Не так ли, Слит?

Пожав плечами, Слит сказал:

— Вам известно, что мое отвращение к метаморфам не только мое собственное, оно было внушено мне в послании, послании с этой самой земли, что лежит перед нами. Кроме того, я думаю, что они должны заплатить жизнью за тот вред, который уже причинили. Мне не за что просить прощения, я уверен в этом.

— И ты убил бы миллион людей за преступления наших вождей? Слит, Слит, ты большая угроза нашей цивилизации чем десять тысяч метаморфов!

Краска прилила к бледным худым щекам Слита, но он промолчал.

— Ты обиделся? — спросил Валентайн.— Я не хотел тебя обидеть.

Низким голосом Слит произнес:

— Коронованному не нужно просить прощения у кровожадного варвара, который служит у него, милорд.

— У меня не было желания посмеяться над тобой, я не мог только согласиться.

— Что ж, и я не могу согласиться,— сказал Слит.— Если бы я был Коронованным, я бы убил их всех.

— Но Коронованный я, по крайней мере в некоторых частях этого мира. И пока я им являюсь, я буду искать способы выиграть эту войну, не истребляя и не искореняя. Это приемлемо для тебя, Слит?

— Любое желание Коронованного приемлемо для меня, и вы это знаете, милорд. Я говорю только о том, что сделал бы я, если бы был Коронованным.

— Пусть Бог избавит тебя от такой участи,— сказал Валентайн со слабой улыбкой.

— И вас, милорд, от необходимости отвечать насилием на насилие, поскольку я знаю, что это не в вашем характере,— ответил Слит с еще более слабой улыбкой. Он отдал салют.— Скоро мы прибудем в Талагаи,— сказал он,— и я должен еще сделать множество приготовлений к нашей высадке. Позвольте мне удалиться, милорд?

Валентайн проводил Слита взглядом, пока он спускался с палубы, потом, прикрывая глаза от палящего солнца, он посмотрел в сторону южного материка, который темной громадой выделялся на горизонте.

Сувраель! Одно название вызывало дрожь!

Он никогда не думал попасть сюда: пасынок среди материков Маджипуры, забытый, отверженный, малонаселенное место, бесплодная пустыня, почти полностью лишенная растительности и воды. Он так мало походил на остальные материки Маджипуры, что казался частью какой-то другой планеты. Хотя миллионы людей жили в городах, расположенных в наиболее пригодных для жизни областях, Сувраель веками поддерживал только самые поверхностные связи с двумя основными материками. Когда представителей центрального правительства посылали сюда служить, они расценивали это как наказание.

Всего несколько Коронованных посещали его. Валентайн слышал, что лорд Тиверас был в Сувраеле во время одного из своих великих крестных ходов, и он думал, что лорд Кинникен однажды тоже посетил его. И, конечно, был известен подвиг Деккерета, скитавшегося по Пустыне Украденных Снов в компании основателя династии Баржазидов, но это было задолго до того, как он стал Коронованным.

Только три вещи, исходящие из Сувраеля, хоть каким-то образом соприкасались с жизнью Маджипуры. Первым был ветер: в течение всего года

стремительный поток сухого воздуха жестоко обрушивался на южные берега Альханроеля и Зимроеля и делал их почти такими же невыносимыми, как сам Сувраель. Вторым был экспорт мяса с западной стороны пустынного материка. Туманы, поднимающиеся с моря, поддерживали травяной покров, необходимый для откармливания скота, который потом отправлялся на другие материки. И третьим важным предметом экспорта были сны.

Уже тысячу лет семейство Баржазидов было Силой королевства. Оно распространяло свое влияние из родового имения в Талагаи, используя приборы усиления мысли, секрет которых ревностно охранялся. Они наполняли мир своими посланиями, суровыми и мучительными, проникающими в душу, находившими тех, кто нанес оскорбление кому-либо или даже только намеревался это сделать.

В своей грубой и жесткой манере династия Баржазидов была совестью мира и долгое время она была розгами и кнутом, с помощью которых Коронованный, Понтифик, Леди Острова могли поддерживать более милостивый и мягкий образ правления.

Метаморфы, совершив безуспешную попытку

мятежа в начале правления Валентайна, поняли силу Короля Снов, и, когда глава Баржазидов старый Симонан заболел, они ловко заменили умирающего одним из своих людей. Это привело потом к незаконному захвату трона лорда Валентайна младшим сыном Симонана Доминином, который и не подозревал, что его втянул в эту авантюру не его настоящий отец, а подставной метаморф.

"И, действительно,— подумал Валентайн,— Слит был прав. Как странно, что Коронованный должен обращаться теперь к Баржазидам почти как проситель, когда его трон снова в опасности".

Он почти случайно попал в Сувраель. Уходя из Пиурифаины, Валентайн и его группа круто повернули на юго-восток в сторону моря, поскольку было неразумно идти на северо-восток к восставшему Пилиплоку, а центральная часть побережья Джихорны была без портов и городов. Они оказались, наконец, у юго-восточной оконечности Зимроеля в обособленной провинции под названием Беллатюль, влажной тропической местности с высокими остролистными травами, пахнущими навозом болот и покрытыми чешуйками змеиной кожи.

Жители Беллатюли были хьерты, в основном, сдержанные, с угрюмым выражением лица, с выпученными глазами и широкими ртами. Большинство из них зарабатывало на жизнь морской торговлей, получая промышленные товары со всей Маджипуры и направляя их в Сувраель в обмен на скот. С тех пор как последние всемирные катаклизмы вызвали резкое падение промышленного производства и почти полное прекращение сообщения между провинциями, торговцы Беллатюли обнаружили, что их торговля значительно сократилась. Но, по крайней мере, не было голода, потому что провинция в основном сама снабжала себя продовольствием. В значительной степени завися от богатого рыболовного промысла и небольшого сельского хозяйства, Беллатюль казалась спокойной и оставалась лояльной к центральному правительству.

Валентайн надеялся взять там корабль, чтобы поехать на Остров посоветоваться по стратегическим вопросам со своей матерью. Но капитаны кораблей в Беллатюле решительно отговаривали его от поездки на Остров теперь.

— Ни один корабль уже несколько месяцев не уходил отсюда на север,— говорили они

ему.— Эти драконы, они безумно стремятся туда, разбивая все, что плывет вверх вдоль берега или к Архипелагу. Поездка на север или на восток, пока это все продолжается, будет самоубийством.

— Возможно, пройдет еще шесть или восемь месяцев,— говорили они,— прежде чем последняя из стай драконов, которая недавно обогнула юго-восточный берег Зимроеля, завершит свое путешествие в северных водах, и морские пути снова станут свободными.

Перспектива быть пойманными в далекой и мрачной Беллатюле привела Валентайна в ужас. Возвращаться назад в Пиурифаину было бессмысленно, а обходить провинцию метаморфов по обширному материку было бы медленно и рискованно. Но есть еще один вариант.

— Мы можем отвезти вас в Сувраель, милорд,— сказали капитаны.— Драконы совсем не входят в южные воды, и путь свободен.

— Сувраель?

С первого взгляда идея казалась странной. Но потом Валентайн подумал: "А почему бы нет? Помощь Баржазидов может быть ценной. Конечно, ею не следует пренебрегать. И, возможно, есть какой-то морской путь от южного материка к Острову или к Альханроелю, который выведет

его из зоны, осажденной буйными морскими драконами. Да. Да. Итак, в Субраель".

Путешествие было коротким. И вот флот торговых судов Беллатюли, уверенно двигающихся навстречу обжигающему южному ветру, входит в порт Талагаи.

Город изнывал от дневной духоты. Это было мрачное место, хаос безвкусицы, грязно-серые здания высотой в один-два этажа тянулись вдоль берега и проникали вглубь до гряды низких холмов, являющихся границей между прибрежной равниной и жестокой внутренней пустыней. Когда королевскую группу сопровождали на берег, Карабелла испуганно посмотрела на Валентайна. Он ободряюще улыбнулся ей, но без особой убедительности. Гора Замка, казалось, находилась теперь на расстоянии не в десять тысяч, а десять миллионов миль.

Но пять чудесных плавунов, украшенных жирными полосами пурпурного и желтого тонов, цветов Короля Снов, ждали во дворе таможни. Охранники в ливреях тех же тонов стояли перед ними, и когда Валентайн и Карабелла приблизились, высокий, сильный мужчина с густой черной бородой, слегка посеребренной, вышел из плавуна и медленно пошел к ним, слегка при-

храмывая.

Валентайн хорошо помнил эту хромоту, поскольку когда-то это была его хромота. Как и тело, которое имел этот чернобородый мужчина Доминин Баржазид, бывший узурпатор, по приказу которого лорд Валентайн был закован в тело какого-то неизвестного златоволосого человека, чтобы Баржазид, выдал тело Валентайна за свое собственное, мог править под видом Валентайна на Горе Замка. И хромота была делом давних лет. В молодости он повредил ногу по глупой случайности, когда ехал верхом с Элидатом в Пигмейском лесу под Амблеморном на Горе.

— Милорд, добро пожаловать,— сказал Доминин Баржазид с большой теплотой.— Вы оказали нам большую честь своим визитом, которого мы ждали так много лет.

Покорно он передал Валентайну знак лучистой звезды трясущимися руками, что не ускользнуло от взгляда Коронованного. Валентайн сам растрогался. Было необычно и волнующе снова видеть свое первое тело, которым теперь обладал другой. Он и не пытался вернуть это тело после поражения Доминина, но все равно испытал сильное замешательство, когда увидел чужую душу, отражающуюся в его глазах. Также с волнением

смотрел он на бывшего узурпатора, полностью очистившегося от своей измены, такого искреннего в своем гостеприимстве.

Были такие, кто хотел предать Доминина смерти за его преступление, но Валентайн никогда не проявлял желания поощрять такие разговоры. Возможно, какой-то варварский король в далеком доисторическом прошлом и казнил своих врагов, но никакое преступление, даже покушение на жизнь Коронованного не влекло такое суровое наказание в Маджипуре. Кроме того, падший Доминин сошел с ума, потрясенный открытием, что его отец, предполагаемый Король Снов, в действительности был самозванец-метаморф.

Было бы бессмысленно подвергать наказанию такое раздерганное создание. Валентайн, вернувшись на трон, простил Доминина и передал членам его семьи, так что он мог вернуться в Сувраель. Там он медленно поправлялся. Несколько лет спустя он добивался разрешения приехать в Замок, чтобы просить о прощении Коронованного. "У тебя уже есть мое прощение",— ответил Валентайн. Однако Доминин все же приехал и на аудиенции в Конфалюмском тронном зале искренне и смиренно опустился на колени и снял тяжесть измены со своей души.

"Теперь,— думал Валентайн,— обстоятельства снова круто изменились, я в имении Доминина, и я не просто изгнанник".

Доминин сказал:

— Мой королевский брат Минакс послал меня, милорд, чтобы проводить вас во Дворец Баржазидов, где вы будете нашим гостем. Вы поедете со мной в первом плавуне.

Дворец находился далеко за Талагаи, в жестокой и скорбной долине. Валентайн снова и снова видел его в снах: зловещая, угрожающая конструкция из темного камня, увенчанная множеством остроконечных башен и изогнутых перил. Безусловно, оно было спроектировано, чтобы устрашить глаз и внушить ужас.

— Как отвратительно! — прошептала Карабелла, когда они приблизились к нему.

— Подожди,— сказал Валентайн.— Только подожди!

Они проехали через большие мрачные опускные ворота и очутились в месте, которое изнутри было разительным контрастом отталкивающему, вызывающему отвращение внешнему виду. Просторный внутренний двор отражал мягкую музыку струящихся фонтанов, и прохладный благоухающий воздух сменил горчащую духоту

внешнего мира. Как только Валентайн вышел из плавуна под руку с Карабеллой, он увидел слуг, ожидавших с охлажденными винами и щербетом, и услышал музыкантов, игравших на изысканных инструментах. В середине стояли в ожидании две фигуры, одетые в свободные белые одежды. Один с мягким добрым лицом, бледный, с округлым животом; другой худой, с ястребиным лицом, загорелый, почти черный от солнца пустыни. На лбу человека с ястребиным лицом сверкала золотая диадема, которая выделяла его как Силу Маджипуры. Валентайну вряд ли нужно было говорить, что это был Минакс Баржазид, ставший Королем Снов вместо своего умершего отца. Другой мужчина, с более мягким лицом, был, вероятно, его брат Кристоф. Оба сделали знак лучистой звезды, и Минакс вышел вперед, чтобы подать Валентайну чашу охлажденного голубого вина.

— Милорд,— сказал он,— в суровое время вы посетили нас. Но мы радостно приветствуем вас, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Мы в неоплатном долгу у вас, милорд. Все, что есть у нас,— ваше. И все, чем мы располагаем, к вашим услугам.

Очевидно, это была речь, которую он тща-

тельно подготовил, а отточенные фразы были отрепетированы. Потом Король Снов наклонился вперед, и когда его жесткие блестящие глаза встретились с глазами Коронованного, он сказал уже более глубоким и интимным голосом:

— Вы можете найти здесь убежище так долго, как пожелаете.

Валентайн тихо ответил:

— Вы неправильно меня поняли, Ваше Величество. Я приехал сюда не искать убежище, а просить вашей помощи в предстоящем сражении.

Король Снов, казалось, был удивлен этим:

— Я, конечно, вам помогу. Но вы действительно надеетесь, что мы сможем освободиться от смятения, охватившего нас? Я должен сказать вам, милорд, что я очень внимательно следил за миром через это,— он дотронулся до диадемы, олицетворяющей Силу,— и я не вижу, милорд, никакой надежды, даже самой маленькой.

За час до сумерек пение началось снова в центре Ни-мои, тысячи или сотни тысяч голосов выкрикивали с огромной силой:

— Талимон! Талимон! Лорд Талимон! Талимон! Талимон!

Звук этого неистового, ликующего крика ка-

тился по склонам удаленного Жимбелукского района и доносился до тихих окрестностей Парка Мифических животных, как огромная неудержимая волна.

Уже третий день как начались Демонстрации в честь нового Коронованного, и сегодняшние беспорядки были самыми неистовыми. Вполне вероятно, что они сопровождались бесчинствами, грабежами, повсеместными разрушениями. Но это почти не беспокоило Ярмуза Хитайна. И без того это был один из самых ужасных дней, которые он пережил за долгий срок своего пребывания в должности хранителя Парка, ниспровержение всего, что он считал правильным, рациональным и разумным. Так зачем ему беспокоиться о незначительном шуме, поднятом какими-то дураками в городе?

На рассвете этого дня Ярмуз Хитайн был разбужен самым юным помощником хранителя, который сказал ему робко:

— Вингол Наила вернулся, сэр. Он ждет у восточных ворот.

— Он много привез с собой?

— О, да, сэр! Три полных грузовых плавуна, сэр!

— Я сейчас буду,— сказал Ярмуз Хитайн.

Вингол Наила, главный полевой зоолог парка, последние пять месяцев исследовал зараженные северные районы центрального Зимроеля. Он не был человеком, которого Ярмуз Хитайн очень любил, поскольку был склонен к нахальству и надменному самодовольству, и всякий раз, когда он подвергался смертельной опасности, преследуя ка кого-нибудь неуловимого животного, он делал все для того, чтобы каждому стало известно, насколько смертельной была эта опасность. Но профессионалом он был превосходным, выдающимся собирателем диких животных, неутомимым, бесстрашным. Как только начали поступать сведения, что незнакомые и нелепые существа вызывают опустошение

в регионе между Хинтором и Дулорном, Наила, не теряя времени, снарядил экспедицию.

Экспедиция была успешной. Когда Ярмуз Хитайн прибыл к восточным воротам, он увидел Наила, с важным видом расхаживающего на другом конце энергетического поля, куда не допускались посторонние и где содержались редкие животные. За пределами этой зоны розовой дымки Наила наблюдал за разгрузкой огромного количества деревянных контейнеров, из которых доносилось всевозможное шипение, рычание,

жужжание, повизгивание и поскуливание. Увидев Хитайна, Наила закричал:

— Хитайн! Вы не представляете, что я привез!

— А что вы привезли?

Процесс приема, казалось, уже начался: все работники, которые еще остались, проносили животных Наила в ящиках через ворота к зданию приемного пункта, где их помещали в клетки, пока достаточно не изучат, чтобы отпустить в один из открытых вольеров.

— Осторожно! — кричал Наила, когда двое мужчин, приподнимая массивный контейнер, едва не уронили его на бок. — Если это животное вырвется на свободу, мы все об этом пожалеем, и вы в первую очередь!

Повернувшись к Ярмузу Хитайну, он сказал:

— Это действительно ужасное зрелище. Хищники — только хищники… Зубы, как ножи, когти, как бритвы. Я не понимаю, как мне удалось вернуться живым. Много раз казалось, что пришел мне конец, а я даже не записал ничего в Реестр Душ. Какая была бы потеря, какая потеря! Но вот я здесь. Идите, вы увидите сами.

Да, зрелище ужасное. Все утро и весь день Ярмуз Хитайн был свидетелем невозможного, страшного и неприятного: чудовища, уроды, ужасные

аномалии.

— Эти бегали в окрестностях Мазадоны,— сказал Наила, показывая на пару яростно рычащих животных с горящими красными глазами и тремя неимоверно острыми рогами длиной в десять дюймов, растущими на лбу. Ярмуз Хитайн узнал в них по густому рыжеватому меху хайгусов, но никогда он не видел еще хайгусов с рогами или таких злых.

— Мерзкие маленькие убийцы,— сказал Наила.— Я видел, как они бежали за бедным блавом, который просто обезумел, и прикончили его через пять минут, прыгнув на него и вонзив рога ему в живот. Я поймал их, когда они насыщались, а потом явился вот этот, чтобы доесть остатки.— Он указал на темнокрылого канавонга со зловещим черным клювом и единственным сверкающим глазом в середине вытянутого лба: невинный скавенжер, загадочно трансформированный в чудовище из кошмара.

— Видели ли вы что-либо столь же отвратительное?

— Мне не хотелось бы увидеть более отвратительное,— сказал Ярмуз Хитайн.

— Но вы увидите. Вы увидите. Отвратительнее, мерзостнее, ужаснее… Посмотрите на эти

клетки.

Ярмуз Хитайн уже не думал, что ему хочется их видеть. Всю свою жизнь он провел с животными, изучая, исследуя их повадки, заботясь о них. Любя их в прямом смысле этого слова. Но эти… эти…

— Посмотрите на этого,— продолжал Наила,— миниатюрный думкар, в десять раз меньше обычного экземпляра и в пятьдесят быстрее. Он не станет сидеть в песке, крутя своей мордой в поисках обеда, нет, это дьявольское маленькое существо, которое догонит вас и в мгновение ока сгрызет вашу ногу до колена. Или этот: манкулан, вы бы узнали?

— Конечно. Но манкуланов нет в Зимроеле.

— Я тоже так думал, пока не встретил этого приятеля на горных дорогах. Очень похож на манкуланов из Стоензора, не так ли? Но по меньшей мере с одной разницей.

Он опустился на колени перед клеткой, в которой находилось округлое существо со множеством ног, и издал низкий рокочущий звук. Манкулан тут же громыхнул в ответ и угрожающе задвигал длинными кинжалообразными иглами, которые покрывали все его тело, словно хотел метнуть их сквозь решетку. Кайл сказал:

— Мало того, что он покрыт колючками. Они

ядовиты. Одна царапина — и ваша рука распухла на неделю, по себе знаю. Не знаю только что произойдет, если колючка проникнет глубже, да и не хочу знать. А вы?

Ярмуз Хитайн поежился. Ему стало тошно при мысли, что эти вселяющие ужас существа поселятся в Парке Мифических животных, который был основан, много лет назад как убежище для существ, в основном мягких и безобидных, близких к исчезновению в результате распространения цивилизации на Маджипуре. Конечно, в коллекции парка немало хищников, о чем Ярмузу Хитайну никогда не приходилось сожалеть. В конце концов они были творениями Божьими и если считали нужным убить кого-то, чтобы съесть, это не переходило границ их врожденной злобности. Но эти, эти…

"Порождение зла,— подумал он.— Они должны быть уничтожены!"

Мысль эта поразила его. Ничего подобного прежде не могло прийти ему в голову. Животные — порождения зла? Как могут быть животные злом? Неприятными, опасными — да, но злом не могут быть даже эти твари. Зло должно гнездиться где-то в другом месте — в их создателях. Нет, даже не в них. У тех тоже могут быть основания,

чтобы натравить этих тварей на мир, и причина, наверное, не в том, чтобы делать зло ради самого зла, если я не ошибаюсь. Но в чем же тогда зло? И сам себе ответил: "Зло находится повсюду, им насыщен сам воздух, которым мы дышим. Это всеобщее разложение, в котором все мы участвуем. Кроме животных".

— Разве возможно,— спросил Ярмуз Хитайн,— чтобы метаморфы обладали умением выводить такие существа?

— Как оказалось, метаморфы умеют многое такое, что мы не потрудились изучить. Они сидели там, в Пиурифаине, и годами потихоньку готовили этих животных, накапливая их запас. Можете вы представить, каким должно было быть место, где они содержали их всех — зоопарк ужасов, скопище чудовищ? И теперь они оказались так добры, что поделились ими с нами.

Но можем ли мы быть уверены, что эти животные появись из Пиурифаины?

— Я внимательно проследил направление их распространения. Лучи расходятся из района юго-восточнее Илиривойна. Это работа метаморфов, без сомнения. Такого просто не может быть, чтобы две или три дюжины отвратительных новых видов животных появились в Зимроеле в

одно и то же время в результате непроизвольной мутации. Мы находимся в состоянии войны.

Это оружие, Хитайн.

Мужчина постарше кивнул:

— Думаю, что вы правы.

— Но самое худшее я оставил напоследок. Идите, посмотрите!

В клетке из тесно переплетенных металлических прутьев так, что он мог видеть сквозь ее стены, Хитайн заметил взбудораженную орду небольших крылатых созданий, бьющихся о стенки решетки, с силой ударявших по ней своими кожистыми черными крыльями, отскакивающих от нее и снова взмывающих вверх для новой попытки. Это были маленькие пушистые твари почти в семь дюймов длиной с непропорционально большой пастью и блестящими красными, похожими на бусинки, глазками.

— Диимы,— сказал Наила.— Я поймал их в двикковом лесу под Боргасом.

— Диимы? — охрипшим голосом переспросил Хитайн.

— Да, диимы. Нашел их в то время, как они поедали двух своих лесных собратьев, которых, полагаю, сами и убили… Так были увлечены пищей, что не заметили, как я подошел. Я усыпил

их из своего обрызгивателя и потом собрал. Некоторые из них проснулись прежде, чем я сунул их в ящик. Мне повезло, что мои пальцы уцелели, Ярмуз.

— Я знаю диимов,— сказал Хитайн.— Они два дюйма длиной, полдюйма в ширину. А эти размером с крысу.

— Да. Крысы, которые летают. Крысы, которые едят мясо. Насекомоядные гигантские диимы, а? Диимы, которые не просто клюют и отщипывают, диимы, которые могут ободрать лесного собрата до костей в десять минут. Не милые ли они? Представьте их стаю, залетающую в Ни-мою. Миллион, два миллиона… От них тесно в воздухе, как от москитов. Бросающиеся вниз. Поедающие все на своем пути. Новая эпидемия саранчи… саранчи, питающейся мясом.

Хитайн почувствовал, что успокаивается. Он увидел так много сегодня. Его мозг был перегружен ужасами.

— Они бы сделали жизнь очень трудной,— сказал он мягко.

— Да. Очень, очень трудной. Нам нужно было бы носить доспехи.

Наила засмеялся.

— Диимы — их шедевр, Хитайн. Не нужно бомб,

когда можно запустить на своих врагов смертоносных летающих грызунов, а? А?

Ярмуз Хитайн не ответил. Он уставился на клетку беснующихся злых диимов, как будто смотрел в шахту, доходящую до центра мира.

Издалека донеслись возобновившиеся крики:

— Талимон! Талимон! Лорд Талимон!

Наила нахмурился, навострил уши, напрягся, чтобы разобрать слова.

— Талимон? Это они кричат?

— Лорд Талимон,— сказал Хитайн.— Новый Коронованный. Он всплыл три дня назад, и каждый вечер они собирают митинги в его честь возле Нисиморнской Панорамы.

— Здесь работал как-то один Талимон. Это его родственник?

— Это он и есть,— сказал Хитайн.

Вингол Наила, казалось, был оглушен.

— Что? Шесть месяцев назад он выметал дерьмо из клеток, а теперь он Коронованный? Это возможно?

— Любой теперь может стать Коронованным,— спокойно сказал Хитайн.— Но только на неделю или две, так кажется. Возможно, скоро придет ваш черед, Вингол,— он хихикнул.— Или мой.

— Как такое произошло, Ярмуз?

Хитайн пожал плечами. Широким жестом руки он показал на вновь набранных животных Наила, рычащих трехрогих хайгусов, крошечных думканов, одноглазого канавонга, диимов — все странное, пугающее, все напряженное от неутомимого голода и ярости.

— Как все это произошло? — спросил он.— Когда такие чудовища, как эти, натравлены на мир, почему не сделать подметальщиков дерьма Коронованными? Сначала жонглеры, потом подметальщики дерьма, потом зоологи, может быть. Ну, почему нет? Как тебе это нравится? Вингол! Лорд Вингол! Все приветствуют лорда Вингола!

— Оставь это, Ярмуз.

— Ты был в лесу занят своими диимами и манкуланами. Я вынужден был наблюдать, что происходило здесь. Я чувствую, что очень устал, Вингол. Я видел слишком много.

— Лорд Талимон! Представь!

— Лорд тот, лорд этот, лорд кто угодно — нашествие Коронованных весь месяц и также пара Понтификов. Они не держатся долго. Но будем надеяться, что Талимон продержится. По меньшей мере, может быть, он защитит парк,— сказал Хитайн.

— От чего?

— От нападения толпы. Они голодны там, внизу, а здесь, вверху, мы продолжаем кормить животных. Мне говорили, что какие-то агитаторы в городе подбивают народ ворваться в парк и зарезать всех на мясо.

— Вы это серьезно?

— Вероятно, так.

— Но эти животные бесценные… незаменимые!..

— Скажите это голодающему, Вингол,— тихо произнес Хитайн.

Наила посмотрел на него.

— И вы, действительно, думаете, что этот лорд Талимон собирается сдержать толпу, если они решат напасть на парк?

— Он работал здесь когда-то. Он понимает значение того, что мы имеем здесь. Он должен испытывать какую-то любовь к животным, вам не кажется?

— Он чистил клетки, Ярмуз.

— Даже так…

— Может быть, он сам голоден, Ярмуз.

— Положение плохое, но не безнадежное. Еще нет. И в любом случае, какая польза съесть несколько костлявых сигамойнов, димилюков и зампидунов? Один обед на несколько сотен

человек — такова цена науки.

— Толпа не рассуждает,— сказал Наила,— и вы переоцениваете своего Коронованного, чистильщика дерьма, мне кажется. Он, может быть, ненавидел это место, ненавидел свою работу, ненавидел вас, ненавидел животных. Также он может решить, что укрепит свое положение, если поведет своих сторонников на холм пообедать. Он знает, как пройти в ворота, не так ли?

— Ну… Я полагаю…

— Все сотрудники знают, где находятся ящики с ключами, как нейтрализовать поле, чтобы по нему можно было пройти.

— Он не станет…

— Он может, Ярмуз. Примите меры. Вооружите людей.

— Вооружить их? Чем? Вы думаете, я храню здесь оружие?

— Это место уникально. Если животные пропадут, их уже никогда не восстановить. На вас ответственность, Ярмуз!

С расстояния, но не такого удаленного, как раньше,— подумал Хитайн,— донесся крик:

— Талимон! Лорд Талимон!

Наила сказал:

— Вы думаете, они идут?

— Он не станет. Он не станет.

— Талимон! Лорд Талимон!

— Уже ближе,— сказал Наила.

В дальнем конце комнаты возникло смятение. Один из хранителей парка вбежал, задыхаясь, с блуждающим взглядом.

— Сотни людей,— кричал он.— Тысячи! Направляются в Жимбелук!

Хитайн почувствовал, как поднимается паника. Он оглядел своих служащих.

— Проверьте ворота. Полностью удостоверьтесь, что все хорошо закрыто. Потом начинайте закрывать внутренние ворота. Всех животных, которые находятся в поле, нужно угнать как можно дальше в северный конец парка. У них там больше возможности спрятаться в лесу. И…

— Это не тот способ,— сказал Вингал Наила.

— Что мы еще можем сделать? У меня нет оружия, Вингол. У меня нет оружия!

— У меня есть.

— Что вы имеете в виду?

Я рисковал своей жизнью тысячу раз, собирая животных для этого парка. Особенно тех, что я привез сегодня. Я намерен защищать их.— Он отвернулся от Ярмуза Хитайна.— Сюда! Сюда, помогите мне с этой клеткой!

— Что вы делаете, Вингол?

— Не обращайте внимания. Идите, проследите за своими воротами.

Не дожидаясь, пока ему помогут, Наила начал затаскивать клетку с диимами на маленькую тележку-плавун, на которой ее ввезли в здание. Хитайн внезапно осознал, каким будет оружие, которое был намерен использовать Наила. Он ринулся вперед, хватая молодого человека за руку. Наила без труда оттолкнул его и, не обращая внимания на резкие протесты Хитайна, выкатил тележку из здания.

Посягатели из города по-прежнему выкрикивали имя своего вождя. Их голоса были слышны все ближе и ближе. "Парк будет уничтожен,— подумал Хитайн, объятый ужасом.— И все же... если Наила действительно намерен"...

Нет. Нет. Он выбежал из здания, пристально вгляделся в сумерки, заметил фигуру Вингола Наила далеко у восточных ворот. Крики теперь были намного громче.

— Талимон! Талимон!

Хитайн увидел толпу, разлившуюся по широкой площади по другую сторону ворот, где каждое утро посетители дожидались часа открытия парка. Причудливая фигура в немыслимых красных

одеждах с белой отделкой — это и был Талимон, не так ли? Он стоял наверху какого-то паланкина, безумно размахивал руками, призывая толпу атаковать. Энергетическое поле, окружающее парк, оттолкнет несколько людей или одно-двух животных, но оно не было предназначено для того, чтобы выдерживать напор огромной беснующейся толпы. Здесь попросту не подумали о беснующихся толпах. Но теперь…

— Назад! — закричал Наила.— Отходите прочь! Я предупреждаю вас!

— Талимон! Талимон!

— Я предупреждаю, уходите отсюда!

Они не обращали внимания! Они проталкивались вперед, как стадо обезумевших бидлаков, атакующих без разбора любое препятствие. Хитайн, словно в тумане, видел, как Наила подал сигнал одному из охранников, который на короткое мгновение отключил энергетический барьер. Но Наиле хватило его, чтобы вытолкнуть клетку с диимами на площадь, выдернуть засов, на который закрывалась ее дверца, и отскочить в безопасное укрытие смутного розового тумана,

— Нет,— пробормотал Хитайн.— Нет, даже ради спасения парка, нет… нет…

Диимы устремились из своей клетки с такой

быстротой, что одно маленькое животное сливалось со следующим, и они превратились в воздушный поток золотистого меха и ужасных черных крыльев.

Они поднимались вверх на тридцать, сорок футов, потом разворачивались и с неистовой силой и ненасытной жадностью вонзались в первые ряды толпы, как будто они месяцы ничего не ели. Те, которые подверглись нападению, поначалу, казалось, не поняли, что с ними произошло, они пытались отогнать диимов, раздраженно отмахиваясь руками, как от надоедливых насекомых. Но диимов было не так легко отогнать. Они ныряли, кусали, отрывали куски мяса и поднимались, чтобы жадно проглотить свою добычу, и снова бросались вниз. Новый лорд Талимон, истекающий кровью из дюжины ран, свалился со своего паланкина и растянулся на земле. Диимы заканчивали, возвращаясь к тем в передней линии, кто уже был ранен, снова разрывая их мышцы и мягкие ткани под ними.

— Нет,— снова и снова повторял Хитайн на своем безопасном месте за воротами.— Нет. Нет. Нет.

Яростные маленькие существа были безжалостными. Толпа обратилась в паническое бегство,

люди пронзительно кричали, разбегались в разные стороны в хаосе сталкивающихся тел, ищущих дорогу к отступлению назад, в Ни-мою, а те, которые падали, лежали в ярко-красных лужах, так как диимы пикировали и пикировали снова. Некоторые лежали уже обглоданные до костей с остатками кусочков мяса, которые тоже уничтожались. Хитайн услышал рыдания и не сразу понял, что рыдает он сам.

Потом все было кончено. Неестественная тишина воцарилась на площади. Толпа разбежалась, жертвы на мостовой уже не стонали; диимы, насытившиеся, кружили над площадью, взмахивая крыльями, потом поднялись все в ночное небо и улетели. Бог знает куда.

Ярмуз Хитайн, дрожащий, трясущийся, медленно пошел от ворот. Парк был спасен. Повернувшись, он посмотрел на Вингола Наила, который стоял, как ангел мщения, с раскинутыми руками и ярко горящими глазами.

— Вы не должны были этого делать,— сказал Хитайн голосом, настолько срывающимся от перенесенного потрясения, что он с трудом выдавливал из себя слова.

— Они уничтожили бы парк.

— Да, парк спасен. Но посмотрите… посмот-

рите…

Наила пожал плечами:

— Я предупредил их. Как я мог позволить им разрушить все, что мы здесь создали, только чтобы съесть немного свежего мяса?

— Все равно, вы не должны были этого делать.

— Вы так думаете? Я ни о чем не жалею, Ярмуз. Ни о чем.

Он обдумывал это минуту.

— О, есть одно. Я хотел бы, чтобы у меня было время отделить несколько диимов для нашей коллекции. Но не было времени, а теперь они все далеко, а у меня нет желания возвращаться в Боргас и искать там других. Я больше ни о чем не жалею, Ярмуз. И у меня не было другого выбора, как отпустить их. Они спасли парк. Как могли мы позволить этим сумасшедшим уничтожить его? Как, Ярмуз? Как?

Хотя прошло совсем немного времени после рассвета, яркий солнечный свет освещал широкие и мягкие изгибы долины Глайджа, когда Хиссун, поднявшийся рано, вышел на палубу речного ботика, который вез его назад к Горе Замка.

На западе, где река делала широкий поворот к месту террасовых каньонов, все было скрыто туманом, словно это было самое первое утро. Но,

посмотрев на восток, Хиссун увидел отчетливые, покрытые красной черепицей крыши великого города Пандивана, сверкающие в утреннем свете, и по течению реки виднелся извилистый низкий берег Макропосопуса. За ним лежали Апокрун, Стангардский водопад, Нимиван и остальные города долины, являвшиеся домом для пятидесяти или даже более миллионов своих жителей. Счастливые города, где жизнь была легкой; но теперь угроза неизбежного крушения нависла над ними, и Хиссун знал, что весь народ, вверх и вниз по реке Глайдж, ждал, сомневаясь и опасаясь. Ему хотелось протянуть к ним руки через борт своего судна, укрыть их в теплых объятиях, закричать: "Ничего не бойтесь! Бог с нами! Все будет хорошо!"

Но так ли это?

Никто не знает воли Бога, подумал Хиссун. Но не зная об этом, мы должны формировать свои судьбы в соответствии с тем, что считаем подходящим. Как скульпторы, мы высекаем свою жизнь из бесформенного камня будущего, час за часом, час за часом, следуя тому замыслу, который мы держим в своей голове, и если замысел разумный и работа выполнена удачно, результат покажется приятным, когда будет нанесен последний

штрих. Но если наш замысел необдуманный, а работа сделана небрежно, тогда пропорции будут неточными и гармония нарушена. И если работа, таким образом, будет дефектной, можем ли мы сказать, что такова была воля Бога? Или, скорее всего, наш план был плохо разработан?

Мой план, говорил он себе, не должен быть плохим. И тогда все будет хорошо, и тогда скажут, что это Бог был с нами.

В течение быстрого продвижения на север по реке он строил и перестраивал свои планы, проезжая мимо Джерика, Гизельдорна и Сатикора, где в верховье Глайджа его потоки спускались с предгорий Горы Замка. К тому времени, как он достиг Амблеморна, замысел того, что следует предпринять, сформировался ясно и крепко в его голове.

Отсюда было невозможно продолжать путь по реке, поскольку в Амблеморне и зарождался Глайдж из множества притоков, стекавших с Горы, и ни одна из этих небольших рек не была судоходной. Далее на плавуне он поднимался по склону Горы, минуя пояс Городов Подъема, пояс Свободных Городов и Городов Охранения, мимо Морволя, где родился Элидат, и Норморка с его великой стеной и великими воротами, мимо Хай-

на, где листья на деревьях были ярко-красными, розовыми, рубиновыми или алыми, мимо Гриля и его кристаллических скал и Верхней Сиглы с пятью вертикальными озерами и еще дальше к Внутренним Городам, Банглекоду, Бомбифелю и Перитолю и остальным городам, и дальше, дальше по громадной горе поднималась группа плавунов.

Это просто немыслимо,— сказала Элзинома, которая путешествовала вместе с сыном. Она вообще никогда не выезжала из Лабиринта, и начать свои поездки по миру с того, чтобы взобраться на Гору Замка, было немало. Хиссун с удовлетворением заметил, что ее глаза расширились, как у маленького ребенка, и порой она, казалось, так была пресыщена чудесами, что с трудом могла говорить.

Подожди,— говорил он.— Ты еще ничего не видела.

Через Перитольский перевал, где произошла решающая битва войны за восстановление, мимо удивительных шпилей самого Бомбифэля и на новый уровень зоны Верхних Городов по горной дороге из камня-плитняка, ведущей из Бомбифэля в Верхний Морпин, потом через поля, ослепляющие своим великолепием цветов, по

Гранд-Капитанскому шоссе и выше, и выше, пока на вершине не показались очертания Замка лорда Валентайна.

Когда его плавун выехал на Площадь Дизимул у южного крыла, Хиссун с тревогой увидел, что его ожидает делегация встречающих. Среди них Стазилен, Мириган, Элзандир и свита помощников. Не было Дивиса.

— Они пришли приветствовать тебя, как Коронованного? — спросила Элзинома, и Хиссун улыбнулся, покачав головой.

— Я очень сомневаюсь в этом,— сказал он.

Шагая в их сторону по зеленой булыжной мостовой, он думал, какие изменения могли произойти здесь за время его отсутствия. Дивис объявил себя Коронованным? Его друзья здесь, чтобы посоветовать ему бежать, пока у него есть возможность? Нет, нет, они улыбаются, они столпились вокруг него, они ликующе обнимают его.

— Какие новости? — спросил Хиссун.

— Лорд Валентайн жив! — крикнул Стазилен.

— Слава Богу! Где он теперь?

— В Суврaеле,— сказал Мириган.— Он гостит во Дворце Баржазида. Так говорит сам Король Снов, и как раз сегодня мы получили подтверждение от Коронованного.

— В Субраеле,— с удивлением повторил Хиссун, как будто ему сказали, что Валентайн уехал на какой-то неведомый материк в Великом Океане или вообще в другую Вселенную.— Почему в Субраеле? Как он попал туда?

— Он вышел из Пиурифаины на землю Беллатюли,— ответил Стазилен,— но буйство драконов не позволило ему плыть на север; и также в Пилиплок, который, думаю, вам известно, охвачен восстанием. Поэтому люди Беллатюли взяли его на юг, и там он задумал объединиться с Баржазидами, которые используют свои силы, чтобы вернуть мир к здравому рассудку.

— Смелый поступок.

— В самом деле! Вскоре он уплывает на Остров, чтобы снова встретиться с Леди!

— А потом? — спросил Хиссун.

— Это еще не решено.— Стазилен пристально посмотрел на Хиссуна.— Очертания предстоящих месяцев неясны нам.

— Думаю, что мне ясны,— сказал Хиссун.— Где Дивис?

— Он уехал на охоту сегодня,— сказал Элзандир.— В лес возле Франжиора.

— Но это же несчастливое для его семьи место! — сказал Хиссун.— Разве не там был убит его

отец, лорд Вориакс.

— Да, это так,— сказал Стазилен.

— Надеюсь, он более осторожен,— сказал Хиссун.— Впереди у него большие дела. И меня удивляет, что его нет здесь, если ему было известно, что сегодня я возвращаюсь из Лабиринта.

Альзимиру он сказал:

— Иди, найди милорда Дивиса, скажи ему, что должно немедленно состояться заседание Совета Регентства, и я жду его.

Потом он повернулся к другим и произнес:

— Я поступил невежливо, милорды, увлекшись разговором с вами, я не представил эту добрую женщину. Это леди Элзинома, моя мать, которая впервые в своей жизни видит мир, лежащий за пределами Лабиринта.

— Милорды,— сказала она, и ее щеки слегка порозовели. Однако на лице не было ни тени смущения или замешательства.

— Лорд Стазилен… Принц Мириган… Герцог Элзандир из Чорга…

Все по очереди приветствовали ее с высочайшим уважением, почти так, как будто она была самой Леди. Она принимала эти приветствия с таким видом, который доставил Хиссуну величайшее наслаждение.

— Пусть мою маму отведут,— сказал он,— в Павильон Леди Сиин и предоставят апартаменты, достойные какой-нибудь важной иерархини Острова. Я присоединюсь к вам в совещательной комнате через час.

— Часа не хватит лорду Дивису, чтобы вернуться с охоты — мягко сказал Мириган.

Хиссун кивнул.

— Я понимаю. Но моей вины нет в том, что лорд Дивис выбрал этот день, чтобы пойти в лес. А нам о многом нужно поговорить и многое сделать, так что мне кажется, мы можем начать раньше, чем появится он. Милорд Стазилен, вы согласны со мной?

— Наверняка.

— Что ж, двое из трех Регентов согласны. Этого достаточно чтобы созвать заседание. Милорды, встретимся в совещательной комнате через час.

Они все уже были там, когда Хиссун вошел в зал пятьдесят минут спустя, чистый и переодетый. Заняв свое место за главным столом рядом со Стазиленом он оглядел собравшихся принцев и сказал:

— Я разговаривал с Хорнкастом, и я лицезрел Понтифика Тивераса своими глазами.

В комнате возникло замешательство, накапли-

валась настороженность. Хиссун сказал:

Понтифик еще жив. Но это не та жизнь, как вы или я понимаем ее. Он больше не говорит — даже теми завываниями и воплями, которые последнее время были его языком. Он живет в другом царстве, далеко от нас, и мне кажется, что это то царство, которое находится на этой стороне у самого Моста Прощаний.

И как скоро он может умереть? — спросил Нимиан из Дантипмира.

О, не скоро, даже теперь,— ответил Хиссун.— У них свои чары, которые удержат его еще на годы от перехода на другую сторону. Но я верю, что нельзя больше задерживать этот переход.

Это решение должен принимать лорд Валентайн,— сказал герцог Халансы.

Хиссун кивнул:

— Действительно, я перейду к этому немного позже.

Он поднялся, подошел к карте мира и положил руку на середину Зимроеля.

— На пути в Лабиринт и обратно я регулярно получал донесения. Я знаю о том, что нам объявлена война пиуриварцев Фараатаа, и о том, что метаморфы стали теперь использовать не только бедствия в сельском хозяйстве Зимроеля,

но также и стаи ужасных новых животных, которые сеют панику и страх. Мне известно о голоде в районе Хинтора, об отделении Пилиплока, мятеже в Ни-мое. Мне, как и другим, неизвестно о том, что происходит к западу от Дулорна, по эту сторону Ущелья. Я знаю, что западный Альханроель быстро приближается к хаотическому состоянию другого материка и что разруха быстро продвигается на восток, доходит даже до подножия Горы. Перед лицом всего этого мы пока сделали мало конкретного. Центральное руководство, как оказалось, полностью пропало, герцоги провинций ведут себя так, как будто они совершенно независимы друг от друга, а мы остаемся здесь, собравшись на Горе Замка, высоко над облаками.

— И что вы предлагаете? — спросил Мириган.

— Несколько пунктов. Во-первых, вывод армии, чтобы закрыть границы Пиурифаины, изолировать провинцию и проникнуть в джунгли, чтобы найти Фараатаа и его сторонников, что, поверьте мне, непросто будет осуществить.

— И кто будет командовать этой армией? — спросил герцог Халансы.

— Позвольте мне вернуться к этому через минуту,— сказал Хиссун.— Продолжим: нам нужна

вторая армия, также созданная в Зимроеле, чтобы занять Пилиплок по возможности мирно и сохранить верность Центральному руководству. Третье, мы должны созвать тайное совещание всех правителей провинций, обсудить рациональное распределение продовольственных ресурсов. Провинции, еще не пораженные болезнями, поделятся с теми, которые страдают от голода. Конечно, мы призываем к жертвам, но не к невыносимым жертвам. Те провинции, которые не захотят поделиться, если такие окажутся, подвергнутся военной оккупации.

— Слишком много армий,— сказал Манганот,— для общества, у которого почти нет военных традиций.

— Когда возникает необходимость в армиях,— ответил Хиссун,— мы должны создавать их. Это было верно во времена лорда Стиамота, а также во время войны восстановления лорда Валентайна, и теперь это снова актуально, так как у нас нет выбора. Я хочу указать все же, что несколько неформальных армий уже существует под руководством различных самозванных новых Коронованных. Мы можем использовать эти армии и самих Коронованных.

— Использовать предателей? — воскликнул

герцог Халансы.

— Любого, кого можно использовать,— сказал Хиссун.— Мы предложим им присоединиться к нам, дадим высокое звание, хотя, я полагаю, не то звание, которое они уже дали себе, и мы разъясним им, что если они не станут сотрудничать, мы уничтожим их.

— Уничтожим? — спросил Стазилен.

— Да, это то слово, которое я имел в виду.

— Даже Доминин Баржазид был прощен и отправлен к своим братьям. Отнять жизнь, даже жизнь предателя…

— Не пустяковое дело,— сказал Хиссун.— Я намерен использовать этих людей, а не убивать их. Но, я думаю, мы должны будем убить их, если они откажутся сотрудничать. Я прошу вас все же рассмотреть этот вопрос в другой раз.

— Вы намерены использовать этих людей? — сказал принц Нимиан из Дандипленра.— Вы говорите как Коронованный!

— Нет,— сказал Хиссун.— Я говорю как один из тех двух, на кого, по вашему согласию, падет выбор. И ввиду того, что милорд Дивис, к сожалению, отсутствует, я говорю, может быть, слишком напористо. Но я долго размышлял над этим и не вижу альтернативы, неважно кто будет править.

— Лорд Валентайн правит,— сказал герцог Халансы.

— Как Коронованный,— добавил Хиссун.— Но я думаю, вы согласитесь, что в настоящем кризисе нужно, чтобы нами правил Понтифик, действенный Понтифик. Лорд Валентайн, как вы говорите, плывет на Остров, чтобы встретиться с Леди. Я предполагаю поехать туда же, поговорить с Коронованным и попытаться убедить его в важности восхождения в Понтификат. Если он увидит разумность моих доводов, то передаст свои пожелания по выбору преемника. Новый Коронованный, я думаю, должен решить задачу усмирения Пилиплока и Ни-мои и завоевать преданность лже-Коронованных. Другой из нас, я предлагаю, должен взять командование армией, которая войдет на земли метаморфов. Что касается меня, то мне все равно, кто наденет корону, Дивис или я, но существенно важно, чтобы мы сразу начали военные действия и приступили к восстановлению порядка, что уже давно назрело.

— И может, мы бросим монету? — неожиданно донесся голос из дверного проема.

Дивис, вспотевший, небритый и все еще в охотничьей одежде, предстал перед Хиссуном. Хиссун улыбнулся:

— Я рад снова видеть вас, милорд Дивис.

— Я сожалею, что пропустил многое в этом совещании. Мы сегодня формируем армии и избираем Коронованных, принц Хиссун?

— Лорд Валентайн должен выбирать Коронованного,— спокойно ответил Хиссун.— На вас и на меня ложится задача сформировать и повести армии. И, мне кажется, пройдет много времени, прежде чем кто-нибудь из нас снова будет иметь свободное время для таких развлечений, как охота, милорд.

Он указал на свободный стул рядом с собой за главным столом.

— Пожалуйста, садитесь, милорд Дивис. Я внес несколько предложений, которые повторю для вас, если вы уделите мне несколько минут. А потом мы должны будем принять некоторые решения. Так что, пожалуйста, садитесь и выслушайте меня, милорд Дивис. Пожалуйста, садитесь.

Ну, еще раз в море, сквозь обволакивающий зной и духоту и с неистовым ветром Суврaеля, дующим в спину, и быстрым, непрекращающимся течением с юго-запада, толкающим корабли к северным землям. Валентайн ощущал другие течения, бурные течения, захлестывающие его

душу. Слова главного представителя Хорнкаста на банкете в Лабиринте все еще звучали в нем, как будто он услышал их только вчера.

— Коронованный — это воплощение Маджипуры. Он — есть мир; мир — есть Коронованный.

Да. Да.

И по мере того, как он передвигался по поверхности мира от Горы Замка к Лабиринту, из Лабиринта к Острову, от Острова в Пилиплок, Пиурифаину, Беллатюль, из Беллатюли в Суврaель, из Суврaеля снова на Остров, душа Валентайна все шире открывалась страданиям Маджипуры, его сознание становилось еще более восприимчивым к боли, смятению, безумию, ужасу, которые разрывали на куски то, что было счастливейшим и самым спокойным из всех миров. Дни и ночи наполняли его страданиями двадцати миллиардов душ. Охотно принимал все это и жадно впитывал то, что Маджипура стремилась влить в него, и искал средства облегчить эту боль. Но нагрузка была чрезмерной, слишком многое переполняло его. И нельзя было убежать от этого, поскольку он был Силой Королевства, это был его крест, который он должен был нести.

Весь этот день он стоял на палубе один, глядя прямо вперед, и никто не смел подойти к нему,

даже Карабелла, такой плотной была стена изоляции, которой он оградил себя. Спустя некоторое время, она подошла к нему, робко, неуверенно, и стояла молча. Он улыбнулся и прижал ее к себе, ее бедро уперлось в его ногу, ее плечо — в его руку, но по-прежнему он не говорил, поскольку в этот миг он перешел в царство, которое выше слов, где он ощущал спокойствие, где его разъединенный дух мог как-то исцелиться. Он знал, что она не станет вторгаться в этот его мир.

Прошло много времени, она взглянула на запад, и у нее от изумления перехватило дыхание. Но она молчала по-прежнему. Он сказал как будто издалека:

— Что ты увидела, любимая?

— Там силуэт. Мне кажется, силуэт дракона.

Он не ответил.

— Возможно ли это, Валентайн? Нам сказали, что в это время здесь не бывает драконов. Но что тогда я вижу?

— Ты видишь дракона.

— Сказали, что их не будет. Но, я уверена, это он. Что-то темное. Большое. Плывет в том же направлении, что и мы. Валентайн, как здесь мог оказаться дракон?

— Драконы есть везде, Карабелла.

— Или это только мое воображение? Возможно, это только тень на воде… дрейфующая масса морских водорослей, может быть…

Он покачал головой.

— Ты видишь дракона, Короля-дракона, одного из самых огромных.

— Ты говоришь это, даже не посмотрев, Валентайн.

— Да. Не дракон там.

— Ты ощущаешь его?

— Да, я ощущаю эту громаду, его давящее присутствие. Силу его мозга. Этот мощный разум. Я ощутил его прежде, чем ты что-либо сказала.

— Ты чувствуешь так много теперь? — спросила она.

— Слишком много,— ответил Валентайн.

Он продолжал смотреть на север. Обширная душа дракона тяжестью лежала на его душе. Его чувствительность возросла за эти месяцы стресса; он был в состоянии теперь передавать мысли на расстояние почти без всякого усилия и, действительно, с трудом мог удержаться от этого. Спал он или нет, он блуждал глубоко в душе мира. Расстояние больше не казалось преградой. Он ощущал все, даже злые, ожесточенные мысли формодеев, даже медлительные пульсирующие

излучения морских драконов.

Карабелла сказала:

— Что нужно дракону? Он собирается напасть на нас?

— Я сомневаюсь.

— Можешь ты быть в этом уверен?

— Я ни в чем не уверен, Карабелла.

Он потянулся к огромному животному в море. Он силился прикоснуться к его разуму своим. На долю секунды возникло что-то, похожее на контакт, ощущение открытия, ощущение присоединения, Но тут же, словно мощной рукой, он был отброшен прочь, но не пренебрежительно, не надменно, а так, будто дракон говорил: "Не теперь, не здесь, еще не время".

— Ты выглядишь так странно,— сказала она.— Будет нападать дракон?

— Нет. Нет.

— Ты кажешься напуганным.

— Не напуганным, нет. Я просто пытаюсь понять, но я не чувствую опасности. Только наблюдение... настороженность... этот мощный ум продолжает наблюдать за нами...

— Возможно, посылая сообщения о нас формодеям.

— Я полагаю это возможным.

— Если драконы и формодеи в союзе против нас…

— Так подозревает Делиамбер, по свидетельству того, кто уже не сможет ответить на вопросы. Я думаю, все может быть еще сложнее. Мне кажется, нам еще долго предстоит понимать, что связывает формодеев и морских драконов. Но я говорю тебе, я не чувствую опасности.

Она помолчала минуту, глядя на него.

— Ты действительно можешь читать мысли дракона?

— Нет. Нет. Я чувствую разум дракона. Его присутствие. Я ничего не могу читать. Дракон — загадка для меня, Карабелла. Чем настойчивее я силюсь добраться до него, тем легче он отталкивает меня.

— Он поворачивает. Он начинает удаляться от нас.

— Да. Я чувствую, как он закрывает для меня свой мозг, отталкивает, не допускает меня.

— Что он хотел, Валентайн? Что он узнал?

— Хотел бы я знать,— сказал он.

Он крепко вцепился в перила, изможденный, трясущийся. Карабелла на мгновение накрыла его руку своей, пожала ее, потом она отодвинулась, и они снова стояли молча.

Он не понимал. Он понимал очень и очень мало. А он знал, что это существенно важно, чтобы он понял. Он был тем, через кого этот беспорядок мог быть разрешен и свершится примирение: в этом он был уверен. Он, только он, мог объединить в гармонии воюющие силы, но как? Как?

Когда несколько лет назад смерть брата неожиданно сделала его королем, он безропотно взял на себя это бремя, полностью отдавшись ему, хотя часто королевский сан казался ему колесницей, которая безжалостно тащила его за собой. Но по меньшей мере у него была подготовка, которую должен иметь король. Теперь, так начинало казаться, Маджипура требовала, чтобы он стал богом, а у него совсем не было подготовки.

Он чувствовал, что дракон все еще был там, где-то недалеко. Но он не мог вступить в связь и через некоторое время оставил попытки. Он стоял, пока не стало смеркаться, глядя на север, как будто хотел увидеть Остров Леди, сверкающий, как путеводная звезда во тьме.

Но Остров все еще был в нескольких днях пути. Они только теперь проходили широту большого полуострова, известного как Стоензар. Морской путь из Талагаи на Остров вел прямо через Внутреннее Море почти до Альханроеля… прак-

тически до мыса Стоензара, а потом изгибался по внутренней стороне Родамаунтского архипелага до Нуминорского порта. Такой путь использовал все преимущество преобладающего южного ветра и сильного Родамаунтского течения: было немного быстрее плыть из Суврaеля до Острова, чем с Острова в Суврaель.

В этот вечер много говорили о драконе. Зимой в этих водах их обычно было в изобилии, поскольку драконы, которые выжили в осеннем охотничьем сезоне, по традиции шли дальше, мимо берега Стоензара, продвигаясь на восток, назад в Великий Океан. Но это была не зима, и, как Валентайн и другие уже имели возможность наблюдать, драконы в этом году избрали необычный маршрут, поворачивая на север мимо западного берега Острова на какое-то таинственное свидание в полярных морях. Но в эти дни, несмотря ни на что, драконы были повсюду в море, или это так казалось, и кто знает почему? "Не я,— подумал Валентайн,— определенно не я".

Он спокойно сидел среди своих друзей, говорил мало, собираясь с силами, подготавливая себя.

Ночью он лежал не смыкая глаз, Карабелла рядом с ним, он слушал голоса Маджипуры. Он слышал, как они кричат от голода в Хинторе, виз-

жат от страха в Пидруиде; он слышал сердитые окрики бегущих по мощеным улицам Велатиса охранников и лающие вопли уличных ораторов в Алазоре. Он слышал, как выкрикивали его имя пятьдесят миллионов раз. Он слышал, как метаморфы в своих отсыревших джунглях смакуют победу, которая неминуемо придет, и он слышал, как перекликаются один с другим драконы сильными оглушительными голосами на дне моря.

И он почувствовал также холодное прикосновение над бровью руки его матери и слова Леди: "Ты скоро будешь со мной, Валентайн, и я успокою тебя".

А потом у него был Король Снов, заявивший: "Сегодня ночью хочу я пересечь мир, чтобы найти твоих врагов, друг Коронованный, и я поставлю их на колени — это то, что я намерен сделать". Это дало ему возможность немного отдохнуть, пока крики страха и боли не возобновились, а потом пение морских драконов, а потом шепот формодеев, и так ночь стала утром, и он поднялся со своей постели более утомленным, чем ложился в нее.

Но как только корабли прошли мыс Стоензара и вошли в воды между Альханроелем и Островом, болезнь Валентайна начала рассеиваться. Бомбардировка мучительных воплей со всех

концов мира не прекращалась; но здесь власть Леди была высшей и усиливалась с каждым днем, и Валентайн чувствовал ее рядом с собой в своем сознании, помогающую, направляющую, утешающую. В Суврaеле, встретившись лицом к лицу с пессимизмом Короля Снов, он горячо говорил о своей убежденности, что мир может быть восстановлен.

— Надежды нет,— сказал Минакс Баржазид, на что Валентайн ответил:

— Есть, если только мы дотянемся, чтобы ухватиться за нее. Я вижу путь.

И Баржазид сказал:

— Нет пути, и все потеряно,— на что Валентайн ответил:

— Только следуйте со мной, и я покажу путь.

И в конечном счете он вытащил Минакса из уныния и добился его скупой поддержки. Но надежда, найденная Валентайном в Суврaеле, каким-то образом выскользнула из его рук во время его путешествия на север; но теперь она, казалось, снова возвращалась.

Теперь Остров был очень близко. И с каждым днем он становился все выше над линией горизонта, и каждое утро, когда восходящее солнце освещало его восточный берег, его известковые

крепостные стены переливались разнообразными красками с первыми лучами — бледно-розовый цвет, потом ошеломляюще красный, который незаметно переходил в золотистый, и, наконец, когда солнце полностью поднималось, возникало великолепие абсолютной белизны, белизны, которая звенела по воде, как отзвук гигантских тарелок и возвышение незатухающей мелодии.

В порту Нуминора Леди ожидала его в доме, известном как Семь Стен. Снова иерархиня Талинот Эсулда провела Валентайна к ней в Эмеральдскую комнату; снова он увидел ее стоящей между двумя напольными вазами с танигалиями, улыбающуюся, с протянутыми к нему руками.

Но поразительные и пугающие перемены произошли с ней, заметил он, с того раза, меньше года назад, когда они встречались в этой комнате.

В ее темных волосах теперь пробивались седые пряди, теплый блеск глаз стал печальным и почти холодным, время совершило набег даже на ее королевскую манеру держаться: она стояла сгорбившись склонив голову. Она казалась ему когда-то богиней, теперь она казалась богиней, которая постепенно превращается в старуху, простую смертную.

Они обнялись. Казалось, она стала такой легкой, что случайный порыв ветра мог унесли ее прочь. Они вместе пили охлажденное золотистое вино, и он рассказывал ей о своих скитаниях в Пиурифаине, о путешествии в Сувраель, о встрече с Доминином Баржазидом и том удовлетворении, которое он испытал, видя, как его прежний враг вновь вернулся на путь истинной преданности.

— А Король Снов? — спросила она.— Он был приветлив?

— В высшей степени. Между нами было так много тепла, что я просто поразился.

— Баржазиды редко бывают любезными. Характер их жизни на этой земле и ужасная ответственность препятствуют этому. Но они не чудовища, как о них обычно думают. Этот Минакс — жестокий человек… я чувствую это в его душе, когда наши мысли встречаются, что бывает не часто, но он сильный и активный человек.

— Он видит будущее мрачным, но он обещал свою полную поддержку всему, что мы должны сделать. В этот момент он наполняет мир своими действенными посланиями с целью остановить безумие.

— Я об этом знаю,— сказала Леди.— Прошедшие недели я чувствовала его силу, текущую из Суврa-

еля, как никогда прежде. Он испустил мощное усилие, как и я, в своей более спокойной манере. Но этого будет недостаточно. Мир сошел с ума Валентайн. Восходит звезда наших врагов, а наша звезда слабеет, голод и страх правят теперь миром, а не Понтифик и Коронованный. Ты знаешь это, ты чувствуешь, как безумие давит на тебя, охватывает тебя, угрожает смести все прочь.

— Тогда мы потерпим неудачу, мама? Ты это хочешь сказать? Ты — источник надежды и утешения!

Искорка прежнего стального характера мелькнула в ее глазах.

— Я ничего не сказала о неудаче. Я только напомнила, что Король Снов и Леди Острова сами не в состоянии сдержать поток умопомешательства.

— Есть еще третья Сила, мама. Или ты думаешь, я не способен вести эту войну?

— Ты способен на все, чего захочешь добиться, Валентайн. Но даже трех Сил недостаточно. Хромое правительство не может выстоять в кризисе, который поражает нас теперь.

— Хромое?

— Оно стоит на трех ногах. Их должно быть четыре. Настало время старому Тиверасу уснуть.

— Мама…

— Сколько ты можешь уклоняться от своей обязанности?

— Я ни от чего не уклоняюсь, мама! Но если я закупорю себя в Лабиринте, какой цели я достигну!

— Ты думаешь, что Понтифик бесполезен. Какой странный взгляд на наше содружество должен быть у тебя, если ты так думаешь.

— Я понимаю ценность Понтифика.

— Все же ты правил без него все время своего царствования.

— Не моя вина, что Тиверас был дряхлым, когда я взошел на трон. Что мне было делать, идти дальше в Лабиринт немедленно после того, как стал Коронованным? У меня не было Понтифика, потому что мне его не дали. И еще не пришло мое время занять место Тивераса. У меня была более ощутимая работа. И до сих пор есть.

— Ты задолжал Маджипуре Понтифика, Валентайн.

— Еще не время. Еще не время.

— Сколько ты будешь это говорить?

— Я должен оставаться на виду. Я намерен установить связь с Данипиурой, мама, и вовлечь ее в союз со мной против Фараатаа, нашего врага,

который погубит весь мир ради того, чтобы вернуть его своему народу. Если я буду в Лабиринте, как я смогу…

— Ты хочешь сказать, что поедешь в Пиурифаину во второй раз?

— Второй мой визит может оказаться удачнее. Все равно, мне кажется необходимым провести переговоры с метаморфами. Данипиура должна понять, что я не такой, как короли прошлого, что я признаю новые истины. Мы не можем больше подавлять метаморфов в душе Маджипуры, но должны признать их и принять в нашу среду, объединиться с ними.

— И это может быть сделано только, пока ты Коронованный?

— Я в этом убежден, мама.

— Проверь тогда снова свои убеждения,— сказала Леди непреклонным голосом.— Если это действительно убеждения, а не всего лишь отвращение к Лабиринту.

— Я ненавижу Лабиринт и не делаю из этого секрета. Но я отправлюсь туда, если не с радостью, то из чувства долга, когда придет время. Я говорю, что время еще не пришло. Возможно, оно близко, но еще не здесь.

— Тогда пусть оно не запаздывает с приходом.

Даст, наконец, уснуть Тиверасу, Валентайн. И пусть это будет скорее.

"Это была маленькая победа,— подумал Фараатаа,— но вполне достойная смакования, этот вызов на встречу с Данипиурой". Так много лет в изгнании, жалко слоняющийся по джунглям. Так много лет он подвергался насмешкам, когда о нем вспоминали; и теперь Данипиура пригласила его с величайшей дипломатической учтивостью посетить ее в Доме Собраний в Илиривойне.

Сначала он намеревался отклонить ее приглашение и надменно сказать ей, чтобы она пришла к нему в Нью-Велализьер. В конечном счете она была всего лишь племенным функционером, чье звание не имело доссыльного происхождения, а он по шумному одобрению масс стал Наследным Принцем и Королем Который Есть, он ежедневно вел беседы с водяными королями и вызывал преданность гораздо более сильную, чем та, которой могла похвастать Данипиура.

Но потом он передумал: "Насколько более эффективно было бы войти во главе своего многотысячного войска в Илиривойн, и пусть Данипиура и все ее лакеи видят, какая у него сила! Пусть будет так",— решил он. Он согласился ехать в Илиривойн.

Столица на своем новом месте имела сырой, незавершенный вид. Они, как обычно, выбрали для нее открытое место в лесу недалеко от реки. Улицами были едва различимые тропы, сплетенные из прутьев, дома почти не имели украшений, их крыши, казалось, были сплетены наспех, а площадь перед Домом Собраний была только частично расчищена, и повсюду вились и переплетались стебли лозы. Только Дом Собраний напоминал о прежнем Илиривойне. Это была традиция, они перенесли здание со старого места и восстановили его в центре города, где оно доминировало над всем: высотой в три этажа, каркас из тусклых бревен баникопа, фасад из полированных досок красного дерева. Среда грубых хижин пиуриваров Илиривойны Дом Собрания казался дворцом. "Когда мы пересечем море и восстановим Велализьер,— подумал Фараатаа,— мы построим настоящий дворец из мрамора и сланца, который станет новым чудом света, и мы украсим его прекрасными предметами, которые возьмем в Замке лорда Валентайна как трофеи. И пусть тогда Данипиура унижается передо мной!"

Но пока он был намерен соблюсти протокол. Он предстал перед Домом Собраний и переменился в Пяти формах Почтения: Ветер, Пески, Лезвие, По-

ток, Пламя. Он удерживался в Пятой форме, пока не появилась Данипиура. В какой-то миг показалось, что она была поражена размерами войска, которое сопровождало его в столицу: оно заполнило площадь и простиралось за границы города. Но она быстро овладела собой и приветствовала их Тремя Формами Приема: Звезда, Спутник, Комета. При этой последней Фараатаа вернулся в свою собственную форму и проследовал за ней в здание. Никогда еще он не был в Доме Собраний.

Данипиура была холодна, недоступна, властна. Фараатаа почувствовал некоторое, совсем незаметное, благоговение, все-таки она была в своей должности на протяжении всей его жизни, но он быстро справился с ним. Ее высокий стиль, ее превосходное самообладание, как ему было известно, только оружие защиты.

Она предложила ему обед из калимботов и гумбы, слабое лавандовое вино, на которое он посмотрел без удовольствия. Вино не было тем напитком, которое употребляли пиуривары в древние времена. Он не стал его пить и даже не поднял кубок в знак приветствия, что не осталось незамеченным.

Когда с формальностями было покончено, Данипиура сказала ему резко:

— Я люблю Неизменчивых не более твоего Фараатаа, но то, чего добиваешься ты, недостижимо.

— И чего же я добиваюсь?

— Очистить от них мир.

— Ты думаешь, что это недостижимо? — сказал он с оттенком легкого любопытства в голосе.— Почему?

— Их двадцать миллиардов. Куда им идти?

— Разве нет других миров во Вселенной? Они пришли от туда, пусть возвращаются.

Она притронулась кончиками пальцев к подбородку — отрицательный жест, показывающий несерьезное и пренебрежительное отношение к его словам. Фараатаа сдержал свое раздражение.

— Когда они пришли,— сказала Данипиура,— их было всего лишь несколько. Теперь их много, и в наши дни движение между Маджипурой и другими мирами небольшое. Ты понимаешь, сколько потребуется времени, чтобы перевезти с этой планеты двадцать миллиардов жителей? Если корабль будет улетать каждый час, унося десять тысяч человек, мы никогда не избавимся от них, поскольку они будут размножаться быстрее, чем мы сможем загрузить корабли.

— Тогда пусть остаются здесь, и мы будем про-

должать вести войну против них. Они перебьют друг друга из-за пищи, и, спустя некоторое время, у них не будет еды, а те, кто останется, умрут от голода, и их города превратятся в призраки. И мы покончим с ними навсегда.

Кончики пальцев Данипиуры снова коснулись подбородка.

— Двадцать миллиардов мертвых тел? Фараатаа, Фараатаа, будь благоразумным! Можешь ты понять, что это значит? В одной Ни-мое больше жителей, чем во всей Пиурифаине… А сколько еще других городов? Подумай о зловонии всех этих тел! Подумай о болезнях, которые возникнут в результате разложения множества трупов!

— Мясо будет очень скудным, если все они умрут от голода. Будет нечему гнить.

— Ты говоришь слишком легкомысленно, Фараатаа.

— Ты так думаешь? Ну, тогда я действительно говорю легкомысленно. Своим легкомыслием я потряс угнетателей, под каблуком которых мы извиваемся четырнадцать тысяч лет. Легкомысленно я повергнул их в хаос. Легкомысленно я…

— Фараатаа!

— Я достиг многого благодаря своему легкомыслию, Данипиура. Не только без какой-либо

помощи с твоей стороны, но, фактически, при твоем прямом противодействии большее время. И теперь…

— Слушай меня внимательно, Фараатаа! Ты привел в действие мощные силы, верно, и ты потряс Неизменчивых так, как я не могла представить. Но теперь пришло время сделать паузу и подумать о неизбежных последствиях того, что ты сделал.

— Я подумал,— ответил он.— Мы вернем себе наш мир.

— Возможно, но какой ценой. Ты послал болезни на их земли… Ты считаешь, что их так легко отозвать назад? Ты вывел чудовищных и ужасающих животных и выпустил их на свободу. А сейчас ты предлагаешь, чтобы мир задохнулся от гниения миллиардов тел. Ты спасаешь наш мир, Фараатаа, или разрушаешь его?

— Болезни исчезнут, как только погибнут растения, которые, в основном, не представляют для нас пользы. Новых животных немного, а мир большой, и ученые заверяют меня, что эти твари не могут воспроизводить себя, так что мы избавимся от них, как только они сделают свое дело. И я меньше, чем ты, боюсь этих гниющих тел. Скавенгиеры наедятся так, как они не наедались

никогда, и мы построим храмы из груды костей, которые останутся. Победа за нами, Данипиура. Мир возвращен нам.

— Ты слишком самоуверен. Они еще не нанесли ответного удара. Но что если они нанесут, Фараатаа. что если нанесут? Я прошу тебя вспомнить, Фараатаа, что сделал с нами лорд Стиамот.

— Лорду Стиамоту понадобилось тридцать лет, чтобы завершить свое покорение.

— Правильно,— сказала Данипиура,— но у него была маленькая армия. Теперь Неизменчивые значительно превосходят нас в численности.

— Но сейчас мы овладели искусством посылать на них эпидемии и чудовищ, которых у нас не было во времена лорда Стиамота. Их численность будет работать против них, как только кончатся их продовольственные запасы. Как смогут они сражаться с нами тридцать дней, не говоря уже о тридцати годах,

если голод будет разрывать их цивилизацию на части?

— Голодные воины могут сражаться намного яростнее, чем сытые.

Фараатаа засмеялся:

— Воины? Какие воины? Ты говоришь нелепости, Данипиура, Этот народ — мягкий.

— Во времена лорда Стиамота…

— Время лорда Стиамота было восемь тысяч лет назад. С тех пор жизнь была для них слишком легкой, и они стали расой простофиль и трусов. И самый большой простофиля — лорд Валентайн, этот святой глупец, со своим благочестивым отвращением к насилию. Как мы должны бояться такого короля, как этот, который не выносит кровопролития?

— Согласна, нам нечего бояться его. Но мы можем использовать его, Фараатаа. И это то, что я намерена сделать.

— Каким образом?

— Ты знаешь, что он мечтает прийти к соглашению с нами.

— Я знаю,— сказал Фараатаа,— что он вошел в Пиурифаину с глупой надеждой провести переговоры с тобой, и ты разумно уклонилась от встречи с ним.

— Он пришел добиваться дружбы, правильно. И действительно я уклонилась от встречи с ним. Мне нужно было узнать о твоих намерениях прежде, чем я смогу начать с ним переговоры.

— Теперь ты знаешь мои намерения.

— Знаю. И я прошу тебя прекратить распространение этих эпидемий и поддержать меня,

когда я буду встречаться с Коронованным. Твои действия угрожают моим целям.

— И что это за цели?

— Лорд Валентайн отличается от других Коронованных, которых я знала. Как ты говоришь, он святой глупец, мягкий человек, не терпящий кровопролития. Его отвращение к войне делает его сговорчивым и управляемым, я намерена получить от него такие уступки, какие нам не дал бы ни один из предшествовавших Коронованных. Право снова поселиться в Альханроеле… Снова владеть священным городом Велализьером… Представительство в правительстве… Полное политическое равенство — короче, участие в жизни Маджипуры.

— Лучше полностью все разрушить и поселиться там, где мы захотим, не спрашивая ни у кого разрешения!

— Но ты должен понимать, что это невозможно. Ты не можешь ни выселить с этой планеты двадцать миллиардов жителей, ни истребить их. Что мы можем сделать, так это заключить с ними мир. А в Валентайне гарантия благоприятной возможности мира, Фараатаа.

— Мир! Какое отвратительное, лживое слово! Мир! О, нет, Данипиура, я не хочу мира. Я заин-

тересован не в мире, а в победе. И победа будет за нами.

— Победа, которую ты жаждешь, станет гибелью для всех нас,— ответила Данипиура.

— Думаю, нет. Мне кажется, твои переговоры с Коронованным не приведут тебя никуда. Если он пойдет на те уступки, о которых ты намерена просить, его собственные принцы и герцоги сбросят его и заменят более безжалостным человеком, и тогда где мы окажемся? Нет, Данипиура, я должен продолжить свою войну, пока Неизменчивые полностью не исчезнут из нашего мира. Что-либо другое означает продолжение нашего рабства.

— Я запрещаю это.

— Запрещаешь?

— Я Данипиура!

— Ну и что с того? Я Король Который Есть, обо мне говорилось в пророчествах. Как ты можешь запретить мне что-либо? Сами Неизменчивые дрожат передо мной. Я уничтожу их, Данипиура. И если ты будешь мне противиться, я уничтожу также и тебя.

Он поднялся и взмахом руки опрокинул нетронутый кубок с вином, разлив его содержимое по столу. В дверях он остановился, оглянулся и быстро обрел форму, известную как Река, жест

демонстративного неповиновения и презрения. Тут же вернул свою форму.

— Война будет продолжаться,— сказал он.— Пока я разрешаю тебе оставаться в твоей должности, но я предупреждаю тебя не делать изменнических приближений к врагу. Что касается святого лорда Валентайна, он поплатится жизнью. Его кровь послужит для очищения Стола Богов в День освящения Велализьера. Остерегайся, Данипиура! Или я пролью твою кровь с этой же целью.

— Коронованный лорд Валентайн находится у своей матери Леди во Внутреннем Храме,— сказала иерархиня Талинот Эсулда.— Он просит вас отдохнуть здесь, этой ночью, в королевском доме в Нуминоре, принц Хиссун, и явиться к нему утром.

— Как будет угодно Коронованному,— сказал Хиссун.

Он смотрел мимо иерархини на огромную белую стену Первого Утеса, вздымающегося над Нуминором. Она сияла с такой же ослепительной яркостью, как само солнце. Когда Остров впервые показался на горизонте несколькими днями раньше, на пути из Альханроеля, он вдруг заметил, что прикрывает глаза от этого режущего света и вообще смотрит в сторону, а стоявшая рядом

Элзинома в ужасе отвернулась и воскликнула:

— Никогда не видела ничего столь же яркого! Мы ослепнем, если будем смотреть туда!

Теперь, с близкого расстояния, белый камень не был таким ослепляющим, свет его казался мягче и напоминал, скорее, сияние луны, нежели солнца.

Прохладный свежий ветер дул с моря. Тот самый ветер, который так быстро гнал его судно от Алазора до Острова, но не смог обуздать растущее в нем день ото дня нетерпение. Это нетерпение одолевало его и сейчас, когда он прибыл во владения Леди. Хотя он понимал, что должен быть терпеливым и приспособиться к неторопливым ритмам Острова и его хозяйки, иначе ему не удастся выполнить те задачи, которые стояли перед ним.

И в самом деле, он чувствовал эти мягкие ритмы, поселившиеся в нем, когда иерархини повели его по тихому маленькому портовому городку к королевскому дому, известному как Семь Стен.

"Чары Острова чрезвычайно сильны", — подумал он. Это было спокойное, безмятежное, тихое место, свидетельствующее о присутствии Леди. Смятение, разрушающее Маджипуру, здесь ему казалось нереальным.

Тем не менее в эту ночь Хиссун никак не мог уснуть. Он лежал в восхитительных покоях, обитых великолепной тканью глубоких цветов древнего узора, где, может быть, до него спали Великий лорд Конфалюм или Престимион, или сам Стиамот, и ему казалось, что эти древние короли все еще парили поблизости, переговариваясь друг с другом шепотом, и то, что они говорили, было насмешкой над ним: выскочка, щеголь, надутый индюк. "Это только шум прибоя о крепостные стены",— сердито говорил он себе. Но сон по-прежнему не приходил, и чем усерднее он искал его, тем более тот от него удалялся. Он встал и прошелся по комнатам, вышел во двор, надеясь разбудить какого-нибудь слугу, который мог бы дать ему вина, но не встретил никого и спустя некоторое время вернулся в свою комнату и снова закрыл глаза. На этот раз ему показалось, что он почувствовал, как, Леди легко дотронулась до его души, почти сразу: не послание, совсем другое, только лиши касание, слабое, как дыхание над его душой, мягкое — Хиссун, Хиссун, Хиссун, которое успокоило его в легком забытьи, потом глубже, глубже, вне досягаемости снов.

Наутро стройная величавая иерархиня Талинот Эсулда пришла за ним и Элзиномой и повела их

к подножию большого белого утеса, где стояли в ожидании сани-плавуны, чтобы унести их на верхние террасы Острова.

Подъем по отвесной стене Первого Утеса внушал страх — вверх, вверх и вверх, как будто во сне. Хиссун не смел открыть глаза, пока сани не остановились, ударившись о землю. Тогда он оглянулся и увидел освещенное пространство моря, простирающегося до далекого Альханроеля, и две изогнутые косы Нуминорских волнорезов прямо под собой. Плавун-фургон повез их через покрытые лесами плато на вершину, к основанию Второго Утеса, который так круто взмывал вверх, что, казалось, заслонял все небо. Здесь они остались ночевать в домике на Террасе Зеркал, где массивные плиты из отшлифованного черного камня поднимались от земли, как таинственные древние идолы.

Потом снова вверх к самому высокому и самому сокровенному утесу, на тысячи футов от уровня моря, здесь находилось святилище Леди, На вершине Третьего Утеса воздух был поразительно чистым, так что предметы, находящиеся за много миль, были видны, словно в увеличительное стекло.

Неизвестные Хиссуну огромные упитанные

красные птицы с громадными черными крыльями лениво кружились высоко над головой. Снова Хиссун и Элзинома пошли к центру плоской вершины Острова, проходя террасу за террасой, пока, наконец, не остановились. Простые здания из белого умытого камня были разбросаны в кажущемся беспорядке среди садов необыкновенной чистоты и спокойствия.

— Это Терраса Обожания,— сказала Талинот Эсулда,— вход во Внутреннюю Обитель.

Они спали этой ночью в тихом уединенном домике, приятном и скромном, со своим мерцающим бассейном и укромным садом, огражденным вьющимися стеблями лозы, которые переплетались, образуя непреодолимую стену. На рассвете слуги принесли им охлажденные фрукты и запеченную рыбу, и вскоре после того, как они поели, появилась Талинот Эсулда. С ней была другая иерархиня, грозная, с пронзительным взглядом седовласая женщина. Она приветствовала их обоих, но по-разному: отдала Хиссуну салют, подходящий для принца Горы, но сделала это как-то невнимательно, почти небрежно, а потом повернулась к Элзиноме и, сжав обе ее руки в своих и задержав их так, тепло и участливо заглянула в глаза. Когда она, наконец, отпустила руки

Элзиномы, то сказала:

— Я приветствую вас обоих на Третьем Утесе. Меня зовут Лоривада. Леди и ее сын ожидают вас.

Утро было холодным и туманным, сквозь низкие облака едва пробивался намек на солнечный свет. В одной цепочке, Лоривада впереди, Талинот Эсулда позади, не произнося ни слова, они прошли через сад, где каждый листик поблескивал капельками росы, пересекли мостик из белого камня, изогнутый такой хрупкой дугой, что казалось, он может рассыпаться даже от самых осторожных шагов, ступили на широкое травяное поле, в конце которого находилась Внутренняя Обитель.

Хиссун никогда не видел более красивого здания. Оно было построено из того же полупрозрачного белого камня, как и мост. В его центральной части находилась низкая ротонда с плоской крышей, от которой отходили на равном расстоянии, словно лучи звезды, восемь длинных узких галерей. Не было никаких украшений, все было чистым, строгим, простым, безупречным.

Внутри ротонды, просторной комнаты из восьми стен с восьмиугольным бассейном в середине, их ожидали лорд Валентайн и женщина, которая,

конечно же, и была его матерью, Леди.

Хиссун застыл на пороге, переполненный смущением. Он переводил взгляд с одного на другую в замешательстве, не зная, которой из этих Сил он должен первой выразить свое почтение. Леди, решил он, следует отдать предпочтение. Но в какой форме должен он засвидетельствовать свое уважение? Он, конечно, знал знак Леди, но нужно ли отдавать этот знак самой Леди, как отдают знак лучистой звезды Коронованному, или это было совершенно бестактно? Хиссун не мог придумать. Его никто не учил, как надо приветствовать Леди Острова.

Все-таки он повернулся к ней. Она выглядела более старой, чем он ожидал. Лицо в глубоких морщинах, волосы с густой проседью, под глазами запутанная сеть тонких линий, Но улыбка — яркая, теплая и светящаяся, как полуденное солнце, красноречиво говорила о ее энергии и силе: в этом удивительном ощущении тепла Хиссун почувствовал, как быстро тают его страхи и сомнения.

Он опустился было перед ней на колени, но, казалось, она почувствовала его намерение, прежде чем он мог двинуться, и остановила быстрым, коротким покачиванием головы. Вместо этого Леди

протянула ему руку. Хиссун, поняв каким-то образом, чего от него ждут, легко коснулся кончиками пальцев ее рук и получил такой ошеломляющий, потрясающий приток энергии, что отпрыгнул бы назад, если бы не держался так натянуто и осторожно. И от этого внезапного импульса он почувствовал в себе зарождение волны новой уверенности, мощи, уравновешенности.

Потом он повернулся к Коронованному.

— Милорд,— прошептал он.

Хиссун был удивлен и встревожен изменением во внешности лорда Валентайна с тех пор, как он видел Коронованного в Лабиринте, в начале его злополучного крестного хода. Тогда лорд Валентайн был в тисках ужасного утомления, но все равно его черты выражали внутреннее свечение, неподавляемую радость, которую не могла скрыть никакая усталость. Теперь — нет; жестокое солнце Суврaеля сделало темной его кожу и обесцветило волосы, придав ему необычно свирепый, почти варварский вид. Его глаза были непостижимыми, покрытыми дымкой, лицо — суровым и морщинистым. Он казался совершенно незнакомым; мрачный, напряженный, отдаленный.

Хиссун начал делать знак лучистой звезды,

но лорд Валентайн нетерпеливо отмахнулся и, шагнув вперед, схватил руку Хиссуна, крепко сжав ее. Это тоже настораживало: Коронованному не пожимали руку, И от прикосновения его рук Хиссун снова почувствовал текущий в него поток. Но эта энергия, в отличие от той, что шла от Леди, оставила его встревоженным, несобранным, неспокойным.

Когда Коронованный отпустил его, Хиссун отступил назад и кивком подозвал Элзиному, которая неподвижно стояла у порога, как будто она окаменела от вида двух Сил Маджипуры в одной комнате. Хриплым, низким голосом он сказал:

— Милорд… Добрая Леди… Я прошу вас приветствовать мою маму, леди Элзиному…

— Достойная мать такого достойного сына,— сказала Леди. Это были первые слова, которые она произнесла, и ее голос показался Хиссуну самым прекрасным, какой он когда-либо слышал: богатый, спокойный, мелодичный.— Подойди ко мне, Элзинома.

Вырвавшись из своего полуобморочного состояния, Элзинома пошла по гладкому мраморному полу, Леди тоже шла к ней, так что они встретились у восьмиугольного бассейна в центре комнаты. Здесь Леди обняла Элзиному крепко

и тепло прижала к себе, и когда, наконец, две женщины разъединились, Хиссун увидел, что его мать, казалось, долгое время пробыв в темноте, вышла на яркое солнце. Ее глаза светились, лицо пылало, в ней не было ни намека на робость или благоговейный страх.

Она посмотрела на лорда Валентайна и начала делать знак лучистой звезды, только чтобы получить, как до этого Хиссун, отрицательный жест Коронованного, вытянувшего ладонь и сказавшего:

— Это не обязательно добрая леди Элзинома.

— Милорд, это мой долг! — ответила она твердым голосом.

— Нет. Сейчас — нет.— Коронованный улыбнулся впервые за это утро.— Все эти жесты и поклоны существуют для общественного показа. А здесь нет необходимости в такой демонстрации.

Затем, обращаясь к Хиссуну, он сказал:

— Я не узнал бы тебя, наверное, если бы не был уверен, что именно ты придешь сегодня ко мне. Мы не встречались так долго, что стали незнакомцами, или мне так кажется?

— Много лет, милорд и нелегких лет,— ответил Хиссун.— Время всегда несет изменения, а такие годы несут великие изменения.

— Да, это так.— Наклонившись вперед, лорд Валентайн изучал Хиссуна с напряженностью, которая смущала его. Наконец Коронованный сказал:

— Когда-то мне казалось, что я знаю тебя хорошо. Но Хиссун, которого я знал, был мальчиком, прятавшим застенчивость за озорством. Хиссун, который сегодня стоит передо мной, стал мужчиной, принцем, и в нем осталось совсем мало застенчивости, а озорство, может быть, превратилось в нечто более глубокое — лукавство, может быть, или даже в умение искусно управлять государственными делами, если сообщения, которые есть у меня, правдивы. Я уверен, что это так. Мне кажется, что я все еще вижу мальчика, которого когда-то знал, где-то внутри тебя. Не узнать его далеко не просто.

— И мне трудно, милорд, узнать в вас человека, который однажды нанял меня проводником в Лабиринте.

— Я так сильно изменился, Хиссун?

— Да, милорд, Я боюсь за вас.

— Бойся за Маджипуру, если ты должен бояться. Не трать это на меня.

— Я очень боюсь за Маджипуру. Но как вы можете просить меня не бояться за вас? Вы мой

благодетель, милорд. Всем, что у меня есть, я обязан вам. И когда я вижу, как вы становитесь все мрачнее и холоднее…

— Теперь холодные времена, Хиссун. Климат мира отражается на моем лице. Но, возможно, впереди нас всех ждет весна. Скажи, мне: какие новости на Горе Замка? Мне известно, что лорды и принцы вынашивают там великие планы.

— В самом деле, милорд.

— Тогда говори!

— Вы понимаете, милорд, что эти проекты предназначены для вашего Утверждения, что Совет Регентства не берет на себя смелость предпринимать…

— Так я беру на себя. Скажи мне, что предлагает Совет?

Хиссун глубоко вздохнул.

— Первое,— сказал он,— мы расположили бы армию, окружив все границы Пиурифаины так, чтобы воспрепятствовать метаморфам дальше распространять эпидемии и другие ужасы.

— Окружить Пиурифаину, ты сказал, или захватить ее? — спросил лорд Валентайн.

— Первоначально окружить, милорд.

— Первоначально.

-— Как только мы установим контроль за гра-

ницами, наш план — войти в провинцию, чтобы найти мятежника Фараатаа и его сторонников.

— А-а… Схватить Фараатаа и его сторонников! И что с ними сделают, если их схватят, в чем я очень сомневаюсь, исходя из своего опыта скитаний по джунглям?

— Их заключат в тюрьму.

— И это все? Главарей шайки не казнят?

— Милорд, мы не дикари.

— Конечно, конечно. И целью этого вторжения будет только одно — взять Фараатаа?

— Ничего, кроме этого, милорд.

— Без попытки сбросить Данипиуру? Без кампании общего истребления метаморфов?

— Эти идеи никогда не предлагались.

— Я понимаю.

Его голос стал почти насмешливым. Хиссун никогда не слышал, чтобы он говорил в подобном тоне.

— Какие еще планы предлагает Совет?

— Армия усмирения без кровопролития, если его можно избежать, занимает Пилиплок и берет контроль над всеми другими городами и провинциями, которые могут отделиться от правительства. Кроме того, нейтрализует различные частные военные силы, созданные лже-Коро-

нованными, наводнившими многие районы, и, если возможно, попытаться повернуть эти войска на службу правительству. И в завершении — военная оккупация всех провинций, которые откажутся принять участие во вновь учрежденной программе разделения продовольственных запасов с пораженными зонами.

— Вполне всеобъемлющий план,— сказал лорд Валентайн тем же странным, равнодушным тоном.— И кто будет руководить всеми этими армиями?

— Совет предложил разделить командование между милордом Дивисом, милордом Тунигорном и мной,— ответил Хиссун.

— А я?

— Вы, милорд, конечно, будете Верховным командующим над всеми этими силами.

— — Конечно. Конечно.

Взгляд лорда Валентайна стад неподвижным, и наступило долгое молчание. Он, казалось, обдумывал все, что сказал Хиссун. Хиссун внимательно наблюдал за ним. Было что-то глубоко тревожащее в той суровой сдержанной манере, в которой Коронованный задавал ему вопросы: казалось ясным, что лорд Валентайн знал так же хорошо, как и сам Хиссун, к чему клонится беседа,

и Хиссун вдруг понял, что боится той минуты, когда речь пойдет о главном. Но эта минута, подумал Хиссун, была уже близка. Глаза лорда Валентайна необычно заблестели, когда его внимание снова обратилось к Хиссуну и он сказал:

— Было ли что-нибудь еще предложено Советом Регентства, принц Хиссун?

— Еще одно, милорд

— Что же?

— Чтобы командующим армии, которая займет Пилиплок и другие восставшие города, должен быть тот, кто носит титул Коронованного.

— Коронованный, как мне только что сказали, будет Верховным командующим?

— Нет, милорд. Понтифик должен быть Верховным командующим.

Молчание, которое за этим последовало, казалось, длилось тысячу лет. Лорд Валентайн стоял почти неподвижно. Его можно было принять за статую, если бы не слабое мигание его век и редкое подергивание мышцы щеки. Хиссун напряженно ждал, не смея заговорить. Теперь, когда он это сделал, он удивлялся собственной смелости: предъявить такой ультиматум Коронованному. Но все было исполнено. И этого нельзя было вернуть назад. Если лорд Валентайн

в своем гневе лишит его звания и отправит назад попрошайничать на улицах Лабиринта, пусть будет так. Все было исполнено, и сказанное нельзя было вернуть назад

Коронованный засмеялся.

Это был смех, родившийся в нем, словно гейзер, прорвавшийся из его груди, продолжительный, ревущий, рокочущий хохот, свойственный только таким гигантам, как Лизамона Халтин или Залзан Кавол, но никак нельзя было ожидать такой силы звука от мягкого лорда Валентайна. Он продолжался и продолжался так долго, что Хиссун начал бояться, что Коронованный сошел с ума. Но как раз в этот миг он прекратился, резко и внезапно, и ничего не осталось от странного веселья лорда Валентайна, кроме необычной сияющей улыбки.

— Ловко! — закричал он.— О, ловко, Хиссун, ловко!

— Милорд?

— И скажи мне, кто станет Коронованным?

— Милорд, вы должны понимать, что это только предложение ради большей эффективности управления в такое кризисное время.

— Да, конечно. И кто, я спрашиваю вас снова, выдвигается во имя большей эффективности?

— Милорд, выбор преемника всегда остается за бывшим Коронованным.

— Это так. Но кандидаты… разве их не предлагают старшие советники и принцы? Элидат был предполагаемым наследником… Но Элидат, как вам известно, мертв. Итак… Кто же им будет, Хиссун?

— Обсуждались несколько имен,— тихо сказал Хиссун.

Теперь он мог прямо смотреть на лорда Валентайна.

— Если вам это неприятно, милорд…

— Несколько имен, так? Чьи же?

— Милорд Стазилен, например. Но он сразу заявил, что не желает быть Коронованным. Еще — милорд Дивис.

— Дивис никогда не должен быть Коронованным,— резко сказал лорд Валентайн, посмотрев на Леди.— В нем недостатки моего брата Вориакса и ни одного из его достоинств. Кроме мужества, я полагаю, и определенной твердости, чего недостаточно.

— Было еще одно имя, милорд.

— Ваше, Хиссун?

— Да, милорд,— сказал Хиссун. Он произнес эти слова срывающимся шепотом.— Мое.

Лорд Валентайн улыбнулся.

— И стали бы служить?

— Если меня попросят, да. Да.

Глаза Коронованного напряженно всматривались в глаза Хиссуна, который, не моргнув, выдержал это пронизывающее испытание.

— Ну, тогда нет проблем, а? Моя мама хочет, чтобы я взошел на трон. Совет Регентства хочет, чтобы я взошел на трон. И старый Тиверас наверняка хочет, чтобы я взошел на трон.

— Валентайн…— сказала Леди, нахмурившись.

— Нет, все хорошо, мама. Я понимаю, что должно быть сделано. Я не могу больше колебаться, не так ли? Следовательно, я примиряюсь со своей участью. Мы отправим приказание Хорнкасту, что Тиверасу позволено, наконец, пересечь Мост Прощаний. Ты, мама, наконец, можешь сложить свою ношу, что, я знаю, тебе хочется, и перейти к спокойной жизни бывшей Леди. Вы, Элзинома, ваша задача только начинается. И твоя, Хиссун. Видишь, дело сделано. Так, как я это и представлял, только, возможно, раньше, чем я ожидал.

Хиссун, наблюдавший за Коронованным, с удивлением и растерянностью увидел, как переменилось выражение его лица. Суровость, не свойственная ему жестокость рассеялись, и

в глазах Валентайна появились спокойствие, теплота и мягкость, присущие ему всегда, а жуткая, неподвижная улыбка, похожая на улыбку сумасшедшего, уступила место прежней улыбке Валентайна — доброй, нежной, ласковой.

— Все кончено,— тихо сказал Валентайн.

Он поднял руки и вытянул их вперед в знаке лучистой звезды и закричал:

— Да здравствует Коронованный! Да здравствует лорд Хиссун!

Трое из пяти главных министров Понтифика были уже в совещательной комнате, когда вошел Хорнкаст. В центре, как обычно, сидел гайрог Шинаам, министр военных дел, его раздвоенный язык нервно дергался, как будто он думал, что смертный приговор собираются вынести не древнему существу, которому он так долго служил, а ему самому. Рядом с ним было пустое место врача Сепультрова, и справа от него — Дилифон, высохший и немощный маленький человечек, сидевший съежившись в своем, похожем на трон, кресле и ухватившись за его ручки, но в его глазах сверились огоньки, которые Хорнкаст не видел уже много лет. По другую сторону комнаты сидела толковательница снов Наррамира, излучая темную болезненность и страх, скрывавшиеся

под маской нелепо роскошной красоты, вызванной колдовством. "Сколько времени,— подумал Хорнкаст,— каждый из этих троих ждал этого дня? И что принесли они в своих душах, когда он наконец наступил?"

— Где Сепультров? — задал вопрос Хорнкаст.

— У Понтифика,— ответил Дилифон.— Его вызвали в тронный зал час назад Понтифик снова начал говорить, как нам сказали.

— Странно, что меня не предупредили,— сказал Хорнкаст.

— Мы знали, что Вы получаете сообщение от Коронованного,— сказал Шинаам.— Мы подумали, что лучше вас не беспокоить.

— Этот день, тот самый день, не так ли? — спросила Наррамира, напряженно наклонившись вперед, снова и снова касаясь пальцами своих густых блестящих черных волос.

Хорнкаст кивнул.

— Это тот день.

— В это трудно поверить,— сказал Дилифон.— Фарс тянулся так долго, что казалось, он никогда не кончится!

— Он заканчивается сегодня,— сказал Хорнкаст.— Вот здесь указ, довольно отточенные формулировки.

Шинаам с тонким режущим смешком сказал:

— Я хотел бы знать, какого рода формулировки используются в приговоре правящего Понтифика к смерти. Этот документ, я полагаю, будут изучать будущие поколения.

— Указ никого не приговаривает к смерти,— сказал Хорнкаст.— В нем нет никаких инструкций. Это всего лишь декларация о горе Коронованного лорда Валентайна по случаю смерти его отца и отца всех нас — великого Понтифика Тивераса.

— О, он хитрее, чем я думал! — сказал Дилифон.— Его руки остаются чистыми!

— Они всегда чистые,— сказала Наррамира.— Скажите мне, Хорнкаст, кто будет новым Коронованным?

— Хиссун, сын Элзиномы, выбран.

— Молодой принц из Лабиринта?

— Тот самый.

— Поразительно! Тогда будет и новая Леди?

— Элзинома,— сказал Хорнкаст.

— Это переворот! — закричал Шинаам.— Валентайн перевернул Гору Замка одним ударом! Кто может в это поверить? Лорд Хиссун! Может такое быть? Как принцы Горы допускают это?

— Думаю, у них было мало выбора,— ответил

Хорнкаст.— Но давайте не будем интересоваться принцами Горы, Нам нужно выполнять свои задачи в этот наш последний день власти.

— И благодарим Бога, что он последний,— сказал Дилифон.

Гайрог посмотрел на него.

— Вы говорите за себя одного!

— Возможно, да. Но я говорю также за Понтифика Тивераса.

— Который в этот день, кажется, говорит сам за себя, а? — сказал Хорнкаст.

Он всмотрелся в документ в своей руке.

— Здесь есть несколько любопытных вопросов, на которые я должен обратить ваше внимание. Например, мои помощники пока не смогли составить описание точного порядка объявления о смерти Понтифика и восхождении нового. Утекло так много времени с тех пор, как такое событие происходило.

— Вполне вероятно, что уже никого нет в живых, кто имел бы опыт в таких вещах,— сказал Дилифон,— кроме самого Понтифика Тивераса.

— Я сомневаюсь, что он поможет нам в этом вопросе,— заметил Хорнкаст.— Сейчас разыскиваем в архивах подробности объявления о смерти Осиера и восхождении Тивераса, но если

мы ничего не сможем найти, мы должны будем придумать свою церемонию.

Наррамира, закрыв глаза, сказала низким отдаленным голосом:

— Вы забываете. Есть один человек, который присутствовал на дне восхождения Тивераса.

Хорнкаст посмотрел на нее в изумлении. Она была старая — это знали все, но никто не знал, сколько же ей лет. Она была императорской толковательницей снов так давно, сколько любой из них мог помнить. Но если она действительно выжила со времен царствования Тивераса как Коронованного, то она была старше, чем он мог представить, и он почувствовал, как дрожь прошла у него по спине, он, который считал, что давно вышел из возраста, когда что-нибудь еще может удивить.

— Так вы помните это? — спросил он.

— Я вижу это сквозь туман. Сначала об этом было объявлено во Дворце Колонн. Потом во Дворце Державы, а потом на Площади Масок, и после этого провозгласили в Зале Ветров и Дворце Пирамид. Когда новый Понтифик прибывает в Лабиринт, он должен войти через Устье Лезвий и спуститься вниз пешком. Это я помню: Тиверас, шагающий с неудержимой решительностью

сквозь огромные толпы, которые кричали его имя, а он шел так быстро, что никто не мог угнаться за ним, он не остановился, пока не прошел весь Лабиринт до самого последнего уровня. Я думаю, способен ли Понтифик Валентайн проявись столько энергии?

— Это второй любопытный вопрос,— сказал Хорнкаст — Понтифик Валентайн не планирует немедленно переехать жить в Лабиринт.

— Что? — вырвалось у Дилифона.

— Сейчас он на Острове с бывшей Леди, с новым Коронованным и новой Леди. Понтифик сообщает мне, что дальше намерен ехать в Зимроель, чтобы установить контроль над мятежными провинциями. Он думает, что этот процесс будет длительным, настаивает, чтобы я отложил празднование его восхождения.

— И насколько? — спросил Шинаам.

— Неизвестно, — сказал Хорнкаст. — Кто знает, сколько будет продолжаться этот кризис? А пока он продолжаемся, он будет оставаться в наземном мире.

— В таком случае,— сказала Наррамира,— мы можем ожидать, что кризис будет продолжаться, пока Валентайн жив.

Хорнкаст взглянул в ее сторону и улыбнулся.

— Вы понимаете его хорошо. Он не любит Лабиринт и, думаю, найдет любой повод, чтобы не жить в нем.

Дилифон медленно покачал головой.

— Но как это может быть? Понтифик должен жить в Лабиринте! Это традиция! Никогда, за последние десять тысяч лет, Понтифик не жил в наземном мире!

— Также никогда не был Валентайн Понтификом,— сказал Хорнкаст. — Я думаю, что грядет еще много перемен в годы его царствования, если мир выживет в этой войне, которую ведут против него формодеи. Но я говорю, что меня мало волнует, будет ли он жить в Лабиринте, в Суврааеле или на Горе Замка. Мое время закончилось, как и ваше, добрый Дилифон, и ваше, Шинаам, и, возможно, даже ваше, миледи Наррамира. Те преобразования, которые могут произойти, мало интересуют меня.

— Он должен жить здесь! — повторил Дилифон.— Как может новый Коронованный утверждать свою власть, если Понтифик также открыт гражданам наземного мира?

— Возможно, это план Валентайна,— предположил Шинаам.— Он становится Понтификом потому, что не может больше избежать этого, но,

оставаясь наверху, он продолжает активную роль Коронованного, вынуждая своего лорда Хиссуна сойти на подчиненную позицию. Клянусь Леди, я никогда не думал, что он такой коварный!

— Я тоже,— сказал Дилифон.

Хорнкаст пожал плечами:

— Мы не знаем, какие могут быть у него намерения, кроме того, что, пока продолжается война, он не перейдет жить сюда. И его двор будет следовать за ним, поскольку мы все будем освобождены от наших должностей в ту минуту, когда произойдет преемственность. — Он неторопливо оглядел комнату.

— И я напоминаю вам, что мы разговаривали о Валентайне как о Понтифике, хотя в действительности преемственность еще не произошла. Это наша последняя обязанность.

— Наша, — подтвердил Шинаам.

— Вы увиливаете от нее? — спросил Хорнкаст. — Тогда идите, идите в свою кровать, старик, и мы сделаем нашу работу без вас. Поскольку мы должны теперь пойти в тронный зал и выполнить нашу обязанность. Дилифон? Наррамира?

— Я пойду с вами, — сказал Шинаам угрюмо.

Хорнкаст шел впереди: медленная процессия, парад памятников древности. Несколько раз нуж-

но было ждать, пока Дилифон, опираясь на руки двух крепких помощников, переводил дыхание. Но, наконец, они стояли перед главной дверью в императорскую палату, и снова Хорнкаст просунул руку в перчатку опознавания и дотронулся до открывающего дверь устройства, дело, которое, он знал, не выполнит больше никогда.

Сепультров стоял рядом с замысловатым шаром жизнеобеспечения, в котором жил Понтифик.

— Очень странно,— сказал врач.— После такого полного молчания он говорит снова. Послушайте: он зашевелил губами. — И из сферы голубого стекла доносились свистящие, булькающие звуки голоса Тивераса и потом отчетливо можно было расслышать, что он говорит.

— Давай. Вставай. Иди.

— Те же слова,— сказал Сепультров.

— Жизнь! Боль! Смерть!

— Думаю, что он знает,— сказал Хорнкаст.— Думаю, что он должен.

Сепультров нахмурился.

— Знает что?

Хорнкаст показал указ.

— Это официальное объявление лорда Валентайна — горе по поводу утраты великого императора Маджипуры.

— Ясно,— сказал врач, и его лицо потемнело от прилива крови.— Так это, наконец, должно случиться.

— Конечно.

— Сейчас? — спросил Сепультров. Его руки дрожали. Он держал их над панелью рычагов прибора.

От Понтифика донесся последний взрыв слов:

— Жизнь. Величество. Смерть. Валентайн Понтифик Маджипуры!

Последовала ужасная тишина.

— Давай,— сказал Хорнкаст.

Валентайн снова плыл с Острова в Зимроель. Ему начинало казаться, что в одной из своих прежних жизней он был тем легендарным древним капитаном Синабором Лавоном, который отправился в первый раз пересечь Великий Океан и бросил путешествие после того, как проплавал пять лет, за что был осужден родиться снова и плавать от берега до берега, никогда не останавливаясь. Но Валентайн не чувствовал усталости и никакого желания оставить эту скитальческую жизнь, которую он вел. В каком-то смысле, непривычном и неожиданном, он все еще совершал свой великий крестный ход.

Флот, подгоняемый на запад попутным ветром,

приближался к Пилиплоку. В этот раз в море не было драконов, которые задержали бы или составили угрозу, путешествие было быстрым.

Флаги от мачт рвались прямо в сторону Зимроеля, вперед. Они уже не были зелено-золотистого цвета Коронованного, теперь лорд Хиссун плыл под ними, так как он направлялся в Зимроель отдельно. Корабли Валентайна имели черно-красные флаги Понтифика с изображением символа Лабиринта на них.

Он еще не привык ни к этим цветам, ни к этому символу, ни к другим переменам. Ему больше не отдавали знак лучистой звезды при приближении к нему. Ну, пусть будет так, во всяком случае он всегда считал эти салюты глупостью. К нему не обращались теперь "милорд", когда говорили с ним, поскольку Понтифика следовало называть "ваше величество". Это имело небольшую разницу для Валентайна, если считать, что его ухо давно привыкло к часто повторяемому "милорд", и было странно не слышать его. Вообще он с трудом мог теперь вызвать людей на разговор, поскольку все знали обычай, существовавший с древних времен, обращаться к главному представителю Понтифика и никогда к самому Понтифику, хотя Понтифик был тут же и все слы-

шал. А когда Понтифик отвечал, он должен был делать это также через своего представителя. Это было первым из обычаев Понтифика, который отбросит Валентайн, но было нелегко заставить других придерживаться изменений, Он назначил Слита своим главным представителем — это казалось достаточно естественным назначением, но Слиту запрещено потворствовать этому древнему ритуальному представлению, прикидываясь ушами Понтифика.

По правде говоря, никто не мог постигнуть присутствия Понтифика на борту корабля, открытого свежему ветру и яркому жаркому солнцу. Понтифик был императором, окутанным тайной. Понтифик был скрыт из вида. Понтифик, как всем было известно, должен быть в Лабиринте.

— Я не поеду,— думал Валентайн.— Я передал свою корону, и кто-то другой имеет теперь привилегию ставить "лорд" перед своим именем, и Замок теперь будет Замком лорда Хиссуна, если у него когда-нибудь появится возможность вернуться туда. Но я не зароюсь в землю.

Карабелла, появившись на палубе, сказала:

— Азенхарт просит меня сказать вам, милорд, что мы будем в районе Пилиплока через двенадцать часов, если ветер не изменится.

— Не "милорд",— сказал Валентайн.

Она нахмурилась:

— Мне это так трудно запомнить, ваше величество.

— Как и мне. Но все изменилось.

— Я не могу называть вас "милорд" даже когда мы одни, несмотря на то, что вы остались им для меня?

— Разве? Неужели я замучил вас поручениями — заставляю наливать мне вино, приносить тапочки — как слугу?

— Вы знаете, что я имею в виду другое, Валентайн.

— Тогда зовите меня Валентайн, а не "милорд". Я был вашим королем, а теперь я ваш император, но я не ваш хозяин. Это всегда было ясно между нами, полагаю.

— Думаю, что, возможно, так и было... ваше величество.

Она засмеялась, и он засмеялся вместе с ней, привлек ее и прижал к себе. Спустя минуту он сказал:

— Я часто говорил тебе, что чувствую некоторое сожаление и даже вину за то, что увел тебя из свободной жизни жонглеров и дал тебе вместо этого тяжелую ответственность Горы Замка. И

часто ты говорила мне, что это чепуха, тут не о чем сожалеть, ты по собственной воле живешь со мной.

— И была в этом искренней, милорд.

— Но теперь я Понтифик, клянусь Леди, я говорю эти слова, и они звучат для меня как на чужом языке! Я Понтифик, я действительно Понтифик, и теперь я снова чувствую, что отнимаю у тебя радости жизни.

— Почему, Валентайн? Разве Понтифик должен оставить свою жену? Я ничего не слышала об этом обычае!

— Понтифик должен жить в Лабиринте, Карабелла.

— Ты снова об этом!

— Это никогда не оставляет меня. И если я буду должен жить в Лабиринте, ну, тогда ты должна тоже жить там, и как могу я просить тебя об этом?

— А ты просил меня об этом?

— Ты знаешь, у меня нет желания расставаться с тобой.

— И у меня — с тобой, милорд. Но сейчас мы не в Лабиринте, и я верю, ты не планируешь ехать туда.

— Что если я должен, Карабелла?

— Кто говорит "должен" Понтифику?

Она покачала головой.

— Но, что если я должен? Ты знаешь так же хорошо, как и я, как мало во мне любви к этому городу. Но если я должен… по государственным мотивам, если жестокая необходимость заставит меня… Я молю Бога, чтобы этого не случилось, но если, действительно, наступит время и тогда я буду вынужден по логике правительства спуститься вниз в эту путаницу…

— Ну, тогда я поеду с тобой, милорд.

— И оставишь свежий ветер, яркие солнечные дни и море, и лес, и горы?

— Конечно, ты найдешь повод выйти наверх время от времени, даже если увидишь необходимость перейти туда жить.

— А если я не смогу?

— Ты ищешь проблемы слишком далеко за горизонтом, милорд. Мир в опасности, важные дела ожидают тебя, и никто не засунет тебя в Лабиринт, пока эти задачи не будут разрешены. Еще будет время для беспокойства о том, где мы будем жить и понравится ли это нам. Не так ли, милорд?

Валентайн кивнул:

— Действительно. Я приумножаю мои беды.

— Я все сказала тебе и давай больше не будем говорить об этом. Если ты найдешь какой-нибудь достойный способ навсегда избавиться от Лабиринта, я буду рада, но если ты должен будешь опуститься в него, я пойду с тобой, не размышляя. Когда ты был Коронованным и взял меня в супруги, ты думаешь, я не понимала, что лорд Валентайн должен однажды стать Понтификом Валентайном? Когда я приняла тебя, я приняла Лабиринт, так же, как ты, милорд, принял Лабиринт, когда принял корону, которую носил твой брат. Итак, давай не будем больше говорить об этом, милорд.

— "Ваше величество",— сказал Валентайн.

Он снова обнял ее за плечи и легко прикоснулся своими губами к ее губам.

— Я обещаю не думать больше о Лабиринте,— сказал он.— А ты должна называть меня моим настоящим титулом.

— Да, ваше величество. Да, ваше величество. Да, ваше величество.

И она сделала дивное округлое движение, покрутив руками в чрезмерно пышной и преувеличенной пародии на символ Лабиринта.

Вскоре Карабелла спустилась вниз. Валентайн остался на палубе, рассматривая горизонт в под-

зорную трубу.

"Какой прием ему окажут,— думал он,— в свободной республике Пилиплока?"

Вряд ли можно было бы найти кого-нибудь, кто не был бы против его решения идти туда. Слит, Тунигорн, Карабелла, Хиссун — они все говорили об опасности, неуверенности. Пилиплок в своем безумии может сделать что угодно, схватить его даже и держать заложником, чтобы гарантировать свою независимость.

— Кто бы ни входил в Пилиплок,— сказала Карабелла, также она говорила несколько месяцев раньше в Пиурифаине,— должен сделать это во главе армии, а у нас нет армии, милорд.

Хиссун выдвигал тот же аргумент.

— На Горе Замка было согласовано,— говорил он,— что когда будут созданы новые армии, то Коронованный должен вести войска на Пилиплок, в то время как Понтифик направляет стратегию в безопасном удалении.

— Не будет необходимости вести войска на Пилиплок,— сказал Валентайн.

— Ваше величество, вы уверены в этом?

Валентайн сказал:

— У меня был большой опыт во время войны за восстановление в усмирении мятежников без

кровопролития. Если вы пойдете на Пилиплок — новый Коронованный, непроверенный, неизвестный, с солдатами за спиной,— это наверняка вызовет у них сопротивление. Но если появится сам Понтифик… кто может вспомнить время, когда Понтифика видели в Пилиплоке? Они будут испытывать благоговейный страх, испуг, не посмеют поднять на него руку, даже если он войдет в город один.

Хотя Хиссун говорил о своих сомнениях, в конце концов Валентайн пересилил его. Валентайн понимал, что другого выхода не было: только недавно став Понтификом и передав светскую власть Коронованного более молодому человеку, он не мог все же полностью перейти на позицию номинального руководства, которое мог взять на себя Понтифик. Власть, делал открытие Валентайн, не оставляется легко даже теми, кто считал когда-то, что не испытывает к ней большой любви. Валентайн понимал, что это был не просто вопрос борьбы за власть. Это был вопрос предупреждения кровопролития там, где оно было не нужно. Хиссун был намерен показать, это возможно. "Назовем это обучением нового Коронованного искусству управления,— думал Валентайн.— А если я потерплю неудачу, тогда

назовем это моим обучением".

Утром, когда Пилиплок появился высоко над темным устьем великой реки Химп, Валентайн приказал своим кораблям образовать два крыла со своим флагманом "Леди Сиин" во главе. И сам, одетый в богато украшенные одежды Понтифика ярко-красного и черного цветов, которые ему сшили перед отъездом с Острова, занял место на носу своего судна так, чтобы весь Пилиплок мог ясно видеть, когда королевский флот приблизится.

— Снова они посылают корабли-драконы к нам,— сказал Слит.

Да, как уже делалось в последний раз, когда Валентайн, как Коронованный, приезжал в Пилиплок во время начала великого крестного хода в Зимроеле, флот кораблей-драконов вышел встречать его. Но в тот раз у них были яркие золотисто-зеленые флаги, развевающиеся на такелаже, и они приветствовали его веселыми звуками труб и барабанов. Теперь видел Валентайн на кораблях-драконах другой флаг, желтый, с большой поперечной розовой полосой, такой же мрачной и зловещей, как и сами корабли с раздвоенной кормой. Это, конечно же, был флаг свободной республики, которой считал себя

теперь Пилиплок, и этот флаг уже не шел по-дружески приветствовать его.

Гранд-адмирал Азенхарт беспокойно посмотрел на Валентайна, он показал на рупор, который держал, и сказал:

— Я прикажу им подчиниться и сопроводить нас в порт, ваше величество?

Но Понтифик только улыбнулся и дал ему знак успокоится.

Самый мощный из кораблей Пилиплока, чудовище с ужасающей клыкастой фигурой на носу и причудливо сделанными трехъярусными мачтами, вышел из ряда и занял позицию рядом с "Леди Сиин". Валентайн признал в нем корабль старой Гуидраги, старшей среди дракон-капитанов, и, действительно, там была она сама, энергичная скандарша на палубе, выкрикивая в рупор:

— Именем свободной республики Пилиплока, назовите, кто вы!

— Дайте мне трубу,— сказал Валентайн Азенхарту. Поднеся ее к губам, он закричал:

— Это "Леди Сиин", а я Валентайн. Поднимайся к нам на борт и поговори со мной, Гуидрага.

— Я не могу этого сделать, милорд.

— Я не сказал "лорд Валентайн",— ответил он. — Ты понимаешь, что это значит? И если ты не

придешь ко мне, ну, тогда я пойду к тебе! Приготовьтесь взять меня на борт!

— Ваше величество! — в ужасе произнес Слит.

Валентайн повернулся к Азенхарту:

— Подготовьте для нас плавун. Слит, ты мой главный представитель, ты будешь сопровождать меня. И ты, Делиамбер.

Карабелла обратилась к нему:

— Милорд, я прошу тебя…

— Если они хотят схватить нас,— сказал он,— они сделают это, буду ли я находиться на их корабле или на моем. У них двадцать кораблей на один наш, и к тему же хорошо вооруженных. Идем, Слит… Делиамбер…

— Ваше величество,— сурово произнесла Лизамона Халтин, — вы не можете идти, если только я не буду с вами!

Валентайн с улыбкой ответил:

— О, хорошо! Вы командуете Понтификом! Я восхищаюсь вашим духом; но нет, я не буду в этот раз брать ни телохранителей, ни оружия, никакой защиты, кроме этой одежды. Плавун готов, Азенхарт?

Корзина плавуна была приспособлена и подвешена к фок-мачте. Валентайн взобрался внутрь и подозвал Слита, мрачного, с печальным лицом, и

уруна. Он оглянулся на остальных собравшихся на палубе флагманского корабля — Карабеллу, Тунигорна, Азенхарта, Залзана Кавола, Лизамону, Шанамира — все смотрели на него, как будто он, наконец, окончательно расстался с рассудком.

— Теперь вы лучше узнаете меня,— сказал он тихо и приказал поднимать корзину через борт.

Оказавшись на воде, он поплыл, легко и плавно скользя над волнами и потом вверх по борту корабля-дракона, пойманный крючком, который спустила ему Гуидрага. Мгновением позже Валентайн вышел на палубу другого судна, обшивка которого была темной от несмываемых пятен крови морских драконов. Дюжина огромных скандаров, самый меньший из которых был вдвое выше Валентайна, стояла перед ним, и во главе их была старая Гуидрага, даже еще более редкозубая, чем раньше, ее густая спутанная шерсть еще более поблекла. Ее желтые глаза сверкали силой и властью, но Валентайн разглядел также в ее чертах некоторую неуверенность. Он сказал:

— Отчего, Гуидрага, вы так неприветливо встречаете меня?

— Милорд, я не знала, что это вы возвращаетесь к нам.

— Все же, кажется, я вернулся еще раз. И меня

не будут приветствовать с большей радостью, чем эта?

— Милорд, многое изленилось здесь,— сказала она, немного заикаясь.

— Изменилось? Свободная республика?

Он оглядел палубу и другие корабли-драконы, выстроившиеся по всем сторонам.

— Что значит свободная республика, Гуидрага? Мне кажется, я не слышал этого термина раньше. Я спрашиваю вас: что это означает?

— Я только капитан-дракон, милорд. Эти политические вопросы… Не мне говорить о них…

— Тогда простите меня. Но скажите мне хотя бы зачем вас послали нас встречать, если не приветствовать и проводить в порт?

Гуидрага сказала:

— Меня послали не приветствовать вас, а повернуть назад. Хотя, я повторяю, мы не знали, что это вы, милорд — мы только знали, что это флот императорских кораблей.

— А императорские корабли уже не принимают в Пилиплоке?

Последовала длинная пауза.

— Нет, милорд,— сказала скандарша, запинаясь.— Не принимают, милорд. Мы… как бы это сказать… вышли из империи, милорд. Это и есть

свободная республика. Это — территория, которая управляет собой сама, а не со стороны.

— О, и почему это? Вы считаете, что правление императорского правительства такое обременительное?

— Вы шутите со мной, милорд. Эти вопросы непонятны для меня. Я знаю, что теперь трудное время, что произошли перемены, что Пилиплок решил сам определять свою судьбу.

— Потому что в Пилиплоке еще есть продукты, а в других городах нет, и ноша кормления голодных слишком тяжела для Пилиплока? Так это, Гуидрага?

— Милорд…

— И вы должны прекратить звать меня "милорд",— сказал Валентайн.— Вы должны называть меня теперь "ваше величество".

Капитан-дракон, выглядевшая еще более встревоженной, ответила:

— Но вы больше не Коронованный, милорд… ваше величество…?

— Изменения в Пилиплоке не единственные изменения, которые произошли,— сказал он.— Я покажу вам, Гуидрага. А потом я вернусь на свой корабль и вы проведете меня в пристань, и я поговорю с хозяевами вашей свободной республики

так, чтобы они объяснили мне более точно. А, Гуидрага? Давайте я покажу вам, кто я.

Он взял руку Слита в свою руку, а щупалец Делиамбера в другую руку и легко и мягко перешел в состояние полудремы, состояние транса, которое позволяло ему говорить без слов, из мозга в мозг, как будто он излучал послания. И из его души к душе Гуидраги устремился поток такой большой энергии и силы, что заставил светиться воздух между ними, поскольку он привлекал теперь не только силу, которая накопилась в нем за время испытаний и смятения, но также и ту, которую давали ему Слит и урун, и его товарищи на борту "Леди Сиин", и лорд Хиссун, и мать Хиссуна, Леди, и его собственная мать, бывшая Леди, и все другие, кто любил Маджипуру, какой она была и какой они хотели, чтобы она стала вновь. И он достиг Гуидраги, а потом стоявших за ней охотников на драконов, скандаров, а потом экипажи других кораблей и потом граждан свободной республики Пилиплок, через море. Сообщение, которое он посылал им, было простым: он пришел простить их за ошибки и получить от них возобновленную преданность великому содружеству, которым была Маджипура. И он говорил им также, что Маджипура была неразделенной и

что сильный должен помогать слабому или все пропадут вместе, поскольку мир стоит на краю гибели, и ничто, кроме общего мощного усилия, не спасет его. И напоследок он сказал им, что начало конца времени хаоса недалеко, поскольку Понтифик, и Коронованный, и Леди, и Король Снов идут вперед вместе, чтобы восстановить порядок, и все снова будет единым, если только они верят в справедливость Бога, от имени которого он правит теперь как верховный монарх.

Он открыл глаза. Он увидел, что Гуидрага, потрясенная, раскачивающаяся, медленно опускается на колени, и скандары, которые были рядом с ней, делают то же самое. Потом она подняла руки вверх, словно защищая глаза.

— Милорд, Ваше величество… Ваше величество.

— Валентайн! — закричал кто-то вдали, в конце палубы.— Валентайн Понтифик!

И крик подхватили моряки один за другим:

— Валентайн Понтифик! Валентайн Понтифик!

Пока это эхом не разнеслось от корабля к кораблю, по воде и

даже до крепостного вала далекого Пилиплока:

— Валентайн! Валентайн Понтифик! Валентайн Понтифик!

Примирение

Когда королевский экспедиционный отряд находился в нескольких часах пути от Ни-мои, лорд Хиссун вызвал к себе Альзимира и сказал:

— Узнай, стоит ли все еще большой дом, называемый Нисиморнской Панорамой. Если он цел, я намерен использовать его как штаб-квартиру, пока буду в Ни-мое.

Хиссун отчетливо представлял этот дом, представлял всю Ни-мою — ее белые башни и сверкающие пассажи. Представлял так живо, будто прожил там половину жизни. Но он никогда не ступал на землю Зимроеля до этого путешествия. Теперь он мысленно просматривал картотеку чтения мыслей в Реестре Душ, в глубинах Лабиринта. Как ее звали, маленькую лавочницу из Лепатиса, которая вышла замуж за брата герцога и приехала получить в наследство Нисиморнскую Панораму? Иньянна, кажется. Иньянна Форлэйн, которая воровала на Главном Базаре, пока ее жизнь так разительно не изменилась.

Все это произошло в конце правления лорда Молибора всего каких-нибудь двадцать или двадцать пять лет назад. "Очень возможно, что она

еще жива,— подумал Хиссун.— Все еще живет в чудесном доме, обращенном к реке. И тогда я пойду к ней и скажу: "Я знаю тебя, Иньянна Форлэйн. Я понимаю тебя так же, как самого себя. Мы одинаковые — ты и я — фавориты судьбы, и мы знаем, что настоящие фавориты судьбы те, кто знает, как наилучшим образом использовать свою удачу".

Нисиморнская Панорама все еще стояла, восхитительно возвышаясь на скалистом мысе над пристанью. Ее свободно несущие балкончики и портики мечтательно парили в мерцающем воздухе. Но Иньянна Форлэйн больше там не жила. Огромный дом заняла теперь скандальная компания скваттеров, упакованных по пять и шесть в комнате. Они пачкали своими именами стеклянные стены Зала Окон, жгли дымные костры на верандах, выходящих в сад, оставляли грязные отпечатки пальцев на сверкающих белизной стенах. Большинство их исчезло, как утренний туман, как только войска Коронованного вошли в ворота, но несколько осталось, сердито уставившись на Хиссуна, как будто он был захватчиком из какого-нибудь другого мира.

— Я вычищу остатки этого сброда, милорд? — спросил Стимион.

Хиссун кивнул.

— Но сначала дай им продуктов, что-нибудь выпить и скажи, что Коронованный сожалеет, однако должен занять их дом под свое жилье. И спроси еще, знают ли они о леди Иньянне, которая жила здесь когда-то.

Печальный ходил он из комнаты в комнату, сравнивая то, что видел теперь, с сияющей картиной этого дома, увиденной в картотеке чтения мыслей Иньянны Форлэйн. Грустная была метаморфоза! Не осталось ни одного места в доме, которое каким-то образом не было замарано, испорчено, покрыто пятнами, подвергнуто разрушительному действию. Чтобы восстановить все так, как было, потребовались бы годы труда искусных мастеров, подумал Хиссун.

То же, что с Нисиморнской Панорамой, произошло со всей Ни-моей. Хиссун мрачно блуждал по Залу Окон с широкими видами всех частей города и видел картину ужасающих разрушений. А это был самый зажиточный и великолепный город Зимроеля, равный любому из городов Горы Замка. Белые башни, что давали кров тридцати миллионам жителей, почернели от дыма многочисленных пожаров. Дворец герцога представлял собой груду обломков на поверхности чудесного

фундамента. Госсамерская Галерея — вереница подвесных зданий длиной в милю, где размещались самые лучшие магазины города, оторвалась с одной стороны от креплений и расползлась на проспекте, словно сброшенная мантия. Стеклянные купола Музея Миров были разбиты, и Хиссуну не хотелось думать о том, что могло произойти с его сокровищами. Вращающиеся прожектора на Кристаллическом бульваре были темны.

Он посмотрел в сторону пристани и увидел то, что, должно быть, называлось плавучими ресторанами, где когда-то можно было изысканно пообедать самыми редкими деликатесами Нарабаля, Сти, Пидруида и других далеких городов. Теперь они лежали опрокинутые и перевернутые вверх дном в воде.

Хиссун чувствовал себя обманутым. Так долго мечтать увидеть Ни-мою, быть, наконец, здесь и найти город, возможно, и не подлежащим восстановлению.

"Как такое случилось? — думал он.— Почему население Ни-мои в голоде, панике и безумии повернулось против своего родного города? И было ли так по всей земле Зимроеля? Красота, которая создавалась тысячелетиями, отброшена

прочь в пароксизме безрассудного разрушения! Мы заплатили высокую цену за все века самодовольства".

К нему зашел Стимион сообщить новости о леди Иньянне, которые он узнал от одного из скваттеров. Она убежала из Ни-мои более года назад, когда один из фальшивых Коронованных потребовал, чтобы ее дом служил ему дворцом. Куда она уехала, была ли она вообще еще жива,— никто не знал. Герцог Ни-мои и его семья сбежали тоже, даже раньше большинства другой знати.

— А лже-Коронованный? — спросил Хиссун.

— И он тоже, милорд. Все они, поскольку к концу их было десять или двенадцать, ссорящихся между собой. Они сбежали, как испуганные билантуны, когда Понтифик Валентайн прибыл в город в прошлом месяце. Сегодня-в Ни-мое только один Коронованный, милорд. Его зовут Хиссун.

Хиссун слабо улыбнулся.

— Тогда это мой великий крестный ход? Где музыканты, где шествия? Почему вокруг грязь и разрушения? Я не думал, что мое первое посещение Ни-мои будет таким, Стимион.

— Вы вернетесь в более счастливые времена, милорд, и все будет так, как было раньше.

— Ты так думаешь? Ты действительно так дума-

ешь? О, я молюсь, чтобы ты был прав, мой друг!

Появился Альзимир.

— Милорд, мэр этого города свидетельствует свое почтение и просит разрешения посетить вас.

— Скажи ему, чтобы приходил сегодня вечером. У нас сейчас более неотложные дела, чем встречи с местными мэрами.

— Я скажу ему, милорд. Мне кажется, мэр несколько встревожен, милорд, количеством войск, которые вы намерены разместить здесь. Он сказал что-то о трудностях в снабжении продуктами и некоторых проблемах санитарии.

— Он снабдит нас требуемым количеством продуктов, Альзимир, или мы снабдим себя более способным мэром,— сказал Хиссун.— Скажи ему это тоже. Можешь ему также сказать, что милорд Дивис скоро будет здесь с армией примерно, такой же большой, как эта, или, возможно, больше. А потом будет милорд Тунигорн, и, следовательно, он может считать настоящие условия всего лишь репетицией к действительному бремени, которое скоро на него ляжет. Но сообщи также ему, что общие продовольственные потребности Ни-мои будут снижены, когда я уеду, потому что я заберу с собой несколько миллионов его граждан,

как часть оккупационной армии, направляющейся в Пиурифаину. И спроси его, какой способ он предлагает для набора добровольцев. Если же он заартачится, Альзимир, укажи ему, что мы пришли сюда не беспокоить его, а спасать провинцию из хаоса, хотя предпочли бы теперь сражаться на турнире на Горе Замка. И если тебе покажется, что его подход будет несоответствующим после того, как ты ему все это скажешь, закуйте его в цепи и посмотрите, не станет ли с большим желанием сотрудничать с нами его заместитель. Если же нет, найдите такого, кто будет! — Хиссун ухмыльнулся.— Были ли какие-нибудь новости от милорда Дивиса?

— Масса новостей, милорд. Он оставил Пилиплок и следует за нами вверх по Зимру быстро, как может, собирая по пути свою армию. У нас есть донесения от него из портов Сэйкфоржа, Стенвампа, Оргелиуза, Импемонде и Долины Облиорн и последнее сообщение, что он приближается к Ларнимискулюсу.

— Который, насколько я помню, еще в нескольких тысячах миль восточнее, не так ли? — сказал Хиссун.— Так что нам еще долго его ждать. Ну, он будет здесь, когда будет, и этого нельзя ускорить. Я не думаю, что было бы разумно отправиться

в Пиурифаину до встречи с ним.— Он печально улыбнулся. — Наша задача была бы втрое проще, я полагаю, если бы мир был наполовину меньше… Альзимир, отправь послание нашего высочайшего уважения Дивису в Ларнимискулюс и, возможно, в Белку и Кларишанс, в несколько других городов по его маршруту с упоминанием о том, как я жажду увидаться с ним снова.

— А вы жаждете, милорд? — спросил Альзимир.

Хиссун пристально на него посмотрел.

— Да, жажду,— сказал он.— Самым искренним образом, Альзимир!

Он выбрал для своего штаба большой кабинет на четвертом этаже здания. Много лет назад, когда здесь был дом Галайна, брата герцога Ни-мои, как вспоминаюсь Хиссуну, в огромной комнате размещалась библиотека древних книг, связанная со шкурами редких животных. Но книги пропали, кабинет стал огромным пустым пространством с единственным исцарапанным столом посередине. Здесь он разложил свои карты и обдумывал предполагаемое предприятие.

Хиссуну не хотелось оставаться на Острове Сна, когда Валентайн пошел в Пилиплок. Он намеревался сам усмирить Пилиплок силой оружия, но

у Валентайна были другие мысли, и Валентайн добился своего.

Коронованным, действительно, был Хиссун, это так, но ему стало ясно, когда было принято это решение, что его положение будет некоторое время аномальным, поскольку ему приходилось мириться с существованием энергичного, бодрого и совершенно зримого Понтифика, у которого не было намерения уходить в Лабиринт.

Исследование истории не давало Хиссуну такого прецедента. Даже самые властные и амбициозные из Коронованных — лорд Конфалюм, лорд Престимион, лорд Деккерет — уступили свои места и отправились в подземное жилище по завершении их срока в Замке.

Но не было и прецедента, допускал Хиссун, всему, что происходило теперь. И он не мог отрицать, что эта поездка Валентайна в Пилиплок, которая казалась Хиссуну безрассудной глупостью, обернулась на деле блестящим стратегическим ходом.

Представить только: восставший город смиренно опускает свои флаги и без звука подчиняется Понтифику, как точно и предсказывал Валентайн! Какая магия была в нем, размышлял Хиссун, что позволила провести столь смелый удар с та-

кой самоуверенностью? Но он вернул свой трон в войне восстановления с помощью такой же тактики, разве нет? Его милосердие, мягкость… Под ними скрывался характер замечательной силы и решимости. И еще, подумал Хиссун, это была не просто удобно надеваемая мантия — мягкость Валентайна. Это существенная природа его характера, самая истинная и глубокая часть его.

Необычный человек, великий король, и такие странные манеры…

Теперь Понтифик шел дальше на запад по Зимру с небольшим окружением, переходя от одного разгромленного места к другому, мягко ведя переговоры о возвращении к здравомыслию. Из Пилиплока он отправился в Ни-мою, прибыв туда на несколько недель раньше Хиссуна. Лже-Коронованные разбежались при его приближении, разбойники и грабители прекратили мародерство. Потрясенные и доведенные до нищеты жители огромного города миллионными толпами, как сообщалось, приветствовали нового Понтифика, как будто он мог одним взмахом руки вернуть мир в прежнее состояние. Это делало задачи Хиссуна намного проще, когда он следовал в кильватере у Валентайна: вместо того, чтобы тратить время и средства на приведение

Ни-мои под контроль, он застал город спокойным и благоразумно готовым сотрудничать в том, что должно быть сделано.

Хиссун прочертил пальцем дорогу на карте. Валентайн двинулся дальше в Хинтор. Здесь его ожидали трудности — это был оплот лже-Коронованного Симпетурна и его личного войска... Хиссун боялся за Понтифика, но не мог ничего предпринять, чтобы защитить его. Валентайн и слушать не станет. "Я не поведу войска на города Маджипуры",— говорил он, когда они обсуждали этот вопрос на Острове. И у Хиссуна не было другого выбора, как подчиниться его воле. Власть Понтифика всегда верховная!

А после Хинтора куда, Валентайн? Города Ущелья? — предположил Хиссун. А потом, возможно, в морские города Пидруид, Тил-омон, Нарабал? Никто не знал, что происходило на этом далеком побережье, куда ушло так много миллионов беженцев из пораженной центральной зоны Зимроеля. Но мысленным взором

Хиссун видел Валентайна, неустанно марширующего дальше и дальше, превращая хаос в порядок одной лишь светящейся силой своей души. Это был действительно необычный, великий крестный ход Понтифика. Но Понтифик, беспо-

койно думал Хиссун, это не тот, кому полагается совершить великий крестный ход.

Он перевел мысли с Валентайна на свои собственные обязанности. Ждать, пока Дивис будет здесь,— первое. Непростое это будет дело. Но Хиссун понимал, что будущий успех его царствования будет зависеть от того, насколько он справится с укрощением этого знатного и ревностного человека.

Передать ему верховную власть да пояснить, что среди генералов в этой войне он второй, только после самого Коронованного. И сдерживать, контролировать его в то же время. Если это будет возможно.

Хиссун набросал быстрые линии на карте. Одна армия под командованием Дивиса продвигается на запад от Хитрона или Мазадоны, чтобы убедиться в том, что Валентайн действительно восстановил там порядок, и по мере своего движения набирает войска, потом делает петлю на юг и восток, чтобы занять позицию вдоль верхних границ провинций метаморфов. Другая основная армия под личным командованием Хиссуна прорывается из Ни-мои вдоль берегов Стейча, чтобы закрыть восточную границу Пиурифаины. Тактика клещей. Потом — внутрь с обеих сторон,

пока мятежники не будут взяты.

А что будут есть солдаты, думал Хиссун, в мире, который умирает от голода? Кормить многомиллионную армию кореньями, орехами и травами? Он покачал головой. Мы будем есть коренья, орехи и травы, если это будет все, что у нас будет. Мы будем есть камни и грязь. Мы будем есть наших убитых, если будет нужно. И мы победим, и тогда это безумие кончится.

Он встал, подошел к окну и всмотрелся в разрушенную Ни-мою, более красивую теперь, когда сгустившиеся сумерки скрыли самые ужасные из ран. Он поймал собственное отражение в стекле и насмешливо поклонился ему: "Добрый вечер, милорд! Храни вас Бог, милорд!" Лорд Хиссун — как странно это звучит.

"Да, милорд, нет, милорд. Это я выполню немедленно, милорд". Ему отдавали знак лучистой звезды. Они с трепетом пятились назад. Они обращались к нему, все они, словно он в самом деле был Коронованным, Возможно, он скоро к этому привыкнет. Во всяком случае это было не так, чтобы явиться каким-то сюрпризом. И все же по-прежнему казалось ему нереальным. Возможно, это было потому, что до сих пор он провел свое царствование в путешествии по Зим-

роелю. Это не станет реальным, решил Хиссун, пока он, наконец, не вернется на Гору Замка… В замок лорда Хиссуна… И займется другой жизнью — подписанием указов, назначением встреч, сидением в президиумах на важных церемониях, что было, по его мнению, истинным занятием Коронованного в мирное время. Придет же когда-нибудь этот день! Он пожал плечами. Глупый вопрос, как большинство вопросов. Этот день придет, когда ему следует прийти, а пока нужно выполнять работу. Хиссун вернулся к столу и еще час продолжал делать заметки на картах.

Спустя некоторое время вернулся Альзимир.

— Я разговаривал с мэром, милорд. Он обещает полное сотрудничество. Он ждет внизу в надежде, что вы позволите ему рассказать, как он намерен сотрудничать с нами.

Хиссун улыбнулся.

— Пришлите его ко мне,— сказал он.

Когда они, наконец, достигли Хинтора, Валентайн приказал Азенхарту сделать остановку не в самом городе, а на другом берегу реки, в южных окрестностях Хот Хинтора, где находились всякие геотермальные чудеса: гейзеры, фумаролы, кипящие озера. Ему хотелось войти в город неспешно, размеренно, дав так называемому Коронован-

ному, который правил здесь, предупреждение о своем прибытии.

Не то чтобы его появление могло стать чем-то неожиданным для самозванного лорда Симпетурна. Во время путешествия вверх по Зимру из Ни-мои Валентайн не делал секрета ни из того, кто он, ни из цели своего похода. Он снова и снова останавливался в больших городах вдоль реки, встречаясь с городским руководством, которое в них еще оставалось, и получая заверения в поддержке войск, которые будут набраны и отражения угрозы метаморфов.

И на всем его пути, даже в тех городах, где он не останавливался, население выбегало посмотреть на императорский флот, следующий мимо по пути в Хинтор, помахать вслед и крикнуть:

— Валентайн Понтифик! Валентайн Понтифик!

Гнетущим было это путешествие, поскольку даже с реки было видно, что когда-то живые и процветающие города — всего лишь призраки, склады доков, пустые, с выбитыми окнами, безлюдными базарами, дорогами вдоль берега, заросшими сорняками. И где бы он ни выходил на берег, всюду видел, что люди, оставшиеся в этих городах, хоть и кричали и махали, были лишены

надежды. Глаза у них безрадостны и потуплены, плечи опущены, лица отчаявшиеся.

Когда же он ступил на берег в фантастическом местечке рокочущих гейзеров и шипящих, булькающих термальных озер и клубящихся облаков бледно-зеленого газа, каким был Хот Хинтор, Валентайн увидел еще кое-что на лицах собравшихся на набережной: выжидающий, любопытный взгляд, словно они предвкушали какое-то спортивное состязание.

Валентайн знал, что им не терпится посмотреть, какой прием окажет Понтифику лорд Симпетурн.

— Мы будем готовы отправиться через пару минут, ваше величество,— крикнул Шанамир.— Плавуны спускаются по крепостному валу.

— Плавуны не потребуются,— сказал Валентайн.— Мы войдем в Хинтор пешком.

Он услышал знакомый вздох ужаса Слита, увидел знакомое раздраженное выражение на его лице.

Лизамона Халтин покраснела от досады. Залзан Кавол бросил сердитый взгляд. Карабелла тоже выказывала тревогу. Но никто не посмел возразить ему. Никто давно уже ему не возражал. И не столько потому, что теперь он был Понтификом,

подумал он. Смена одного броского титула на другой была, действительно, делом простым. Это происходило скорее потому, что он, по их мнению, с каждым днем глубже и глубже погружается в царство, куда они попасть не могли. Он становился непонятным для них. Что касается его самого, то он чувствовал себя выше всяких настоящих забот о безопасности: неуязвимым, непобедимым.

Делиамбер спросил:

— По какому мосту мы войдем, ваше величество?

Их было четыре в поле зрения. Один из кирпича, един, арочный, из камня, еще один, который был уже всех, мерцающий и полупрозрачный, словно сделанный из стекла, и самый ближний — воздушное творение из легких раскачивающихся канатов.

Валентайн посмотрел на каждый из них, потом на башни Хинтора с квадратными вершинами далеко за рекой. Арочный мост из камня, заметил он, казалось, был разрушен в середине. Еще одна задача Понтифику, подумал он, вспомнив, что титул его в древние времена означал "Строитель Мостов".

Он сказал:

— Я знал когда-то названия этих мостов, добрый Делиамбер, но забыл их, Напомните мне.

— Тот, что справа, ваше величество, Мост Снов. Ближе к нам Мост Понтифика, а рядом с ним — Хинторский мост, — который поврежден, и им нельзя воспользоваться. Тот, что выше — по течению,— Мост Коронованного.

— Ну, тогда давайте выберем Мост Понтифика! — сказал Валентайн.

Залзан Кавол и несколько его товарищей скандаров шли впереди. За ними шагала Лизамона Халтин, потом Валентайн неторопливой походкой, Карабелла рядом с ним. Делиамбер, Слит и Тизана шли следом за ними. Остальная часть маленького отряда замыкала шествие. Толпа, становившаяся все больше, следовала вблизи, держась по собственной воле в некотором отдалении.

Когда Валентайн приблизился к началу моста, худая темноволосая женщина в полинявшем оранжевом халате отделилась от зрителей и подошла к нему, крича:

— Величество! Величество!

Ей удалось приблизиться к нему на дюжину футов, когда Лизамона Халтин остановила ее, схватив одной рукой и оторвав от земли, словно

она была детской куклой.

— Нет… подождите… — бормотала женщина, когда Лизамона собралась было швырнуть ее в толпу.— Я не хочу ничего плохого… У меня подарок для Понтифика…

— Отпусти ее, Лизамона,— спокойно произнес Валентайн, подозрительно хмурясь.

Лизамона отпустила женщину, но осталась рядом с Понтификом, держась наготове. Женщина дрожала так, будто с трудом держалась на ногах. Ее губы двигались, но с минуту она ничего не говорила. Потом сказала:

— Вы правда лорд Валентайн?

— Я был лордом Валентайном. Теперь я Валентайн Понтифик.

— Конечно, конечно… Я знала это. Говорили, что вы погибли, но я никогда в это не верила. Никогда! — Она поклонилась. — Ваше величество! — Она все еще дрожала. Она казалась совсем молодой, хотя этого нельзя было сказать с уверенностью, поскольку голод и лишения обозначили глубокие морщины на ее лице, а кожа была бледнее, чем у Слита. Она вытянула руку — Меня зовут Миллилэйн. Я хотела отдать вам это.

Что-то похожее на кинжал из кости, длинное, тонкое, заостренное на конце, лежало на ее ла-

дони.

— Убийца! — прокричала Лизамона и подалась вперед, словно хотела наброситься на нее.

Валентайн поднял руку.

— Подожди,— сказал он.— Что у тебя там, Миллилэйн?

— Зуб… святой зуб… зуб водного короля Маазмоорна…

— А-а!

— Охранять вас. Направлять вас. Маазмоорн — величайший из водных королей. Этот зуб драгоценный, ваше величество.— Теперь ее трясло.— Я думала сначала, что неправильно поклоняться ему, что это богохульство, что это преступно. Но потом я узнала: они — не зло, водяные короли, ваше величество! Они истинные хозяева! Мы принадлежим им! Мы и все остальные, кто живет в Маджипуре. И я отдаю вам зуб Маазмоорна, ваше величество, величайшее из всех, высшей Силы…

Карабелла тихо сказала:

— Нам нужно идти дальше, Валентайн.

— Да,— отозвался он, протянул руку и мягко взял зуб у женщины. Зуб был, наверное, дюймов десять длиной, странно холодный на ощупь, словно сверкающий внутренним светом. Когда

Валентайн сжал его в кулаке, ему показалось на мгновение, что он слышит звон далеких колоколов или чего-то, что могло быть колоколами, хотя их звучание было совсем не таким, какое приходилось слышать у других колоколов. С важностью он произнес: — Спасибо, Миллилэйн. Я буду дорожить им.

— Ваше величество… — прошептала она и, покачиваясь, отошла в толпу.

Он медленно пошел дальше по мосту в Хинтор. Путь через реку занял час или больше. Задолго до того, как он достиг другой стороны моста, Валентайн увидел толпу, собравшуюся там в ожидании его. И это не были просто зеваки, понял он, поскольку те, что стояли впереди, были одинаково одеты в золотисто-зеленую форму — цвета Коронованного. Это были войска… войска Коронованного лорда Симпетурна.

Залзан Кавол, нахмурившись, оглянулся.

— Ваше величество? — сказал он.

— Продолжай идти,— сказал Валентайн.— Когда дойдешь до первого ряда, пропустишь меня и останешься рядом.

Он почувствовал, как рука Карабеллы в страхе сжала его запястье.

— Ты помнишь,— сказал он,— в начале войны

за восстановление, когда мы шли в Пендиванию и увидели десятитысячную толпу ополченцев, поджидавших нас у ворот? А нас было всего несколько десятков.

— Это не Пендивания. Пендивания не восставала против тебя. И не было лже-Коронованного, ожидавшего тебя у ворот, а только жирный запуганный мэр провинции.

— Это все равно,— сказал Валентайн.

Он дошел до конца моста. Дорогу преградили отряды в золотисто-зеленой форме. Офицер в первой шеренге, глаза которого были полны страха, хрипло закричал:

— Кто вы такие, что входите в Хинтор без разрешения лорда Симпетурна?

— Я Понтифик Валентайн. И мне не нужно ничье разрешение, чтобы войти в город Маджипуры.

— Коронованный лорд Симпетурн не позволит вам пройти дальше этого моста, незнакомец!

Валентайн улыбнулся.

— Как может Коронованный, если он Коронованный, противоречить слову Понтифика? Давай, парень, отойди в сторону!

— Этого я не сделаю. Потому что вы не больше Понтифик, чем я.

— Ты запрещаешь мне? Я думаю, что ваш Коронованный должен сделать это сам,— спокойно произнес Валентайн.

Он пошел вперед, охраняемый с боков Залзаном Каволом и Лизамоной Халтин. Офицер, споривший с ним, неуверенно посмотрел на солдат справа и слева от него и выпрямился сурово. Солдаты сделали то же самое. Их руки нарочито потянулись к прикладам ружей. Валентайн продолжал идти. Они отступили на полшага, продолжая строго смотреть на него. Валентайн остановился. Первая шеренга расступилась, когда он снова шагнул вперед.

Ряды разомкнулись, и маленький коренастый мужчина с грубыми красноватыми щеками предстал перед ним. Он был одет в белый халат Коронованного поверх зеленого камзола. На непокрытый хохолок черных волос была надета усеянная звездами корона.

Он поднял обе руки вверх, выставив наружу ладони, и громко закричал:

— Достаточно! Ни шагу дальше, самозванец!

— И кто уполномочил вас отдавать такие приказы? — любезно спросил Валентайн.

— Я сам, поскольку я Коронованный лорд Симпетурн!

— О! Вы Коронованный, а я самозванец? Я не понял, по чьей воле тогда вы Коронованный, лорд Симпетурн?

— По воле Бога, который назначил меня править в это время вакансии на Горе Замка.

— Ясно,— сказал Валентайн.— Но я ничего не знаю о такой вакансии. Есть Коронованный по имени лорд Хиссун, который занимает должность по законному назначению.

— Самозванец не может делать законных назначений,— возразил Симпетурн.

— Но я Валентайн, который был Коронованным до него и который теперь Понтифик,— также по воле Бога, как общепризнанно.

Симпетурн мрачно ухмыльнулся.

— Вы были самозванцем, когда заявили, что вы Коронованный, и самозванец теперь!

— Может такое быть? Тогда все принцы и лорды Горы, Понтифик Тиверас, вечное ему пребывание в Истоках, и моя собственная мать Леди ошибалась, приветствуя мое провозглашение?

— Я говорю: вы обманули их всех, и проклятие, которое спустилось на Маджипуру, лучшее доказательство этого. Валентайн, которого назначили Коронованным, был смуглым человеком, а посмотреть на вас, так волосы у вас отливают

зелотом!

Валентайн засмеялся.

— Это старая история, дружище! Конечно, вам известно о колдовстве, которое лишило меня моего тела и поместило в это!

— Так говорите вы.

— И с этим согласились Силы королевства.

— Тогда вы мастер обмана,— сказал Симпетурн.— Но я не стану больше тратить на вас время, поскольку у меня срочные дела. Уходите, возвращайтесь в Хот Хинтор, садитесь на свои корабли и уплывайте вниз, по реке. Если вас обнаружат здесь к этому времени завтра, вы очень пожалеете об этом.

— Я уеду довольно скоро, лорд Симпетурн. Но сначала я должен попросить вас об услуге. Эти ваши солдаты, Рыцари Деккерета — так вы их называете? Они нужны нам на востоке, на границах Пиурифаины, где Коронованный лорд Хиссун собирает армию. Идите к нему, лорд Симпетурн, поступайте под его командование, делайте то, что он попросит. Мы осознаем то, что сделано вами для создания этого войска, и мы не отнимаем вашего главенства над ним. Но вы должны стать частью большой силы.

— Вы, должно быть, сумасшедший.

— Я думаю иначе.

— Оставить свой город беззащитным? Преодолеть тысячи миль, чтобы отказаться от своей власти в пользу какого-то узурпатора?

— Это необходимо, лорд Симпетурн.

— В Хинторе я один решаю, что необходимо!

— Это должно измениться,— сказал Валентайн. Он легко скользнул в полудремное состояние транса и отправил тончайший усик энергии своего разума к Симпетурну, покрутил им и вызвал хмурое выражение смущения на его красноватом лице. Он послал в мозг Симпетурна образ Доминина Баржазида, носящего тело, которое когда-то было его собственным, и сказал: — Вы узнаете этого человека, лорд Симпетурн?

— Это… это… это бывший лорд Валентайн!

— Нет! — сказал Валентайн, и метнул удар всей своей умственной силы в лже-Коронованного Хинтора.

Симпетурн покачнулся и чуть было не упал, но ухватился за людей в золотисто-зеленом, стоявших рядом с ним. Цвет его щек становился все темнее, пока не стал пурпурным — цвета перепевшего винограда.

— Кто этот человек? — сказал Валентайн.

— Это брат Короля Снов,— прошептал Симпе-

турн.

— И почему он носит черты бывшего лорда Валентайна?

— Потому что… потому что…

— Говори же!

Симпетурн осел, так что колени его подогнулись, а трясущиеся руки свисали почти до земли.

— Потому что он украл тело Коронованного во время узурпации и до сих пор носит его… по милости и соизволению человека, которого он сверг. И кто тогда я?

— Вы лорд Валентайн,— жалко пролепетал Симпетурн.

— Неправильно! Кто я, Симпетурн?

— Валентайн… Понтифик… Понтифик Маджипуры…

— Действительно. Наконец-то! И если я Понтифик, кто же Коронованный?

— Как… скажите… вы, ваше величество.

— Я говорю: это лорд Хиссун, который ждет тебя в Ни-мое, Симпетурн. Уходи, собирай своих рыцарей, веди свою армию на восток, служи своему Коронованному, как он пожелает. Иди, Симпетурн! Иди!

Он послал последней толчок энергии в Симпетурна, который заметался, затрясся и, наконец,

упал на колени.

— Величество… величество… простите меня…

— Я проведу ночь или две в Хинторе,— сказал Валентайн, — и посмотрю, чтобы все было в порядке. А. потом, думаю, я должен идти дальше на запад, где меня ждет работа.— Он обернулся и увидел Карабеллу, смотревшую так, словно у него выросли крылья. Он улыбнулся и поцеловал ее.

"Как это иссушает! — подумал он.— Хороший бы кубок или два вина, если только у них в Хинторе есть что-нибудь".

Валентайн опустил глаза на зуб дракона, который держал в руке все это время, и легко пробежал по нему пальцами. Он снова услышал звон колоколов, и ему показалось, что внутри его души мощно взмахнули крылья. Осторожно завернув зуб в кусок цветного шелка, взятый у Карабеллы, он протянул его ей, сказав:

— Храни это, миледи, пока я снова не попрошу его у тебя. Мне кажется, он будет очень нужен мне.— Взглянув в толпу Валентайн выхватил взгляд Миллилэйн, которая дала ему этот зуб. Ее глаза неотрывно смотрели в его глаза и горели пугающей напряженностью, словно она с трепетом и восторгом смотрела на некое божественное существо.

То, что звучало как громкий спор, и, казалось, происходило прямо за дверью его спальни, дошло до сознания Хиссуна. Он сел, поморщился, сонно моргнув. Через большое окно слева он увидел красный отблеск рассвета и солнце, низко висящее на восточной линии горизонта. Хиссун долго не ложился спать в эту ночь, готовясь к прибытию Дивиса, и вряд ли ему было приятно, что его оторвали от сна так рано.

— Кто там? — прорычал он.— Какого черта весь этот шум?

— Милорд, я должен немедленно увидеть вас! — послышался голос Альзимира.— Ваши охранники говорят, что вас нельзя будить ни при каких обстоятельствах, но мне совершенно необходимо говорить с вами!

Хиссун вздохнул.

— Кажется, меня разбудили,— сказал он.— Пожалуй, ты можешь войти.

Послышался звук открываемой двери. Спустя мгновение вошел Альзимир, выглядевший чрезвычайно взволнованным.

— Милорд…

— Что произошло?

— Город атакован, милорд!

Хиссун окончательно проснулся.

— Атакован? Кем?

— Непонятными чудовищными птицами,— отвечал Альзимир,— с такими же крыльями, как у морских драконов, с клювами, как косы, и когтями, источающими яд.

— Таких птиц нет.

— Это, должно быть, новое дьявольское творение формодеев. Они появились в Ни-мое незадолго до рассвета с юга. Огромная ужасная стая. Их сотни, возможно, тысячи. Они уже взяли пятьдесят жизней или больше, а дальше будет еще хуже.— Альзимир подошел к окну.— Посмотрите, милорд! Вон там они сейчас, кружат над старым дворцом герцога.

Хиссун взглянул. Рой ужасных силуэтов высоко парил в чистом утреннем небе: огромные птицы, крупнее джихорнов, крупнее, чем даже мулафты, и намного отвратительнее. Их крылья не были крыльями птиц, скорее они походили на связанные пальцевидными костями крылья морских драконов. Их клювы, злобные, острые и изогнутые, были огненно-красными, а длинные вытянутые когти ярко-зелеными. Они неистово ныряли в поисках жертвы, устремляясь вниз и снова взмывая, в то время как внизу, на улицах, люди в отчаянии бежали в укрытие.

Хиссун наблюдал, как один неосмотрительный мальчик десяти или двенадцати лет с учебниками под мышкой появился из здания прямо на пути одного из существ. Оно ринулось вниз, пока до земли не осталось девять или десять футов, и его когти в быстрой и мощной атаке располосовали тунику мальчика, оставив кровавый след на спине. Когда птица снова резко взлетела кверху, мальчик упал, раскинувшись, руки его били по тротуару в смертельной конвульсии. Затем, почти сразу, он затих, и три или четыре птицы камнем упали с неба и стали пожирать его.

Хиссун выругался.

— Ты сделал правильно что разбудил меня. Какие-нибудь контрмеры приняты?

— Мы отправили на крыши пятьсот стрелков с луками, милорд. Как можно быстрее мобилизуем энергоразрядчики большого радиуса.

— Недостаточно. Даже минимально недостаточно. Чего мы должны избежать, так это общей паники в городе. Двадцать миллионов испуганных горожан, разбегающихся в разные стороны и затаптывающих насмерть друг друга! Необходимо показать им, что мы сразу берем ситуацию под контроль. Поставьте пять тысяч стрелков на крыши. Десять тысяч, если они у нас есть! Я хочу,

чтобы каждый, кто умеет держать лук, принял участие в этом…

— Да, милорд.

— И издайте общий приказ: горожанам оставаться в домах до дальнейших указаний. Никому не выходить из домов. Никому! Независимо от того, каким бы срочным ни было его дело, пока птицы представляют угрозу. И еще. Пусть Стимион сообщит Дивису, что у нас здесь небольшие неприятности, и ему лучше быть настороже, если он все еще планирует войти в Ни-мою этим утром. Я хочу, чтобы ты послал за этим стариком, который заведует зоопарком редких животных в горах, с кем я говорил на прошлой неделе — Гитаин или Хитаин, как-то так. Скажи ему, что происходит, если он еще не знает. Под надежной охраной приведи его сюда, и пусть кто-нибудь соберет несколько мертвых птиц и тоже принесет их сюда, чтобы он мог исследовать.

Хиссун снова повернулся к окну, хмуро вглядываясь.

Тело мальчика было полностью скрыто птицами. Теперь их было не то девять, не то десять. Учебники были раскиданы.

— Формодеи! — горько воскликнул Хиссун.— Посылать чудовищ, чтобы воевать с детьми! О,

дорого заплатят они за это! Альзимир! Мы отдадим Фараатаа на съедение его же птицам, а? Иди теперь. Надо еще много сделать.

Более подробные сообщения пошли, непрерывным потоком, когда Хиссун второпях завтракал. Больше сотни смертей приписывали воздушному нападению, и число их быстро увеличивалось. По меньшей мере еще две стаи птиц появились в городе, составив, как приблизительно можно было подсчитать, полторы тысячи существ.

Уже ответный удар с крыш принес результаты: птицы из-за своего большого размера летали медленно и неловко, представляя удобную мишень для стрелков, к которым они практически не испытывали страха. Итак, их довольно легко убивали, и полное истребление казалось только делом времени, даже если на пути из Пиурифаины находились новые стаи. Улицы города полностью очистили от горожан, поскольку весть о нападении и приказы Коронованного оставаться дома дошли до самых дальних окрестностей. Птицы угрюмо кружились над тихой, безлюдной Ни-моей.

Позже пришло известие, что Ярмуза Хитайна, хранителя Парка Мифических животных, привезли в Нисиморнскую Панораму, и он занялся

во внутреннем дворе исследованием одной из мертвых птиц. Хиссун встречался с ним несколькими днями раньше, поскольку Ни-моя была наводнена всевозможными необычными и смертоносными существами, созданными восставшими метаморфами, и зоолог давал ценные советы, как с ними справиться. Теперь, спустившись вниз, Хиссун увидел Хитайна, темноглазого, узкогрудого мужчину зрелого возраста, склонившегося над останками птицы, такой огромной, что сначала Хиссун подумал, что их на тротуаре разложено несколько.

— Вы видели когда-нибудь что-то похожее на это? — спросил он.

Хитайн поднял глаза. Он был бледен, напряжен, его трясло.

— Никогда, милорд. Это существо из кошмара.

— Кошмара метаморфов, вы думаете?

— Без сомнения, милорд. Проще, это не естественная птица.

— Какое-то синтетическое существо, вы хотите сказать?

Хитайн покачал головой.

— Не совсем так, милорд. Я думаю, они созданы путем генетических манипуляций из существующей жизненной формы. Основная форма — это,

очевидно, милуфта. Вам она известна? Самая большая птица Зимроеля, питающаяся падалью. Но они сделали ее еще крупнее и превратили в хищную. Эти ядовитые железы у основания когтей… Ни одна птица Маджипуры не имеет таких, но в Пиурифаине есть пресмыкающееся аммазоар, вооруженное таким образом. И они, похоже, переняли это у него.

— А крылья? — спросил Хиссун.— Одолжили у морских драконов, так?

— Одинакового построения. То есть, это не типичные птичьи крылья, а скорее разновидность широких перепончатых, которые развились когда-то у млекопитающих диимов, летучих мышей, морских драконов. Морские драконы, милорд, вы знаете, млекопитающие.

— Да, я знаю,— сухо сказал Хиссун.— Но драконы не пользуются крыльями, чтобы летать. Какая цель преследуется в том, чтобы передать крылья дракона птице, вы можете ответить?

Хитайн пожал плечами.

— Только не аэродинамическая цель, насколько я могу судить. Это могло быть сделано лишь для того, чтобы придать птицам устрашающий вид. Когда планируют использовать жизненную форму, как орудие войны…

— Да, да. Так, по вашему мнению, эти птицы, несомненно, еще одно оружие метаморфов?

— Несомненно, милорд. Как я сказал, это не естественная жизненная форма Маджипуры. Ничего такого никогда не существовало в дикой природе. Такое огромное и опасное существо не могло остаться незамеченным на протяжении четырнадцати тысяч лет.

— Тогда еще одно преступление мы можем отнести на их счет. Кто бы мог предположить, Хитайн, что формодеи такие изобретательные ученые!

— Они очень древняя раса, милорд. У них, возможно, много тайн такого рода.

— Будем надеяться,— сказал Хиссун, поежившись,— что они не приготовили ничего более ужасного, чтобы напустить на нас.

Вскоре после полудня нападение, казалось, завершилось. Сотни птиц были застрелены. Все тела, которые можно было собрать, свалили на большой площадке за главными воротами Главного Базара, где они образовали огромную вонючую кучу, а те, что выжили, сообразили, что ничего лучшего, чем стрелы, в Ни-мое их не ждет, и улетели в горы, на север. В самом городе их осталось лишь несколько. Пять стрелков погиб-

ли, защищая Ни-мою. Хиссун пришел в смятение, когда узнал, что птицы атаковали сзади, когда стрелки высматривали их в небе. Тяжелая цена, подумал он, хотя и знал, что это вынужденная плата. Нельзя было позволить, чтобы самый большой город Маджипуры стал заложником стаи птиц.

Час или больше объезжал Хиссун на плавуне город, чтобы убедиться в возможности отменить запрет на выход из домов. Потом он вернулся в Нисиморнскую Панораму как раз вовремя и узнал у Стимиона, что войска под командованием Дивиса начали прибывать к причалам Странд Висты.

Все месяцы, с тех пор, как Валентайн отдал ему корону во Внутренней обители, Хиссун с опаской ожидал встречи в качестве Коронованного с человеком, которого он победил в борьбе за должность. Прояви хоть малейшую слабость, понимал Хиссун, и Дивис увидит в этом шанс отпихнуть его в сторону, как только война будет выиграна, и отнимет трон, которого так домогался.

Хотя не было ни единого намека Дивиса, у Хиссуна не было оснований верить в его добрую волю.

Тем не менее, когда он собирался поехать в

Странд Висту, чтобы приветствовать принца, Хиссун почувствовал необычное спокойствие. В конце концов он был Коронованным по истинной преемственности и свободному выбору человека, который теперь стал Понтификом. Нравится это или нет, Дивис должен это признать, и Дивис признает.

Добравшись до береговой линии Странд Висты, Хиссун был поражен громадными размерами армады, которую собрал Дивис. Казалось, он реквизировал все корабли, ходившие по реке между Пилиплоком и Ни-моей. Зимр был забит кораблями насколько мог видеть Хиссун. Огромный флот простирался до далекого, колоссального моря пресной воды, где река Стейч сливалась на юге с Зимром.

Единственным кораблем, который уже пришвартовался к пирсу, сказал Стимион, был флагман Дивиса. А сам Дивис ожидал на его борту прибытия лорда Хиссуна.

— Я скажу ему, чтобы он сошел на берег и приветствовал вас здесь, милорд? — спросил Стимион.

— Я пойду к нему,— улыбнулся Хиссун.

Выбравшись из своего плавуна, он торжественно пошел в сторону армады в конце пассажир-

ского терминала и далее — на пирс. Он был при полных регалиях своей должности. Его советники также были в официальном облачении, как и охрана — дюжина стрелков шедших по обе стороны на случай, если смертоносные птицы выберут для появления этот момент. Хотя Хиссун и решил сам идти к Дивису, что было, возможно, нарушением протокола, он понимал, что создаваемый им образ как бы представлял великодушного короля, удостоившего чести преданного подданного.

Дивис стоял у трапа своего корабля. Он также позаботился, чтобы выглядеть величественно, поскольку был одет, несмотря на дневную духоту, в просторный халат из шкур хайгуса и восхитительный сверкающий шлем, казавшийся почти короной. Когда Хиссун поднялся к нему на палубу, Дивис выглядел гигантом над ним.

Потом, когда они стали лицом к лицу, хотя Дивис был намного крупнее, Хиссун смотрел на него с твердостью и холодностью, которые способствовали сокращению разницы в их размерах. Долго оба молчали.

Дивис (как понимал Хиссун, он должен был так поступить, чтобы не выказать полное пренебрежение) сделал знак лучистой звезды — опустился

на одно колено, отдавая почтение новому Коронованному.

— Хиссун! Лорд Хиссун! Долгая жизнь лорду Хиссуну!

— И вам долгая жизнь, Дивис, поскольку всем нам нужна ваша храбрость в борьбе, которая предстоит. Встаньте! Встаньте!

Дивис поднялся. Его глаза уверенно встретили взгляд Хиссуна, и в нем отражалось столько эмоций, что Хиссун вряд ли смог бы разобраться в них, хотя ему показалось, что он увидел среди них и гнев, и горечь… но также и некоторую степень уважения и даже сдержанное восхищение и что-то похожее на примесь радости, как если бы Дивис не смог сдержать улыбку от странных перестановок судьбы, что свела их в этом месте в новых ролях.

Махнув рукой в сторону реки позади себя, Дивис сказал:

— Я привел вам достаточно войска, милорд?

— Огромная сила! И блестящее исполнение — набрать такую армию! Но кто знает, сколько будет достаточно, Дивис, в борьбе с армией призраков? У формодеев еще много мерзких сюрпризов для нас.

С легким смешком Дивис заметил:

— Я слышал, милорд, о птицах, которые они послали на вас этим утром.

— Ничего смешного, милорд Дивис. Это ужасные чудовища самого страшного вида, которые сбивают людей на улицах и поедают их тела прежде, чем они станут холодными. Я сам видел, как они сделали это с ребенком, из окна моей спальни. Но я думаю, что мы уничтожили их всех или почти всех. А в надлежащее время уничтожим их творцов тоже.

— Меня удивляет видеть вас таким мстительным, милорд.

— Я мстительный? — удивился Хиссун.— Ну, раз вы так говорите, я полагаю, так и есть. Прожить несколько недель в этом разрушенном городе — значит сделаться мстительным. Видеть как чудовищных хищников напускают на невинных граждан наши враги — значит сделаться мстительным. Пиурифаина, словно какой-то отвратительный фурункул, из которого распространяется на цивилизованней земле всякая гнилостность. Я намерен вскрыть ее и прижечь. И я говорю вам, Дивис: с вашей помощью я осуществлю ужасную месть против тех, кто развязал эту войну.

— Вы очень мало похожи на лорда Валентайна,

милорд, когда так говорите о мести. Мне кажется, я никогда не слышал, чтобы он употреблял это слово.

— А есть ли какая-нибудь причина, почему я должен говорить, как лорд Валентайн, Дивис? Меня зовут Хиссун.

— Вы избранный им — преемник.

— Да, и Валентайн больше не Коронованный по этому самому выбору. Может быть, мой способ справляться с нашими врагами мало похож на способ лорда Валентайна.

— Тогда вы должны сказать, каков ваш способ.

— Думаю, вы уже знаете. Я намерен войти в Пиурифаину вдоль Стейча, тогда как вы обходите ее с западной стороны, и мы зажмем мятежников между нами, схватим этого Фараатаа и положим конец его ухищрениям. А потом Понтифик может вызвать оставшихся в живых повстанцев и в своей более доброжелательной манере провести переговоры о какой-нибудь резолюции на обоснованной жалобе формодеев на нас. Но сначала, я думаю, мы должны показать силу. Что вы на это скажете, Дивис?

— Я скажу, что не слышал большей осмысленности из уст Коронованного с того времени, когда мой отец занимал трон. Но Понтифик, мне

кажется, ответил бы иначе, если бы услышал, что вы настроены так воинственно. Он знает о ваших планах?

— Мы не обсуждали еще их в подробностях.

— А будете обсуждать?

— Понтифик в настоящее время в Хинторе или к западу от него. Он будет занят там своими делами некоторое время, а потом долго ехать сюда, на восток. Я уже буду к тому времени в чаще Пиурифаины, и у нас появился небольшая возможность для консультаций.

Некоторая лукавость мелькнула в глазах Дивиса.

— О, я вижу, как вы справляетесь со своими проблемами, милорд!

— И что это за проблемы?

— Быть Коронованным, когда Понтифик, остается на виду, передвигаясь по стране, вместо того, чтобы скрыться в Лабиринте. Мне кажется, это могло бы стать огромной помехой для нового молодого Коронованного. Мне бы очень не понравилось, если бы я сам столкнулся с подобной ситуацией. Но если вы позаботитесь о том, чтобы сохранять большое расстояние между Понтификом и собой, то сможете действовать, будто у вас совершенно свободные руки. Не так ли, милорд?

— Мне кажется, мы ступаем на опасную почву, Дивис.

— О, разве?

— В самом деле. И вы переоцениваете различия между моими взглядами и взглядами Валентайна. Он не является военным человеком, как все мы хорошо понимаем, но, возможно, потому и отказался от Коронованного трона в мою пользу. Я верю, что мы понимаем друг друга — Понтифик и я. И давайте не будем дальше углублять дискуссию в этом направлении. Давайте теперь, Дивис, приглашайте меня в свою каюту, чтобы выпить по чарке-другой вина. А потом вы должны будете пойти со мной в Нисиморнскую Панораму выпить еще по одной. А затем мы сядем, чтобы спланировать ход нашей войны. Что вы на это скажете, милорд Дивис?

Снова начался дождь, смывая линии схемы, которую Фараатаа начертил на сыром песке берега. Но это не имело для него значения. Он рисовал и перерисовывал одну и ту же схему весь день, хотя в том и не было необходимости, поскольку каждая деталь ее была выгравирована в изгибах и извилинах его мозга. Здесь Илиривойн, там Авендроин, Нью-Велализьер. Реки, горы.

Позиции двух вторгшихся армий…

Фараатаа не ожидал этого. Это было единственным крупным просчетом в его планах, что Неизменчивые могут вторгнуться в Пиурифаину. Трусливый слабак лорд Валентайн никогда бы не сделал ничего подобного, нет! Валентайн скорее пополз бы носом по грязи к Данипиуре, униженно выпрашивая договор о дружбе. Но Валентайн больше не был королем, точнее он стал теперь другим королем, большего ранга, но с меньшей властью. Разве можно понять безрассудные порядки Неизменчивых! А теперь у них другой король, молодой лорд Хиссун, который производит впечатление совсем другого человека.

— Ааризиим! — крикнул Фараатаа. — Какие новости?

— Очень немного. О, Король Который Есть, мы ждем донесения с западного фронта, но это будет немного позже.

— А с линии фронта у Стейча?

— Мне сообщили, что лесные братья все еще не согласовали своих действий, но мы, наконец, добились их помощи в раскидывании густой сети вьющихся стеблей.

— Хорошо, хорошо. Но успеют ли они ее разложить, чтобы остановить продвижение лорда Хиссуна.

— Скорее всего да, о, Король Который Есть.

— И ты говоришь это,— спросил Фараатаа,— потому что это правда, или потому что это то, что, ты думаешь, я предпочитаю услышать?

Ааризиим уставился, разинув рот, и в смятении его формы начали видоизменяться так, что на мгновение он стал непрочным сооружением из переплетенных веревок, дрожащих на ветру, а потом сплетением длинных негнущихся прутьев, набухших с обоих концов, и лишь потом снова стал Ааризиимом. Тихим голосом он сказал:

— Вы очень несправедливы ко мне! О Фараатаа!

— Возможно. Если это правда, то и все остальное тоже, и я признаю, что это правда,— холодно произнес Фараатаа.

Дождь над головой звучал все громче, ударяя по лиственному шатру джунглей.

— Иди и возвращайся, когда получишь новости с запада.

Ааризиим исчез во тьме деревьев. Фараатаа, сердитый, беспокойный, начал снова чертить схему.

С запада шла армия. Несчетные миллионы Неизменчивых, руководимые волосатым лордом по имени Дивис. Это был сын прежнего Короно-

ванного лорда Вориакса.

"Мы убили твоего отца, когда он охотился в лесу. Ты знаешь это, Дивис? Охотник, который произвел смертельный выстрел, был пиуриваром, хотя носил лицо лорда Замка. Видишь? Жалкие формодеи могут убить Коронованного! Мы можем убить и тебя, Дивис, если ты будешь таким же беспечным, как твой отец".

Но Дивис (он, конечно, не знал, как погиб его отец; не было у пиуриваров другой столь же тщательно охраняемой тайны!) вовсе не был беззаботным, мрачно размышлял Фараатаа. Его штаб находился под плотной охраной преданных рыцарей, и не было возможности проникнуть через эту линию убийце, как бы умело он ни маскировался. Злыми, колющими ударами остро заточенной палки Фараатаа все глубже выкапывал в речном песке линии продвижения Дивиса. Его армии шли из Хитрона вдоль внутренней гряды огромных западных гор, пробивая дорогу в дикой местности, которая всегда была бездорожной, и сметая все на своем пути, заполняя Пиурифаину бесчисленными войсками, засоряя святые потоки, затаптывая святые могилы.

Против орды Фараатаа был вынужден пустить свою армию пилигригормов. Он жалел об этом,

поскольку это было, пожалуй, его самое опасное биологическое оружие, и он припас их для того, чтобы запустить в Ни-мое или Хинторе на какой-то более поздней стадии войны. Живущие на земле ракообразные размером с ноготь, они были покрыты панцирем, который нельзя было разбить молотком, и имели несметное количество быстро передвигающихся ног, которые генетики Фараатаа сделали острыми, как пилы. Аппетит у пилигригорма был ненасытный… Ему ежедневно требовалась масса в пятьдесят раз больше собственного веса. И удовлетворял он свой аппетит, вскрывая любое теплокровное существо, встретившееся на пути, и жадно поглощая его внутренности.

Пятьдесят тысяч пилигригормов, полагал Фараатаа, могут привести в полное смятение город, размером с Хинтор за пять дней. Но теперь, когда Неизменчивые вторглись в Пиурифаину, ему пришлось выпустить пилигригормов не в городе, а на земле самой Пиурифаины в надежде, что они приведут огромную армию Дивиса в смятение и бегство. Никаких сообщений, однако, еще не поступало об успехе этой тактики.

На другом краю джунглей, где Коронованный вел на юг вторую армию по другому непроходи-

мому пути, вдоль западного берега Стейча, план Фараатаа был иным: протянуть сеть бесконечной и непреодолимой паутины из вьющихся клейких стеблей, чтобы вынудить их идти все дальше и дальше в обход, пока они окончательно не заблудятся. Трудность этой уловки состояла в том, что никто не мог эффективно управлять раскладыванием сети, кроме лесных братьев — этих приходящих в бешенство маленьких обезьян, которые выделяли вместе с потом фермент, защищавший от клейкого вещества стеблей. Но у лесных братьев было мало оснований любить пиуриваров, которые веками охотились на них из-за вкусного мяса, и получить их помощь в таком деле было отнюдь не легко.

Фараатаа почувствовал, как гнев поднимается и закипает в нем.

Все шло так хорошо вначале. Распространение болезней и эпидемий в сельскохозяйственных районах… привело к краху сельское хозяйство в обширной зоне… Голод, паника, массовая миграция… Да, все согласно плану. И высвобождение специально созданных животных тоже сработало хорошо, хотя и в меньшем масштабе, но это усилило страх населения и затруднило жизнь обитателей городов.

И все же воздействие не было столь сильным, как надеялся Фараатаа. Он думал, что кровожадные гигантские милуфты терроризируют Ни-мою, которая уже была в состоянии хаоса, но не ожидал, что армия лорда Хиссуна будет в Ни-мое, когда милуфты достигнут города, или что его стрелки так легко расправятся со смертоносными птицами. Теперь же у Фараатаа не было больше милуфтов, и потребовалось бы пять лет, чтобы вывести достаточное их число для нового удара…

Но были пилигригормы. Были гоннигоги, миллионами содержавшиеся в баках и готовые к тому, чтобы их выпустили. Были кеси, были врииги, замбиносы, малапомасы. Были в запасе и новые эпидемии — облако красной пыли, которое пронесется над городом ночью, отравит в нем всю воду на несколько недель и оставит пурпурные споры, из которых появятся личинки, вызывающие болезни травоядных животных. Фараатаа колебался, выпускать ли их на свободу, поскольку ученые предупреждали, что не просто будет взять их под контроль после поражения Неизменчивых. Но если окажется, что война идет не в пользу его народа, если не останется надежды, тогда Фараатаа не станет колебаться

и бросит все, что угодно, лишь бы нанести вред врагу, независимо от последствий.

Вернулся Ааризиим, пугливо приближаясь.

— Есть новости. О Король Который Есть!

— С какого фронта?

— С обоих. О Король…

Фараатаа напрягся.

— Ну, насколько плохие?

Ааризиим замялся.

— На западе они уничтожают пилигригормов, используя что-то вроде огня, извергающегося из металлических труб, который расплавляет их панцири. Враг быстро продвигается по той зоне, где мы выпустили пилигригормов.

— А на востоке? — спросил Фараатаа с каменным лицом.

— Они прорвались через лес, и мы не смогли вовремя создать заслон из сетей. Они ищут Илиривойн, как сообщают разведчики.

— Хотят найти Данипиуру. Создать с ней союз против нас.— Глаза Фараатаа загорелись.— Это плохо, Ааризиим, но с нами еще далеко не покончено! Крикни сюда Бенуунаба и Сиимии. И кого-нибудь еще. Мы сами пойдем в Илиривойн и схватим Данипиуру прежде, чем они доберутся до нее. Мы предадим ее смерти, если понадобится.

С кем они тогда будут заключать союз? Если они станут искать пиуривара, наделенного властью, то найдут одного Фараатаа, а Фараатаа не подпишет договор с Неизменчивыми.

— Схватить Данипиуру? — с сомнением произнес Ааризиим.— Предать Данипиуру смерти?

— Если меня вынудят, — сказал Фараатаа,— я предам смерти весь мир прежде, чем возвращу его им!

Вскоре после полудня они остановились в местечке к востоку от Дулорнского Ущелья, именуемое Престимионской долиной, которая, как понял Валентайн, была когда-то важным сельскохозяйственным центром. Его поездка по измученному Зимроелю открыла перед ним картину запустения — брошенные фермы, опустевшие города, признаки самой ужасной борьбы за выживание… Но эта Престимионская долина была, несомненно, самым унылым местом из всех.

Ее поля обуглились и почернели. Ее население — молчаливое, потрясенное, оглушенное.

— Мы выращивали люсавенду и рис,— рассказывал встретивший Валентайна плантатор по имени Нитиккимал, который сказался мэром района.— Потом появилась пыльца на люса-

венде, и все погибло, так что пришлось сжечь поля. Пройдет еще по меньшей мере два года, прежде чем будет безопасно садить снова. Но мы остались. Ни один из нас не покинул Престимионскую долину, ваше величество. У нас мало еды. И хотя гайрогам надо очень мало, даже мы не едим досыта… Здесь нет для нас работы, что особенно тревожит нас. И грустно смотреть на землю, покрытую пеплом. Но это наша земля, и потому мы остаемся. Будем ли мы когда-нибудь садить здесь снова, ваше величество?

— Уверен, что будете,— сказал Валентайн и подумал, не дает ли он этим жителям ложное утешение.

Дом Нитиккимала был большим особняком в самом начале долины, с высокими окнами из черного ганимарского дерева и крышей из зеленого шифера. Но внутри было сыро и неуютно, как будто у плантатора уже не лежало сердце к ремонту, так необходимому во влажном и дождливом климате Престимионской долины.

Днем Валентайн недолго отдыхал в одиночестве в просторной хозяйской гостиной, которую выделил для него Нитиккимал, прежде чем пойти в муниципальное собрание поговорить с жителями района. Здесь его настиг толстый

пакет донесений с востока, Хиссун, узнал он, углубился в страну метаморфов где-то в окрестностях Стейча в поисках Нью-Велализьера, как называлась восставшая столица. Валентайн подумал, повезет ли Хиссуну больше, чем ему, когда он разыскивал блуждающий город Илиривойн. А Дивис собрал вторую, даже гораздо большую армию, чтобы внедриться в пиуриварские земли с другой стороны. Мысль о воинственном человеке, каким был Дивис в джунглях, беспокоила Валентайна. Это не то, что был намерен делать я, думал он, Посылать армию в Пиурифаину — как раз то, чего он надеялся избежать. Но, конечно, это стало неизбежным. Само время призвало Дивисов и Хиссунов, а не Валентайнов. Он будет играть свою роль, а они — свою, И по Божьей воле раны мира когда-нибудь начнут заживать.

Он просмотрел другие донесения. Новости из Замка Горы: Стазилен был теперь регентом и занят рутинными задачами правительства. Валентайну было жаль его. Стазилен надменный, Стазилен проворный, сидящий теперь за столом, царапая свое имя на листах бумаги! Как время переделывает нас всех, подумал Валентайн. Мы, думавшие, что жизнь в Замке Горы состояла только из охоты и развлечений, склонились теперь

под тяжестью ответственности, поддерживая шатающийся мир своими спинами. Каким далеким казался Замок, какими далекими все радости того времени, когда мир, очевидно, управлялся сам собой и круглый год была весна.

Донесения от Тунигорна… Тоже движется по Зимроелю недалеко, позади Валентайна, управляясь с повседневными заботами,— распределением продуктов, консервацией оставшихся запасов, похоронами мертвых и другими мероприятиями против голода и болезней. Тунигорн — стрелок из лука, Тунигорн — знаменитый охотник на дичь! Оправдал ли он теперь, оправдываем ли все мы, подумал Валентайн, легкость и комфорт нашего беззаботного детства на Горе?!

Он убрал донесения в сторону. Из футляра, где он хранился теперь, извлек драконий зуб, так странно вложенный ему в руку той женщиной Миллилэйн, когда он входил в Хинтор. С первого прикосновения к нему Валентайн понял, что это нечто большее, чем причудливая безделушка, амулет для слепо суеверных. Но только по прошествии нескольких дней, когда он находил время, чтобы понять его значение, тайно, всегда тайно, не позволяя даже Карабелле видеть, что он делает, Валентайн стал рассматривать вещь,

которую дала ему Миллилэйн.

Он легко дотронулся до сверкающей поверхности зуба. Он казался таким изящным, таким тонким, что почти просвечивался. Но был твердым, как самый твердый камень. Его конусовидные края были острыми, как хорошо заточенная сталь. Он был холодным на ощупь, и все же казалось, что там, внутри него, горел огонь.

Музыка колоколов начала звенеть в его голове.

Торжественный, размеренный, медленный, почти похоронный, а потом все убыстряющийся каскад звуков, ускорение ритма, который вскоре стал захватывающим дух смешением мелодий — одна, бегущая так поспешно, что накрывала последние такты предыдущей, а потом все мелодии сразу, сложная, умопомрачительная симфония перепадов. Да, теперь он узнал эту музыку, понял, что это была музыка водяного короля Маазмоорна, существа, которое земные обитатели знали как дракона лорда Кинникена, могущественнейшего из всех обитателей планеты.

Валентайн много времени спустя понял, что он слышал музыку Маазмоорна задолго до того, как этот талисман стал его собственностью.

Заснув на борту "Леди Сиин" много путешествий назад, когда он впервые переплывал из

Альханроеля на Остров Снов, Валентайн видел сон о паломничестве. Паломники в белых одеждах спешили к морю, и он был среди них, а в море вырисовывался силуэт огромного дракона, известного как дракон лорда Кинникена, с широко раскрытой пастью так, что она могла поглотить паломников по мере того, как они приближались к нему. И из этого дракона, когда он выбрался на берег, исходил колокольный звон, настолько громкий, что даже воздух сотрясался.

От зуба исходил тот же колокольный звон. С этим зубом, как с проводником, Валентайн мог, если только втянуться в центр своей души и отправиться дальше через весь мир, вступить в контакт с внушающим страх мозгом великого водяного короля Маазмоорна, которого несведущие называли драконом лорда Кинникена. Это был дар Миллилэйн ему. Но как могла она знать о пользе, которую он и только он мог извлечь из него? И знала ли вообще? Возможно, она дала ему его только потому, что он был святым для нее? Возможно, она и не знала, что он может использовать его своим особым способом, как фокус сосредоточения?..

— Маазмоорн… Маазмоорн…

Он пробовал. Он искал. Он звал. День ото дня

он подходил все ближе и ближе к реальной связи с водяным королем, к беседе с ним, к встрече индивидуальных идентичностей. Он был уже почти там. Возможно, сегодня ночью, возможно, завтра или послезавтра.

— Ответь мне, Маазмоорн. Это Валентайн Понтифик зовет тебя.

Он больше не боялся огромного ужасающего мозга. Он начинал познавать в этих тайных отражениях души, как сильно земные обитатели Маджипуры ошибаются в понимании огромных морских созданий. Водяные короли внушали боязнь, верно, но их не надо было бояться.

— Маазмоорн... Маазмоорн...

"Почти там",— подумал он.

— Валентайн?

Голос Карабеллы за дверью, Испуганный, он одним взмахом вышел из транса, едва не упав со стула. Потом, вернув самообладание, сунул зуб в футляр, успокоился и пошел к ней.

— Нам уже пора быть в городском зале,— сказала она.

— Да, конечно, конечно.

Звон загадочных колоколов все еще звучал в его душе.

Но теперь у него были другие обязанности. Зуб

Маазмоорна должен еще немного подождать.

Часом позже в муниципальном зале собраний Валентайн сидел на высокой сцене, и фермеры медленно вереницей проходили перед ним, выражая свое почтение и поднося к нему для освящения орудия труда — мотыги, косы и другие предметы, будто Понтифик мог одним прикосновением руки восстановить процветание, которое эта сраженная болезнями долина знавала раньше. Он подумал, что, может быть, это какое-то древнее поверье местного народа — почти все из них гайроги. Вероятно, все же нет, решил он. Ни один правящий Понтифик никогда раньше не посещал Престимионскую долину или какую-нибудь другую часть Зимроеля. Скорее всего это была традиция, которую здешние жители изобрели экспромтом, когда узнали, что он будет проезжать этими местами.

Однако церемония не доставила ему беспокойства. Они приносили ему орудия своего труда, а он дотрагивался до ручки этого, лезвия того, черенка другого и улыбался самой теплой своей улыбкой, и передавал им слова сердечного напутствия, и они, сияя, проходили дальше.

К концу вечера в зале возникло замешательство. Валентайн, подняв глаза, увидел необычную

процессию, направляющуюся к нему. Женщина-гайрогша, которая, судя по ее почти бесцветной чешуе и свисающим косам, была крайне древнего возраста, медленно шла по проходу между рядами, поддерживаемая двумя более молодыми женщинами ее расы. Она казалась слепой и совершенно немощной, но все же держалась прямо и продвигалась шаг за шагом, будто пробивая себе путь в каменной стене.

— Это Аксимаана Фрейж! — прошептал плантатор Нитиккимал.— Вы знаете ее, ваше величество?

— Увы, нет.

— Она самая известная производительница люсавенды из всех, источник мудрости и знаний, женщина высочайшего разума. Близка к смерти, как говорят, но настояла на том, чтобы увидеть вас сегодня.

— Лорд Валентайн! — крикнула она ясным звучным голосом.

— Больше не лорд Валентайн,— ответил он,— теперь Валентайн Понтифик. И вы оказали мне большую честь своим визитом, Аксимаана Фрейж. Ваша известность опережает вас.

— Валентайн… Понтифик…

— Подойдите, дайте мне вашу руку,— сказал

Валентайн.

Он взял ее иссохшие, древние кости в свою руку и крепко их пожал. Ее глаза встретились с его глазами, глядя прямо в них, хотя он мог с уверенностью сказать, по прозрачности ее зрачков, что она ничего не видела.

— Говорили, что вы узурпатор,— произнесла она. — Маленький краснолицый мужчина приходил сюда и говорил нам, что вы не настоящий Коронованный. Но я не стала его слушать и ушла отсюда. Я не знала, были вы настоящим или фальшивым, но я думала, что он — не тот, кто может рассуждать об этом, тот краснолицый мужчина.

— Симпетурн, да. Я встречал его,— сказал Валентайн.— Он верит теперь в то, что я был настоящим Коронованным, а теперь, настоящий Понтифик.

— И ты объединишь мир снова, настоящий Понтифик? — спросила Аксимаана Фрейж голосом поразительной силы и чистоты.

— Мы все вместе объединим его, Аксимаана Фрейж!

— Нет. Я — нет, Понтифик Валентайн. Я умру на следующей неделе или через неделю, а так скоро мир не наступит. Но я хочу взять у тебя обещание, что мир будет таким, каким он был

для моих детей, для детей моих детей. И если ты пообещаешь мне это, я встану перед тобой на колени. Но если ты пообещаешь это лживо, пусть Бог накажет тебя, как были наказаны мы, Понтифик Валентайн!

— Я обещаю тебе, Аксимаана Фрейж, что мир будет полностью восстановлен и станет лучше. Я заверяю тебя, что это не лживое обещание. Но я не хочу, чтобы ты становилась на колени.

— Я сказала, что встану, я встану! — И, удивительно легко отстранив двух более молодых женщин, словно это были мошки, она опустилась в глубоком почтении, хотя тело ее казалось таким жестким, как кусок кожи, пролежавший на солнце сотню лет.

Валентайн потянулся, чтобы поднять ее, но одна из женщин, определенно ее дочь, поймала его руку и тут же отдернула свою и в ужасе посмотрела на нее — как посмела она прикоснуться к Понтифику! Медленно, но самостоятельно Аксимаана Фрейж встала и сказала:

— Вы знаете, сколько мне лет? Я родилась, когда Понтификом был Осиер. Думаю, я самая старая во всем мире. И я умру, когда ты, Валентайн Понтифик восстановишь мир.

Это надо скорее понимать как предсказание,

подумал Валентайн. Но прозвучало это больше как приказ.

Он сказал:

— Это будет исполнено, Аксимаана Фрейж. И ты будешь жить, чтобы увидать это.

— Нет. Нет. Второе зрение приходит к нам, когда уходит первое. Моя жизнь почти окончена. Но течение твоей ясно раскрывается передо мной. Ты спасешь нас, сделав то, что считал для себя невозможным. А потом ты скрепишь свое дело, исполнив то, чего желал менее всего. И хотя ты сделаешь невозможное, а потом — нежелаемое, ты будешь знать, что поступил правильно и обрадуешься этому, Понтифик Валентайн. А теперь приступай, Понтифик, и исцели нас.— Ее раздвоенный язык бился с огромной силой и энергией.— Исцели нас, Понтифик Валентайн! исцели нас!

Она повернулась и медленно пошла назад по тому же пути, пренебрегая помощью двух женщин, шедших рядом.

Прошел еще час, прежде чем Валентайну удалось освободиться от последних жителей Престимионской долины… Они толпились вокруг него в трогательной обнадеженности, будто одно лишь излучение, исходящее от Понтифика,

трансформирует их жизни и магически вернет в годы, предшествовавшие появлению болезни люсавенды…

В конце концов Карабелла, сославшись от его имени на усталость, удалила всех из зала.

Образ Аксимааны Фрейж продолжал витать в его мыслях на обратном пути в усадьбу Нитиккимала. Сухое шипение ее голоса все еще резонировало в голове: "Ты спасешь нас, сделав то, что считал для себя невозможным. А потом ты скрепишь свое дело, исполнив то, чего желал менее всего… Приступай, Понтифик, и исцели нас. Исцели нас, Понтифик Валентайн! Исцели нас!"

Но одновременно в нем звучала музыка водяного короля Маазмоорна. Он был так близок в этот раз к окончательному прорыву и подлинному контакту с немыслимо гигантским животным моря. Теперь… сегодня ночью…

Карабелла некоторое время не засыпала и разговаривала. Эта древняя гайрогская женщина ей тоже не давала покоя, и она почти навязчиво сосредоточивалась на властности слов Аксимааны Фрейж, внутренней неодолимой силе ее невидящих глаз, загадочности ее пророчества. Потом она легко поцеловала Валентайна в губы и зарылась в темноту огромной кровати, на кото-

рой они лежали вместе.

Он подождал несколько бесконечных минут. Затем вынул зуб морского дракона.

— Маазмоорн?

Он держал зуб так крепко, что края его глубоко врезались ему в руку. Упорно сосредоточивал он всю силу своего мозга, чтобы перекрыть разрыв в тысячи миль между Престимионской долиной и водой… Где? У полюса? Где, спрятавшись, лежал морской король?

— Маазмоорн?

— Я слышу тебя, земной брат, Валентайн-брат, король-брат!

Наконец-то!

— Ты знаешь, кто я?

— Я знаю тебя. Я знал твоего отца. Я знал многих до тебя.

— Ты говорил с ними?

— Нет. Ты первый. Но я знал их. Ош не знали меня. Но я знал их. Я прожил много кругов вокруг мира, Валентайн-брат. И я наблюдал за всем, что происходило на земле.

— Ты знаешь, что происходит теперь?

— Я знаю.

— Нас уничтожают. И ты участвуешь в этом.

— Нет.

— Ты направляешь пиуриварских мятежников в их войне против нас. Мы знаем это. Они поклоняются вам, как богам, и вы учите их, как погубить нас!

— Нет, брат Валентайн,

— Я знаю, что они поклоняются вам.

— Да, они это делают, поскольку мы боги. Но мы не поддерживаем их в этом мятеже. Мы даем им только то, что дали бы любому, кто придет к нам за пищей. Но это не наша цель, смотреть, как вас изгоняют из мира.

— Но вы, конечно, должны ненавидеть нас!

— Нет, брат Валентайн.

— Мы охотимся на вас. Мы убиваем вас. Мы едим ваше мясо и пьем вашу кровь, а ваши кости используем на безделушки.

— Да, это правда. Но почему мы должны ненавидеть вас, брат Валентайн? Почему?

Валентайн с минуту не отвечал. Он лежал, холодный и дрожащий от благоговейного страха, рядом со спящей Карабеллой обдумывал все, что услышал, — спокойное допущение водяным королем, что драконы были богами… Что могло это означать? И отрицание участия в мятеже, и это поразительное упорство, что драконы не испытывают гнева к народу Маджипуры за все,

что было совершено против них. Это было чересчур, слишком много сразу — бурный наплыв знаний, где раньше только звенели колокола да ощущалось неясное присутствие…

— Вы неспособны на гнев, Маазмоорн?

— Мы не понимаем гнев.

— И не чувствуете его?

— Дело не в гневе, брат Валентайн. То, что делают с нами ваши охотники,— естественная вещь. Это часть жизни, это аспект Того Что Есть. Как я, как ты, Мы воздаем славу Тому Что Есть в любых его проявлениях. Вы убиваете нас, когда мы проходим мимо берега того, что вы называете Зимроелем, и вы используете нас. Иногда мы убиваем вас на ваших кораблях, если это кажется, что должно быть сделано в данной момент. И все это называется То Что Есть. Однажды пиуривары убили нескольких драконов в своем каменном городе, который теперь мертв, и подумали, что совершили чудовищное преступление. Чтобы искупить свою вину за это преступление, они разрушили собственный город. Но они не поняли. И никто из вас, детей земли, не понимает: все это всего лишь То Что Есть.

— А если мы сопротивляемся, когда пиуриварский народ насылает на нас хаос? Нам нельзя

сопротивляться? Должны ли мы спокойно воспринимать свою судьбу, потому что это тоже есть То Что Есть?

— Ваше сопротивление — тоже есть То Что Есть, брат, Валентайн.

— Тогда мне непонятна твоя философия, Маазмоорн.

— Она не должна быть понятной, брат Валентайн. Но это тоже То Что Есть.

Валентайн снова затих, даже на еще более продолжительное время, чем раньше. Но он заботился о том, чтобы поддержать связь, и потому сказал:

— Я хочу, чтобы время уничтожения закончилось. Я намерен сохранить то, что мы в Маджипуре поняли, как То Что Есть.

— Конечно, вы сохраните!

— Я хочу, чтобы ты помог мне.

— Мы взяли в плен формодея, милорд,— сказал Альзимир,— который заявляет, что имеет срочное сообщение для вас и только для вас.

Хиссун нахмурился.

— Ты думаешь шпион?

— Очень похоже, милорд.

— Или даже убийца?

— Эту возможность никогда нельзя исключить,

конечно. Но я думаю, он здесь не с этой целью. Я понимаю что он — формодей, и мы рискуем, но тем не менее я был среди тех, кто его допрашивал. Он кажется искренним.

— У формодея искренность! — засмеявшись сказал Хиссун.— Они заслали шпиона в окружение лорда Валентайна, не так ли?

— Так мне сказали. Что мне тогда с ним делать?

— Я полагаю, привести его ко мне.

— А если он задумал какую-нибудь формодеевскую хитрость?

— Тогда нам придется действовать быстрее, чем он, Альзимир. Приведи его сюда.

Опасность была, Хиссун это знал, Но не следовало просто отвернуться от того, кто утверждал, что он посыльный от врага, или казнить его по одному лишь подозрению в вероломстве. И он признался себе, что это было бы занятным отвлечением в конце концов,— бросить взгляд на метаморфа после стольких недель скитания по пропитанным влагой джунглям. За все это время они не встретили ни одного. Ни одного!

Его лагерь располагался на краю рощи гигантских деревьев двикка, где-то по весточкой границе Пиурифаины, неподалеку от берега

реки Стейч. Двикки в самом деле были внушительными — поразительно огромные деревья со стволами толщиной с большой дом и корой сверкающего ярко-красного цвета, изборожденной глубокими трещинами, и листьями, настолько широкими, что под любым из них легко могли укрыться под проливным дождем и остаться сухими человек двадцать. А колоссальные плоды с твердой кожей, такого же размера, как плавун, с пьянящей мякотью внутри! Но одни лишь ботанические чудеса были маленькой компенсацией за безотрадность бесконечного вынужденного перехода по дождливым лесам метаморфов. Дождь был постоянным, поражающим плесенью и действовавшим разлагающе на все, включая и мозг, как думал порой Хиссун. И хотя армия развернулась теперь по фронту более чем на сто миль, и второй по величине город метаморфов Авендроин, как предполагалось был близок от центра этого фронта, они не видели никаких городов, никаких признаков бывших городов, ни следов путей отхода, ни самих метаморфов вообще.

Словно они были мифическими существами, и эти джунгли были необитаемы.

Хиссун знал, что у Дивиса те же проблемы на

другой стороне Пиурифаины, Метаморфы были немногочислены, а их города, очевидно, переносными. Они перепархивали с места на место, как перепончатокрылые ночные насекомые. Или же они маскировались под деревья и кусты и молча стояли рядом, давясь от смеха, когда войска Коронованного проходили мимо них. Эти огромные двикки, почем знать, могли быть скаутами метаморфов, подумал Хиссун.

— Давайте говорить со шпионом, посыльным или убийцей. Кем бы он ни был, мы сможем узнать от него что-нибудь или, на худой конец, развлечемся.

Альзимир вскоре вернулся с пленником, которого усиленно охраняли.

Он, как и те несколько пиуриваров, которых Хиссуну приходилось видеть прежде, был необычайно взволнован. Крайне высокий, худой до хрупкости, раздетый, если не считать длинной полоски кожи вокруг поясницы. Его собственная кожа и редкие волосы были странного бледно-зеленого цвета, а лицо почти лишено черт. Губы — узкие щелки, нос — только выпуклость, глаза узкие, едва видимые из-под век. Он выглядел застенчивым и не особенно опасным.

Все равно Хиссуну хотелось, чтобы рядом с ним

был кто-нибудь с даром видения мыслей — Дели-амбер, Тизана или сам Валентайн, для которых чужие тайны зачастую вообще не являлись тайнами. Этот метаморф все же мог держать в голове какой-нибудь неприятный сюрприз.

— Кто ты? — спросил Хиссун.

— Меня зовут Ааризиим. Я служу Королю Который Есть, известному вам как Фараатаа.

— Он послал тебя ко мне?

— Нет, лорд Хиссун. Он не знает, что я здесь.— Метаморф внезапно затрясся, дергаясь в странных конвульсиях, и моментально форма его тела изменилась и потекла. Охранники Коронованного ринулись вперед, становясь между метаморфом и Хиссуном, на случай, если это было прелюдией к нападению. Но Ааризиим тут же взял над собой контроль и восстановил форму. Низким голосом он сказал: — Я пришел, чтобы выдать Фараатаа.

— Ты намерен отвести нас в убежище? — изумился Хиссун.

— Да, отведу.

"Это слишком хорошо, чтобы быть правдой!" — подумал Хиссун и поочередно оглядел Альзимира, Стимиона и других ближайших советников. По всей вероятности, они чувствовали то же самое — выглядели скептичными, настороженными,

враждебными, подозрительными.

Он сказал:

— Почему ты хочешь сделать это?

— Он поступает противозаконно.

— Тебе это стало ясно только теперь, когда мятеж продолжается с…

— Я имею в виду, милорд, противозаконно по нашим вероучениям, а не по вашим.

— И что же это тогда?

Ааризиим ответил:

— Он ушел в Илиривойн и взял в плен Данипиуру. Он хочет ее убить. Незаконно лишить ее жизни! Фараатаа не слушает ничьих советов. К моему стыду, я находился среди тех, кто был с ним, когда он схватил ее. Я думал, он только задержит ее, чтобы она не вступила в союз с вами против нас. Он же сказал, что не станет убивать ее, если не решит, что война полностью проиграна.

— И теперь он так думает? — спросил Хиссун.

— Нет, лорд Хиссун. Он думает, что война еще далеко не проиграна, и собирается напустить на вас, Неизменчивых, новых тварей, новые болезни и считает, что он на пороге победы.

— Тогда зачем убивать Данипиуру?

— Чтобы гарантировать свою победу.

— Безумие!

— Я тоже так думаю, милорд! — Глаза Ааризиима широко раскрылись, загорелись странным неприятным блеском.— Он, конечно, видит в ней опасную соперницу, более склонную к миру, чем к войне, Если ее убрать, исчезнет опасность для его власти. Более того! Он хочет принести ее в жертву на алтаре —

передать ее кровь водяным королям, чтобы заручиться их поддержкой. Он построил храм по проекту одного из бывших храмов Старого Велализьера и сам положит ее на камни, сам отнимет у нее жизнь собственными руками.

— И когда это предполагается осуществить?

— Сегодня, милорд. В Час Хайгуса. Ночью.

— Сегодня?!

— Да, милорд, Я шел быстро, как мог, но ваша армия такая большая, и я боялся, что меня убьют, если я не найду ваших охранников до того, как ваши солдаты обнаружат меня. Я пришел бы к вам вчера или позавчера, но это не было возможно. Я не мог сделать это…

— Сколько дней пути отсюда до Нью-Велализьера?

— Возможно, четыре. Возможно, три, если двигаться очень быстро.

— Тогда Данипиура погибнет! — гневно воскликнул Хиссун.

— Если он не принесет ее в жертву сегодня ночью…

— Но ты сказал, что сегодня та ночь.

— Да, планеты расположены, как нужно, и звезды тоже… Но если он утратит свою решимость, если в последний момент он передумает…

— И часто Фараатаа утрачивает свою решимость?

— Никогда, милорд.

Хиссун хмуро посмотрел в сторону рощи двикки. Данипиура умрет? Это не оставляло никакой надежды на примирение с формодеями: она одна, как он понимал, могла смягчить ярость мятежников и позволить вести какие-то переговоры о компромиссе. Без нее это будет битва без конца.

Обращаясь к Альдамиру, он спросил:

— Где сегодня Понтифик?

— К западу от Хинтора. Возможно, у самого Дулорна.

Определенно, где-то в Ущелье.

— Мы Можем послать ему туда сообщение?

— Каналы коммуникаций, связывающие нас с этой областью, очень ненадежны, милорд.

— Я знаю это. Я хочу, чтобы вы как-нибудь

передали ему эту новость в течение следующих двух часов. Пробуйте все, что может работать. Используйте колдовство, используйте молитвы. Сообщите Леди, пусть она попробует использовать сны. Любой возможный канал, Альзимир! Ты понимаешь это? Он должен знать, что Фараатаа намерен убить Данипиуру сегодня ночью. Доставьте ему эту информацию как-нибудь. Как-нибудь! И скажи ему, что он один может спасти нас.

Для этого, подумал Валентайн, ему понадобится диадема Леди, как и зуб Маазмоорна. Не должно быть сбоев в передаче, ни искажения посланий: он использует любое средство в своем распоряжении.

— Встань ближе ко мне. Рядом со мной,— сказал он Карабелле. И Делиамберу, и Слиту сказал то же самое:— Встаньте вокруг меня. Когда я потянусь к вам, возьмитесь за мою руку. Ничего не говорите. Только возьмитесь.

День был ярким и ясным. Утренний воздух — бодрящий, свежий, душистый, как нектар алабандины. Но в Пиурифаине, далеко на востоке, уже сгущалась ночь. Он надел диадему. Он обхватил зуб водяного короля. Он глубоко вдохнул свежий душистый воздух, так что у него закру-

жилась голова.

— Маазмоорн?

Вызов спрыгнул с уст Валентайна с такой силой, что стоявшие возле него почувствовали отдачу. Слит вздрогнул, Карабелла закрыла уши руками, щупальца Делиамбера скрутились от внезапного возбуждения.

— Маазмоорн? Маазмоорн?

Звон колоколов. Медленное тяжелое движение гигантского тела, лежащего в холодных северных водах. Слабое шуршание огромных черных крыльев.

— Я слышу, брат Валентайн.

— Помоги мне, Маазмоорн.

— Помочь? Чем я помогу?

— Позволь мне пролететь над миром с твоим духом.

— Тогда иди на меня, брат король, брат Валентайн.

Это было удивительно просто. Он почувствовал, как становится легче и заскользил вверх, и поплыл, набирая высоту, полетел. Под ним лежал огромный закругленный изгиб планеты, широко уходящий на восток, в ночь. Водяной король нес его без усилий, спокойно, как великан может нести на ладони котенка. Дальше, дальше

над миром, который был полностью открыт ему, когда он мчался над ним. Он чувствовал, что он и планета — одно, что он воплощал в себе двадцать миллиардов жителей Маджипуры, людей и скандаров, хьертов, метаморфов и всех остальных, движущихся в нем частичками крови. Он был сразу везде, он был печалью в мире и всей радостью, всеми желаниями и всеми требованиями. Он был всем. Он был кипящей вселенной противоречий и конфликтов. Он ощущал жажду пустыни, теплый дождь тропиков и холод горных ветров. Он смеялся, плакал и умирал, и любил, ел и пил, и танцевал, и сражался, и ехал верхом по незнакомым холмам, и трудился в поле, и прорубал себе путь в густых, заросших паутиной вьющихся стеблях джунглей. В океане его души огромные морские драконы всплывали на поверхность, испуская чудовищные мычания и рычания, и снова погружалась в самые глубины. Он посмотрел вниз и увидел порушенные в мире места, израненные и расколотые места, где земля поднялась и обрушилась с треском. И он видел, как все это можно излечить, как это может быть сделано снова единым и спокойным, поскольку все стремилось к спокойствию. Все охватывалось Тем Что Есть. Все было частью огромной единой

гармонии. Но в этой великой гармонии он чувствовал единственный диссонанс. Он визжал и пищал, кричал и вопил. Он прорезал материю мира, как нож, оставляя позади кровавый след. Он распарывал целостность.

Даже этот диссонанс, Валентайн знал, был одним аспектом Того Что Есть. Все же это был так далеко раздраженный и взбалтывающий муть, рычащий в своем бешенстве один аспект Того Что Есть, который сам не признавал Того Что Есть. Это была сила, кричащая мощное "Нет!" всему остальному. Она поднималась против тех, кто восстановил бы гармонию, кто починил бы материю, кто сделал бы все целым.

— Фараатаа?

— Кто ты?

— Я Валентайн Понтифик.

— Валентайн-глупец! Валентайн-дитя!

— Нет, Фараатаа. Валентайн Понтифик.

— Это ничего не значит для меня. Я Король который Есть.

Валентайн засмеялся, и его смех пролился над миром дождем капель золотистого меда. Возвышающийся на крыльях огромного короля-дракона, он поднялся почти до Края неба, где мог видеть по ту сторону темноты вершину Горы

Замка, упершуюся в небеса на другом Краю мира, и Великий океан за ней.

Он посмотрел вниз на джунгли Пиурифаины и засмеялся снова и следил, как Фараатаа корчится в ливне этого смеха.

— Фараатаа!

— Что ты хочешь?

— Ты не можешь убить ее, Фараатаа!

— Кто ты, чтобы приказывать мне, чего я не могу делать?

— Я Маджипура.

— Ты шут, Валентайн. А я Король Который Есть.

— Нет, Фараатаа.

— Нет?

— Я вижу, как в твоей голове сверкает старая история. Наследный Принц, Король Который Есть, как можешь ты заявлять это о себе? Ты никогда не можешь быть этим Королем!

— Ты забиваешь мне голову своей чепухой. Оставь меня, или я выкину тебя.

Валентайн почувствовал удар, толчок. Он отразил его.

— Наследный Принц — существо, полностью лишенное ненависти. Можешь ты это отрицать, Фараатаа? Это часть легенды вашего народа.

Он лишен жажды мести. У него нет страсти к разрушению. А в тебе нет ничего, кроме ненависти, мести и разрушения, Фараатаа. Если все это убрать из тебя, то останется скорлупа, шелуха.

— Глупец!

— Твое утверждение ложно.

— Глупец!

— Позволь мне выпустить зло и ненависть из тебя, Фараатаа, если ты хочешь быть Королем, как ты о себе заявляешь.

— Ты несешь дурацкую чушь!

— Давай, Фараатаа, освободи Данипиуру. Отдай мне свою душу для исцеления.

— Данипиура умрет в течение часа.

— Нет, Фараатаа.

— Смотри!

Переплетенные кроны деревьев джунглей расступились, и Валентайн узрел Нью-Велализьер в отблеске факела. Храм из переплетенных прутьев, знамена, алтарь, ярко горящий погребальный костер. Метаморфская женщина, безмолвная, величественная, прикованная к каменной глыбе. Лица, окружающие ее, пустые, недобрые. Ночь, деревья, звуки, запахи. Музыка. Монотонное пение.

— Освободи ее, Фараатаа. А потом приходите ко

мне, ты и она и давай установим то, что должно быть установлено.

— Никогда! Я отдам ее Богу собственными руками, и ее жертвой заглажу преступления Осквернения, когда мы убили наших богов и в наказание были обременены тобой.

— Ты ошибаешься даже в этом, Фараатаа.

— Что?

— Боги отдались без принуждения в тот день в Велализьере. Это была их жертва, которую ты не понял. Ты изобрел миф Осквернения, но это ошибочный миф, Фараатаа, это ошибка, это абсолютно неверно. Водяной король Низноорн и водяной король Домзитор отдались в жертву в тот далекий день просто, как водяные короли отдаются нашим охотникам, когда огибают Зимроель. А ты не понимаешь. Ты вообще ничего не понимаешь.

— Глупости. Безумие.

— Освободи ее, Фараатаа. Пожертвуй твоей ненавистью, как водяные короли жертвовали собой.

— Я убью ее сейчас своими собственными руками.

— Ты не можешь этого сделать, Фараатаа. Отпусти ее!

— НЕТ!

Страшная сила этого "НЕТ!" была внезапна. Она поднялась, как океан, в своем величайшем гневе и устремилась вверх к Валентайну, набросилась на него в ошеломительном натиске выталкивая его, раскачивая, унося на мгновение в хаос.

Пока он пытался оправиться, Фараатаа метнул вторую такую же молнию и третью, и четвертую, и они поражали его с той же сокрушительной силой. Но тут Валентайн почувствовал мощь водяного короля, лежащую в основе его собственной, он перевел дыхание, восстановил равновесие, снова обрел свою силу. Он потянулся к вождю мятежников.

Он вспомнил, как все было в тот раз, много лет назад, в последний час войны восстановления, когда он вошел один в судейский зал Замка и увидел там узурпатора Доминина Баржазида, кипящего от ярости. И Валентайн послал к нему любовь, дружбу, сожаление о том, что произошло между ними. Он послал надежду дружеского решения расхождения, прощения за совершенные грехи, безопасного выхода из Замка. На это Баржазид ответил полным пренебрежением, ненавистью, злобой, презрением, воинственностью, объявлением нескончаемой войны. Валентайн ничего

этого не забыл. И снова повторялось то же самое: отчаянный, наполненный ненавистью враг, яростное сопротивление, резкий отказ свернуть с дороги смерти и разрушений, отвращения и омерзения, презрения и пренебрежения.

От Фараатаа он ожидал не большего, чем от Доминина Баржазида. Но он все еще был Валентайн, и он все еще верил в возможность торжества любви.

— Фараатаа!

— Ты ребенок, Валентайн.

— Перейди ко мне с миром. Отбрось свою ненависть, если ты хочешь быть тем, кем себя заявляешь.

— Оставь меня, Валентайн!

— Я иду к тебе.

— Нет! Нет! Нет! Нет!

На этот раз Валентайн был готов к взрывам отрицания, которые, как глыба, накатывались на него. Он взял силу ненависти Фараатаа и отбросил ее, предложив вместо нее любовь, доверие, веру, но в ответ получил еще больше ненависти, безжалостной, неизменной, непреклонной.

— Ты не даешь мне другого выбора, Фараатаа.

Пожав плечами, Фараатаа двинулся к алтарю, на котором лежала связанная королева мета-

морфов. Он высоко поднял кинжал с деревянной ручкой.

— Делиамбер! — сказал Валентайн.— Карабелла! Тизана! Слит!

Они взялись за него, обхватив его руки, его ладони, его плечи. Он чувствовал, как их сила вливается в него. Но даже этого было недостаточно. Он воззвал через весь мир и нашел Леди на ее Острове, новую Леди, мать Хиссуна, и привлек ее силу и силу своей матери, бывшей Леди. Но даже этого было недостаточно. Но в эту секунду он ушел в другое место.

— Тунигорн! Стазилен! Помогите мне!

Они присоединились к нему. Он нашел Залзана Кавола. Он нашел Азенхарта. Он нашел Эрманара. Он нашел Лизамону. Мало! Мало! Еще один — Хиссун?

— Давай ты тоже, Хиссун. Отдай мне твою силу и храбрость.

— Я здесь, ваше величество.

Да. Да. Теперь это будет возможно. Он снова услышал слова старой Аксимааны Фрейж: "Ты спасешь нас, сделав то, что ты считал невозможным для себя".

— Фараатаа!

Единственный порыв, как звук сирены, пронес-

ся от Валентайна через весь мир в Пиурифаину. Он преодолел расстояние за мельчайшую долю секунды и нашел свою цель, которой был не Фараатаа, а скорее ненависть внутри Фараатаа, слепая, гневная, непреклонная, страсть мстить, уничтожать, изгонять, ликвидировать. Он нашел ее и убрал, высосав из Фараатаа одним непреодолимым глотком. Валентайн выпил всю эту горящую ярость, впитал ее в себя и взял из нее ее силу, и отбросил ее. И Фараатаа остался пустым.

Какой-то миг его рука все еще оставалась высоко поднятой, мускулы все еще были напряжены, оружие все еще нацелено в сердце Данипиуры. Потом из Фараатаа исторгся звук тихого вопля, звук без субстанции, пустота, вакуум. Он все еще стоял прямо, недвижимо, замерев. Но он был пуст: скорлупа, шелуха. Кинжал выпал из его безжизненных пальцев.

— Уходи,— сказал Валентайн.— Ради Бога, уходи. Уходи!

И Фараатаа упал вниз лицом и больше не двигался.

Все было тихо. Мир был ужасно спокоен. "Ты спасешь нас,— сказала Аксимаана Фрейж,— сделав то, что ты считал невозможным для себя". И он не колебался. Голос водяного короля Маазмо-

орна донесся до него издалека:

— Ты закончил свое путешествие, брат Валентайн?

— Да, теперь я закончил свое путешествие.

Валентайн открыл глаза. Он уронил зуб, сдвинул с бровей диадему. Он посмотрел вокруг себя и увидел странные, бледные лица, испуганные глаза: Слит, Карабелла, Делиамбер, Тизана.

— Все исполнено,— сказал он тихо.— Данипиура не будет убита. И никаких чудовищ не напустят больше на нас.

— Валентайн…

Он посмотрел на Карабеллу:

— Что такое, любимая?

— С тобой все в порядке?

— Да,— сказал он.— Со мной все в порядке.

Он чувствовал себя очень уставшим, чувствовал себя странно и необычно. Но — да, он был в порядке. Он сделал то, что должно было быть сделано. Выбора не было. И это было исполнено теперь. Обращаясь к Слиту, он сказал:

— Мы закончили здесь. Попрощайтесь за меня с Нитиккималом и другими здешними и скажите им, что все будет хорошо. Это я обещаю со всей торжественностью. А потом тронемся в путь.

— Дальше в Дулорн? — спросил Слит.

Понтифик улыбнулся и покачал головой:

— Нет, на восток. В Пиурифаину. Сначала встретиться с Данипиурой и лордом Хиссуном и осуществить новый порядок мира теперь, когда, ненависть выброшена из него. А потом настанет время ехать домой, Слит. Настанет время ехать домой!

Они проводили церемонию коронации на открытом воздухе в покрытом травой внутреннем дворике у Вильдиварского Проезда, откуда открывался чудесный вид на Девяносто Девять Ступеней и самые высокие вершины Замка. Это было необычным — проводить церемонию где-нибудь помимо Конфалюмского тронного зала, но уже давно мало кто принимал во внимание то, что было обычным. И Понтифик Валентайн настоял, чтобы церемония происходила на открытом воздухе, А кто мог возражать изъявлению желания Понтифика?

Так все они собрались по изъявлению желания Понтифика под благоухающим весенним небом Замка Горы. Внутренний дворик был обильно разукрашен цветущими растениями. Садовники принесли деревья халтинга в цвету, каким-то загадочным образом поместив их в огромные бадьи и не повредив распускающихся почек. По краям,

по обе стороны дворика, их золотисто-розовые цветы бросали почти светящиеся отблески.

Здесь была танигалии и алабандины, караманги и сефитонгали, элдироны, ринмины и дюжины других, все в цветении. Валентайн отдал распоряжение, чтобы всюду были цветы, и вот цветы были всюду.

Было обычаем расставлять Силы королевства в форме ромба, если все четыре из них имели возможность присутствовать. Новый Коронованный в вершине ромба, Понтифик лицом к нему и Леди Острова по одну сторону, а Король Снов по другую. Но эта коронация отличалась от всех других церемоний коронаций, которые когда-либо знала Маджипура, поскольку в этот раз было пять Сил, и надо было придумать новую конфигурацию их расположения. И она была придумана. Понтифик и Коронованный стояли рядом. Справа от Коронованного лорда Хиссуна стояла на некотором отдалении его мать Элзинома — Леди Острова. Слева от Понтифика Валентайна, на том же расстоянии,— Минакс Баржазид, Король Снов. И на, самом дальнем краю группы, лицом к остальным четырем,— Данипиура Пиурифаины, пятая, самая новая из Сил Маджипуры. Вокруг них были их ближайшие помощники и советники. Глав-

ный советник Слит по одну сторону Понтифика и леди Карабелла по другую. Альзимир и Стимион по бокам Коронованного, а маленькая группа иерархинь — Лоривада, Талинот Эсулда и другие — вокруг Леди. Король Снов привез своих братьев Кристофа и Доминина, а Данипиура была в окружении десятка пиуриваров в блестящих шелковых одеждах. Они держались вместе, словно не могли до конца поверить, что им оказана честь быть гостями на церемонии в Замке Горы.

Немного в отдалении стояла группа принцев и герцогов — Тунигорн, Стазилен, Дивис, Мириган и Элзандир, посланцы далеких земель из Алазора, Стойена, Пилиплока, Ни-мои, Пидруида, некоторые частые гости — Нитиккимал из Престимионской долины и Миллилэйн из Хинтора, а также другие, чьи жизни пересекались с жизнью Понтифика в его поездке по миру. И даже тот краснолицый коротышка Симпетурн, прощенный за измену благодаря проявленной храбрости в кампании в Пиурифаине, который смотрел по сторонам с благоговением и изумлением, снова и снова делая знак лучистой звезды лорду Хиссуну и знак Понтифика Валентайну — знаки преклонения, которые, казалось, были неуправляемыми в своей частоте. Тут же были кое-кто из жителей

Лабиринта, друзья детства нового Коронованного — Ванимун, бывший почти братом его, когда они были детьми, и стройная, с миндалевидным разрезом глаз сестра Ванимуна Шулаир, Хеулан и три брата Хеулана и еще кто-то, и они тоже стояли, оцепеневшие, с широко открытыми глазами.

Было, как обычно, много вина. Были обычные богослужения. Были традиционные речи. Но церемония потеряла всю свою гладкость, когда в самой ее середине Валентайн Понтифик поднял руку, показывая, что он намерен говорить.

— Друзья,— начал он.

Сразу пробежал шепот изумления. Понтифик обращается к другим… даже к Силам, даже к принцам, как к "друзьям"? Как необычно, как похоже на Валентайна…

— Друзья! — сказал он снова.— Позвольте мне сказать вам сейчас несколько слов. После, я думаю, вы очень редко будете слышать меня, поскольку это время лорда Хиссуна, и это Замок лорда Хиссуна. А меня не увидят здесь с завтрашнего дня. Я хочу только поблагодарить вас за то, что вы посетили нас здесь в этот день…— Снова шепот: "Разве Понтифик благодарит?" — и пожелать вам быть радостными не только сегодня, но и во все время примирения, в которое мы

вступаем. Поскольку в этот день мы утверждаем Коронованного, который будет править миром с мудростью и милосердием многие предстоящие годы восстановления нашего мира, мы приветствуем также, как новую Силу Королевства, другого монарха — нашего врага в прошлом, который не будет больше нашим врагом по воле Божьей, поскольку она и ее народ приняты в русло жизни Маджипуры как равные партнеры. По доброй воле всех сторон древние ошибки, возможно, будут исправлены, и начнется искупление.

Он сделал паузу, взял с подноса кубок, наполненный до краев искрящимся вином, и высоко его поднял.

— Я почти закончил. Все что остается теперь, это просить благословения Божьего этому празднеству… и просить также благословения наших великих морских братьев, с которыми мы делим этот мир, на чьих страданиях, возможно, мы населяем небольшую часть огромной Вселенной и с кем мы, наконец-то, вошли в общение. Они были нашим спасением в это время примирения и перевязывания ран, они будут нашими проводниками, надо надеяться, в предстоящее время.

— А теперь, друзья… мы подошли к тому месту в

церемонии коронации, когда только что помазанный Коронованный надевает корону Лучистой Звезды и восходит на Конфалюмский трон. Мы сейчас не в тронном зале — по моей просьбе, по моему требованию, поскольку мне хотелось сегодня в последний раз подышать благословенным воздухом Горы Замка и почувствовать лучи теплого солнца на своей коже. Я уезжаю сегодня вечером. Миледи Карабелла и я, и все эти добрые товарищи, которые пережили рядом со мной так много лет и так много необычных приключений… мы уезжаем в Лабиринт, где я намерен поселиться. Мудрая старая женщина, которая уже умерла, сказала мне, когда я был в далеком месте, называемом Престимионской долиной, что я должен сделать то, что считаю невозможным для себя сделать, если мы хотим спастись. И я так сделал, поскольку мне необходимо было это сделать! А потом я должен сделать то, что мне хочется меньше всего. А что я желаю меньше всего? Ну, я полагаю, уехать отсюда и спуститься в Лабиринт, где должен жить Понтифик. И я сделаю это. И не с горечью, не с раздражением. Я делаю это, и я радуюсь этому, поскольку я Понтифик, и этот Замок больше не мой, и я отправляюсь дальше — таково веление Божье.

Понтифик улыбнулся и рукой с поднятым кубком показал и на Коронованного, и в сторону Леди, и в сторону Короля Снов, и в сторону Данипиуры. Он отпил вино и отдал его отпить леди Карабелле. И сказал:

— Там Девяносто Девять Ступеней. Под нами находится самое сокровенное святилище, где мы завершим сегодняшний обряд, а потом будем праздновать, а потом я со своими спутниками отправлюсь в Лабиринт, поскольку путешествие в Лабиринт долгое, а мне не терпится попасть, наконец, домой. Лорд Хиссун, вы поведете нас. Ведите нас, пожалуйста, лорд Хиссун!

Конец